

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2024. № 501. Апрель

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2024. № 501. April

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глущенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства Томского государственного университета; **Л.М. Прокументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Воронцов Р.И. Местоимения деконкретизации в толковых словарях русского языка	5
Козлов А.Е. «Выспренный романтизм во всеотрицающем реализме»: В.П. Авенариус в поисках писательской идентичности	14
Лутфуллина Г.Ф. Семасиологический анализ темпоральных существительных как средств выражения неглагольного аспектуального значения количества действия (на материале английского, русского, татарского)	22
Ляпина А.В. Хронотоп охоты в цикле очерков И.С. Тургенева «Записки охотника»	30
Морозова М.С., Русаков А.Ю. Говоры исторической албанской диаспоры: опыт количественного исследования	37
Яркова Е.В. Произведения Г.Д. Гребенщикова в авторизованных переводах Н.С. Селивановой: к определению степени авторизации англоязычных текстов писателя	52

ФИЛОСОФИЯ

Головашина О.В. Отменяем вместе: канселлинг и социальная солидарность	60
Суханова О.А. Обратная перспектива в иконе в контексте метода контринтенциональности Ж.-Л. Мариона	69
Урбанаева И.С. Специфика концепции реальности в тибето-монгольской махаяне	75

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Няттина Н.В., Головацкий Е.В. Социально-политические основания деструктивного поведения: особенности формирования подходов российской социологической исследовательской перспективы	85
--	----

ИСТОРИЯ

Гезалова Н.Р. Переселение армян из Каджарского Ирана на Южный Кавказ (1828–1830)	97
Козлова Н.В. «Разсудил я заблаговременно жилище мое заказать и ... последнее мое намерение объявить»: духовное завещание итальянского архитектора Петербурга Карло Джузеппе Трезини (1768 г.)	104
Литягина А.В. Формирование гражданского сознания у горожан Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в.	113
Маклюков А.В. Мобилизационная модель электрификации Дальнего Востока СССР (1928–1945 гг.)	123
Фролов В.В. Образ Японии на страницах военного периодического издания «Летопись войны 1914–1917 гг.» в первые годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.)	134
Чернышев А.А. «Страна энциклопедий»: становление советской энциклопедической системы (исторический анализ)	139

CONTENTS

PHILOLOGY

Vorontsov R.I. Pronouns of deconcretization in Russian explanatory dictionaries	5
Kozlov A.E. “Between romanticism and realism”: Vasily Avenarius in search of the self-identity	14
Lutfullina G.F. Semasiological analysis of temporal nouns as a means of expressing the non-verbal aspectual meaning of the quantity of action (based on English, Russian, Tatar)	22
Lyapina A.V. Chronotope of hunting in the series of essays <i>A Sportsman's Sketches</i> by Ivan Turgenev	30
Morozova M.S., Rusakov A.Yu. Dialectal varieties of the old Albanian diaspora: An attempt of a quantitative study	37
Yarkova E.V. George Grebenstchikoff's works in authorized translations by Nina Selivanova: To the identification of English-language texts authorization	52

PHILOSOPHY

Golovashina O.V. Cancel together: Cancelling and social solidarity	60
Sukhanova O.A. Reverse perspective in the icon in the context of Jean-Luc Marion's method of counter-intentionality	69
Urbanaeva I.S. Specifics of the concept of reality in the Tibetan-Mongolian Mahayana	75

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Nyatina N.V., Golovatsky E.V. Socio-political foundations of destructive behavior: features of the formation of the Russian sociological research perspective	85
--	----

HISTORY

Gezalova N.R. Armenians' resettlement from Qajar Iran to the South Caucasus (1828–1830)	97
Kozlova N.V. “I decided to determine my dwelling in advance and... to announce my last intention”: The last will of Carlo Giuseppe Trezzini, the Italian architect of St. Petersburg (1768)	104
Lityagina A.V. The formation of civic awareness among citizens of Western Siberia in the last third of the 19th – early 20th centuries	113
Maklyukov A.V. Mobilization model of electrification of the USSR Far East (1928–1945)	123
Frolov V.V. The image of Japan on the pages of the military periodical <i>The Chronicle of the War of 1914–1917</i> in the first years of the First World War (1914–1915)	134
Chernyshev A.A. “The Land of Encyclopedias”: The formation of the Soviet encyclopedic system (historical analysis)	139

ПЕДАГОГИКА

Аканиева Е.А. Применение нетрадиционного спортивного оборудования на физкультурных занятиях с детьми дошкольного возраста	147
Бакурова Е.Н., Паршуткина Т.А. Иноязычная информационная компетенция в общей цифровой культуре специалиста сельского хозяйства	154
Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л., Шитова В.А. Методы цифрового обучения: классификация, средства и инструменты, матрица согласования	164
Герасимова А.С., Кац Н.Г., Рубцова А.В. Роль медиации в обучении иноязычному академическому дискурсу студентов многопрофильного вуза	173
Леушина И.В., Леушина Л.И. Иноязычная SMART-подготовка студентов технического вуза и проблема сохранения субъектности обучающихся	182
Сагитов Е.Б., Брун И.В., Павлов С.В. Каковы ключевые индикаторы универсальных компетенций и как они соотносятся с ожидаемыми результатами высшего образования?	190
Сурикова Н.В., Брюховских Т.В., Шубин Д.А., Орлова Д.О. Оценка склонности студенток 1–3 курса аграрного университета к нарушению здорового поведения	200

ПРАВО

Болдырев В.А., Кархалев Д.Н. Судебная практика в справочных правовых системах: нужен ли единый алгоритм отбора документов?	209
Вилова М.Г., Пермиловский М.С. Права человека – ценность или норма?	218
Долгиев М.М. Конфискация имущества за совершение преступлений против безопасности государства	226
Ермаков А.Н., Шербакова Л.Г. Роль судов в обеспечении единого правового пространства Российской Федерации	232
Швед Ю.Н. Являются ли нулевая ставка НДС для экспорта и налоговые вычеты налоговыми льготами?	239

PEDAGOGICS

Akaneeva E.A. The use of non-traditional sports equipment in the physical education of preschool children	147
Bakurova Ye.N., Parshutkina T.A. Foreign language information competence in the general digital culture of an agricultural specialist	154
Vayndorf-Syssoeva M.E., Subocheva M.L., Shitova V.A. Digital learning methods: Classification, means and instruments, coordination matrix	164
Gerasimova A.S., Kats N.G., Rubtsova A.V. The role of mediation in teaching foreign language academic discourse: The case of postgraduate students of a multidisciplinary university	173
Leushina I.V., Leushina L.I. Foreign language SMART training for technical university students and the problem of preserving students' agency	182
Sagitov E.B., Brun I.V., Pavlov S.V. What are the key indicators of universal competencies and how do they relate to the expected outcomes of higher education?	190
Surikova N.V., Briukhovskikh T.V., Shubin D.A., Orlova D.O. Assessment of tendency of 1st–3rd-year female students of an agrarian university to violate healthy behavior	200

LAW

Boldyrev V.A., Karkhalev D.N. Judicial practice in legal reference systems: Is a unified algorithm for document selection needed?	209
Vilova M.G., Permilovskiy M.S. Human rights – value or norm?	218
Dolgiev M.M. Confiscation of property for committing crimes against the security of the state	226
Ermakov A.N., Scherbakova L.G. The role of the judiciary in ensuring the unified legal space of the Russian Federation	232
Shved Yu.N. Do VAT zero tax rates and deductions qualify as tax benefits?	239

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 81.374.3
doi: 10.17223/15617793/501/1

Местоимения деконкретизации в толковых словарях русского языка

Роман Игоревич Воронцов¹

¹ Институт лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия,
roman.vorontsov.86@gmail.com

Аннотация. Анализируются способы описания лексико-грамматического класса указательно-неопределенных местоимений деконкретизации (*такой-то, тот-то, тогда-то, столько-то* и под.) в толковых словарях русского языка. Выявляются проблемные зоны лексикографической интерпретации данных единиц. Практическим результатом исследования является выработка рекомендаций для описания местоимений деконкретизации в толковом словаре большого типа – «Большом академическом словаре русского языка».

Ключевые слова: русский язык, лексикография, толковый словарь, указательные местоимения, неопределенные местоимения, местоимения деконкретизации, Большой академический словарь русского языка

Благодарности: автор благодарит Е.Ю. Ваулину, Е.Н. Геккину, М.Н. Приемышеву и Е.В. Пурицкую, чьи замечания позволили усовершенствовать предлагаемые в статье решения.

Для цитирования: Воронцов Р.И. Местоимения деконкретизации в толковых словарях русского языка // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 5–13. doi: 10.17223/15617793/501/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/1

Pronouns of deconcretization in Russian explanatory dictionaries

Roman I. Vorontsov¹

¹ Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation,
roman.vorontsov.86@gmail.com

Abstract. The article analyzes ways of a lexicographic description of the lexico-grammatical class of demonstrative-indefinite pronouns of deconcretization (hereinafter PDs) (*takoy-to, tot-to, togda-to, stol'ko-to*, etc.) in the fundamental explanatory dictionaries of the Russian language. Description of pronominal semantics has been traditionally challenging for lexicographers due to the contradictory grammatical nature of the pronoun as a part of speech, and the class of PDs has been obtaining one of the most inconsistent interpretations. Russian PDs perform the function of substituting the nominal or adverbial phrase in the situation of reduced citation of someone's speech or thought. They constitute a minor non-replenishable lexical group (no more than 12 units) that takes a peripheral position within the system of Russian pronouns: PDs correlate simultaneously with both demonstrative and indefinite pronouns, and, moreover, they are homonymous to free collocations of demonstrative pronouns with the scaling particle *-to*. This explains the incoherent interpretation of PDs in the explanatory dictionaries. Based on the lexicographic analysis, the author focuses on the following aspects: specifics of the lexicographic description of the pronominal postfix *-to* (which is homonymous to the scaling particle *-to*); composition and grammatical characteristics of the PD class according to the Russian explanatory dictionaries; typical definitions and schemes of PD description in an explanatory dictionary. The analysis is aimed at elaborating recommendations that would help to present a consistent, systematic and comprehensive description of PDs in an explanatory dictionary of the "great" type—particularly, in the *Great Academic Dictionary of the Russian Language*, which is now being compiled. The result of the research can be demonstrated as a number of exact recommendations: (1) describe postfix *-to* and scaling particle *-to* as homonyms; (2) introduce both structural and functional features in the definition of postfix *-to* – uniformly for PDs and pronouns of uncertainty (*kto-to, kakoy-to, kogda-to*, etc.); (3) include all the 12 Russian PDs in the dictionary as self-sufficient lexical units; (4) characterize PDs as "demonstrative-indefinite pronouns" dividing them into pronominal nouns, adjectives, adverbs, and numerals; (5) apply typical definitions based on the integration of the semantic and functional definition types accounting for a number of obligatory components; (6) provide the typical scheme of PD description with a set of techniques that can help to present their regular usages.

Keywords: Russian language, lexicography, explanatory dictionary, demonstrative pronouns, indefinite pronouns, pronouns of deconcretization, Great Academic Dictionary of the Russian Language

For citation: Vorontsov, R.I. (2024) Pronouns of deconcretization in Russian explanatory dictionaries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 5–13. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/1

Вводные замечания

Описание местоименной семантики традиционно вызывает затруднения у лексикографов. Прежде всего, это связано с противоречивой частеречной природой местоимения, проявляющейся в таких его свойствах, как грамматическая неоднородность (близость грамматических признаков местоимения другим частям речи), полифункциональность, широкозначность и семантическая неполнота вне контекста [1. С. 65]. Кроме того, для словарного описания местоимений (аналогично описанию других структурных слов: предлогов, союзов, частиц, вводных слов, междометий (см., напр., работы [2–5])) типично совмещение семантических и функциональных характеристик, ибо известно, что у подобных «гибридных» слов «функционально-семантический компонент представляет собой органическое единство, т.е. сплав семантики и функций» [6. С. 36].

ДискуSSIONность большинства вопросов, связанных с категорией местоименности, препятствует системному и единообразному описанию местоимений в словарях. Какая бы лексико-грамматическая теория ни была принята за точку отсчета лексикографом, в практическом плане словарное описание местоимения вряд ли окажется исчерпывающим, так как не будут учтены альтернативные взгляды на его функционально-семантическую природу. Примером здесь могут послужить принципиально различные подходы к описанию местоимения *такой*, предложенные в работе О.Ю. Богуславской (словарная статья для интегрального словаря, базирующегося на принципах системной лексикографии Ю.Д. Апресяна) [7], в статье Д.Н. Сатюковой и М.Д. Воейковой (описание семантических и грамматических функций местоимения *такой* в реальной речевой практике) [8]¹, а также в словаре-монографии под ред. Н.В. Богдановой-Бегларян, где слово *такой* описано как прагматический маркер устной речи вне его частеречной принадлежности [10. С. 370–391]. Каждая из представленных интерпретаций характеризуется внутренней стройностью и самодостаточностью, однако вряд ли можно гармонично объединить их в одном лексикографическом описании.

Важно также подчеркнуть, что толковые словари русского языка, адресованные широкому пользователю, сегодня до сих пор ориентируются на школьную грамматику и в недостаточной мере учитывают современные теории. Неудовлетворительность исходной грамматической концепции словаря часто приводит к тому, что при попытке поместить наличный языковой материал в ее прокрустово ложе лексикографам приходится давать неточные, а иногда и ошибочные квалификации. Так, например, в «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой указательное местоимение *такой* во всех выделяемых значениях (в том числе дейктическом и анафорическом) отнесено к классу определительных, вероятно, вследствие его признаковой семантики [11. С. 334]. «Большой академический

словарь русского языка» непоследовательно трактует разряд местоименных наречий, относя одни слова только к наречиям, а другие – и к наречиям, и к местоимениям (ср. *когда* и *куда*). Более того, даже характеризуя слово как наречие, словарь соотносит его значения с местоименными классами (ср. вопросительное, неопределенное и относительное значения у наречия *куда* [9. С. 742–743]).

Можно привести много примеров неточного или непоследовательного описания местоимений в толковых словарях русского языка, однако в данной статье мы сосредоточим внимание на одной местоименной разновидности, которой «не повезло» едва ли не больше всех остальных. Это так называемые **местоимения деконкретизации** (далее – МД), употребляющиеся «при редуцирующем пересказе чьих-то слов, когда как бы конкретно-референтная именная или адвербиальная группа заменена на неопределенное местоимение» [12], напр.: *Старухи давно уже, услышав его [Райского] фамилию, осведомлялись, из тех ли он Райских, которые происходили тогда-то, от тех-то и жили там-то* (И. Гончаров, *Обрыв*); *Дверь изукрашил длинный перечень: такому-то жильцу столько-то длинных звонков, такому-то столько-то коротких, а другим вперемешку коротких и длинных* (Ю. Давыдов, *Синие тюльпаны*).

Академическая грамматика насчитывает в русском языке десять местоименных слов, выполняющих функцию деконкретизации: *тот-то, такой-то, столько-то, туда-то, оттуда-то, там-то, тогда-то, так-то, потому-то и оттого-то* [13. С. 410]. Русская корпусная грамматика (Русграм) дополняет этот перечень местоимением *затем-то* и подчеркивает, что обычно МД употребляются с редупликацией [12], напр.: *Мама говорит: «Борис, будет у тебя выходной, надо сделать то-то и то-то»* (А. Рыбаков, *Тяжелый песок*). В литературе высказывалось мнение, что редулицированная форма МД является самостоятельной лексической единицей [14], однако мы склонны согласиться с тем, что это лишь особенность употребления, призванная «подчеркнуть интенсивность и тщательность речевых усилий того, чья речь передается с помощью местоимения» [15. С. 138]. К перечню МД, вероятно, можно добавить *то-то* – лексикализованную форму местоимения *тот-то*, отличающуюся от последнего по набору семантических функций.

МД могут быть соотнесены сразу с двумя местоименными классами – указательными (в анафорическом значении) и неопределенными местоимениями. Кроме того, вследствие своей словообразовательной специфики МД вступают в отношения омонимии со свободными сочетаниями указательных местоимений с выделительной частицей *-то*, ср.: *«А хорошо бы и в самом деле приручить, приобщить к делу такого Доната. Непростой, видно, характер, непокладистый. А что? Такие-то нам и нужны...»* (И. Грекова, *В вагоне*). Пограничное положение, которое занимают МД в системе местоимений современного русского языка,

и определило, на наш взгляд, их сбивчивое и неединообразное описание в толковых словарях. Чаще всего они привязываются словарями к описанию исходного указательного местоимения или частицы *-то* и, следовательно, предстают как специфические употребления этих единиц. Тем не менее невозможно спорить с тем, что МД имеют собственную функцию в языке – заменять точное обозначение лица, признака, места, времени и т.п., по той или иной причине не названных ранее в высказывании, – и поэтому представляют собой особый класс местоименных слов [8. С. 185]. Отсюда, в свою очередь, следует, что они должны быть описаны в словаре как самостоятельные единицы лексико-грамматической системы.

В настоящей статье представлен критический анализ способов описания МД во всех основных толковых словарях русского языка: «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (далее – ТСУ) [16], 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» (далее – БАС-1) [17], «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (далее – МАС) [11], «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (далее – СОШ) [18], «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» (далее – ТСРЯЭ) [19], «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (далее – БТС) [20], «Малом толковом словаре русского языка» В. В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной (далее – МТС) [21], а также в «Объяснительном словаре русского языка» под ред. В.В. Морковкина, посвященном описанию структурных слов (далее – Словарь структурных слов) [2]. На этом материале выявляются проблемные зоны лексикографической интерпретации МД. На отсутствие надлежащего описания данных местоимений в словарях обращали внимание более четверти века назад [14. С. 137], однако на сегодняшний день ситуация не изменилась. Этим обусловлена актуальность предпринятого исследования, практическим результатом которого является выработка рекомендаций для системного описания МД в толковом словаре большого типа (в частности, в издаваемом ныне «Большом академическом словаре русского языка» (далее – БАС-3) [9]), предоставляющем лексикографу широкие интерпретационные возможности.

Словарное описание форманта *-то*

Общим для всех МД словообразовательным формантом является постфикс *-то*, традиционно описываемый толковыми словарями в единстве с омонимичной ему выделительной частицей. Как правило, в такой словарной статье определяются три значения: 1) *-то* как выделительная частица; 2) *-то* как компонент «местоимений неизвестности» (далее – МН) [22] (в грамматической традиции обычно называемых «неопределенными»: *кто-то*, *что-то*, *какой-то*, *куда-то* и т.п.); 3) *-то* как компонент МД. В плане частеречной принадлежности все три единицы характеризуются словарями как частицы. БАС-1, к тому же, объединяет второе и третье значение в одном: «входит в состав неопределенных местоимений и наречий *кто-то*, *что-то*, *какой-то*,

где-то, *куда-то*, *когда-то*, *откуда-то* и т.п.», приводя примеры как с МН, так и с МД [17. С. 509–510].

Синкретичный способ описания, реализуемый в толковых словарях, представляется по меньшей мере спорным, учитывая, что объединяемые в одной статье единицы относятся даже не к разным грамматическим классам, а к разным уровням языка (слово и морфема). Это, в свою очередь, затрудняет системное лексикографическое описание производных МД и приводит к ошибкам, связанным с неразличением омонимии. Так, в числе трех значений местоимения *такой-то* БАС-1 выделяет два значения деконкретизации, а также следующее: «указывает на большую степень проявления признака, свойственного лицу или предмету, в знач.: очень, столь, в большой степени» (– *Только жена у него из русских*, – *такая-то* собака, что не приведи бог. *Грабит народ* (Л. Толстой, Воскресение)) с оттенком «употр. взамен слова, обозначающего качество, свойство и т.п. предмета, о чем известно из предыдущего или последующего контекста, в знач.: вот какой» (*Такие-то* дела, *Шурочка*. *Прежде я много работал и много думал, но никогда не утомлялся; теперь же ничего не делаю и ни о чем не думаю, а устал телом и душой* (А. Чехов, Иванов)) [17. С. 63]. Можно легко заметить, что в данных примерах указательное местоимение *такой* в интенсифицирующем и катафорическом значениях не выполняет функции деконкретизации, так как употреблено в свободном сочетании с выделительной частицей *-то*, и поэтому, вероятно, вообще не должно быть представлено как отдельная единица словарного описания.

Аналогичную контаминацию омонимов наблюдаем при описании в БАС-1 местоименных наречий *там-то* и *тогда-то*. Помещенные в заромбовой зоне словарных статей *там* и *тогда*, эти единицы сопровождаются такими цитатами: – *Старуха! мальчик, которого я тебе привел, ни к чему не годен; я его убил. Ты найдешь его там-то* (А. Пушкин, Джон Теннер) (здесь – МД) и *Работала она на рыбных промыслах в Астрахани., несколько лет провела на виноделии в Кизляре. Там-то и прижила в тайной любви мою мать – Настю* (Ф. Гладков, Повесть о детстве) (свободное сочетание с частицей *-то*) [17. С. 87]; *Я все гущу; но слез уж нет, И скоро, скоро бури след В душе моей совсем утихнет: Тогда-то я начну писать Поэму песен в двадцать пять* (А. Пушкин, Евгений Онегин) (свободное сочетание с частицей *-то*) и *Начальник вызывал ее [секретаршу] в кабинет, сообщал, что они отправляются тогда-то, туда-то* (С. Антонов, Дожди) (МД) [17. С. 523]. Почву для смешения омонимов в данном случае создает также отказ лексикографов от функционального описания единиц (дефиниций типа «указывает на...», «употр. при...») в пользу нечеткого семантического толкования: *там-то* – «а» в каком-л. определенном месте» (значение деконкретизации); «б» именно в том месте» (анафорическое значение) [17. С. 87]; *тогда-то* – «именно в тот момент в прошлом или будущем» [17. С. 523]. Заметим, что при описании *там-то* все же сделана попытка семантического разведения МД и свободного сочетания, а в случае *тогда-то* наблюдается полное смешение этих единиц.

Возвращаясь к описанию частицы и (или) постфикса *-то*, подчеркнем, что сложившаяся лексикографическая традиция не вполне соответствует истинной природе этих единиц. Единственным изданием, где они описаны как омонимы, является ТСУ [16. С. 719]. Все последующие словари отказались от такого подхода, однако, на наш взгляд, целесообразно все-таки к нему вернуться – в том числе потому, что это будет способствовать системному описанию МД как особого местоименного класса.

Далее следует отметить неточность дефиниций, предлагаемых словарями при описании постфикса *-то*. Так, значение *неизвестности* в большинстве словарей представлено структурным толкованием: ‘входит в состав неопределенных местоимений и наречий’ (БАС-1 [17. Т. 15. С. 509]; МАС [11. С. 371]; БТС [20. С. 1326]), а дефиниции значения *деконкретизации* строятся по функциональному принципу: ‘в сочетании с местоимениями «такой», «тот», наречиями «там», «тогда», «туда» и т.п. употр. как заменитель конкретного обозначения какого-л. качества, лица, наименования, времени, места и т.п.’ (МАС [11. С. 371]), ‘употр. после местоименных слов вместо конкретного указания на перечисляемые предметы, действия или признаки’ (БТС [20. С. 1326]; СОШ [18. С. 800]; ТСРЯЭ [19. С. 985]). Оба типа толкования имеют свои достоинства (и недостатки), однако, поскольку образуемые с помощью форманта *-то* МН и МД представляют собой самостоятельные местоименные классы, толкования двух его значений, на наш взгляд, должны *единообразно* учитывать и структурные, и функционально-семантические свойства описываемой единицы.

Так, отсутствие структурной дефиниции постфикса *-то* как компонента МД приводит к неточности и при его функциональном описании: во всех словарях функция замены конкретного обозначения приписывается самому этому форманту (см. выше: ‘употр. как заменитель...’, ‘употр. вместо конкретного указания...’), тогда как на самом деле это – функция производного МД. Представляется, что снять эти противоречия можно путем создания такой дефиниции, которая объединила бы всю релевантную информацию, напр.: *-то* как компонент МН – ‘употр. как вторая часть местоимений и наречий, используемых для указания на неопределенное лицо, предмет или признак’, *-то* как компонент МД – ‘употр. как вторая часть местоимений и наречий, используемых (как правило, при передаче чьей-л. речи

или мысли) вместо точного обозначения перечисляемых лиц, предметов или признаков’.

Состав и грамматическая характеристика класса местоимений деконкретизации по данным толковых словарей

Ни один из толковых словарей русского языка не содержит полного и последовательного описания класса МД, и даже Словарь структурных слов включает лишь четыре таких местоимения: *такой-то*, *тот-то*, *то-то*, *столько-то*. Однотомные словари (СОШ и ТСРЯЭ) исключают МД из словника, ограничиваясь описанием форманта *-то*. В то же время МН (*какой-то*, *кто-то*, *как-то* и т.д.), образуемые с помощью данного форманта, занимают в этих словарях полноправное место. Иное решение реализовано в другом однотомном словаре (МТС), где *-то* описывается только как выделительная частица, при этом в заромбовой зоне статей на указательные местоимения представлены производные МД: *такой-то*, *так-то*, *там-то*. В данном случае также присутствует диспаритет между МД, описываемыми за ромбом, и МН, представленными как полноценные вокабулы. Кроме того, не вполне ясно, почему МТС отдает предпочтение указанным МД и не уделяет внимания другим единицам данного класса.

Словари среднего объема (МАС и вслед за ним БТС) наряду с описанием форманта *-то* содержат отдельные словарные статьи на местоимение *такой-то*, и только толковый словарь большого типа (БАС-1) расширяет (хотя и не исчерпывает) в своем словнике состав МД: *такой-то*, *тот-то*, *то-то*, *туда-то* описываются в качестве вокабул, *там-то*, *тогда-то* представлены в заромбовой зоне соответствующих словарных статей. Особое внимание МАС и БТС к местоимению *такой-то* можно, вероятно, связать с его более высокой употребительностью (по оценке авторов этих словарей), в отборе же МД для словника БАС-1, очевидно, доминирует фактор случайности.

Единственным МД, представленным во всех толковых словарях, является местоименное числительное *столько-то* – вероятно, вследствие его грамматической специфики. БАС-1, МАС, БТС и СОШ описывают *столько-то* в отдельных статьях, ТСРЯЭ и МТС помещают его в заромбовую зону.

В общем виде состав класса МД по данным толковых словарей русского языка представлен в таблице.

Состав класса МД по данным толковых словарей

МД	БАС-1	МАС/БТС	СОШ	ТСРЯЭ	МТС
ТАКОЙ-ТО	Вокабула	Вокабула	–	–	За ромбом
ТОТ-ТО	Вокабула	–	–	–	–
ТО-ТО	Вокабула	–	–	–	–
ТАК-ТО	–	–	–	–	За ромбом
ТАМ-ТО	За ромбом	–	–	–	За ромбом
ТОГДА-ТО	За ромбом	–	–	–	–
ТУДА-ТО	Вокабула	–	–	–	–
ОТТУДА-ТО	–	–	–	–	–
СТОЛЬКО-ТО	Вокабула	Вокабула	Вокабула	За ромбом	За ромбом
ПОТОМУ-ТО	–	–	–	–	–
ОТТОГО-ТО	–	–	–	–	–
ЗАТЕМ-ТО	–	–	–	–	–

Таким образом, в лексикографическом описании МД выявляются две противопоставленные друг другу тенденции. С одной стороны, это отказ от фиксации МД в качестве вокабул словника, компенсируемый описанием постфикса *-то* как словообразовательного форманта, при присоединении которого к указательному местоимению возникает единица, способная выполнять функцию деконкретизации. Этот способ описания приемлем для толкового словаря краткого типа. С другой стороны, большой толковый словарь имеет возможность функционально-семантической разработки всех МД как самостоятельных лексических единиц, что особенно важно для учета особенностей их употребления. При этом точкой отсчета для системного описания данного местоименного класса в большом словаре должно служить непротиворечивое и точное описание постфикса *-то*.

Включение в толковый словарь всего класса МД требует выработки их системной грамматической характеристики, и прежде всего – определения местоименного разряда, к которому они относятся. Теория грамматики предлагает целый ряд возможных решений, как опирающихся на традиционную терминологию («неопределенно-указательные» (Е.Н. Сидоренко, Н.А. Янко-Триницкая), «указательно-неопределенные» (В.Н. Мигирин, В.В. Морковкин)), так и вводящих новые терминологические обозначения («пролокутивные» (М.И. Откупщикова), «местоимения деконкретизации» (Е.В. Падучева)) (обзор этих подходов см. в [15. С. 136–137]). Термин «местоимения деконкретизации» представляется наиболее точным, так как он непосредственно указывает на функциональное назначение данных единиц. Однако для фундаментального толкового словаря, опирающегося на базовые грамматические знания носителя русского языка, должно быть избрано более традиционное обозначение.

Существующие словари, как правило, избегают такой квалификации, ограничиваясь отнесением МД к классу «местоимений», «наречий», «местоименных прилагательных» или «местоименных числительных». Только МД *такой-то* характеризуется в МАС как неопределенное [11. С. 335], а в БАС-1 как определительное [17. С. 63]. На наш взгляд, эти решения являются мало приемлемыми и требуют корректировки. Так, оптимальным обозначением грамматической специфики МД в толковом словаре большого типа следует признать термин «указательно-неопределенные местоимения» – как ввиду его традиционности, так и в силу верной расстановки акцентов. МД, образуемые, наряду с МН, с помощью форманта неопределенности *-то*, прежде всего, используются для замены обозначений предметов, признаков и т.п., которые говорящий считает *несущественными* для данного высказывания [23. С. 73]. В то же время исходные указательные местоимения сообщают семантике МД анафорический оттенок, что обеспечивает возможность отсылочного употребления последних («редуцирующее цитирование» [12]). Заметим, что в Словаре структурных слов МД *такой-то*, *тот-то* и *то-то* квалифицируются именно как указательно-неопределенные [2. С. 341, 353].

С точки зрения частеречной принадлежности класс МД распадается на подгруппы: местоименные прилагательные (*такой-то*, *тот-то*), местоименные существительные (*то-то*, а также субстантивированные формы местоимений *такой-то*, *тот-то*, употребляемые для замены имени человека), местоименные наречия (*так-то*, *там-то*, *тогда-то*, *туда-то*, *оттуда-то*, *потому-то*, *оттого-то*, *затем-то*). Данная грамматическая специфика, на наш взгляд, должна быть отражена в толковом словаре.

При этом несколько подробнее следует остановиться на характеристике слова *столько-то*. Оно относится к разряду неопределенно-количественных числительных, изменяющихся по адъективному типу склонения (*стольких-то*, *стольким-то*, *по столько-то*) [13. Т. 1. С. 577], и обладает выраженной местоименной природой, однако многие словари (БАС-1, МАС, СОШ, БТС) определяют его также и как наречие – ввиду частотности употребления в неизменяемой форме. СОШ даже предлагает весьма спорное решение, выделяя два значения: как местоименное наречие и как неопределенно-количественное числительное [18. С. 770]. При этом в приводимых этим словарем на разные значения примерах слово *столько-то* выполняет одну и ту же функцию – деконкретизацию². В Словаре структурных слов *столько-то* описывается как неопределенно-количественное числительное [2. С. 331]. Разнообразие подходов требует унификации. Нам представляется, что для системного отражения класса МД в толковом словаре целесообразно все же акцентировать внимание на местоименной природе семантики слова *столько-то* и характеризовать его как указательно-неопределенное местоименное числительное.

Дефиниции и схемы описания местоимений деконкретизации в толковых словарях

Системность лексикографического описания во многом достигается за счет единообразия дефиниций. В отношении структурных слов, отличающихся единством семантических и функциональных характеристик, прежде всего, необходимо определить, какой тип толкования – семантический или функциональный – является предпочтительным. В существующих толковых словарях при описании МД используются оба типа толкования.

Примерами семантического толкования МД могут служить дефиниции БАС-1: *такой-то* – ‘именно этот, не какой-либо иной’ [17. С. 63], *там-то* – ‘а) в каком-либо определенном месте; б) именно в том месте’ [17. С. 87], *тогда-то* – ‘именно в тот момент в прошлом или будущем’ [17. С. 523]. При всей лаконичности и кажущейся понятности (для лингвистически не подготовленного читателя) такие толкования отличаются известной степенью неточности. Возникает конфликт между толкованием МД («определенный», «именно тот») и его грамматическим разрядом (указательно-неопределенное). Кроме того, расплывчатая формулировка создает почву для смешения омонимов: свободное сочетание *такой-то* также можно истолковать, используя дефиницию ‘именно этот’, ср. цитату из БАС-1: – *Здорово,*

брат, куда? – В город, Аксентий Семеныч, лошадь продавать... подушныя платить нечем; такая-то (= именно эта. – Р.В.) *беда сталась со мною* (Д. Григорович, Антон-Горемыка) [17. С. 63].

В гораздо большей степени лексико-грамматической природе МД отвечают дефиниции, основанные на функциональном принципе, хотя и они требуют приведения к единообразию. Ср.: *такой-то* – ‘употр. взамен слова, обозначающего качество, свойство и т.п. предмета, о чем известно из предыдущего или последующего контекста’ (БАС-1 [17. С. 63]), ‘употр., заменяя точное обозначение лица, признака, не названных по той или иной причине’ (МАС [11С. 335]), ‘употр. для замены точного обозначения места, адреса и т.п. данных, упомянутых выше’ (БТС [20. С. 1303]); *тот-то* – ‘при передаче чужой речи, мысли обозначает общее, неконкретное указание на лицо’ (БАС-1 [17. С. 727]); *туда-то* – ‘употр. при передаче чужой речи для обозначения места, названного в ней’ (БАС-1 [17. С. 1105]). В Словаре структурных слов, ориентированном, в том числе, на пользователей, изучающих русский язык, и поэтому стремящемся к доступному объяснению значений, указания на функциональное назначение МД включены в их семантические толкования: *такой-то* – ‘вполне определенный, однако не называемый, не конкретизируемый, представленный обобщенно’; *то-то* – ‘предмет (событие, явление), название, имя которого в данной ситуации для говорящего несущественно’ [2. С. 341, 353].

Анализ этих и подобных им дефиниций показывает, что в них содержится ряд типовых элементов, значимых для описания семантики МД. Эти элементы распадаются на три типа, которые можно обозначить как: 1) *референциальный*, содержащий указание на обозначаемый объект действительности (лицо, предмет, признак и т.д.); 2) *текстовый* (или *реляционный*), содержащий указания на 2.1) заместительный тип номинации («вместо...», «взамен...» и т.п.); 2.2) выполняемую словом функцию деконкретизации («(вместо) точного обозначения...», «общее, неконкретное указание на...», «не конкретизируемый, представленный обобщенно»); 2.3) отсылку к предшествующему контексту («о чем известно из контекста», «не названных (ранее)», «упомянутых выше», «при передаче чужой речи, мысли»); и наконец, 3) *модальный*, содержащий указание на причину использования говорящим этого типа номинации («по той или иной причине не названных», «название, имя... в данной ситуации для говорящего несущественно»). Данная схема позволяет выработать общий для всех МД тип дефиниции: единственным различающимся элементом в ней будет указание на объект, связанное с частеречной принадлежностью местоимения (прилагательное, существительное, наречие, числительное), остальные же элементы следует представить в дефинициях единообразно.

Для описания структурных слов (и в том числе местоимений) оптимален функциональный тип дефиниции, позволяющий точно сформулировать все их значимые семантико-функциональные признаки. Однако толковый словарь, адресованный массовому читателю, должен исходить не только из лингвистической целе-

сообразности, но и из удобства восприятия своих материалов. И поскольку семантическое толкование приближено по своему типу к привычным дефинициям, применяющимся при описании однозначных слов, постольку представляется важным объединить в дефиниции МД элементы семантического и функционального толкования, хотя и с большим единообразием, чем это сделано в Словаре структурных слов. Так, если реляционные элементы семантики МД, действительно, хорошо описываются через формулу ‘употр. вместо...’ (функциональный принцип), то референциальный и модальный элементы лучше истолковать через формулу ‘о [ком-, чем-л.]...’, позволяющую подчеркнуть вторичный характер номинации (семантический принцип).

Помимо всего прочего, при выработке типовой дефиниции МД необходимо учесть два момента. Во-первых, в толковании должна быть более четко указана причина употребления МД: во всех случаях такая номинация обусловлена несущественностью конкретного наименования объекта в данной ситуации общения (с точки зрения говорящего). Во-вторых, следует показать, что хотя основным случаем употребления МД является редуцирующее цитирование чьей-либо речи, мысли или какого-либо текста, документа и т.п., все же этот «первоисточник» не всегда можно с легкостью восстановить. Так, в следующем примере нет цитирования, хотя и очевидно, что имеется в виду какой-то отдаленный контекст: *Полянского исключили из партии за такие-то и такие-то методологические ошибки по генетике* (Д. Гранин, Зубр). Более того, как показала Е.В. Падучева, употребление МД может иногда вообще не укладываться «в контекст предикатов и имен речи-мысли» [12], ср.: *Есть времена, когда важно не делать то-то и то-то, а быть там-то и там-то* (Д. Быков, Орфография). Следовательно, указание на употребление МД для передачи чьей-либо речи или мысли должно быть представлено в дефиниции не в качестве неотъемлемого компонента значения, а в соответствии с принципом прототипа [24. С. 418]: как характерный и значимый признак описываемой единицы, который, однако, в определенных контекстах может быть нейтрализован.

Исходя из всего сказанного, можно предложить следующую типовую дефиницию МД: ‘об X [человеке, предмете, признаке, месте, времени, количестве], наименование которого, по мнению говорящего, в данной ситуации несущественно (употр. вместо точного наименования, как правило, при передаче чьей-либо речи или мысли)’.

Кроме дефиниции и иллюстраций, в схему описания МД в большом толковом словаре, ориентированном на отражение *функционирующей* лексико-грамматической системы, должно быть включено описание ряда регулярных особенностей их *употребления*, а именно: 1) все МД могут использоваться в редуцированной форме; 2) местоименные прилагательные из числа МД часто подвергаются субстантивации; 3) некоторые МД (особенно *то-то*) могут употребляться вне контекста цитирования; 4) некоторые МД (особенно *такой-то* и *туда-то*) часто используются

в эвфемистической функции в составе бранных выражений.

Если опираться на метаязык БАС-3, то первое речевое явление следует описывать за ромбом (как типовую сочетаемость), а второе, третье и четвертое явления, подразумевающие значимые семантико-морфологические и стилистические сдвиги в смысловой структуре местоимения, – как отдельные значения или оттенки. Так, например, субстантивация МД *тот-то* приводит не только к смене частеречной принадлежности, но и к лексикализации формы среднего рода. Возможность указания и на лицо, и на предмет, характерная для всех форм местоименного прилагательного *тот-то*, после его перехода в разряд местоименных существительных распределяется между формами мужского рода (*тот-то* – указание на лицо) и среднего рода (*то-то* – указание на предмет). Помимо этого, при употреблении МД *то-то* без отсылок к предшествующему контексту изменяется его принадлежность к местоименному классу: указательно-неопределенное МД переходит в класс местоимений слабой определенности (неопределенных) и приближается по значению к местоимению *нечто* (см. [12]).

Далее приводятся выдержки из словарных статей на МД *тот-то*, *то-то* и *такой-то*, разработанных в соответствии с описанными схемами и предназначенных для толкового словаря большого типа.

ТОТ-ТО, тогó-то, м., та́-то, то́й-то, ж., то́-то, тогó-то, ср., те́-то, те́х-то, мн.; мест. Указат.-неопред. 1. Мест. прил. О человеке или предмете, имя, наименование которого, по мнению говорящего, в данной ситуации несущественны (употр. вместо точного наименования, как правило, при передаче чьей-л. речи или мысли). *Работали и сверхурочно, работали из последних сил и терпения, веря слухам и письмам фронтовых подруг, что в той-то части, в том-то соединении девочек уже отпустили по домам.* В. Астафьев, Обертон. ♦ Тот-то и тот-то. *Зайдите в трактир направо, ежели вы хотите послушать толки моряков и офицеров: там уж, верно, идут рассказы.. про то, как убит тот-то и тот-то товарищ.* Л. Толстой, Севастополь в декабре месяца.

2. То́т-то, тогó-то, м., мест. суц. О человеке, имя или фамилия которого, по мнению говорящего, в данной ситуации несущественны (употр. вместо имени или фамилии, как правило, при передаче чьей-л. речи или мысли); то же, что такой-то (во 2 знач.). *Часто проходят сообщения о том, что наш президент обещал тому-то выделить столько-то денег, а тому-то – столько-то.* А. Чудодеев, Расписание на завтра. ♦ То́т-то и то́т-то. [Актерам] говорят: вот здесь стоит тот-то и тот-то, и ты изволь сказать ему то-то и то-то, а он тебе так-то ответит. В. Шаров, Репетиции.

ТО-ТО, тогó-то, ср., мест. суц. Указат.-неопред. 1. О предмете, явлении, наименовании которого, по мнению говорящего, в данной ситуации несущественно (употр. вместо точного наименования, как правило, при передаче чьей-л. речи или мысли, а также в рассказе, документе и т.п.). – *Зачем вы убиваетесь над соображениями о том, что вот тут нужно было*

бы то-то, а здесь недостает того-то? Н. Добролюбов, Темное царство. ♦ То́-то и то́-то. Доктор говорил: *то-то и то-то* указывает, что у вас внутри *то-то и то-то.* Л. Толстой, Смерть Ивана Ильича.

2. То́-то и то́-то. О каком-л. неопределенном предмете или явлении, в знач.: нечто, что-то. *Симбиоз возможен только в виде взаимовыгодного сотрудничества. Собака делает то-то и то-то.* За это человек ее кормит. Т. Соломатина, Большая собака..

ТАКОЙ-ТО, таká-я-то, тако́е-то, мест. прил. Указат.-неопред. <...> 3. Разг.-сниж. Употр. в функции эвфемизма вместо нецензурных слов в бранных выражениях. *Отошли мы от барского двора..; он [хозяин], понимаешь, ни слова не говоря, бац меня по рылу – искры посыпались, истинный господь. И начал, и начал.. «Да ты такой-то, да ты эдакой-то».* С. Подъячев, Разлад. ♦ К тако́й-то матери. – *Да иди ты от меня к такой-то матери!* – заорал выведенный из себя Дудин. Б. Жилин, Настежь дверь.

Выводы и рекомендации

Проведенный анализ показал, что ни один из толковых словарей русского языка не содержит исчерпывающего системного описания МД как самостоятельного местоименного класса. В то же время следует признать, что по меньшей мере толковый словарь большого типа (каким является БАС-3) имеет возможность такое описание предложить. Согласно нашим представлениям, для этого необходимо следовать ряду рекомендаций.

1. Интерпретировать местоименный словообразовательный формант *-то* как самостоятельную единицу, участвующую в образовании местоимений двух классов – МН и МД; соответственно, описывать постфикс *-то* и выделительную частицу *-то* как омонимы.

2. Отражать в дефиниции форманта *-то* и структурные, и функциональные признаки – единообразно для МН и МД; дефиниция должна содержать как указание на участие форманта в словообразовании, так и характеристику семантико-функциональных особенностей класса производных местоимений.

3. Включить в словник все 12 русских МД на правах самостоятельных лексических единиц (как отдельные вокабулы).

4. Характеризовать все МД как указательно-неопределенные местоимения с подразделением на местоименные прилагательные, местоименные существительные, местоименные наречия и местоименные числительные.

5. Описывать семантико-функциональную специфику МД с помощью типовых дефиниций, основанных на единстве семантического и функционального принципов толкования и содержащих следующие указания: на объект номинации, на заместительный тип номинации, на функции деконкретизации и отсылки к предшествующему контексту, на причину употребления МД говорящим.

6. Выстраивать словарные статьи в соответствии с типовой схемой описания, учитывающей такие регулярные особенности функционирования МД, как редупликация, субстантивация, возможность употребления вне контекста цитирования и использование в функции эвфемизма.

Примечания

- ¹ Данная концепция положена в основу разработки местоимения *такой* в издаваемом ныне «Большом академическом словаре русского языка» [9].
- ² Ср.: *Пиши: столько-то получил, столько-то отдал* (пример на наречие) и *Укажите точно: направлены письма столько-то лицам, во столько-то мест* (пример на числительное). Кроме того, в зоне наречия ошибочно приводится пример, где *сколько-то* представляет собой свободное сочетание наречия *сколько* и частицы *-то*: *Это сколько-то ты успел сделать?* [18. С. 770].

Список источников

- Носкова В.Н., Матханова И.П. Функционирование местоимения другой и особенности его словарного представления // Вопросы лексикографии. 2021. № 22. С. 64–85. doi: 10.17223/22274200/22/4
- Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / под ред. В.В. Морковкина. 2-е изд., испр. М.: Астрель; АСТ, 2003.
- Виноградова Е.Н. Проблемы лексикографического и грамматического описания предлогов в современном русском языке // Вопросы языкознания. 2017. № 5. С. 56–74. doi: 10.31857/s0373658x0001030-2
- Ткачева И.О. Системное описание союзов в толковом словаре: основные проблемы и пути их решения // Вопросы лексикографии. 2020. № 18. С. 150–166. doi: 10.17223/22274200/18/8
- Кузнецова Н.В., Почтарева О.В. Проблемы лексикографического представления вводных слов // Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 66–82. DOI: 10.17223/22274200/28/4
- Комарова З.И., Шадрина Ю.Ю. Проблемное поле местоименности и местоимений: история и современность // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 1. С. 32–39.
- Богуславская О.Ю. Словарная статья местоимения *такой* // Семиотика и информатика. Вып. 32. М.: Изд-во ВИНТИ, 1991. С. 42–54.
- Сатиюкова Д.Н., Воейкова М.Д. Особенности функционирования местоимения *такой* в устной разговорной речи // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2010. Т. 6, ч. 2. С. 184–224.
- Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27 / гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2004–2021. Т. 8 (издание продолжается).
- Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и авт. предисл. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021.
- Словарь русского языка. Т. 1–4 / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 4.
- Падучева Е.В. Местоимения деконкретизации. 2016 // Русграм. Русская корпусная грамматика. URL: http://rusgram.ru/new/chapter/label/Местоимения_деконкретизации/ (дата обращения: 10.09.2023).
- Русская грамматика. Т. I–II / АН СССР; гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1.
- Откупщикова М.И. Местоименные слова в Новом академическом словаре // Очередные задачи русской академической лексикографии / отв. ред. Г.Н. Скляревская. СПб.: ИЛИ РАН, 1995. С. 130–139.
- Труфанова И.В. К вопросу о местоимении *то-то* // XI Международные Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения: сб. науч. работ. Севастополь: Шико, 2017. С. 135–144.
- Толковый словарь русского языка. Т. 1–4 / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 4.
- Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17 / гл. ред. В.И. Чернышев, С.Г. Бархударов, В.В. Виноградов, Ф.П. Филин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. Т. 5.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: Азбуковник, 1997.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2008.
- Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998.
- Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Малый толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990.
- Падучева Е.В. Местоимения неизвестности (серия на *-то*). 2016 // Русграм. Русская корпусная грамматика. URL: [http://rusgram.ru/new/chapter/label/Местоимения_неизвестности_\(серия_на_-то\)/](http://rusgram.ru/new/chapter/label/Местоимения_неизвестности_(серия_на_-то)/) (дата обращения: 10.09.2023).
- Янко-Триницкая Н.А. Местоименные слова со значением неопределенности // Русский язык в школе. 1977. № 1. С. 71–73.
- Atkins B.T.S., Rundell M. The Oxford Guide to Practical Lexicography. N.Y.: Oxford University Press, 2008.

References

- Noskova, V.N. & Matkhanova, I.P. (2021) Funktsionirovanie mestoimeniya drugoy i osobennosti ego slovarnogo predstavleniya [Functioning of the pronoun other and features of its dictionary representation]. *Voprosy leksikografii*. 22. pp. 64–85. doi: 10.17223/22274200/22/4
- Morkovkin, V.V. (ed.) (2003) *Ob "yasnitel'nyy slovar' russkogo yazyka: Strukturnye slova: predlogi, soyuzy, chastitsy, mezhdometiya, vvodnye slova, mestoimeniya, chislitel'nye, svyazochnye glagoly* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: Structural words: prepositions, conjunctions, particles, interjections, introductory words, pronouns, numerals, copular verbs]. 2nd ed. Moscow: Astrel'; AST.
- Vinogradova, E.N. (2017) Problemy leksikograficheskogo i grammaticheskogo opisaniya predlogov v sovremennom russkom yazyke [Problems of lexicographic and grammatical description of prepositions in the modern Russian language]. *Voprosy yazykozaniya*. 5. pp. 56–74. doi: 10.31857/s0373658x0001030-2
- Tkacheva, I.O. (2020) Sistemnoe opisanie soyuzov v tolkovom slovare: osnovnye problemy i puti ikh resheniya [Systematic description of unions in the explanatory dictionary: main problems and ways to solve them]. *Voprosy leksikografii*. 18. pp. 150–166. doi: 10.17223/22274200/18/8
- Kuznetsova, N.V. & Pochtareva, O.V. (2023) Problemy leksikograficheskogo predstavleniya vvodnykh slov [Problems of lexicographic representation of introductory words]. *Voprosy leksikografii*. 28. pp. 66–82. doi: 10.17223/22274200/28/4
- Komarova, Z.I. & Shadrina, Yu.Yu. (2010) Problemnoe pole mestoimennosti i mestoimений: istoriya i sovremennost' [The problematic field of pronouns: history and modernity]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. 1. pp. 32–39.
- Boguslavskaya, O.Yu. (1991) Slovarnaya stat'ya mestoimeniya *ta moy* [Dictionary entry for the pronoun *ta moy*]. In: *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics]. Vol. 32. Moscow: Izd-vo VINITI. pp. 42–54.
- Satyukova, D.N. & Voeikova, M.D. (2010) Osobennosti funktsionirovaniya mestoimeniya *ta moy* v ustnoy razgovornoy rechi [Functioning features of the pronoun *ta moy* in spoken language]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2 (6). pp. 184–224.
- Gorbachevich, K.S. & Gerd, A.S. (eds) (2004–cont.) *Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Large Academic Dictionary of the Russian Language]. Vol. 8. Moscow; Saint Petersburg: Nauka.
- Bogdanova-Beglarjan, N.V. (ed.) (2021) *Pragmaticheskie markery russkoy povsednevnoy rechi* [Pragmatic Markers of Everyday Russian Speech]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 4. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
- Paducheva, E.V. (2016) Mestoimeniya dekonkretizatsii [Deconcretization pronouns]. *Rusgram. Russkaya korpusnaya grammatika* [Rusgram. Russian corpus grammar]. [Online] Available from: http://rusgram.ru/new/chapter/label/Mestoimeniya_dekonkretizatsii/ (Accessed: 10.09.2023).

13. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
14. Otkupshchikova, M.I. (1995) Mestoimennye slova v Novom akademicheskom slovare [Pronominal words in the New Academic Dictionary]. In: Sklyarevskaya, G.N. (ed.) *Ocherednye zadachi russkoy akademicheskoy leksikografii* [Current Tasks of Russian Academic Lexicography]. Saint Petersburg: ILS RAS. pp. 130–139.
15. Trufanova, I.V. (2017) [On the issue of the pronoun to-to]. *Proceedings of the 9th International Sevastopol Cyril and Methodius Readings*. Sevastopol. 13–15 September 2017. Sevastopol: Shiko. pp. 135–144. (In Russian).
16. Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 4. Moscow: OGIZ.
17. Chernyshev, V.I. et al. (eds) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Modern Russian Literary Language]. Vol. 5. Moscow; Leningrad: USSR AS.
18. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1997) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow: Azbukovnik.
19. Shvedova, N.Yu. (ed.) (2008) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information about the Origin of Words]. Moscow: Azbukovnik.
20. Kuznetsov, S.A. (ed.) (1998) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint.
21. Lopatin, V.V. & Lopatina, L.E. (1990) *Malyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Small Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.
22. Paducheva, E.V. (2016) Mestoimeniya neizvestnosti (seriya na -to) [Pronouns of suspense (-to ending series)]. *Rusgram. Russkaya korpusnaya grammatika* [Rusgram. Russian corpus grammar]. [Online] Available from: [http://rusgram.ru/new/chapter/label/Mestoimeniya_neizvestnosti_\(seriya_na_-to\)/](http://rusgram.ru/new/chapter/label/Mestoimeniya_neizvestnosti_(seriya_na_-to)/) (Accessed: 10.09.2023).
23. Yanko-Trinitskaya, N.A. (1977) Mestoimennye slova so znacheniem neopredelennosti [Pronominal words with the meaning of uncertainty]. *Russkiy yazyk v shkole*. 1. pp. 71–73.
24. Atkins, B.T.S. & Rundell, M. (2008) *The Oxford Guide to Practical Lexicography*. New York: Oxford University Press.

Информация об авторе:

Воронцов Р.И. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Отдела лексикографии современного русского языка Института лингвистических исследований Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: roman.vorontsov.86@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

R.I. Vorontsov, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: roman.vorontsov.86@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.11.2023;
одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 30.04.2024.*

*The article was submitted 13.11.2023;
approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 30.04.2024.*

Научная статья
УДК 821.161.1+82.0
doi: 10.17223/15617793/501/2

«Выспренный романтизм во всеотрицающем реализме»: В.П. Авенариус в поисках писательской идентичности

Алексей Евгеньевич Козлов¹

¹ Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, alexey-kozlov@rambler.ru

Аннотация. Объектом рассмотрения является литературная карьера Василия Авенариуса. Начав свой путь со скандальной эротической прозы, Авенариус в дальнейшем переходит к работе над нравоучительными произведениями, адресованными юношеству. Осуществлена попытка осмысления такой метаморфозы как типического явления для социокультурного поля беллетристики второй половины XIX в.

Ключевые слова: Авенариус, литературная репутация, вторичность и альтернативность

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках реализации гранта № 23-78-01115 Российского научного фонда.

Для цитирования: Козлов А.Е. «Выспренный романтизм во всеотрицающем реализме»: В.П. Авенариус в поисках писательской идентичности // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 14–21. doi: 10.17223/15617793/501/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/2

“Between romanticism and realism”: Vasily Avenarius in search of self-identity

Alexey E. Kozlov¹

¹ Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, alexey-kozlov@rambler.ru

Abstract. The article analyzes the literary reputation and career of Vasily Avenarius. Coming from a family of Russian Germans and having received a good education at home, Avenarius graduated from the Faculty of Physics and Mathematics of St. Petersburg University with a Candidate of Sciences degree, after which he completed an internship in Germany. The article examines Avenarius' dilogy *Wandering Forces* (1865–1867): its style and form in the aspect of secondaryness and alternativeness, as well as its plot considered from a typological perspective. Having first appeared on the literary stage as a poet, an epigone of Pushkin, Lermontov, Benediktov and Heine, Avenarius fully declared himself as the author of the *Wandering Forces: Modern Idyll* (1865) published in *Otechestvennye Zapiski* went practically unnoticed by criticism, while the second part *Plague* (1867) published in *Vsemirny Trud* caused a flurry of negative reviews from liberals and conservatives. The article presents negative reviews from Nikolai Shelgunov and Mikhail Saltykov-Shchedrin, and also examines the controversy with Nikolai Leskov, whose novel *Nowhere* largely determined the poetics of Avenarius himself. Nevertheless, Leskov demonstrated an attempt to distance himself from both his “talentless student” and the magazine that published his work. The two stories, combined into the dilogy *Wandering Forces*, determined Avenarius' fame as a “clubber” and “erotomaniac” not much different from nihilistic deniers. Seeing possible risks for social reputation, Avenarius, who combined literary activities with service in the department all his life, not only reworked these texts, excluding many scandalous details from them, but also changed the reference point, first choosing the model of unbiased narration developed by Lermontov's epigones (primarily Vasily Sollogub and Mikhail Avdeev), and later choosing the least dangerous and not requiring serious creative success in the field of children's literature and popular biography. Thus, Avenarius found himself in historical and biographical fiction, perhaps the first to lay the foundations of popular Pushkin literature, replicating stories from the life of the classics and presenting them for the reading of young people. The article ends with an analysis of contemporary reviews: the researcher of children's literature Marietta Chudakova and the popularizer of Russian fiction Timofey Prokopov. It is shown that cultural revision is often associated with the exclusion of inconvenient literary facts from the biography of a forgotten writer. The task of the researcher (Chudakova) is directly opposite to the pragmatics of the popularizer (Prokopov) – it requires the restoration and ordering of all links in the reconstruction of the career of a fiction writer and the positivist verification of the available data when including them in the general context of the time. The movement from a plot to another plot, from a topic to another topic indicates the compromise nature of Avenarius'

work and at the same time demonstrates identifiable strategies, the classification of which can bring the researcher closer to studying the behavior pattern of an average fiction writer.

Keywords: Russian literature, Vasily Avenarius, literary reputation, secondaryness and alternativeness

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-78-01115.

For citation: Kozlov, A.E. (2024) "Between romanticism and realism": Vasily Avenarius in search of the self-identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 14–21. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/2

Литературная репутация Василия Петровича Авенариуса, определяемая оценками критики и индивидуально-авторскими стратегиями, многообразнее и содержательнее его биографии, довольно тривиальной для писателя-беллетриста¹. Происходя из семьи русских немцев и получив неплохое домашнее образование, Авенариус окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета со степенью кандидата естественных наук. Однако образование в сфере химии и биологии в меньшей степени отразилось на его самосознании. Подобно П.Д. Боборыкину, называя себя «шестидесятником»², он, тем не менее, примкнул к консервативной группе литераторов и «эстетиков» [2. С. 16].

Впервые выступив на литературной сцене как поэт, эпигон Пушкина, Лермонтова, Бенедиктова и Гейне, Авенариус в полной мере заявил о себе как автор дилогии «Бродящие силы»: опубликованная им в «Отечественных записках» «Современная идиллия» (1865) практически не была отмечена критикой, в то время как вторая часть дилогии «Поветрие» (1867), появившаяся на страницах журнала «Всемирный труд», вызвала шквал негативных отзывов, раздавшихся не только «слева», но и «справа». Для того чтобы понять причину такой реакции, необходимо обратиться к стилю произведения и выбранной автором форме, а также рассмотреть его сюжет в типологическом аспекте.

Местом действия «Современной идиллии» становится Западная Европа: Германия и Швейцария³. Как многие начинающие беллетристы, Авенариус начинает некоторые главы практически дословными выписками-переводом из путеводителя, перенося в описание ландшафта все стершиеся метафоры, которые были представлены в оригинальном тексте (*В наиболее романтической местности Швейцарии – в Berner Oberland, около уютного Интерлакена, сгруппировался целый букет аркадских уголков, и один из благоуханнейших цветов этого букета – Гисбах* [5. С. 11–12]; *Застенчиво, как красная девица, не нуждающаяся в похвалах молодой красе своей, скрывается Гисбах от нескромных взглядов* [5. С. 12]; *Отели, окруженные цветущими садами, почти все расположены по правой стороне главной аллеи (если ехать от Бриенца); за ними бежит быстрая, бирюзовая Аар, а непосредственно за Аар возвышаются Гобюль (Hohbühl) и крутизны Гардера* [5. С. 80]. Не менее клишированным оказывается язык описания социальных отношений, заставляющий вспомнить учительные книги для юношества (*сидели четыре особы женского пола: одна пожилая, три молодые* [5. С. 1]; *Отроковицы весело вскочили со своих стульев* [5. С. 2]; *Они не подозревали,*

что сосед их должен был взять, что то была его профессия: он принадлежал к известной категории туземных пролетариев, существующих исключительно на счет банка и играющих [5. С. 6]; *Хищник вздумал оправдываться, но тут нашлись и другие лица, видевшие, что он ничего не ставил* [5. С. 7]).

Отталкиваясь от характерологии «Героя нашего времени» и «Отцов и детей», Авенариус воспроизводит три устойчивых мужских и женских характера: при этом конкуренцию постромантическим типам (Ластов и Куницын) явно составляет базаровский типаж (Змеин). Представленные в произведении молодые люди – открытые эротоманы, и вся «Современная идиллия» строится на «пробуждении природы», объединяющем российских студентов и местных жителей. Именно так оценил первую часть произведения Н.В. Шелгунов:

Мать глупа, помешана на приличиях и не имеет на своих дочерей никакого влияния; девочки подобны диким козам, не знающим над собою никакой узды; Змеин неясен; Ластов в моменте жажды любви, и не может увидеть ни одного смазливового женского личика, чтобы не быть готовым на всякую глупость. Если подобные недопеченные люди вздумают сами руководить себя на пути жизни, то не миновать им болота [6. С. 10].

Попытка русского «Декамерона», написанная во многом как пародия на сентиментальную идиллию, из своего стиля оказалась эпигонским воспроизведением моделей тургеневского романа (включая «рыцарский турнир» – дуэль на рапирах между соперничающими студентами⁴). Впрочем, произведение, появившееся в последние годы «Отечественных записок» А.А. Краевского, почти не привлекло внимания читателей. На фоне центральных для эпохи явлений: «1805-го года» Л.Н. Толстого и «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского, подобное творчество не могло стать серьезным объектом критической рефлексии.

Иная слава ожидала вторую часть дилогии, местом действия которой, как в полемических романах А.Ф. Писемского и Н.С. Лескова, стал Петербург. Эротомания героев «Современной идиллии» становится здесь неотъемлемой частью социального проекта эмансипации, что отчетливо проявляется в сценах студенческой сходимки, учительских кондиций, многочисленных супружеских измен и других проявлений девиантной сенсуальности⁵. Вдохновившись серыми пейзажами «Петербургских трущоб» и «Преступления и наказания», Авенариус проводит свою героиню Наденьку по пути падения, попытки аборта и самоубийства, наконец, разочарования и смирения, созда-

вая очередной антидот утопическому проекту «Что делать?» – часть глав сопровождается эпиграфами из статей Добролюбова и романа Чернышевского, а одна из наиболее карикатурных супружеских пар принимает решение о расставании, взяв за основу историю Веры Павловны. Полемика с социальной философией «Что делать?» становится наиболее очевидной, когда, столкнувшись с холодностью физиолога Ластова, Наденька отдается его дальнему знакомому, тоже физиологу Чекмареву. Сцена открывается портретом юного естествоиспытателя: «...тот в халате, с засученными рукавами сидел за мясничей работой: очищал скальпелем от жира мышечные фибры лежавшей перед ним на столе человеческой руки»⁶ [5. С. 120]. С таким же выпуклым физиологизмом Авенариус описывает и часы близости героев, вплотную приближаясь к жанру эротической и даже порнографической прозы, знакомой читателю по произведениям Г. Дроза и других эпигонов братьев Гонкур.

Разумеется, то обстоятельство, что подобный полемический продукт вышел из «охранительного» лагеря, вызвало реакцию в демократических изданиях. Симптоматична оценка Салтыкова-Щедрина: «Это просто обыденные физические отправления, которым подвержен всякий человек, независимо от его внутренних определений, и которые повторяются с однообразием, могущим составлять предмет наблюдения для физиолога, но никак не для романиста» [9. С. 238]. В этих словах «антидот» Авенариуса оказывается направленным против него самого: фабула произведения сведена к несюжетным «отправлениям», романист (практически как в концепции экспериментального романа Золя) становится экспериментатором и физиологом. В опубликованном после статьи фельетоне «Сказание о клубнике» Щедрин спародировал синтаксис и стиль оригинала:

– Я вас люблю, – сказала Наденька, – но должна вам сознаться, что у меня... Тут она произнесла такой медицинский термин, что как ни был NN беззащитен относительно женских немощей, но и его ожгло⁷. Стремглав бросился он от нее, и вдруг... Через несколько минут отчаянные крики послышались по направлению к Аар. В это время NN пил кофе и бранил учтивого кельнера за то, что ему подали мало сливок. Услышав крик, он бросился к реке, но уже было поздно. Тело Наденьки бездыханное лежало на берегу, окруженное родными и знакомыми, причем сорочка спустилась с ее девственной груди⁸. Тут понял дурак NN, как много любила его Наденька, тут только заметил он, какая прекрасная была у нее грудь [9. С. 240].

Сходным образом построены и пародии «Искры», обличающие в прозе Авенариуса «странное патологическое явление» [10. С. 44] и обнаруживающие «геркулезовы столпы пошлости и аляповатейшего клубничества» [9. С. 237]. В фельетоне «Проветрились!» П.А. Ефремов под псевдонимом «Архивариус» писал о любовных похождениях студента Ракова, подобно Германну сошедшего с ума от эротических переживаний:

Раков окончательно спятил с ума. Во время припадков он воображал себя то петухом, то знаменитым

романистом. Однажды в подобном положении он схватил перо и написал следующее четверостишие:

*О, Авенариус, дружнице,
К тебе я мыслю парю:
Я так же силен в ерундице
И так же часто чушь порю* [11. С. 375].

Строительным материалом «Поветрие» стало и для Д.Д. Минаева, собравшего все возможные штампы антинигилистической прозы в своей пародии «Людоеды, или Люди шестидесятых годов» [12, 13]. Как и в «Поветрии» повесть открывается сценой в книжном магазине, однако после встречи нигилиста Саулова с молодой эмансипированной женщиной, оба отправляются в бани, а после – в публичный дом⁹. Пародийный Саулов заключает в себе опознаваемые черты и учителя Ластова, и физиолога Чекмарева, при этом со свойственным ему цинизмом герой гуляет по съемным комнатам «в костюме Адама», а в конце произведения становится участником пира антропофагов.

Встретив отповедь и в критике, и в фельетонной словесности, Авенариус счел правильным обратиться к читателю, поясняя, что «он обязан был до тонкости изложить, так сказать, анатомировать их ситуации; для правдивости рассказа приходится жертвовать некоторою его чистоплотностью...» [14. С. 230]. Возможно, оправдывающийся беллетрист мог вспомнить о печальных последствиях, постигших ранее А.Ф. Писемского и Н.С. Лескова¹⁰. Во всяком случае, перепечатывая свое произведение, Авенариус ввел самоцензуру, исключив наиболее эпатажные фрагменты, разобранные литературной критикой.

При этом нельзя исключать, что скандальная известность не только не тяготила, а напротив импонировала молодому писателю. Неслучайно следующим его произведением становится повесть «Ты знаешь край?», написанная от лица молодого туриста, странствующего по Италии. Несмотря на то, что сюжет построен на обыгрывании событий из «Кармен» П. Мери и «Тамани» М.Ю. Лермонтова (а также других произведений о контрабандистах европейского юга), это произведение было проникнуто самоиронией. Условный рассказчик, отчасти соотносимый с автором «Бродящих сил», демонстрировал в произведении животную силу и уверенность, а в самых патетических моментах свободно переходил от прозы к поэзии, качество которой заставляло вспомнить эпигонов Бенедиктова и Полонского. Текст, как бы нарочно эксплицирующий наиболее слабые стороны литературного творчества, вызвал гневную реакцию Лескова: в своем фельетоне «Литератор-красавец» он назвал Авенариуса Чурилой Опленьковичем, осудив повесть как попытку саморекламы¹¹:

Итак, начал г. Авенариус свою повесть тем, что итальянский живописец хвалил его наружность и называл его молодцом; во время продолжения всей этой повести все хвалил сам себя и заключил ее похвалою себе от бандитки, ради которой совершил свои неимоверные подвиги, достойные лучшей награды. Все его лихо, как мы видели, заключалось лишь в том, что он блондин с ненавистными голубыми глазами и не под стать итальянкам; но теперь

он в России, он весь к вашим услугам, mesdames, и он сделал все, что мог сделать самый развязный человек для того, чтобы всем вам оглулом заочно отрекомендоваться. Оцените это, белокурые российские девы: ведь это для вас, кроме писателя Авенариуса, до сих пор ни один безумец не делал и, вероятно, никогда не сделает. Полюбите, пожалуйста, этого душку: он тонок, и здоров, и эластичен, он и поет, и играет, и романы пишет, и стихи сочиняет, и под небо лазит, и к бандитам ходит, и любовь свою предает гласности, и сам себе слагает такие мадригалы, каких ни в одной литературе еще не написал себе ни один литератор и каких, по правде сказать, кроме «Всемирного труда» не напечатал бы ни за что ни один журнал во всем подлунном мире [18. С. 49].

В отличие от предыдущих оценок критика Лескова имеет принципиально иную прагматику. С типологической точки зрения, Авенариус был «учеником» Лескова (Стебницкого) и Крестовского – те приемы, которые использовались в «Петербургских трущобах», «Некуда», «Островитянах» и «Обойденных», в уменьшенном виде отразились в прозе Авенариуса [19, 20]. Как мы отмечали выше, даже осуждение и высмеивание автора «Бродящих сил» во многом было созвучно скандалам, произведенным антинигилистической прозой его предшественников. В лице Авенариуса Лесков, без сомнения, видел своего двойника, «господина Голыкина-младшего», в чьем творчестве он рельефно видел огрехи собственных сюжетов и тем¹². Поэтому, вероятно, в своих оценках Лесков был искренен. Более того, бросая вызов Авенариусу, он переходил к критике редакции журнала, в котором ранее планировал печатать свои произведения [15, 16].

Читаешь – и глазам своим не веришь, что это напечатано; думаешь – и не додумаешься, что за процесс происходил в голове человека, когда он все это слагал, исправлял, читал в корректуре и знал, что это писанье его прочтут люди, знакомые с приличиями, с законами форм литературных произведений и с понятиями о позволительном и о непристойном? Женишься, что ли, думает он и, избегая посредничества свах, сам подыскивает себе белокурую деву более удобным способом, при посредстве «Всемирного труда» в Болотной улице, или уж он наивен... так наивен, что знающие его лично могут все это извинить и в оправдание его сказать: «Быть так Чуриле сам господь повелел!»¹³ [18. С. 50].

Такого рода оценка заставляет вспомнить статью Ф.М. Достоевского «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах», демонстрируя сходный процесс в стане «охранителей» и «консерваторов» и позволяя убедиться, что «нигилистический», как и «антинигилистический» стиль в литературе был всего лишь «конструктом литературной критики и публицистики» [20]. Как бы то ни было, третья повесть Авенариуса, завершившая его участие в беллетристическом отделе журнала «Всемирный труд», стала последним опытом злободневной литературы¹⁴. Уже в следующем произведении «Современный роман» писатель обращается к тургеневскому сюжету о первой любви. Произведение, подписанное псевдонимом, полностью ориентировано на жанр светской повести 1840-х гг.

В дальнейшем именно в детских, отроческих и отчасти юношеских воспоминаниях Авенариус находит ресурс для новых литературных опытов.

К концу 1860-х гг. Авенариус, как и многие его современники (Н.Д. Ахшарумов, Л.Н. Толстой, К.Д. Ушинский) открывает для себя новую сферу, связанную с детским чтением. В отличие от Толстого и Ушинского, Авенариус выбрал в качестве основной аудитории разночинного и дворянского читателя. К таким произведениям относятся его «Сказка о пчеле Мохнатке», «Хитрая наука», «Что комната говорит» и мн. др. Вхождение Авенариуса, как и его современников, в поле детской литературы симптоматично: многочисленные огрехи стиля и искусственность композиции, отмеченные критиками в его ранних произведениях, оказались нивелированы общим невысоким стилем массовой детской литературы последней трети XIX в. При этом Авенариус зарекомендовал себя не только как автор сказок (большинство из которых публиковалось в детском журнале «Родник»), но и их собиратель. В этом отношении любопытный опыт представляет его компиляция «Образцовые сказки русских писателей». Сборник открывается прологом из «Руслана и Людмилы», что окончательно закрепляет за пушкинским текстом статус «школьного» и «детского» хрестоматийного произведения. Далее в сборнике «от лучших наших писателей взято по одной сказке» [21], начиная от «Сказки о царевиче Хлоре» Екатерины II, «Черной курицы, или Подземных жителей» А. Погорельского и «Войны мышей и лягушек» В.А. Жуковского до «Малыньиных стрелок» Н.Д. Ахшарумова и сказки самого Авенариуса. При этом писатель включил в свой альманах произведения очень далекие от жанра сказки, это касается пасхального рассказа Д.В. Григоровича «Светлое Христово воскресенье» и рождественского рассказа Достоевского «Мальчик у Христа на елке».

Опыт детской литературы неожиданным образом определил дальнейшую траекторию творчества Авенариуса. Навсегда отказавшись от реализма и натурализма, он нашел внимательного читателя среди подростков и юношей. Особенно это стало явным в период биографического поворота конца XIX в.: тогда писатель создал серию повестей о жизни писателей (Фонвизина, Лермонтова и Гоголя). Наибольшую известность получили его беллетристические описания детских и отроческих лет Пушкина: фактически он встал у истоков беллетристической пушкинианы, активно развивая и культивируя мифологемы и разыскания П.В. Анненкова и С.А. Венгера [22].

Занимая периферийное положение в литературе XX в., Авенариус продолжал адаптировать биографические и исторические сюжеты¹⁵, переиздавать сказки и былины. К «Современной идиллии» он не возвращался: в культурной памяти этот литературный факт оказался вытеснен сильным текстом и именем Салтыкова-Щедрина¹⁶. С 1917 г. писательская деятельность Авенариуса прекратилась: в этом отношении его посмертная литературная судьба близка к судьбе Вас.Ив. Немировича-Данченко, П.П. Гнедича, М.А. Кудашевой, Л.Я. Чарской и других беллетристов, подвизавшихся на поприще детской литературы 1910-х гг.

Прекрасно осознавая свою принадлежность к «второстепенным» литературным деятелям¹⁷, Авенариус не

ставил своей целью писать мемуары. Исключение составляет очерк «Вечер в редакции», опубликованный в составе «Пушкинского сборника», появившегося в печати в 1899 г. В центре очерка один из малоизвестных эпизодов из истории литературного быта 1860-х гг. – литературный вечер, организованный М.А. Ханом в редакции журнала «Всемирный труд». Несмотря на разногласия, очевидно, существующие в редакции, Авенариус идилично описывает чтения А.Ф. Писемского и исполнение песен Вс. Крестовским и Н.С. Лесковым. Существующие конфликты оказались не существенными на определенной временной дистанции.

С тех пор протекло слишком тридцать лет, и ни одного из писателей, о которых выше рассказано, нет уже в живых. Но как для полноты ландшафта необходимы также кустарник, трава, полевые цветы, так и поле литературы не могло бы совершенно обойтись без второстепенных деятелей. Вечная же память отошедшим собратьям! [23. С. 100].

В этом отношении основную интригу составляет выбор темы и материала – в опубликованных и черновых произведениях Авенариуса есть множество сюжетов из жизни Пушкина и его современников. Тем не менее для юбилейного сборника писатель выбрал тему, отстоящую от его пушкинистики, но сближающую читателя с травмирующей эпохой полемического романа. Остается только предполагать, что такой выбор мог отчасти соответствовать некоторой сатисфакции, и возможности «отыграть» события прошлого, представив их в выгодном для себя свете. Судя по попыткам актуализации его литературного наследия в 1990-е гг., такая стратегия отчасти дала прогнозируемый результат:

Читающей публике это имя – Авенариус – впервые открылось в 1885 г., вызвав восторги и изумления: писатель только что издал свою дилогию о Пушкине. А до этого, как теперь говорят, «звездного часа» он, весьма преуспевающий чиновник, вот уже двадцать лет все только ученически пытался покорить гордую музу поэзии. Пушкин же сразу сделал малоизвестного беллетриста и славным, и почитаемым. Им впервые заинтересовались всерьез. И тут выяснилось, что Авенариус – это не только так сразу полюбившийся всем его «Пушкин», но это еще и увлека-

тельные повести и романы о самых загадочных временах российской истории, это и романизированные жизнеописания многих-многих великих людей, это и стихи, былины, сказки... [25. С. 4].

В этом и подобных оценках современного читателя угадывается попытка культурной ревизии, нередко связанная с исключением неудобных литературных фактов из биографии забытого писателя. Задача исследователя прямо противоположна прагматике популяризатора – она требует восстановления и упорядочивания всех звеньев при реконструкции карьеры писателя-беллетриста и позитивистской верификации имеющихся данных при включении их в общий контекст эпохи¹⁸.

Неоднородное литературное наследие Авенариуса позволяет увидеть типичные стороны его творчества. Не романтик и не реалист, человек без каких-либо эстетических убеждений, в начале пути он избрал сюжет и стиль, подсказанный полемической эпохой. Две повести, объединенные в дилогию «Бродящие силы», определили его славу «клубниста» и «эротомана», мало чем отличающегося от отрицателей-нигилистов. Видя возможные риски для социальной репутации, он, всю жизнь совмещающий литературную деятельность со службой в департаменте¹⁹, не только переработал эти произведения, исключив из них множество скандальных подробностей, но и сменил ориентир, выбрав сначала модель неангажированного повествования, выработанную эпигонами Лермонтова (в первую очередь В.А. Соллогубом и М.В. Авдеевым), а в дальнейшем избрав наименее опасную и не требующую серьезных творческих успехов сферу детской литературы и популярной биографики. Так, он нашел себя в исторической и биографической беллетристике, едва ли не первым заложив основы популярной пушкинианы, тиражируя сюжеты из жизни классиков и представляя их для чтения юношеству.

Такое движение от сюжета к сюжету, от темы к теме свидетельствует о компромиссном характере творчества Авенариуса, и в то же время демонстрирует опознаваемые стратегии, классификация которых может приблизить исследователя к изучению модели поведения среднестатистического писателя-беллетриста.

Примечания

¹ Под литературной репутацией мы понимаем стереотипы и представления «о писателе и его творчестве, которые сложились в рамках литературной системы и свойственны значительной части его участников (критики, литераторы, издатели, книготорговцы, педагоги, читатели)» [1. С. 51]. При изучении писателей второго и третьего литературного ряда возникает сложность реконструкции этих стереотипов и представлений, поскольку многие из них имеют кратковременный характер и могут быть выявлены только в синхронии.

² Традиционно «шестидесятниками» называли не только и не столько людей поколения 1860-х гг., сколько разночинцев и передовую молодежь, близкую к типу «нового человека» [3, 4] Авенариус, в противоположность этой номинации, будучи автором антинигилистической прозы, наряду с Н.Д. Ахшарумовым и П.Д. Боборыкиным, относился к консервативному лагерю людей 1850-х гг.

³ Выбор пространства неслучаен: в начале 1861 г. Авенариус провел в Германии несколько месяцев, занимаясь естественными науками [2].

⁴ Аналогичный сюжет представлен в автобиографическом романе П.Д. Боборыкина «В путь-дорогу». Боборыкин, будучи студентом Дерптского университета, входил в сообщество Рутении и участвовал в таких дуэлях, бывших частью ритуального взаимодействия студенческих корпораций. Также следует отметить сходное значение эротической инициации героя, представленной в этом произведении.

⁵ По справедливому замечанию А.М. Скабичевского, автор «Поветрия» «все движение 60-х гг. свел исключительно на сенсуальную почву, предположив, что оно исчерпывается одною разнузданною эмансипацией чувственности» [7. С. 354].

⁶ Типичный троп для антинигилистического дискурса. Сходным образом описано «видение современности» в балладе А.К. Толстого «Поток-богатырь»:

Про какие-то женские споря права,
Совершают они, засуча рукава,
Пресловутое общее дело:

Потрошат чье-то мертвое тело [8. С. 110].

⁷ Практически дословное воспроизведение оригинала:

«Не хуже медика начала она рассказывать ему о своей болезни. Его передернуло: он, казалось, не ожидал от нее такой наивной беззастенчивости.

– Вот доктора и посоветовали мне поскорее выйти замуж...

Змений не вытерпел и грубо оттолкнул от себя ее руку, упиравшуюся на него.

– Какие речи!.. Вот плоды вашей прославленной эмансипации! Догадался я, чего тебе недостает: женственности, женственности нет в тебе! Дурак я, болваниссимум!

Лиза также взволновалась.

– Позвольте узнать, Александр Александрович, за что вы назвали себя дураком? Не за то ли, что приняли мою руку?

– За то, душа моя, за то!» [5. С. 274].

⁸ Во второй части дилогии аналогичным образом заканчивает жизнь приятельница главной героини Бреднева. В оригинале это событие описано с карамзинской патетикой:

«С отчаяньем кинулся юноша к распростертому на камнях труп сестры – и отшатнулся: он глянул в страшно искаженные черты, в тусклые, стеклянные глаза покойницы.

– Нет, уж тут взяты гладки, – говорили, с соболезнованием кряхтя и отдуваясь, окружающие. – Мертвец мертвецом. Господь да успокой ее грешную душу!» [5. С. 303].

⁹ Пародия Д.Д. Минаева оказалась настолько чрезмерной, что вызвала судебные разбирательства. Впрочем, В.С. Курочкин и сам автор смогли избежать каких-либо санкций.

¹⁰ Литературная репутация А.Ф. Писемского как автора социального романа «Тысяча душ» была довольно устойчивой, позволяя критике ставить его в один ряд с И.С. Тургеневым, Н.Д. Хвощинской и А.Н. Островским. Всё изменила публикация романа «Взбаламученное море», сделав Писемского антигероем шестидесятых годов (печатаемые им параллельно фельетоны под псевдонимом Никиты Безрылова стали поводом для баталии писателя с «Искрой», которая чуть было не закончилась дуэлью). Роман «Некуда» Н.С. Лескова-Стебницкого критика рассматривала как эпигонское продолжение «Взбаламученного моря», в то же время обвиняя Лескова в том, что третья часть его романа носит открыто памфлетный характер [15, 16]. Дальше всех в этих обвинениях, как известно, пошел Д.И. Писарев: «Меня очень интересуют следующие два вопроса: 1) Найдется ли теперь в России – кроме «Русского вестника» – хоть один журнал, который осмелился бы напечатать на своих страницах что-нибудь, выходящее из-под пера г. Стебницкого и подписанное его фамилией? 2) Найдется ли в России хоть один честный писатель, который будет настолько неосторожен и равнодушен к своей репутации, что согласится работать в журнале, украшающем себя повестями и романами г. Стебницкого?..» [17. С. 65]. Вероятно, сходную угрозу в адрес Авенариуса заключала в себе статья Шелгунова: «...мы обещаем г. Авенариусу не касаться его никогда, если он ограничится, в своей навозной куче, изображением одних клубничных сцен; пусть удобряет ими журнал г. Хана, сколько его душе угодно, но не берется порешать такие вопросы, которые нелегко укладываются в голове и не таких людей, как г. Авенариус» [6. С. 32].

¹¹ Не лишена интереса прототипическая основа произведений Лескова: и в докторе Розанове, и в Долинском современники видели черты автора [16].

¹² Пикировка с «литератором-красавцем» продолжилась в памфлете Лескова «Русское общество в Париже»: «Литератора Авенариуса, который недавно так хорошо писал о своей красоте, рассказывая, как в него повсеместно влюбляются иностранки, я не мог рекомендовать Саше, потому что еще не был и сам тогда о его красоте достаточно наслышан» [18. С. 461], «Я не знаю, может ли чувствовать и выражать что-нибудь подобное хотя одна в России живущая поклонница русской литературы, если в салоне ее будет ожидать даже хоть такой литератор, как г. Авенариус, которого где не знают по его произведениям, то и там (как сам он рассказывает) очень уважают за его красоту и ловкость? Не думаю; и ему, со всей его красотой, по моему мнению, могло очень везти только в Италии, где, как видно из его рассказа, теперь очень интересуются русскими литераторами и обращают на них крайнее свое внимание» [18. С. 502].

¹³ Лесков останавливается еще на одной небрежности, допущенной в рецензируемой повести: «В вышине, рядом со мною, возвышалось на краю обрыва, как бы составляя продолжение его, каменное строение, с надписью над воротами: Grand hôtel du Tasso, par les frères Gargitolo.

Так вот, подумал я.
«Где пел Торквато величавый,
Где и теперь во мгле ночной
Адриатической волной

(в Неаполитанском-то заливе?).

Повторены его октавы!».

Не соглашаясь с таким фамильярным отношением к цитированию Пушкина, Лесков писал: «Что тут такое изумило красивого литератора? Что за несообразность, достойную своего удивительного звания, нашел он в приведенных им стихах Пушкина? Думает ли он, а с ним вместе думает ли и почтенная редакция журнала «Всемирный труд», что Торквато величавый сидел и пел, как скворец в скворечне, только в своем маленьком домике на берегу Неаполитанского залива, а Пушкин не знал ни истории жизни Тассо, ни географии?

Всёконечно у красивого Авенариуса была именно эта злодейски-меткая мысль уязвить Пушкина.

Неужто ни г. Авенариусу и никому из сотрудников, принимающих участие в издании «Всемирного труда», неизвестно, что Торквато Тассо уехал из Сорренто восемнадцати лет и что Пушкин в осмеянном г-м Авенариусом стихотворении, говоря об октавах Тассо, имел в виду значение этих октав для Италии, а не для трактирчика, устроенного в долине, где родился Тассо?

«Италия! волшебный край!», – говорит Пушкин в этом стихотворении, обращаясь с ним не к трактирчику, с которым связал октавы Тассо просвещенный Авенариус, а ко всей Италии! <...> Какое надо иметь несчастное соображение, чтобы не понять, что все здесь сказанное идет к Италии, к "стране высоких вдохновений", где и Канова, и Рафаэль, и Байрон, а не к трактирчику, устроенному в домике, где жил Торквато ребенком и где (то-есть в трактирчике), к которому г. Авенариус так смешно припутал строфу Пушкина, гарсоны, пожалуй, могут, не зная даже ни одной тассовской октавы» [18. С. 51–52]. Тем большая ирония судьбы в том, что в дальнейшем Авенариус становится одним из первопроходцев в создании беллетристической пушкинианы.

¹⁴ Не исключено, что таково было требование журнала, покинув который, Авенариус отказывается от тенденциозной прозы.

¹⁵ Как и ранее, он не создавал оригинальное, а шел вслед произведениям Д.Л. Мордовцева и Г.И. Данилевского.

¹⁶ «Современная идиллия» печаталась в «Отечественных записках» в конце 1870-х гг. Едва намеченная пародия на идиллию становится камертоном шедринского текста, что обусловлено спецификой авторской жанровой поэтики [24].

¹⁷ Исходя из его позиции в литературном процессе последней трети XIX в., справедливо назвать Авенариуса писателем третьего литературного ряда.

¹⁸ Образец такой реконструкции – библиографическая статья М.О. Чудаковой [2].

¹⁹ Авенариус покинул службу в 1908 г., дослужившись до чина тайного советника.

Список источников

1. Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001.
2. Чудакова М.О. Авенариус, Василий Петрович // Русские писатели. М. : Советская энциклопедия, 1989.
3. Печерская Т.И. Феномен культурной экспансии разночинцев 1860-х годов: литературная ниша «писатель-народник» // Критика и семиотика. 2020. № 1.
4. Manchester L. *Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia* (Studies of the Harriman Institute). Northern Illinois University Press, 2008.
5. Авенариус В.П. Бродящие силы: две повести. СПб., 1867.
6. Шелгунов Н. Типы русского бессилия // Дело. 1868. № 3.
7. Скабичевский А. История новейшей русской литературы. 1848–1908 гг. СПб., 1904.
8. Толстой А.К. Сочинения : в 2 т. Т. 1: Стихотворения. М. : Художественная литература, 1981.
9. Салтыков-Щедрин М.Е. Рецензии. Бродящие силы. Две повести В.П. Авенариуса // Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений : в 20 т. М. : Художественная литература, 1970. Т. 9.
10. Скабичевский А. Русское недомыслие // Отечественные записки. 1868. № 9.
11. Видимый миру смех: Литература 1860–1870-х годов в зеркале гротеска, пародии и стилизации / под ред. А.Г. Василенко, Е.М. Алексеевой и др. М. : Флинта, 2023.
12. Ямпольский И. Г. Сатирическая журналистика 1860-х годов. М. : Художественная литература, 1964. 624 с.
13. Козлов А.Е. «Людоеды шестидесятых годов» Д.Д. Минаева, «Преступница, или нет» В.П. Буренина: как сделана пародия // Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. doi: 10.17223/18137083/74/5.
14. Авенариус В.П. От автора «Поветрия» // Всемирный труд. 1867. № 4.
15. Аннинский Л. Лесковское ожерелье. СПб., 2012.
16. Маркаде Ж. Особенности поэтики Лескова. М. : Академический проект, 2006.
17. Писарев Д.И. Прогулка по садам российской словесности // Русское слово. 1865. № 3. Отд. II «Литературное обозрение».
18. Лесков Н.С. Собрание сочинений : в 11 т. М. : ГИХЛ, 1957. Т. 10.
19. Старыгина Н.Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. М. : Языки славянской культуры, 2003.
20. Зубков К.Ю. «Антинигилистический роман» как полемический конструкт радикальной критики // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 4.
21. NN Образцовые сказки русских писателей. Составил для детей В.П. Авенариус // Северный вестник. 1895. № 9.
22. Казанцева Г.В. Беллетризованные биографии В.П. Авенариуса «Пушкин» и «Михаил Юрьевич Лермонтов»: история, теория, поэтика жанра : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
23. Авенариус В.П. Вечер в редакции // Литературный факт. 2024. № 1.
24. Пенская Е.Н. Проблемы альтернативных путей в русской литературе: поэтика абсурда в творчестве А.К. Толстого, М.Е. Салтыкова-Щедрина и А.В. Сухово-Кобылина. М., 2000.
25. Прокопов Т.Ф. «И твой восторг уразумел...». Книжки для всех Василия Авенариуса // Авенариус В.П. О Пушкине: Биографическая диалогия. Литературные очерки. Лицейские стихотворения А.С. Пушкина. М. : Терра, 1998.

References

1. Reytblat, A.I. (2001) *Kak Pushkin vyshel v genii. Istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoy kul'ture Pushkinskoy epokhi* [How Pushkin Became a Genius. Historical and Sociological Essays on the Book Culture of the Pushkin Era]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Chudakova, M.O. (1989) Avenarius, Vasilii Petrovich. In: Nikolaev P.A. (ed.) *Russkie pisateli* [Russian Writers]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian).
3. Pecherskaya, T.I. (2020) Fenomen kul'turnoy ekspansii raznochintsev 1860-kh godov: literaturnaya nisha "pisatel'-narodnik" [The Phenomenon of the Cultural Expansion of the Raznochintsey of the 1860s: the Literary Niche of the "Populist Writer"]. *Kritika i semiotika*. 1. pp. 263–278. doi: 10.25205/2307-1737-2020-1-263-278
4. Manchester, L. (2008) *Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia* (Studies of the Harriman Institute). Northern Illinois University Press.
5. Avenarius, V.P. (1867) *Brodyashchie sily: dve povesti* [Wandering Forces: Two stories]. Saint Petersburg: [s.n.].
6. Shelgunov, N. (1868) *Tipy russkogo bessiliya* [Types of Russian impotence]. *Delo*. 3.
7. Skabichevskiy, A. (1904) *Istoriya noveyshey russkoy literatury. 1848–1908 gg.* [History of Modern Russian Literature. 1848–1908]. Saint Petersburg: F. Pavlenkov.
8. Tolstoy, A.K. (1981) *Sochineniya* [Works]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
9. Saltykov-Shchedrin, M.E. (1970) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 9. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
10. Skabichevskiy, A. (1868) Russkoe nedomyslie [Russian Half-Thought]. *Otechestvennye zapiski*. 9. pp. 1–46.
11. Vasilenko, A.G. et al. (eds) (2023) *Vidimyy miru smekh: Literatura 1860–1870-kh godov v zerkale groteska, parodii i stilizatsii* [Laughter Visible to the World: Literature of the 1860s – 1870s in the mirror of grotesque, parody and stylization]. Moscow: Flinta.
12. Yampol'skiy, I.G. (1964) *Satiricheskaya zhurnalistika 1860-kh godov* [Satirical Journalism of the 1860s]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
13. Kozlov, A.E. (2021) "Lyudoedy shestidesyatykh godov" D.D. Minaeva, "Prestupnitsa, ili net" V.P. Burenina: kak sdelana parodiya [Cannibals, criminals, grotesque and mass-fiction: How the parody is made (Victor Burenin and Dmitry Minaev cases)] *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 1. doi: 10.17223/18137083/74/5
14. Avenarius, V.P. (1867) Ot avtora "Povetriya" [From the author of "Povetriya"]. *Vsemirnyy trud*. 4.
15. Anninskiy, L. (2012) *Leskovskoe ozherel'e* [Leskov's Necklace]. Saint Petersburg: Bibliopolis.
16. Marcadé, J.-C. (2006) *Osobennosti poetiki Leskova* [Features of Leskov's Poetics]. Translated from French. Moscow: Akademicheskii proekt.
17. Pisarev, D.I. (1865) Progulka po sadam rossiyskoy slovesnosti [A walk through the gardens of Russian literature]. *Russkoe slovo*. 3. Section II: "Literaturnoe obozrenie" [Literary Review].
18. Leskov, N.S. (1957) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 10. Moscow: GIKhL.
19. Starygina, N.N. (2003) *Russkiy roman v situatsii filosofsko-religioznoy polemiki 1860–1870-kh godov* [The Russian Novel in the Situation of the Philosophical and Religious Polemics of the 1860s – 1870s]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
20. Zubkov, K.Yu. (2015) "Antinigilisticheskiy roman" kak polemicheskii konstrukt radikal'noy kritiki ["The Anti-Nihilistic Novel" as a Polemical Construct of Radical Criticism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*. 4. pp. 122–140.
21. NN. (1895) *Obraztsy skazki russkikh pisateley. Sostavil dlya detey V.P. Avenarius* [Model Fairy Tales of Russian Writers. Compiled for Children by V. P. Avenarius]. *Severnyy vestnik*. 9.

22. Kazantseva, G. V. (2004) *Belletrizovannye biografii V.P. Avenariusa "Pushkin" i "Mikhail Yur'evich Lermontov": istoriya, teoriya, poetika zhanra* [Fictionalized Biographies of V.P. Avenarius "Pushkin" and "Mikhail Yuryevich Lermontov": History, Theory, Poetics of the Genre]. Philology Cand. Diss. Moscow.
23. Avenarius, V.P. (2024) V.P. Avenarius. Vecher v redaktsii (iz literaturnykh vospominaniy shestidesyatnika). Vstupitel'naya stat'ya, podgotovka teksta i primechaniya A.E. Kozlova [Vasily Avenarius. "An evening in the editorial office" (from the memoirs of a sixtier). Introductory article, text preparation and notes by A.E. Kozlov]. *Literaturnyy fakt*. 1. pp. 8–31. doi: 10.22455/2541-8297-2024-31-8-31
24. Penskaya, E.N. (2000) *Problemy al'ternativnykh putey v russkoy literature: poetika absurda v tvorchestve A.K. Tolstogo, M.E. Saltykova-Shchedrina i A.V. Sukhovo-Kobylyina* [Problems of Alternative Paths in Russian Literature: The poetics of the absurd in the works of A.K. Tolstoy, M.E. Saltykov-Shchedrin and A.V. Sukhovo-Kobylin]. Moscow: Carte Blanche.
25. Prokopov, T.F. (1998) "I tvoj vostorg urazumel...". Knigi dlya vseh Vasiliya Avenariusa ["And your delight understood...". Books for everyone by Vasily Avenarius]. In: Avenarius, V.P. *O Pushkine: Biograficheskaya dilogiya. Literaturnye ocherki. Litseyskie stikhotvoreniya A.S. Pushkina* [About Pushkin: Biographical dilogy. Literary essays. Lyceum poems by A.S. Pushkin]. Moscow: Terra.

Информация об авторе:

Козлов А.Е. – канд. филол. наук, научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: alexey-kozlov@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.E. Kozlov, Cand. Sci. (Philology), research fellow, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: alexey-kozlov@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.01.2024;
одобрена после рецензирования 16.02.2024; принята к публикации 30.04.2024.*

*The article was submitted 05.01.2024;
approved after reviewing 16.02.2024; accepted for publication 30.04.2024.*

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/15617793/501/3

Семасиологический анализ темпоральных существительных как средств выражения неглагольного аспектуального значения количества действия (на материале английского, русского, татарского)

Гюльнара Фирдависовна Лутфуллина¹

¹ Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия,
gflutfullina@mail.ru

Аннотация. Выявлены алломорфные и изоморфные черты функционирования темпоральных существительных в трех языках. Во всех случаях употребления множественного числа субстантивов выражалась многократность, использование форм единственного числа не предполагало данного значения и требовало обращения к контексту. Анализ количественных показателей позволяет утверждать, что в английском языке активность существительных темпоральной семантики более низкая по сравнению с русским и татарским в выражении аспектуальных значений количества действия.

Ключевые слова: субстантивы, имена прилагательные, количество действия, аспектуальность, темпоральность

Для цитирования: Лутфуллина Г.Ф. Семасиологический анализ темпоральных существительных как средств выражения неглагольного аспектуального значения количества действия (на материале английского, русского, татарского) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 22–29. doi: 10.17223/15617793/501/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/3

Semasiological analysis of temporal nouns as a means of expressing the non-verbal aspectual meaning of the quantity of action (based on English, Russian, Tatar)

Gyulnara F. Lutfullina¹

¹ Kazan State Energy University, Kazan, Russian Federation,
gflutfullina@mail.ru

Abstract. The relevance of the study is due to the need to develop an algorithm for creating a functional-semantic field of non-verbal means of expressing aspectuality. The study of the means of non-verbal aspectuality is one of the main aspects of the analysis of the functioning of the language. To reach the aim, the following objectives were set and achieved: (1) the range of nouns in languages with different structures involved in the representation of the aspectual meaning of the amount of action was determined; (2) semantic aspects of functioning were investigated; (3) allomorphic and isomorphic features were revealed. Three language corpus became the practical material of the study: the British National Corpus, the Written Corpus of the Tatar Language, the Russian National Corpus. In accordance with the objectives, descriptive, structural and comparative methods of analysis were used in the work, including the methods of corpus linguistics, namely, the method of quantitative analysis. The practical significance of the work is that the materials of the study can be used in the practice of teaching the relevant sections of comparative linguistics and can also complement the sections of the grammars of English, Russian and Tatar. The theoretical basis of the study was works in the field of quantitative aspectuality. To express iterativity, the temporal noun is used in the plural form; as for singular forms, the defining role belonged to the context. In the case of a singular number, it is important to determine whether this is a nomination of a single day or an interpretation of a generic concept that implies all periods so named. In English, prepositional forms are important, while in Russian and Tatar, case forms are relevant. The analysis of quantitative indicators allows us to state that in English the activity of nouns of temporal semantics is lower compared to Russian and Tatar in expressing aspectual meanings of the amount of action. It can be assumed that this is due to the presence of the category of cases in these languages. To express singularity with the accompanying meaning of instantaneity, temporal nouns of the corresponding semantics of the minimum time interval are used as part of monocomposite and bicomposite adverbial structures.

Keywords: substantives, adjectives, quantity of action, aspectuality, temporality

For citation: Lutfullina, G.F. (2024) Semasiological analysis of temporal nouns as a means of expressing the non-verbal aspectual meaning of the quantity of action (based on English, Russian, Tatar). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 22–29. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/3

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки алгоритма анализа неглагольных средств выражения функционально-семантического поля аспектуальности. Изучение средств неглагольной аспектуальности представляет собой один из основных аспектов анализа функционирования языка.

Целью исследования является определение потенциала темпоральных существительных в выражении значения многократности в зависимости от категории числа и падежа. Для достижения данной цели были поставлены и решены следующие задачи: во-первых, определены структурные особенности монокомпозиционных и бикомпозиционных обстоятельств с существительными темпоральной семантики в английском, татарском и русском языках; во-вторых, проанализированы случаи функционирования данных существительных во множественном и единственном числе; в-третьих, выявлены алломорфные и изоморфные черты.

Практическим материалом исследования стали три языковых корпуса: Британский национальный корпус / The British National Corpus (BNC), Письменный корпус татарского языка (ПКТЯ), Национальный корпус русского языка (НКРЯ).

В соответствии с поставленными задачами в работе были использованы описательный, структурный и сравнительный методы анализа, включая методы корпусной лингвистики, а именно метод количественного анализа.

Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы в практике преподавания соответствующих разделов сопоставительной лингвистики, а также дополняют разделы грамматики английского, русского и татарского языков.

Теоретической базой исследования послужили работы в области количественной аспектуальности. Аспектуальной семантике существительных английского языка уделяется большое внимание в работах Дж. Тонхаузера, Р.И. Мусан, Ф. Шилдер. Согласно определению Дж. Тонхаузера, темпоральные существительные – это существительные, связанные со временем. В современном языкознании много работ, посвященных существительным времени, Дж. Тонхаузер исследует темпоральные свойства существительных и пишет, что их значения влияют на свойства именных словосочетаний [1. Р. 287; 2. Р. 45]. Он утверждает, что существительные различаются отношением между темпоральным свойством, обозначаемым существительным, и временем, обозначенным существительным [3. Р. 833; 4. Р. 335]. По мнению Дж. Тонхаузера, «словосочетание с темпоральной семантикой относится ко времени высказывания или к прошедшему времени» [5–7]. Р.И. Мусан пишет, что «важно учитывать существительные, обозначающие временные свойства, чтобы

определить время локализации ситуации. Только с этими существительными действительно возможно разрешить две проблемы: “временную локализацию времени существования / *temporal location of times of existence*” и “временную локализацию времени ситуации / *temporal location of situation times*”. Определенные виды именных словосочетаний зависят от временной интерпретации предложения [8. Р. 621; 9; 10. Р. 23]. Ф. Шилдер делит выражение времени на четыре типа: дата, время, продолжительность и выбор. Он исследует все типы этих выражений и указывает, что «выражение выбора/частоты относится к периодическому аспекту события [11. Р. 41].

Имена существительные и прилагательные русского языка исследуют многие отечественные лингвисты. Е.С. Курапова анализирует семантический потенциал существительных русского языка, именуемых отрезки времени в русском языке [12]. Е.А. Блинова пишет, что языковое (не объективное) время становится для человека той реальностью, которую он может и должен познать, анализируя временные ориентиры русского языка [13]. Анализ значений существительных татарского языка представлен в работах А.А. Аминовой [14], Ф.А. Ганиева [15. С. 145], Г.Ф. Лутфуллиной [16], которые отдельно выделяют их в отдельную группу. Г.Ф. Лутфуллина пишет, что в татарском языке падежное оформление определяет разнообразие видов обстоятельств темпоральной семантики. Из зарубежных лингвистов М. Заречак исследовал семантическое кодирование временных существительных в русском языке для машинного перевода с русского на английский язык для облегчения синтаксического анализа русских предложений и их последующего перевода на английский язык [17].

Основная часть

Лексическая репрезентация аспектуальных значений представлена словоформами и сочетаниями слов – показателями характера протекания действия.

Лексические маркеры кратности описывают действие «со стороны», но не являются обязательными. В отличие от внутренней структуры действия, имплицуемой семантикой глагола, «внешние» показатели кратности, являются дополнительными [18. С. 231].

С лексическими маркерами кратности семантика глагола взаимодействует в контексте. Среди лексических маркеров аспектуальных значений традиционно упоминаются наречия и наречные сочетания. Реализация аспектуальных значений именами существительными в комбинации с детерминантами анализировалась в работах Г.Ф. Лутфуллиной [16]. Выражение аспектуальных значений другими частями речи не часто становилось объектом исследования.

Контекст выступает в роли актуализатора значения лексической единицы. Аспектуальный контекст рассматривается нами как взаимодействие языковых

средств разного уровня с целью репрезентации значения способа глагольного действия в рамках высказывания. Единицей контекста может быть любая единица высказывания, задействованная в выражении внутренней характеристики протекания действия.

Средства аспектальной репрезентации можно разделить на имплицитные и эксплицитные. К первым относятся прежде всего морфологические категории времени глагола как элементы функционально-семантического поля темпоральности, чье количественное и качественное темпорально-аспектуальные значения могут имплицитно репрезентировать аспектальную семантику. Ко вторым мы можем отнести лексические маркеры, эксплицитно репрезентирующие значения повтора, результата, фазовости, длительности.

Категория количества подразумевает как эксплицитное количество повторов с имплицитным количеством интервалов времени повтора, так и репрезентацию повторяемости этих интервалов. Третьим элементом указания количества выступает категория частотности как выражение неопределенного регулярного повторения.

Однократность действия сопряжена с числительным *one / один / бер*.

Мгновенность как проявление однократности при минимальном интервале времени репрезентируется соответствующими существительными *instantly / тотчас же / шундук*.

Многочастотность действия подразумевается наречиями частотности и атемпоральными обстоятельствами *often / часто / еш*.

Начальная лимитированная многочастотность часто выражается с участием порядкового числительного *first / первый / беренче*.

Финальная лимитированная многочастотность привязана к прилагательному *last / последний / сонгы*.

В составе обстоятельств времени, выражающих повторяемость интервалов, встречаются существительные количественной темпоральной семантики, часто в сочетании с предлогами или в соответствующем падежном оформлении.

Имя существительное (N) в функции монокомпозиционного обстоятельства во всех рассматриваемых языках аспектально значимо как на глубинном, так и на поверхностном уровнях. Лексико-семантическая группа существительных с количественной семантикой времени не соотносится с периодами прошлого, настоящего и будущего, выражая лишь протяженность во времени *in the evening / вечером / кичен*. Данные субстантивы имеют высокий потенциал сочетаемости и характеризуются частотностью функционирования в роли обстоятельств в языках. Существительные с количественно-темпоральным значением в английском, русском и татарском языках участвуют в двух типах конструкций: монокомпозиционном и бикомпозиционном. Если монокомпозиционные предполагают наличие одного компонента *вечером / кичен*, то бикомпозиционные представляют собой сочетание, как правило, предлога и существительного *по вечерам*.

Данные обстоятельства могут иметь значение множественности, выражая повтор интервалов времени.

Субстантивы темпоральной количественной семантики как однокомпонентные обстоятельства служат репрезентации кратного способа глагольного действия. На глубинном уровне речь идет о длительной акциональной семантике темпорального существительного с денотативным значением ограниченной протяженности во времени: *day, night, winter / день, ночь, зима / көне, төне, кышын* и т.д. На поверхностном уровне релевантна граммема числа существительного: множественное число имплицитно репрезентирует неограниченную кратность через указание на повтор интервалов времени действия: *days, nights, winters / дни, ночи, зимы / көннәрен, төннәрен, кышларын*.

Алгоритм анализа включал следующие параметры: 1) общее количество существительных в заданной синтаксической функции обстоятельства; 2) анализ содержания высказываний на предмет выражения однократности и множественности действия. В результате анализа высказываний методом сплошной выборки нами были выявлены примеры, выражающие множественность. Естественно предположить, что во всех случаях употребления множественного числа выражалась множественность, что касается форм единственного числа, то определяющая роль принадлежала контексту. Можно по-разному интерпретировать содержание высказываний с именем существительным темпоральной семантики в функции обстоятельства времени: *Зимой я купил лыжи* – однократное действие и *Зимой бывает холодно* – множественное действие.

1. *In winter, the temperature can drop to minus forty degrees centigrade / Зимой температура может опуститься до минус сорока градусов по Цельсию [BNC].*

2. *In winter, when the ice wind bit through your leg-gings, mittens and embroidered button holes / Зимой, когда ледяной ветер пробивает лосины, варежки и вышитые петлицы [BNC].*

3. *Red and brown autumn leaves ushered in winter, that dressed our world sparkling white / Красные и коричневые осенние листья возвещают зиму, которая одевает наш мир в сверкающую белизну [BNC].*

4. *...has very little water available during the short summers, and none in winters / ...имеет очень мало воды в течение коротких дней лета и почти полное отсутствие зимами [BNC].*

5. *...look after your house, shut the curtains at night and opening them during the day / ...следите за своим домом, закрывайте шторы на ночь и открывайте их днем [BNC].*

6. *There was certainly a lot of pressure during the day / Днем, безусловно, было большое давление [BNC].*

7. *During the days while the Captain worked on the ship, Frankenstein wrote down his story / В те дни, когда капитан работал на корабле, Франкенштейн писал свой рассказ [BNC].*

8. *During the days that followed, Ruth often remembered her mother's words / В последующие дни Руфь часто вспоминала слова своей матери [BNC].*

9. *How many times during a day do we actually get through to the person we need to speak to / Сколько раз в течение дня мы на самом деле дозваниваемся до человека, с которым нам нужно поговорить [BNC].*

10. *The teachers will observe and, hopefully, participate in language lessons in local schools during a day or half-day*

each week / Учителя будут наблюдать и, возможно, участвовать в уроках языка в местных школах в течение дня или половины дня каждую неделю [BNC].

В английском языке важна форма числа темпорального существительного: или это будет интерпретация как родового понятия, подразумевающего все именуемые таким образом периоды (1)–(6), или экспликация множественности интервалов (7)–(8). В английском языке обязательным является предложное оформление ввиду наличия только субъектного и объектного падежа, которые не позволяют разграничивать обстоятельство от дополнений. Наличие артикля детерминировано контекстом. Можно отметить, что функционирование темпоральных существительных во множественном числе и с неопределенным артиклем характеризуется низкой частотностью (9)–(10).

11. А ещё на крытом рынке **зимой** продают тёртую редьку с мясом и, бывает, капусту с мясом и майонезом [НКРЯ].

12. В Москве, в отличие от Тбилиси, **зимой** холодно, и минусовая температура пришлась бы на пик боевых действий, что в условиях войны привело бы к выходу из строя значительной части городской инфраструктуры [НКРЯ].

13. **Зимами** у них боевая черта была по самой середине реки, а по внешнему времени бились на Покатом логу [НКРЯ].

14. Еще была печка, рядом с которой **зимами** томились валенки, и большая барская кровать с кругобедной периной [НКРЯ].

15. **Что видят пчёлы пасмурным днём?** Пчёлы, как и кошки, не замечают красный цвет: он для них всё равно, что чёрный [НКРЯ].

16. Спал даже **днём** за несколько часов до начала соревнований [НКРЯ].

17. Мама Толстушка работала дворничихой и целыми **днями** мела пыль по двору [НКРЯ].

18. Конечно, среди гениев были и те, что с пяти лет целыми **днями** пилили на скрипочке или без усталости вгрызались цепкими молочными зубами в Евклидову геометрию [НКРЯ].

В русском языке наличие падежей определяет форму существительного в единственном числе как монокомпозиционного обстоятельства. Существительное в единственном числе в творительном падеже уточняет временной интервал повторяемых действий: *Зимой мы катаемся на санках* (обычно, часто, каждую зиму, Зима как родовое понятие, подразумевающее все зимы) (11)–(12), (15)–(16). Значение многократности выражается не столько обстоятельством, сколько присуще всему высказыванию. Предикат в форме вневременного настоящего имплицитно актуальность события в течение указанного временного периода, но общая продолжительность повторения периодов не ограничена.

При анализе данного типа монокомпозиционных обстоятельств мы сталкиваемся с проблемой дифференциации наречий и существительных. Согласно точке зрения Ф.И. Панкова, данная форма классифицируется как наречие [19. С. 45]. Е.С. Курапова, точка зрения которой мы придерживаемся, рассматривает темпоральные существительные как отдельную группу [12].

Существительное во множественном числе в творительном падеже уточняет временной интервал повторяемых действий: *Днями мы гуляем на улице* (13)–(14), (17)–(18). Предикат в форме настоящего времени имплицитно многократность повторов, но их общая продолжительность ограничена (серия дней прогулок предполагает ограниченность).

19. Анда бу иблис металлын жэй көне_генә чыгарганнар, **кышын** христианнар брезент палаткада яшәгән / Там этот металл, принадлежащий дьяволу, летом выносили на сушу, а зимой христиане жили в брезентовых палатках [ПКТЯ].

20. **Кышын** мәктәп йортында хоккей уйнаганда шайба күрше йортта яшәүче Сәгыйдә карчыкның абзар тәрәзесенә тиеп пыяланы чөлпәрәмә китергәндә_дә үз гаебен ялгыш хәрәкәте белән аңлата алды бит / Когда зимой, играя в хоккей в школьном доме, шайба попала в окно сарая старухи из соседнего дома, Сагадат смогла безошибочным движением объяснить свою вину [ПКТЯ].

21. **Кышларын** исә кыенрак, салкын мунчада яки сәндәрәдә, күпме_генә киенеп – төренеп утырсан_да, бермәлесалкыннан тешләр тешкә бәрелә башлый / Зимами сложнее, в холодной бане или в сандалиях, сколько ни одевайся, зубы начинают стучать [ПКТЯ].

22. **Кышларын** терлек азыгы житмәгәндә, үз өеннән бәрәңге ташып сыерларына ашатты / Зимами, когда не хватало корма, он возил из дома картофель и кормил коров [ПКТЯ].

23. Көпә – **көндөз** качаклашып утыралар бит, хәерсезләр / Днём и ночью сидят обнявшись, бесстыжие [ПКТЯ].

24. **Көндөз** эсседән жәфа чигәсен, ләкин кичләрен салкын – ча инде / Днём страдаешь от жары, а по вечерам холодно [ПКТЯ].

25. **Көндөзләрен** үтергәнче кеше көлдәрәп йөргән Шүрәленең төнлә теше сызлап интектерсә, ничек кызык буласы! / Как забавно было бы, если бы у Шуралы, который днями убивал людей, доводя до смерти щекоткой, по ночам болели зубы! [ПКТЯ].

26. **Көндөзләрен** ерак эйберләрен күзәткәндә без күз чагымасын өчен кулыбызны мангайга куеп, күлгәләп карыйбыз / Днём, наблюдая за отдалёнными предметами, мы прикрываем глаза руками и смотрим [ПКТЯ].

В татарском языке наличие падежей определяет разнообразие падежного оформления темпорального существительного в единственном числе как монокомпозиционного обстоятельства, выражающего «периодическое и непериодическое время» [20. С. 151]: 1) существительное с темпоральным значением во множественном числе (примеры № 21, 22, 25, 26) или существительное *чак*, чаще во множественном числе в местно-временном падеже + определение, уточняющее временной момент нерегулярно повторяемых действий: *жәйге көннәрең*; 2) существительное с темпоральным значением на *-ләй (ли)* + глагол = *жәйләй бару*; 3) существительное с темпоральным значением на *-ын* + глагол = *кышын бару* (примеры № 19, 20, 23, 24). М.З. Закиев выделяет последние две модели \ обстоятельств в татарском языке как обозначающие непериодическое время [20. С. 151]; 4) существительное с темпоральным значением + аффикс *-дәгечә*:

көндәгечә, кичәдәгечә, образующееся по типу *гадәттәгечә*.

Как видно из этих примеров, во всех трех языках форма множественного числа темпорального существительного выражает многократность, что касается форм единственного числа, то определяющая роль принадлежит контексту. Рассмотрим роль контекста подробнее.

Два высказывания – *Зимой мы отправились в далекую экспедицию* и *Зимой мы занимаемся рыбалкой* – отличаются выражением однократности в первом случае и многократности во втором. Первый предикат в форме совершенного прошедшего представляет вполне конкретное однократное осуществление действия в прошлом, и, следовательно, обстоятельство актуализирует интервал этого действия. Второй предикат в форме настоящего времени имплицитно постулирует реализацию действий, ввиду этого обстоятельство интерпретируется как номинирующее связанное с этим временем действие.

В случае единственного числа важно определить, или это номинация отдельного дня или интерпретация родового понятия, подразумевающего все именуемые таким образом периоды. В английском языке важно предложное оформление, тогда как в русском и татарском релевантны падежные формы.

Материалом исследования послужили данные 3 лингвистических корпусов: British National Corpus (96 263 399) (дата обращения: 04.12.2022), Письменный корпус татарского языка (112 000 000) (дата обращения: 05.12.2022), Национальный корпус русского языка (159 000 000) (дата обращения: 05.12.2022) (таблица).

Анализ абсолютных количественных показателей, взятых из относительно равнозначных по объему корпусов трех языков, позволяет утверждать, что в английском языке активность существительных темпоральной семантики более низкая по сравнению с русским и татарским в выражении аспектуальных значений количества действия. Можно предположить, что это связано с наличием категории падежей в русском и татарском языках.

Количественные показатели частотности функционирования существительных темпоральной семантики *день / зима*

Форма существительного + номер примера + количество в корпусе					
Английский язык		Русский язык		Татарский язык	
<i>In winter</i> (1)–(2)	879	<i>Зимой</i> (11)–(12)	13 745	<i>Кышын</i> (19)–(20)	12 914
<i>In winters</i> (3)–(4)	3	<i>Зимами</i> (13)–(14)	101	<i>кышларын</i> (21)–(22)	1 311
<i>During the day</i> (5)–(6)	764	<i>Днем</i> (15)–(16)	26 890	<i>көндөз</i> (23)–(24)	28 201
<i>During the days</i> (7)–(8)	35	<i>Днями</i> (17)–(18) и	3 940	<i>Көндөзләрен</i> (25)–(26)	2 122
<i>For a second</i>	844	<i>В ту же секунду</i>	730	<i>Шул секунда</i>	171
<i>In a second</i>	239	<i>За секунду</i>	219	<i>Секунд эчендә</i>	1479
<i>During a day</i> (9)–(10) 11 вхождений					
<i>A second</i> имеет 6 599 вхождений					
<i>At this second</i> имеет семь вхождений					

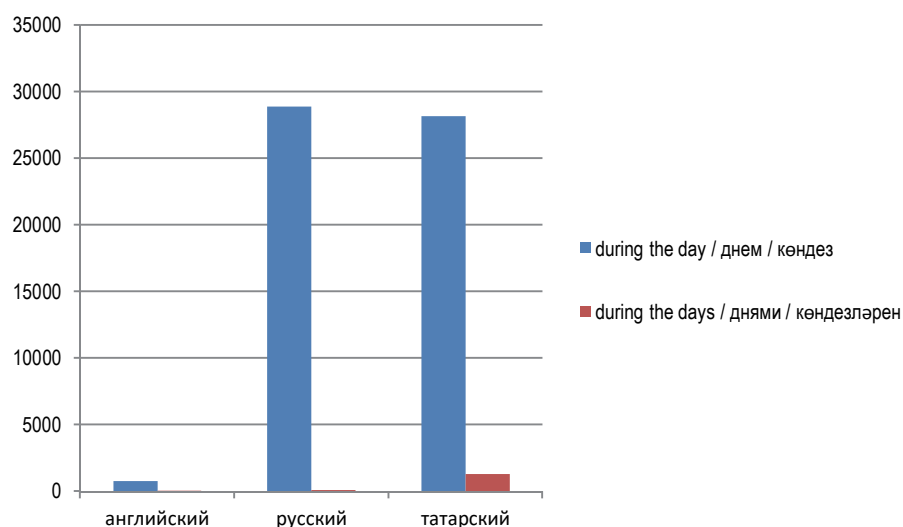
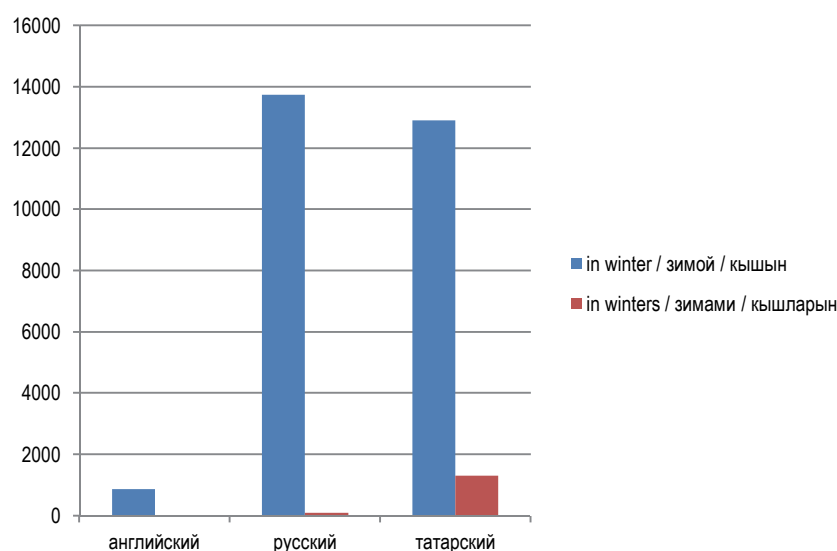
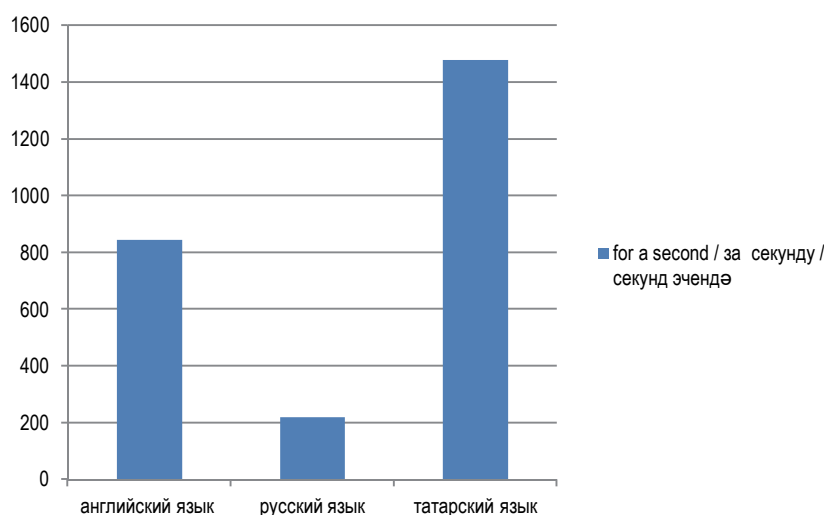

Рис. 1. Количественные показатели существительного *day / день / көн*

Рис. 2. Количественные показатели существительного *winter / зима / кыш*Рис. 3. Количественные показатели существительного *second / секунда / секунда*

Существительные с точечной темпоральной семантикой играют главную роль при реализации мгновенных способов глагольного действия, так как указывают на ограниченный малый интервал времени совершения действия, сводя его к точке. Рассмотрим репрезентацию значения мгновенности на примере существительного, эксплицирующего минимальный интервал времени, – секунда (рис. 3).

1. This is known, for reasons that I'll point out *in a second*, as a macroscopic technique / Это известно по причинам, которые я укажу через секунду, как макроскопический метод [BNC].

2. So let's just look *for a second* at gating / Итак, давайте на секунду посмотрим на стробирование [BNC].

3. But *at this second* Flatpattern's ex-wife, who has been trying to track him down for alimony, appears, denounces him and the syndicate and mayhem breaks out / Но в эту секунду появляется бывшая жена Флэтпаттерна, которая пыталась выследить его для получения алиментов, осуждает его, и вспыхивает синдикат и хаос [BNC].

4. – Ну а как же, – весело и дружелюбно ответил Корнилов, с удовольствием рассматривая его полное белое лицо и светлые водянистые глаза, они даже как-то поглупели *за секунду* [НКРЯ].

5. *В ту же секунду* почему-то вновь зазвучала та же безумная музыка [НКРЯ].

6. *Бер секунд эчендә* Әхмәдинең башыннан бөтен гомере йөгерең узды / За секунду в голове Ахмадия пролетела вся его жизнь [ПКТЯ].

7. *Шул секундта* дөм карангы булып китте, мотор тавышы тынды һәм... ыңгырашу ишетелде / В ту секунду стало темно, затих шум мотора... раздался крик [ПКТЯ].

Как видно из этих примеров, в английском и русском языках отмечается разнообразие сочетаний с предлогами, иногда в комбинации с указательными местоимениями. В татарском языке присутствует послеложное оформление. В русском и татарском языках важны падежные формы существительных: в русском языке – форма винительного падежа, в татарском языке – форма основного падежа (*бер секунд эчендә*) и форма местно-временного падежа (*шул секундта*).

В английском языке смена артикля ведет к смене значения *in the second* предполагает обязательное следование существительного и переводится как *во второй + существительное*.

Темпоральные имена существительные в составе монокомпозиционных и бикомпозиционных обстоятельственных структур реализуют значение однократности и мгновенности. Татарский язык количественно доминирует по частотности функционирования обстоятельства со значением мгновенности.

Темпоральные имена существительные в составе монокомпозиционных и бикомпозиционных обстоятельственных структур реализуют значение однократности и мгновенности. Татарский язык количественно доминирует по частотности функционирования обстоятельства со значением мгновенности.

Выводы

1. В английском языке представлены бикомпозиционные обстоятельства с существительными темпоральной

семантики, тогда как в татарском и русском языках падежное оформление позволяет не прибегать к помощи предлога и ограничиться монокомпозиционным обстоятельством.

2. Для выражения многократности темпоральное существительное употребляется в форме множественного числа, что касается форм единственного числа, то определяющая роль принадлежала контексту. В случае единственного числа важно определить или это номинация отдельного дня или интерпретация родового понятия, подразумевающего все именуемые таким образом периоды.

3. Для выражения однократности с сопутствующим значением мгновенности употребляются темпоральные имена существительные соответствующей семантики минимального интервала времени в составе монокомпозиционных и бикомпозиционных обстоятельственных структур.

Анализ количественных показателей позволяет утверждать, что в английском языке активность существительных темпоральной семантики более низкая по сравнению с русским и татарским в выражении аспектуальных значений количества действия.

Список источников

1. Tonhauser J. A Dynamic Semantic Account of the Temporal Interpretation of Noun Phrases // *Proceedings of SALT*. 2002. Vol. 12. P. 286–305.
2. Tonhauser J. The Temporal Semantics of Noun Phrases: Evidence from Guarani. PhD diss. Stanford University, 2006. 123 p.
3. Tonhauser J. Nominal Tense? The Meaning of Guarani Nominal Temporal Markers // *Language*. 2007. Vol. 83 (4). P. 831–869.
4. Tonhauser J. Defining Cross-Linguistic Categories: The Case of Nominal Tense: Reply to Nordlinger & Sadler // *Language*. 2008. Vol. 84 (2). P. 332–342.
5. Tonhauser J. Temporal Anaphora of Noun Phrases. MS, The Ohio State University, 2011. 200 p.
6. Tonhauser J. Cross-Linguistic Temporal Reference // *Annual Review of Linguistics*. 2015. Vol. 1. P. 129–154.
7. Tonhauser J. Temporal Properties of Noun Phrases // *The Wiley Blackwell Companion to Semantics*. John Wiley & Sons, 2020. doi: 10.1002/9781118788516.sem126
8. Musan R. Temporal Interpretation and Information-Status of Noun Phrases // *Linguistics and Philosophy*. 1999. Vol. 22, № 6. P. 621–661. URL: <https://www.jstor.org/stable/25001763>
9. Musan R.I. On the temporal interpretation of noun phrases. PhD thesis. Massachusetts Institute of Technology, 1995.
10. Musan R. On the Temporal Interpretation of Noun Phrases. New York : Routledge, 2021. 220 p.
11. Schilder F. Extracting meaning from temporal nouns and temporal prepositions // *ACM Transactions on Asian Language Information Processing*. 2004. Vol. 3, Is. 1. P. 33–50. doi: 10.1145/1017068.1017071
12. Курапова Е.С. Комплексная семантика темпоральных существительных в русском языке // *Вестник СамГУ*. 2015. № 4. С. 133–139.
13. Блинова Е.А. Разграничение языкового и концептуального времени // *Альманах современной науки и образования*. Тамбов : Грамота, 2007. № 3 (3) : в 3 ч. Ч. III. С. 26–28.
14. Аминова А.А., Ахметова Л.А. Производные русские, немецкие и татарские глаголы поля пространственных отношений: сопоставительный аспект // *Филология и культура*. 2015. № 1 (39). С. 123–129.
15. Ганиев Ф.А. Татарский язык проблемы исследования. Казань : Таткнигиздат, 2000. 432 с.
16. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М. : Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
17. Zarechnak M. Subclasses of temporal nouns. URL: <https://aclanthology.org/www.mt-archive.info/70/GURT-1989-Zarechnak.pdf> (дата обращения: 04.12.2023)
18. Лутфуллина Г.Ф. Репрезентация ситуации восприятия временными формами английского языка // *Вестник Томского государственного университета*. Филология. 2015. № 2 (34). С. 23–32.
19. Панков Ф.И. Опыт функционально-коммуникативного анализа русского наречия. М. : МАКС Пресс, 2008. 448 с.
20. Татарская грамматика. Т.1. Морфология / ред. колл. М.З. Закиев, Ф.А. Ганиев, К.З. Зиннатуллина. Казань, 1997. 582 с.

References

1. Tonhauser, J. (2002) A Dynamic Semantic Account of the Temporal Interpretation of Noun Phrases. *Proceedings of SALT*. 12. pp. 286–305.
2. Tonhauser, J. (2006) *The Temporal Semantics of Noun Phrases: Evidence from Guarani*. PhD Diss. Stanford University.
3. Tonhauser, J. (2007) Nominal Tense? The Meaning of Guarani Nominal Temporal Markers. *Language*. 83 (4). pp. 831–869.
4. Tonhauser, J. (2008) Defining Cross-Linguistic Categories: The Case of Nominal Tense: Reply to Nordlinger & Sadler. *Language*. 84 (2). pp. 332–342.
5. Tonhauser, J. (2011) *Temporal Anaphora of Noun Phrases*. MS, The Ohio State University.
6. Tonhauser, J. (2015) Cross-Linguistic Temporal Reference. *Annual Review of Linguistics*. 1. pp. 129–154.
7. Tonhauser, J. (2020) Temporal Properties of Noun Phrases. In: *The Wiley Blackwell Companion to Semantics*. John Wiley & Sons. doi: 10.1002/9781118788516.sem126
8. Musan, R. (1999) Temporal Interpretation and Information-Status of Noun Phrases. *Linguistics and Philosophy*. 22 (6). pp. 621–661. [Online] Available from: <https://www.jstor.org/stable/25001763>
9. Musan, R.I. (1995) *On the temporal interpretation of noun phrases*. PhD Thesis. Massachusetts Institute of Technology.
10. Musan, R. (2021) *On the Temporal Interpretation of Noun Phrases*. New York: Routledge.

11. Schilder, F. (2004) Extracting meaning from temporal nouns and temporal prepositions. *ACM Transactions on Asian Language Information Processing*. 3 (1). pp. 33–50. doi: 10.1145/1017068.1017071
12. Kurapova, E.S. (2015) Kompleksnaya semantika temporal'nykh sushchestvitel'nykh v russkom yazyke [Complex semantics of temporal nouns in Russian]. *Vestnik SamGU*. 4. pp. 133–139.
13. Blinova, E.A. (2007) Razgranichenie yazykovogo i kontseptual'nogo vremeni [Distinction between linguistic and conceptual time]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 3 (3):III. pp. 26–28.
14. Aminova, A.A. & Akhmetova, L.A. (2015) Proizvodnye russkie, nemetskie i tatarskie glagoly polya prostranstvennykh otnosheniy: sopostavitel'nyy aspekt [Derivative Russian, German, and Tatar verbs of the field of spatial relations: comparative aspect]. *Filologiya i kul'tura*. 1 (39). pp. 123–129.
15. Ganiev, F.A. (2000) *Tatarskiy yazyk problemy issledovaniya* [Tatar language research problems]. Kazan: Tatknigizdat.
16. Bondarko, A.V. (2002) *Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noy grammatiki: Na materiale russkogo yazyka* [Theory of meaning in the system of functional grammar: Based on the Russian language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
17. Zarechnak, M. (1989) *Subclasses of temporal nouns*. [Online] Available from: <https://aclanthology.org/www.mt-archive.info/70/GURT-1989-Zarechnak.pdf> (Accessed: 04.12.2023).
18. Lutfullina, G.F. (2015) Representation of the perception situation by English tenses. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2 (34). pp. 23–32. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/34/3
19. Pankov, F.I. (2008) *Opyt funktsional'no-kommunikativnogo analiza russkogo narechiya* [Experience of functional-communicative analysis of Russian dialect]. Moscow: MAKSS Press.
20. Zakiev, M.Z., Ganiev, F.A. & Zinnatullina, K.Z. (eds) (1997) *Tatarskaya grammatika* [Tatar grammar]. Vol. 1. Kazan.

Информация об авторе:

Лутфуллина Г.Ф. – д-р филол. наук, зав. кафедрой иностранных языков Казанского государственного энергетического университета (Казань, Россия). E-mail: gflutfullina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

G.F. Lutfullina, Dr. Sci. (Philology), head of the Foreign Languages Department, Kazan State Energy University (Kazan, Russian Federation). E-mail: gflutfullina@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.03.2022;
одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 19.03.2022;
approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 30.04.2024.

Научная статья
УДК 82-9
doi: 10.17223/15617793/501/4

Хронотоп охоты в цикле очерков И.С. Тургенева «Записки охотника»

Алина Викторовна Ляпина¹

¹ Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Омск, Россия, a.v.liapina@mail.ru

Аннотация. Рассматривается своеобразие хронотопа охоты в цикле рассказов И.С. Тургенева «Записки охотника», определяется его сюжетообразующая и композиционная роль. Выделяются группы ключевых мотивов, моделирующих сюжеты рассказов (пространственно-временные, онтологические, аксиологические, социальные), описывается характер взаимодействия героя-охотника с миром природы и социумом. По результатам исследования сделан вывод о том, что в хронотопе охоты репрезентированы представления И.С. Тургенева о базовых ценностях русской жизни, к которым относятся свобода, чувство всеобщего равенства и национального единства, глубинное знание и понимание природы, чувство прекрасного.

Ключевые слова: хронотоп, хронотоп охоты, И.С. Тургенев, «Записки охотника», охотничий рассказ, мотив, мотивный анализ

Для цитирования: Ляпина А.В. Хронотоп охоты в цикле очерков И.С. Тургенева «Записки охотника» // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 30–36. doi: 10.17223/15617793/501/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/4

Chronotope of hunting in the series of essays *A Sportsman's Sketches* by Ivan Turgenev

Alina V. Lyapina¹

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, a.v.liapina@mail.ru

Abstract. The relevance of this study is associated with the insufficient development of the methodology for analyzing a hunting story, the genre features of which were fully revealed in Ivan Turgenev's cycle. In the article, Turgenev's *A Sportsman's Sketches* cycle is considered for the first time in the context of the problem of the development of hunting literature, which arose in the middle of the 19th century during the transformation of national life. The aim of the article was to describe the genre model of a hunting story based on the essays *A Sportsman's Sketches*. The analysis of the works in the aspect of chronotope made it possible to identify groups of key motifs (spatio-temporal, ontological, axiological, social), conditioned by both the specifics of hunting and the author's attitude to it. The motifs of journey, meeting and trusting relationship between people determine the plot lines. The motifs of remembrance, trusting relationship with nature, fear of nature, death, equality of all living beings before the laws of being, irreversibly passing time, aesthetic contemplation of nature demonstrate the nature of the interaction of man and nature, testify to the deep connections of man with the origins of national life, with its powerful moral impulses. In the categories of hunting, Turgenev created an image of the serfdom era, with its social conflict and instability. Turgenev's attitude to serfdom is represented by a number of motifs: social inequality; bad signs of the life of serf owners: cruelty, imitation of fashion, passivity, inability to adapt to life; the relationship between the master and the peasant woman. The motif of equality of the participants in the hunt, realized in the stories, testifies to the social transformations that have begun in the country. In his works, Turgenev contributed a lot to the formation of a positive image of Russian hunting and a hunter, a person for whom wandering with a gun over his shoulder was not ultimately burdened by the thirst for prey. A type of a hunter close to him is a person with a developed sense of self-worth, sensitive to the life of nature and the lives of others, possessing a free mind and an independent character. It is concluded that Turgenev actualized the basic values of Russian life: freedom, a sense of universal equality and national unity, deep knowledge and understanding of nature, its integrity and beauty, which were fully manifested in hunting activities. The writer created a dialogical model of interaction between man, nature and society. Only in dialogue can any forms of life manifest themselves: man–nature, man–man, man–society.

Keywords: chronotope of hunting, Ivan Turgenev, *A Sportsman's Sketches*, hunting story, motif, motif analysis

For citation: Lyapina, A.V. (2024) Chronotope of hunting in the series of essays *A Sportsman's Sketches* by Ivan Turgenev. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 30–36. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/4

Введение

Цикл И.С. Тургенева «Записки охотника» имеет свои устойчивые традиции в изучении. Проанализирована антикрепостническая направленность книги, изучена творческая история произведения, осмыслена проблема взаимоотношения человека и природы, выявлены черты национального своеобразия русского реализма и традиции «натуральной школы». Цикл изучен как художественное единство. В контексте развития охотничьей темы он рассматривался М.П. Алексеевым [1], Ю.В. Лебедевым [2], В.А. Ковалевым [3], М.М. Одесской [4], А.Ю. Большаковой [5], В.А. Кошелевым [6], Н.А. Хохловой [7], В.М. Гуминским [8] и другими. Однако методика анализа охотничьего рассказа, корифеями которого считаются И.С. Тургенев и С.Т. Аксаков, еще недостаточно проработана. М.М. Одесская в своем научном труде отметила: «Специфика, генезис и эволюция этих явлений еще ждут своего дальнейшего истолкования» [4. С. 64].

Таким образом, актуальность настоящего исследования является многоаспектной. Во-первых, оно продолжает традицию изучения цикла И.С. Тургенева «Записки охотника» под углом зрения охотничьей тематики; во-вторых, предлагает новые в отношении рассказов Тургенева и охотничьей литературы в целом методологические подходы, позволяющие описать жанровую модель охотничьего рассказа; в-третьих, рассматривает вклад писателя в решение национальных вопросов в условиях широких социальных преобразований.

Нам представляется целесообразным рассмотреть жанровых особенностей охотничьего рассказа с позиции хронотопа. Как утверждает М.М. Бахтин, «хронотоп в литературе имеет существенное жанровое значение», «он определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности» [9. С. 319, 324], является организационным центром основных событий произведения и выполняет сюжетобразующую и изобразительную функции [9. С. 324]. Охота обуславливает широкую пространственно-временную организацию цикла, так как выстраивает отношения повествователя не только с миром природы, но и с миром людей в реальном времени и в ретроспекции. Охотник наблюдает и описывает условия жизни, быта людей, их отношения друг к другу и к миру природы, характеризует охотничьи снаряжения, навыки, обычаи.

Метод мотивного анализа позволит выявить и описать семантику и функции мотивов, обусловленные спецификой охоты.

Результаты исследования

Хронотоп охоты предполагает широкую пространственно-временную организацию цикла, так как выстраивает отношения повествователя с миром природы и с миром людей в реальном времени и в ретроспекции.

В хронотопе охоты мы выделили группы мотивов, обусловленные спецификой охоты и авторским отношением к ней.

Пространственно-временные мотивы

Мотив дороги

В рамках хронотопа охоты ведущим мотивом является мотив дороги. Как отмечает М.М. Бахтин, «здесь могут случайно встретиться те, кто нормально разьединен социальной иерархией и пространственной далью, здесь могут возникнуть любые контрасты, столкнуться и переплестись различные судьбы. Здесь своеобразно сочетаются пространственные и временные ряды человеческих судеб и жизней, осложняясь и конкретизируясь социальными дистанциями, которые здесь преодолеваются. Это точка завязывания и место свершения событий. Здесь время как бы вливается в пространство и течет по нему (образуя дороги), отсюда и такая богатая метафоризация пути-дороги: «жизненный путь», «вступить на новую дорогу», «исторический путь» и проч.» [9. С. 320]. Исследователь придает значение «дороги по родной стране», что дает возможность автору продемонстрировать «социально-историческое многообразие этой родной страны» [9. С. 321].

В рассказах поведение охотника (блуждание в лесу с ружьем на плече, сборы на охоту) становится сюжетобразующим. Мотив пути организует действие. Путешественник отправляется на охоту один или со спутниками, во время которой встречается с разными людьми и узнает истории их жизни.

Мотив пути позволяет в свободной форме, отступая от фабульной линии, включать пейзажные зарисовки, философские размышления, этнографические описания, давать характеристику рельефа местности, фиксировать время происходящих событий.

Темпоральная сфера охоты включает описание исторического (например, вводится в повествование история рода Чертопханова; воспоминание об охотах графа Алексея Григорьевича Орлова) и календарного времени («Я сидел в березовой роще осенью, около половины сентября» [11. С. 240]); характеристику времени в природных категориях сезонных циклов и погодных условий («душный зной летнего облачного дня», «вечером мы с охотником Ермолаем отправились на тягу» [11. С. 19]), «в начале августа жары часто стоят нестерпимые» [11. С. 30], «удушливый зной» [11. С. 30], «прекрасный июльский день» [11. С. 86]). Пространство охоты – это география охоты, зафиксированная в заглавиях («Льгов», «Бежин луг», «Касьян с Красивой Мечи», «Малиновая вода», «Лес и степь»), в указаниях в самих произведениях (Калужская губерния, Орловская губерния, Жиздринский уезд, Щигровский уезд, Болховский уезд, речка Иста, село Шумихино, Тульская губерния, Курская дорога и другие), шире – в представлении панорамы русского мира, включающей и природное («широкая распаханная равнина», «узкие тропинки», «березовые рощи») и социальное пространство (усадебная, церковь, мельница, контора, сарай, изба).

Тургенев дал описание местности, которая, с одной стороны, «обуславливает культурные традиции региона» [10. С. 100], с другой – наделяется эстетической привлекательностью. Маршрут охотника протекает по

просторам Среднерусской возвышенности, с региональными особенностями которой не был еще знаком русский читатель 1840-х гг., выросший на экзотических пейзажах В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и других писателей романтической эпохи. И.С. Тургенев «предложил определённые параметры пространственной образности национального ландшафта со множеством пейзажных зарисовок, дал его физиономическую характеристику» [10. С. 101]. Орловская деревня выглядит бедно в сравнении с Калужской деревней, она расположена «среди распаханых полей, близ оврага, кое-как превращенного в грязный пруд» [11. С. 7]. В Калужской деревне «избы стоят вольней и прямей, крыты тесом; ворота плотно запираются, плетень на задворке не разметан и не вывалился наружу» [11. С. 7].

Визуализация лесостепного ландшафта в «Записках охотника» оказалась важной для освоения национальных мотивов в литературе реализма и художественной культуре в целом.

Тургенев обозначил связь человека с местом («шутломовские крестьяне», «шипилевские крестьяне», «орловский мужик», «калужский мужик»), которое определило уровень его жизни, например, орловский мужик ходит на барщину, а калужский – платит оброк.

Реальное географическое пространство с узнаваемыми пейзажами, набором флористических образов доведено Тургеневым до уровня абсолюта, оно опозитивировано и идеализировано повествователем-охотником: «других таких лугов по всей Расеи нету»; «скоро сенокосы начнутся, и что тут этого самого сена нагребут – беда! А в заводях рыбы тоже много. Лещи такие!» [11. С. 346].

Мотив встречи

М.М. Бахтин называет дорогу местом случайных встреч. «На дороге (“большой дороге”) пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути многообразнейших людей – представителей всех сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей, возрастов» [9. С. 320].

Заглядывая в глухие деревеньки, в помещичьи усадьбы, посещая охотничьи угодья и лесные сторожки, ночуя у стога сена или на лугу у костра, рассказчик вглядывался в крестьянский и помещичий быт, узнавал истории жизни людей, изучал народную речь.

Мотив воспоминания

Характерным для рассказов И.С. Тургенева является расположение событий в прошлом по отношению к моменту повествования. Мотив воспоминания двигает сюжет: либо сам рассказчик делится воспоминаниями (например, пение Якова Турка провоцирует воспоминание о море и белой чайке), либо герои актуализируют события из своего прошлого (например, однодворец Овсяников вспоминает свою поездку в юношеском возрасте в Москву; помещик Зверков вспоминает горничную своей жены Арину; о своей любви к умирающей девушке рассказывает уездный лекарь).

Участники охоты, часто сидя у костра, вспоминают наиболее яркие события, делятся своими переживаниями, ощущениями и впечатлениями о проведенном времени и о людях, с которыми они встречались. Например, одну такую историю Арины, жены мельника, узнает рассказчик в этот час суток («Ермолай и мельничиха»), повествователь-охотник слушает деревенские истории, рассказанные мальчиками у костра («Бежин луг»).

Пребывание в настоящем пробуждает память о прошлом, которое оказывается как бы частью, отрезком общего движения времени. Рассказчик любит осенним лесом, вспоминая «любимые образы, любимые лица» [11. С. 358]. Во время таких прогулок пробуждалось воображение и «давным-давно заснувшие впечатления». «Вся жизнь разворачивается легко и быстро, как свиток; всем своим прошедшим, всеми чувствами, силами, всею своею душою владеет человек» [11. С. 358].

Аксиологические мотивы

С пространственно-временными мотивами коррелируют аксиологические мотивы, раскрывающие модели поведения на охоте и эстетические идеалы повествователя.

Мотив доверительного отношения между людьми

Тургеневский охотник-повествователь обладает даром располагать к себе людей. Он являет собой тип охотника-созерцателя, философа, эстета. Как отмечает А.Ю. Большакова, «это поэт и философ в душе» [5. С. 173].

Рассказчик охотно вступает в коммуникацию: слушает разговоры действующих лиц, расспрашивает собеседников о жизни, попутно сообщая читателю уже известные сведения об этом лице. В силу определенного рода занятий охотник прекрасно знает дикую природу, умеет наблюдать за ее действиями равно как и за людьми.

К такому собеседнику, у которого «вместо крыши вольное небо над головой, тянутся охотно и простые и чиновные люди. Рассказчик – человек проезжий, встреча с ним ни к чему не обязывает. Поэтому не возникает никаких оглядок, условностей, осторожностей, боязни показаться смешным, испортить свою репутацию», – отмечает исследователь Ю.В. Лебедев [2. С. 16].

Охотник-рассказчик вызывает доверие читателей. Установку на его расположение создает способ повествования от первого лица. Рассказчик обращается к читателю, приглашает его «принять участие в разговоре» («Но, может быть, не все мои читатели знают, что такое тяга. Но, извините, господа» [11. С. 18]; «Знаете ли вы, например, какое наслаждение выехать весной до зари»? [11. С. 354]). Дорожные впечатления, которыми он делится с читателями, полны деталей: «Вот вы сели», «Вы едете мимо церкви, с горы направо, через плотину». Задушевная интонация присутствует постоянно: «Однако – пора кончать. <...> Прощайте, читатель; желаю вам постоянного благополучия» [11. С. 360]. Автор включил в «Записки охотника» местные наречия, местный говор для демонстрации житейской

наблюдательности персонажей и придания содержанию бóльшей убедительности: «живальи», «лядащий», «притулился», «лотошил», «гляделки», «площада», «хлопки», «битюг» и др.

Риторические вопросы и восклицания, непосредственные обращения к читателю – «Вы» стимулируют диалог с ним, инициируют воспоминания и визуализируют ситуацию: «А знаете ли Вы, например, какое наслаждение выехать весной до зари? Вы выходите на крыльцо <...> Вот вы сели, лошади тронулись»; «А летнее июльское утро! Кто, кроме охотника, испытал, как отраднó бродить до зари по кустам?» [11. С. 355].

Таким образом, охота вызывает в людях богатых и бедных чувство истинной жизни, создает для них новую, необычную ситуацию, в которой теряют значение привилегии и устанавливается стихийно на время охоты другая мера вещей. Мотивы пути и встречи выполняют сюжетобразующую функцию, а мотив доверительных отношений между людьми – социально-психологическую функцию. Они часто выступают в роли экспозиции и завязки действия.

Мотив эстетического созерцания природы

С образом охотника-эстета, его способностью видеть и фиксировать в слове красоту мира связывается мотив эстетического восприятия природы.

Охотника радует и «чистый, прозрачный воздух», и «болтливо лепечущие птицы», и «молодая трава, переливающаяся блеском изумруда». Автор оказывается щедр на художественные описания. Свое восхищение он передает посредством эпитетов («погода прекрасная», «звезды чуть видные», «радостно шумевшая листва»), образных сравнений («брызги, разлетавшиеся сапфировыми снопами в матовом блеске луны», «белые березы, как только что выпавший снег»).

Художественные средства создают живописные картины и отражают настроение рассказчика. Как справедливо отмечает М.М. Одесская, «в самом процессе охоты переживается особое эстетическое наслаждение, понятное только ее участникам» [4. С. 17].

Душа и тело рассказчика откликаются на явления природной жизни: «Бледно-серое небо светлело, холодело, синело; звезды то мигали слабым светом, то исчезали; отсырела земля, запотели листья, кое-где стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкий, ранний ветерок уже пошел бродить и порхать над землею. Тело мое ответило ему легкой, веселой дрожью» [11. С. 105].

В очерке «Лес и степь» в полной мере получил свою реализацию мотив *эстетического созерцания природы*. Очерк является поэтическим гимном природе и человеку в природе, который может заметить и зафиксировать в слове ее красоту. Именно поэтому И.С. Тургенев этим очерком, написанным в 1849 г., завершает цикл. Лес, степь, река – основные стихии русской природы. В последнем рассказе цикла «Лес и степь» эта пара утверждается в качестве природного аналога двух граней национального целого. Вместе с родственными собратями «луг», «поле», «равнина» она выступает синонимом понятия «русское», так как ассоциируется с духом свободы. Главной чертой степи

является пространственность и необозримость («необозримые поля»; «кустарникам нет конца»; «круглые, низкие холмы, разбегаются широкими волнами, далеко, далеко в поле, но далее, далее едете вы» [11. С. 359]). Охотник описал березовый лесок, который прекрасен в любое время года, будь то осень или лето: «осенний, ясный, немножко холодный, утром морозный день, когда береза, словно сказочное дерево, вся золотая, красиво рисуется на бледно-голубом небе». «Статные осины высоко лепечут над вами; длинные, висячие ветки берез едва шевелятся; могучий дуб стоит, как боец, подле красивой липы»... «Весело пробираться по узкой дорожке, между двумя стенами высокой ржи. Колосья тихо бьют вас по лицу, васильки цепляются за ноги... запах ландышей». «Летнее июльское утро!.. воздух наполнен свежей горечью полыни, медом гречихи и каши... кустарнику нет конца... желтеет поспевающая рожь, краснеет гречиха». «Густые кусты орешника... дубовый куст жадно раскинул над водой свои лапчатые сучья... вы дышите пахучей сыростью... воздух свеж и жидок, пахнет земляникой и грибами» [11. С. 354–360].

Как видим, в природе охотник-повествователь находит источник эстетического удовольствия. Он, попадая в ее стихию, оказывается во власти поэзии.

Онтологические мотивы

Природа становится важнейшим смыслообразом охотничьего рассказа, источником философских медитаций, смысл которых связан с пантеистическими взглядами писателя, пронизанных элегическим настроением. Элегическая атмосфера, исполненная грусти, подчеркивается включением в описание осенне-зимних мотивов, которые становятся знаками «ухода», предчувствия смерти. Появляются онтологические мотивы необратимо уходящего времени, жизни и смерти. «Я сидел в березовой роще осенью, около половины сентября <...> Листья чуть шумели над моей головой; по одному их шуму можно было узнать, какое тогда стояло время года. То был не веселый, смеющийся трепет весны, не мягкое шушуканье, не долгий говор лета, не робкое и холодное лепетанье поздней осени, а едва слышная, дремотная болтовня <...> Мне стало грустно; сквозь невеселую, хотя свежую улыбку увядающей природы, казалось, прокрадывался унылый страх недалекой зимы» [11. С. 240].

Мотив смерти

В охотничьей деятельности человек неизбежно сталкивается с явлением смерти, с переходом живого в неживое, с искусственным прерыванием жизни. Изучая законы существования мира и человека в нем, Тургенев не мог не думать об иррациональной стороне бытия.

Мотив смерти провоцирует медитативно-элегические раздумья писателя о смысле жизни и конечности судьбы человека (хотя смерть героев рассказов не связана с занятием охотой. – А.Л.). В рассказе «Смерть» Тургенев описал «удивительную способность русских

людей принимать смерть». Повествователь вспоминает смерть подрядчика Максима, мельника, студента и старушки-барыни. Показывая, как принимают смерть люди, относящиеся к разным социальным группам, Тургенев находит среди них нечто общее – невозмутимость и спокойствие в принятии своей судьбы.

Смерть Максима удивила рассказчика, потому что его состояние перед кончиной похоже на обряд, который он совершает «холодно и просто» [11. С. 200].

Безнадежно больная девушка перед смертью начинает верить в любовь, которая наполняет покидающую ее жизнь каким-то особенным смыслом, значением («Уездный лекарь»).

В рассказе «Бежин луг» смерть забирает Павлушу, самого смелого мальчика, рационально объясняющего происходящие в природе процессы. Природа в этом рассказе продемонстрировала свое грозно-равнодушное лицо, чтобы напомнить человеку о его беспомощности перед ее могуществом и таинственной силой.

Герои, побывавшие рядом со смертью, философски рассуждают о ней. Так, помещик Радилов, пережив тяжелое ранение и похоронив жену, не утратил жажду жизни, так как понимает бесполезность «скверного положения» («Мой сосед Радилов»).

Причем в сферу медитаций художника включается и мир природы. «Губительная, бесснежная зима 40-го года не пощадила старых моих друзей – дубов и ясеней; засохшие, обнаженные, кое-где покрытые чахоточной зеленью, печально высились они над молодой рощей» [11. С. 197]. Мысль о неизбежности ухода и подчиненности всего живого общему закону зарождения, развития, угасания и ухода пронизывает охотничьи записки. Автор не торопит время, не стремится победить его. Он констатирует факт покорности естественному ходу времени, которая означает смирение перед неизбежностью, отказ от противопоставления себя всему живому.

Мотив осуждения охоты как убийства

С аксиологической позиции рассматривают онтологические вопросы Касьян и Лукерья.

Герои рассказов «Касьян с Красивой Мечи» и «Живые мощи» рассматривают охоту как убийство и осуждают ее. Касьян любит и хорошо знает природу своего края, собирает травы и лечит людей. Его нежная любовь ко всему, что относится к природе, проявляется в полных укора словах, с которыми он обращается к охотнику: «Пташек небесных стреляете, небось?.. зверей лесных?.. И не грех вам божьих пташек убивать, кровь проливать неповинную?» [11. С. 110]. У него своя жизненная философия: жизнь для него прекрасна в рамках отведенного Богом срока и установленного порядка; смерть предопределена и неизбежна. И как нельзя приближать ее убийством (об охоте. – А.Л.), так и бессмысленно бороться за жизнь человека, которого «отзывают». «Против смерти ни человеку, ни твари не sluкавить. Смерть и не бежит, да и от нее не убежишь; да и помогать ей не должно...». В то же время Касьян считает ловлю «соловухек» вполне полезным занятием, потому что он их ловит не для пропитания, а на «утешение и веселье» [11. С. 116–117].

В иконописном облике Лукерьи автор представляет нам образ народной правдоискательницы, как и Касьяна. В духе христианской аксиологии она рассматривает охоту как убийство. «В позапрошлом году так даже ласточки вон там в углу гнездо себе свили и детей вывели <...> Я их и на следующий год поджидала, да их, говорят, один здешний охотник из ружья застрелил. И на что покорытился? Вся-то она, ласточка, не больше жука... Какие вы, господа охотники, злые!» [11. С. 331].

Мотив страха перед природой

В соответствии со своими натурфилософскими воззрениями И.С. Тургенев в рассказах часто возвышал природу, придавал ей величественные черты, обесмерчивал ее в сравнении с человеком, что реализовалось в мотиве страха перед природой. Размышления писателя о вечной жизни природы и о бренности человеческого существования и творений его рук мы найдем в рассказе «Мой сосед Радилов»: «Осенью вальдшнепы часто держатся в старинных липовых садах <...> Прадеды наши, при выборе места для жительства, непременно отбивали десятины две хорошей земли под фруктовый сад с липовыми аллеями. Лет через пятьдесят, много семьдесят, эти усадьбы, “дворянские гнезда”, понемногу исчезали с лица земли, дома сгнивали или продавались на своз, каменные службы превращались в груды развалин <...> Одни липы по-прежнему росли себе на славу и теперь, окруженные распаханными полями, гласят нашему ветреному племени о «прежде почивших отцах и братьях» [11. С. 50]. В представленном философско-поэтическом фрагменте тенистые липы – неизменный атрибут усадебного пространства – лишь отдаленно напоминают о когда-то существовавшем благоустроенном уголке. Жизнь человека конечна, а природа – вечна.

В рассказе «Бежин луг» природа не только дает человеку ощутить радость тишины, но и заставляет его почувствовать свою мизерность и беспомощность перед ее таинственными силами. Резкий контраст между приветливой картиной дня («прекрасный июльский день», «небо ясно», солнце <...> приветно лучезарное») и внезапно наступившей ночью вызывает беспокойство у заблудившегося охотника («пустые места», «с трудом переставлял ноги», «нигде не мерцал огонек», «вдруг очутился над страшной бездной») и у крестьянских ребятишек («мальчики переглянулись, вздрогнули...», «все мальчики перепугались», «Костя вздрогнул») [11. С. 86–106].

Таким образом, мотив смерти и сопутствующие ему мотивы помогают изобразить мир как многогранный, таинственный, необъяснимый с рациональных позиций.

Мотив поиска родства как преодоления одиночества

Преодолевая тревожное состояние, связанное с размышлением о беспомощности человека перед мощной стихией природы, Тургенев пытается найти то общее,

что связывает человека с природой, чтобы приобщиться к круговороту, постоянно совершающемуся в мироздании.

Так, Тургеневым вводится мотив, связанный с «морским комплексом» [12. С. 586]. Речь идет о «созерцании неба, вызывающем образ моря и мысли о бессмертии, иногда – по контрасту с самим собой, своей малостью и смертностью, особенно глубоко воспринимаемыми именно в таких ситуациях» [12. С. 586]. «Заполненность всего пространства движениями, звуками, запахами – все это создает специфический эффект колыхательности, зыблемости, смещения, растворения, освобождающий от злободневного, мнимого насущного, бытового, мелкого, и открывающий путь к обновлению, к ощущению той полноты жизни, которой имя – бессмертие, или второе рождение» [12. С. 587]. «Удивительно приятное занятие лежать на спине в лесу и глядеть вверх! Вам кажется, что вы смотрите в бездонное море, что оно широко расстилается под вами, ... листья на деревьях то сквозят изумрудами, то сгущаются в золотистую, почти черную зелень» [11. С. 115–116].

Хронотоп охоты способствует более глубокому постижению внутреннего мира людей. Рассказчик ищет в природе соответствия с человеком, наделяет ее чертами живого существа (например, в рассказ «Свидание» описание березки соотносится с образом Акулины, а описание осины – с образом Виктора).

Изображение природы в разные временные периоды в контексте каждого рассказа наполнялось и особым содержанием: природа могла символизировать и чувство родины, и печальную судьбу, скорую смерть, или романтику человеческих чувств, и полную картину человеческой жизни.

Социальные мотивы

В охотничьей литературе предшественников уже разрабатывалась антикрепостническая тематика, описывались охотничьи занятия жителей разных уголков России. И.С. Тургенев расширил семантику охоты, в ее категориях рассмотрел социальное зло – крепостное право, трагическая суть которого реализовалась в модели «охотник – жертва» через оппозицию «равенство – неравенство». Крепостное право, возвышая одних и унижая других людей, уничтожало природное равенство людей.

Путешествуя по губерниям Средней полосы с ружьем в руках, Тургенев наблюдал, как крепостные становились жертвами помещичьего произвола и господского управленческого аппарата. Хотя открыто путешествующий охотник не выражает своего отношения к «барству дикому», но драматические, а порой и трагические истории жизни народа – яркие тому свидетельства.

Примером произвола является деспотичное отношение изворотливого, хитрого, мстительного бурмистра Софрона к крепостным помещика Пеночкина, который и сам отличался жестокостью – велел наказывать розгами камердинера, подавшему барину холодное вино («Бурмистр»). Автор при характеристике охотни-

ков и их жертв нередко прибегает к зооморфным сравнениям и образам или имитирует сюжет охоты. Софрона крестьяне называют «зверем», хищником, который может уничтожить свою жертву («заест человека совсем» [11. С. 137]).

Настоящую охоту на свою дворовую девушку Матрену устроила богатая престарелая помещица за ее сердечную привязанность к мелкопоместному дворянину Каратаеву («Петр Петрович Каратаев»). «Злой забавой» можно назвать поведение жены помещика Зверкова (пример «говорящей фамилии». – А.Л.), которая запрещала горничным выходить замуж и иметь детей («Ермолай и мельничиха»).

Эти и другие случаи столь непотребных изъятий крепостной системы являются на пути охотника-повествователя и представлены они в категориях охоты.

Однако И.С. Тургенев в период напряженных духовных исканий русского общества продемонстрировал сближение представителей высшего и низшего сословий – дворянства и крестьянства – в охотничьей деятельности.

Охота уравнивает всех перед лицом величественной Природы, снимает сословные барьеры, нивелирует социальное неравенство. На охоте доминируют иные критерии иерархизации людей: ловкость, быстрота реакции, отвага, решительность. Вспомним, именно Ермолай во время опасности взял инициативу в свои руки и нашел решение («Льгов»). Помещик Полутыкин не мог выходить на охоту без Калиныча, прекрасно разбиравшегося в премудростях природного мира. Охотник Ермолай, как и повествователь, тонко чувствует лес, вплоть до каждого дерева в нем. Именно на охоте, по мысли Тургенева, люди открываются друг другу по-настоящему. Крестьяне без стеснения вступают в диалог с охотником-барином, доверяют ему свои мысли и делятся переживаниями.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что рассмотрение рассказов И.С. Тургенева, включенных в цикл «Записки охотника», с позиции хронотопа дало возможность изучить характер взаимоотношения героев с миром природы и с миром людей, показанный как в реальном времени, так и в ретроспекции.

Хронотоп охоты продемонстрировал существование в рассказах Тургенева сюжетных линий, связанных с решением социальных вопросов, с одной стороны, и с философско-медитативным осмыслением взаимоотношения человека с природой – с другой.

Метод мотивного анализа позволил выявить устойчивый комплекс мотивов, формирующих охотничий рассказ как жанровую разновидность в русской прозе второй половины XIX в., и обеспечивающих тематическое единство цикла и реализацию художественного замысла.

Пространственно-временные мотивы (мотивы пути, встречи, воспоминаний) выполняют сюжето- и структурообразующую функцию; аксиологические (мотив доверительного отношения между людьми, мотив эстетического созерцания природы) – раскрывают

эстетические идеалы повествователя, представляют его как тонкого наблюдателя и знатока природы; онтологические (мотивы необратимо уходящего времени, жизни и смерти, преодоления онтологического сиротства) – транслируют натурфилософские взгляды писателя, пронизанные медитативно-элегическим настроением. Социальные мотивы, репрезентированные в категориях охоты, демонстрируют негативное отношение И.С. Тургенева к крепостному праву (социальное неравенство; дурные приметы жизни крепостников: жестокосердие, подражание моде, пассивность, непригодность к жизни; взаимоотношения барина и

крестьянки). Мотив равенства участников охоты раскрывает демократический характер охотничьей деятельности, который может рассматриваться как этапный в условиях широких социальных преобразований и поиска пути развития страны.

Таким образом, в хронотопе охоты, каким он представлен в цикле «Записки охотника», репрезентированы представления И.С. Тургенева о базовых ценностях русской жизни.

К ним относятся свобода, чувство всеобщего равенства и национального единства, глубинное знание и понимание природы, ее целостности и красоты.

Список источников

1. Алексеев М.П. Заглавие «Записки охотника» // Тургеневский сборник. Л. : Наука, 1969. Т. V. С. 210–218.
2. Лебедев Ю.В. «Записки охотника» И.С. Тургенева. М. : Просвещение, 1977.
3. Ковалев В.А. «Записки охотника» И.С. Тургенева. Вопросы генезиса. Л., 1980.
4. Одесская М.М. Русский охотничий рассказ XIX века (типология, традиции) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.
5. Большакова А.Ю. Философско-эстетическая «охота» в мире русского слова (Пушкин, Тургенев, Л. Толстой, Аксаков) // Литературная учеба. 2001. № 3. С. 170–195.
6. Кошелев В.А. Эффект охотника в русской словесности середины XIX века // И.С. Тургенев. Новые материалы и исследования. Т. 1 / РАН Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2009. Т. 1. С. 95–111.
7. Хохлова Н.А. Концепт охоты в русской литературе второй половины XIX века : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2016.
8. Гуминский В.М. «Записки охотника» и эволюция русского охотничьей прозы // Тургенев и мировая литература. Материалы международной конференции к 200-летию писателя, 17–19 октября 2018 г. М., 2018. С. 34–37.
9. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 3. М. : Языки славянских культур, 2012. С. 220–334.
10. Решетова Л.И. Особенности репрезентации географического пространства в «Записках охотника» // Спасский вестник. 2012. № 20. С. 98–103.
11. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 3. М. : Наука, 1979.
12. Топоров В.Н. О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М. : Прогресс: Культура, 1995. С. 575–622.

References

1. Alekseev, M.P. (1969) Zaglavie “Zapiski okhotnika” [Title “A Sportsman’s Sketches”]. In: *Turgenevskiy sbornik* [Turgenev collection]. Vol. 5. Leningrad: Nauka. pp. 210–218.
2. Lebedev, Yu.V. (1977) “Zapiski okhotnika” I.S. Turgeneva [“A Sportsman’s Sketches” by I.S. Turgenev]. Moscow: Prosveshchenie.
3. Kovalev, V.A. (1980) “Zapiski okhotnika” I.S. Turgeneva. *Voprosy genezisa* [“A Sportsman’s Sketches” by I.S. Turgenev. Questions of genesis]. Leningrad.
4. Odesskaya, M.M. (1993) *Russkiy okhotnichiy rasskaz XIX veka (tipologiya, traditsii)* [Russian hunting story of the 19th century (typology, traditions)]. Philology Cand. Diss. Moscow.
5. Bol’shakova, A.Yu. (2001) Filosofsko-esteticheskaya “okhota” v mire russkogo slova (Pushkin, Turgenev, L. Tolstoy, Aksakov) [Philosophical and aesthetic “hunt” in the world of the Russian word (Pushkin, Turgenev, L. Tolstoy, Aksakov)]. *Literaturnaya ucheba*. 3. pp. 170–195.
6. Koshelev, V.A. (2009) Effekt okhotnika v russkoy slovesnosti serediny XIX veka [The hunter effect in Russian literature of the mid-19th century]. In: *I.S. Turgenev. Novye materialy i issledovaniya* [I.S. Turgenev. New materials and research]. Vol. 1. Moscow; Saint Petersburg: Al’yans-Arkheo. pp. 95–111.
7. Khokhlova, N.A. (2016) *Kontsept okhoty v russkoy literature vtoroy poloviny XIX veka* [The concept of hunting in Russian literature of the second half of the 19th century]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
8. Guminitskiy, V.M. (2018) [“A Sportsman’s Sketches” and the evolution of Russian hunting prose]. *Turgenev i mirovaya literatura* [Turgenev and world literature]. Proceedings of the International Conference. 17–19 October 2018. Moscow. pp. 34–37. (In Russian).
9. Bakhtin, M.M. (2012) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul’tur. pp. 220–334.
10. Reshetova, L.I. (2012) Osobennosti reprezentatsii geograficheskogo prostanstva v “Zapiskakh okhotnika” [Features of the representation of geographical space in “A Sportsman’s Sketches”]. *Spasskiy vestnik*. 20. pp. 98–103.
11. Turgenev, I.S. (1979) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters: in 30 volumes]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
12. Toporov, V.N. (1995) *Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image. Research in the field of mythopoetic: Selected works]. Moscow: Progress: Kul’tura. pp. 575–622.

Информация об авторе:

Ляпина А.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: a.v.liapina@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7203-6713

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Lyapina, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: a.v.liapina@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7203-6713

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.09.2023;
одобрена после рецензирования 06.12.2023; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 21.09.2023;
approved after reviewing 06.12.2023; accepted for publication 30.04.2024.

Научная статья
УДК 811.18
doi: 10.17223/15617793/501/5

Говоры исторической албанской диаспоры: опыт количественного исследования

Мария Сергеевна Морозова¹, Александр Юрьевич Русаков²

^{1, 2} Институт лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

¹ morozovamaria86@gmail.com

² ayurusakov@gmail.com

Аннотация. С использованием параметра языковой сложности и методов диалектометрии изучаются и сопоставляются албанские говоры основного ареала и исторической диаспоры. Материал исследования извлечен из Диалектологического атласа албанского языка и диалектных описаний. Выявляются внутренние и контактнообусловленные особенности развития говоров диаспоры в отрыве от «материнских» диалектных зон, а также верифицируются некоторые из существующих представлений об истории основного албаноязычного ареала.

Ключевые слова: албанский язык, диалект, говор, историческая диаспора, языковая сложность, диалектометрия, инновации

Для цитирования: Морозова М.С., Русаков А.Ю. Говоры исторической албанской диаспоры: опыт количественного исследования // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 37–51. doi: 10.17223/15617793/501/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/5

Dialectal varieties of the old Albanian diaspora: An attempt of a quantitative study

Maria S. Morozova¹, Alexander Yu. Rusakov²

^{1, 2} Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

¹ morozovamaria86@gmail.com

² ayurusakov@gmail.com

Abstract. In this study, we consider the dialectal varieties of the Albanian historical diaspora, represented in the *Dialectological Atlas of the Albanian Language* (DAAL) and in various dialect descriptions. The data sample includes 16 diaspora locations, which emerged after a series of Albanian migrations of the 14th–18th centuries, and 131 locations in the main area with their idioms. The study of varieties of the historical diaspora in comparison with the main area aims at identifying the internal and contact-related traits of their development in isolation from their source areas, as well as verifying some ideas about the history of the Albanian language and its dialects. In the first part of the study, the linguistic complexity of all varieties is measured using 28 binary phonetic and grammatical features from DAAL. As the study showed, the diaspora varieties are characterized by a low complexity and a significant number of simplifying innovations. The Tosk (Southern Albanian) diaspora varieties almost do not differ in this respect from the Tosk of the main area. Most probably a significant part of their simplifying innovations was acquired by them before the beginning of migrations. The only Gheg (Northern Albanian) diaspora variety, the Arbnes of Zadar, which is subject to an intensive contact with Croatian, demonstrates a strong simplification compared to the highly complex Gheg varieties of its source area in the south-east of Montenegro. Such differences can be explained by different types of contact situations: dominant bilingualism and a tendency to language decay in the case of Arbnes and relatively balanced and stable bilingualism in its source area. In the second part of the study, we use the dialectometric method to determine and compare the levels of linguistic closeness of the studied idioms based on a list of 150 phonetic and grammatical features from DAAL. Their values are characterized as archaisms or innovations. Using R, the degree of linguistic closeness between varieties is determined by two types of distances, calculated on the basis of all values and only innovations. The results are visualized using hierarchical clustering (complete linkage, or the farthest neighbour method). The clustering based on all values shows that the diaspora varieties, as a rule, do not cluster immediately with the dialect subgroup of their source area, but with some higher unit in the Albanian dialectal classification. Apparently, a significant number of specific (mainly contact) innovations “blur” the connections of the diasporic varieties with their source areas, though the basic dialect relationships are preserved. The clustering made by innovations gives similar results, but also emphasizes the closeness between the diaspora varieties of Greece and Southern Italy, which is historically confirmed in data on the history of Albanian migrations from Greece to Italy.

Keywords: Albanian, dialect, dialectal variety, historical diaspora, linguistic complexity, dialectometry, innovations

For citation: Morozova, M.S. & Rusakov, A.Yu. (2024) Dialectal varieties of the old Albanian diaspora: An attempt of a quantitative study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 37–51. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/5

1. Введение

К числу говоров албанской исторической диаспоры (далее – говоры албанской диаспоры, говоры исторической диаспоры, говоры диаспоры) в албанской диалектологии принято относить идиомы, которые возникли за пределами основного албаноязычного ареала¹ в результате миграций XIV–XVIII вв. [2, 3]. Эти идиомы характеризуются сохранением архаичных черт, иногда полностью утраченных говорами основного ареала, и значительным числом инноваций внутреннего и контактного происхождения².

Самым ранним по времени формирования является говор арбрешей, или арванитов, в центральной и южной Греции. Первые арванитские поселения возникли в XIV–XV вв. на юге Греции (Аттика, Беотия, остров Эвбея, полуостров Пелопоннес), а позднее, в XVIII в., выходцы из этих сел расселились также на греческих островах Гидра, Спеце и Порос. Османское завоевание Балканского полуострова в XV в. вызвало интенсивную миграцию албанцев за пределы западно-балканского ареала в последующие столетия. В ходе нескольких волн миграции на запад, через Средиземное море, происходивших с середины XV по середину XVIII в., переселенцами из юго-западной Албании и Греции были основаны десятки сел в южной Италии (провинции Базиликата, Молизе, Апулия, Калабрия) и на острове Сицилия. Из-за изначальной диалектной и временной неоднородности, а также территориальной разбросанности поселений идиомы арбрешей Италии различаются между собой; особенно сильные различия заметны между говорами арбрешей Калабрии и Сицилии [2. С. 377]. В период с конца XV по начало XIX в. сравнительно многочисленные группы выходцев из юго-западной Македонии и из юго-восточной Албании, среди которых были и албанцы, переселялись в центральную и восточную Болгарию и с течением времени ассимилировались. В настоящее время единственным албаноязычным селом в Болгарии остается село Мандрица, основанное, предположительно, во второй половине XVIII в. албанцами из районов Корчи и Виткукя на юго-востоке Албании [2. С. 373; 4. С. 108]. В начале XIX в. албанцы, проживавшие, как принято считать, в селе Девня близ города Варна в Северо-Восточной Болгарии, вместе с болгарскими и гагаузами перешли на территорию Российской империи, в Южную Бессарабию (Буджак), и основали село Каракурт (с 1944 по 2016 г. – Жовтнево). После Крымской войны 1853–1856 гг. часть албанцев Каракурта переселилась в Приазовье, где возникли еще три села: Георгиевка, Девнинское и Гаммовка [5]. В селах Буджака и Приазовья до настоящего времени сохраняется албаноязычное население (о различиях в языковой ситуации см., например, [6]).

Вышеперечисленные идиомы представляют собой говоры южного, или тосканского³, диалекта албанского языка. Единственным гегским, т.е. североалбанским по происхождению идиомом является говор арбнешей Задара – потомков выходцев из сел Шестан и Бриско в южной Черногории, переселившихся в Далмацию в XVIII в. Имеются сведения о нескольких волнах миграции, первая из которых датируется 1726 г. [7. С. 6].

Настоящая статья продолжает серию работ, посвященных изучению диалектов албанского языка с применением количественных методов. Проводимые нами исследования имеют целью уточнение существующих представлений об албанских диалектных субареалах и их контактной истории. В этой статье мы предпринимаем попытку, используя различные количественные методы и методики, сопоставить албанские говоры основного ареала и говоры исторической диаспоры и выявить основные внутренние и контактнообусловленные особенности развития последних в отрыве от «материнских» диалектных зон. Как представляется, изучение говоров диаспоры с помощью квантитативных методов может помочь и в уточнении некоторых вопросов, связанных с историей говоров основного албаноязычного ареала.

Главным источником материала по говорам основного ареала и части говоров диаспоры является первый том Диалектологического атласа албанского языка (алб. *Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe*, далее – ДААЯ) [8]. В томе содержатся 134 фонетико-фонологические и 226 грамматических карт, данные для которых были собраны албанскими диалектологами в 1970–1980-е гг. Сетка пунктов ДААЯ включает 131 пункт в основном албаноязычном ареале (89 пунктов в Албании и в Северной Греции, 25 в Косово и Южной Сербии, 11 в Северной Македонии, 6 в Черногории) и 11 пунктов за его пределами, репрезентирующих говоры арбрешей Италии (8 пунктов), арванитов Греции (2 пункта) и арбнешей Задара (1 пункт).

В ходе сбора материала для исследования мы не учитывали диаспорический пункт № 18 в Греции, поскольку на большинстве карт ДААЯ в нем отсутствуют данные. Для заполнения менее многочисленных лакун по остальным пунктам диаспоры, представленным в ДААЯ, были использованы диалектные описания и коллекции диалектных текстов: говор арбнешей Задара [7, 9], говор арванитов Греции [10], говор Пьяна-дельи-Албанези [11]. Кроме того, диалектные описания и тексты послужили источником материала по говору албанцев села Мандрица [12–14] и говорам сел Каракурт, Георгиевка и Девнинское в Буджаке и Приазовье [15–18], ввиду отсутствия этих пунктов в ДААЯ.

В результате список рассматриваемых в статье пунктов включает 131 пункт в основном албаноязычном ареале и 16 пунктов в исторической диаспоре⁴. Диалектный материал анализируется с точки зрения двух основных подходов, которые были разработаны и опробованы нами при изучении говоров основного албаноязычного ареала и южнославянских диалектов (см., например, [19, 20]).

Во-первых, изучаются процессы, которые приводят к увеличению и (или) уменьшению языковой сложности (англ. *linguistic complexity*) говоров диаспоры, и устанавливается взаимосвязь уровня сложности с экстралингвистическими факторами. Признаки, которыми в нашей работе описывается языковая сложность албанских диалектов, представлены ниже в разделе 2.1. В разделе 2.2 излагаются результаты исследования, в котором сложность рассматривается не только как статичная характеристика современных диалектов,

но и как следствие упрощающих и усложняющих изменений, имевших место в разные периоды, и сохранения «унаследованной» сложности, присущей условному общеалбанскому состоянию⁵.

Во-вторых, методами диалектологии определяются степень лингвистической близости говоров диаспоры и «материнского» ареала по ряду фонетических и грамматических признаков, значения которых могут представлять собой архаизмы либо инновации. Количественная методика и результаты анализа представлены в разделе 3. Раздел 4 содержит основные выводы и попытку синтеза результатов, полученных с применением вышеописанных подходов.

2. Языковая сложность говоров диаспоры в сопоставлении с говорами основного албаноязычного ареала

2.1. Сложность и признаки для ее описания. Усложняющие и упрощающие инновации

Одним из направлений лингвистических исследований в последние десятилетия является изучение языковой сложности и сопоставление языков по этому параметру (см. обзоры исследований в [22, 23]). Определение критериев для измерения сложности и выбор методики количественного анализа представляют методологическую проблему, к решению которой в имеющейся литературе существуют различные подходы. В нашем понимании языковой сложности мы следуем подходу, который использует в своих работах типолог Дж. Николс. Она определяет «грамматическую сложность» (англ. grammatical complexity) языка как «сложность строго лингвистических уровней, таких как фонология, морфосинтаксис, лексика и т.д., а также их компонентов», учитывая: число элементов в каждой из подсистем; число парадигматических вариантов каждого элемента или набора элементов (аллофоны, алломорфы, словоизменительные типы); число синтагматических отношений зависимости (согласовательных классов, валентностей глагола); ограничения на сочетание элементов, аллоформ и отношений зависимости [24. С. 111–112].

Для целей нашего исследования мы ограничиваемся бинарными признаками перечисленных типов. Как и в [24], языковая сложность рассчитывается как простая сумма значений 1 (наличие явления) и 0 (отсутствие явления), которые могут приниматься этими признаками.

Для того чтобы проследить динамику языковой сложности в диахронии, нам представляется целесообразным различать «унаследованную» сложность, которую современные албанские диалекты сохраняют от условного общеалбанского состояния, которое мы соотносим с периодом до первичного диалектного разделения албаноязычного ареала (конец I тыс. лет. н. э.), и сложность, возникающую в процессе исторического развития диалектов под влиянием внутренних и внешних факторов. Ср. аналогичное противопоставление «сохранения языковой сложности» и «усложнения» (англ. preservation of existing complexity, complexification) в [25].

Любое изменение относительно исходного общеалбанского состояния, наблюдаемое в современных диалектах, рассматривается нами как *инновация*. Для явлений, которые сохранились в одних диалектах и были утрачены в других, значение 1 каждого из признаков соответствует *сохранению «унаследованной» сложности*, а значение 0 – *упрощающей инновации*. Для тех явлений, которые, наоборот, не существовали в албанском языке до первичного диалектного разделения и развились в некоторых современных диалектах, значение 1 соответствует *усложняющей инновации*.

Для измерения языковой сложности албанских диалектов мы используем в данном исследовании 28 фонетических и морфологических признаков из числа представленных в ДААЯ. Эти признаки перечислены в табл. 1. Число признаков ограничено, так как диалектные черты, как показал анализ данным ДААЯ, нечасто сводятся к бинарным противопоставлениям. Кроме того, часть признаков, на которых базируется противопоставление гегского и тоскского диалектов⁶, не были отобраны для исследования, поскольку их трудно интерпретировать с точки зрения сложности или простоты.

Таблица 1

Признаки для измерения языковой сложности албанских диалектов

№	Признак	Тип инновации
1	Противопоставление долгих и кратких гласных	1 > 0
2	Противопоставление носовых и неносовых гласных	1 > 0
3	Наличие ударного /ə/	0 > 1
4	Наличие фонемы /æ/	0 > 1
5	Наличие фонемы /ø/	0 > 1
6	Наличие фонемы /y/	1 > 0
7	Наличие дифтонгов /ie/, /ye/	1 > 0
8	Дифтонгизация <i>i</i> под ударением	0 > 1
9	Дифтонгизация <i>u</i> под ударением	0 > 1
10	Наличие фонемы /h/	1 > 0
11	Противопоставление /c/ – /r/	1 > 0
12	Наличие фонемы /θ/	1 > 0
13	Противопоставление палатальных смычных /c/, /j/ и аффрикат /tʃ/, /dʒ/	1 > 0
14	Наличие фонемы /r/	1 > 0
15	Наличие фонемы /ŋ/	0 > 1

№	Признак	Тип инновации
16	Наличие ABL.SG.DEF (<i>mish lope-t</i>)	1 > 0
17	Наличие локатива (<i>në mal-t</i>)	1 > 0
18	Различия по роду в окончаниях отрицательных прилагательных (<i>i la:m – e lam-e</i>)	0 > 1
19	Наличие склонения на -и сущ. м. р. (<i>mik-u</i>)	1 > 0
20	Противопоставление по роду у числительного 'три'	1 > 0
21	Наличие рефлексивно-посессивного местоимения <i>i vet</i> 'свой'	NA
22	Наличие сложных указательных местоимений (<i>qeku, njëku</i> и т.д.)	0 > 1
23	Противопоставление индикатива и конъюнктива во 2-м л. ед. ч.	1 > 0
24	Противопоставление индикатива и конъюнктива в 3-м л. ед. ч.	1 > 0
25	Наличие сверхсложных форм	1 > 0
26	Две формы активного перфекта	NA
27	Две формы будущего времени (<i>do të shkoj, kam me shkue</i>)	0 > 1
28	Наличие отглагольных прилагательных на -shëm	0 > 1

Признаки 21 и 26, на наш взгляд, не могут быть интерпретированы однозначно с точки зрения изложенного выше подхода, и им соответствует помета NA (неприменимо) в столбце «Тип инновации» в табл. 1. Для остальных 26 признаков одно из двух значений представляет собой инновацию относительно исходного состояния, в соответствии с вышеописанным подходом. В 16 признаках наличие явления, или значение 1, в одних идиомах представляет собой сохранение «унаследованной» сложности, тогда как его отсутствие, или значение 0, в других рассматривается как упрощающая инновация (1 > 0). Например, подавляющее большинство говоров албанского языка сохраняет противопоставление фонем /r/ – /r̥/, возникшее в албанской консонантной системе в период до первичного диалектного разделения (признак 11 имеет в этом случае значение 1)⁷. Однако некоторые тоскские и среднегегские говоры, а также говоры диаспоры (Задар, Мандрица) утратили его, возможно, вследствие исторических или актуальных контактов [8. С. 90]. Утрата фонемы /r/ и соответствующего фонемного противопоставления в этих идиомах представляет собой упрощающую инновацию, которой соответствует значение 0 в признаке 11.

В 10 признаках наличие явления (значение 1) интерпретируется как усложняющая инновация (0 > 1). Так, для некоторых среднегегских и северогегских говоров характерно развитие дополнительных долгих гласных фонем /æ/, /ø/ из сочетаний *ae, oe* (признаки 4 и 5): *thae* > [θæ:] (в части северогегских говоров Черногории, севера Албании и Косова и в среднегегских говорах Албании), *the* [θe] (в остальных говорах и в литературном языке) 'ты сказал(а)'; *voesë* > [vø:s] (в северо-западных гегских и в некоторых среднегегских говорах Албании), *vesë* [ves], [ˈvesə] (в остальных говорах и в литературном языке) 'роса' [8. С. 84–85; 27. С. 562]. Это развитие является сравнительно поздней инновацией, характерной для отдельных частей гегского ареала (значение 1 у признаков 4 и 5), в то время как отсутствие указанных фонем, или сохранение исходного общеалбанского состояния, рассматривается как отсутствие инновации (значение 0).

Для исходного общеалбанского состояния характерно наличие всех признаков, отражающих «унаследованную» сложность, и отсутствие усложняющих и упрощающих инноваций; соответственно, его сложность составляет 16. Современные албанские говоры

могут оказаться сложнее или проще этого состояния благодаря наличию тех или иных инноваций. При этом усложнение относительно исходного состояния не обязательно означает отсутствие упрощающих инноваций и, наоборот, при общем упрощении в идиоме могут наблюдаться и некоторые усложняющие инновации. На картах раздела 2.2 оттенками цвета (от светлых к темным) представлены как суммарные значения языковой сложности, так и число инноваций обоих типов, а также уровень сохранения «унаследованной» сложности (от меньшего к большему) в исследуемых говорах диаспоры и основного албаноязычного ареала⁸.

2.2. Языковая сложность и ее динамика в говорах албанской диаспоры

2.2.1. Суммарные значения

Минимальный уровень языковой сложности, представленный на рис. 1, составляет 9, максимальный – 23 (из 28 возможных). В основном албаноязычном ареале отчетливо видно различие между более сложными североалбанскими, или гегскими, говорами и относительно простыми южноалбанскими, или тоскскими. Сложность в гегских пунктах варьирует от 16 до 23 (за исключением двух пунктов с значениями 13 и 14 в районе Дибры, на границе Северной Македонии и Албании), в то время как сложность говоров тоскской диалектной области находится в диапазоне от 9 до 14. Таким образом, уровень сложности тоскских говоров ниже, а большинства гегских говоров – выше сложности исходного общеалбанского состояния.

Языковая сложность говоров албанской исторической диаспоры варьирует от 9 до 13.

Для тоскских говоров диаспоры эти значения в целом не отличаются от уровня сложности говоров их «материнских» ареалов. Обращает на себя внимание единственный гегский островной идиом – говор арб-нешей Задара с уровнем сложности 13, демонстрирующий сильное упрощение на фоне близких ему говоров северо-западного гегского ареала, которые являются наиболее усложненными из всех гегских (сложность от 18 до 23).

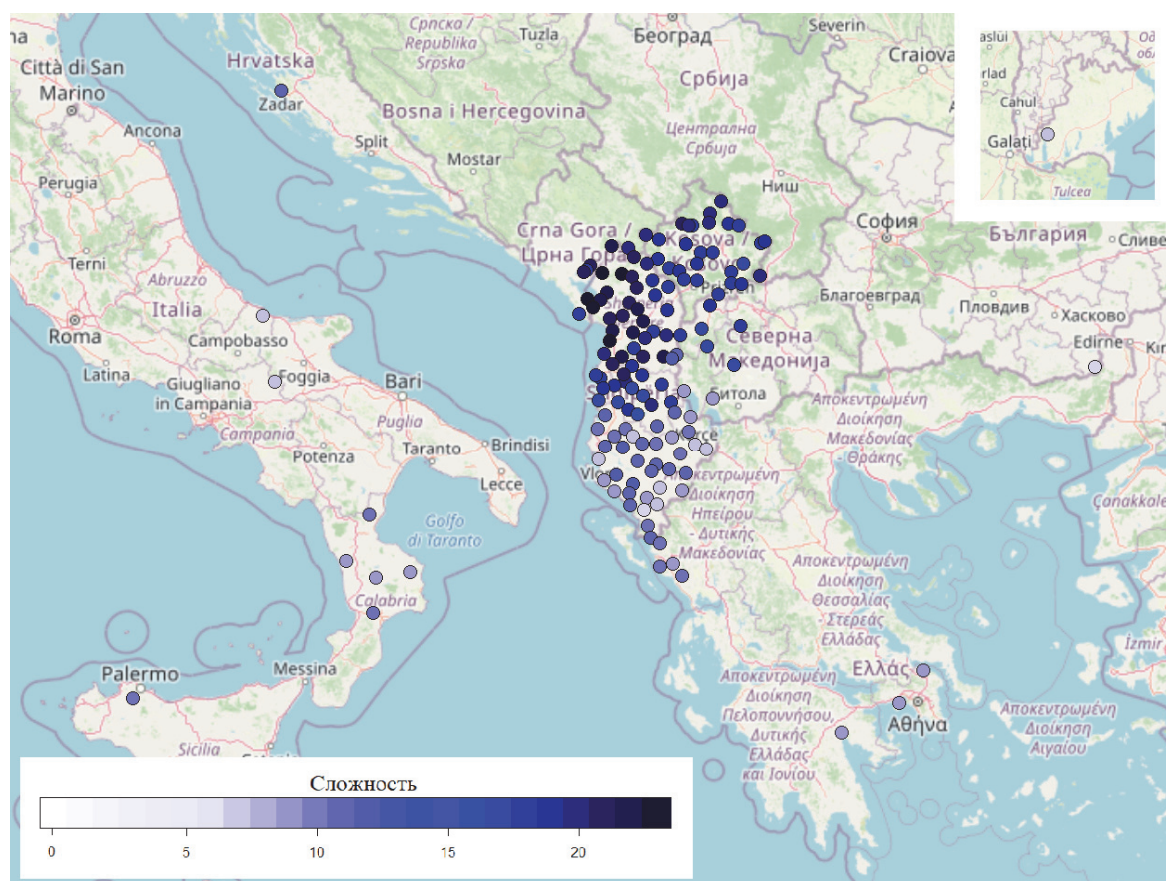

Рис. 1. Языковая сложность говоров основного ареала и исторической диаспоры

2.2.2. Упрощающие инновации

Число упрощающих инноваций, показанное на рис. 2, варьирует от 1 до 9 (из 17 возможных) в основном ареале и от 5 до 8 – в исторической диаспоре. Максимальное число упрощающих инноваций (8) отмечено в говоре албанцев Мандрицы, а также в говоре арбнешей Задара (очевидно, этим частично объясняется низкий уровень его сложности, отмеченный в 2.2.1).

В ряду факторов, которыми может быть обусловлено упрощение (англ. simplification) идиомов в мультилингвальных языковых сообществах, чаще всего упоминаются такие социолингвистические факторы, как интенсивный языковой контакт и большое число поздних билингвов в языковом сообществе, нестабильность сообщества (миграции) и низкая плотность социальных связей внутри него [25. С. 101]. Все перечисленные характеристики, очевидно, в той или иной степени релевантны для диаспорических языковых сообществ, существующих в отрыве от основного ареала распространения языка; с этой точки зрения кажется неудивительным, что все албанские говоры диаспоры демонстрируют сравнительно большое число упрощающих инноваций.

В ряду факторов, которыми может быть обусловлено упрощение (англ. simplification) идиомов в мультилингвальных языковых сообществах, чаще всего упоминаются такие социолингвистические факторы, как: интен-

сивный языковой контакт и большое число поздних билингвов в языковом сообществе, нестабильность сообщества (миграции) и низкая плотность социальных связей внутри него [25. С. 101]. Все перечисленные характеристики, очевидно, в той или иной степени релевантны для диаспорических языковых сообществ, существующих в отрыве от основного ареала распространения языка; с этой точки зрения кажется неудивительным, что все албанские говоры диаспоры демонстрируют сравнительно большое число упрощающих инноваций.

Ярким примером такого развития в нашем случае является гегский говор арбнешей Задара, в котором отмечен ряд упрощающих инноваций, не характерных для (большинства говоров) его «материнского» ареала. В частности, утрачены назальные гласные, фонемы /θ/ и /h/, противопоставление /r / – /r/ и так называемые сверхсложные формы глагола. Учитывая, что северо-западные гегские говоры в Черногории, сохраняющие высокий уровень сложности, также находятся в ситуации продолжительного контакта, можно предположить, что условия этого контакта были и остаются иными, нежели в албаноязычном сообществе Задара.

Билингвальную ситуацию на юге Черногории в прошлом и настоящем можно охарактеризовать как относительно равновесную (не приводящую к утрате ни одного из взаимодействующих языков) [30].

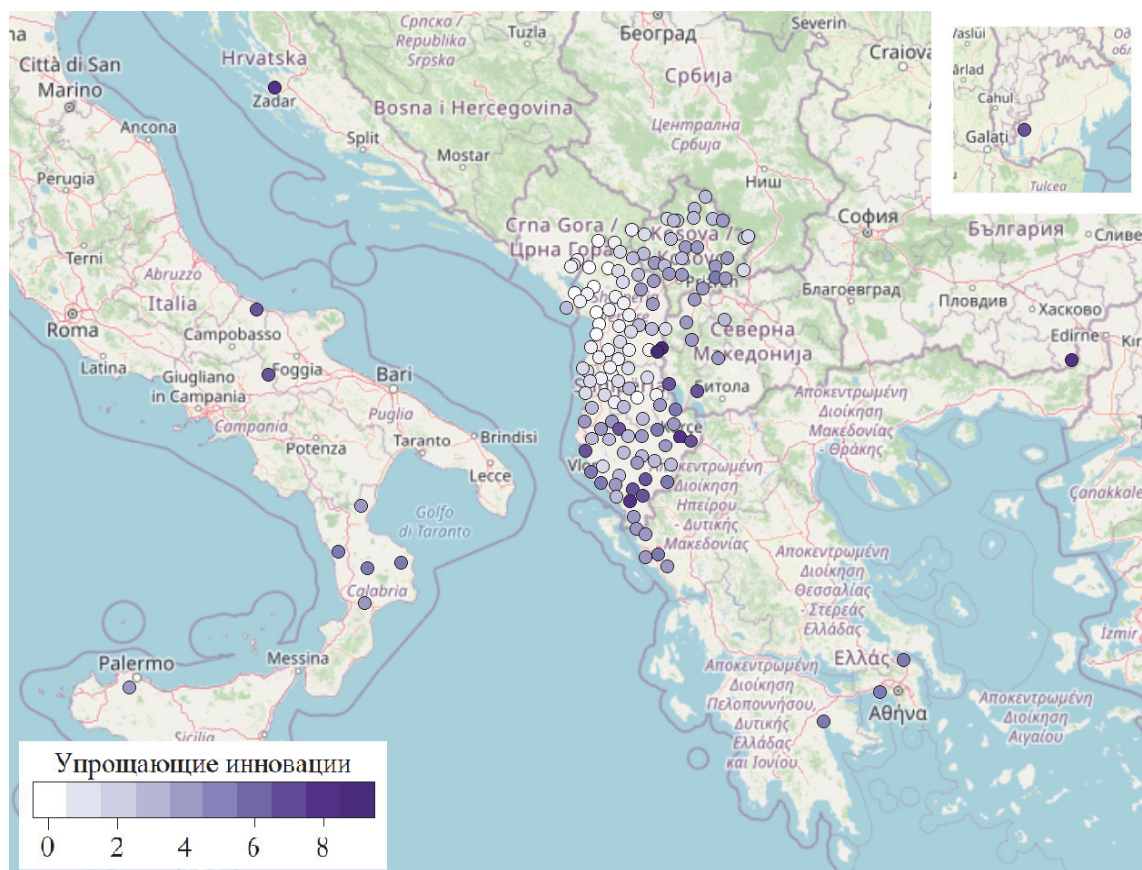

Рис. 2. Упрощающие инновации

Для этой ситуации характерно взаимное двуязычие значительной части албанского и славянского населения региона, ранний (детский) билингвизм в отдельных микросообществах (смешанные села и кварталы), поздний (взрослый) билингвизм части говорящих вследствие смешанных браков (усвоение второго языка после замужества) и иных контактов с иноязычными соседями. Большинство билингвов при этом демонстрируют высокий уровень владения обоими языками, как правило при лингвистической доминации первого, или родного языка (случаи смены доминации с возрастом отмечены в [31]). С социолингвистической точки зрения немаловажно, что при безусловной доминации государственного черногорского языка в системе образования и администрации Республики Черногория, албанский является значимым языком межэтнического общения в районах, где албанцы составляют большинство или значительное по численности меньшинство.

В сообществе арбнешей Задара роль албанского говора очевидным образом сводится к употреблению в качестве «домашнего» языка; в межэтнической коммуникации (с монолингвальным хорватскоязычным населением Задара) он не используется. По-видимому, с лингвистической точки зрения албанский говор также не является доминирующим для значительной части членов сообщества; более того, он не всегда является первым по времени усвоения языком и сегодня практически не передается детям и внукам [32] – как в большинстве языковых сообществ, которые характеризуются утратой этнического языка.

Говоря о диаспорических тоскских говорах, следует учитывать, что к моменту начала миграций тоскские говоры основного ареала уже приобрели общетоскские упрощающие инновации. Среди признаков, выбранных нами для изучения сложности, таковыми являются утрата противопоставления гласных по назальности и формы определенного аблатива ед. числа. Кроме этого, в числе инноваций, отмеченных в большинстве тоскских говоров диаспоры, есть явления, характерные для отдельных субареалов тоскской диалектной области. Например, утрата противопоставления гласных по долготе и различия по роду у числительного «три», локатива, сверхсложных форм [8. С. 86, 263, 271, 372–373]. Можно предположить, что упрощенный характер говоров тоскской диалектной области или, по крайней мере, тенденция к упрощению могли быть «унаследованы» соответствующими говорами диаспоры. Фокус внимания в этом случае смещается с ситуации в диаспоре в целом на реконструкцию ситуации в тоскских говорах основного ареала в период до и во время миграций (о возможном контактном влиянии на развитие севернотоскских говоров см., например, [33]).

К упрощающим инновациям, которые в некоторой степени отличают тоскские говоры диаспоры от большинства тоскских говоров основного ареала, можно отнести утрату противопоставления индикатива и конъюнктива во 2-м л. ед. ч. в говоре Мандрицы и монофтонгизацию дифтонгов в идиомах Буджака и Приазовья. Явление монофтонгизации общалбанских *ua*, *ue*, *ie* > *u*, *y*, *i* широко представлено в гегском ареале и полностью отсутствует в тоскском [8. С. 168–177].

Роль языкового контакта в возникновении этой черты в Буджаке и Приазовье неочевидна – возможно, перед нами особенность внутреннего развития говора, которая продолжает более обширную албанскую тенденцию, не реализованную в «материнском» северо-восточном тосском ареале [34]. Инновация говора Мандрицы представляет собой упрощение явно контактного характера, которое наблюдается также в двух среднегегских пунктах основного ареала (область Дибра на границе Албании и Северной Македонии) [8. С. 329–338], идиомы которых находились и продолжают находиться в интенсивном контакте со славянскими языками. С одной стороны, условия, которые привели к возникновению этой и, может быть, некоторых других упрощающих инноваций в говоре Мандрицы, сходны с ситуацией в Задаре. С другой стороны, отличие, которое нуждается в дальнейшем осмыслении и подробном изучении, заключается в том, что албанцы

Мандрицы до недавнего времени доминировали в количественном и, соответственно, языковом отношении в этноязыковом сообществе этого села и, кроме того, могли поддерживать связи с другими албаноязычными поселениями Южной Фракии (ныне – приграничные районы Турции; на рубеже XIX–XX вв. весь регион был частью вилайета Эдирне в составе Османской империи) [14. С. 4–5].

2.2.3. Усложняющие инновации

Усложняющие инновации, которые в албанских диалектах по большей части имеют внутренний (не контактный) характер, полностью отсутствуют в ряде албанских пунктов основного ареала (белый цвет на карте на рис. 3). Максимальное количество таких инноваций – 7 из 10 возможных. Говоры албанской исторической диаспоры демонстрируют очень малое число усложняющих инноваций, от 1 до 3 (из 10 возможных).

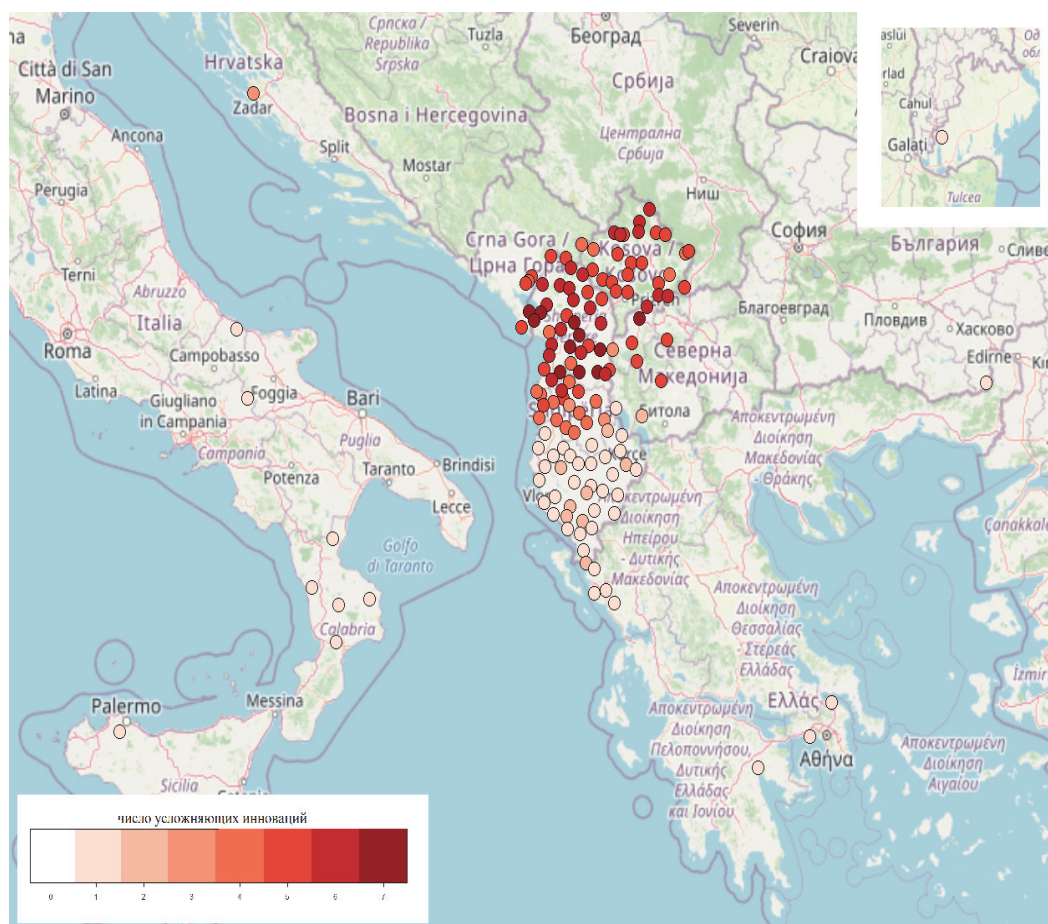

Рис. 3. Усложняющие инновации

Как видно, тосские говоры как в основном ареале, так и в диаспоре практически не имеют усложняющих инноваций. Как и в разделе 2.2.2, ситуацию в говорах диаспоры (отсутствие инноваций, характерных для гегского ареала), по-видимому, следует рассматривать отчасти как продолжение ситуации в тосской части основного албаноязычного ареала.

В гегской диалектной области выделяются два эпикастра инновационного усложнения – группа северо-западных гегских говоров близ Скадарского озера и

среднегегские говоры Албании. Говор арбнешей Задара отличается от первой группы (т.е. своего «материнского» ареала) меньшим числом усложняющих инноваций: в нем отсутствует фонема /æ/ и противопоставление по роду в окончаниях отрицательных прилагательных *ila:m* ‘вымытый’ – *e lam-e* ‘вымытая’. В первом случае говор Задара не развил, возможно, одну из поздних гегских инноваций, отсутствующую также в среднегегской части основного ареала, а во втором мы, очевидно, имеем дело с утратой относительно старой

инновации, характерной для большинства северногегских говоров основного ареала [8. С. 85, 264].

2.2.4. «Унаследованная» сложность

Как было указано в разделе 2.1, отсутствие упрощающей инновации в том или ином пункте соответствует сохранению «унаследованной» сложности. Согласно рис. 4, в говорах основного ареала это значение составляет от 7 до 15 (из 16 возможных).

Примечательно, что некоторые современные албанские говоры почти не утратили черт, характерных для общеалбанского состояния. Это касается, в первую очередь, северо-западных гегских говоров, которые (см. рис. 3), приобрели и значительное число усложняющих инноваций (как следствие, эти говоры являются одними из самых сложных, см. рис. 1). В целом уровень сохранения «унаследованной» сложности для основного албаноязычного ареала достаточно высок.

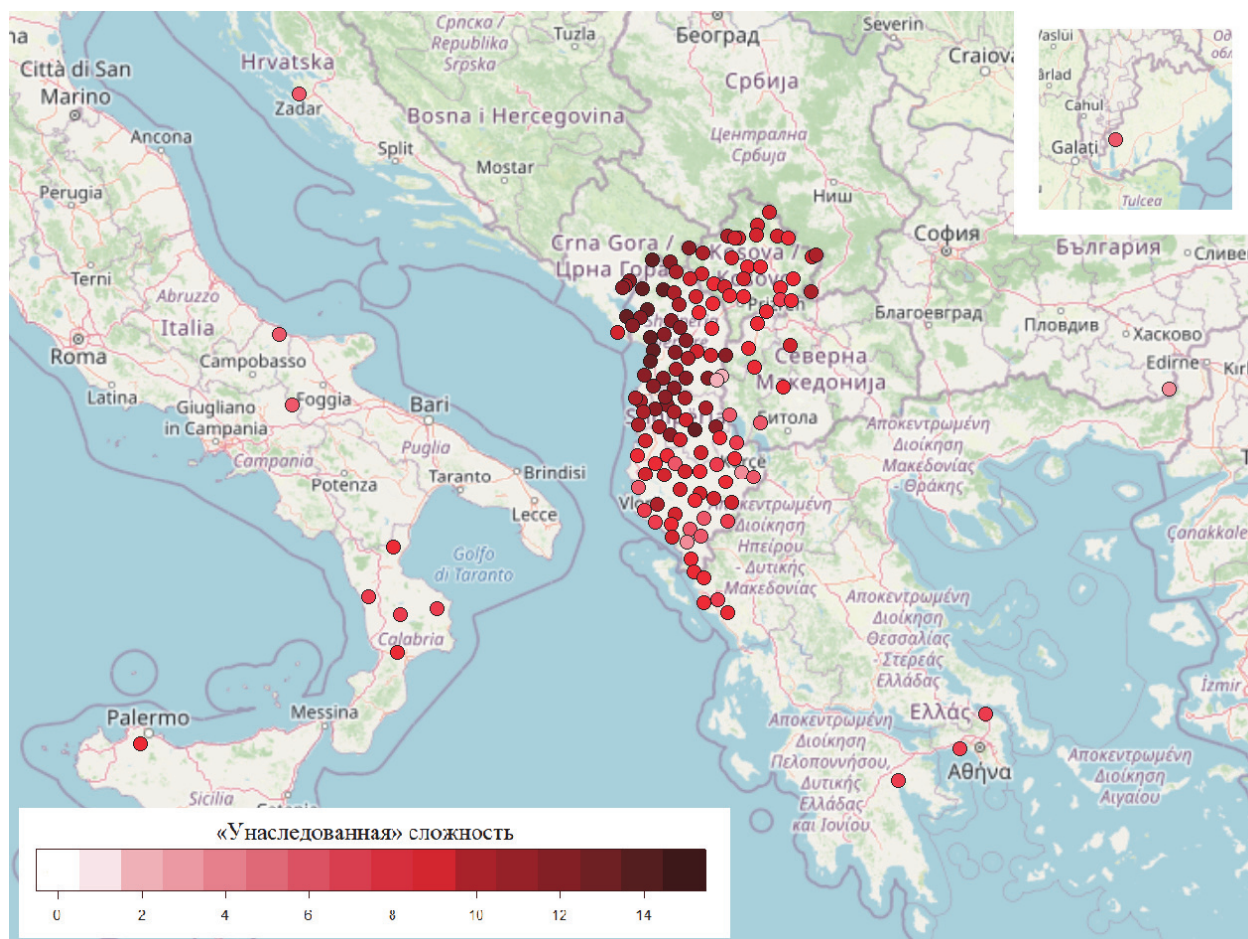

Рис. 4. «Унаследованная» сложность

В говорах албанской исторической диаспоры уровень сохранения «унаследованной» сложности составляет от 9 до 11. При этом в говорах тоскского происхождения эти значения коррелируют с числом упрощающих инноваций, а в гегском говоре Задара, как было отмечено в 2.2.3, низкий уровень сложности определяется не только утратой ряда унаследованных черт, но и утратой или отсутствием развития как общегегских инноваций, так и локальных инноваций северно-западных гегских говоров.

3. Лингвистическая близость говоров диаспоры и «материнских» ареалов: диалектометрическое исследование

3.1. Методика и ход исследования

Диалектометрическое исследование, направленное на установление степени близости изучаемых говоров

диаспоры между собой и с говорами «материнских» ареалов, было выполнено на базе 150 фонетико-фонологических и грамматических признаков, сформулированных с опорой на признаки ДААЯ. Значения признаков вносились в таблицу Excel и были охарактеризованы как архаизмы (old) или инновации (new). См. образец заполнения в табл. 2. История некоторых признаков неясна (они могут быть локальными инновациями либо архаичными общеалбанскими чертами, которые сохранились только в части говоров – ср. напр. рефлексивно-посессивное местоимение *i/e vet*, которое наличествует в гегской и отсутствует в тоскской части основного диалектного ареала), и в таких случаях мы использовали помету NA.

Количественный анализ полученных данных включал два этапа:

(1) вычисление расстояний между парами говоров с учетом (а) всех значений признаков, (б) только инноваций;

(2) визуализация расстояний. В работе использованы пакеты ggplot2 [35], dplyr [36] и dendextend [37].

Методика количественного анализа с применением R для подсчета расстояний между говорами была разработана М.А. Овсянниковой [38]. При *вычислении* первого типа расстояний (по всем значениям признаков) значение близости для каждой пары говоров рассчитывалось по формуле, в которой число совпадений в значениях признаков делится на общее число сопоставляемых признаков: $\text{близость} = N_{\text{совпадений}} / (N_{\text{совпадений}} + N_{\text{различий}})$. Расстояние между говорами в этом случае равно 1 минус значение близости. При вычислении второго типа расстояний, основанных только на инновативных значениях признаков, сравнивались только такие значения признаков, которые представляют инновацию хотя бы в одном из говоров пары. Иными словами, не учитывались совпадения в архаизмах, как в первой строке табл. 2.

Таблица 2

Разметка архаизмов и инноваций и подсчет совпадений по инновациям

Признак	Пункт 1		Пункт 2		Совпадения
	Знач.	Статус	Знач.	Статус	
Наличие долгих гласных	есть	old	есть	old	–
Рефлекс группы <i>ngj</i>	<i>gj</i>	new	<i>ngj</i>	old	✖
Основа мн. ч. <i>nip</i> 'внук'	<i>nip</i>	new	<i>nip</i>	new	✓
1PL глагола <i>them</i> 'сказать'	<i>thojm</i>	new	<i>thona</i>	new	✖
Наличие прилаг. на <i>-shëm</i>	нет	old	есть	new	✖

Методом *визуализации* полученных расстояний стала иерархическая кластеризация. Для анализа была выбрана агломеративная кластеризация, при которой построение кластеров идет от мелких к крупным и делается по принципу «схожести» объектов [39. С. 309]. На первом уровне кластеризации оказываются наиболее близкие говоры, а более высокие уровни позволяют судить о степени сходства (близости) между идиомами, отстоящими друг от друга дальше.

То, какие объекты считаются «ближайшими» при иерархической кластеризации, определяется разными методами кластерного анализа. Метод одиночной связи (single linkage) или метод ближайшего соседа, при котором в ходе объединения кластеров в один большой кластер попадают такие пары, которые демонстрируют наименьшее расстояние между своими наиболее близкими членами. Метод полной связи (complete linkage) или метод дальнего соседа, при котором в ходе объединения кластеров в один большой кластер попадают такие пары, которые демонстрируют наименьшее расстояние между их наиболее далекими членами. Метод средней или межгрупповой связи (average linkage), который в целом работает так же, как и вышеописанные два метода, но берется среднее значение. Наконец, центроидный метод (centroid), при котором находятся и соединяются центры кластеров

[39. С. 310–311]. В данной статье мы используем только результаты кластеризации по методу дальнего соседа, дающему для нашего материала результаты, которые хорошо согласуются с общими представлениями о членении албанского диалектного ландшафта.

3.2. Результаты исследования

3.2.1. Кластеризация по всем значениям⁹

Результаты кластеризации по всем значениям признаков (как инновациям, так и архаизмам) отражены на рис. 5. Группы говоров показаны разными цветами подписей, соответствующих номерам пунктов в базе данных исследования. На самом высоком уровне кластеризация показывает четкое разбиение всех албанских говоров на два больших кластера, гегский и тоскский, которое соответствует основному диалектному членению албанского языка.

Гегский кластер делится на северную (северо-западные и северо-восточные гегские говоры) и южную части (среднегегские, южногегские и «переходные» говоры). Это деление соответствует представлениям о членении гегского ареала, высказываемым большинством албанских диалектологов, напр. в [3; 40] – в отличие от подхода А.В. Десницкой, согласно которому на верхнем уровне классификации гегских говоров выделяются три основные группы: северногегская, среднегегская и южногегская. Говор арбнешей Задара (северо-западный гегский) объединяется со всеми северногегскими говорами, однако не кластеризуется сразу с говорами «материнского» ареала, а присоединяется позже к кластеру, объединяющему северо-западные и северо-восточные гегские говоры.

Тоскский кластер включает два сравнительно крупных кластера: в один входят (наиболее близкие в генетическом отношении) южнотоскские говоры, а во второй – севернотоскские и часть примыкающих к ним южнотоскских. Арбрешские говоры Италии присоединяются к ним на более высоком уровне кластеризации; хотя генетически они должны быть скорее южнотоскскими (миграция предков арбрешей происходила в основном из приморских районов на юго-западе Албании и из Греции [2. С. 376]), они кластеризуются не с южнотоскскими говорами, а с тоскскими говорами основного ареала в целом. Остальные тоскские говоры составляют кластер со всеми тоскскими, включая арбрешей, на следующем уровне. При этом Каракурт (Буджак) стоит ближе к Девнинскому (Приазовье), нежели Георгиевка (Приазовье). Несмотря на то что села Приазовья по отношению к Каракурту представляют собой филиацию, развивавшуюся в отрыве от исходного языкового сообщества на протяжении последних полутора столетий, некоторые яркие различия проходят не по линии Буджак – Приазовье, а скорее между Каракуртом и Девнинским с одной стороны и Георгиевкой и Гаммовкой с другой (см., например, [16]). Отличия между идиомами приазовских сел могут быть сравнительно поздними и связанными с изменением этноязыкового состава (приток

русскоязычного и украиноязычного населения в этих селах в XX в., начиная с 1930-х гг. [41. С. 281–284], мог

быть более сильным в Георгиевке и Гаммовке, чем в Девнинском) и, как следствие, языковой ситуации.

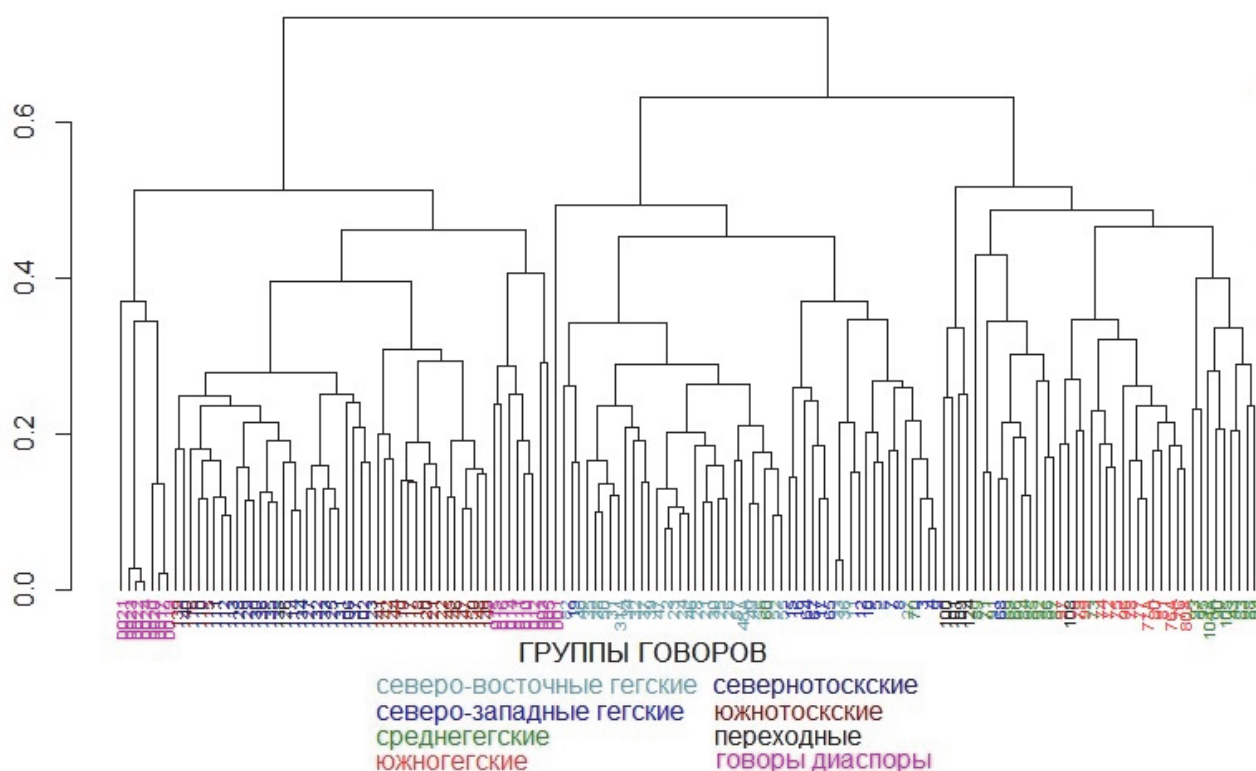

Рис. 5. Кластеризация албанских говоров основного ареала и диаспоры: все признаки

3.2.2. Кластеризация по инновациям

Кластеризация по значениям признаков, интерпретируемым как инновации, показывает результаты, не противоречащие в целом изложенному в разделе 3.2.1, но дающие определенную дополнительную информацию по сравнению с наблюдениями над динамикой языковой сложности (раздел 2).

Как видно на рис. 6, говор арбнешей Задара снова объединяется со всеми северногегскими говорами, несмотря на значительные отличия от «материнского» северо-западного и в целом от северногегского ареала в плане сохранения характерных для этих ареалов усложняющих инноваций и общего уровня «унаследованной» сложности.

С одной стороны, в эпоху, когда предки носителей задарского говора мигрировали из основного северо(западно)гегского ареала, различия между северо-западными и северо-восточными гегскими говорами, вероятно, были менее значительными, чем в настоящее время. С другой стороны, такое положение может объясняться и специфическими – преимущественно упрощающими – инновациями диаспорического говора. Можно предположить, что близость отдельных гегских групп определяется, скорее, их общими инновациями.

Говор албанцев Мандрицы и говоры сел Буджака и Приазовья объединяются со всеми тоскскими говорами. Группировка говоров внутри этого небольшого кластера в целом такая же, как и на графике «по всем признакам». Такое удаление данной группы диаспоры

от говоров «материнского» ареала может объясняться их особенно сильными контактными инновациями.

Идиомы арванитов Греции и арбрешей Италии вместе объединяются со всеми тоскскими на более низком уровне. Объединение арванитских и арбрешских говоров может частично объясняться тем, что часть албанцев мигрировала в Италию из Греции (см. выше). Кроме этого, говоры арванитов и арбрешей могут объединяться специфическими инновациями, возникшими уже после отрыва от «материнского» ареала. При этом «северно-итальянские» говоры арбрешей группируются отдельно, что может определяться меньшим вторичным притоком мигрантов из Греции в эти области Южной Италии.

Заключение

Как показало проведенное исследование, говоры диаспоры демонстрируют низкий уровень сложности и значительное число упрощающих инноваций, что не удивительно: языковые контакты (а для говоров диаспор они априори являются более интенсивными, чем для их «материнских» ареалов) традиционно связывают с упрощением [25]. Вместе с тем траектория развития диаспорических пунктов в этом отношении различна. Единственный гегский пункт диаспоры в нашей выборке (говор арбнешей Задара) генетически принадлежит к консервативным и сильно усложненным северо-западным гегским говорам. Вместе с тем, он характеризуется большим числом упрощающих инноваций (несомненно возникших в контакте), а также потерей или недоразвитием некоторых северногегских

усложняющих инноваций. Интересно, что другие северо-западные гегские говоры, находящиеся в состоянии контакта (говоры основного ареала на территории Черногории) не демонстрируют подобного упрощающего развития.

Это позволяет прийти к существенным выводам относительно влияния типов контактной ситуации на лингвистические результаты контакта. Напротив, тоскские диаспорические говоры по уровню сложности сильно не отличаются от тоскских говоров основного ареала.

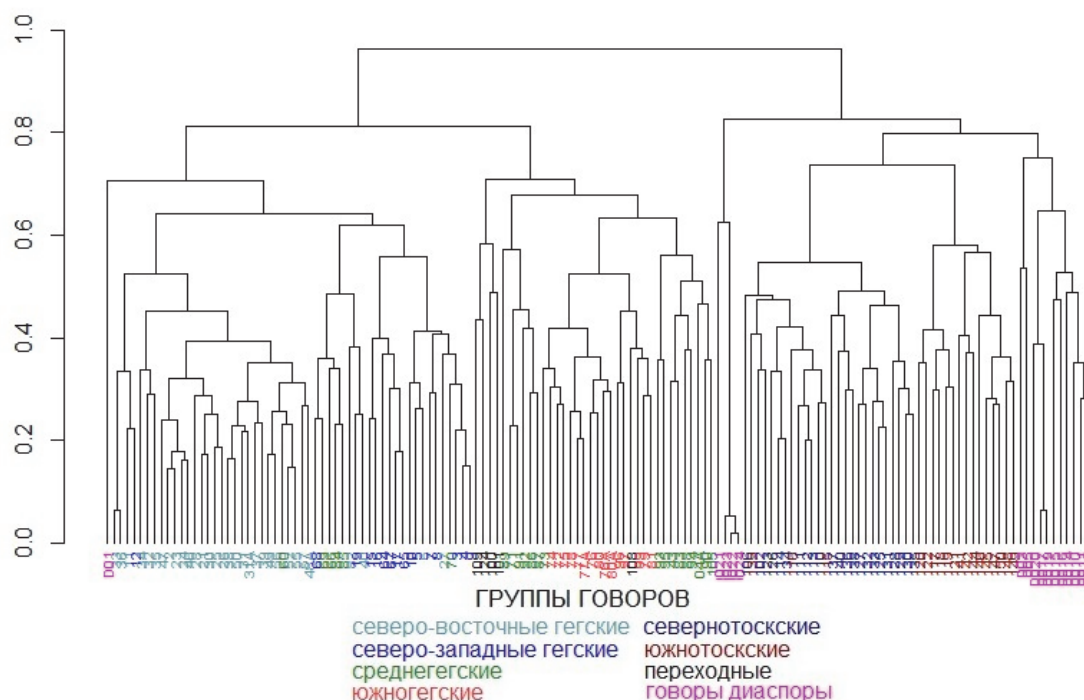

Рис. 6. Кластеризация албанских говоров основного ареала и диаспоры: инновации

Основные упрощающие инновации этих говоров (из используемого нами набора из 28 признаков) имеют общетоскский характер, что связано – по крайней мере, отчасти – с процессами междиалектного контакта на территории Южной Албании либо характеризуют соответствующие субареалы тоскской диалектной области. Поэтому к моменту начала миграций для этих говоров, очевидно, уже была характерна сравнительно высокая степень упрощения. Любопытно, однако, что некоторые из них (говоры сел Мандрица, Каракурт, Георгиевка и Девнинское) развили все же некоторые собственные упрощающие инновации, сближающие их к тому же с гегским, а не с тоскским ареалом.

Сопоставимые (в контактологическом плане) выводы получены на материале южнославянских диалектов, не учитывающем говоры диаспоры [20]. Так, для славянских идиомов на юге Черногории – как и для соседних с ними албанских – характерен высокий уровень языковой сложности, который складывается из сохранения унаследованной сложности и развития (контактнообусловленных) усложняющих инноваций. По-видимому, в обоих случаях мы имеем дело с лингвистическими следствиями относительно равновесного двуязычия, описанного в [30]. Некоторые южнославянские идиомы, напротив, характеризуются низким уровнем языковой сложности, большим числом упрощающих инноваций и почти полным отсутствием усложняющих. Таковы, например, торлакские говоры, для которых сильное упрощение и отсутствие усложнения связывается с процессами межъязыкового и междиалектного смешения, в том числе контактом

менее балканизированных говоров с более балканизированными («вторичная балканизация») [20. С. 142]. Учет диаспорических южнославянских диалектов (например, молисского славянского и бургенландского хорватского) в подобном исследовании, вероятно, позволил бы обнаружить явления и тенденции изменения языковой сложности, сходные с теми, что демонстрируют говоры албанской исторической диаспоры.

Диалектометрическое исследование, базирующееся на большом количестве фонетических и грамматических признаков, показывает, что значительное количество специфических (в основном контактных) инноваций «замутняют» связи говоров диаспоры с «материнскими» ареалами.

Это замутнение довольно последовательно выражается в том, что говоры диаспоры кластеризуются не непосредственно с говорами своего «материнского» ареала, а с более высоким классификационным таксоном. Количество старых («генетических») или определяемых междиалектными контактами) схождения уменьшается и заменяется новыми инновациями, не свойственными говорам основного ареала. Тем не менее, основные диалектные связи сохраняются. Так говор Задара в целом демонстрирует близость с северногегскими, а остальные говоры – с родственными им тоскскими диалектами. Сравнение близости по всем признакам и только по значениям, которые представляют собой инновации, также может дать определенную диалектологически значимую информацию. Так, кластеризация по инновациям подчеркивает особую близость албанских диаспорических говоров Греции и Южной Италии, что

находит историческое подтверждение в данных об истории миграций албанцев из Греции в Южную Италию.

Дальнейшее количественное исследование говоров основного албаноязычного ареала и исторической диаспоры требует привлечения материала из пунктов, не охваченных в настоящей работе (например, большего количества пунктов в Южной Италии и на Сицилии, между которыми могут быть существенные различия), а также сравнительного анализа результатов, которые дают разные методы кластеризации и иные

методы количественного исследования расстояний между диалектами.

Как представляется, примененный нами диалектометрический подход, учитывающий близость идиомов не только по всем признакам, релевантным для диалектного членения, но и отдельно по инновациям, отражающим сходства и различия в развитии групп идиомов, может быть полезен для изучения островных и миграционных говоров и вне албанского (и шире – балканского) ареалов.

Примечания

¹ Под основным албаноязычным ареалом в албанской диалектологии понимается территория на западе Балканского полуострова, на которой современные говоры албанского языка образуют сравнительно непрерывный континуум (Албания, Северо-Западная Греция, Косово, Южная и Юго-Восточная Сербия, западная часть Северной Македонии, юг и восток Черногории). С диалектологической точки зрения, говоры пограничных с Албанией районов «составляют продолжение соответственно северной (гегской) и южной (тоскской) диалектных зон на территории самой Албании» [1. С. 95].

² По мнению А.В. Десницкой, существенное отличие более ранних и более поздних миграций албанцев за пределы основного ареала заключается в том, что в первом случае появлялись албаноязычные села со своими территориальными говорами, создававшие «крестьянами, которые и на новых местах <...> включались в местные системы феодальных отношений», а во втором поток миграции направлялся в основном в большие города, где албанцы «вливались в общую массу населения» и формирования особых говоров не происходило [2. С. 14]. Именно поселения первого типа, условно называемые здесь «албанской исторической диаспорой», представляют интерес в диалектологическом отношении и являются объектом рассмотрения в настоящем исследовании.

³ В диалектологии албанского языка основополагающим является деление албанского языкового ареала на две большие диалектные области, гегскую на севере и тоскскую на юге. Граница между областями проходит по реке Шкумбин в Центральной Албании; к югу от Шкумбина располагается зона переходных говоров. Гегская и тоскские области далее членятся на несколько диалектных зон. В диалектной классификации, предложенной А.В. Десницкой, на которую мы опираемся в настоящей работе, внутри гегского диалекта выделяются северо-западные, северо-восточные, среднегегские и южногегские говоры, а внутри тоскского – севернотоскские и южнотоскские [2].

⁴ Как справедливо замечает рецензент статьи, материал по большинству этих пунктов датирован 1970–1980 гг. Вследствие этого мы не можем утверждать, что наши данные отражают современное состояние говоров основного ареала и диаспоры: за последние 50 лет в исследуемых идиомах могли произойти изменения, повлиявшие в том числе на характер реализации диалектных признаков, использованных в нашем исследовании. В диалектометрической части эта «погрешность», на наш взгляд, компенсируется большим числом признаков. Что касается исследования языковой сложности албанских диалектов, необходимо признать, что изменения в значениях двух или трех из 28 выбранных признаков могут существенным образом повлиять на количественные результаты. Однако заметим, что эта часть работы направлена в первую очередь на изучение процессов, приводящих к увеличению и (или) уменьшению языковой сложности албанских говоров, и установление взаимосвязи между уровнем сложности и экстралингвистическими факторами, в числе которых важная роль принадлежит языковому контакту. Этим обусловлена актуальность настоящего исследования для решения некоторых задач, стоящих перед современной албанистикой и лингвистической контактологией. В отсутствие более полных и при этом хронологически однородных источников диалектного материала, чем Диалектологический атлас албанского языка [8], мы приняли решение использовать имеющиеся данные и проследить динамику языковой сложности изучаемых говоров по крайней мере до обозначенного выше периода; современные диалектные описания, которые могут отражать речь последующих поколений носителей, создавая таким образом хронологическую неоднородность материала, сознательно не использовались на данном этапе работы.

⁵ См. также сопоставление по параметру языковой сложности говоров основного албаноязычного ареала с южнославянскими идиомами на базе двух несовпадающих списков, включающих по 27 признаков, в [21].

⁶ Самыми существенными являются фонетические изоглоссы: 1) ротацизм, т.е. изменение общеалбанского интервокального *-n- > -r-* в тоскском; 2) наличие в тоскском гласного неопределенного тембра /ə/ в ударной позиции, в которой этот гласный восходит к носовому *a*, реже – к носовому *e*; 3) соответствие гегскому начальному *vo-* тоскского *va-* в нескольких исконных словах и латинских и древнегреческих заимствованиях [26. С. 138].

⁷ Фонемы /r/ и /r/ – рефлексы праиндоевр. *r, которые развились в протоалбанский период, датируемый I тысячелетием н. э. (эпоха интенсивных контактов с Римом и начала контактов со славянами) [27. С. 567].

⁸ Карты созданы с помощью пакетов *prettymap* [28] и *gism* [29].

⁹ Говоры диаспоры отмечены на рисунках следующим образом: говор арбнешей Задара (Хорватия) – D001; говоры арбнешей Италии – D003, D005, D010, D011, D012, D014, D015, D016; говор арванитов Греции – D017, D019, D020; говор албанцев Мандрицы – D021; говоры Буджака и Приазовья – D022 (Каракурт), D023 (Георгиевка), D024 (Девнинское).

Список источников

1. Жугра А.В. Типы маргинальных говоров албанского языка // Проблемы ареальных контактов и социолингвистики. Л. : Наука, 1978. С. 95–100.
2. Десницкая А.В. Албанский язык и его диалекты. Л. : Наука, 1968.
3. Gjinari J., Shkurtaj Gj. Dialektologjia. Tiranë : ShBLU, 2000.
4. Shuteriqi Dh. Fshati shqiptar i Bullgarisë, Mandrica. Studime filologjike. 1965. № 1. F. 103–141.
5. Морозова М.С., Новик А.А. Краткая история образования албанских сел Украины: факты и мифы // Новик А.А., Бучатская Ю.В., Ермолин Д.С., Дугушина А.С., Морозова М.С. «Приазовский отряд». Язык и культура албанцев Украины / отв. ред. А.А. Новик, ред. М.С. Морозова, Д.С. Ермолин. СПб. : МАЭ РАН, 2016. Ч. I, т. 1. С. 219–276.
6. Морозова М.С. Албанский говор села Жовтневого в условиях языкового контакта: по материалам экспедиций 2011–2013 годов // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2016. Т. XII, ч. 3. С. 147–168.
7. Krstić K. Rječnik govora zadarskih arbanasa. Zadar: Mjesna zajednica Arbanasi, 1987.
8. Gjinari J., Beci B., Shkurtaj Gj., Gosturani Xh. Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe. Vëll. 1. Tiranë, Napoli: Akademia e Shkencave e Shqipërisë, Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë; Università degli studi di Napoli L'Orientale, 2007.
9. Ajeti I. Istorijski razvitak gegijskog govora arbanasa kod Zadra. Sarajevo : Naučno društvo NR Bosne i Hercegovine, 1961.
10. Sasse H.-J. Arvanitika: die albanischen Sprachreste in Griechenland. Teil I. Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1991.

11. Çabej E. Italoalbanische Studien: Wiener Dissertation Aus Dem Jahr 1933 / Hrsg. von H. Eichner, J. Matzinger. Wiesbaden : Harrassowitz, 2017.
12. Domi M., Shuteriqi Dh. Një vështrim mbi të folmen shqipe të Mandricës // Studime Filologjike. 1965. № 2. F. 103–119.
13. Shuteriqi Dh. Fjalorth i të folmes shqipe të fshatit Mandricë // Studime Filologjike. 1965. № 2. F. 154–170.
14. Sokolova B. Die albanische Mundart von Mandritsa. Wiesbaden : Harrassowitz, 1983.
15. Voronina I., Domosileckaja M., Sharapova L. E folmja e shqiptarëve të Ukrainës / Përkthyes M. Vejzaj. Shkup : Shkupi, 1996.
16. Морозова М.С. Говор албанцев Украины: грамматический очерк // Новик А.А., Бучатская Ю.В., Ермолин Д.С., Дугушина А.С., Морозова М.С. «Приазовский отряд». Язык и культура албанцев Украины / отв. ред. А.А. Новик, ред. М.С. Морозова, Д.С. Ермолин. СПб. : МАЭ РАН, 2016. Ч. I, т. 2. С. 421–506.
17. Морозова М.С. Тексты на албанском говоре // Новик А.А., Бучатская Ю.В., Ермолин Д.С., Дугушина А.С., Морозова М.С. «Приазовский отряд». Язык и культура албанцев Украины / отв. ред. А.А. Новик, ред. М.С. Морозова, Д.С. Ермолин. СПб. : МАЭ РАН, 2016. Ч. I, т. 2. С. 513–538.
18. Котова Н.В. Язык албанцев Украины в середине XX века. Тексты и словарь. Комментарии / отв. ред. И.А. Седакова; науч. ред. А.В. Жугра, М.С. Морозова. М. : ЯСК, 2017.
19. Morozova M., Rusakov A., Ovsjannikova M. Studime të dialekteve të gjuhës shqipe: metoda dhe prurje të reja // Sinani Sh., Xhufi P. (red.). Akte të Kuvendit ndërkombëtar të studimeve albanologjike. Vëll. II. Tiranë : Kristalina-KH, 2022. F. 247–266.
20. Morozova M., Escher A., Rusakov A. Linguistic complexity of South Slavic dialects: A new perspective on old data // Linguistics Vanguard. 2023. Vol. 9, № s1. P. 133–154.
21. Морозова М.С., Русаков А.Ю. О сравнительном изучении языковой сложности албанских и южнославянских диалектов // L Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. Избранные доклады / под ред. В.П. Казакова. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2023. С. 192–206.
22. Бердичевский А. Языковая сложность (language complexity) // Вопросы языкознания. 2012. № 5. С. 101–124.
23. Miestamo M. Linguistic diversity and complexity // Lingue e linguaggio. 2017. № 16 (2). P. 227–253.
24. Nichols J. Linguistic complexity: a comprehensive definition and survey. Sampson G., Gil D., Trudgill P. (eds.). Language complexity as an evolving variable. Oxford : Oxford University Press, 2009. P. 110–125.
25. Trudgill P. Sociolinguistic typology: Social determinants of linguistic complexity. Oxford : Oxford University Press, 2011.
26. Русаков А.Ю. Некоторые изоглоссы на албанской диалектной карте (к вопросу о возникновении и распространении балканизмов албанского языка) // Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков (преимущественно в свете языковых контактов) / отв. ред. Вяч.Вс. Иванов. СПб. : Алетея, 2013. С. 113–174.
27. Rusakov A.Y. Albanian // Kapović M. (ed.). The Indo-European Languages. Second edition. London; New York : Routledge, 2017. P. 552–608.
28. Dunnington D. prettymap: Scale Bar, North Arrow, and Pretty Margins in R. Version 0.2.2. 2017. URL: <https://github.com/paleolimbot/prettymap> (дата обращения: 08.01.2024).
29. Dunnington D. rosm: Plot Raster Map Tiles from Open Street Map and Other Sources. Version 0.2.5. 2019. URL: <https://github.com/paleolimbot/rosm> (дата обращения: 08.01.2024).
30. Морозова М.С., Русаков А.Ю. Албанско-черногорское пограничье: в поисках «сбалансированного языкового контакта» // Словѣне. 2018. № 2. С. 258–302.
31. Morozova M.S., Rusakov A.Y. Societal multilingualism à la balkanique: the Montenegrin Velja Gorana and beyond // International Journal of Bilingualism. 2021. Vol. 25, is. 4. P. 999–1018.
32. Bilić Meštrić K., Šimičić L. Language Orientations and the Sustainability of Arbanasi Language in Croatia – A Case of Linguistic Injustice // Open Linguistics. 2017. № 3. P. 145–156.
33. Десницкая А.В. Эволюция диалектной системы в условиях этнического смешения (Из истории славяно-албанских языковых контактов) // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография / редкол.: В.В. Иванов, В.Д. Королюк (отв. ред.), Г.Г. Литаврин, Е.П. Наумов, Н.И. Толстой. М. : Наука, 1976. С. 186–197.
34. Морозова М.С. Тенденции развития дифтонгов *ua* / *ue*, *ye*, *ie* в албанских говорах: от центра к периферии // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVII (чтения памяти И.М. Тронского) : материалы Междунар. конф., проходившей 24–26 июня 2013 г. / отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб. : Наука, 2013. С. 584–595.
35. Wickham H., Chang W., Henry L., Pedersen Th.L., Takahashi K., Wilke C., Woo K., Yutani H., Dunnington D. (2020) ggplot2: Create Elegant Data Visualisations Using the Grammar of Graphics. Version 3.3.2. URL: <https://ggplot2.tidyverse.org> (дата обращения: 08.01.2024).
36. Wickham H., François R., Henry L., Müller K. (2020) dplyr: A Grammar of Data Manipulation. Version 1.0.6. URL: <https://dplyr.tidyverse.org> (дата обращения: 08.01.2024).
37. Galili T. dendextend: Extending ‘dendrogram’ Functionality in R. Version 1.16.0. 2022. URL: <http://talgalili.github.io/dendextend/> (дата обращения: 08.01.2024).
38. Морозова М.С., Овсянникова М.А., Русаков А.Ю. Количественное исследование близости албанских диалектов: архаизмы и инновации. Доклад на XLIX Международной филологической научной конференции СПбГУ, посвященной памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (1936–2019). Санкт-Петербург, СПбГУ, 19–21 ноября 2020 г. URL: <https://conference-spbu.ru/conference/42/> (дата обращения: 01.12.2023).
39. Levshina N. How to do Linguistics with R: Data exploration and statistical analysis. Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2015.
40. Gjinari J. Dialektet e gjuhës shqipe. Tiranë : Akademia e Shkencave e RPS të Shqipërisë, Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë, 1989.
41. Новик А.А., Бучатская Ю.В. Идентичность албанцев Приазовья: самоназвание, самоотнесение и компоненты коллективной исторической памяти в историческом, лингвистическом и экстралингвистическом контекстах // Новик А.А., Бучатская Ю.В., Ермолин Д.С., Дугушина А.С., Морозова М.С. «Приазовский отряд». Язык и культура албанцев Украины / отв. ред. А.А. Новик, ред. М.С. Морозова, Д.С. Ермолин. СПб. : МАЭ РАН, 2016. Ч. I, т. 1. С. 277–356.

References

1. Zhugra, A.V. (1978) Tipy marginal'nykh govorov albanskogo yazyka [Types of marginal varieties of Albanian]. In: *Problemy areal'nykh kontaktov i sotsiolingvistiki* [Problems of areal contacts and sociolinguistics]. Leningrad: Nauka. pp. 95–100.
2. Desnitskaya, A.V. (1968) *Albanskiy yazyk i ego dialekty* [Albanian and its dialects]. Leningrad: Nauka.
3. Gjinari, J. & Shkurtaj, Gj. (2000) *Dialektologjia* [Dialectology]. Tiranë: ShBLU.
4. Shuteriqi, Dh. (1965) Fshati shqiptar i Bullgarisë, Mandrica. Studim dhe tekste [The Albanian village of Manditsa in Bulgaria. Study and texts]. *Studime Filologjike*. 1. pp. 103–141.
5. Morozova, M.S. & Novik, A.A. (2016) Kratkaya istoriya obrazovaniya albanskikh syol Ukrainy: fakty i mify [A short history of Albanian villages in Ukraine: Facts and myths]. In: Novik, A.A. (ed.). *“Priazovskiy otryad”: Yazyk i kultura albansev Ukrainy* [“Priazovskiy otryad”: Language and culture of Albanians in Ukraine]. Part 1. Vol. 1. Saint Petersburg: MAE RAS. pp. 219–276.

6. Morozova, M.S. (2016) Albanskiy govor sela Zhovtnevo v usloviyakh yazykovogo kontakta: po materialam ekspeditsiy 2011–2013 godov [Albanian dialect of Zhovtnevo in contact: a view of data from expeditions of 2011–2013]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. XII (3). pp. 147–168.
7. Krstić, K. (1987) *Rječnik govora zadarskih arbanasa* [Dictionary of the Zadar Arbanasi variety]. Zadar: Mjesna zajednica Arbanasi.
8. Gjinari, J., Beci, B., Shkurtaj, Gj. & Gosturani, Xh. (2007) *Atlasi dialektologik i gjuhës shqipe* [Dialectological atlas of the Albanian language]. Vol. 1. Tiranë; Napoli: Akademia e Shkencave e Shqipërisë, Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë; Università degli studi di Napoli L'Orientale.
9. Ajeti, I. (1961) *Istorijski razvitak gegijskog govora arbanasa kod Zadra* [The historixcal development of the Gheg variety of Arbanasi in Zadar]. Sarajevo: Naučno društvo NR Bosne i Hercegovine.
10. Sasse, H.-J. (1991) *Arvanitika: die albanischen Sprachreste in Griechenland*. Teil 1. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
11. Çabej, E. (2017) *Italoalbanische Studien: Wiener Dissertation Aus Dem Jahr 1933*. Hrsg. von H. Eichner & J. Matzinger. Wiesbaden: Harrassowitz.
12. Domi, M. & Shuteriqi, Dh. (1965) Një vështrim mbi të folmen shqipe të Mandritës [A glance at the Albanian variety of Mandritsa]. *Studime Filologjike*. 2. pp. 103–119.
13. Shuteriqi, Dh. (1965) Fjalorth i të folmes shqipe të fshatit Mandritë [Vocabulary of the Albanian variety of the village Mandritsa]. *Studime Filologjike*. 2. pp. 154–170.
14. Sokolova, B. (1983) *Die albanische Mundart von Mandritsa*. Wiesbaden: Harrassowitz.
15. Voronina, I., Domosileckaja, M. & Sharapova, L. (1996) *E folmja e shqiptarëve të Ukrainës* [The variete of the Albanians of Ukraine]. Skopje: Shkupi.
16. Morozova, M.S. (2016) Govor albansev Ukrainy: grammaticheskiy ocherk [The Albanian language in Ukraine: a grammar review]. In: Novik, A.A. (ed.) “Priazovskiy otryad”: *Yazyk i kultura albansev Ukrainy* [“Priazovskiy otryad”: Language and culture of Albanians in Ukraine]. Part 1. Vol. 2. Saint Petersburg: MAE RAS. pp. 421–506.
17. Morozova, M.S. (2016) Teksty na albanskom govore [Dialectal texts in Albanian]. In: Novik, A.A. (ed.) “Priazovskiy otryad”: *Yazyk i kultura albansev Ukrainy* [“Priazovskiy otryad”: Language and culture of Albanians in Ukraine]. Part 1. Vol. 2. Saint Petersburg: MAE RAS. pp. 513–538.
18. Kotova, N.V. (2017) *Yazyk albansev Ukrainy v seredine XX veka. Teksty i slovar’*. Kommentarii [Language of Albanians in Ukraine in the middle of the 20th century. Texts and vocabulary. Commentary]. Moscow: JaSK.
19. Morozova, M., Rusakov, A. & Ovsjannikova, M. (2022) Studime të dialekteve të gjuhës shqipe: metoda dhe prurje të reja [Studies of Albanian dialects: New methods and approaches]. In: Sinani, Sh. & Xhufi, P. (eds) *Akte të Kuvendit ndërkombëtar të studimeve albanologjike* [Acts of the International Congress of Albanological Studies]. Vol. II. Tirana: Kristalina-KH. pp. 247–266.
20. Morozova, M., Escher, A. & Rusakov, A. (2023) Linguistic complexity of South Slavic dialects: A new perspective on old data. *Linguistics Vanguard*. 9 (s1). pp. 133–154. doi: 10.1515/lingvan-2021-0116
21. Morozova, M.S. & Rusakov, A.Yu. (2023) [On comparative study of linguistic complexity of Albanian and South Slavic dialects]. In: Kazakov, V.P. (ed.) *50-ya Mezhdunarodnaya nauchnaya filologicheskaya konferentsiya imeni Lyudmily Alekseevny Verbitskoy. Izbrannye doklady* [50th International Philological Conference, in honor of Lyudmila Alekseevna Verbitskaya. Selected papers]. Saint Petersburg: SPbU. pp. 192–206. (In Russian). doi: 10.21638/11701/9785288063183.14
22. Berdichevskiy, A. (2012) Yazykovaya slozhnost’ (language complexity). *Issues in Linguistics*. 5. pp. 101–124.
23. Miestamo, M. (2017) Linguistic diversity and complexity. *Lingue e linguaggio*. 16(2). pp. 227–253.
24. Nichols, J. (2009) Linguistic complexity: a comprehensive definition and survey. In: Sampson, G., Gil, D. & Trudgill, P. (eds) *Language complexity as an evolving variable*. Oxford: Oxford University Press. pp. 110–125.
25. Trudgill, P. (2011) *Sociolinguistic typology: Social determinants of linguistic complexity*. Oxford: Oxford University Press.
26. Rusakov, A.Yu. (2013) Nekotorye izoglossy na albanskoj dialektnoy karte (k voprosu o vozniknovenii i rasprostraneni balkanizmov albanskogo yazyka) [Some isoglosses on the Albanian dialect map (towards the issue of development and expansion of Balkanisms in Albanian)]. In: Ivanov, V.V. (ed.) *Issledovaniya po tipologii slavianskikh, baltiiskikh i balkanskikh yazykov (preimushchestvenno v svete yazykovykh kontaktov)* [Studies on typology of Slavic, Baltic, and Balkan languages (mainly in the light of language contacts)]. Saint Petersburg: Aleteya. pp. 113–174.
27. Rusakov, A.Yu. (2017) Albanian. In: Kapović, M. (ed.). *The Indo-European Languages*. Second edition. London; New York: Routledge. pp. 552–608.
28. Dunnington, D. (2017) *prettymapr: Scale Bar, North Arrow, and Pretty Margins in R. Version 0.2.2*. [Online] Available from: <https://github.com/paleolimbot/prettymapr> (Accessed: 08.01.2024).
29. Dunnington, D. (2019) *rosm: Plot Raster Map Tiles from Open Street Map and Other Sources. Version 0.2.5*. [Online] Available from: <https://github.com/paleolimbot/rosm> (Accessed: 08.01.2024).
30. Morozova, M.S. & Rusakov, A.Y. (2018) Montenegrin-Albanian Linguistic Border: In Search of “Balanced Language Contact”. *Slovēne*. 7 (2). pp. 258–302. (In Russian). doi: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.10
31. Morozova, M.S. & Rusakov, A.Yu. (2021) Societal multilingualism à la balkanique: the Montenegrin Velja Gorana and beyond. *International Journal of Bilingualism*. 25 (4). pp. 999–1018. doi: 10.1177/13670069211023152
32. Bilić Meštrić, K. & Šimičić, L. (2017) Language Orientations and the Sustainability of Arbanasi Language in Croatia — A Case of Linguistic Injustice. *Open Linguistics*. 3. pp. 145–156.
33. Desnitskaya, A.V. (1976) Evolyutsiya dialektnoy sistemy v usloviyakh etnicheskogo smesheniya (Iz istorii slavyano-albanskikh yazykovykh kontaktov) [Evolution of the dialect system in conditions of ethnic mixing (From the history of Slavic-Albanian language contacts)]. In: Ivanov, V.V., Korolyuk, V.D., Litavrin, G.G., Naumov, E.P. & Tolstoj, N.I. (eds) *Voprosy etnogeneza i etnicheskoy istorii slavyan i vostochnykh romantsev. Metodologiya i istoriografiya* [Issues of ethnogenesis and ethnic history of the Slavs and Eastern Romanians. Methodology and historiography]. Moscow: Nauka. pp. 186–197.
34. Morozova, M.S. (2013) [On the development of diphthongs *ua / ue, ye, ie* in Albanian dialects: centre versus periphery]. *Indoeuropejskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya-XVII (chteniya pamyati I.M. Tronskogo)* [Indo-European linguistics and classical philology-XVII (Joseph M. Tronsky memorial conference)]. Proceedings of the International Conference, St. Petersburg, 23–25 June, 2014. Saint Petersburg: Nauka. pp. 584–595. (In Russian).
35. Wickham, H. et al. (2020) *ggplot2: Create Elegant Data Visualisations Using the Grammar of Graphics. Version 3.3.2*. [Online] Available from: <https://ggplot2.tidyverse.org> (Accessed: 08.01.2024).
36. Wickham, H., François, R., Henry, L. & Müller, K. (2021) *dplyr: A Grammar of Data Manipulation. Version 1.0.6*. [Online] Available from: <https://dplyr.tidyverse.org> (Accessed: 08.01.2024).
37. Galili, T. (2022) *dendextend: Extending ‘dendrogram’ Functionality in R. Version 1.16.0*. [Online] Available from: <http://talgalili.github.io/dendextend/> (Accessed: 08.01.2024).
38. Morozova, M.S., Ovsjannikova, M.A. & Rusakov, A.Yu. (2020) *Kolichestvennoe issledovanie blizosti albanskikh dialektov: arkhazimy i innovatsii* [A quantitative study of Albanian dialects: Archaisms and innovations]. A paper presented at the International Philological Conference of SPbU, in honor of Lyudmila Alekseevna Verbitskaya (1936–2019)]. Saint Petersburg State University, November 19–21, 2020. [Online] Available from: <https://conference-spbu.ru/conference/42/> (Accessed: 01.12.2023).
39. Levshina, N. (2015) *How to do Linguistics with R: Data exploration and statistical analysis*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

40. Gjinar, J. (1989) *Dialektet e gjuhës shqipe* [Dialects of the Albanian language]. Tiranë: Akademia e Shkencave e RPS të Shqipërisë, Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë.
41. Novik, A.A. & Buchatskaya Y.V. (2016) Identichnost' albansev Priazov'ya: samonazvanie, samoootnesenie i komponenty kollektivnoy istoricheskoy pamyati v istoricheskom, lingvisticheskom i ekstralingvisticheskom kontekstakh [The identity of Albanians in Ukraine: Self-appellation, self-ascription and components of collective historical memory in historic, linguistic and extra-linguistic contexts]. In: Novik, A.A. (ed.) *"Priazovskiyy otryad": Yazyk i kultura albansev Ukrainy* ["Priazovskiy otryad": Language and culture of Albanians in Ukraine]. Part 1. Vol. 1. Saint Petersburg: MAE RAS. pp. 277–356.

Информация об авторах:

Морозова М.С. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института лингвистических исследований Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: morozovamaria86@gmail.com

Русаков А.Ю. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института лингвистических исследований Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: ayurusakov@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.S. Morozova, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: morozovamaria86@gmail.com

A.Yu. Rusakov, Dr. Sci. (Philology), leading research fellow, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ayurusakov@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.12.2023;
одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 30.04.2024.*

*The article was submitted 07.12.2023;
approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 30.04.2024.*

Научная статья
УДК 82-31
doi: 10.17223/15617793/501/6

Произведения Г.Д. Гребенщикова в авторизованных переводах Н.С. Селивановой: к определению степени авторизации англоязычных текстов писателя

Елена Владимировна Яркова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
beork.berkana@gmail.com

Аннотация. Рассматривается характер авторства англоязычных текстов Г.Д. Гребенщикова и степень его участия в процессе подготовки и перевода текстов. В ходе анализа были использованы как англоязычные версии произведений, так и материалы переписки Г.Д. Гребенщикова и Н.С. Селивановой, переводчицы писателя. Был сделан вывод о том, что Г.Д. Гребенщиков активно участвовал в переводе произведений, совместно работая с ней. Таким образом, данные тексты следует рассматривать как авторизованные переводы, представляющие альтернативный путь творчества писателя.

Ключевые слова: Г.Д. Гребенщиков, авторизованный перевод, Н.С. Селиванова, паратекст, «Моя Сибирь», «Чураевы»

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00040 «Литературный билингвизм как творческая стратегия русских писателей-эмигрантов: на материале наследия Г.Д. Гребенщикова (1883–1964)», <https://rscf.ru/project/22-78-00040/>

Благодарности: автор благодарит зав. кафедрой романо-германской и классической филологии Томского государственного университета Н.Е. Никонову за помощь в работе с архивными материалами и расшифровке текста.

Для цитирования: Яркова Е.В. Произведения Г.Д. Гребенщикова в авторизованных переводах Н.С. Селивановой: к определению степени авторизации англоязычных текстов писателя // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 52–59. doi: 10.17223/15617793/501/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/6

George Grebenstchikoff's works in authorized translations by Nina Selivanova: To the identification of English-language texts authorization

Elena V. Yarkova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
beork.berkana@gmail.com

Abstract. The article raises the question of the identity of English-language texts by George Grebenstchikoff and of his participation degree in the preparation of the texts for publication and their translation. One of the translators, whose collaboration with Grebenstchikoff was confirmed, was Nina Nikolaevna Selivanova (1886–1953). She lived in the USA and is known as a writer, teacher and translator. The fact that the cooperation of Grebenstchikoff and Selivanova was systemic is confirmed by a number of documents found in Grebenstchikoff's archives in the State Museum of History of Literature, Art and Culture of Altai. Consideration of each of them allows us to establish a holistic picture of their translation tandem. First of all, this is a translation of the first volume of the novel *The Churaevs, The Churayev Brothers*, signed by Selivanova and discovered in the archives of the State Museum of History of Literature, Art and Culture of Altai. It contains 322 sheets, in good condition, with a small number of typewritten notes. The manuscript dates back to the beginning of 1940. Next, we need to refer to Grebenstchikoff's letter of February 10, 1926. The letter indicates that the writer addressed Selivanova so that she would create a translation of his "book about Altai". It is safe to assume that we are talking about the book *Altai – the Pearl of Siberia*, on which Grebenstchikoff was working in the second half of the 1920s. Based on this letter, the complex nature of authorization is determined: Selivanova carried out the initial translation of the book, then Grebenstchikoff corrected it, and then the translator looked through the text again. Thus, the subject of their agreement is the book *Altai – the Pearl of Siberia* (also related to the collection *My Siberia*), so one should turn to the entire corpus of English-language translations of this collection. Textual, biographical and comparative analyses of these works were carried out, which included, in particular, an analysis of handwritten materials created by Grebenstchikoff, a comparative analysis of paratextual elements and song passages in *My Siberia* and *The Churaev Brothers*. Based on the results of the analysis, we can confidently conclude that Grebenstchikoff took

his experiences in Russian and English equally seriously, and the author's foreign language heritage should be considered not only as his creative laboratory, but as a full-fledged trajectory of literary development.

Keywords: George Grebenstchikoff, authorized translation, Nina Selivanova, paratext, *My Siberia*, *The Churaev Brothers*

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-78-00040, <https://rscf.ru/project/22-78-00040/>

Acknowledgements: The author expresses her gratitude to Prof. Natalya Nikonova, the head of the Department of Romance-Germanic and Classical Philology, Tomsk State University, for her assistance in working with archival materials and deciphering the text.

For citation: Yarkova, E.V. (2024) George Grebenstchikoff's works in authorized translations by Nina Selivanova: To the identification of English-language texts authorization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 52–59. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/6

Творческое наследие Г.Д. Гребенщикова является предметом интереса филологической науки в течение многих лет. Актуальным аспектом является изучение автопереводов и англоязычных сочинений писателя. Несмотря на то, что в период эмиграции Гребенщиков преимущественно издавал произведения на русском языке издательстве «Алатас», которое он основал в 1924 г., известен ряд переводов на европейские языки [1], а также обширный корпус рукописей авторских и авторизованных переводов на английский язык, который и является основным материалом настоящего исследования.

Иноязычные произведения Г.Д. Гребенщикова становились предметом специального рассмотрения в рамках кандидатской диссертации автора данной статьи [2], а в ходе текущего грантового проекта планируется подготовка к выпуску научного комментированного издания, которое включит в себя ряд как прозаических, так и поэтических англоязычных произведений и автопереводов писателя. Настоящая статья поднимает вопрос о степени авторизованности Гребенщikovым переводов собственных текстов. Схожий вопрос освещался в исследовании Н.Е. Никоновой, посвященном переводам элегии В.А. Жуковского «Море»: соперодчиком выпущенного к празднику Пасхи сборника, в котором было опубликовано данное стихотворение, являлся друг поэта Криг фон Хохфельден, причем перевод был выполнен в соавторстве с В.А. Жуковским и его супругой, что дает возможность характеризовать его как «авторизованный» [3]. Вопрос внешнего участия при создании авторских/авторизованных переводов Г.Д. Гребенщикова является программным для изучения иноязычного наследия писателя. Для выявления подлинного характера авторизации англоязычных произведений писателя и стратегий работы над произведениями необходимо провести текстологический, биографический и сопоставительный анализ ряда рукописей.

Одним из переводчиков, чье сотрудничество с Г.Д. Гребенщikovым носило подтвержденный характер, являлась Нина Николаевна Селиванова (1886–1953). Она известна как писатель, преподаватель и переводчик, проживала в эмиграции на территории США в местечке Колд-Спринг, округ Пэтнэм, штат Нью-Йорк. Согласно В.А. Росову [4. С. 528], Н.С. Селиванова родилась в Санкт-Петербурге, образование получала в Ита-

лии и Швейцарии, а после Первой мировой войны переехала во Владивосток, работая переводчицей для «United States Committee on Public Information». Впоследствии эмигрировала через Японию в США и получила гражданство этой страны. В 1920-х гг. путешествовала по западной части США с лекциями о России, что являлось нередким способом заработка для эмигрировавшей интеллигенции в те годы. Является автором трех книг: «The World of Roerich» (1922), «Russia's Women» (1923), «Dining and Wining in Old Russia» (1933). В том же издании указано, что Гребенщиков в середине 1920-х гг. договорился с Н.Н. Селивановой о переводе повести «Совет Королю», причем исследователь подчеркивает, что Гребенщиков «вместе с Селивановой работал над переводом» [4. С. 274], задержавшись в городке Колд-Спринг, где жила переводчица, на несколько недель. О том, что это сотрудничество носило системный характер, говорит ряд документов, обнаруженных в архиве Г.Д. Гребенщикова в ГМИИКА. Рассмотрение каждого из них позволит установить целостную картину переводческого тандема Г.Д. Гребенщикова и Н.С. Селивановой.

Перевод первого тома романа «Чураевы», «Братья» [5], подписанный непосредственно Н.С. Селивановой, найден в архиве в виде машинописной рукописи, 322 л., в хорошей сохранности, с небольшим количеством машинописных помет. Можно датировать данную рукопись началом 1940 г., поскольку подпись на обложке характеризует Гребенщикова как «author of The Turbulent Giant» (автор перевода романа «Былина о Микуле Буяновиче», вышедшем в 1940 г.). На некоторых листах обнаружен штамп литературного агентства «Robert Thomas Harby, Inc.», осуществлявшего свою деятельность в Нью-Йорке в 1930–1940-х гг. Данное агентство было достаточно востребовано в кругу нью-йоркских литераторов того времени [6], сохранился ряд свидетельств переписки авторов с организацией [7, 8], также известны автобиографические воспоминания Джейн Харди, возглавлявшей агентство [9]. Так, можно предположить, что Н.С. Селиванова в начале 1940-х гг. являлась сотрудницей этой организации и работала над переводом «Братьев» в рамках своей официальной деятельности, что может подтверждаться отсылкой к другому уже вышедшему роману Гребенщикова на обложке рукописи. Подробный анализ перевода

романа «Братья» является темой отдельного разыскания, однако в данной статье будет рассмотрен ряд аспектов, значимых для проводимого исследования.

Следующим документом, свидетельствующим о совместной работе Г.Д. Гребенщикова и Н.С. Селивановой, является письмо от 10 февраля 1926 г., обнаруженное в ГМИЛИКА [10]. Документ написан на русском языке, от руки, в хорошей сохранности.

1 фвр 1926

Дорогая Нина Николаевна!

Наконец, вопрос с книгой об Алтае выясняется. Я могу Вам заплатить за 200 страниц русского обычного текста \$200.00, причем \$50.00 могу дать вперед. Моя просьба закончить книгу в феврале, не позже 10 марта и провести авторскую корректуру. Все 200.00 могу Вам выплатить так: 50.00 при заказе работы, 50 по окончании половины, 50 по окончании 2-ой половины и последние 50.00 – после окончания просмотра авторской корректуры, т.к. печатание книги начнется одновременно с переводами, и проверка корректуры не задержится.

Книга идет от моего имени без упоминания имени переводчика. Мне необходимо две книги, то есть оригинал и чистую на такой же бумаге копию.

Жду Вашего ответа по этому поводу. Сообщите N Вашего телефона.

Преданный Вам Г. Гребенщиков

Ответ на том же листе:

Условия принимаю с следующей оговоркой: чтобы последние 50 дол. были уплачены не позднее двух недель после вручения всего манускрипта.

Причем корректура будет проходить по мере печатания книги без дополнительной оплаты.

Н.Н. Селиванова

Ниже:

На случай помещения мною или Вами отдельных частей манускрипта в американских журналах Вы мне платите одну третью часть Вашего гонора.

Н. Селиванова

На л. 1 слева вертикально:

Получила всего 100 долларов марта 24-го 1926 г. НН Селиванова

На л. 1 сверху:

April 23, 1926 получила 50\$. НН Селиванова.

Письмо свидетельствует, что писатель обратился к Н.С. Селивановой, чтобы она создала перевод его «книги об Алтае». Можно с уверенностью предположить, что речь идет о книге «Алтай – жемчужина Сибири», над которой Гребенщиков работает во второй половине 1920-х гг., составляя тем самым литературную часть «Великого Плана» Н.К. Рериха [4. С. 275]. Сибирское происхождение Гребенщикова и его литературные таланты играли значительную роль в осуществлении проекта, что подтверждается высказыванием Е.И. Рерих: «...искусство прежде всего является выразителем особенностей или характера народа и условий природы, в которых оно зародилось и развилось» [14. С. 192]. Так, коренной сибиряк Гребенщиков приобретает в глазах Рерихов особое право говорить «от лица» Сибири. Выбор переводчицы также объясняется включенностью Гребенщикова в круг Рерихов. Н.С. Селиванова являлась автором книги «The World of Roerich», в которой ею была предпринята попытка объяснить художественный метод Н.К. Рериха в синтезе с его биографией, поскольку, как было отмечено в аннотации издания, «его искусство и его жизнь нераздельны». Написание книги приурочивалось к открытию в 1924 г. «Музея Рериха» в Нью-Йорке, что связывалось с надеждой художника на «тесные духовные связи России и Америки». Исходя из этого письма определяется комплексный характер авторизации перевода: Н.С. Селиванова осуществляла первичный перевод книги, далее Г.Д. Гребенщиков его корректировал, а затем переводчица просматривала текст еще раз.

Основной текст принадлежит Г.Д. Гребенщикову, на полях по четырем сторонам листа расположены краткие ответы Н.С. Селивановой. Хотя переписка Г.Д. Гребенщикова по большей части атрибутирована и опубликована [11–13], все еще встречаются источники, не попавшие в поле зрения исследователей. Впервые публикуемое ниже письмо имеет особое значение.

Если предметом их договоренностей являлась книга «Алтай – жемчужина Сибири» (также связанная со сборником «Моя Сибирь»), следует обратиться ко всему корпусу англоязычных автопереводов этого сборника [15]. Указанные материалы хранятся в фонде Г.Д. Гребенщикова в ГМИЛИКА, в отдельной папке, которая содержит 23 дополнительных папки без уникальных инвентарных номеров, тем не менее, папкам частично присвоены порядковые номера. Представлены множественные варианты переводов таких глав, как: «Природа и люди Сибири» («Nature and Men of Siberia»), «Хозяйство и богатство Сибири» («Economics and Wealth of Siberia»), «Сибирь и ее прошлое» («Siberia and her past»), «Алтай – жемчужина Сибири» (Altai – The pearl of Siberia), «Хан-Алтай» («Khan Altai»), а также тексты, озаглавленные как «Authors Introduction», «Publishers Note», «The Message from New York», «The Call of Asia», «Tale of White Mountains», «Yenissey's Man», «Call of the Mountains», «Epos of Siberia». Все машинописные рукописи, хранящиеся в указанной папке, содержат значительное количество помет и авторских рукописных правок. Фактически, рукописные пометы, сделанные почерком Гребенщикова, являются главным подтверждающим фактором, который позволяет сделать вывод о характере авторизации переводов данных произведений.

Отдельного внимания заслуживает рукописный фрагмент без заголовка, начинающийся фразой: «Before I begun this chapter, I want to [неразборчиво] my reader that I am not in a position to outline the present Soviet economics in Siberia...» [15. Л. 37] [Прежде чем я

начну эту главу, я хочу [неразборчиво] читателя, что не нахожусь в том положении, чтобы очертить настоящее положение советской экономики в Сибири. (Перевод мой. – Е.Я.). Документ являет собой образец почерка писателя, когда тот писал по-английски, а также становится иллюстрацией изучения Г.Д. Гребенщиковым английского языка. Орфографические ошибки и опечатки (“begun” вместо “begin”, “fild” вместо “field”, “standard” вместо “standard”, “Siberion” вместо “Siberian”), удлинённые предложения, характерные для носителей русского языка, но в то же время корректный синтаксис и богатый словарный запас показывают успехи писателя после нескольких лет изучения нового языка, а также доказывают, что Гребенщиков самостоятельно прикладывал серьёзные усилия по созданию англоязычной версии книги.

О знании Гребенщиковым английского языка также писала его жена в письме Н.Н. Яновскому 25 июля 1962 г.: «С 1940 по 1955 г. Георгий Дмитриевич занимал кафедру профессора во Флоридском Южном Колледже. Преподавал русскую историю, литературу и изящную словесность. Английским он владел в совершенстве. Даже писал стихи» [16. С. 131]. Англоязычная поэзия Г.Д. Гребенщикова была рассмотрена в ходе диссертационного исследования [2. С. 117], манускрипты в архиве представлены как в машинописном (наиболее популярном для архива Г.Д. Гребенщикова), так и в рукописном виде. Самостоятельный характер работы писателя над лирическими произведениями подтверждается, помимо воспоминаний Т.Д. Гребенщиконой, большим количеством рукописных помет и правок, касающихся как «наведения на фокус» средств художественной выразительности, так и непосредственно сюжета.

Для того чтобы определить степень участия Н.С. Селивановой в работе над сборником «Моя Сибирь», необходимо провести сравнительный анализ рукописей сборника и перевода романа «Братья». Учитывая разницу в 20 лет между этими двумя произведениями (в том случае, если приведенная в статье атрибуция «Братьев» верна), основные стратегии, использованные при переводе, должны совпадать.

Художественный стиль текстов Гребенщикова отличается, не в последнюю очередь, широким разнообразием лексических средств выразительности, в частности, диалектизмов и просторечий. Известен отзыв Валентина Распутина о прозе Гребенщикова, где он отмечает «гребенщиковский самобытный язык, ядреный и самоцветный» [17. С. 388]. Кроме того, стилистические особенности произведений Гребенщикова разбирались в ряде исследований: так, в статье «Жанровые трансформации и стилистические ключи орнаментальной прозы Г.Д. Гребенщикова» [18] роман «Былина о Микле Буяновиче» относится к жанру орнаментальной прозы благодаря ряду стилистических факторов, как то: ритмизации, особого лексического разнообразия (использование диалектизмов, региональных фразеологизмов, сложных слов, архаичных форм), синтаксических диалектных предложных конструкций с предлогом «на», а также архаических элементов, восходящих ещё к древнерусскому синтаксису. Авторами отмечается, что «языковые особенности и яркая орнаментика в романе “Былина...” обусловлены глубоким интересом писателя к фольклору и к его отдельным жанрам: русским народным песням, сказаниям, народно-утопическим легендам различных народов России» [18. С. 74]. Склонность Гребенщикова к словотворчеству была отмечена В.В. Десятовым: «Скажем, слова «Чураевка на Помпеаге» так замечательно звучат вместе, в частности, потому что объединены созвучием (*pae – pae*) (прим.: курсив авт.). Подчеркнутый ударением и созвучием слог *pa* – важнейший и в поэтичном слове «Радонега», поскольку все четыре лексемы, на которых оно возведено, начинаются так же: радость, радуга, радуница, Радонеж» [19. С. 12].

В обоих рассматриваемых автопереводах автор приводит текст к условно нейтральному художественному стилю. Эта тенденция становится особенно заметной, если сравнивать переводы с русскоязычными прототипами. Рассмотрим несколько примеров (табл. 1, 2).

Таблица 1

«Моя Сибирь» и «Алтай – жемчужина Сибири» и «My Siberia»

Оригинал	Перевод
Однако, видя, что мы непоколебимы , он решил благословить нас и сказал: – Ну, да ладно: смелым Бог помогает... [20]	But seeing that we firmly held our purpose [твёрдо придерживаемся нашей цели], he reluctantly gave us his blessing by saying: "Well, all right, then... God helps the brave..." [15. П. 12. Л. 1]
Опоясывает колчан, из которого стрелы торчат , как оголённый лес [22. С. 75]	He girds himself with a quiver in which the arrows stand forth [выступают] like a leafless [безлиственный] forest [15. П. 23. Л. 6]
У звезды Золотой Кол привязан, чей бегунец , чей? // Лежащая на облаке с нежным телом – чья красавица, чья? [22. С. 76]	At the star of the golden rod whose racer [скакун] is tied, whose? // The beautiful girl with the soft body lying on the cloud, whose is she? [15. П. 23. Л. 6]
Сказки о премудрых судах царя Соломона с небольшими изменениями и чисто местными, национальными вариациями или присловьями , можно встретить как у южносибирских казаков, так и у северных далеких якутов [22. С. 72]	The tales about the wise [мудрых] judgments of Solomon, with small changes and purely local national variations, or sayings [высказывания], are heard both among Cossacks of southern Siberia and the Yakuts of the far north [15. П. 23. Л. 3]

Таблица 2

«Чураевы» и «The Churayev Brothers»

Оригинал	Перевод
Ух, забросает он еретиков огненными словесами [23. С. 72]	He'll crush [сокрушит] the heretics with his fiery words [словами] [5. Л. 46].
« Объявились -де еретики, новую веру принесли в горы из Поморья. Пускай-де к Ильину дню приезжают все истинные христиане на большой собор для посярмления нечестивых» [23. С. 84]	Heretics have appeared [появились] in our bounds bringing a new faith from the coastlands to the mountains. All true Christians should come on [должны прийти] St. Elias' Day to a general Council [Совет] with a view to shaming the infidels. [5. Л. 70]
«Не устоял Чураев! Схлпзидил! ...» [23. С. 92]	«Chourayev could not hold his ground... He has sneaked out [улизнул]!» [5. Л. 86]

При переводе нейтральная лексика заменяет целый ряд лексических единиц, составляющих самобытный художественный стиль Гребенщикова. Дialeктизм «схлюздить» заменяется на «has sneaked out», так же, как и диалектизм «бегунец» заменяется на «gaser», а метафора «оголенный лес» на синонимичный образ, но без использования метафоры «leafless forest».

Другая переводческая стратегия, заслуживающая внимания, – систематическое объяснение реалий через сноски, при передаче ее в тексте посредством транслитерации. С этой особенностью логически связывается стремление показать экзотические черты быта сибиряков, в том числе коренных народов Сибири. Динамический поиск более или менее удачных аналогов для их перевода выявляет включенность автора и переводчицы в процесс межкультурного и межкультурного взаимодействия посредством адаптации повести на иностранный язык.

Для дальнейшего анализа переводческой стратегии Н.С. Селивановой необходимо обратиться к понятию паратекста. Термин «паратекст» был введен в обиход в 1970-х гг. французским теоретиком литературы Жераром Женетом [21]. Женетт описывает паратекст как текст, который окружает основной текст: предисловие, послесловие, комментарии, обложка, заголовок и т.д. Женетт, считая паратекст неотъемлемой частью текста, разделяет его на следующие категории: перитекст (внутренние элементы текста) и эпитекст (внешние элементы текста). Перитекст подразделяется на автографический (созданный автором) и аллографический (созданный другими людьми, как правило, редакторами или издателями).

Важным элементом, конструирующим особый переводческий аллографический перитекст Н.С. Селивановой, являются примечания в сносках. Сноски в «Моей Сибири» используются при передаче ряда тем, таких как: реалии/персоналии (культуронимы), ссылки на используемую литературу, а также авторские примечания (упоминание персонажа Викула Спиридоновича из очерка «Первое путешествие в горы» поясняется так: «Recalling this fleeting image I can say with certainty that it was precisely this meeting that sowed the first seed of my epic novel “The Churaevs” [вспоминая теперь этот мимолетный образ, я могу с уверенностью сказать, что именно этот момент был первым зерном моей эпопеи «Чураевы». Прим.: перевод дан по 22. С. 153]». В ходе просмотра рукописей было обнаружено достаточно большое количество таких описаний, например: «kurma – is a richly embroidered coat» [курма – богато украшенное верхнее платье. Прим.: перевод Е.Я.] [15. П. 9. Л. 13], «golden rod – thus some of the Altayzy and of the Mongols call the Polar star» [Золотой Кол (так некоторые алтайцы и монголы называют Полярную звезду. Прим.: перевод дан по 22. С. 76) [15. П. 23. Л. 6], «Gromotukha – “the one, which roars”, is the name of many Altai nameless rivers» [Громотуха – «ревущая», название множества алтайских безымянных рек. Прим.: перевод Е.Я.] [15. П. 12. Л. 1], «troika – a team of three horses abreast» [тройка – группа из трех запряженных лошадей. Прим.: перевод Е.Я.] [15. П. 12. Л. 3].

В романе «Чураевы» сносками также объясняются культуронимы, однако к ним в первую очередь отно-

сятся имена святых, патриархов, а также иные элементы старообрядческого текста, например, молитвенные формулы, а также иные реалии: «imported missionaries – of the established Church, – the Greek Orthodox» [приезжие миссионеры – принадлежащие к признанной православной церкви] [5. Л. 18], «Patriarch Philaret, Patriarch Joseph, Patriarch Josiah, Patriarch Job – the predecessors of Patriarch Nikon» [5. Л. 58], «The Three Hierarchs – The Saints Basil, Gregory Nazianzen, and John Chrysostom» [Три Святителя – Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст] [5. Л. 113], «Sergevnushka – from Sergeivna – daughter of Sergey» [Сергевнушка – от «Сергеевна», дочь Сергея] [5. Л. 141], «Gospodi pomilui! Gospodi pomilui! – Lord, have mercy on us!» [Господи помилуй! Господи помилуй! [5. Л. 153], «suslo – a liquid dish made of the juice of buckwheat flour» [сусло – жидкое блюдо, приготовленное из сока гречневой муки] [5. Л. 32].

Таким образом, общность переводческого метода не вызывает сомнений. Поскольку роман «Чураевы» является художественным произведением, в котором сложно сослаться на литературные источники и высказывать собственные критические замечания, в качестве основного материала, нуждающегося в пояснениях, выступают реалии. Заметное количество религиозных реалий обусловлено обширным старообрядческим колоритом, что, безусловно, заслуживает специального внимания вне данной статьи.

Кроме того, продуктивным средством проявления авторской поэтики являются лирические фрагменты и песенные вставки в оригинале и переводе [24]. Сопоставительный анализ перевода лирических фрагментов и песенных вставок в рассматриваемых текстах заслуживает отдельного исследования, однако мы сделаем первое приближение к этой теме. Гребенщиков оформляет песни как часть более крупной структуры – сказочного лироэпоса, что позволяет рассматривать их как «текст в тексте» или «жанр в жанре». Писатель выделяет эти вставки с помощью особого графического и интонационного оформления, благодаря чему они отличаются от основного текста своими стиховыми характеристиками. Песенные вставки «Моей Сибири» представлены, в первую очередь, в главах «Эпосы народов Сибири», «Песни народов Сибири» и «Верования народов Сибири», объединенные в англоязычной версии в одну главу «Epos of Siberia». Эти вставки репрезентируются как на уровне традиционных песен коренных народов Сибири, так и посредством переведенной Гребенщиковым с польского на русский язык поэмы «Киргиз». Все эти вставки были переданы и в англоязычной версии текста. Песенный и поэтический код романа «Чураевы» представлен в равной степени двумя составляющими: народными песнями и христианскими духовными стихами.

Данные произведения создают особый пласт бытования жизни сибирских крестьян-староверов.

В обоих произведениях переводчик сохраняет исходную форму произведений. На иностранном языке воспроизводятся ритм, строфика, иногда предпринимаются попытки сохранить рифму. Рассмотрим ряд примеров в табл. 3, 4.

Таблица 3

«Эпосы народов Сибири», «Песни народов Сибири» и «Верования народов Сибири» и «Epos of Siberia»

Оригинал	Перевод
Скачем, скачем – нет предела, Вот земля уже исчезла, Скрылася во мгле [22. С. 75]	Forward, forward let us race, Boundless, boundless is the race, Earth here disappears, Hidden in the mist [15 П. 23. Л. 5]
И сказал он ей, лаская: «Мы спасемся, ай-налаин». И все трое смело, гордо: Конь, Джигит и Кыз-Джемеля В пламя адское несутся, Чтоб могилу перепрыгнуть [22. С. 75]	And he told her with caresses, We shall be saved, ay-nalaeen, And the horse, Jhigit, and Kis-Jhemelya Boldly sped toward the blaze Across their graves to leap [15 П. 23. Л. 5]
«На берегу сахарного озера Кой-ган, Кой-ган Жила-была красавица – девушка Гоана-ган, Гоана-ган. Ты бегаешь, как горная серна, Кой-ган, Кой-ган. Ты смеешься, как вершина горы утром, Гоана-ган, Гоана-ган» [22. С. 76]	On the shores of the sugar lake Koy-Ghan, Koy-Ghan, Lived a beautiful girl Goana-Ghan, Goana-Ghan, You run like a mountain gazelle, Koy-Ghan, Koy-Ghan, You laugh like the summit of a mountain in the morning glow, Goana-Ghan Goana-Ghan [15 П. 23. Л. 6]
«Треуголен ты, Хан-Алтай, Когда взглянешь на тебя с высоты, Со стороны поглядишь на тебя Ты блестящий, как девятигранный алмаз. Когда же со ската горы окинешь взором тебя, То, как плетть расплетенная, тянутся хребты твои...» [22. С. 76]	Three cornered art thou, Khan Altai, When upon thee from the height one looks, Yet when one glances from the side, Thou like a diamond glitterest, But from the slope in one glance taken, Thy ridges stretch like an untwisted whip [15 П. 23. Л. 6]

Таблица 4

«Чураевы» и «The Churayev Brothers»

Оригинал	Перевод
Ах, пастырю мой прелюбезный, Вскую тако скоро скрыся, Мя остави сиротети – Во вся дня моя скорбети... [23. С. 60]	Oh, pastor to my heart so dear, Why last thou disappeared so soon, Leaving me orphaned and forlorn To spend my days in sorrow here [5. Л. 21]
Ах, прекрасная пустыня, Прими мя во свои частыни, В тихость свою безмолвну, В палату избранну... [23. С. 60]	Oh beatific solitude, Receive me in thy bosom wide; In the depths of thy silence I have chosen to abide [5. Л. 22]
Покоя и светлых чертогов, Славы и чести премноги – Бегаю аки от змия... Пустыня моя, прими мя!.. [23. С. 60]	Comfort and splendor of palaces, Glory and honors galore, I shun as I would a serpent. Oh solitude, take me therefore [5. Л. 22]
Пойду в твои луги зрети Многие прекрасные цвети... Пребуду zde своя лета До скончания века... [23. С. 61]	To Thy meadows I am coming, To see the store of fragrant flowers. Here shall I spend my days To the last eternal hours [5. Л. 23]

Таким образом, новые архивные материалы, в частности, письмо к Н.С. Селивановой и ее ответ, позволили внести большую ясность в давно назревшую проблему характера авторства англоязычных текстов Г.Д. Гребенщикова, в том числе степень его участия в процессе подготовки текстов к публикации и организации самого творческого процесса воссоздания текстов на другом языке. По итогам текстологического, биографического и сопоставительного анализа можно

с уверенностью сделать вывод о том, что сибирский и американский литератор работал в тесном сотрудничестве с переводчицей, активно участвуя в переводе собственных текстов на английский язык. Писатель в равной мере серьезно относился к своим опытам на русском и английском языках, и иноязычное наследие автора следует рассматривать не только как его творческую лабораторию, но как полноценную альтернативную траекторию эволюции.

Список источников

- Масяйкина Е.В. Наследие Г.Д. Гребенщикова в рецензии Генриха Блока в газете «Prager Presse», 16 января 1925 г. // Немецкий язык в Томском государственном университете : 120 лет истории успеха : материалы III Междуна. науч. форума (12–14 октября 2021 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2021. С. 75–83.
- Масяйкина Е.В. Литературное наследие сибирского областничества : на материале архивов Г.Н. Потанина и Г.Д. Гребенщикова : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2020. 197 с.
- Никонова Н.Е. «Море» В.А. Жуковского в немецких переводах // Жуковский : исследования и материалы / гл. ред. А.С. Янушкевич. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Вып. 2. С. 225–246.
- Росов В.А. Георгий Гребенщиков : сын Белухи / Министерство культуры Алтайского края, Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова. Барнаул; Новосибирск : Экселент, 2021. 544 с. (Алтай. Судьба. Эпоха).
- Селиванова Н.С. The Churayev Brothers : [рукопись] // ГМИИКА. ОФ. Д. 65489. 322 л.
- Bonnet H.M. It was never that much fun! // The Pulp Net. URL: <https://thepulp.net/pulp-articles/it-was-never-that-much-fun> (дата обращения: 14.12.2023).
- University Publisher : Correspondence with Hardy, Mrs. 1942 // University of Cambridge. Archive Search. URL: <https://archivesearch.lib.cam.ac.uk/> (дата обращения: 14.12.2023).

8. Harry Sinclair Drago Papers // Syracuse University Libraries. URL: https://library.syracuse.edu/digital/guides/print/drago_hs_prt.htm (дата обращения: 14.12.2023).
9. Hardy J. Fann Marlow. New York : E.P. Dutton & Co, 1954. 256 p.
10. Гребенщиков Г.Д. Письмо к Селивановой Н.С. [рукопись] // ГМИЛИКА. ОФ. Д. 638–32. 2 л.
11. Гребенщиков Г.Д. Собрание сочинений : в 6 т. / [сост., подгот. текста, вступит. ст. Т.Г. Черняевой, примеч. Л.И. Ермаковой, В.К. Корниенко, Т.Г. Черняевой]. Барнаул : Барнаул, 2013.
12. Росов В.А. Георгий Гребенщиков : письма из Ля Фавьера // AryaVest. URL: <http://www.aryavest.com/work.php?workid=25> (дата обращения: 14.12.2023).
13. Росов В.А. На Гималаи : первая весть // Дельфис. № 25 (1/2001). URL: <http://www.delphis.ru/journal/article/na-gimalai-pervaya-vest> (дата обращения: 14.12.2023).
14. Рерих Е.И. Избранное : фрагменты из писем : 3-е изд. / сост.: Г.С. Николаиди, О.А. Ольховая. Новосибирск : Сибирское Рериховское Общество : Издательский центр «Россазия», 2019. 280 с.
15. Гребенщиков Г.Д. My Siberia : [рукопись] // ГМИЛИКА. ОФ. Д. 15533/1. Л. 1–158.
16. Корниенко В.К. Георгий Гребенщиков – последние годы жизни : ч. 2 : из писем Т.Д. Гребенщичиковой, Л.Ф. Магеровскому и Н.Н. Яновскому // Культурное наследие Сибири : сб. науч. ст. Барнаул, 1994. С. 127–143.
17. Распутин В. «Богатырскую силу споведати...» : вступительная статья // Г. Гребенщиков. Былина о Микуле Буяновиче. М. : Ариаварта-Пресс, 2003. С. 387–388.
18. Жанровые трансформации и стилиевые «ключи» орнаментальной прозы Г.Д. Гребенщичикова / С.С. Царегородцева, В.В. Агеносов, Н.А. Лобачева, С.М. Пинаев // Litera. 2022. № 6. С. 66–74.
19. Десятов В.В. Скит искусств : жизнестроительство Георгия Гребенщичикова // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 5–18.
20. Гребенщиков Г.Д. Сказка-быль // Г.Д. Гребенщичиков. Алтай – жемчужина Сибири. URL: <https://grebenshch.narod.ru/skazka.htm> (дата обращения: 14.12.2023).
21. Genette Gerard. Paratexts : thresholds of Interpretation. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. 456 p.
22. Гребенщичиков Г.Д. Моя Сибирь. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. 214 с.
23. Гребенщичиков Г.Д. Собрание сочинений : в 6 т. / [сост., подгот. текста, вступит. ст. Т.Г. Черняевой, примеч. Л.И. Ермаковой, В.К. Корниенко, Т.Г. Черняевой]. Барнаул : Барнаул, 2013. Т. 1: Сибирь. 608 с.
24. Масяйкина Е.В. Песенный нарратив как выражение словесной культуры Сибири в сказке Г.Д. Гребенщичикова «Хан-Алтай» и ее англоязычном автопереводе // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 12–18. doi: 10.17223/15617793/455/2

References

1. Masyaykina, E.V. (2021) [The Legacy of George Grebenshchikov in the Review by Heinrich Blok in the Prager Presse Newspaper, January 16, 1925]. *Nemetskiy yazyk v Tomskom gosudarstvennom universitete: 120 let istorii uspekha* [German Language at Tomsk State University: 120 Years of Success History]. Proceedings of the 3rd International Forum. Tomsk. 12–14 October 2021. Tomsk: Tomsk State University. pp. 75–83. (In Russian).
2. Masyaykina, E.V. (2020) *Literaturnoe nasledie sibirskogo oblastnichestva: na materiale arkhivov G.N. Potanina i G.D. Grebenshchikova* [Literary heritage of Siberian regionalism: based on the archives of Grigory Potanin and George Grebenshchikov]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
3. Nikonova, N.E. (2013) “More” V.A. Zhukovskogo v nemetskiykh perevodakh [“The Sea” by Vasily Zhukovsky in German Translations]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and Materials]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 225–246.
4. Rosov, V.A. (2021) *Georgiy Grebenshchikov: syn Belukhi* [George Grebenshchikov: Son of Belukha]. Barnaul; Novosibirsk: Ekselent.
5. State Museum of the History of Literature, Art and Culture of Altay (GMILIKA). Main Fund. File 65489. 322 pages. Selivanova, N.S. *The Churayev Brothers*: [rukopis'] [The Churayev Brothers: [manuscript]].
6. Bonnet, H.M. (n.d.) It was never that much fun! *The Pulp Net*. [Online] Available from: <https://thepulp.net/pulp-articles/it-was-never-that-much-fun> (Accessed: 14.12.2023).
7. University of Cambridge. Archive Search. (1942) University Publisher: Correspondence with Hardy, Mrs. 1942. *University of Cambridge. Archive Search*. [Online] Available from: <https://archivesearch.lib.cam.ac.uk/> (Accessed: 14.12.2023).
8. Syracuse University Libraries. (1967) Harry Sinclair Drago Papers. *Syracuse University Libraries*. [Online] Available from: https://library.syracuse.edu/digital/guides/print/drago_hs_prt.htm (Accessed: 14.12.2023).
9. Hardy, J. (1954) *Fann Marlow*. New York: E.P. Dutton & Co.
10. State Museum of the History of Literature, Art and Culture of Altay (GMILIKA). Main Fund. List 638–32. 2 pages. Grebenshchikov, G.D. *Pis'mo k Selivanovoy N.S. [rukopis']* [Letter to N.S. Selivanova [manuscript]].
11. Grebenshchikov, G.D. (2013) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Barnaul: Barnaul.
12. Rosov, V.A. (2008) Georgiy Grebenshchikov: pis'ma iz Lya Fav'era [Georgiy Grebenshchikov: letters from La Favière]. *AryaVest*. [Online] Available from: <http://www.aryavest.com/work.php?workid=25> (Accessed: 14.12.2023).
13. Rosov, V.A. (2001) Na Gimalai: pervaya vest' [To the Himalayas: first news]. *Del'fis*. 25 (1/2001). [Online] Available from: <http://www.delphis.ru/journal/article/na-gimalai-pervaya-vest> (Accessed: 14.12.2023).
14. Rerikh, E.I. (2019) *Izbrannoe: fragmenty iz pisem* [Selected: Fragments from letters]. 3rd ed. Novosibirsk: Sibirskoe Rerikhovskoe Obshchestvo: Izdatel'skiy tsentr “Rossaziya”.
15. State Museum of the History of Literature, Art and Culture of Altay (GMILIKA). Main Fund. File 15533/1. Pages 1–158. Grebenshchikov, G.D. *My Siberia: [rukopis']* [My Siberia: [manuscript]].
16. Kornienko, V.K. (1994) Georgiy Grebenshchikov – poslednie gody zhizni: ch. 2: iz pisem T.D. Grebenshchikovoy, L.F. Magerovskomu i N.N. Yanovskomu [Georgiy Grebenshchikov: the last years of his life. Part 2: from the letters to T.D. Grebenshchikova, L.F. Magerovsky and N.N. Yanovsky]. In: Stepankaya, T.M. (ed.) *Kul'turnoe nasledie Sibiri* [The Cultural Heritage of Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 127–143.
17. Rasputin, V. (2003) “Bogatyrskuyu silu spovedati...”: vstupitel'naya stat'ya [“To confess the heroic power...”: Introductory article]. In: Grebenshchikov, G. *Bylina o Mikule Buyanoviche* [The Epic of Mikula Buyanovich]. Moscow: Ariavarta-Press. pp. 387–388.
18. Tsaregorodtseva, S.S. et al. (2022) Zhanrovye transformatsii i stilevye “klyuchi” ornamental'noy prozy G.D. Grebenshchikova [Genre Transformations and Stylistic “Keys” to the Ornamental Prose of George Grebenshchikov]. *Litera*. 6. pp. 66–74.
19. Desyatov, V.V. (2018) Skit iskusstv: zhiznestroitel'stvo Georgiya Grebenshchikova [Skete of Arts: Georgiy Grebenshchikov's Life-Building]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 1. pp. 5–18.
20. Grebenshchikov, G.D. (n.d.) Skazka-byel' [Fairy Tale – True Story]. *G.D. Grebenshchikov. Altay – zhemchuzhina Sibiri* [George Grebenshchikov. Altay – the Pearl of Siberia]. [Online] Available from: <https://grebenshch.narod.ru/skazka.htm> (Accessed: 14.12.2023).
21. Genette, G. (1997) *Paratexts: thresholds of Interpretation*. Cambridge: Cambridge University Press.
22. Grebenshchikov, G.D. (2002) *Moya Sibir* [My Siberia]. Barnaul: Altai State University.
23. Grebenshchikov, G.D. (2013) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Barnaul: Barnaul.

24. Masyaykina, E.V. (2020) The song narrative as an expression of the verbal culture of Siberia in George Grebenstchikoff's fairy tale "Khan Altai" and its English self-translation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 455. pp. 12–18. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/455/2

Информация об авторе:

Яркова Е.В. – канд. филол. наук, ассистент кафедры романо-германской и классической филологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: beork.berkana@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Yarkova, Cand. Sci. (Philology), teaching assistant, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: beork.berkana@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.12.2023;
одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 30.04.2024.*

*The article was submitted 19.12.2023;
approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 30.04.2024.*

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 130.2/ 316.4
doi: 10.17223/15617793/501/7

Отменяем вместе: канселлинг и социальная солидарность

Оксана Владимировна Головашина^{1, 2}

¹ Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
^{1, 2} ovgolovashina@mail.ru

Аннотация. Предлагается язык описания для культуры отмены через обращение к категориальному аппарату Э. Дюркгейма, с опорой на который были проанализированы случаи канселлинга в разных странах. Автор приходит к выводам, что культура отмены – это механизм, культивирующий и поддерживающий уровень солидарности сообщества за счет ритуалов, построенных вокруг общих ценностей. В основе культуры отмены лежит признание общих норм и морального долга их защищать. Только сообщество с высокой степенью солидарности может налагать санкции за то, что считает осквернением, однако культивирование сакрального воспринимается как долг и само по себе также повышает уровень солидаризации.

Ключевые слова. Культура отмены, социальная солидарность, социальная регуляция, сакральное, бурление, ритуал, Дюркгейм

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465/>

Для цитирования: Головашина О.В. Отменяем вместе: канселлинг и социальная солидарность // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 60–68. doi: 10.17223/15617793/501/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/7

Cancel together: Cancelling and social solidarity

Oksana V. Golovashina^{1, 2}

¹ Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
^{1, 2} ovgolovashina@mail.ru

Abstract. This article proposes a framework for describing cancel culture by drawing on the categorical concepts of Emile Durkheim and exploring the potential research perspectives it offers. Cancel culture is viewed as a contemporary manifestation of social exclusion and ostracism, highlighting the significance of ethical and axiological considerations. Through a comparative analysis of cancellation cases in Russia, China, and the United States, it is argued that the essence of this phenomenon lies not in its content (i.e., the cause of ostracism), but in the specific practices and mechanisms involved, often associated with processes of solidarity formation. Therefore, a Durkheimian language of description is deemed pertinent. The research optics are grounded in Durkheim's categories of mechanical and organic solidarity, social solidarity, social regulation, repressive and restitutive sanctions, as well as the concept of the sacred and the surrounding system of beliefs and actions. Drawing on Durkheim's theoretical framework and examining instances of cancel culture across different nations, several conclusions emerge. Firstly, cancel culture functions as a mechanism that fosters and sustains communal solidarity through rituals centered on shared values deemed sacred. Secondly, communal adherence to norms promotes the proliferation of practices that reinforce and disseminate these norms, solidifying the community's identity through cancellation as a practice of solidarity based on common values and moral obligations. Thirdly, groups characterized by a predominance of mechanical solidarity tend to employ repressive sanctions aimed at punishing transgressors. Finally, only communities with a high degree of existing solidarity can effectively sanction acts considered sacrilegious, with the cultivation of the sacred seen as both a duty and a means to enhance solidarity. By applying Durkheim's discourse and concepts to the study of cancel culture, this research opens up avenues for further exploration of cancellation within the realm of social theory.

Keywords: cancel culture, social solidarity, social regulation, sacred, turbulence, ritual, Durkheim

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465/>

For citation: Golovashina, O.V. (2024) Cancel together: Cancelling and social solidarity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 60–68. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/7

Введение

20 декабря в московском клубе блогер Настя Ивлеева организовала вечеринку, дресс-код которой подразумевал минимум одежды. Фото- и видеоматериалы с вечеринки вызвали широкий резонанс у пользователей социальных сетей. Уже на следующий день активисты, включая представителей организаций «Сорок сороков» и «Зов народа», обратились в прокуратуру, увидев в материалах, присутствующих в открытом доступе, пропаганду нетрадиционных ценностей. В социальных сетях происходившее в московском клубе называли «пиром во время чумы» и советовали отправить участников на передовую [1]. В первых своих постах участники вечеринки констатировали ее «нормальность» или выразили удовлетворение возникшим скандалом [2], но уже 24 декабря Ивлеева опубликовала пост, в котором извинилась за то, что материалы с мероприятия попали в сеть, и пообещала пожертвовать доход с вечеринки на благотворительность. 26 декабря публично извинились Филипп Киркоров [3], Дима Билан [4], Лолита. 27 декабря Ивлеева извинилась перед артистами и сказала, что готова к любому исходу, в том числе к публичной казни [5].

В поданном 26 декабря 2023 г. миллионном иске продюсера Александра Иншакова отмечалось, что материалы вечеринки Ивлеевой вызвали нравственные страдания у него и миллионов россиян, «воспитанных в духе патриотизма, любви к родине, сохранения традиционных семейных и культурных ценностей» [6]. 17 января иск на такую же сумму против Ивлеевой, рэпера Николая Васильева, Лолиты, Димы Билана и Филиппа Киркорова подала неназванная уроженка Челябинской области, отметив, что распространяемая с вечеринки информация «подрывает основы государственной политики по укреплению духовно-нравственных ценностей, провоцирует риски десоциализации, развития агрессивного, девиантного или противоправного поведения» [7]. От сотрудничества с Ивлеевой отказались МТС и Тинькофф, проекты с ее участием заморожены. О травле и отмене концертов сообщали и другие участники «голой вечеринки» [8–10], снятые ранее с их участием новогодние шоу были отредактированы [11–13]. Кроме активистов и прокуратуры скандал привлек к себе внимание налоговых органов: по информации РБК, Ивлееву подозревают в неуплате налогов, а с Киркорова уже взыскали 8 млн рублей [14]. Одного из участников, рэпера Vasio (Николай Васильев), оштрафовали на 200 тыс. руб. и арестовали на 15 суток по ч. 2 ст. 20.1 КоАП (мелкое хулиганство) и ч. 3 ст. 6.21 КоАП (пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола) [15], позже Vasio выразил желание поехать на СВО.

Ряд ресурсов называли скандал после «голой вечеринки» «отменой» ее участников [16]. Это понятие, получившее распространение в России после волны отмены русской культуры, довольно популярно в странах с доминированием либеральных ценностей. Недавно «культура отмены» было выбрано в качестве «слова года», потому что «оно стало, к лучшему это или к худшему, мощной силой» [17].

Хотя можно привести много примеров культуры отмены, мы начинаем с этого кейса, так как с его помощью можно обратить внимание на те темы, которые будут далее раскрыты в предлагаемой статье.

Культура отмены (cancel culture) – это явление, при котором некоторые люди, организации, бренды подвергаются экономическому и/или социальному бойкоту и остракизму; ее также можно охарактеризовать как современную форму изгнания. По мнению исследователей, культура отмены – это процесс, в ходе которого активисты формируют общественное мнение, заставляя, например, бойкотировать деятельность известных современников, продукцию какой-либо компании, «отменять» давно умерших светил из-за грехов, совершенных при жизни, которые противоречат современной этике, таких как неспособность осудить расизм с достаточным рвением [18. Р. 16]. В основном авторы обращают внимание на критику cancel culture и ее последствия для свободы слова [19–21], политические аспекты этих событий, возникновение практик и дискурсов, связанных с культурой отмены [22]; ее называют следствием нежелания идти на компромиссы [23, 24], «острым концом палки Паноптикума» [25] и «новым маккартизмом» [19], имея в виду преследования и не всегда обоснованные обвинения инакомыслящих, отмечая, однако, что, в отличие от маккартизма, канселлинг «использует силу общественного мнения, социальных сетей, угроз экономического бойкота и других защищенных конституцией форм частных действий» [19].

Некоторые авторы утверждают, что подобные формы бойкота существовали задолго до появления термина «культура отмены» [26], однако, на наш взгляд, современные репрезентации этой практики, а также их распространение могут быть проинтерпретированы как следствие важных культурных различий, влекущих за собой определенные социальные взаимодействия. Хотя критики отмечают, что cancel culture может привести к разобщению людей, так как, несмотря на демократический пафос и ориентировку на инклюзию, только заменяет одну иерархию другой [27, 28], мы предлагаем обратить внимание на ее роль в солидаризации сообщества. Соглашаясь с тем, что культура отмены может восприниматься и как дискурс, и как практика [22], сконцентрируем внимание на ее втором аспекте. Эта практика может проявляться на институциональном уровне (корпорации расторгают контракты с отмененными лицами, знаменитости отказываются пользоваться продукцией отмененных корпораций, работодатели увольняют сотрудников и др.), на уровне медиа (использование соответствующих хештегов, например #Youarecancelled), общественной активности (отказ от подписки в социальных сетях, покупки продукции отмененного бренда, просмотра каналов, фильмов, прослушивания музыки). Однако, на наш взгляд, интерес представляют не столько конкретные практики отмены, сколько социальные механизмы, лежащие в их основе. В отличие от других форм идентичности, cancel culture представляет собой не констатацию инструментального отношения к прошлому, а показывает роль этических и ценностных факторов в этом использовании.

Далее мы будем исходить из того, что эти механизмы связаны с солидаризацией участников. Сравнение рассматриваемого выше кейса с известными случаями канселлинга (например, отмена Джоан Роулинг) показывает, что механизм отмены сохраняется, несмотря на принципиально разный дискурс в случаях канселлинга в России, Китае [29–35] или США, поэтому далее нас будут интересовать не содержательные аспекты отмены, а распространенные практики и их значение. Понимая сложности, связанные с понятием солидаризации, не раз отмечаемые исследователями [36–42], на первом шаге мы обратимся к классическому подходу Э. Дюркгейма с учетом высказанной его последователями критики и обоснуем возможность использования языка описания Дюркгейма для осмысления практик культуры отмены. Далее, остановимся на подвижности категории сакрального, задающей новые практики солидаризации. Затем рассмотрим исследовательские возможности, которые предоставляет предлагаемая модель описания культуры отмены.

Солидарность и канселлинг

Эмиль Дюркгейм как «социолог социальной солидарности» [43. С. 550–557] впервые прояснил этот концепт в работе «О разделении общественного труда». Изучая основания солидарности, он различал общества с механической солидарностью – объединение «по сходствам», в которых индивидуальное сознание подчинено коллективному, т.е. «совокупности верований и чувств, общих в среднем членам одного и того же общества», которая «образует определенную систему, имеющую свою собственную жизнь» [44. С. 80], и органической солидарностью, в которых автономия индивидов больше и существует разделение труда. По мнению А. Гофмана, тема механической солидарности была лучше разработана в работах Дюркгейма. Может показаться, и примеры Дюркгейма это подтверждают, что указанное понятие применимо только для архаичных обществ, однако Э. Тирьякян отмечает, что после 1968 г. и особенно 11 сентября 2001 г. можно говорить о возвращении механической солидарности, которая проявляется в гендерной, расовой, религиозной и националистической солидарности [45]. Именно к проявлению такого вида солидарности мы относим культуру отмены, потому что в сообществах, выступающих актором «отмены», обычно отсутствует разделение труда, о чем Дюркгейм указал как об индикаторе перехода от механической солидарности к органической. О распространении варианта архаики в современных группах говорят и другие авторы [46, 47].

Т. Парсонс отметил, что для «социентального сообщества» (определенный аналог групп с преобладанием механической солидарности у Дюркгейма) характерен сильный нормативный порядок, составляющий ядро группы и определяющий эту группу: «...для выживания и развития социентальное сообщество должно придерживаться единой культурной ориентации, разделяемой в целом (хотя и не обязательно единообразно и единодушно) его членами в качестве основы их социальной идентичности» [48. С. 12].

Именно разделяемая членами сообщества нормативность приводит к распространению практик, позволяющих, с одной стороны, культивировать эту нормативность, с другой – транслировать ее, констатируя свое сообщество как солидарное.

И здесь необходимо обратить внимание еще на одно важное для Дюркгейма различие: социальной солидарности и социальной регуляции, т.е. «способа, которым индивиды привязаны к обществу», и «способа, которым оно их регламентирует» [49. С. 203]. Нормы и правила, регулирующие социальную жизнь, с одной стороны, выступают индикатором солидарности («отменить» может только сообщество, солидарность членов которого довольно высокая), но с другой – они сами необходимы для сохранения и культивирования этой солидарности. Использование хештегов, соответствующие посты в социальных сетях, комментарии, реакции в случаях культуры отмены позволяют, во-первых, как бы посчитать, сколько нас, «своих», во-вторых, в очередной раз утвердить свои ценности и утвердиться в них. Социальная регуляция через транслируемые нормы, правила, ценности способствует солидарности, но и сама не может существовать без нее. Применительно к нашей теме коснемся механизма действия социальной регуляции. Нарушение существующих в солидарном обществе норм предполагает различные виды санкций: репрессивные, т.е. ведущие к какому-либо наказанию, и реститутивные, обязывающие нарушителя восстановить нарушенный им порядок. С точки зрения Дюркгейма, в обществах механической солидарности доминируют первые виды санкций, а преобладание органической солидарности предполагает распространение реститутивных действий. Рассматривая культуру отмены как практику сообщества с преобладанием механической солидарности («социентального сообщества»), можем определить санкции, осуществляемые в ее рамках, как вариант репрессивных. Этот тезис может показаться парадоксальным из-за распространения практик публичных извинений «отмененных» (в том числе в рассмотренном выше кейсе), но, как показывают примеры из разных стран, публичные извинения не влекут за собой возвращение индивида в сообщество, а приводят к его отмене, вне зависимости от содержания и даже эмоциональной наполненности извинений. И здесь значение имеет, во-первых, то, что группа, выступающая актором канселлинга, уже существовала до начала процедуры и солидарность внутри ее членов была довольно значительной, во-вторых, роль медиа, способствующих сохранению связей внутри группы и трансляции релевантных для группы идей и информации. Подчеркнем также, что, с точки зрения Дюркгейма для обществ с механической солидарностью, характерны растворенность индивидуального сознания в коллективном, т.е. значение имеют не столько действия конкретного индивида, призывающие «отменить», сколько интенция группы.

Таким образом, мы трактуем культуру отмены как проявление солидарности группы с сильным нормативным ядром; при помощи практик отмены сообщества конституируют и констатируют свою солидарность. Преобладание механической солидарности в группах,

для которых кейсы с канселлингом релевантны, приводит к распространению репрессивных санкций, целью которых является наказание нарушителя.

Сакральность ценностей

Несмотря на то что понятие «солидарность» и ее виды были концептуализированы Дюркгеймом в работе «О разделении общественного труда», социальные механизмы солидарности оказались одними из центральных в труде «Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии».

Дюркгейм обосновал, что механизмом производства солидарности являются повторяющиеся действия, например религиозные ритуалы. Религия в его трактовке практически тождественна социальному, которое говорит с нами через религиозные ритуалы, т.е. выступает в качестве социального института, направленного на солидаризацию членов сообщества. Этот процесс реализуется по двум направлениям: во-первых, через участие в религиозных обрядах конструируется общая идентичность и формируются социальные связи с другими участниками сообщества; во-вторых, религия направлена на структурирование всего социального опыта. Сама по себе религия не является проявлением веры в Бога или сверхъестественное, а может быть охарактеризована как сложная система верований и ритуалов, которые связаны с отношением к сакральному. Важно также отметить, что сакральное – это не раз и навсегда данная констатация места чего-либо в определенной системе, а процесс сакрализации. То есть принадлежащие к миру профанного вещи могут оказаться сакральными после каких-либо событий, решений, ритуалов. Сакральное постоянно проживается как сакральное в процессе ритуалов, только в этом случае оно остается сакральным.

Если религия с точки зрения Дюркгейма всегда связана с сакральным, то сакральное само по себе может существовать и без религии в привычном смысле этого слова. Наследницей религии в трактовке Дюркгейма является мораль. Как и в случае с религией, в основе морали лежат коллективные представления о сакральном, а вместо религиозных ритуалов приходят светские (или секулярные) [50]. Это допущение позволяет нам перенести предлагаемую Дюркгеймом в «Элементарных формах...» модель на исследование практик культуры отмены. Мы полагаем, что коллективные практики, служащие проявлением культуры отмены, выступают следствием переосмысления в современных условиях категории сакральное. Несмотря на то что универсальность различения сакрального и профанного довольно спорна [51. Р. 84], нам представляется важным рассмотреть, как переосмысление ценностей и практики их культивирования приводят к сакрализации ценностей и повышают солидаризацию членов сообщества.

Сакральное и выстраивающаяся вокруг него система представлений и действий в соответствии с установленными в сообществе нормами и правилами, с точки зрения Дюркгейма, выступают содержанием со-

лидаризации. Ценности, воспринимаемые как сакральные, становятся эмоциональным аттрактором, определяющим жизнь сообщества. Как мы уже упоминали, предлагаемая Дюркгеймом схема с довольно четким различением сакрального и профанного хорошо работает в первобытных обществах, материал которых он использовал для своего анализа. Довольно подробно описав сакральное, Дюркгейм уделял мало внимания ситуации его осквернения. Не занимаясь «уподоблением современного общества первобытному клану», отметим, однако, вслед за Д. Куракиным, «что священное сегодня, зачастую познается только при попытке осквернения (к примеру, когда наше возмущение от осмеивания святынь и попирания ценностей только и позволяет распознать их значимость)» [52. С. 43]. Скорее всего, это связано с подвижностью сакрального как категории. Случай, например, расистских высказываний в США, который мог оказаться незамеченным несколько десятилетий назад и был бы социально одобряем еще ранее, теперь воспринимается как скверна. Поведение российских звезд эстрады, допустимое ранее, в новой ситуации трактуется как оскорбление (или осквернение). Из понятия солидарности не следует само по себе то, с кем, когда, при каких обстоятельствах нужно солидаризоваться, т.е. солидарность может существовать только вместе с какими-либо ценностями, вокруг которых сообщество солидаризуется. Именно они воспринимаются как сакральные, и их осквернение влечет за собой санкции группы в виде исключения. Причем сравнение случаев культуры отмены в США, Китае, России показывает, что не имеет значения, какие конкретно ценности защищаются группой: если в США высказывания, критикующие позицию представителей ЛГБТ¹, могут привести к отмене того, кто высказывается (например, кейс с Джоан Роулинг, обвиненной в трансфобии), то в России механизм канселлинга запускается в ответ на обвинение участников «голой вечеринки» в пропаганде нетрадиционных ценностей. В Китае в качестве сакрального выступают ценности территориального суверенитета и уважения к китайскому народу [29–35]. То есть имеет значение признание ценностей как сакральных, а не то, что они выражают. Сам механизм отмены работает аналогично, вне зависимости от того, о защите каких конкретно ценностей идет речь. Информация о каком-либо мероприятии, позиции компании, бренда, мнении известного человека или его действиях в настоящем или прошлом появляется в социальных сетях и вызывает реакцию пользователей. Эти реакции запускают механизм канселлинга – волну эмоционально высказанных реакций, распространение соответствующих хештегов, действий в виде отказа от подписки на аккаунт «отменяемого» человека или компании, отказ, зачастую демонстративный, от продукции. Поимого общественного ostracism, культура отмены, вне зависимости от страны, выражается в административных и уголовных преследованиях «отменяемых».

Отдельно обратим внимание на эмоциональность высказываемых реакций, которые выступают обязательным пунктом канселлинга. М. Дуглас рассматри-

вает культуру как систему различий, причем различия, образующие культуру, эмоционально маркированы. В отличие от навязанной государством гражданской религии Руссо, Дюркгейм настаивает, что идея религии возникает сама по себе во время ритуалов, «бурления», которое сопровождается совместными социальными практиками. Он довольно метафорично описывает бурление как ситуацию преодоления границ индивидуального сознания, поглощения его коллективными эмоциями. Подобное бурление можно увидеть и в практиках культуры отмены. Многочисленные эмоциональные реакции «пробужденных» или китайских пользователей, возмущенных позицией представителя группы BTS, возможность возникновения которых в обыденной жизни затруднительна, легитимируют и культивируют ценности сообщества. Сакральное в описании как Дюркгейма, так и других теоретиков [53, 54] связано с сильной эмоциональной вовлеченностью, противостоящей отношением к профанному, т.е. граница между сакральным и профанным оказывается базовой для поддержания общественного единства. Жорж Батай отметил, что пересечение границ сакрального и профанного, осквернение сакрального (так называемая трансгрессия) важно для определения этих самых границ [55], соответственно, трансляции и культивирования ценностей и роста уровня солидаризации. И хотя Дюркгейм подчеркивает, что для появления эмоций необходимо совместное проживание ритуалов [56. С. 651], т.е. поддержание солидарности требует присутствия [57. Р. 44–45], мы считаем, что коллективные эмоции могут возникнуть также в том случае, если взаимодействие опосредовано медиа.

И здесь важно обратить внимание на обозначенное А.Б. Гофманом [58. С. 110–113] противоречие между солидаризацией как фактом и долгом. Если мы говорим о существовании сообщества, связанного общими ценностями (например, признанием равенства всех людей, вне зависимости от расы или гендера), насколько из этого следует моральное предписание осуждения тех, кто позволяет себе высказывания, ставящие под сомнение эти ценности? И если ценности уже осознаются как ценности, то зачем их защищать? Из факта солидарности не следует обязанности солидаризоваться, однако эта обязанность оказывается связанной с идеей нормативности: «То, что постоянно окружает человека, что он непрерывно воспринимает и делает, он рассматривает не только как факт, но и как норму, в соответствии с которой он оценивает, судит то, что от нее уклоняется» [59. С. 336]. Соответственно, ценности, которые лежат в основе практик канселлинга, воспринимаются сообществом как норма. Культура отмены говорит не только о констатации солидарности и определенной норме, но и диктует необходимость улучшения того сообщества, о солидаризации которого идет речь. Ценности сами по себе не нуждаются в защите, защищаются, с одной стороны, сакральное, которое необходимо огородить от осквернения, с другой – сообщество, ценности которого ставятся под сомнение. Однако, если солидарность воспринимается как долг, можно ли констатировать наличие факта солидарности, т.е. говорить о сообществе

как полностью солидарным? При этом, индивид не станет защищать ценности группы, принадлежности к которой он не чувствует, т.е. долг в этом случае логично вытекает из факта. Но, как правило, и кейсы культуры отмены это подтверждают, речь будет идти о солидаризации в относительно «молодых сообществах», в которых нормативное ядро в недавней исторической перспективе было сильно пересмотрено – например, к этому привело интенсивное развитие политик идентичности в США. Также, оценивая примеры культуры отмены в разных странах, можно предположить, что ее распространение связано или с какими-то событиями, ситуациями, оцениваемыми сообществом как кризисные (например, СВО в России), или выступает следствием разобщенности и утверждения и необходимости распространения новых ценностей. При этом только сообщество с уже имеющейся высокой степенью солидарности может налагать санкции за то, что считает осквернением, однако, в свою очередь, культивирование сакрального воспринимается как долг и само по себе также повышает уровень солидаризации. То есть как практика культура отмены может возникнуть в сообществе, связанном общими ценностями, причем, как мы отметили выше, эти ценности воплощают в себе новую нормативность, и ее реализация способствует культивированию этих ценностей и дальнейшему повышению уровня сплоченности и трансляции нормативности.

Культура отмены оказывается направленной на демонтаж всей структуры меритократии – оценки людей по совокупности их достижений и добродетелей – и замену ее иерархией, основанной на идентичности. Меритократия в гражданском обществе была призвана заменить прежнюю европейскую иерархию, основанную на знати, родословных, классе, религии. Попытка *cancel culture* заменить меритократию привилегиями идентичности является зеркальным отражением дискредитированных иерархий прошлого, однако не лишена их издержек. Известность, популярность вместо преимущества в ситуации распространения канселлинга отказывается риском: расистские высказывания на канале малоизвестного пользователя или фотографии с частной вечеринки в аккаунте с десятком подписчиков, скорее всего, окажутся незамеченными.

Таким образом, культура отмены оказывается механизмом, культивирующим и поддерживающим уровень солидарности сообщества за счет определенных ритуалов, построенных вокруг общих ценностей, воспринимаемых как сакральные. Можно считать, что отмена кого-либо (или чего-либо) оказывается событием, обладающим «моральной силой» [56. С. 379, 399, 645], т.е. поддерживающим солидарность. Эмоциональная энергия, с которой сообщество реагирует на осквернение своих ценностей, «происходит из того же источника, что и в случае с чистым сакральным, но посредством логически альтернативной конструкции. А именно: разрушение символического порядка как альтернатива его воспроизводству. Чистое сакральное противостоит скверному, как осмысленный (и следовательно, обеспеченный эмоциональной энергией) порядок противостоит хаосу» [52. С. 58].

Заключение

Анализ кейсов канселлинга через идеи солидарности Э. Дюркгейма позволил обосновать культуру отмены как практику солидаризации сообщества, в основе которой лежит признание общих норм, ценностей и морального долга их защищать. Сравнение случаев культуры отмены в США, Китае, России и других странах показывает, что не имеет значения, какие конкретно ценности защищаются группой, важными являются признание их как сакральных и оценка возможности осквернения. «Отменить» может только группа с уже высокой степенью солидарности, однако признание солидарности как факта в этом случае влечет за собой долг улучшение сообщества, о солидаризации которого идет речь, в том числе за счет исключения тех, кто не разделяет общие ценности.

Дж. Александер, отталкиваясь от идеи Э. Дюркгейма, пишет о том, что преступления и наказания

нужны, чтобы общество не только укрепляло солидарность, но и знало и проговаривало свои моральные принципы. Таким образом, практики культуры отмены в современных условиях оказываются вариантом ежедневного плебисцита (Э. Ренан).

Адаптация дискурса Дюркгейма и его последователей для изучения культуры отмены способствует дальнейшим исследованиям канселлинга в поле социальной теории. На наш взгляд, было бы интересно изучить, в какой момент ценности, составляющие содержание культуры отмены, оказываются агентными, т.е. заставляют сообщество действовать, в том числе через отмену несогласных, а также проанализировать, почему, например, расизм и сексизм оказывают большее влияние на отмену, чем антисемитизм, антикатолицизм и другие проявления фанатизма, предположить последствия дальнейшего распространения этой практики в разных регионах исходя из специфики ее проявлений.

Примечание

¹ Организация, признанная экстремистской на территории России.

Список источников

1. «Это ад и черти»: голая вечеринка Нasti Ивлеевой с Собчак вызвала бурю негодования // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/27597/4869212/> (дата обращения: 13.03.2024).
2. Ивлеева и Собчак прокомментировали скандальную «Почти голую вечеринку» // РБК Life. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/658427a69a7947af13ca421b> (дата обращения: 13.03.2024).
3. Киркоров извинился за свое участие в «голой» вечеринке // Новости Mail.ru. URL: <https://news.mail.ru/society/59160747/> (дата обращения: 13.03.2024).
4. Гости голой вечеринки Ивлеевой публично извинились перед россиянами. Что говорят Киркоров, Билан и другие? // Новости Mail.ru. URL: <https://news.mail.ru/society/59162572/> (дата обращения: 13.03.2024).
5. Ивлеева попросила дать ей «второй шанс» после скандальной вечеринки // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/12/27/blogger-ivleeva-poprosila-dat-ej-vtoroj-shans-posle-skandalnoj-vecherinki.html> (дата обращения: 13.03.2024).
6. В суд подали коллективный иск к Ивлеевой на ₽1 млрд за «голую вечеринку» // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfree-news/658b0f7d9a79472c6b3b9cfc> (дата обращения: 13.03.2024).
7. В ленинградский суд поступил иск на миллиард рублей из-за «голой вечеринки» // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20240117/sud-1921798646.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 13.03.2024).
8. Лолита сообщила об угрозах концертным площадкам после «голой вечеринки» // Новости Mail.ru. URL: <https://news.mail.ru/incident/59158370/> (дата обращения: 13.03.2024).
9. Извинения приняли только от Билана? Выступление двух участников голой вечеринки отменили на новогоднем шоу в Подмосковье // Москва Онлайн. URL: <https://msk1.ru/text/entertainment/2023/12/30/73083629/> (дата обращения: 13.03.2024).
10. Потеряла 6,5 миллиона рублей? Концерт Anna Asti в «Барвихе Luxury Village» отменили после голой вечеринки Ивлеевой // Москва Онлайн. URL: <https://msk1.ru/text/culture/2023/12/28/73070972/> (дата обращения: 13.03.2024).
11. Mash: Новогодние шоу участниц «голой» вечеринки Нasti Ивлеевой в Москве отменены // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/12/27/mash-novogodnie-shou-uchastnic-goloy-vecherinki-nasti-ivleevoy-v-moskve-otmeneny.html> (дата обращения: 13.03.2024).
12. Участники «голой» вечеринки лишились эфира и рекламных контрактов // Рен-ТВ. URL: <https://ren.tv/longread/1180833-uchastniki-goloi-vecherinki-lisilis-efira-i-reklamnykh-kontraktov> (дата обращения: 13.03.2024).
13. Канделаки подтвердила пересъемки фильма «Иван Васильевич меняет все!» // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/12/27/video-kan-delaki-podtverdila-peresemki-filma-ivan-vasilevich-meniaet-vse.htm> (дата обращения: 13.03.2024).
14. С Киркорова взыскали почти 8 млн рублей долгов по налогам // New.ru. URL: <https://news.ru/show-business/s-kirkorova-vzyskali-pochti-8-mln-rublej-dolgov-po-nalogam/> (дата обращения: 13.03.2024).
15. Мосгорсуд оставил в силе арест рэперу Vacio за «голую вечеринку» Ивлеевой // Новости Mail.ru. URL: <https://news.mail.ru/incident/59161753/> (дата обращения: 13.03.2024).
16. Отмена звезд с «голой» вечеринки: почему россияне не поверили их извинениям? // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/12/28/otmena-zvezd-s-goloy-vecherinki-pochemu-rossiiane-ne-poverili-ih-izvineniam.html> (дата обращения: 13.03.2024).
17. The Committee's Choice & People's Choice word of the Year 2019 // Australian Macquarie Dictionary. URL: <https://www.macquariedictionary.com.au/resources/view/word/of/the/year/> (дата обращения: 13.03.2024).
18. Jenkins K. Introduction // Cancel culture: And the Left's Long March / ed. Kevin Donnelly. Melbourne : Wilkinson Publishing, 2021. P. 15–21.
19. Dershowitz A. Cancel Culture: The Latest Attack on Free Speech and Due Process. New York : Hot Books, 2020.
20. Donnelly K. Cancel Culture: And the Left's Long March. Melbourne : Wilkinson Publishing, 2021.
21. Kovalik D. Cancel this Book: The Progressive Case against Cancel Culture. New York : Hot Books, 2021.
22. Ng E. Cancel Culture. A Critical Analysis. Palgrave Macmillan, 2022.
23. Haidt J., Lukianoff G. The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure. New York : Penguin Press, 2018.
24. Safetyism Isn't the Problem // Association for Psychological Science. 2020. June 15.
25. Jętkovic M. Unassailable Protect Yourself from Deplatform Attacks: Cancel Culture & other Online Disasters. Amazon Digital Services LLC – KDP Print US, 2020.
26. Olusoga D. «Cancel Culture» is not the Preserve of the Left. Just ask Our Historians // The Guardian. 2022. December 20.

27. Post-Election Discussion and the Future of Leftist Politics with Cornel West and Adolph Reed // YouTube. URL: <https://youtu.be/RPxiNiVYLZs> (дата обращения: 13.03.2024).
28. White Fragility, Plus Adolph Reed on Identity Politics // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0kFTtR34cek> (дата обращения: 13.03.2024).
29. Davis R. Chloe Zhao's 'Nomadland' Censored by China after Nationalist Backlash // Variety. URL: <https://variety.com/2021/film/news/chloe-zhao-nomadland-china-censorship-1234922882/> (дата обращения: 13.03.2024).
30. Chinese Netizens Boycott Thai Boys' Love Drama '2gether: The Series' due to Inappropriate Comment about COVID-19 by Leading Actor's Girlfriend // Global Times. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1185359.shtml> (дата обращения: 13.03.2024).
31. Chinese Stars Cut Ties with Brands Including Nike, HM, and Adidas, Standing Firmly behind Xinjiang Cotton // Global Times. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1219474.shtml> (дата обращения: 13.03.2024).
32. Hall C., Zoe S. Dolce Gabbana China Show Cancelled Amid Racism Outcry // Business of Fashion. URL: <https://www.businessoffashion.com/articles/fashion-week/racism-accusations-force-dolce-gabbana-to-cancel-chinese-fashion-show> (дата обращения: 13.03.2024).
33. Tanakasempipat P., Potkin F. Insta-Star Wars: China Tensions in Southeast Asia Flare Online // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-thailand-china-internet/insta-star-wars-china-tensions-in-southeast-asia-flare-online-idUSKCN21W11P> (дата обращения: 13.03.2024).
34. Teh Ch. Chinese Social-Media Users Burn their Nikes after the Company Says it's «Concerned» about Forced Labor of Uyghurs in Xinjiang // Insider. URL: <https://www.insider.com/chinese-weibo-angry-xinjiang-burning-nike-shoes-2021-3> (дата обращения: 13.03.2024).
35. Wang J. The Politics of Goods: A Case Study of Consumer Nationalism and Media Discourse in Contemporary China // Asian Journal of Communication. 2006. Vol. 16, № 2. P. 187–206.
36. Гофман А.Б. Солидарность социальная // Современная западная социология: Словарь / под ред. Ю.Н. Давыдова, М.С. Ковалева, А.Ф. Филиппова. М. : Изд-во полит. лит., 1990. С. 314.
37. Социальная солидарность как проблема классической и современной социологии // Социологический ежегодник, 2011 / ред. и сост. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М. : ИНИОН РАН, 2011. Ч. 2. С. 48–242.
38. Jeffries V., Johnston B.V., Nichols L.T., Oliner S.P., Tiryakian E., Weinstein J. Altruism and Social Solidarity: Envisioning a Field of Specialization // American Sociologist. 2006. Vol. 37, № 3. P. 67–83.
39. Blais M.-C. La solidarité: Histoire d'une idée. Paris : Gallimard, 2007.
40. Borlandi M. Deux siècles de solidarité(s) // Durkheimian studies. 2008. Vol. 14, № 1. P. 103–113.
41. Procacci G. Solidarity: History of the Concept // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences / ed. by N.J. Smelser, P.B. Baltes. Amsterdam : Elsevier, 2001. Vol. 21. P. 14585–14588.
42. The Problem of Solidarity: Theories and Models / ed. by P. Doreian, T.J. Fararo. Amsterdam : Gordon & Breach, 1998.
43. Гофман А.Б. О социологии Эмиля Дюркгейма // О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука, 1991. С. 558–566.
44. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука, 1991. С. 3–390.
45. Tiryakian E. Modernity and the Second Return of Mechanical Solidarity // Raymond Boudon: A life in Sociology / ed. by M. Cherkaoui, P. Hamilton. Oxford : Bardwell press, 2009. P. 1–22.
46. Хачатурян В.М. «Вторая жизнь» архаики: Архаизующие тенденции в цивилизационном процессе. М. : Academia, 2009.
47. Maffesoli M. The Time of the Tribes: The Decline of Individualism in Mass Society. London : Sage, 1996.
48. Парсонс Т. Понятие общества: Компоненты и их взаимоотношения // Теоретическая социология: Антология / под ред. С.П. Баньковской. М. : Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 2. С. 3–39.
49. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / под ред. В.А. Базарова. М. : Мысль, 1994.
50. Myerhoff B., Moore S. Secular Ritual. Assen, 1977.
51. Pickering W.S.F. Durkheim's Sociology of Religion: Themes and Theories. London : Routledge and Kegan 161 Steiner Ph., 1994.
52. Куракин Д. Ускользающее сакральное: проблема амбивалентности сакрального и ее значение для «сильной программы» культурсоциологии // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10, № 3. С. 41–70.
53. Дуглас М. Чистота и опасность. М. : КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000.
54. Жирар Р. Насилие и священное. М. : Новое лит. обозрение, 2000.
55. Батай Ж. Проклятая часть. Опыт общей экономики / пер. с фр. А.В. Соловьева // Проклятая часть: сакральная социология / под общ. ред. С.Н. Зенкина. М. : Ладомир, 2006. С. 109–236.
56. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М. : Элементарные формы, 2018.
57. Robertson Smith W. Lectures on the Religion of the Semites. Sheffield, 1995.
58. Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник / ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М. : ИНИОН РАН ; Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, 2013. С. 97–167.
59. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 752 с.

References

1. *Komsomol'skaya pravda*. (2024) "Eto ad i cherti": golaya vecherinka Nasti Ivleevoy s Sobchak vyzvala buryu negodovaniya ["This is hell and devils": Nastya Ivleeva's naked party with Sobchak caused a storm of indignation]. [Online] Available from: <https://www.kp.ru/daily/27597/4869212/> (Accessed: 13.03.2024).
2. RBK Life. (2024) *Ivleeva i Sobchak prokommentirovali skandal'nyuyu "Pochti goluyu vecherinku"* [Ivleeva and Sobchak commented on the scandalous "Almost Naked Party"]. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/life/news/658427a69a7947af13ca421b> (Accessed: 13.03.2024).
3. Novosti Mail.ru. (2024) *Kirkorov izvinilsya za svoe uchastie v "goloy" vecherinke* [Kirkorov apologized for his participation in the "naked" party]. [Online] Available from: <https://news.mail.ru/society/59160747/> (Accessed: 13.03.2024).
4. Novosti Mail.ru. (2024) *Gosti goloy vecherinki Ivleevoy publichno izvinilis' pered rossiyanami. Chto govoryat Kirkorov, Bilan i drugie?* [Guests of Ivleeva's naked party publicly apologized to Russians. What do Kirkorov, Bilan and others say?]. [Online] Available from: <https://news.mail.ru/society/59162572/> (Accessed: 13.03.2024).
5. *Rossiyskaya gazeta*. (2023) *Ivleeva poprosila dat' ey "vtoroy shans"* posle skandal'noy vecherinki [Ivleeva asked to give her a "second chance" after the scandalous party]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2023/12/27/blogger-ivleeva-poprosila-dat-ej-vtoroj-shans-posle-skandalnoj-vecherinki.html> (Accessed: 13.03.2024).
6. RBK. (2024) *V sud podali kollektivnyy isk k Ivleevoy na P1 mlrd za "goluyu vecherinku"* [A class action lawsuit was filed against Ivleeva for 1 billion rubles for the "nude party"]. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/658b0f7d9a79472c6b3b9cfc> (Accessed: 13.03.2024).
7. RIA Novosti. (2024) *V leningradskiy sud postupil isk na milliard rubley iz-za "goloy vecherinki"* [A lawsuit for a billion rubles was filed in the Leningrad court following the "naked party"]. [Online] Available from: https://ria.ru/20240117/sud-1921798646.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (Accessed: 13.03.2024).
8. Novosti Mail.ru. (2024) *Lolita soobshchila ob ugrozakh kontserinym ploshchadkam posle "goloy vecherinki"* [Lolita reported threats to concert venues after the "naked party"]. [Online] Available from: <https://news.mail.ru/incident/59158370/> (Accessed: 13.03.2024).

9. Moskva Onlayn. (2023) *Izvineniya prinyali tol'ko ot Bilana? Vystuplenie dvukh uchastnikov goloy vecherinki otmenili na novogodnem shou v Podmoskov'e* [Did they accept an apology only from Bilan? Two Nude Party Participants' Performance at New Year's Show in Moscow Region Cancelled]. [Online] Available from: <https://msk1.ru/text/entertainment/2023/12/30/73083629/> (Accessed: 13.03.2024).
10. Moskva Onlayn. (2023) *Poteryala 6,5 milliona rubley? Kontsert Anna Asti v "Barvikhe Luxury Village" otmenili posle goloy vecherinki Ivleevoj* [Lost 6.5 Million Rubles? Anna Asti's Concert at Barvikha Luxury Village Cancelled After Ivleeva's Nude Party]. [Online] Available from: <https://msk1.ru/text/culture/2023/12/28/73070972/> (Accessed: 13.03.2024).
11. *Rossiyskaya gazeta*. (2023) Mash: Novogodnie shou uchastnits "goloy" vecherinki Nasti Ivleevoj v Moskve otmeneny [Mash: New Year's Shows of Nastya Ivleeva's "Nude" Party Participants in Moscow Cancelled]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2023/12/27/mash-novogodnie-shou-uchastnic-goloy-vecherinki-nasti-ivleevoj-v-moskve-otmeneny.html> (Accessed: 13.03.2024).
12. Ren-TV. (2024) *Uchastniki "goloy" vecherinki lishilis' efira i reklamnykh kontraktov* [Participants of the "naked" party lost their airtime and advertising contracts]. [Online] Available from: <https://ren.tv/longread/1180833-uchastniki-goloi-vecherinki-lishilis-efira-i-reklamnykh-kontraktov> (Accessed: 13.03.2024).
13. *Rossiyskaya gazeta*. (2023) Kandelaki podtverdila peres'emki fil'ma "Ivan Vasil'evich menyaet vse!" [Kandelaki confirmed reshoots of the film "Ivan Vasilievich Changes Everything!"]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2023/12/27/video-kandelaki-podtverdila-peresemki-filma-ivan-vasilievich-meniaet-vse.htm> (Accessed: 13.03.2024).
14. New.ru. (2024) *S Kirkorova vzyskali pochtii 8 mln rubley dolgov po nalogam* [Almost 8 million rubles in tax debts were collected from Kirkorov]. [Online] Available from: <https://news.ru/show-business/s-kirkorova-vzyskali-pochtii-8-mln-rublej-dolgov-po-nalogam/> (Accessed: 13.03.2024).
15. Novosti Mail.ru. (2024) *Mosgorsud ostavil v sile arest reperu Vacio za "goluyu vecherinku" Ivleevoj* [Moscow City Court upheld the arrest of rapper Vacio for Ivleeva's "naked party"]. [Online] Available from: <https://news.mail.ru/incident/59161753/> (Accessed: 13.03.2024).
16. *Rossiyskaya gazeta*. (2023) *Otmena zvezd s "goloy" vecherinki: pochemu rossiiane ne poverili ikh izvineniyam?* [The stars' cancellation from the "naked" party: why didn't Russians believe their apologies?]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2023/12/28/otmena-zvezd-s-goloy-vecherinki-pochemu-rossiiane-ne-poverili-ih-izvineniyam.html> (Accessed: 13.03.2024).
17. Australian Macquarie Dictionary. (2024) *The Committee's Choice & People's Choice word of the Year 2019*. [Online] Available from: <https://www.macquariedictionary.com.au/resources/view/word/of/the/year/> (Accessed: 13.03.2024).
18. Jenkins, K. (2021) Introduction. Donnelly, K. (ed.) *Cancel culture: And the Left's Long March*. Melbourne: Wilkinson Publishing. pp. 15–21.
19. Dershowitz, A. (2020) *Cancel Culture: The Latest Attack on Free Speech and Due Process*. New York: Hot Books.
20. Donnelly, K. (2021) *Cancel Culture: And the Left's Long March*. Melbourne: Wilkinson Publishing.
21. Kovalik, D. (2021) *Cancel this Book: The Progressive Case against Cancel Culture*. New York: Hot Books.
22. Ng, E. (2022) *Cancel Culture. A Critical Analysis*. Palgrave Macmillan.
23. Haidt, J. & Lukianoff, G. (2018) *The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure*. New York: Penguin Press.
24. Association for Psychological Science. (2020) *Safetyism Isn't the Problem*. June 15.
25. Jevtovic, M. (2020) *Unassailable Protect Yourself from Deplatform Attacks: Cancel Culture & other Online Disasters*. Amazon Digital Services LLC – KDP Print US.
26. Olusoga, D. (2022) "Cancel Culture" is not the Preserve of the Left. Just ask Our Historians. *The Guardian*. December 20.
27. YouTube. (2024) *Post-Election Discussion and the Future of Leftist Politics with Cornel West and Adolph Reed*. [Online] Available from: <https://youtu.be/RPxiNiVYLZs> (Accessed: 13.03.2024).
28. YouTube. (2024) *White Fragility, Plus Adolph Reed on Identity Politics*. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=0kFTtR34cek> (Accessed: 13.03.2024).
29. Davis, R. (2021) *Chloe Zhao's 'Nomadland' Censored by China after Nationalist Backlash*. Variety. [Online] Available from: <https://variety.com/2021/film/news/chloe-zhao-nomadland-china-censorship-1234922882/> (Accessed: 13.03.2024).
30. Global Times. (2024) *Chinese Netizens Boycott Thai Boys' Love Drama '2gether: The Series' due to Inappropriate Comment about COVID-19 by Leading Actor's Girlfriend*. [Online] Available from: <https://www.globaltimes.cn/content/1185359.shtml> (Accessed: 13.03.2024).
31. Global Times. (2021) *Chinese Stars Cut Ties with Brands Including Nike, HM, and Adidas, Standing Firmly behind Xinjiang Cotton*. [Online] Available from: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1219474.shtml> (Accessed: 13.03.2024).
32. Hall, C. & Zoe, S. (2024) *Dolce Gabbana China Show Cancelled Amid Racism Outcry*. Business of Fashion. [Online] Available from: <https://www.businessoffashion.com/articles/fashion-week/racism-accusations-force-dolce-gabbana-to-cancel-chinese-fashion-show> (Accessed: 13.03.2024).
33. Tanakasempipat, P. & Potkin, F. (2024) *Insta-Star Wars: China Tensions in Southeast Asia Flare Online*. Reuters. [Online] Available from: <https://www.reuters.com/article/us-thailand-china-internet/insta-star-wars-china-tensions-in-southeast-asia-flare-online-idUSKCN21W11P> (Accessed: 13.03.2024).
34. Teh, Ch. (2021) *Chinese Social-Media Users Burn their Nikes after the Company Says it's "Concerned" about Forced Labor of Uyghurs in Xinjiang*. Insider. [Online] Available from: <https://www.insider.com/chinese-weibo-angry-xinjiang-burning-nike-shoes-2021-3> (Accessed: 13.03.2024).
35. Wang, J. (2006) The Politics of Goods: A Case Study of Consumer Nationalism and Media Discourse in Contemporary China. *Asian Journal of Communication*. 16 (2). pp. 187–206.
36. Gofman, A.B. (1990) *Solidarnost' sotsial'naya* [Social solidarity]. In: Davydov, Yu.N., Kovalev, M.S. & Filippov, A.F. (eds) *Sovremennaya zapadnaya sotsiologiya: Slovar'* [Modern Western sociology: Dictionary]. Moscow: Izd-vo polit. lit. p. 314.
37. Pokrovskiy, N.E. & Efremenko, D.V. (eds) (2011) *Sotsial'naya solidarnost' kak problema klassicheskoy i sovremennoy sotsiologii* [Social solidarity as a problem of classical and modern sociology]. In: *Sotsiologicheskii ezhegodnik, 2011* [Sociological yearbook, 2011]. Part 2. Moscow: INION RAN. pp. 48–242.
38. Jeffries, V. et al. (2006) Altruism and Social Solidarity: Envisioning a Field of Specialization. *American Sociologist*. 37 (3). pp. 67–83.
39. Blais, M.-C. (2007) *La solidarité: Histoire d'une idée*. Paris: Gallimard.
40. Borlandi, M. (2008) Deux siècles de solidarité(s). *Durkheimian Studies*. 14 (1). pp. 103–113.
41. Procacci, G. (2001) Solidarity: History of the Concept. In: Smelser, N.J. & Baltes, P.B. (eds) *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Vol. 21. Amsterdam: Elsevier. pp. 14585–14588.
42. Doreian, P. & Fararo, T.J. (eds) (1998) *The Problem of Solidarity: Theories and Models*. Amsterdam: Gordon & Breach.
43. Gofman, A.B. (1991) *O sotsiologii Emilya Dyurkgeyma* [On the sociology of Emile Durkheim]. In: Durkheim, E. (1991) *The division of labor. insociety*. Moscow: Nauka. pp. 558–566. (In Russian).
44. Durkheim, E. (1991) *The division of labor. insociety*. Moscow: Nauka. pp. 3–390. (In Russian).
45. Tiryakian, E. (2009) Modernity and the Second Return of Mechanical Solidarity. In: Cherkaoui, M. & Hamilton, P. (eds) *Raymond Boudon: A life in Sociology*. Oxford: Bardwell press. pp. 1–22.
46. Khachatryan, V.M. (2009) *"Vtoraya zhizn'" arkhaiki: Arkhaizuyushchie tendentsii v tsivilizatsionnom protsesse* ["The Second Life" of Archaics: Archaizing Tendencies in the Civilization Process]. Moscow: Academia.
47. Maffesoli, M. (1996) *The Time of the Tribes: The Decline of Individualism in Mass Society*. London: Sage.

48. Parsons, T. (2002) The concept of society : the components and their interrelations. In: Ban'kovskaya, S.P. (ed.) *Teoreticheskaya sotsiologiya: Antologiya* [Theoretical sociology: Anthology]. Part 2. Moscow: Knizhnyy dom "Universitet". pp. 3–39. (In Russian).
49. Durkheim, E. (1994) *Suicide: A Study in Sociology*. Moscow: Mysl'. (In Russian).
50. Myerhoff, B. & Moore, S. (eds) (1977) *Secular Ritual*. Assen: Van Gorcum.
51. Pickering, W.S.F. (1994) *Durkheim's Sociology of Religion: Themes and Theories*. London: Routledge and Kegan 161 Steiner Ph.
52. Kurakin, D. (2011) Uskol'zayushchee sakral'noe: problema ambivalentnosti sakral'nogo i ee znachenie dlya "sil'noy programmy" kul'tursotsiologii [The elusive sacred: the problem of the ambivalence of the sacred and its significance for the "strong program" of cultural sociology]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 10 (3). pp. 41–70.
53. Duglas, M. (2000) *Chistota i opasnost'*. Moscow: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole.
54. Girard, R. (2000) *Violence and the Sacred*. Moscow: Novoe lit. obozrenie. (In Russian).
55. Bataille, J. (2006) *Proklyataya chast'*. Opyt obshchey ekonomiki [The Accursed Share: An Essay on General Economy]. Translated from French by A.V. Solov'ev. In: Zenkin, S.N. (ed.) *Proklyataya chast': sakral'naya sotsiologiya* [The Accused Share]. Moscow: Ladomir. pp. 109–236.
56. Durkheim, E. (2018) *The elementary forms of the religious life*. Moscow: Elementarnye formy. (In Russian).
57. Robertson Smith, W. (1995) *Lectures on the Religion of the Semites*. Sheffield.
58. Gofman, A.B. (2013) Solidarnost' ili pravila, Dyurkgeym ili Khayek? O dvukh formakh sotsial'noy integratsii [Solidarity or Rules, Durkheim or Hayek? On Two Forms of Social Integration]. In: Pokrovskiy, N.E. & Efremenko, D.V. (eds) *Sotsiologicheskii ezhegodnik* [Sociological Yearbook]. Moscow: INION RAS; Department of General Sociology, National Research University Higher School of Economics. pp. 97–167.
59. Jellinek, G. (2004) *General theory of the state*. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press. (In Russian).

Информация об авторе:

Головашина О.В. – д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия); ведущий научный сотрудник Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ovgolovashina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Golovashina, Dr. Sci. (Philosophy), leading research fellow, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation); leading research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ovgolovashina@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.03.2024;
одобрена после рецензирования 08.04.2024; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 16.03.2024;
approved after reviewing 08.04.2024; accepted for publication 30.04.2024.

Научная статья
УДК 1.18
doi: 10.17223/15617793/501/8

Обратная перспектива в иконе в контексте метода контринтенциональности Ж.-Л. Мариона

Ольга Александровна Суханова^{1, 2}

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

² Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия
^{1, 2} o.skhnv@gmail.com

Аннотация. Рассматривается обратная перспектива в иконе в свете метода контринтенциональности французского феноменолога Жана-Люка Мариона. Анализируется различие между идолом и иконой, которое в философском проекте Мариона приобретает характер обращения к ним не как к видам христианского искусства, а как к двум разным режимам видения. Обратная перспектива становится «проводником взгляда» для субъекта и условием возможности особого праксиса становления собой в более аутентичном смысле.

Ключевые слова: Жан Люк Марион, феноменология, феноменологическая эстетика, икона, контринтенциональность, обратная перспектива, визуальная культура, визуальные исследования, теория образа, восприятие

Для цитирования: Суханова О.А. Обратная перспектива в иконе в контексте метода контринтенциональности Ж.-Л. Мариона // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 69–74. doi: 10.17223/15617793/501/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/8

Reverse perspective in the icon in the context of Jean-Luc Marion's method of counter-intentionality

Olga A. Sukhanova^{1, 2}

¹ HSE University, Moscow, Russian Federation

² Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
^{1, 2} o.skhnv@gmail.com

Abstract. Appealing to the method of French phenomenologist Jean-Luc Marion allows us to consider reverse perspective in an icon as not just an art technique, but rather as a way of organizing the view and perception of a religious phenomenon. This article considers the specific features of Marion's method, in particular his ideas concerning the inclusion of saturated phenomena in phenomenological work and his attitude to the status of the subject. The method of counter-intentionality proposed by Marion reveals the peculiarities of aesthetic experience in the process of interaction with objects of art. In this context, the distinction between idol and icon is particularly significant, for in Marion's philosophical project they are not presented as two different types of Christian art, but are rather conceptualized as modes of vision. The difference between seeing and viewing is also analyzed, which is significant for the further development of phenomenological aesthetics based on the concept of an image considered as the subject's lived experience rather than as an existing object's representation. Within the theory of image proposed by Marion, the invisible is conceptualized as a necessary prerequisite for the manifestation of the visible, wherein perspective plays an essential role in this process. The peculiarities of the reverse perspective in the icon are explicated in accordance with the studies of art theorists Boris Uspensky and Lev Zhegin, as well as the Russian religious philosopher Pavel Florensky. This allows examining the peculiarities of the reverse perspective and to identify motifs that are consonant with those at the core of Marion's phenomenological method. It is suggested that there is a structural similarity between the subject's perception in the process of the method of counter-intentionality and the aesthetic experience of interaction with the reverse perspective of the icon. In phenomenological terms, perspective constructs an intentional relationship between the viewer and the object. The reverse perspective restructures the relationship of the directed look and the object, and can be considered as a sort of "guidance" for the look. The event of the encounter with the icon becomes the condition for the possibility of the subject's particular praxis, in which the withdrawal of the self from the selfhood that is inherent in aesthetic experience allows the subject to become themselves in a more authentic sense.

Keywords: Jean-Luc Marion, phenomenology, phenomenological aesthetics, icon, counter-intentionality, reverse perspective, visual culture, visual studies, image theory, perception

For citation: Sukhanova, O.A. (2024) Reverse perspective in the icon in the context of Jean-Luc Marion's method of counter-intentionality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 69–74. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/8

Введение

Идеи французского феноменолога и теолога Ж.-Л. Мариона по модификации феноменологического метода в результате пересмотра понятия феномена и расширения области феноменологической работы способствуют вовлечению широкого спектра проблем, не вписываемых ранее в традиционный круг исследуемых вопросов и областей феноменологии. Такая стратегия в целом характерна для третьего поколения французских феноменологов, которым свойствен интерес к сокрытому, неявленному непосредственно, что унаследовано ими скорее от Хайдеггера, чем от трансцендентального проекта Гуссерля [1. С. 4].

Метод Мариона позволяет включить в область феноменологической работы феномены, доступ к которым возможен опосредованно, например религиозные или же эстетические. Он сам во многом опирается на примеры из области искусства, в большинстве случаев визуального, затрагивая проблематику роли субъекта в эстетическом опыте и способ восприятия произведения искусства.

В сферу интересов Мариона как католического богослова входят вопросы теологии, в связи с чем он ставит перед собой задачу пересмотреть область религиозного опыта в терминах феноменологии и найти способ приблизиться к пониманию специфических религиозных феноменов. Для его философского проекта в целом фундаментально значим концепт иконы, рассматриваемый не только как исторически значимый носитель христианской традиции или же как предмет искусства, который обладает особой эстетической ценностью, – икона представляет собой особый модус *видения* в феноменологическом смысле.

Система обратной перспективы иконического изображения привлекает внимание многих исследователей, однако для настоящей работы теоретические наработки Б.А. Успенского, Л.Ф. Жегина и П.А. Флоренского представляют особую ценность, поскольку вектор их работы и философские интуиции схожи с идеями Ж.-Л. Мариона и позволяют эксплицировать их и дополнить.

Структура Я-субъекта в перспективе обратной интенциональности

Решение, которое предлагает Марион, чтобы приблизиться к пониманию сущности феномена Откровения, – перейти к иному способу мышления данности, а именно к мышлению ее в качестве дара (*Gegebenheit*). Особенность заключается в том, что в этом случае феноменальность как дар существует в избытке. Такой феномен, который проявляется в качестве избытка, Марион называет насыщенным. Он выходит за пределы горизонта и вместо того, чтобы в них вписываться, меняет направление редукции. В отличие от феноменов, которые можно охарактеризовать как бедные созерцанием или определяемые через адекватацию созерцания и интенции, насыщенный феномен обладает избытком созерцания и превосходством данности над интенцией [2. С. 81].

Опираясь на категории рассудка Канта, употребляя их в негативном модусе, Марион характеризует этот класс феноменов следующим образом: 1) по количеству невидимые, их нельзя интендировать (событие); 2) по качеству их невозможно выдержать (идол, картина); 3) по отношению они абсолютные, не обусловленные горизонтом, неразрешенные и не поддающиеся аналогии (плоть); 4) по модальности – превышающие способность смотреть (лик, икона) [3. С. 95].

Преодоление ограничений, накладываемых ранее на феноменальную область, выводит феноменологическую философию за рамки, позволяя исследовать «глубокие» феномены, не попадавшие ранее в область рассмотрения ввиду ограниченности метода и невозможности интендировать их. Расширение области феноменологической работы позволяет рассматривать эти феномены как «чистую данность», включая в это понятие не только явленное в модусе данного, но и не-данного. Насыщенный феномен преодолевает границы корреляционизма, давая нам в созерцании нечто такое, что ограниченный своим разумом субъект не может вместить в рамки способности к представлению. Наличие субъекта поддерживает принцип единства опыта, что составляет систему координат, в которой феномен, в парадигме корреляционизма, может явиться. Преодоление метафизической «эгологии» нацелено на избавление от ограничений, накладываемых субъективным восприятием, не препятствуя самопоказыванию феномена.

По Мариону, насыщенный феномен не может быть ограничен единством опыта. Для «обычного» феномена характера ситуация, при которой его феноменальность поглощается содержанием, которое поддается предугадыванию, может быть посчитано или обобщено. Вместе с тем насыщенный феномен представляет собой парадоксальный случай в том смысле, что противостоит «доксе». Способ данности насыщенного феномена определен как чистое событие, что означает свободу от причинности, присущности каких бы то ни было акциденций и общности. Событие как феномен определяется своей непредсказуемостью, избыточностью и возможностью в нематериальном смысле [4. Р. 173].

Следуя общей для французских феноменологов интуиции, Марион полагает, что субъект перестает играть роль агента феноменологического метода как исполнителя трансцендентальной установки, однако при этом не становится полностью пассивным. Позиция принимающего, с одной стороны, предполагает пассивность, но вместе с этим должна сохранять определенную долю активности, выраженную в виде готовности принимать данное [4. Р. 85–94]. Свести насыщенный феномен к условиям опыта Я-субъекта невозможно, поскольку он дан с избытком созерцания, превосходящим все возможности подчинить созерцание с помощью априорных понятий. В этой ситуации Я-субъект лишен возможности выступать упорядочивающей собственный опыт инстанцией. Более того, в случае столкновения с насыщенным феноменом имеет место контропыт, при котором Я теряет свою привилегированную роль агента, конституирующего феномен, и попадает под конституирующее воздействие со стороны самого феномена, вплоть до радикальной трансформации субъекта [4. Р. 215–221].

Если в случае столкновения с «обычным» феноменом интенциональность превышает интуицию, то насыщенный феномен полностью переворачивает эту схему. Обратный порядок предполагает поглощение интенциональности интуицией и частичное вытеснение содержания данного. Так, согласно предположению Мариона, субъект находится в положении непосредственного свидетельства, присутствия при появлении насыщенного феномена, при этом полностью втянут в процесс и заворочен им.

Идол и икона: два модуса видимости

Парадигмальное различие идола и иконы – центральный момент для мысли Мариона, выходящий за пределы области вопросов искусства. Идол и икона представляют собой два модуса видимости и феноменальности, построенные на различных конфигурациях видимого и невидимого. Феноменологическое и теологическое обоснование различия идола и иконы на онтологическом уровне имеют важное значение для современной теории образа и феноменологической эстетики.

В ранних работах Мариона выстраивается строгая дихотомия между концептами идола и иконы с превалирующим вниманием к последнему. Поначалу особый статус феномена приписывался только иконе – лишь она наделялась самостоятельностью и способностью казать себя, воздействуя на смотрящего [5. Р. 23]. Идол выступает точкой фиксации взгляда и одновременно с этим его пределом: за идолом угадывается некий референт, но выйти к нему за пределы взгляда не может, происходит возвращение взгляда к смотрящему, как от зеркальной поверхности [4. Р. 229]. Возвращение взгляда формирует эгологию и желание зрителя, вводящее идола в подчиненное, объективированное положение. Направленность взгляда на идола как на некую конечную точку предлагает ему чистое зрелище и возможность задержаться. Тем не менее ошибочно было бы полагать, что концепт идола представляется в сугубо негативных оттенках – Марион подчеркивает, что «стать идолом – уже большое достижение» [6. С. 41].

Несмотря на то что идол в более поздних работах Мариона рассматривается так же, как насыщенный феномен, икона обладает более высоким статусом по отношению к аффицированному смотрящему субъекту. Икона же, помимо характеристик, выделенных ранее при сопоставлении с идолом, представляет собой не просто определенный исторический вид христианской живописи, но иную доктрину видимости, предполагающую иной способ смотрения и соотношения с образом. При встрече с иконой взгляд не фиксируется на ней самой, равно как и не происходит идолатрического возвращения к смотрящему. При направленности взгляда на икону, как пишет Марион, происходит трансгрессия: он не сталкивается с границей, обозначающей недоступную для него зону, далее которой перейти не может, но направляется к невидимому и встречает взгляд, призывающий в свою глубину.

Икона не исчерпывается слоем видимого, отвергая всякие попытки объективирующего желания зрителя,

призывая к со-производству. Образ, с которым мы имеем дело при обращении к иконе, исключен из миметической логики. Он не соотносится с неким скрытым оригиналом, репрезентируя его. Не-репрезентативный характер иконы заключается не в производстве нового, подобно художественному творению, но в выведении к присутствию божественного [6. С. 87]. «Эстетическая аскеза», присущая иконе, опровергает логику идола, пытающегося присвоить славу себе. Подрыв современной логики производства образов обусловлен тем, что икона не становится образом без оригинала, не заставляет взгляд быть направленным на себя. Вместо этого, мы направляем взгляд к невидимому прототипу, при суждая славу ему.

Предстояние перед иконой требует от субъекта открытости направленному на него взгляду по схожей с молитвой логике: в языке этот процесс отражается во фразе «Вот он я». В молитве происходит раскрытие субъекта, позволяющее ему стать видимым для невидимого взгляда: «...молиться означает здесь позволить другому взгляду видеть меня» [6. С. 75]. Наивысшая степень вовлеченности, как пишет Марион, возможна при участии в Литургии.

При обсуждении перспективы как живописного принципа Марион указывал на главенствующую роль видимого, при которой невидимое выступало как проявитель и создающий объем (или рельеф) принцип. В случае с иконой же происходит переворот главенствующей и вспомогательной ролей. Материальная составляющая иконы – краска, нанесенная на поверхность, – создает область видимого, необходимую для локализации невидимого. В молитве обращение субъекта направлено, очевидно, к выходящему за рамки обозримого. В случае с иконой невидимое может проявлять себя иначе, чем через перспективу – в ней проявляет себя взгляд, направленный на нас, бесконечно одаривающий смотрящего [6. С. 26]. Молящийся перед иконой направляет свой взгляд не к видимому изображению, но к божественному образу, т.е. к области невидимого. Ответ на обращение субъекта представляет собой благословение [6. С. 27].

Контринтенциональность и обратная перспектива в иконе

Обратная перспектива в иконе привлекает внимание представителей различных теоретических областей, однако все сходятся на определении ее как совершенно особенного, самобытного явления. Для феноменологической эстетики, которую разрабатывает Марион, она имеет огромное значение.

Понятие перспективы для Мариона становится важным принципом организации реального и ирреального, что, как мы увидим, позволит вывести условия включения эстетики в теологический контекст и установить связь с феноменологией. Начиная с рассмотрения перспективы как живописного принципа, он усматривает в этом важнейшее основание для установления интенциональных отношений с объектом и возможности объективировать увиденное.

Марион утверждает, что, когда мы обращаемся к картине, говорить об одной только видимости недостаточно, поскольку чистое видимое в картине предстает перед нами в качестве бессвязных цветовых пятен, лишь как «поверхность носителя». Имеется определенный риск, что живопись может быть «поглощена» путем фиксации на материальной составляющей, тем самым становясь интенциональным объектом. В случае фигуративного искусства с его репрезентативной функцией – референтом. Однако созерцание произведения искусства, возможное благодаря материальной составляющей, представляет собой акт трансцендирования и перехода к чистому видению.

Для того чтобы увидеть в бессвязных пятнах краски образ и интерпретировать содержание, требуется нечто иное – работа перспективы, которая углубляет реально данное порывом невидимого, не проявленного в область данного. При этом перспектива «разворачивает установленную связь между видимым и невидимым», позволяя взгляду проникнуть через видимое [6. С. 6]. Перспектива выстраивает движение взгляда вглубь картины, при этом взгляд не руководствуется импульсом субъекта увидеть нечто определенное, не нацелен на объект в пределах горизонта. Логика движения взгляда в таком случае не телеологична, оно ведомо самой перспективой. Переступая пределы объекта, взгляд более не пребывает в регистре видимого, он проникает сквозь. Так, перспективу следует воспринимать не как часть живописной теории, но как «фундаментальное суждение взгляда, без которого мы бы никогда не увидели мир» [6. С. 8]. В терминах феноменологии, перспектива выстраивает интенциональное отношение между смотрящим и объектом.

Эссе «Око и дух» позволяет нам по-новому ставить вопрос о глубине и пространстве: у Мерло-Понти оно конструируется вне зависимости от чьей-либо точки зрения. В классической теории весь опыт видения сводится к теории видения, поскольку оказывается редуцированным к иллюзии третьего измерения, претендующей на адекватную репрезентацию видимого посредством направления глаза или объектива фотоаппарата. Вещь, рассматриваемая посредством попытки подчинения и организации пространства в логике, заданной принципом линейной перспективы, не раскрывается полностью в «своем истинном свете». Как справедливо отмечает Мерло-Понти, линейная перспектива не может стать неким универсальным способом усмотрения вещи, поскольку отсылает взгляд к самому себе [7. С. 33]. В этом смысле идеи, высказанные Марионом касательно обратной перспективы в иконе и их соотношения с феноменологическим методом, представляют особый интерес.

Обратная перспектива в иконописи имеет особенное значение, что отмечается многими исследователями. Флоренский, Успенский и Жегин проводят фундаментальный анализ иконы, включая феномен обратной перспективы. Марион развивает схожие интуиции, однако ему удается пойти дальше, связывая их с собственным феноменологическим методом и принципом контринтенциональности. Для философского метода Мариона, как уже отмечалось ранее, повсеместно характерен ход, который он предпринимает для ухода от

метафизической эгологии. В этом смысле при разработке феноменологической теории искусства на теологических основаниях метод контринтенциональности переструктурирует отношения направленного взгляда и объекта. Аскетический праксис субъекта, осуществимый перед иконой, способствует трансформации взгляда. «Я» перестает быть источником взгляда, становясь «точкой прибытия» и «местом встречи», принимая то, что дает феномен.

Обратная перспектива из особенного живописного принципа становится визуальным воплощением функционирования принципа контринтенциональности и своеобразным проводником взгляда. Под анаморфозисом Марион предлагает понимать процедуру, когда взгляд занимает определенную точку, из которой набор визуальных неупорядоченных и неконцептуализированных данностей внезапно становится по-настоящему видимым и наполненным содержанием [4. Р. 123]. Эта ситуация имеет важное значение для его феноменологического проекта, поскольку показывает, что схватывание содержания может происходить без первенства Я-субъекта и его инициативы по упорядочиванию опыта. Кроме того, как отмечает Марион, она демонстрирует модель, при которой феномен является сначала в неоформленном виде, переходя в видимость с обретением визуальной оформленности.

Принцип анаморфозиса продемонстрирован Марионом на примере картины Гольбейна «Послы»: при прямой направленности взгляду предстает изображение послов в их объективности, но при смене точки зрения открывается вторая феноменальность – изображение черепа, служащее напоминанием о смерти. Эта вторая феноменальность открывается зрителем при условии, что он сменит точку зрения, двигаясь в соответствии с предзаданной самим изображением логикой.

Понятие анаморфозиса служит примером того, как смыслонаделение может осуществляться не по инициативе Я-субъекта. В иконе система обратной перспективы и связанные с ней условности изображения, как отмечается исследователями, есть результат сознательного отхода от линейной перспективы и способа отображения пространства, присущего ему. Флоренский отмечает, что зачастую именно иконы, написанные по принципу подчинения организации пространства системе обратной перспективы, обладают особой эстетической ценностью [8. С. 177]. Те искажения, которые нам видятся в изображениях с отличной от линейной перспективы, могут быть расценены как отклоняющиеся от нормы, постольку поскольку подвергаются оценке именно с нашей точки зрения, с точки зрения из прямой перспективы. Между тем точка зрения, которую мы считаем нормальной, не единственно правомерная, а система обратной перспективы расценивается исследователями как равноправная, «самостоятельная и своеобразная система» [9. С. 7].

Система обратной перспективы основана на наложении множественности зрительных позиций и, как показывает Успенский, подразумевает динамичность системы, поскольку предполагает смену точки зрения в рамках одного изображения [9. С. 13].

Движение взгляда при наличии множества точек, из которых задается траектория, определяется этими путями, создавая условия для явления нескольких феноменальностей. Можно предположить, что этим отчасти обуславливается и необходимость множественного обращения к внутреннему миру изображения. Для Мариона, как было рассмотрено ранее, степень «аутентичности» связана с требованием многократного обращения.

Функционирование системы связано с определенными условиями и ограничениями. При рассмотрении воздействия ограничений на содержание изображения Успенский выделяет следующую особенность, крайне важную с феноменологической точки зрения [9. С. 14]. Фиксация на тех или иных аспектах изображения и расставление приоритета относительно его элементов вписывается в логику системы перспективы. Прямая перспектива способствует скорее переносу акцента на содержание акта и то впечатление, которое можно получить в целом от изображения, поскольку точка зрения статична. Динамичность системы обратной перспективы конструирует восприятие в ином ключе. Взгляд суммирует впечатления от предмета, представленного с разных точек зрения, что делает возможным рассмотрение с разных сторон: «существенно то, каков есть изображаемый объект» [9. С. 15].

Еще один важный вывод, который делает Успенский в связи с анализом динамичности системы обратной перспективы, заключается в следующем. В том случае, когда художник работает над организацией пространства, подчиненного принципу обратной перспективы, он не сводит процесс к репрезентации нашего мира в соответствии со стремлением изобразить представленное из одной точки зрения. Происходит изображение самого пространства, основанное не на построении референциональных связей, а на соотношении объектов с целым, в соответствии и их местом в мире. Эта характеристика позволяет зрителю «перенестись в пространство изображения» [9. С. 16].

Иконные горки и искусство кубизма основаны на принципе суммирования зрительского впечатления. Сезанн, который, как пишет Мерло-Понти, «стремится воспроизвести саму природу» [10. С. 105], отошел от импрессионизма и начал заниматься кубизмом. Художник использовал принцип обратной перспективы в своих натюрмортах и пейзажах с целью добиться передачи впечатления формирующегося под взглядом зрителя объекта [10. С. 107]. Объединяя на полотне множество точек зрения и линий, намечающих движение взгляда, ему удастся добиться динамичности и запечатлеть процесс становления, приглашая тем самым зрителя проделать совместную работу.

В поиске своего мотива Сезанн стремился передать само пространство, «неделимое Все» пейзажа, что сближает его работы с иконическими изображениями в их целостности и создании обособленного мира, «выносящего за скобки» предметность и существенность. Эта черта свойственна и эстетическому феномену в том виде, в котором он описан в работах Мариона: заключение зрителя в имманентности иконы и вынесение внутреннего за скобки сводит ее к чистой данности.

Еще одной функцией, которая выполняется перспективой, служит создание дистанции между зрителем и иконическим изображением. Поскольку икона связывает смотрящего прототипом, метафизическое идолопоклонство должно смениться хвалебным дискурсом. Создание дистанции с Отцом, как доказывает Марион на страницах работы «Идол и дистанция», позволяет избежать несовершенств катафатического и апофатического дискурсов, выбрав почитание.

Заключение

Подход Мариона показывает, как иконическое изображение обладает не только культурной или визуальной ценностью, но представляет собой специфический эстетический феномен, требующий от воспринимающего субъекта особого праксиса видения. Процесс, в котором иконическое пространство становится местом перекрестия направленных друг к другу взглядов, парадоксален. Система обратной перспективы из особенного живописного принципа становится визуальным воплощением функционирования принципа контринтенциональности.

Феноменологическая эстетика Мариона позволяет провести сравнение между иконой и современными визуальными практиками и подходами к теории образа. Модус видения иконы высвобождает взгляд, а вместе с тем и субъекта от желания видеть, не будучи при этом видимым. Перед иконой же возможно раскрытие себя как видимого для трансцендентного взгляда – осуществление исповеди, в которой субъект отрекается от присуждения собственному выстроенному образу славы, полагает себя для Другого.

Отстраненность опыта созерцания объектов искусства, о которых часто пишут теоретики, через призму идей Мариона может быть расценена как не чуждая сфере этического. В то время как в работах другого французского феноменолога, Левинаса, эстетический опыт означает отстранение субъекта от самого себя [11], в интерпретации Мариона этот опыт как раз, наоборот, приводит к более полному раскрытию субъектности. В этом заключается характер подлинного искусства, при созерцании которого субъект заново пересобирает самость, переставая быть собой, ради радикальной трансформации и становления самим собой в более полном смысле.

Список источников

1. Шолохова С.А., Ямпольская А.В. Предисловие составителей // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. М. : Академический проект, 2014. С. 3–10.
2. Марион Ж.-Л. Идол и дистанция / пер. с фр. Г. Вдовиной // Символ: журнал христианской культуры, основанный Славянской библиотекой в Париже. Париж ; Москва : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. Т. 56. 292 с.
3. Марион Ж.-Л. Насыщенный феномен // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. М. : Академический проект, 2014. С. 63–99.
4. Marion J.-L. Being Given : Toward a Phenomenology of Givenness. Stanford University Press, 2002. 431 p.
5. Marion J.-L. God Without Being. University of Chicago Press, 1991. 258 p.

6. Марион Ж.-Л. Перекрестья видимого. М. : Прогресс-Традиция, 2010. 176 с.
7. Мерло-Понти М. Око и дух. М. : Искусство, 1992. 63 с.
8. Флоренский П. Обратная перспектива // Иконостас: Избранные труды по искусству. СПб. : Русская книга, 1993. С. 175–282.
9. Успенский Б.А. К исследованию языка древней живописи // Жегин Л.Ф. Язык живописного произведения. М. : Искусство, 1970. С. 4–35.
10. Мерло-Понти М. Сомнения Сезанна // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. М. : Академический проект, 2014. С. 102–118.
11. Levinas E. Reality and its Shadow // The Continental Aesthetics Reader / ed. by C. Cazeaux. Routledge, 2000. P. 136–147.

References

1. Sholokhova, S.A. & Yampol'skaya, A.V. (2014) Predislovie sostaviteley [Preface by the compilers]. In: Sholokhova, S.A. & Yampol'skaya, A.V. (eds) *(Post)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami* [(Post)phenomenology: new phenomenology in France and beyond]. Moscow: Akademicheskiy projekt. pp. 3–10.
2. Marion, J.-L. (2009) *Idol i distantsiya* [The idol and distance]. Translated from French G. Vdovinoi. In: *Simvol: zhurnal khristianskoy kul'tury, osnovannyi Slavyanskoy bibliotekoy v Parizhe* [Symbol: journal of Christian culture founded by the Slavic Library in Paris]. Vol. 56. Paris; Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas.
3. Marion, J.-L. (2014) The saturated phenomenon. In: Sholokhova, S.A. & Yampol'skaya, A.V. (eds) *(Post)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami* [(Post)phenomenology: new phenomenology in France and beyond]. Moscow: Akademicheskiy projekt. pp. 63–99. (In Russian).
4. Marion, J.-L. (2002) *Being Given: Toward a Phenomenology of Givenness*. Stanford University Press.
5. Marion, J.-L. (1991) *God Without Being*. University of Chicago Press.
6. Marion, J.-L. (2010) *The Crossing of the Visible*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russian).
7. Merleau-Ponty, M. (1992) *Eye and Mind*. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).
8. Florenskiy, P. (1993) Obratnaya perspektiva [Reverse Perspective]. In: *Ikonostas: Izbrannye trudy po iskusstvu* [Iconostasis: Selected Works on Art]. Saint Petersburg: Russkaya kniga. pp. 175–282.
9. Uspenskiy, B.A. (1970) K issledovaniyu yazyka drevney zhivopisi [Towards a Study of the Language of Ancient Painting]. In: Zhegin, L.F. *Yazyk zhivopisnogo proizvedeniya* [The Language of the Painting]. Moscow: Iskusstvo. pp. 4–35.
10. Merleau-Ponty, M. (2014) Cezanne's Doubts. In: Sholokhova, S.A. & Yampol'skaya, A.V. (eds) *(Post)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami* [(Post)phenomenology: new phenomenology in France and beyond]. Moscow: Akademicheskiy projekt. pp. 102–118. (In Russian).
11. Levinas, E. (2000) Reality and its Shadow. In: Cazeaux, C. (ed.) *The Continental Aesthetics Reader*. Routledge. pp. 136–147.

Информация об авторе:

Суханова О.А. — аспирант Школы философии и культурологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); ведущий редактор отдела научно-библиографической информации Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: o.skhnv@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.A. Sukhanova, postgraduate student, HSE University (Moscow, Russian Federation); senior editor, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: o.skhnv@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.11.2023;
одобрена после рецензирования 09.04.2024; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 13.11.2023;
approved after reviewing 09.04.2024; accepted for publication 30.04.2024.

Научная статья
УДК 294.3
doi: 10.17223/15617793/501/9

Специфика концепции реальности в тибето-монгольской махаяне

Ирина Сафроновна Урбанаева¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук,
Улан-Удэ, Россия, greentarabaikal@yandex.ru

Аннотация. Проведен анализ онтологического содержания мадхьямаки Нагарджуны, являющейся философской базой махаянского буддизма в тибето-монгольской традиции. В фокусе внимания – проблема интерпретации доктрины шуньяты и пратитья-самутпады, а также связь пустоты и зависимого возникновения в тексте «Муламадхьямака-карики» (ММК). Анализ тибетоязычных первоисточников (ММК и комментарии к ММК прасангиков Буддапалиты, Чандракирти, Чже Цонкапы и др.) приводит к основному выводу: в мадхьямаке пустота от самобытия и зависимое возникновение – это не две реальности и не два ее уровня, и мадхьямака не сводима ни к нигилизму, ни к релятивизму. Это два разных онтологических реверса, которые не противоречат друг другу, не тождественны, но согласуются в сотериологической перспективе.

Ключевые слова: реальность, онтология, Дхарма, пустота от самобытия, зависимое возникновение, нигилизм, таковость, конструкт

Источник финансирования: работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии (с периода распространения буддизма до современности: Россия – XVIII–XXI вв.; Китай – II–XXI вв.; Тибет – VII–XXI вв.; Монголия – XVI–XXI вв.)» № 121031000261-9).

Для цитирования: Урбанаева И.С. Специфика концепции реальности в тибето-монгольской махаяне // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 75–84. doi: 10.17223/15617793/501/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/9

Specifics of the concept of reality in the Tibetan-Mongolian Mahayana

Irina S. Urbanaeva¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, Russian Federation, greentarabaikal@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the ontological meaning of emptiness (*śūnyatā*) and its connection with dependent origination (*pratītyasamutpāda*) in Nagarjuna's Madhyamaka. In his main philosophical treatise *Mūlamadhyamakakārikā* (MMK), Nagarjuna (150–250) argues that the ultimate meaning of Buddha's Teachings is expressed in the Prajñāpāramitā sutras – in the doctrine of emptiness from the self-existence (*svabhava*) of all objects. This teaching of absolute meaning is explained in MMK in a laconic, paradoxical and overwhelming form. The negative pathos of MMK gives rise to many discussions and interpretations. Particularly common are nihilistic interpretations of MMK. Researchers also find it very difficult to understand the connection between “emptiness” and “dependent arising”. The author, relying on Tibetan texts (Mahayana sutras, MMK, commentaries on MMK written by Prāsaṅgika (a sub-school of the Madhyamika philosophical school) philosophers – Buddhapālita (c. 470–540), Chandrakīrti (b. a. 600 AD) and the great Tibetan scholar and yogi Je Tsongkhapa (1357–1419), et al., through ontological analysis establishes the specifics of the understanding of reality by Nagarjuna. Madhyamaka is not a project of fundamental ontology (metaphysical theory of being). Ontology in Madhyamaka pursues a soteriological goal. It denies the existence of a true (substantial) reality. Madhyamaka is characterized by the following: (1) Emptiness is justified from self-existence, or self-emptiness, the absence of self-existent nature = self = essence in objects. Self-emptiness is recognized as their suchness – the absolute truth, and its direct comprehension serves as a way of radical exit from saṃsāra. (2) The concepts and conventions of the world, including the doctrine of *pratītyasamutpāda*, serve as clever tricks for gradually teaching emptiness. Dharma as a Path to liberation is explained based on two truths. The emptiness of self-existence, as an absolute truth, is consistently combined in the process of learning (the Path) with relative truth = dependent origination. (3) The mind, afflicted with kleśas (*kleśa*), clings to mental fabrications (constructs) as reality. “True reality” or “self-existence” is identified as the object of negation and is eliminated in the process of directly realizing emptiness. In the Tibetan-Mongolian Mahayana concept of reality, which is based on Madhyamaka, absolute truth (self-emptiness) and relative truth (dependent origination) are not two realities or realms, but are two ontological reversals of each object: these are two ontological perspectives. They form a specific unity, but each performs its own

soteriological function: emptiness is a perspective in which innate and acquired clinging to self, essence, etc. is eliminated. Dependent origination is a perspective in which things exist not substantially, but nominally. Their unity explains the possibility of action (*karma*), liberation, enlightenment without the influence of harmful distorting factors of perception. Both nihilistic and relativistic interpretations of the Madhyamaka concept of reality are erroneous.

Keywords: reality, ontology, Dharma, emptiness of self-existence, dependent origination, nihilism, suchness, construct

Financial support: The study was conducted as part of state assignment No. 121031000261-9.

For citation: Urbanaeva, I.S. (2024) Specifics of the concept of reality in the Tibetan-Mongolian Mahayana. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 75–84. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/9

Предметом статьи является онтологический смысл *пустоты* (*шуньята*; stong-pa-ntid)¹ и ее связь с *зависимым возникновением* (*пратитья-самутпада*; rten'brei-'byung-ba) в учении, которое было проповедано Буддой Шакьямуни в сутрах Праджняпарамиты (учение Второго Поворота Дхармачакры) и получило объяснение в сочинениях по мадхьямаке² великого индийского мыслителя и йогина Нагарджуны (150–250). Мадхьямака, главным текстом которой является его сочинение «Mūlamadhyamakakārikā» (ММК), на протяжении двух тысячелетий продолжает вызывать к себе огромный интерес и является объектом философской полемики как на Востоке, в том числе внутри буддизма, так и на Западе. Наиболее корректные комментарии ММК были даны последователями Нагарджуны, ставшими основоположниками подшколы мадхьямики³, называемой прасангика (Буддапалита, Чандракирти). Эта классическая линия интерпретации мадхьямаки была продолжена выдающимся тибетским философом и реформатором буддизма Чже Цонкапой (1357–1419). Во многом благодаря ему мадхьямака была осознана в Тибете и монгольском мире как высшая форма буддийской философии. Эта индо-тибетская философская традиция стала господствующей в Тибете и монгольском мире, и основанную на ней систему буддизма мы называем тибето-монгольской махаяной. Предпринимаемый в статье анализ нацелен на установление специфики буддийской онтологии, выраженной в учении Праджняпарамиты, получившей подробную презентацию в мадхьямаке и имеющей своим основным содержанием связь *пустоты* и *зависимого возникновения*.

В мировой философии термин «реальность» (от лат. *realis* – вещественный, действительный) обозначает все «то, что действительно существует», и указывает на онтологический статус вещей как *истинно существующих*, в отличие от ложных видимостей, таких как мираж, фантазии, иллюзии и т.п. Синонимы слова «реальность» в западной философии – «сущее», «бытие», «мир», «существование». Термин «реальность», или «существование», имеет соответствие в индо-тибетской буддийской философии: это термин *бхава* (yod-pa). Но сама буддийская концепция реальности, изложенная в сутрах Праджняпарамиты и текстах по мадхьямаке, кардинально отличается от концепции реальности в западной философии. В европейской традиции реальность и возможность ее достоверного познания как философская проблема ставилась, как известно, в рамках разных систем мысли. Это происходило в Античности (скептицизм Пиррона, Тимона, Энесидема, Агриппы, Сект-Эмпирика), в Новое

время (эмпиризм Бэкона, Гоббса и сенсуализм Локка), когда чувственный опыт стал считаться первичным и (или) основным источником познания. Проблема была заострена в субъективном идеализме Беркли, который объявил чувственное восприятие границей бытия и выразил скептицизм в отношении объективной реальности. Скептицизм Декарта относительно эмпиризма и мистицизма и попытка рационалистического обоснования «реальности» привели его к усмотрению абсолютного принципа знания в непосредственном самосознании человека – «*cogito ergo sum*» как критерии достоверной реальности. Посткартезианские размышления о мире как видимости, доставляемой нам органами чувств и сознанием, и о том, что реальность есть нечто в принципе сомнительное, возбудили интерес западных мыслителей к трансцендентальной субъективности и вызвали к жизни феноменологический подход. Кант заключил, что объективная реальность существует, но трансцендентна и непознаваема – «вещь-в-себе». Его критическая философия сделала попытку остановить дурную бесконечность метафизических исканий истины о реальности, ограничив притязания на истину со стороны «теоретического разума», не поколебав при этом основания самой метафизики, поскольку не было даже сомнения в существовании «вещей-в-себе». Гуссерль вслед за Кантом пришел к выводу: «...познание есть, вероятно, только человеческое познание, привязанное к человеческим интеллектуальным формам, неспособное постичь природу самих вещей, вещь в себе» [1. С. 80].

Из четырех буддийских философских школ (вайбхашика, саутрантика, йогачара, мадхьямика) мадхьямика, в особенности ее подшкола прасангика, непримиримо отвергает все философские воззрения, претендующие на истину о реальности. Но мадхьямака вовсе не является разновидностью агностицизма и скептицизма в западном «формате», хотя исследователи усматривают параллели между ними и мадхьямакой, особенно учением Нагарджуны о пустоте. Так, например, Энтони П. Ианнини видит «некоторые интересные параллели между достижением атараксии⁴ пирронистами и достижением нирваны буддистами» [2]. В действительности это весьма поверхностные сходства: онтология *пустоты* и *нирваны* в буддизме значительно отличаются как от скептицизма Пиррона, так и от более поздних западных концепций реальности и методов обоснования достоверного знания о ней. Буддийская концепция реальности выражена Буддой в Праджняпарамите – учении о «запредельной мудрости» и представлена Нагарджуной в ее наиболее глубоком смысле в

ММК, где опровергаются все философские концепции, **утверждающие истину о реальности**.

В целях установления ее сути и специфики необходимо исследование онтологической связи между *пустотой* и *зависимым возникновением* в мадхьямаке. Основными первоисточниками для онтологического анализа мадхьямаки в статье служат тибетские тексты махаянских сутр, ММК и комментарии к ММК, написанные индийскими прасангиками (Буддапалита, Чандракирти) и Чже Цонкапой, «Бодхичарьяватара» Шантидевы, а также другие труды Нагарджуны и Цонкапы и тибетская устная комментаторская традиция⁵.

В «Сутта-ниппате», «Ланкаватарасутре» и некоторых других сутрах содержится прямая критика в адрес «философов» и «философии». Против какой философии был Будда? Опираясь на содержащееся в указанных выше первоисточниках объяснение *пустоты*, *зависимого возникновения* и связи между ними, можно установить, что так называемый антифилософский замысел Будды и опровержение Нагарджуной в ММК всех философских воззрений вовсе не направлены против философии и концепции реальности вообще. Они направлены против определенного типа философствования, базирующегося на предпосылке об **истинном существовании реальности, сущего, мира** и т.п., т.е. на предположении о субстанциональности бытия. Именно мадхьямики (Нагарджуна, Арьядева), в особенности прасангики (Буддапалита, Чандракирти, Цонкапа), объяснили, что Будда был против систематической философии (*дришти*, *даршана*) – учений, **утверждающих** некую систему воззрений относительно реальности. Это система реифицирующих (субстанциалистских) концептов, которым приписывается эпистемологический статус достоверного знания об «истинной реальности», субстанциональное существование которой не подвергается сомнению. В отличие от систематической философии, буддийская философия – это **сотериологическая философия**. Целью мадхьямаки не является фундаментальная онтология в смысле некой метафизической теории бытия, и она не преследует цель все более совершенствующегося познавательного проникновения в глубины реальности/сущего/мира, как это характерно для представлений западной философии и науки о соотношении абсолютной и относительной истины. Более того, она отрицает существование субстанциональных глубин, уровней, сфер реальности. Для нее характерны следующие отличительные моменты:

1) Обоснование *пустоты от самобытия* всех объектов (*дхарма*; *chos*), т.е. отсутствия у них самосущей природы=самости=сущности. **Пустота-рантонг** (*gang-stong*), или **самопустота**, признается их **таковостью** (*tam-twa*; *de-kho-na-nyid*) – абсолютной природой, и именно прямое постижение самопустоты служит способом радикального выхода из сансары, циклов рождений под властью нечистой кармы и ментальной скверны.

2) Для большинства людей невозможен *мгновенный путь*⁶ освобождения, поэтому онтологические концепции и конвенции мира служат *искусными уловками* (*upaya kauśalya*; *thabs*) для **постепенного** обуче-

ния *пустоте*. Дхарма как путь освобождения от сансары объясняется при опоре на две истины: *таковость*=*пустота от самобытия* объясняется в сочетании с относительной истиной=зависимым возникновением.

3) *Истинная реальность* – это **конструкт**, сфабрикованный ошибочным мировосприятием. За него цепляется ум, пораженный *клешами*. Этот онтологический конструкт нужно *разоблачить*, т.е. точно идентифицировать **объект отрицания** посредством **абсолютного анализа** и **отбросить в процессе прямого постижения пустоты**. Поэтому отличительной чертой того типа сотериологической философии, который был характерен для Будды, Нагарджуны, Чандракирти, Цонкапы, является **деконструктивная активность**.

Доктрина *пустоты* (*шуньявада*), учение так называемого конечного=абсолютного смысла (*ниртарха*; *nges-don*), которое Будда Шакьямуни проповедовал в сутрах Праджняпарамиты, подробно объясняется Нагарджуной в его ММК и в комментариях к ММК, принадлежащих перу Буддапалиты (ок. 470–540), Чандракирти (р. ок. 600 г. н. э.), Цонкапы. Она как раз направлена против небуддийских философских концепций, которые варьируются в широком интервале реалистических онтологий, а также и против воззрений тех буддийских философских школ (вайбхашика, саутрантика, йогачара, мадхьямика-сватантрика), которые в разной степени сохраняют субстанциалистские предпосылки в своей онтологии. Однако то, что она направлена и против онтологической крайности нигилизма, вовсе неочевидно. Более того, *шуньявада* в презентации Нагарджуны и особенно прасангиков часто принимали в прошлом за нигилистическое учение. Есть и современные исследователи, которые ошибочно отождествляют пустоту с *ничто* (*nothingness*): например, Э. Бюрнуф говорил о «схоластическом нигилизме» Нагарджуны, о его «радикальном нигилизме» пишет Т.П. Лифинцева [5], Шаойон Е. (Shaoyong Ye) – об «эпистемологическом нигилизме» [6] и т.д. Этой ошибки не избегают и индийские историки философии. Например, С. Дасгупта пользовался термином «*nothingness*» для перевода санскритского понятия *шуньята* при описании учения Нагарджуны [7. Р. 149]. Правда, его понимание мадхьямаки как нигилистического учения является философски утонченным, и он пытался объяснить, каким образом нагарджуновский «нигилизм» выполняет сотериологическую функцию. Вот что он писал: «...нигилистическая доктрина направлена на разрушение неуместной уверенности людей в истинности вещей. Те, кто действительно мудр, не находят ничего ни ложного, ни истинного, ибо для них ясно, что они вообще не существуют, и они не утруждают себя вопросом об их истинности или ложности. Для того, кто знает это, не существует ни трудов, ни циклов рождений (сансара), а также он не беспокоится о существовании или не-существовании каких-либо явлений <...> Тот, кто посредством своего ложного знания (випарьяса) не постигает ложность всех явлений, но считает их реальными, действует и страдает от циклов перерождения (сансары). Как и все иллюзии,

хотя эти видимости и ложны, они могут принести весь вред перерождения и печали» [7. Р. 150].

Чтобы понять, почему нигилистические интерпретации мадхьямаки являются ошибочными, следует разобраться, в чем же заключается смысл доктрины *шуньяты*, и какова на самом деле связь *шуньяты* и *пратитья-самутпады* в ММК. Чже Цонкапа в своем обширном комментарии к ММК, который называется «Океан аргументов», подробно объяснил цель и суть мадхьямаки как воззрения, срединного между онтологическими крайностями абсолютизма и нигилизма, и в особенности связь пустоты и зависимого возникновения, ошибочно трактуемую даже некоторыми буддистами и, тем более, многими представителями «внешних»⁷ подходов. Цонкапа объяснил здесь, что цель мадхьямаки как наиболее глубокого онтологического выражения Дхармы – это освобождение страдающих живых существ от сансары. Ибо основной смысл Дхармы – это «то, что **держит**, не давая упасть в низшие миры», а смысл выражения “я принимаю прибежище в Дхарме” – это «**удерживание** посредством нирваны от циклического перерождения в форме пяти видов существ» [8. Р. 289–290]. Эта сотериологическая цель достигается благодаря парамите⁸ мудрости, рождающейся из постижения *таковости* (*de-kho-na-pyid*) – подлинного способа существования вещей. Поэтому основное содержание ММК – это объяснение *таковости* всех внешних и внутренних феноменов, включая личность, «я» и «мое». Это и есть доктрина *пустоты* как абсолютной природы вещей. Цонкапа пишет, что все учения Будды являются *искусными уловками*, прямо или косвенно служащими порождению такой мудрости или ее стабилизации и совершенствованию.

Итак, обратимся к смыслу доктрины *пустоты* в ММК. В отличие от других буддийских философов, которые тоже вслед за Буддой проповедовали *пустоту* как *абсолютную истину*, но понимали ее по-своему, в разной степени сохраняя за нею позитивное содержание⁹, Нагарджуна писал в ММК (XIII, 8): «Все Победители говорили, что пустота / Есть отречение от всех воззрений. / Тем, у кого есть воззрение пустоты, / Ничего не достичь. /» [10. Р. 18]. Здесь Нагарджуна как раз выражает ту самую «антифилософскую» позицию, что и у Будды: доктрина *пустоты* не является *систематической философией*, ибо она не является утверждающей или дескриптивной онтологической доктриной. Сам Будда в «Сутре, испрошенной Кашьяпой» говорил: «...если пустота, являющаяся тем, что устраняет все воззрения, стала воззрением, тогда, Кашьяпа, как я объяснил, тот, кто видит только пустоту, не может быть излечен» (*Kon brtseg cha 132b*; цит. по: [8. Р. 252]). Таким образом, доктрина *шуньяты* – это онтологическая доктрина, выполняющая сотериологическую функцию, а *пустота* – это **феномен отрицания**, и отрицание в феномене «пустота» – это **неутверждающее отрицание**¹⁰. Цонкапа поясняет в своем комментарии к этой строфе ММК: «Поэтому это простое устранение фиксации на воззрении об истинном [существовании]. Простое устранение не является также существующим самосущим способом» [8. Р. 251]. Иначе говоря, имеет место *пустота пустоты* (*шуньята шуньята*; *stong-pa-nyid*

stong-pa-nyid): *пустота* не является некоей истинной, или абсолютной, реальностью или ее доменом. Учитывая этот негативный смысл *пустоты*, мадхьямики, в особенности прасангики, объясняют, что считать *пустоту* *воззрением* или использовать понятие «воззрение пустоты» в том же смысле, в каком имеются в виду воззрения, основанные на субстанционалистских предпосылках, является ошибкой, потому что в этом случае имеет место фиксация на пустоте как вещи (сущности). Иначе говоря, было бы ошибкой цепляться за самосущее бытие пустоты. Но в литературе мадхьямиков-прасангиков используется выражение «правильное воззрение». Оно относится к корректному пониманию смысла пустоты как не-аффирмативного отрицания.

Нагарджуна изложил конечный смысл буддийской онтологии как радикальное опустошение *истинной реальности*: его критический метод устраняет фиксацию на концепте *реальности*, существующей объективно и независимо от мысленного обозначения. Но это – не нигилизм, ибо пустота объясняется в единстве с зависимым возникновением, понимаемым на самом глубоком уровне как номинальная зависимость – зависимость от обозначения¹¹. Пустота как абсолютная истина в интерпретации Нагарджуны – это феномен отрицания. Как таковой этот феномен является онтологическим фактом, трактуемым в единстве с *зависимым возникновением*, которое кратко выражается формулой Нагарджуны «если есть *это*, то есть *то*». Однако что касается понимания связи *пустоты* и *зависимого возникновения*, то часто пустоту сводят к зависимому возникновению и даже отождествляют их, а мадхьямаку считают доктриной относительности, полагая *пратитья-самутпаду* высшей философской доктриной буддизма. Так, например, Ф.И. Щербатской в «Концепции буддийской нирваны» утверждал, что «можно перевести слово *śūnya* словом “относительный” или “условный”, а термин *śūnyatā* – “относительность” или “условность”» [12. С. 242]. Другой известный нагарджуновед Д. Калупахана считал, что «просветление Будды заключалось в открытии принципа причинности» и что мадхьямака стала лишь дальнейшим развитием ранней буддийской теории причинности путем выделения в ней одного аспекта – относительности» [13. 156]. Среди новейших попыток отождествления мадхьямаки с доктриной относительности можно назвать подход буддолога новозеландского происхождения, принявшего монашество в китайской традиции – Ши Хуйфена, который на основе анализа представлений о *шуньяте* в палийских, санскритских и китайских источниках утверждает, что пустота – это всего лишь само зависимое возникновение, а мадхьямака Нагарджуны не представляет ничего нового в сравнении с пониманием *шуньяты* в раннем буддизме [14]. Американский историк китайской философии и махаяны Тао Цзян утверждает, что Нагарджуна «принимает радикальную концепцию условной реальности, которая является для него единственной реальностью», а *пустота* – лишь методологическое средство для очищения условной реальности от «генных сущностей» [15. Р. 26]. Джей Гарфилд и Грэм Прист формулируют аналогичную точку зрения с той разницей, что,

по их мнению, Нагарджуна зашел далее, чем кто-либо, в отождествлении двух реальностей и восстановлении авторитета конвенционального [16]. Также и некоторые российские буддологи отождествляют пустоту и зависимое возникновение. Так, А.А. Терентьев определяет пустоту как «взаимообусловленность явлений», как «всеобщую взаимозависимость», как «взаимозависимое возникновение и взаимозависимое существование всех и вся» [17. С. 425, 428]. По мнению А.М. Донца, «главным», «высшим» учением Будды, «его сутью» является доктрина зависимого возникновения (см.: [18. С. 6, 187]). Но разве тем самым буддийская философия не рассматривается как разновидность релятивизма? Получается, что и главный авторитет тибето-монгольской махаяны Чже Цонкапа придерживался релятивистского понимания Учения Будды, если говорить о его «Хвале [Будде за учение о] зависимом возникновении» (rTen-'brel-bstod-pa-bzhugs-so)? Александр Берзин, ссылаясь как раз на этот текст, утверждает: «Одним из самых великих прозрений Цонкапы было понимание того, что пустотность (пустота) означает зависимое возникновение, а зависимое возникновение означает пустотность» [19]. В действительности, как показывает наш анализ, понимание Чже Цонкапой связи пустоты и зависимого возникновения в ММК Нагарджуны все же отличается от утверждений об их тождестве. О тождестве пустоты и зависимого возникновения можно говорить лишь в весьма специфическом смысле, характерном для мадхьямики-прасангики, но не в смысле интерпретаций, даваемых другими буддийскими философскими школами и подшолами и тем более носителями небуддийских взглядов.

Для понимания аутентичной онтологической позиции Будды, Нагарджуны и прасангиков и смысла пустоты в их учении о реальности принципиальное значение имеет комментарий «Океан аргументов». В нем Чже Цонкапа объясняет, что сам Будда дал инструкцию о том, как различить его учение конечного=абсолютного смысла (*ниртхы*; nges-don), постижение которого ведет к нирване и просветлению, от множества учений условного=относительного смысла (*неяртхы*; drang-don), которые были преподаны им в качестве вспомогательных средств, *искусных уловок*, подготавливающих ум к постижению учения окончательного смысла. Нагарджуна, различая учения Будды относительного смысла, являющиеся *искусными уловками*, и учения Будды, содержащие конечный онтологический смысл, опирался на критерий, указанный Буддой Шакьямуни в «Самадхираджа-сутре» и «Акшаяматинирдеша-сутре» [8. Р. 275]. Согласно этому критерию, те учения Будды имеют окончательный смысл (nges-don), которые эксплицитно выражают отсутствие у всех вещей, объектов достоверного познания, *свабхавы* (rang-bzhin) – самосущего бытия, собственной природы, объективной реальности, собственных характеристик, благодаря которым они могли бы быть *истинно существующими*, или *самоустановленными* (bden-par-yod-pa, bden-par-grub-pa). В конце комментария к главе XV ММК Цонкапа пишет: «Смысл понятия “не-существование реального” равнозначен смыслу понятия “отсутствие самобытия”» [8. С. 276]. Однако

следует понимать, что приравнивание Цонкапой пустоты, т.е. отсутствия самобытия, к «не-существованию реального», вовсе не означает, что Цонкапа приписывает Нагарджуне уничтожение реальности вообще. Он далек от нигилистической интерпретации мадхьямаки, а лишь объясняет, что Нагарджуна, говоря, что «нет сущего» (dngos-po-med-pa), опровергает субстанционалистские утверждения о сущем=реальном как *истинно существующем* и *самоустановленном к бытию* – силою собственной сущности, природы и т.п.

Нагарджуна в ММК (XVII, 33) написал: «Клеши, кармы, тела, / Деятели и результаты / Подобны городу гандхарвов, / Они – **как** мираж и сновидение» [10. Р. 24]. Эту строфу можно понять в нигилистическом смысле, что Нагарджуна считал весь воспринимаемый мир иллюзией, чем-то не существующим реально, *майей*. И такие интерпретации – распространенное явление. Но Нагарджуна не был нигилистом, он не утверждал, что «это – **мираж и сновидение**», а говорил: «**как мираж и сновидение**». Он **уподоблял** реальность, воспринимаемую обычными существами, иллюзорному городу гандхарвов в том смысле, что воспринимаемые вещи имеют видимость *истинно существующих, само-установленных*, и существа цепляются за эту видимость, хотя она является ложной по причине врожденного *омраченного неведения*, служащего корнем сансары – несвободного циклического бытия в шести уделах. Подлинный онтологический статус всех вещей, их *таковость*, есть пустота от самобытия (rang-bzhin-stong-nyid), и это – факт, полностью противоположный обычному восприятию вещей. Этот факт большинством людей не может быть принят без длительной ментальной подготовки, поэтому учение конечного смысла преподается, как объяснил Цонкапа, по системе *направляющих инструкций, постепенно и при опоре на мирские конвенции*. Поэтому, как объясняли Нагарджуна и Цонкапа, Будда учил Дхарме, опираясь на две истины – абсолютной и относительной.

Те учения, которые постулируют посредством языковых конвенций существование вещей, имеют относительный смысл, нуждающийся в интерпретации (drang-don). Только учение о пустоте в смысле **пустоты от самобытия (rang-stong)** имеет окончательный смысл, все остальные онтологические утверждения, высказанные Буддой и ставшие источником других, помимо мадхьямики, философских школ, являются искусными уловками, подготавливающими ум духовно незрелых учеников к пониманию окончательного смысла – самопустоты всех объектов. Учения о том, как вещи существуют, являющиеся на самом деле онтологическими преувеличениями и имеющими условный смысл, Будда преподавал из сострадания к ученикам, страшась пустоты, которая внушала им чувство онтологической бесприютности и отсутствия прочной основы бытия. Большинство учеников были не готовы понять его учение конечного смысла – о пустоте-рантонг. Поэтому Будда использовал онтологические концепции о сущем, легшие в основу абхидхармистской метафизики. Согласно комментарию Цонкапы, все проповеданные Буддой учения условного смысла – это средства, постепенно

«обеспечивающие доступ к нектару *таковости*» [8. Р. 320].

Таковость (de-kho-na-nyid) – это, согласно определению, данному в главе XVIII, есть «полное устранение всех форм цепляния за внешние и внутренние феномены как за “я” и “мое” посредством не-видения всех внешних и внутренних вещей» [8. Р. 306]. **Не-видение** (ma-dmigs-pa) означает «необъективация», «невосприятие», т.е. состояние пресечения всех концептов относительно реальности. Это состояние медитативного инсайта. Цонкапа пишет: «Итак, пустота есть *таковость*. Посредством медитации на пустоту она напрямую постигается. Когда в конце медитации исчезают семена клеш, то именно эта пустота совершенного пресечения концептуальных фабрикаций называется освобождением и нирваной» [8. Р. 313]. Обучение пустоте, согласно Будде, Нагарджуне и прасангикам, происходит посредством концепций, но реализация пустоты посредством медитации – за пределами языка и концепций. При постепенном обучении пустоте необходимо опираться на мирские конвенции – относительную истину, чтобы ученики не впали в крайность нигилизма. Но, как подчеркивал Буддапалита, «те, кто желает узреть *таковость*, не должны устремляться к тому, что было проповедано в зависимости от мирских конвенций...». (Buddhapalita 244a–245a. Цит. по: [8. Р. 320]). Таким образом, когда практик Дхармы приступает к постижению *таковости*, от применения этих конструктов и любых концептуализаций реальности следует воздержаться, ибо «то, что выражено в языке, подлежит отбрасыванию». Цонкапа комментирует: «Когда лекарство безобочного постижения смысла пустоты излечит ментальное око, зародится незапятнанная “катарактой” неведения мудрость *таковости*. В это время ученик посредством метода не-видения никакой измышленной видимости сам постигает *таковость*» [8. Р. 321]. При таком подходе к обучению пустоте существа, еще не обретшие такую мудрость, хотя и не способны еще постичь *таковость* посредством устранения двойственной видимости, «не могут не понять абсолютный смысл – пустоту от самосущего бытия». Затем посредством длительной – на пути сутр – медитации на пустоту происходит очищение сознания от *клешной* загрязненности. Впрочем, с применением методов тантр, особенно из класса Махааннутара-йога-тантры, этот процесс значительно ускоряется, если практикующий породил в своем сердце спонтанную *бодхичитту* – устремленность к просветлению ради блага всех живых существ. Хотя для учеников с выдающимися духовными данными *бодхичитта* может быть порождена методом Нагарджуны/Шантидевы на основе мудрости постижения *таковости* – пустоты-рантонг, для подавляющего большинства людей она культивируется посредством метода Асанги, основанного на относительной истине – доктрине зависимого возникновения, аспектом которого является причинно-следственная связь. Таким образом, *зависимое возникновение* – мирские конвенции и соглашения относительно реальности, в том числе представления о возникновении, существовании и разрушении¹², – будучи условной/относительной истиной, используется как в процессе постепенного

обучения пустоте, так и в процессе культивирования бодхичитты. Радикальным средством спасения всех живых существ от страданий является, как говорил Шантидева (VIII в.), именно бодхичитта. Он писал в философской поэме «Бодхичарьяватара» (III: 31–32), что бодхичитта – «это универсальная опора, / Что в состоянии спасти всех существ от пропасти дурных уделов... / Это луна, восходящая в разуме для того, / Чтобы успокоить муки существ, пораженных клешами», «Бодхичитта – это великое солнце, что очищает искаженное восприятие существ / И радикально устраняет их неведение» [20. С. 97]. Речь идет об абсолютной бодхичитте – прямом постижении пустоты с мотивацией достижения просветления ради блага всех живых существ. В абсолютной бодхичитте соединяются оба аспекта Пути: мудрость (абсолютный аспект) и метод (относительный аспект). Практики относительной и абсолютной бодхичитты являются квинтэссенцией всего махаянского Пути, и Е.С. Далай-лама XIV рекомендует их своим последователям в качестве всеобъемлющей йоги для ежедневного духовного тренинга¹³.

Здесь может возникнуть вопрос: если страдания и их источник – клешы и загрязненная из-за них карма – не имеют истинного существования, то зачем нужно стремиться к освобождению от страданий? С точки зрения Нагарджуны, Шантидевы и прасангиков, то, что страдания не реальны в смысле отсутствия у них самобытия, не означает, что они не существуют. Они **существуют**, хотя и не субстанционально, а *подобно иллюзии*. Но это **не иллюзии**. Страдающие живые существа существуют, сансара, удел печали, существует. Именно поэтому страдание должно быть устранено, а живые существа – освобождены из циклов несвободных рождений в уделах сансары. Но, согласно Нагарджуне и его комментаторам-прасангикам, ни сансара, ни нирвана, ни даже Татхагата не имеют самосущего бытия. Понимание их пустоты в смысле *рантонг* устраняет цепляние за их субстанциональное существование и одновременно делает возможным и освобождение, и просветление. А если бы они имели субстанциональное бытие, если бы они имели собственную сущность, внутреннюю природу, тогда как раз невозможны были бы для них ни нирвана, ни состояние будды. Это подчеркивают Нагарджуна в ММК и Цонкапа в «Океане аргументов». Цонкапа пишет, что «вообще во всех главах ММК содержатся сокрушительные доводы против существования объекта таким способом, как за него цепляется заблуждающийся ум, и благодаря этому устраняется цепляние субъекта за него» [8. Р. 307]. Нагарджуна подробно рассматривает феномены, имеющие зависимое возникновение, и доказывает, что все они пусты от самобытия. И даже сама пустота, как феномен, пуста от самобытия. Таким образом, *пустота* – это *таковость*=*дхармата* (chos-nyid), но не некая метафизическая сфера, не нечто трансцендентное миру, воспринимаемому живыми существами. Пустота – это онтологический реверс, или перспектива, в которой исчезает врожденное искаженное восприятие живыми существами самих себя и внешнего мира как имеющих самобытие, а также исчезает цепляние за ложное чувство «я» и «мое», за желанные объекты, ложные воззрения, ложную нравственность.

Нагарджуна об этом писал так в ММК (XVIII: 5): «Через истощение кармы и клеш [приходит] освобождение. Карма и клеши [приходят] из концептуализаций. А концептуализации – из ментальной игры (активности). Они пресекаются **посредством пустоты**» [10. Р. 25]. То есть пустота-рантонг – это радикальный сотериологический инструмент для достижения освобождения. Но чтобы выполнить эту функцию, пустота всех объектов должна быть постигнута как онтологический факт. Относительная истина, т.е. конвенции и концепты мира, служат «подпорками», опираясь на которые, ум вначале концептуально, а затем напрямую постигает смысл пустоты-рантонг. Когда практик погружается в медитативное равновесие, однонаправленно концентрируясь на смысле пустоты – неаффирмативном отрицании любой сущности, природы, самости всех вещей, включая «я» и «мое», – эти «костыли» относительной истины отбрасываются.

Доктрине пратитья-самутпады отводится центральное место в буддийской философии как раз по той причине, что без опоры на нее незрелые умы не в состоянии постичь пустоту-рантонг, не впадая в нигилизм. Именно поэтому среди всех логических аргументов, доказывающих отсутствие самобытия (*свабхава*; *gang-bzhin*) у всех вещей, довод о зависимом возникновении считается «царем всех аргументов»: это лучшее логическое средство, помогающее концептуальному постижению пустоты-рантонг. Но для точного постижения ее смысла как неаффирмативного отрицания необходима также точная идентификация **объекта отрицания** (*dgag-bya*). Нагарджуна идентифицировал более точно, чем кто-либо другой из буддийских философов, омраченное неведение, являющееся корнем сансары: это не неведение в отношении кармы и ее плодов и не неведение в смысле лишь заблуждения относительно природы реальности. Это ментальная активность цепляния за реальность как субстанционально существующую, истинную реальность (*bden-'dzin-gyi-ma-rig-ra*). Это цепляние имеет врожденную и приобретенную формы. Корнем сансары является имеющееся у всех обычных существ врожденное цепляние за самобытие не только личности, «я» и «моего», но вообще всех феноменов.

Цонкапа писал в «Трех основных аспектах пути», что абсолютная истина (истина радикального «опустошения» *истинно сущего*) и относительная истина (истина условного, или «простого существования» (*yod-ra-tsam*)) не исключают друг друга, а согласуются в «правильном воззрении» – мадхьямаке [21]. А в «Океане аргументов», комментируя ММК, он объяснил, что в конце постепенного Пути и само правильное воззрение отбрасывается, поскольку прямое постижение *таковости* выходит за пределы всех воззрений и возможностей выражения в языке. Что касается вопроса о том, какое учение – о пустоте или о зависимом возникновении – является предметом и главной причиной написания ММК, то здесь мнение Цонкапы несколько отличается от позиции Чандракирти, который в «Прасаннападе» писал, что выраженная в начале ММК хвала Будде за проповедь учения о зависимом возникновении, характеризуемому восемью атрибутами, указывает

на предмет и главную причину написания ММК. В отличие от него, Цонкапа пишет: «Главная причина написания этого трактата заключалась в том, чтобы, устранив непонимание учений, имеющих окончательный смысл, и тех, что нуждаются в интерпретации, [а также] сомнения, вызванные ошибками понимания, и превратные интерпретации этих учений, объяснить предмет с целью проникновения в *таковость* вещей, как они есть» [8. Р. 16]. Таким образом, не зависимое возникновение само по себе, а **пустота независимо возникающих вещей** как их *таковость* = подлинная природа составляет предмет ММК. Иначе говоря, непротиворечивое единство пустоты и зависимого возникновения составляет суть онтологической доктрины Нагарджуны. В «Хвале [Будде за проповедь] зависимого возникновения» Цонкапа пишет: «Вы, Творящий благо, / проповедовали ради исцеления скитальцев сансары / Учение, суть которого – пустота, / несравненное обоснование [пустоты] – / метод зависимого возникновения, / И это является непротиворечивым. / Благодаря этому пониманию Ваша система способна проникнуть в *таковость*. / Когда Вы понимаете пустоту как смысл зависимого возникновения, / То это возможно – быть пустым от самобытия / и также осуществлять действия. Здесь нет противоречия» [22. Р. 271]. И далее в этом же тексте говорится: «Нет никакого самобытия, / Это возникает в зависимости от того. / Нужно ли говорить, что эти два [утверждения], логичные во всех анализах, / Не противоречат друг другу, а согласуются! [22. Р. 273].

Итак, пустота и зависимое возникновение не противоречат друг другу, а составляют единство. Но это единство не есть тождество! Пустота не тождественна зависимому возникновению, а мадхьямака – это не релятивистская философия. Но она не является и разновидностью нигилизма. Поэтому новейшие нигилистические интерпретации, например, подход современного китайского буддолога Шаойона Е (Shaoyong Ye), согласно которому вещи «вообще не существуют, не говоря уже о том, что они возникли» [6. Р. 758], так же ошибочны, как и другие, имевшие место в прошлом. Таким образом, мадхьямака – это не релятивизм и не нигилизм, а, скорее, деконструктивная онтология, выполняющая сотериологическую функцию.

Нагарджуна объяснил открытие Будды: то, что обычно понимается философами в качестве *реальности, бытия, сущего*, на самом деле является, несмотря на все различия в их воззрениях, лишь «*конструктом*» (*spros-ra*), условностью, а не реальностью (*dnegos*) или сущим (*yod-ra*). «Реальность» – это *конструкт*: идея *бытия, сущего, природы, сущности, вещей* и т.д. как чего-то *существующего по природе*, независимо от мысленной фиксации и языкового выражения. Праджняпарамита и мадхьямака установили, что все обычные существа живут в мире собственных *конструктов*, где страдания и счастье тоже есть не что иное как реифицированные идеи, объективации, основанные на ошибочном мировосприятии, полностью противоположном действительному положению вещей – их *пустоте от самобытия*. В этой перспективе все субстанционалистские онтологии и научные концепции,

утверждающие *истинное* существование реальности, насколько бы обоснованными они ни казались, суть лишь *конструкты*, или *относительная истина*. Будда в ответ на метафизические вопросы хранил молчание. Он молчал как раз потому, что ученики, задававшие такие вопросы, были далеки от того, чтобы напрямую постичь глубинный смысл его онтологии – пустоту-*рантонг*, отсутствие самобытия у любых объектов, и тонкую относительную истину – номинальное, или простое, существование. Такие незрелые умы занимают концептуализацией реальности: **сансары** – как **реальности, которую нужно отбросить**, и **нирваны** – как **реальности, которую нужно обрести**. Чже Цонкапа объяснил в авторском колофоне к «Океану аргументов»: «Это Учение (ММК) называется *Дхармой*, потому что *удерживает* от падения в пропасть воззрений, концептуализирующих реальность сансары и нирваны как того, что подлежит отбрасыванию и соответственно – принятию...» [8. Р. 466]. Пустота не была измышлена Буддой или Нагарджуной. Она всегда существовала, но не как некая истинная реальность или особая сфера бытия, а, скорее, как онтологическая перспектива, которая, будучи открыта путем медитации, означает выход за пределы страданий – нирвану. Но нирвана не есть объект *обретения*: это *пресечение* всех ментальных фабрикаций относительно реальности и производных от них *клеш* и *кармы* – источников страданий. И как таковая, нирвана есть не-утверждающее отрицание, т.е. негативный феномен согласно буддийской логике. Тогда как она может быть покоем и высшим счастьем? В устной тибетской традиции (Геше Джампа Тинлей) объясняется, что это подобно тому, как больной, страдающий от сильных болей, испытывает покой, когда боль уходит. Нирвана сама по себе не является покоем и блаженством, но это состояние пресечения всего негативного служит условием ментального покоя и блаженства.

Таким образом, мадхьямака не является ни нигилистическим, ни релятивистским воззрением о ре-

альности. В ее сотериологической концепции реальности абсолютная истина – *пустота от самобытия* – и относительная истина – *зависимое возникновение*, на самом «тонком» уровне являющееся зависимостью от мысленного обозначения, – имеют специфику в сравнении с абсолютной и относительной истинами в небуддийских философских системах, где абсолютная истина представляется окончательно истинной о реальности, как она есть, а относительная истина – как некое приближение к абсолютному знанию о реальности. В мадхьямаке, в отличие от этого, речь идет о двух онтологических перспективах, благодаря правильному разделению и связи которых удастся избежать крайностей дуалистической онтологии. Будда в «Самадхи-раджа-сутре» учил: «“Существование” и “не-существование” – это две крайности, / “Чистое” и “нечистое” – это также две крайности. / Поэтому, полностью отбросив бинарные крайности, / Мудрец не практикует пребывание даже в срединном» (mDo sde da 27a. Цит. по [8. Р. 14]). Цонкапа поясняет: «Этот пассаж учит, что не следует, выполнив отрицание второстепенных крайностей реификации, пребывать в свободной от них срединности, считая ее истинно существующей. Но это не означает, что нет срединности, отбрасывающей все крайности – существование и не-существование, то и другое, ни то ни другое» [8. Р. 14]. Однако и эта срединность как онтологическая позиция не является истинно существующей. В этом смысле мадхьямака может считаться опровержением всякого проекта фундаментальной онтологии. И в этом она сходна с философией Витгенштейна. Но, в отличие от Витгенштейна, стремившегося посредством «лингвистического поворота» к «языковым играм» выполнить терапию познающего разума и решить задачи эпистемологического характера, мадхьямака посредством терапии разума на пути деконструкции субстанционалистской онтологии добивается достижения сотериологических целей буддизма.

Примечания

¹ В круглых скобках курсивом кириллицей даются санскритские термины, латиницей в транслитерации Уайли – тибетские термины.

² Мадхьямака (dBu-ma) – от слова «мадхьяма», означающего «срединность». Суффикс 'ка' указывает на срединный путь (dBu-ma-'i-lam), т.е. срединную позицию, отбрасывающую онтологические крайности. Чже Цонкапа в своем комментарии к ММК («Океан аргументов») приводит объяснение Бхававивеки (VII в. н. э.): та форма названия, в которой есть суффикс 'ка', – «мадхьямака» (dBu-ma), обозначает *философию срединности* (dBu-ma'i-grub-mtha'). Из-за корня слова «мадхьямака» (dBu-ma) шастры о срединности или философию срединности – то и другое – принято называть термином «мадхьямака» (dBu-ma).

³ Мадхьямика (dBu-ma-ra) – «последователь срединности», название философской школы, основоположником которой считается Нагарджуна.

⁴ Атараксия – «безмятежное состояние душевного спокойствия, отмеченное отсутствием попыток познать непознаваемое» [2. Р. 29].

⁵ Имеются в виду публичные и специальные учения, передаваемые Е.С. Далай-ламой XIV Тензином Гьяцо и другими высококвалифицированными тибетскими ламами (Геше Намгьял Вангчен, Геше Джампа Тинлей и др.).

⁶ О мгновенном и постепенном Пути см.: [3, 4].

⁷ В тибетской буддийской литературе «буддист» обозначается термином «paṅ-ra» – «внутренний». Соответственно те, кто не практикует буддийскую Дхарму, относятся к «внешнему».

⁸ Санскр. *парамита*, тиб. *phaṅ-rhūn* – букв. «ушедший на ту сторону», «запредельный», термин, обозначающий качества бодхисаттв, являющиеся *запредельными совершенствами*, т.е. за пределами поведения обычных существ, не имеющих в сердце *бодхичитты* – активной устремленности к состоянию будды ради счастья всех живых существ.

⁹ В тибето-монгольской традиции представления низших философских школ о пустоте называются пустотой-жентонг (gzhan-stong) – *пустотой от другого*. Эта интерпретация пустоты является *утверждающим*, или *аффирмативным*, отрицанием. В мадхьямаке Нагарджуны и прасангике отрицание является *не-утверждающим*, или *не-аффирмативным*, отрицанием: на месте объекта отрицания не утверждается что-то другое. О двух видах логического отрицания см.: [9. Р. 55].

¹⁰ В буддийской логике феномен – это любой объект достоверного познания. Есть два вида феноменов: феномены утверждения и феномены отрицания. См.: [9. Р. 45–58].

¹¹ Зависимое возникновение (*пратитья-самутпада*; *rtēn-'brel-'byung-ba*), лаконично выражаемое формулой Нагарджуны «если есть *это*, то есть *то*», рассматривается в буддизме на трех смысловых уровнях: 1) причинно обусловленное возникновение; 2) возникновение целого в зависимости от частей и 3) возникновение в зависимости от мысленного обозначения [11. С. 100].

¹² Зависимость от языковых конвенций и концептов – наиболее тонкий уровень зависимого возникновения.

¹³ Относительная бодхичитта визуализируется как лунный диск, на нем – вертикально расположенная белая ваджра, символизирующая абсолютную бодхичитту. Они излучают свет во всех направлениях.

Список источников

1. Гуссерль Э. Идея феноменологии: Пять лекций / пер. с нем. Н.А. Артеменко; вступ. ст. и коммент. И.В. Мавринского. СПб. : ИЦ Гуманитарная Академия, 2008. 224 с.
2. Iannini Antoni P. Nāgārjuna's Emptiness and Pyrrho's Scepticism // *Tibetan Buddhist Encyclopedia*. URL: <http://www.tibetanbuddhistencyclopedia.com> (дата обращения: 10.03.2024).
3. Урбанаева И.С. Буддийская философия и практика: «постепенный» и/или «мгновенный» путь просветления. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 420 с.
4. Урбанаева И.С. Буддийская философия и практика. Ч. II: Махаяна и «мгновенный» путь просветления. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. 292 с.
5. Лифинцева Т. П. «Забора» Хайдеггера, «бытие-для-себя» Сартра и буддийская духкха: онтология негативности // *Вопросы философии*. 2015. № 7. С. 184–203.
6. Shaoyong Ye. From Scepticism to Nihilism: A Nihilistic Interpretation of Nāgārjuna's Refutations // *Journal of Indian Philosophy*. 2019. Vol. 47. P. 749–777.
7. Dasgupta S. A History of Indian Philosophy. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University press, 1951. 552 p.
8. Tsongkhapa blo-bzangs-grags-pa. dBu-ma-rtsa-ba'i-tshig-leur-byas-pa-shes-rab-ces-bya-ba'i-rnam-bshad-rigspa'i-rgya-mtsho-zhes-bya-ba-bzhugs-so [Океан аргументов] // *rJe-tsong-kha-pa-chen-po-i-gsung-'bum* [Собрание сочинений Цонкапы]. Vol. 15. Pe cin: khrung-go'i-bodrigs-pa-dpe-skrun-khang Publ., 2012. P. 1–470. (На тиб.).
9. Геше Джампа Тинлей. Буддийская логика. Улан-Удэ : Изд-во «Дже Цонкапа», 2011. 359 с.
10. dPal-mgon-'phags-pa-klu-sgrub (автор – Арья Нагарджуна). dBu-ma-rtsa-ba'i-tshig-le-ur-byas-pa-shes-rab-ces-bya-ba-bzhugs-so (название текста – *Коренные строфы о срединности*: текст, называемый *Мудростью*). Ser-byes-rig-mdzod-chen-mo-gra-tshang (Издатель: великая сокровищница знаний – дацан Сера Дже), 2016. 47 р. (На тиб.).
11. Сутра сердца Победоносной Матери, Ушедшей-За-Пределы Совершенства Мудрости: на основе устных наставлений Геше Джампа Тинля / под ред. И. С. Урбанаевой. Улан-Удэ: Зеленая Тара, 2006. 184 с.
12. Щербатской Ф.И. Концепция буддийской нирваны // *Избранные труды по буддизму*. М. : Наука, 1988. С. 199–262.
13. Kalupahana D.J. The Central Philosophy of Buddhism. Honolulu: The University Press of Hawaii, 1975. Xviii, 265 p.
14. Shi Hüifēng. “Dependent Origination = Emptiness” – Nāgārjuna's Innovation? An Examination of the Early and Mainstream Sectarian Textual Sources // *Journal of the Centre for Buddhist Studies Sri Lanka*. 2013. Vol. XI. P. 1–54.
15. Tao Jiang. Incommensurability of two Conceptions of Reality: Dependent origination and Emptiness in Nāgārjuna's MMK // *Philosophy East & West*. 2014. Vol. 64, № 1. P. 25–48.
16. Garfield Jay L., Priest Graham. Nāgārjuna and Limits of Thought // *Philosophy East & West*. 2003. Vol. 53, № 1. P. 1–21.
17. Терентьев А.А. Тибетский спор о «двух истинах» и квантово-механическая концепция Эверетта-Менского // *Oriental Studies*. 2019. № 3. С. 423–440.
18. Донец А.М. Доктрина зависимого возникновения в тибето-монгольской схоластике. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 268 с.
19. Берзин А. Пустотность означает зависимое возникновение, и наоборот. URL: <https://studybuddhism.com/ru/tibetskiy-buddizm/put-k-prosvetleniyu/pustota-pustotnost/pustotnost-oznachaet-zavisimoe-vozniknovenie-i-naoborot> (дата обращения: 03.03.2024).
20. Śāntideva. Bodhicaryāvatāra: Вступление в практику Бодхисаттв (byang chub sems dpa'i spyod pa la 'jug pa zhes bya ba bzhugs so) / пер. с тиб., примеч. и вступ. ст. И.С. Урбанаевой. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. 327 с.
21. Tsong-kha-pa (автор). Lam-gtso-rnam-gsum [заглавие: Три основных аспекта Пути] // *bsTod-smon-phyogs-bsgrigs* [Сборник молитвенных восхвалений]. Mtsho-sdon-mi-rigs dpe-skrun-khang (изд-во), 1993. P. 113–116. (На тиб.).
22. Tsong-kha-pa (автор) rTen-'brel-bstod-pa-bzhugs-so [Хвала зависимого возникновения] // *Chos-spyod-rab-gsal-skal-bzang-skye-bo'i-mgul-rgyan-zhes-bya-ba-zhugs-so* [Тексты, называемые “Гирлянда блестящих практик удачливых существ”]. 'Bras-spungs-blo-gsal-gling-dpe-mdzod-khang (издатель), 2001. P. 270–279. (На тиб.).

References

1. Husserl, E. (2008) *Ideya fenomenologii: Pyat' lektсий* [The Idea of Phenomenology: Five Lectures]. Translated from German by N.A. Artemenko. Saint Petersburg: ITs Gumanitarnaya Akademiya.
2. Iannini Antoni, P. (n.d.) Nāgārjuna's Emptiness and Pyrrho's Scepticism. *Tibetan Buddhist Encyclopedia*. [Online] Available from: <http://www.tibetanbuddhistencyclopedia.com> (Accessed: 10.03.2024).
3. Urbaneva, I.S. (2016) *Buddiyskaya filosofiya i praktika: "postepennyy" i/ili "mgnovennyy put'"* prosvetleniya [Buddhist Philosophy and Practice: “Gradual” and/or “Instantaneous Path” of Enlightenment]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre SB RAS.
4. Urbaneva, I.S. (2018) *Buddiyskaya filosofiya i praktika* [Buddhist Philosophy and Practice]. Part II. Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre SB RAS.
5. Lifintseva, T.P. (2015) “Zabota” Khaydeggera, “bytie-dlya-sebya” Sartra i buddiyskaya dukhkha: ontologiya negativnosti [Heidegger's “Care”, Sartre's “Being-for-Itself”, and Buddhist Duhkha: The Ontology of Negativity]. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 184–203.
6. Shaoyong, Ye. (2019) From Scepticism to Nihilism: A Nihilistic Interpretation of Nāgārjuna's Refutations. *Journal of Indian Philosophy*. 47. pp. 749–777.
7. Dasgupta, S. (1951) *A History of Indian Philosophy*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University press.
8. Tsongkhapa, L.D. (2012) *Collected Works of Tsongkhapa. Ocean of Reasoning*. Vol. 15. Beijing: khrung-go'i-bodrigs-pa-dpe-skrun-khang Publ. pp. 1–470. (In Tibetan).
9. Jampa, T. Geshe. (2011) *Buddiyskaya logika* [Buddhist Logic]. Ulan-Ude: Dzhe Tsonkapa.
10. Nagarjuna. (2016) *Root Verses on the Middle Way: A text called Wisdom*. The great treasury of knowledge – Sera Jey datsan. (In Tibetan).
11. Urbaneva, I.S. (ed.) (2006) *Sutra serdtsa Pobedonosnoy Materi, Ushedshey-Za-Predely Sovershenstva Mudrosti: na osnove ustnykh nastavleniy Geshe Dzhampa Tinleya* [The Heart Sutra of the Victorious Mother, Who Has Gone-Beyond-the-Perfection of Wisdom: based on the oral instructions of Geshe Jampa Tinley]. Ulan-Ude: Zelenaya Tara.
12. Shcherbatskoy, F.I. (1988) *Izbrannye trudy po buddizmu* [Selected Works on Buddhism]. Moscow: Nauka. pp. 199–262.
13. Kalupahana, D.J. (1975) *The Central Philosophy of Buddhism*. Honolulu: The University Press of Hawaii.
14. Hüifēng, S. (2013) “Dependent Origination = Emptiness” – Nāgārjuna's Innovation? An Examination of the Early and Mainstream Sectarian Textual Sources. *Journal of the Centre for Buddhist Studies Sri Lanka*. 9. pp. 1–54.

15. Jiang, T. (2014) Incommensurability of two Conceptions of Reality: Dependent origination and Emptiness in Nāgārjuna's MMK. *Philosophy East & West*. 1 (64). pp. 25–48.
16. Garfield, J.L. & Priest, G. (2003) Nāgārjuna and Limits of Thought. *Philosophy East & West*. 1 (53). pp. 1–21.
17. Terent'ev, A.A. (2019) Tibetskiy spor o "dvukh istinakh" i kvantovo-mekhanicheskaya kontseptsiya Everetta-Menskogo [The Tibetan Debate on the "Two Truths" and the Everett-Mensky Quantum-Mechanical Concept]. *Oriental Studies*. 3. pp. 423–440.
18. Donets, A.M. (2004) *Doktrina zavisimogo vznikeniya v tibeto-mongol'skoy skholastike* [The Doctrine of Dependent Origination in Tibeto-Mongolian Scholasticism]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre SB RAS.
19. Berzin, A. (n.d.) Pustotnost' oznaet zavisimoe vznikenie, i naoborot [Emptiness means dependent arising, and vice versa]. *Study Buddhism by Berzin Archives*. [Online] Available from: <https://studybuddhism.com/ru/tibetskiy-buddizm/put-k-prosvetleniyu/pustota-pustotnost/pustotnost-oznaet-zavisimoe-vznikenie-i-naoborot> (Accessed: 03.03.2024).
20. Śāntideva. (2007) *Bodhicaryāvatāra: Vstuplenie v praktiku Bodhisattv (byang chub sems dpa'i spyod pa la 'jug pa zhes bya ba bzhugs so)* [Bodhicaryāvatāra: Introduction to the practice of Bodhisattvas (byang chub sems dpa'i spyod pa la 'jug pa zhes bya ba bzhugs so)]. Translated from Tibetan by I.S. Urbanaeva. Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre SB RAS.
21. Tsongkhapa. (1993) Three principal aspects of the path. In: *Collection of Praises*. Beijing: Mtsho-sdon-mi-rigs dpe-skrun-khang. pp. 113–116. (In Tibetan).
22. Tsongkhapa. (2001) In Praise of Dependent Arising. In: *Texts Called A Precious Garland for the Four Themes*. 'Bras-spungs-blo-gsal-gling-dpe-mdzod-khang. pp. 270–279. (In Tibetan).

Информация об авторе:

Урбанаева И.С. – д-р филос. наук, главный научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия). E-mail: greentarabaikal@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.S. Urbanaeva, Dr. Sci. (Philosophy), chief research fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: greentarabaikal@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.03.2024;
одобрена после рецензирования 08.04.2024; принята к публикации 30.04.2024.*

*The article was submitted 16.03.2024;
approved after reviewing 08.04.2024; accepted for publication 30.04.2024.*

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.624(091)
doi: 10.17223/15617793/501/10

Социально-политические основания деструктивного поведения: особенности формирования подходов российской социологической исследовательской перспективы

Наталья Владимировна Нятина¹, Евгений Васильевич Головацкий²

^{1, 2} Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹ kozeeva_n@mail.ru

² xomaik@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрена социологическая ретроспектива социально-политических оснований исследования деструктивного поведения. Представлен ретроспективный анализ социально-политических оснований деструктивных признаков в традиционной (социобиологический, социоэнергетический, социально-территориальный подходы) и современной (организационно-управленческий, полипарадигмальный подходы, кентавр-проблемы и прекарность) российской практике. Предложены маркеры-показатели измерения практик социальной деструктивности.

Ключевые слова: деструктивное поведение, научная школа, парадигма, социально-политические основания, социологический подход, отечественная социология

Источник финансирования: материалы подготовлены при поддержке гранта РНФ № 24-28-01230 «Социальная и политическая мобилизация конструктивного и деструктивного типа в условиях множества сетевых миров сибирских регионов ресурсного развития: возможности применения инструментов data-mining».

Для цитирования: Нятина Н.В., Головацкий Е.В. Социально-политические основания деструктивного поведения: особенности формирования подходов российской социологической исследовательской перспективы // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 85–96. doi: 10.17223/15617793/501/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/10

Socio-political foundations of destructive behavior: Features of the formation of the Russian sociological research perspective

Natalia V. Nyatina¹, Evgeny V. Golovatsky²

^{1, 2} Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

¹ kozeeva_n@mail.ru

² xomaik@rambler.ru

Abstract. Destructive behavior, being the object of interdisciplinary analysis, is studied from the point of view of a proper, normatively conditioned socio-psychological action, which has its own grounds for reproduction and transmission at the individual, group, and community levels. The aim of the article is to consider a sociological retrospective of the socio-political foundations for the study of destructive behavior. The research framework provides for a combination and retrospective analysis of the socio-political foundations of destructive features in traditional (sociobiological, socioenergetic, socio-territorial approaches) and modern (organizational-management, polyparadigmatic approaches, centaur-problems and precarity) Russian practice. The approaches proposed by domestic sociologists of various periods of the historical development of Russia are considered. The views on destructive manifestations within the scientific approaches of Russian sociologists V.M. Bekhterev, P.A. Sorokin, D.A. Dril, E.V. De Roberti, M.M. Kovalevsky, Soviet researchers A.A. Bogdanov, A.K. Gastev, L.N. Kogan, as well as modern Russian sociologists O.N. Yanitsky, S.A. Kravchenko and Zh.T. Toshchenko, and a number of others are generalized. These approaches in their empirical results substantiate destructive behavior in a certain historical period of social and political development, and remain relevant and in demand for the research community at the present time. The described sociological approaches and concepts make it possible to identify complex social and political markers-indicators of destructive behavior. In particular, the following are distinguished: the dominant forms of social interaction “disenchantment of the world”, sustainable civic interest in resonant socio-political events, purposefulness of destructiveness, negative energy, cumulative effect of destructive activities, etc. Practices of manifestation of destructiveness in everyday life and in the modern

perspective (projection for the future) are proposed. The described approaches in their content accumulate methods of borrowing destructive practices implemented at various levels of social and political interaction, in a localized and vast space, in individual-personal and collective fields. A new perspective for the development of the study of the social and political foundations of destructive behavior is digitalization of network relations and the possibilities of using a digital virtual environment with many metastructures and mediators of continuous communication operating 24/7 on data-mining platforms, and artificial intelligence (AI).

Keywords: destructive behavior, scientific school, paradigm, socio-political foundations, sociological approach, domestic sociology

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-01230.

For citation: Nyatina, N.V. & Golovatsky, E.V. (2024) Socio-political foundations of destructive behavior: features of the formation of the Russian sociological research perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 85–96. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/10

Введение

Современные процессы социального и политического развития характеризуются острой связанностью разноплановых оснований деструктивного поведения буквально любой социальной категории. Важно отметить, что порядковое развитие различных видов крайних форм поведения является «результатом взаимодействия личности и среды, что обусловлено нестабильностью многих сфер жизни современного общества, цивилизационным и мировоззренческим кризисом современности», нарушением модели идентичности человека, диссонансом личностного самоопределения. Определения понятия деструктивного поведения представляют массу вариантов разграничений понятия с терминами «девиантное поведение» и «агрессивное поведение» [1. С. 128–129], ценностного мира человека, изменения режима жизнедеятельности (пандемия, военные действия, санкционные отношения и т.д.). В глобальном масштабе деструктивное поведение, согласно ряду исследований, представляет собой такую активность, которая может быть направлена на разрушение социальных объектов и связей, причинение вреда обществу или самому себе [2. С. 340–343].

В современном обществе парадигмальное рассмотрение деструктивного поведения обновляется в соответствии с переходной моделью социально-политического взаимодействия. На смену привычному несоответствию социальным нормам и негативному влиянию приходит иное понимание социальных и политических оснований такой активности. Данное обстоятельство связано с тем, что расширяется вариативность социального поведения, дифференцируются его формы и виды, происходит размывание границ «нормальности» и «патологичности». Кроме того, у современной личности существует возможность осуществлять переход между полярностями социальных действий, что может приводить к обновлению социальных практик и расширению возможностей самореализации запрещенными способами и одновременно корректированию социализационной траектории, в том числе деструктивной направленности.

Деструктивность – термин, происходящий от латинского слова *destructio*, что дословно понимается как разрушение, нарушение нормального строения чего-либо. С точки зрения психологического подхода деструктивность означает негативное отношение человека, которое он направляет на те или иные внешние объекты (вовне)

или, факультативно, на самого себя (аутодеструкция), а также поведение, соответствующее этим взглядам. Социологическое понимание такого разрушительного поведения позволяет учитывать основания и направленность данной личностной активности, проектировать и прогнозировать определенные формы деструкций с учетом социального развития, реализации жизненно важных потребностей и интересов. Деструктивное поведение определяет отрицательный, неодобряемый вектор содержания социальных и политических отношений в обществе. При этом оценка населением, социальными группами и организациями тональности тех или иных проявлений деструктивности способна существенно отличаться в диапазоне определенных социальных категорий, жизненных ситуаций, традиций, а также девиантных проявлений и инклюзии.

Исследователями обозначаются новые формы деструктивного поведения, интегрированные вовне, с учетом среды: моббинг, в различного типа организациях, обозначающихся в психологических воздействиях на сотрудников с целью принижения профессиональной компетенции и личного унижения [3]; буллинг в школьной среде; проявление экстремизма и терроризма в общественной среде – крайняя форма деструктивного поведения, направленного против определенных групп общества; вандализм, направленный на разрушение общественных ценностей и информационной среды (информационный вандализм) [4].

Современная динамичная цифровизация общества содействует усилению повседневных деструктивных практик индивидов/пользователей, значительную роль в формировании деструктивного и агрессивного поведения способны выполнять социальные сети [5]. В социальных сетях передается значительное количество информации, нередко имеющей скрытый деструктивный характер, создавая определенный информационный фон, деформирующий поведение. В исследованиях зарубежных ученых актуальным направлением является изучение деструктивных проявлений взрослых и пожилых людей. Авторы отмечают, что вмешательство в формирование тенденций деструктивного поведения возможно в любом возрасте, и оно необходимо, так как, по результатам исследований, примерно у 19% пожилых людей обнаруживаются агрессивные формы поведения [6], связанные с различными факторами (деменция, социальная вовлеченность и пр.) [7].

Методология и методы

Рассматриваемая в статье научная проблема содержит в своем основании различные теоретические подходы предлагаемые российскими социологами XIX–XX вв. и нашего времени, через призму междисциплинарных направлений, специфических методов и подчас уникальных инструментов изучения деструктивных признаков социального и политического взаимодействия.

Цель статьи – рассмотреть социологическую ретроспективу социально-политических оснований исследования деструктивного поведения.

При изучении деструктивного поведения как объекта социологического анализа следует учитывать определенные методические и методологические подходы и особенности:

- в исследовательской парадигме следует придерживаться междисциплинарного подхода, что требует учета ключевых основополагающих положений различных дисциплин (психологии, социологии, права, социобиологии, социологии организации и управления, социальной инженерии и т.д.), которые обогащают и взаимно дополняют видение на данный вид активности;

- деструктивное поведение – динамичная, а не статичная социальная категория, которая со временем приобретает новые черты, в перспективе идентичные деструктивные приемы могут применяться в политических практиках, конфликтах, например, в качестве демонстрации намерений и ресурсов;

- для изучения деструктивного поведения приоритетную роль играет адаптивная парадигма (автор – доктор социологических наук, профессор Л.Л. Шпак), согласно которой в процессе социализации адаптация выполняет вспомогательную субсидиарно-вспомогательную роль. В таком понимании исследователю стоит обращать внимание на меру и нормативы адаптации, которые социально институционализированы, но при этом личностно ориентированы;

- для изучения деструктивного поведения особую исследовательскую ценность представляет анализ подходов, задающих методологическую ориентацию на объект изучения, который находится в фокусе внимания. Такое многоаспектное понимание позволяет исследователю осуществлять необходимый переход от концептуально-теоретического уровня к процессуально-деятельностному и является прагматически востребованным со стороны научного сообщества, а также акторов социальной активности.

Категориально-понятийные и методологические основания изучения деструктивного поведения в рамках социального и политического взаимодействия в обществе получили свое развитие еще на заре формирования отечественной социологической науки. Однако несмотря на разнородность подходов при рассмотрении деструктивного поведения, среди отечественных социологических исследований одновременно сопresentствуют теоретический анализ и эмпирическое обоснование тех социальных практик, которые нарушают привычный ход вещей и сложившиеся моральные и правовые нормы.

Исследовательская рамка

Среди ключевых исследовательских подходов, в рамках которых отечественные социологи анализируют различные основания деструктивного поведения, стоит отметить следующие: социобиологический (В.М. Бехтерев, П.А. Сорокин), социально-территориальный (Д.А. Дриль), социозенергетический (Е.В. Де Роберти), ценностно-демократический/«властный» (М.М. Ковалевский, П.Б. Струве), организационно-управленческий (А.А. Богданов, Н.А. Витке, А.К. Гастев), социокультурный (Л.Н. Коган), полипарадигмальный подход формирования общества риска, «нормальной аномии» (О.Н. Яницкий, В.И. Зубков, С.А. Кравченко), а также подход, описывающий общества, переживающие постглобальное развитие в условиях новой социальной реальности, кентавризм социальных и политических отношений, прекариат (Ж.Т. Тощенко, Г.Е. Зборовский), последствия деструктивности в продолжительном воздействии способны трансформировать политическое сознание и поведение граждан. Развитием новой плоскости исследования социально-политических оснований деструктивного поведения выступает дигитализация данных отношений и возможность использования цифровой, виртуальной среды со множеством метаструктур и медиаторов непрерывной коммуникации.

Результаты исследования и обсуждение

Признаки деструктивного поведения, которые современные исследователи рассматривают в качестве инвариантных, претерпевали значительные изменения: диапазон от рефлекторно обусловленного до уникальных именованных сущностей (в современных цифровых исследованиях), одновременно социально ожидаемого поведения требует учета кумулятивных показателей для всестороннего изучения. С точки зрения исторической ретроспективы справедливо первоначально рассмотреть социобиологический подход, так как именно в нем социологизируется органическое и психологическое понимание социальных действий.

Социобиологический подход акцентирует внимание на рефлекторном поведении личности, реализации бытийных и дефицитарных потребностей в процессе жизнедеятельности. Согласно данной точки зрения, особую важность представляют психологические особенности личности, способность реагировать на нестандартные ситуации, проявление эгоистических/альтруистических стремлений, а также внешние стимулы, которые влияют на проявление деструктивных действий. Так, В.М. Бехтерев отмечает, что «все внешние раздражители, особенно более резкие и длительные», не остаются без поведенческих проявлений, которые могут быть в том числе патологическими для самой личности (аутодеструктивной направленности), так и внешне фиксируемыми и нарушающей принятый/устоявшийся социальный порядок. Ученый приводит достаточно иллюстративный пример альтруистического поведения в формате героизма в период военных конфликтов, когда структурная упорядоченность системы и последовательность ожидаемых действий представляет собой ожидаемые и управленчески

контролируемые варианты решений, но личная инициатива «жертвенности» замещает формальную догматичность и псевдопрогностичность [8]. Также Владимир Михайлович отмечает «иллюзорное восприятие действительности», которое контрастирует с объективным представлением реальности и отражается в «нарушении впечатлений». Он называет такое основание «психопатологические иллюзии», возникающие как ответная реакция на подавление или возбуждение определенных состояний. Данное основание отражает современную особенность «виртуализации» сознания и деятельности личности, когда происходит замещение реально значимой деятельности личности как носителя определенного статусно-ролевого набора, но целенаправленно игнорируется/упускаются те функции, которые она должна выполнять.

Условия жизни и качество потребления непосредственным образом влияют на деструктивную активность. В работе «Голод» (1922 г.) П.А. Сорокин с точки зрения междисциплинарного подхода и соединения психологических особенностей развития личности, социальных условий жизнедеятельности и биологического обоснования определенных состояний организма описывает зависимость между стремлениями, желаниями и другими волевыми процессами человека и его способностью к реализации социально запрещенных актов. Так, в период социальных и политических потрясений при длительном ограничении потребления пищи личность становится похожей на «осколки разбитой мозаичной картины», организм становится «расстроенным», а доминирующей формой поведения – «безвольная апатия» и «тупое равнодушие» [9. С. 100].

В современных исследованиях в социобиологическом подходе акцентируется внимание на роли и назначении информационно-коммуникационных технологий, так как изменяется не только окружающая среда, которая формирует и корректирует определенные запросы и стремления личности, но и информационная, которая непосредственным образом влияет на здоровье и развитие человека [10]. Поднимаются такие вопросы, как возможность решительного изменения продолжительности жизни человека, идеи трансгуманизма, квотирование деторождения. Исследовательский переход от описания и объяснения поведения личности возможен в определенных социальных и политических условиях к проектированию свойств человека. Получает развитие такое новое направление, как биоэтика, которая будет оказывать непосредственное влияние на перспективы поддержания и развития здоровья человека.

В качестве примера можно привести ухудшение состояния окружающей среды «первого мира», объясняемое в целом неумелым управлением корпорациями и государством. В свою очередь возникает «очевидная необходимость практических протестных действий против властвующих элит» [11. С. 79]. При этом высокий мобилизационный потенциал «идеи» обуславливается участием широких слоев населения в политической актуализации экологической идеологии.

Социально-территориальный подход раскрывается в начале XX в. в работах Д.А. Дриля. Он отмечает,

что особое влияние на деструктивное поведение оказывает социальное и жизненное пространство личности с акцентом на инфраструктурные особенности, в том числе для развития социокультурного потенциала. Д.А. Дриль одним из первых обратил внимание на влияние жилищных проблем, «дурной постройки» на жизнедеятельность личности [12]. Участвуя в медико-социологических обследованиях в начале 1900-х гг. социолог приходит к выводу «как не надо строить дома для людей»: скученность домов, отсутствие ремонта, недоступность объектов социальной инфраструктуры для социокультурного развития личности (образовательных учреждений, библиотек и т.п.) способствуют «вырождению и деградации подрастающих и взрослых поколений». Разработанный социоинженерный проект «Гаванский городок» стал результатом социологического видения на решение вопросов, в том числе деструктивного поведения [13]. В современных социологических исследованиях акцентируется внимание на зависимости безопасности места жительства и самочувствия населения. Это отражается, например, в концепции «разбитых окон», сущность которой заключается в том, что визуальное нарушение воспринимаемых маркеров безопасности (как личной, так и общественной) влечет нарастание деструктивных проявлений. При этом деструкции могут проявляться в физическом плане и в социальном (в девиантном или деструктивном поведении) [14]. Анализируя нарушения привычного восприятия территории как места жительства, ученые отмечают сосуществование двух уровней угроз:

1) уровень личной физической безопасности, которую нарушают обобщенные «посторонние» (например, посетители развлекательных учреждений, любопытные туристы, гости городов и пр.);

2) психологический дискомфорт, основными агентами которого выступают непосредственно предприниматели, которые, не согласовывая с местными сообществами собственные инициативы, развивают «точки притяжения» для посторонних, при этом не стремятся сохранить накопленный потенциал территории, а демонстрируют пользовательские практики, разрушая/корректируя социальное и жизненное пространство населения определенных микрорайонов.

Также в рамках социально-территориального подхода рассматривают климатические риски, которые оказывают влияние на «позитивные векторы и целевые установки демографической политики» [15]. Современная новая социальная реальность транслирует новые пространственно-территориальные риски, которые политически обусловлены и сложно поддаются корректировке. Климатические риски способствуют проявлению такого поведения, которое является отражением борьбы за существование, выживаемости социальных общностей, личности/групп.

Социоэнергетический подход. Е.В. Де Роберти синтезирует биосоциальную теорию, теорию психического взаимодействия, а также гносеологическую теорию. Социальность синтезирует на основе знания различных видов мировой энергии. Основная задача социальных объединений (территориальных сообществ, политических и других общественных объединений) –

противодействие с рассеянием энергии, которая проявляется в виде политических конфликтов, антагонизмов, монополизма и т.п. Е.В. Де Роберти, продолжая идею Э. Дюркгейма, говорил о согласованности и солидарности, которая выражается в энергетическом потенциале конструктивных преобразований. Напротив, когда координация энергии отсутствует или она крайне слаба, расширяются возможности деструктивных проявлений, появляется дозволенность запрещенных действий [16]. В настоящее время с точки зрения социоэнергетического подхода акценты расставлены следующим образом:

– в социальной системе все процессы структурно подобны, т.е. гомоморфны, т.е. применительно к определенной территории есть точки, которые энергетически и информационно активны. Например, государство как политический институт представляет собой социоэнергетическое образование, политический конфликт – социоэнергетическое «короткое замыкание», сопровождающееся высоким социоэнергетическим напряжением, социоэнергоресурсы – это валовый национальный продукт и т.д.

– социальное и политическое развитие предполагает естественное и искусственно организованное рассеивание энергии, которое институционально регулируется. Социальные институты и организации целенаправленно (но сегментировано) поддерживают определенный баланс интересов и социальный порядок. Но одновременно данные субъекты находятся в конкурентной среде, в которой происходит перераспределение энергии [17].

Ценностно-демократический/«властный» подход рассматривается с точки зрения особенностей политической системы и доступности таких ценностей как свобода и проявление гражданской активности. М.М. Ковалевский разработал практические рекомендации по организации ценностно-демократических основ для развития государства, права и личности [18. С. 364]. В частности, признавая первостепенность институциональной поддержки демократии, он утверждал о научно обоснованной гражданской активности, особенно молодых людей. «Ковалевского никогда не покидало чувство живой и многообразной действительности, и, формулируя общие законы эволюции, он считался с возможностью частных отклонений и индивидуальных особенностей» [19. С. 177]. Автор отмечал, что «излишняя пылкость действий и быстрота решений» среди молодежи часто иррациональны по своему содержанию, что противоречит должному ходу социального и политического развития. В то время как научное социологическое и правовое знание позволяет оценивать текущую ситуацию, понимать возможные варианты преобразований с учетом исторической ретроспективы. Полярность оценок отклонений того времени часто обуславливалась расположением социальных акторов на государственном либо гражданском поле организации политических интересов, казавшихся деструктивными по мнению представителей указанных сторон. «Он высказывался против всякой организации искусственной и теоретической, парализующей свободу самоопределения личности» [20. С. 319].

С точки зрения социального меньшинства и большинства предлагает рассматривать проблемы деструктивности П.Б. Струве [21]. В работе «Общественная реакция» или борьба с реакцией? Призыв к покаянию или призыв к собиранию сил?» (1909 г.) автор утверждал, что распространенные и транслируемые политические ценности нередко «увечивают верхоглядство, поверхностную, да позволено будет сказать, чисто полицейскую точку зрения на идеи», которые касаются социального и политического развития. Происходит опривычивание того порядка, который сложился в обществе, несмотря на то, что он может иметь деструктивные проявления. Как результат – населением принятые «политические аттестации» большинства подпадают под категорию императива, в то время как «смелые и независимые люди» (которые представляю меньшинство) – под подозрение, и их инициативы рассматриваются как угрожающие и свержающие принятые моральные и правовые нормы. С точки зрения ретроспективного анализа значимой является работа представителя государственной школы в социологии Б.Н. Чичерина «Что такое охранительные начала?» [22]. Так, либерализм, который по своему содержанию предоставляет определенные свободы для личности, может быть разновекторным: уличным, оппозиционным, охранительным. Содержательно деструктивное поведение наиболее ярко представлено в уличном либерализме, когда личность и социальные группы проявляют гражданский активизм на основании несогласия с существующим социальным и политическим порядком. Однако данная социальная позиция остается на уровне примитивного неприятия и сопровождается разрушительным поведением, которое характеризуется иррациональностью и стихийностью, получая определенное развитие в наши дни.

Организационно-управленческий подход, несмотря на свою очевидную специализацию изучения управленческих процессов, характеризуется сочетанием сложных, подчас противоречивых организационных процессов, тектологии труда, в результате которых деструктивность формализуется в ряде организационных и управленческих практик, получает фиксацию в элементах некоторых организационных структур, процессах формирования, развития и упадка социальных организации (наиболее известные исследователи: А.А. Богданов, Н.А. Витке, А.К. Гастев и ряд других авторов периода научной организации труда – предложение изучения конструктивных организационных приемов и форма в противовес деструктивным проявлениям, а также научное планирование повседневной жизни). Исследователи-практики предлагали смелые и неординарные решения противодействия деструктивным проявлениям и безволию значительной части советского общества, включая молодежь. А.К. Гастев предлагал сделать волю автоматически действующей. Развить в своей психике максимум автоматизма, соединенного с волей и выдержкой, это значит быть закаленным против всяких паник, против этой эпидемической трусости, которая характерна для некультурного человека. Молодые люди, вам нужна воля, отвага и выдержка [23]. Приветствовались следу-

ющие конструктивные приемы: пооперационное разделение, контроль времени (рабочего и общего), фиксация событий и перспективного планирования, сочетание различных форм мобильности и др.

А.А. Богданов в своей работе «Тектология» предлагал рассматривать три диспозиции соотношения между активностями и сопротивлениями взаимодействующих в организуемом пространстве деятельности: 1) когда «активность одного и другого соединяются» (конструктивные тектологические границы возникающие между работниками организации); 2) «активность одного является всецело сопротивлениями для другого» (пограничные объекты организационной системы); 3) когда «активность частично является частичным взаимным сопротивлением» (основания для пограничных конфликтов и проявлении неуправляемой, в силу своей неочевидной природы деструктивности) [24]. Данный подход получает дальнейшее развитие в рамках современных отраслевых направлений российской социологии управления, социологии организаций и социальной инженерии, социально-интегративной, управленческой и воспитательной функции организационного воздействия (Н.И. Лапин, В.В. Щербина). Описание деструктивного поведения в организационной, управляемой среде является самостоятельной исследовательской проблематикой, которая затрагивает социальные и политические основания, формируемые непосредственными работниками, организационной средой, обстоятельствами повседневной деятельности (профессиональной, бытовой и пр.) или внешним окружением.

Социокультурный подход. Если рассматривать в качестве ключевого субъекта деструктивного поведения личность как носителя определенных ценностей и ценностных ориентаций, то актуализируется ее представления о «добре» и «зле» и возможности совершать такие поступки, которые потом будут отражаться на Других. В понимании данных ценностей значимой является концепция Л.Н. Когана, которая изложена в работе «Зло» (1992 г.). К ключевым особенностям проявления добра/зла по мнению автора можно отнести:

- оппозиция добро и зло проявляется в социальном взаимодействии, если говорить о практиках социального отчуждения или социальной изоляции, то человек «не сможет быть ни добрым, ни злым» [25. С. 11];

- «добро» или «зло» – это линия, которая отражает направленность поведения личности, т.е. можно говорить о трансляции данной ценности в различные сферы жизни общества;

- зло должно быть санкционировано [25. С. 12];

- при изучении добра/зла важно обращать внимание на мотив, так как существует «безмотивное зло», которое может наносить вред самому носителю зла;

- «субъективность добра», оно всегда имеет носителя, а зло может быть *безличным*, которое происходит из-за определенных нестандартных ситуаций (бедствий, катастроф и т.д.);

- среда не должна определять выбор человека между добром и злом, так как «на человеке нельзя играть как на флейте». Л.Н. Коган отмечает порок нашей системы воспитания, когда за деструктивные действия

учащегося, рабочего, прежде всего, отвечали преподаватели, наставники, активисты общественных организаций, так как именно они не смогли выстроить «правильную работу с ним»;

- в обществе наблюдается среди различных возрастных групп, в том числе и молодежи, такое социальное зло, как «возможность действовать вполсилы», когда реальный результат явно отличается от того, что могло бы быть реализовано, если бы человек действовал в полную силу;

- «атмосфера равнодушия», которая тоже является социальным злом. И это влияет на то, что, в частности, у молодых людей, с одной стороны, проявляется цинизм, перманентная готовность к стрессам, а с другой стороны – равнодушие. У равнодушия могут быть различные лики: конформизм, имитация сочувствия, трусость, страх, «не от мира сего», посредственность, непрофессионализм и др.

Современные исследователи, опираясь на классические наработки по деструктивному поведению, делают вывод о влиянии социокультурных условий на формирование и распространение такой активности в условиях неопределенности, «разорванности» и мозаичности социальных взаимодействий. Происходит рассогласование культурных, социальных и политических оснований, которые влияют на деструктивное поведение. Данная особенность сопровождается «дисфункцией макроинститутов; деформацией механизма нормативной регуляции; переосмыслением нормативных образцов в социальной реальности; наделением их новым, отклоняющимся значением». Как результат, появляются гибридные формы регуляции социальных взаимодействий, когда «нормативные образцы соседствуют с образцами девиантного поведения в социальной реальности» [26].

Подход, описывающий риски социальных отношений и диспозиции общественных сил. «Образование замкнутой на себя общности, изолированной посредством языка, традиции и проч., предусматривает некоторую существующую, нелегитимную с точки зрения власти тайну». К примеру, Э. Канетти полагал, что человек, который говорит на чужом языке, носит «акустическую маску» [27]. Эта маска скрывает за собой определенную угрозу, человек, носящий маску, изначально враждебен (актуальный формат современного общества постковида и специальных вооруженных действий). «Неизвестно», «непонятно» предполагает тайну, а она в свою очередь есть элемент власти, или угроза для власти. Задача – превратить тайну «чужого» в «другого», однако «такого же»; как омассовленные абстрактные индивиды [28. С. 409]. В условиях постглобальных социально-территориальных трансформаций на государственном уровне и в рамках поселенческих жизненных практик формируются угрозы социальной и политической деструктивности возвратного типа (омологация фашизма и национализма на нынешней территории Украины, претензии перекраивания территорий в Европе и пр.). В российской действительности также формируются новые адаптивные меры по восстановлению гражданской идентичности (процесса сложного и длительного в своей качественной реализации). Примером

может служить оптимизация права закрепления гражданства в результате выбора гражданства Российской Федерации при изменении российской государственной границы (оптация), отраженная в новом Федеральном законе 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации». Глобальное информационное общество создает единый доступ к благам цивилизации, «для одних – только в принципе, а других делает ее носителями и хозяевами», причем каждая из этих критических сущностей способна оказывать различное воздействие на богатых и бедных. «Четвертая» научно-техническая революция (НТР-4), вводимая О.Н. Яницким, подразумевает создание всё новых «умных машин», вытесняющих старших членов семьи с рынка труда и вообще из этой новой, быстро меняющейся жизни [29. С. 15].

Полипарадигмальный подход формирования общества риска, «нормальной аномии». В современном социологическом знании обновляется понимание классически определенных и научно обоснованных понятий. Так, аномия, которая ранее рассматривалась как общественное состояние, в котором старые нормы не действуют, а новые либо не приняты/не принимаются большей частью общества (по Э. Дюркгейму), теперь наделяется чертами парадоксального сосуществования рисков традиционного и нового порядка, что влияет на формирование «аномичной парадоксальной реальности». Такой процесс является вполне закономерным и связан с инновационной деятельностью человека, невозможностью всестороннего контроля за искусственной («взаимодействие со сложными техническими и технологическими системами») и естественной социальной средой, которые инсценируют новые угрозы для личностного и общественного развития [30]. Деструктивность в обществе риска представляет собой маятник обязательных переходных состояний социальных и политических отношений с учетом постоянно измеряемых параметров рисков. В современном медийном пространстве существенно не само событие, значимость и тональность событию придают «жертвы», их число, трагичность их смерти, возможность демонстрировать виктимность на общество в целом или определенные категории с быстротой, позволяющей пользователю проверить новые электронные сообщения или доступные мессенджеры). Последствия подобной деструктивной бомбардировки, на наш взгляд, еще необходимо исследовать и, вероятно, канализировать информацией и собственно дискурсом иного рода и, вероятно, характера воздействия и восприятия гражданами (пользователями). Деструктивность в критических значениях способна проявляться в различных проявлениях: суицидальных намерениях, самоповреждающих действиях, применении средств изменения сознания, пищевом поведении, сексуальной распушенности и других видах аутодеструктивного поведения.

Кентавризм социальных и политических отношений и прекарность современного общества. Современным российским социологом Ж.Т. Тощенко было предложено двойственное по своей сути социальное явление, осознание воображаемого объединяется в

специально создаваемом образе совмещающим несовместимые черты и признаки. Кентавр – воплощенная несовместимость разных оснований, взаимоисключающих друг друга, но в то же время преодоленная, что предполагает сочетание несочетаемого. Среди общественных парадоксов предлагается отмечать: странное расхождение с принятым мнением или высказыванием, противоречащее здравому смыслу явление кажущееся невероятным (либо трактуемое в подобном ключе; процесс, по итогам реализации которого получается совершенно иной результат) [31. С. 9]. При этом отмечается, что в современных условиях общественного развития «парадоксальность» формирования, развития и восприятия социальных и политических отношений растет и усложняется, так как мир требует активного включения людей в заведомо стрессовые условия, критические структуры, усложненные системы коммуникации и т.п.

Еще одной стороной формирования деструктивных оснований выступает прекарность культивируемая современным обществом реактивных отношений. Прекариат – особый формирующийся класс, демонстрирующий успешность и профессионализм наряду с быстрым ростом нестабильного социального положения с неопределенной, флексибильной (гибкой) степенью занятости, с неустойчивыми формами распределения прибавочного продукта и произвольной оплатой труда. Прекарии «полностью или частично лишены доступа к социально-правовым гарантиям и к средствам социальной защиты и, как следствие, не видят удовлетворяющих их перспектив своей гражданской (публичной) и личной (приватной) жизни» [32. С. 60]. Перечисленные выше деструктивные для развития «новых профессионалов» признаки способны оказывать на них свое динамическое воздействие в повседневных жизненных практиках «24/7». Исследователи полагают, что к категории прекариата относится значительная часть трудоспособного населения современной России, трудозанятого на неформальной работе, т.е. без заключения трудовых отношений с работодателями. По оценкам экспертов, эта социальная группа в России может насчитывать около 20% [33] (в исследовании Ж.Т. Тощенко и его коллег указывается 14,5%). Среди оснований развития деструктивных отношений в среде фрилансеров отмечается неразвитая система правового регулирования дистанционных трудовых отношений, «плавающий» нестабильный доход, отсутствие непосредственной социальной включенности и, соответственно, гарантий и льгот, рост конкурентной среды и тревожности, сетевой карьерный рост и пр. Описываемая ситуация передает реалии современной России в условиях общества риска, санкций и прочих ограничительных мер, постковидной трансформации, ведения специальной военной операции, в условиях новой социальной реальности (по Г.Е. Зборовскому) и др. Существует и менее радужная перспектива цифровизации прекариата в системы программных сетевых сообществ с дальнейшей депрофессионализацией и развитием эффекта дополненности, т.е. по сути «цифрового прекариата» в условиях «когнитивного капитализма» (по Я. Бутан), предусматривающего появле-

ния новых «лишних людей» (т.е. практически деструктивность закладывается в матрицу социально-экономических и политических отношений современного общества).

Обобщенное описание, представленных социологических подходов, рассматривающих в своей основе признаки деструктивного поведения, демонстрирует рис. 1.

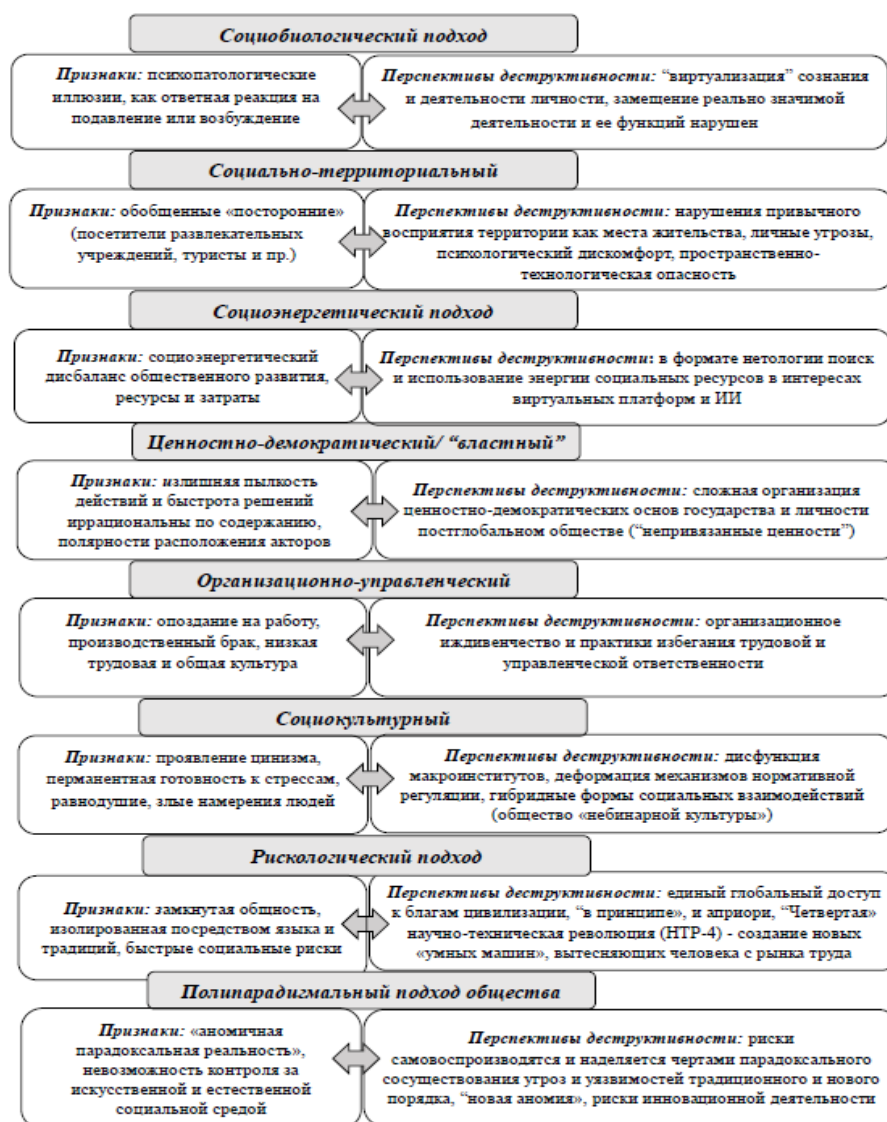

Рис. 1. Социологические подходы понимания деструктивности (на основании концепций российских авторов)

Суммируя векторы оснований и принципов деструктивности, напрашивается описание еще одного исследовательского поворота, касающегося области виртуальных социальных и политических коммуникаций. Исследование «цифровой деструктивности» требует трансформации не только поля и инструментов измерения, а также формирования новых поисковых и аналитических ритмов, но также видоизменяет (качественно дополняет и наращивая) методологию социологических исследований. В 2020 г. 67% населения мира (5,19 млрд чел.) стали пользователями социальных сетей, используя взаимосвязанные устройства, что облегчает социальную коммуникацию, одновременно синхронизируя ее. Но это свидетельствует о новом характере взаимодействий и росте мобильности, которые меняют повседневную реальность,

«оцифровывая ее», что влечет новые риски для проявления деструктивного поведения. По данным Следственного комитета России (СКР), с начала 1990-х гг. число подростков, совершивших суицид, удвоилось. На 100 тыс. молодых людей в возрасте 15–19 лет приходится почти 20 случаев суицида, что превышает мировой показатель в 2,7 раза. Для профилактики данного опасного деструктивного поведения в 2018 г. Президент России В.В. Путин подписал закон о внесудебной блокировке сайтов и других интернет-ресурсов, опасных для жизни и здоровья молодых людей. Однако с начала 2020 г. сотрудниками СКР был выявлен 41 601 возможный участник «групп смерти» [34]. Полагаем более пристальное и развернутое рассмотрение нового поля социальных и политических взаимодействий акторов с использованием

инструментов data-mining, что является необходимым продолжением и темой последующей научной работы.

В результате обобщения описываемых подходов и концепций мы предлагаем следующие **комплексные социальные и политические маркеры – показатели деструктивного поведения** субъектов (акторов), вытекающие из содержания рассматриваемых социологических теорий:

1. *Доминирующие формы социального взаимодействия «расколдовывания мира»*, которые необходимо рассматривать с точки зрения социальной памяти о тех или иных деструктивных проявлениях, являющихся циклическими и возобновляемыми с точки зрения гражданского и социального активизма (например, идейная «пустота» уличного либерализма, которая не несет конструктивной составляющей и является проявлением поверхностного несогласия с определенным социальным и политическим порядком).

2. *Устойчивый гражданский (общественный) интерес к резонансным социально-политическим событиям (собраниям, публичным акциям, манифестациям и т.п.)*.

3. *Целеустремленность деструктивности («абсолютное ничто немислимо»)*, которая проявляется в возможности реализации актуальных потребностей, которые не достигаются либо их удовлетворение обусловлено социальной дифференциацией и социальным статусом личности. В данном аспекте следует упомянуть точку зрения В.М. Бехтерева, что если человек не может реализовать потребность в пище и безопасности, он не будет строить/проектировать определенные сложные модели изменений, так как его сознание и поведение будут сконцентрированы на других терминальных аспектах жизнедеятельности. В прогнозах развития предлагается переход от мира постиндустриального умиротворенного существования [35. С. 81] к постглобальному миру динамической неопределенности (мир – «BANI», 2016), когда технологии развиваются быстрее, чем происходит последовательная смена одного поколения (угроза кумулятивной деструктивности).

4. *Непредсказуемость (неочевидность проявления и последствий деструктивности)*. Ошибочна точка зрения, что деструктивность – удел социальных меньшинств и неблагополучных социальных групп и может быть инициирована теми социальными группами, которые находятся на вершине социальной иерархии. Практики социально-политической мобилизации в условиях пандемии COVID-19 и санкционных последствий показали вероятностный характер региональных сетевых повесток, способных динамично формировать мейнстрим и событийное разнообразие коммуникативных повесток и в то же время способных быстро локализоваться в региональных, местных сообществах.

5. *Отрицательный энергетизм данного социального явления*, который проявляется в разрушительном социальном потенциале и может основываться на псевдоконструктивных идеях, «верхоглядстве».

6. *Шкалирование деструктивности (возможность представления потенциалов проявления деструктивного поведения)* по территории, масштабам, субъектам.

7. *Разрушающий потенциал (сохраняется вектор цивилизации – как деструкции)* [36. С. 10].

8. *Накопительный кумулятивный эффект деструктивной активности (деструктивность наследуется социальной памятью и накапливается в оценках и повседневных проявлениях)*.

9. *Стремление к власти (данный аспект семантически не является заведомо деструктивным, однако возможность формирования и принятия политических решений, доступ и возможность распределения ресурсов являются привлекательным основанием для «быстрых эффективных практик» взамен легитимных и взвешенных решений)*.

10. *Направленность на самоопределение (бинарная структура развития человека: творчество или путь деструкции)* [37. С. 335].

11. *Врожденная деструктивность*, когда происходит опривычивание такого поведения, невозможности выстраивания другой социализационной траектории вследствие территориальной специфики, социокультурного потенциала местных сообществ. Также отмечается исследовательский поворот в направлении измерения неординарных качеств конструктивной активности (пресыщение «положительным») – творчество как нейтральная девиация [38].

Прогностическая исследовательская перспектива социально-политических оснований деструктивного поведения различных категорий граждан, обращает внимание исследователей на перечисленные выше признаки, сопровождающие формирование и реализацию деструктивного содержания социальных и политических отношений.

Заключение

Проведенный анализ исследования социально-политических оснований деструктивного поведения в проекции развития российских социологических подходов позволяет оценить насыщенную перспективу научных подходов, использующих основания подобного общественного поведения.

Социобиологический подход в исследовании деструктивных проявлений делает акцент на изучении рефлексивно повторяющихся поведенческих инициатив. В результате для исследователей отдельную значимость приобретают психологические характеристики личности, поведенческая адаптивность, воздействие медиаторов, демонстрация индивидуально-личностных устремлений (эгоизм, альтруизм, лабильность и пр.). Существенными, по мнению исследователей, являются внешние стимулы, влияющие на проявление деструктивных действий, «инициатива жертвенности», «иллюзорное восприятие действительности», «нарушение впечатлений» и пр. Социально-территориальный подход акцентирует внимание на месте жительства, обустроенности, существовании и доступности социальных сервисов,

которые содействуют развитию личности и «выстраивают» конструктивную активность. В категориях социоэнергетического подхода постулируется главная установка на сохранение рассеяния энергии, которая проявляется в многообразии комплексных состояний. В свою очередь согласованность и солидарность энергетических потенциалов повышают конструктивный общественный потенциал, в то время как слабость энергии координации может увеличивать деструктивные проявления, расширяя дозволенность ранее запрещенных социальных и политических действий. Ценностно-демократический/«властный» подход, характеризующий особенности организации политической системы, а также возможность и доступность таких ценностей, как свобода, гражданственность (проявление гражданской активности), демонстрируют пробелы мобилизационного потенциала политических проектов. Организационно-управленческий подход затрагивает социальные и политические основания, формируемые непосредственными функционерами и управленцами социальных организаций, с учетом обстоятельств повседневной жизни и внешнего окружения (деформация организационного развития). Социокультурный подход базируется в общем плане на бинарной оппозиции «добра» и «зла», очевидной по определению схеме отношений, но одновременно сложной по содержанию и особенностям реализации, полипарадигмальном подходе формирования общества риска, «нормальной аномии». Заявленные подходы, равно как и маркеры, позволяют формировать и описывать практические деструктивные основания в числе множественного восприятия реальности, расхождения с общепринятым мнением, нередко неочевидные или даже противоречащие здравому смыслу и ожидаемому результату. В частности, новые формы социального

класса «успешных лишенцев», имеющих в своем символическом багаже высокие профессиональные и статусные характеристики, совмещают их с угрозой материальной нищеты и рисками развития.

В практическом плане авторы статьи планируют построение модели деструктивной комбинаторики социально-политического взаимодействия региональных пользовательских сообществ, включая молодежные платформы, в рамках партнерства в ассоциации «Университетский консорциум исследователей больших данных» (г. Томск) [39]. Предусматривается построение аналитики деструктивных проявлений конкретных именованных сущностей региональных сетевых сообществ посредством возможностей data-mining. Предлагаемая выше комбинаторика социальных и политических маркеров будет положена в методологические основания модели сетевой деструктивной мобилизации пользовательских сообществ. В частности, выделение доминирующих форм социального взаимодействия пользователей сообществ, «коммуникативная устойчивость» и пользовательская замкнутость, обзор деструктивных типологий и мн. др.

Актуальные тенденции изучения деструктивного поведения активизируют исследователей аккумулировать существующие подходы, позволяющие его рассматривать как многоаспектное биполярное явление, которое может быть одновременно социально обусловленным и являться отражением личностного выбора. Диапазон представленных маркеров позволяет анализировать объект изучения не в разрезе общих представлений, а акцентировать внимание на социальной дифференциации тех социальных ситуаций, которые задают тональность, «свою» природу деструкции, что закладывает теоретическую основу для дальнейших исследований деструктивного поведения, которые будут характеризоваться инструментальной значимостью и практическим эффектом.

Список источников

1. Антипова Е.А., Ларионова А.В., Орлова В.В. Деструктивное поведение в проблемном поле гуманитарной науки // Векторы благополучия: экономика и социум. 2020. № 4 (39). С. 128–137.
2. Кузнецова М.Н. Обзор теоретических аспектов деструктивного поведения личности // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2018. № 2 (156). С. 340–343.
3. Шелехова Л.В. Моббинг как вид деструктивного поведения в образовательных организациях высшего образования / Л.В. Шелехова, А.В. Нагоев, З.У. Блягоз, В.А. Тешев, К.А. Глебова // Мир науки. 2016. Т. 4, № 3. С. 1–9.
4. Кружкова О.В., Девятковская И.В. Организационный вандализм: к проблеме деструктивного поведения персонала // Сибирский психологический журнал. 2017. № 63. С. 150–169.
5. Васько Е.В., Горюнова О.И. Психолого-правовой анализ деструктивных проявлений в сети Интернет // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 6. С. 104–110.
6. Familial and social transmission of suicidal behavior in older adults / L.B. Kenneally, A. Szűcs, K. Szanto, A.Y. Dombrovski // Journal of Affective Disorders. 2019. Vol. 245. P. 589–596.
7. Choi H., Jung Young-Il, Kim H. Factors related to aggressive behaviors among older adults in nursing homes of Korea: A cross-sectional survey study // International Journal of Nursing Studies. 2018. Vol. 88. P. 9–15.
8. Бехтерев В.М. Объективная психология / редкол. А. В. Брушлинский [и др.]; изд. подгот. В.А. Кольцова; отв. ред. тома Е.А. Будилова, Е.И. Степанова. М.: Наука, 1991. 475 с.
9. Сорокин П.А. Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь / сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2014. 495 с.
10. Юдин Б.Г. О теоретико-методологических основаниях биосоциологии // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 5. С. 96–101.
11. Волков В.А. Политическая экология как проект: между идеологией и политической религией // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 77–83. doi: 10.17223/15617793/481/9
12. Дриль Д.А. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. СПб.: Шиповник, 1912. 568 с.
13. Голосенко И.А. Социально-органическая теория Д.А. Дриля и ее место в истории российской социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 4, т. 5. С. 15–31.
14. Недосека Е.В., Ненько А.Е., Лисенков О.О. Репрезентация воспринимаемой безопасности городской среды в соседских онлайн-сообществах Санкт-Петербурга // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5. С. 196–215.

15. Лукьянец А.С., Моисеева Е.М., Кузнецов Н.Г., Тышкевич А.И. Климатические риски для населения в контексте национальной безопасности России // Российское общество и государство в условиях становления нового мирового порядка: демографическая ситуация в 2022 году / С.В. Рязанцев [и др.]; отв. ред. С.В. Рязанцев; ФНИСЦ РАН. М.: Проспект, 2023. С. 56–71.
16. Де Роберти Е.В. Новая постановка основных вопросов социологии: избранные труды / сост. А.О. Бороноев и М.В. Ломоносова, отв. ред. А.О. Бороноев; Санкт-Петербургский гос. ун-т, фак-т социологии, Социологическое о-во им. М.М. Ковалевского. СПб.: Алетейя, 2008. 495 с.
17. Григорьян Э.Р. Социознергетика и акупунктура как новая социальная технология // Регион и мир. 2019 № 6. С. 88–98.
18. Ковалевский М.М. От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1906. 528 с.
19. Шпак Л.Л. История отечественной социологии: учеб. пособие. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 310 с.
20. Магизинер Я.М. Политические идеи М.М. Ковалевского в связи с характеристикой его личности // Вестник Европы. 1917. № 3. С. 305–326.
21. Струве П.Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М.: Юрайт, 2023. 416 с.
22. Чичерин Б.Н. Что такое охранительные начала? // Наше время. 1862. № 39. С. 145–146.
23. Гастев А.К. Познание рабочего удара. Петроград: Издание «Пролеткульт», 1918. 149 с.
24. Богданов А.А. Тектология (Всеобщая организационная наука): в 2 кн.: Кн. 1 / редкол. Л.И. Абалкин (отв. ред.) и др. М.: Экономика, 1989. 304 с.
25. Коган Л.Н. Зло. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 109 с.
26. Сорокин О.В. Социокультурные основания встраивания образов девиантного поведения в процесс регуляции социальных взаимодействий в молодежной среде // Logos et Praxis. 2020. Т. 19, № 2. С. 74–83.
27. Канетти Э. Масса и власть / пер. с нем. Л.Г. Ионина. М.: Астрель, 2012. 574 с.
28. Ионин Л.Г. Социология в обществе знаний: от эпохи модерна к информационному обществу. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 431 с.
29. Яницкий О.Н. Индивид в современном информационном обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 2. С. 9–23. doi: 10.19181/ snsp.2020.8.2.7300
30. Кравченко С.А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 3–10.
31. Тощенко Ж.Т. «Кентавр-проблема» как особая форма противоречий общественного сознания и социальной практики // Социология власти. 2011. № 2. С. 6–19.
32. Прекариат: становление нового класса / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. 400 с.
33. Бирюков А.А. Появление прекариата или возвращение пролетариата? (О книге Гая Стэндинга «Прекариат – новый опасный класс») // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 158–162.
34. Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н. Социология цифрового общества. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2021. 226 с.
35. Вершинин С.Е., Борисова Г.А. Концепция социальной деструктивности Франкфуртской школы // Антиномии. 2005. № 6. С. 78–88.
36. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. / пер. с нем. М. Кузнецова. М.; СПб.: Медиум: Ювента, 1997. 312 с.
37. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. / авт. вступ. ст. П.С. Гуревич. М.: Республика, 1994. 447 с.
38. Усова Л.П. Совершенствование креативной девиации студенческой молодежи: социальная политика // Вестник ЗабГУ. 2015. № 8 (123). С. 88–96.
39. Головацкий Е.В. Региональная специфика цифровой мобилизации социального и политического взаимодействия сетевых сообществ // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2. № 4. С. 246–254. doi: 10.21603/2782-4799-2023-2-4-246-254

References

1. Antipova, E.A., Larionova, A.V. & Orlova, V.V. (2020) Destrutivnoye povedenie v problemnom pole gumanitarnoy nauki [Destructive behavior in the problem field of humanitarian science]. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium*. 4 (39). pp. 128–137.
2. Kuznetsova, M.N. (2018) Obzor teoreticheskikh aspektov destrutivnogo povedeniya lichnosti [Review of theoretical aspects of destructive behavior of an individual]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 2 (156). pp. 340–343.
3. Shelekhova, L.V. et al. (2016) Mobbing kak vid destrutivnogo povedeniya v obrazovatel'nykh organizatsiyakh vysshego obrazovaniya [Mobbing as a type of destructive behavior in educational organizations of higher education]. *Mir nauki*. 3 (4). pp. 1–9.
4. Kruzhkova, O.V. & Devyatkovskaya, I.V. (2017) Organizatsionnyy vandalizm: k probleme destrutivnogo povedeniya personala [Organizational vandalism: on the problem of destructive behavior of personnel]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal*. 63. pp. 150–169.
5. Vaske, E.V. & Goryunova, O.I. (2018) Psikhologo-pravovoy analiz destrutivnykh proyavleniy v seti Internet [Psychological and legal analysis of destructive manifestations on the Internet]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 6. pp. 104–110.
6. Kenneally, L.B. et al. (2019) Familial and social transmission of suicidal behavior in older adults [Familial and social transmission of suicidal behavior in older adults]. *Journal of Affective Disorders*. 245. pp. 589–596.
7. Choi, H., Jung, Young-Il & Kim, H. (2018) Factors related to aggressive behaviors among older adults in nursing homes of Korea: A cross-sectional survey study. *International Journal of Nursing Studies*. 88. pp. 9–15.
8. Bekhterev, V.M. (1991) *Ob'ektivnaya psikhologiya* [Objective Psychology]. Moscow: Nauka.
9. Sorokin, P.A. (2014) *Golod kak faktor: Vliyaniye goloda na povedeniye lyudey, sotsial'nyuyu organizatsiyu i obshchestvennyuyu zhizn'* [Hunger As a Factor: The Impact of Hunger on Human Behavior, Social Organization, and Public Life]. Syktyvkar: OOO "Anbur".
10. Yudin, B.G. (2017) O teoretiko-metodologicheskikh osnovaniyakh biosotsiologii [On the theoretical and methodological foundations of biosociology]. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*. 5. pp. 96–101.
11. Volkov, V.A. (2022) Political ecology as a project: Between ideology and political religion. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 77–83. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/9
12. Dril', D.A. (1912) *Ucheniye o prestupnosti i merakh bor'by s neyu* [The Doctrine of Crime and Measures to Combat It]. Saint Petersburg: Shipovnik.
13. Golosenko, I.A. (2002) Sotsial'no-organicheskaya teoriya D.A. Drilya i ee mesto v istorii rossiyskoy sotsiologii [Social-organic theory of Dmitriy Dril' and its place in the history of Russian sociology]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 4 (5). pp. 15–31.
14. Nedoseka, E.V., Nen'ko, A.E. & Lisenkov, O.O. (2022) Reprerzentatsiya vosprinimaemoy bezopasnosti gorodskoy sredy v sosedskikh onlayn-soobshchestvakh Sankt-Peterburga [Representation of perceived safety of the urban environment in neighboring online communities of Saint Petersburg]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 5. pp. 196–215.
15. Luk'yanets, A.S. et al. (2023) Klimaticheskie riski dlya naseleniya v kontekste natsional'noy bezopasnosti Rossii [Climate risks for the population in the context of Russia's national security]. In: Ryzantsev, S.V. (ed.) *Rossiyskoye obshchestvo i gosudarstvo v usloviyakh stanovleniya novogo mirovogo poriyadka: demograficheskaya situatsiya v 2022 godu* [Russian Society and the State in the Context of the Emergence of a New World Order: The demographic situation in 2022]. Moscow: Prospekt. pp. 56–71.
16. De Roberti, E.V. (2008) *Novaya postanovka osnovnykh voprosov sotsiologii: izbrannye trudy* [New Formulation of the Main Questions of Sociology: Selected works]. Saint Petersburg: Aletyaya.

17. Grigor'yan, E.R. (2019) Sotsioenergetika i akupunktura kak novaya sotsial'naya tekhnologiya [Socioenergetics and acupuncture as a new social technology]. *Region i mir*. 6. pp. 88–98.
18. Kovalevskiy, M.M. (1906) *Ot pryamogo narodopravstva k predstavitel'nomu i ot patriarkhal'noy monarkhii k parlamentarizmu. Rost gosudarstva i ego otrazhenie v istorii politicheskikh ucheniy* [From direct democracy to representative democracy and from patriarchal monarchy to parliamentarism. The growth of the state and its reflection in the history of political doctrines]. Moscow: Tip. T-va I.D. Sytina.
19. Shpak, L.L. (2004) *Istoriya otechestvennoy sotsiologii* [History of Russian Sociology]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
20. Magaziner, Ya.M. (1917) Politicheskie idei M.M. Kovalevskogo v svyazi s kharakteristikoy ego lichnosti [Political ideas of Maksim Kovalevsky in connection with the characteristics of his personality]. *Vestnik Evropy*. 3. pp. 305–326.
21. Struve, P.B. (2023) *Patriotica. Politika, kul'tura, religiya, sotsializm* [Patriotica. Politics, Culture, Religion, Socialism]. Moscow: Yurayt.
22. Chicherin, B.N. (1862) Chto takoe okhranitel'nye nachala? [What Are Conservative Principles?]. *Nashe vremya*. 39. pp. 145–146.
23. Gastei, A.K. (1918) *Poeziya rabocheho udara* [Poetry of the Working Strike]. Petrograd: Izdanie "Proletkul'ta".
24. Bogdanov, A.A. (1989) *Tektologiya (Vseobshchaya organizatsionnaya nauka)* [Tectology (General Organizational Science)]. Book 1. Moscow: Ekonomika.
25. Kogan, L.N. (1992) *Zlo* [The Evil]. Yekaterinburg: Ural State University.
26. Sorokin, O.V. (2020) Sotsiokul'turnye osnovaniya vstraivaniya obraztsov deviantnogo povedeniya v protsess regul'yatsii sotsial'nykh vzaimodeystviy v molodezhnoy srede [Sociocultural Foundations for the Integration of Deviant Behavior Patterns into the Process of Regulating Social Interactions Among the Youth]. *Logos et Praxis*. 2 (19). pp. 74–83.
27. Canetti, E. (2012) *Massa i vlast'* [Mass and Power]. Translated from German by L.G. Ionin. Moscow: Astrel'.
28. Ionin, L.G. (2007) *Sotsiologiya v obshchestve znaniy: ot epokhi moderna k informatsionnomu obshchestvu* [Sociology in the Knowledge Society: From the era of modernity to the information society]. Moscow: HSE.
29. Yanitskiy, O.N. (2020) Individ v sovremennom informatsionnom obshchestve [Individual in the modern information society]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2 (8). pp. 9–23. doi: 10.19181/ snsp.2020.8.2.7300
30. Kravchenko, S.A. (2014) "Normal'naya anomiya": kontury kontseptsii ["Normal anomie": contours of the concept]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 8. pp. 3–10.
31. Toshchenko, Zh.T. (2011) "Kentavr-problema" kak osobaya forma protivorechiy obshchestvennogo soznaniya i sotsial'noy praktiki ["The Centaur Problem" as a Special Form of Contradictions between Public Consciousness and Social Practice]. *Sotsiologiya vlasti*. 2. pp. 6–19.
32. Toshchenko, Zh.T. (ed.) (2020) *Prekariat: stanovlenie novogo klassa* [The Precariat: Formation of a New Class]. Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga.
33. Biryukov, A.A. (2015) Poyavlenie prekariata ili vozvrashchenie proletariata? (O knige Gaya Stendinga "Prekariat – novyy opasnyy klass") [The Emergence of the Precariat or the Return of the Proletariat? (On Guy Standing's Book "The Precariat: The New Dangerous Class")]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 10. pp. 158–162.
34. Vasilenko, L.A. & Meshcheryakova, N.N. (2021) *Sotsiologiya tsifrovogo obshchestva* [Sociology of Digital Society]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
35. Vershinin, S.E. & Borisova, G.A. (2005) Kontseptsiya sotsial'noy destruktivnosti Frankfurtskoy shkoly [The concept of social destructiveness of the Frankfurt School]. *Antinomii*. 6. pp. 78–88.
36. Horkheimer, M. & Adorno, Th. (1997) *Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty* [Dialectics of Enlightenment. Philosophical fragments]. Translated from German by M. Kuznetsov. Moscow; Saint Petersburg: Medium: Yuventa.
37. Fromm, E. (1994) *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [The Anatomy of Human Destructiveness]. Translated from German. Moscow: Respublika.
38. Usova, L.P. (2015) Sovershenstvovanie kreativnoy devyatsii studentcheskoy molodezhi: sotsial'naya politika [Improving the creative deviation of student youth: social policy]. *Vestnik ZabGU*. 8 (123). pp. 88–96.
39. Golovatskiy, E.V. (2023) Regional'naya spetsifika tsifrovoy mobilizatsii sotsial'nogo i politicheskogo vzaimodeystviya setevykh soobshchestv [Regional specifics of digital mobilization of social and political interaction of network communities]. *Virtual'naya kommunikatsiya i sotsial'nye seti*. 4 (2). pp. 246–254. doi: 10.21603/2782-4799-2023-2-4-246-254

Информация об авторах:

Нятин Н.В. — канд. социол. наук, доцент кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: kozeeva_n@mail.ru

Головацкий Е.В. — д-р социол. наук, профессор кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: xomaik@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.V. Nyatina, Cand. Sci. (Sociology), associate professor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kozeeva_n@mail.ru

E.V. Golovatsky, Dr. Sci. (Sociology), professor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: xomaik@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.06.2023;
одобрена после рецензирования 17.04.2024; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 02.06.2023;
approved after reviewing 17.04.2024; accepted for publication 30.04.2024.

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94(57)
doi: 10.17223/15617793/501/11

Переселение армян из Каджарского Ирана на Южный Кавказ (1828–1830)

Нигяр Ровшан Гезалова¹

¹ Национальная академия наук Азербайджана, Баку, Азербайджан, nigar22@gmail.com

Аннотация. Ставится задача показать целенаправленную политику российского правительства по переселению христианского населения на новозавоеванные земли Южного Кавказа, выявляются причины заинтересованности российских властей в переселении христианского населения. Отмечается, что эти переселенцы рассматривались российскими властями как весьма важный элемент укрепления своих позиций на Южном Кавказе. Исследуется численность армянского населения в Каджарском Иране накануне переселения. Особое внимание уделяется вопросу о географии расселения армянского населения из Каджарского Ирана и Османской Турции на территории Южного Кавказа.

Ключевые слова: Российская империя, Каджарский Иран, Южный Кавказ, русско-иранские войны, Туркманчайский договор, Адрианопольский договор, переселенческая политика

Для цитирования: Гезалова Н.Р. Переселение армян из Каджарского Ирана на Южный Кавказ (1828–1830) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 97–103. doi: 10.17223/15617793/501/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/11

Armenians' resettlement from Qajar Iran to the South Caucasus (1828–1830)

Nigyar R. Gezalova¹

¹ Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan, nigar22@gmail.com

Abstract. Due to the successful end of the Russo-Iranian war (1826–1828) and Russo-Turkish war (1828–1829), the Russian government began to encourage the resettlement of Armenians to newly obtained “Russian” lands in the South Caucasus. The Russian Empire’s policy was to force out the numerous local Turkish population with the help of the Christian minority (Armenians) as they considered the former unreliable. Resettling Armenians implied various political and economic purposes, but, ultimately, it overlapped with the desire to christianize the region, which was carried out not only for the sake of pure religion but also in order to increase the loyal population on the Muslim-dominated frontiers. The geopolitical consideration, the expansion into Qajar Iran and Ottoman domains, was the important factor in this regard. Thus, Christians, mainly Armenians, living in Qajar Iran were given the right to get Russian citizenship. Numerous resettlement campaigns throughout the 19th century led to the radical transformation of the South Caucasus, especially the territory of Irevan and Karabakh khanates. Thus, demography was gradually turning into a political instrument. This policy implementation resulted in the mass resettlement of Armenians onto the South Caucasus lands within a very short period of time. So the ethnic composition of this area was inexorably changing in favor of Armenians due to the artificial increase of Armenians in the “Armenian oblast” together with squeezing local Azerbaijani Turks from the South Caucasus to Qajar Iran and Ottoman Turkey, which was performed by Russia. The following period also witnessed the resettlement of Armenians from Ottoman Turkey. With the conquest of the Russian Empire of the South Caucasus in the early 19th century, there emerged a new political situation. The policy of the Russian Empire aimed at creating a socio-ethnic support in the face of Armenians led to the strengthening of the Christian element in the South Caucasus. The essence of the disputes observed today, its roots go back to those times. Thus, the events mentioned above are considered to be the most important stage in the South Caucasus history, and it is these events that quite seriously changed the ethno-political map of the region.

Keywords: Russian Empire, Qajar Iran, South Caucasus, Russo-Iranian wars, Treaty of Turkmenchay, Treaty of Adrianople, resettlement policy

For citation: Gezalova, N.R. (2024) Armenians' resettlement from Qajar Iran to the South Caucasus (1828–1830). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 97–103. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/11

Успешно завершив две русско-иранские войны (1804–1813, 1826–1828) и русско-турецкую войну (1828–1829), Россия окончательно укрепилась на Южном Кавказе. С завоеванием Южного Кавказа российское правительство стало всячески поощрять переселение христиан на вновь завоеванные «российские» земли. Переселенческая политика России реализовывалась согласно специальным статьям Туркманчайского (1828) и Адрианопольского (1829) договоров.

Подавляющую часть переселенцев на Южный Кавказ составляли армяне, с помощью которых Россия намеревалась создать в первую очередь надежную этноконфессиональную опору в пограничных с Османской Турцией и Каджарским Ираном территориях [1. Л. 21]. Особое место занимала XV статья Туркманчайского договора, по условиям которого государство Каджаров обязывалось не препятствовать переселению тех своих подданных, которые пожелают этого, и предоставить им годичный срок для свободного перехода, вывоза и продажи движимого имущества [2. С. 320]. «Его высочество Шах дарует всеобщее прощение всему населению области, называемой Азербайджан. Кроме того, начиная с этого дня, в течение одного года они имеют право вместе со своей семьей переходить из Ирана в Россию без каких-либо препятствий со стороны местных начальников и чиновников, а также продавать движимый товар, не облагаясь никакими таможенными пошлинами и налогами. Что касается недвижимого имущества, то для его продажи или какого-то добровольного решения о нём определяется пять лет» [3. С. 221–222]. Процесс переселения армян был составной частью колониальной политики российского правительства и исходил из установок, что «умножение водворенного христианского соплеменного народа может поставить на рубеж России надежный оплот к отражению неприятных действий сопредельных жителей оной, особенно Турок, Персиян и Горцев» [4. С. 93].

21 марта 1828 г. Николай I (1825–1855) издал специальный указ о создании так называемой «Армянской области» [5. С. 487] с центром в Иереване. В Указе говорится: «Согласно Договору, заключенному с Ираном, повелеваю Эриванское и Нахчыванское ханства, присоединенные к России, после этого именовать Армянской областью и включить в наш титул. Об устройстве этой области и положениях ее управления Высший сенат получит необходимые указы в свое время» [6. С. 272–273]. Кроме того, «по присоединению навсегда ханств Эриванского и Нахичеванского к России под именем Области Армянской, Эчмиадзинский монастырь состоял во владении государя Всероссийского, пользоваться будет не только совершенным спокойствием и тишиною мира с Персией, в стране сей восстановленными, но и особым покровительством нашего правительства, принимавшего всегда церковь и народ Армянский под свою высочайшую защиту» [5. С. 253].

В феврале – марте 1828 г. был создан комитет по переселению христианского населения из Каджарского государства. Председателем комитета стал майор Б. Володимеров, которого позже сменил М.З. Аргутинский-Долгоруков [7. С. 61, 63]. Пересе-

леницам были определены большие льготы: они в течение 6 лет освобождались от налогов и воинской повинности, им выделялись земельные наделы, кроме того им выплачивали пособия за счёт контрибуции, полученной от Каджарского Ирана, и т.д. [8. Р. 604] После некоторых подготовительных мероприятий началось переселение. Руководить организацией переселения командующим войсками на Кавказе И.Ф. Паскевич назначил полковника Л. Лазарева. Выбор Паскевича не был случаен. Он рассчитывал, что Лазарев как этнический армянин проявит необходимое рвение в деле переселения армянского населения из Ирана под власть российского правителя. В письме Лазарева к Паскевичу отмечается: «По заключению Вами достопамятного для России мира с Персией в 1828 г. Ваше сиятельство удостоили меня быть исполнителем одного из полезных для отечества предначертаний Ваши переселения христиан из владений Персидских в новоприобретенные Россию провинции Нахичевани и Эривани, ныне благою монарха наименовали Армянской областью» [9. Л. 4]. «В помощь ему были даны несколько штаб- и обер-офицеров по большей части армянского происхождения или знающих язык сего народа» [8. Р. 603, 652]. 26 февраля 1828 г. полковник Лазарев получил «Правила» о переселении христианского населения, регламентирующие порядок и добровольность переселения под его руководством [9. Л. 5]. В марте того же года к команде Лазарева присоединились каджарские чиновники Мирза Масуд и Семино, британский поверенный Г. Уиллок, которые были уполномочены наблюдать за процессом переселения [4. С. 49].

Сведений относительно численности армянского населения в Каджарском Иране накануне их переселения недостаточно, так как никаких переписей в это время не проводилось. Однако о примерном числе армянского населения мы можем судить по данным британских представителей, находившихся в это время в Каджарском Иране. Так, согласно архивным данным число христианского населения Азербайджанской провинции Каджарского Ирана «составляло «примерно 15 000 семей или примерно 70 000 ч-к» [8].

Переселение армян из Каджарского Ирана фактически началось с марта 1828 г. Понимая, что, несмотря на годичный срок, после вывода российских войск последуют трудности, Лазарев спешил завершить переселение до окончательного вывода российских войск. Лазарев и его представители на местах, нарушая условия соответствующих статей Туркманчайского договора, не соблюдали заложенный в них принцип добровольности и старались насильно переселять армян. В связи с этим Аббас Мирза несколько раз обращался к Лазареву с тем, чтобы подчиненные ему офицеры прекратили насильственное переселение армян и придерживались бы условий Туркманчайского договора [5. С. 615]. Британские источники также зафиксировали случаи принуждения армянского населения к переселению. Наиболее проявил себя армянский архиепископ Нерсес Аштарекец, который «угрожал им отлучением, если они не уйдут от мусульманских правителей» [8].

Специальной директивой Паскевич запрещал поселять переселенцев на помещичьих землях, допуская поселение «на землях монастырских в случае совершенного недостатка земель казенных» [10. С. 158–159]. Однако, вопреки директиве Паскевича о размещении армян не на помещичьих землях, а на государственных, большая часть армян была размещена на помещичьих. «Армяне большею частью поселены на землях помещичьих мусульманских. Летом это еще можно было допустить. Хозяева, мусульмане, большею частью находились на кочевьях и мало имели случаев сообщаться с иноверными пришельцами... Переселенцы находятся сами в тесноте и теснят мусульман, которые все ропщут и основательно... Много должно ожидать от старания тех, которые ныне заведывают водворением пришельцев, особенно от кн. Аргутинского... Так же мы с ним немало рассуждали о внушениях, которые должно делать мусульманам, чтобы помирить их с нынешним их отягощением, которое не будет долговременно, и искоренить из них опасение насчет того, что армяне завладеют навсегда землями, куда их на первый раз пустили. В том же смысле говорено мною и полицмейстеру, членам правления и ханам, которые у меня здесь были» [5. С. 642–644]. В своем донесении главнокомандующему в Грузии Паскевичу от 1 октября 1828 г. полномочный министр в Иране А.С. Грибоедов сообщает о беспорядках и притеснениях, которые имели место при расселении армян, переселяемых из Каджарского Ирана в «Армянскую область». Он предлагает направить армянских переселенцев на малозаселенные земли, учитывая, во избежание религиозных распри, разное вероисповедание коренных жителей и переселенцев [5. С. 647–649]. Тем не менее процесс расселения армян на помещичьих землях продолжился. Но подобное распределение совершенно не соотносилось с этнографическими, историческими, религиозными и бытовыми особенностями местного населения. Большинство переселенцев разместилось на территориях бывшего Иреванского, Карабахского и Нахичеванского ханств [4. С. 92], пограничных с Каджарским Ираном и Османской Турцией.

Содержание итогов своей переселенческой деятельности Л. Лазарев представил министру внутренних дел А.А. Закревскому. В своем отчете Лазарев приводит цифру в 8 249 семей, переселенных из Каджарского Ирана. Согласно официальным данным Лазарева, «из магалов Гармарутского, Сарабского и Мегренарупского было выселено – 154 семейства; из магалов ханства Марагинского выселено было 697 семейств; из магалов ханства Урмийского выселено 2 021 семейство; еще из некоторых селений ханства Урмийского 310 семейств; из городов Тебриза и деревень ханства Тебриз, округа Салмасского и Хойского, магала Макинского и ханства Казвинского – 4 581 семейств; из округа Салмасского выселено 485 семейств» [9. Л. 12 об.]. По данным британских архивных материалов, помимо Урмийского, Хойского, Сарабского, Тебризского, Макинского, Марагинского и Казвинского ханств (упомянутых в отчете Лазарева), также было переселено армянское население из трех магалов Карадагского ханства.

Так, согласно отчету британского наблюдателя за процессом переселения лейтенанта Ши в Карадагском ханстве в течение мая 1828 г., практически все армянское население из восьми селений Кейви(а)нского магала, девяти селений Челаб(в)ианского магала, пяти селений Гермадузского магала было переселено [8]. Однако почему то мы не встречаем упоминания о переселении армян из Карадагского ханства в отчете Лазарева, соответственно и данные, приводимые им, не могут считаться точными. Что приводит к выводу, реальное число переселенцев было значительно больше. Из этих упомянутых в отчете Лазарева 8 249 христианских семей около 100 семей были несторианами, остальные же – армянскими семьями. На устройство и пособие переселенцам из Ирана было выделено 30 150 руб. из 100 тыс. рублей серебром, предусмотренных на устройство ирригационной системы Иреванской и Нахичеванской провинции [11. С. 19].

По данным камерального описания 1829–1832 гг. «Армянская область» делилась на Иреванскую и Нахичеванскую провинции, самостоятельный Ордубадский округ, 1 111 селений и три города. Согласно этой камеральной переписи, 366 армянских семей в составе 1 715 человек, переселенных из Ирана, были размещены в городе Иреване, 265 семей в составе 1 110 человек были размещены в городе Нахичевани и 36 семей в составе 182 человек были размещены в городе Ордубаде. Остальные переселенные армяне были размещены в 119 деревнях Иреванского ханства, в 61 деревне Нахичеванского ханства и в 11 деревнях Ордубадского округа. В общем армяне были размещены: в Иреванской провинции 4 559 семей (23 568 чел.), в Нахичеванской провинции – 2 137 семей (10 652 чел.) и в Ордубадском округе 250 семей (1 340 чел.) [13. С. 635–638]. В результате в «Армянскую область» были переселены 6 946 семей (35 560 чел.) [13. С. 539–540]. Однако это официальные данные о численности переселенного армянского населения, которые были размещены на территории «Армянской области»; остальные 1 303 семьи были переселены на территорию Карабахской провинции [13. Р. 25–32].

Успешное окончание для России войны с Османской Турцией открыло для российского правительства широкие возможности для продолжения ее переселенческой политики. Второй массовый поток армянских переселенцев на территорию Южного Кавказа начался после заключения Адрианопольского договора (1829). Так, согласно XIII статье Адрианопольского договора, завершившего русско-турецкую войну 1828–1829 гг., армянам, проживающим на захваченных территориях Османской империи, было дано право в течение 18 месяцев и «если пожелает переселиться со своим семейством и движимым имуществом в другую страну по его избранию» [14. Р. 198].

Для организации столь масштабного проекта в Тифлисе был организован особый Комитет во главе с Грузинским гражданским губернатором П.Д. Завилейским. Согласно предписанию генерала А.С. Паскевича от 3 декабря 1829 г. Комитету вменялось в обязанности выяснить наличие пустопорожних казенных земель в Грузии и других провинциях.

Согласно правилам Комитета по переселению христиан из Османской империи, для переселенцев должны были быть отведены самые удобные и пригодные земли, в которых не было бы недостатка в хорошей воде. Особое место отводилось размещению турецких армян в «Армянской области» [5. С. 831–832]. С 1 января 1831 г. на армянских переселенцев из Османской Турции были распространены льготы по «Положению о принятии поселенцев». Выходцам из Османской империи было выделено пособие около 25 руб. серебром на семью. Все переселенцы были разделены на три категории: торговцы, ремесленники и крестьяне. В зависимости от категории семьи селились в городах или сельской местности, при этом старались соблюдать принцип сохранения переселяемых общин и, кроме того, размещать людей в знакомых климатических условиях: горцев – в горах, жителей равнин – на плоскости [11. С. 19]. Важную роль в переселении сыграло армянское духовенство, которое присутствовало в крае российских войск. Наиболее отличился в этом деле архиепископ Карапет, стоявший во главе Эрзерумской епархии [15. С. 660].

Согласно британским источникам, накануне переселения армян население Баязетского пашалыка составляло около 30 тыс. человек, большинство из которых были турки, а остальные армяне; население пашалыка Ван составляло до 50 тыс. человек, две трети из которых турки, а остальные курды и армяне [16. Р. 322, 327–328]. Более точные данные о численности армянского населения в приграничных с Российской империей районах Османской империи, откуда должен был двигаться основной поток армян-переселенцев, можно получить из российских источников. Так, российскими официальными лицами было зафиксировано что: в Баязетском пашалыке было до 20 тыс. армянских дворов; в Ванском пашалыке – до 2 500 армянских дворов, а в пашалыке Муш – до 15 тыс. дворов [17. Л. 22–23]; население Эрзерума составляло 100 тыс. человек, из них 15 тыс. армяне [16. Р. 322, 327–328].

Согласно данным официальных российских источников, число переселившихся из Эрзерумского, Мушского, Баязетского, Карского и Ахалцского пашалыков Османской Турции составляло примерно 90 тыс. душ [18. С. 291] (14 044 семьи [5. С. 847]). Из них примерно 7 298 семей поселилось в Ахалцхе, Борчалинской дистанции, в окрестностях Цалке и в Памбак-Шурагельской дистанции; 2 464 семейства были размещены в Талышском магале «Армянской области» [12. С. 635–638]; еще 4 215 семей из Баязидского пашалыка – в «Армянской области», вокруг озера Гейча (Севан) и в районах Иревана и Карабаха [19. С. 672–673]. Таким образом, армянские переселенцы из Османской Турции на Южный Кавказ были в основном размещены в Ахалцхе и «Армянской области» [5. С. 845]. Но это только официальные цифры, по оценкам некоторых исследователей, в действительности число армян-переселенцев из Османской империи превысило 100 тыс. человек [20. С. 227–228].

Следует еще раз подчеркнуть, что переселение армян было строго организовано и поощряемо российским правительством. Так, в отношении Паскевича к

министру внутренних дел Российской империи Д.Н. Блудову от 16 ноября 1828 отмечается следующее: «При самом начале еще войны, он (архиепископ Нерсес) беспрестанно утверждал что, коль скоро ханства Эриванское и Нахичеванское будут заняты нашими войсками, то тот час явятся тысячи армян из Персии, Турции и даже из Индии, со всеми приобретенными богатствами для заселения оных. Но упомянутые ханства были заняты, и некто не помышлял о переселении в оных до тех пор, пока... я решил не делать общее по сему предмету распоряжение, назначил особых для вспомоществования офицеров, определив... значительные суммы и предписал начальникам всех отдельных отрядов занимавших Азербайджан покровительствовать переселению... Итак, если до 7 тысяч армянских семейств переселилось из Персии в наши владения, то сие отнести должно не к мнимому влиянию архиепископа Нерсеса, но к усердию и расторопности употребленных мной для сего дела офицеров и особливо денежному вспоможению, которое я решился дать переселенцам» [5. С. 260].

Согласно правилам Комитета по переселению христиан из Азиатской Турции, для переселенцев должны были быть отведены самые удобные и пригодные земли, в которой не было бы недостатка в хорошей воде [15. С. 657]. Как отмечал Потто, вначале армянских переселенцев по возможности пытались не селить в деревни местного тюркского населения, а образовывали отдельные волости и округа, или же их селили в уже имеющиеся армянские деревни, имевшие избыток земли [5. С. 831–832]. Однако это не смутило, например, начальника «Армянской области» В.О. Бейбутова, нарушив предписания Паскевича, решил пойти на уступки своим соплеменникам и сделал распоряжение о размещении временно, до особого предписания, вновь переселяющихся армян в районе Гейчи, в жилых домах [21. С. 608]. Таким образом, несмотря на указание Паскевича разместить переселенцев на государственных землях, большинство армян были размещены на частных землях, принадлежавших местному тюркскому населению. Более того, армянам были переданы дома местного населения, находившегося в этот момент на *яйлагах* (летние высокогорные пастбища). Это были районы наиболее плодородных, орошаемых земель; наконец, здесь были готовые жилища. Таким образом, коренное население, вернувшись из *яйлагов*, оказывалось лишенным своих домов. «Переселение отдельных групп, начавшееся после подписания Туркманчайского договора, сразу же приняло уродливые формы: специального земельного фонда отведено не было, большую часть новых жителей разместили в жилищах крестьян (тюрков), находившихся на кочевках, что потом вызвало большие осложнения» [22. С. 135]. Если коренные жители требовали освободить принадлежащие им жилища, в таких случаях дело доходило через магального начальника до правления. В большинстве возникавших конфликтов правление становилось на сторону переселенцев.

Политика по интенсивному заселению армянами «Армянской области» правительством Российской империи привела к резкому изменению их численного соотношения с численностью местного тюркского населения в пользу армян-переселенцев.

И. Шопен указывал, что в Иреванской провинции из 2 984 тюркских семей осталось 847, или 28%, т.е. их количество сократилось в три с половиной раза [12. С. 541]. В результате переселенческой политики, ущемляющей земельные права коренного тюркского населения и предоставляющей широкие привилегии армянским переселенцам, начался вынужденный отток тюркского населения в Каджарский Иран и Османскую Турцию.

В результате искусственного роста численности армян на Южном Кавказе этнический состав в «Армянской области» неуклонно изменялся в пользу армян, а переселение армян из Османской Турции было продолжено и в последующий период. Эти события положили начало длительному процессу, в результате которого, начиная с первой трети XIX в., армяне стали численно преобладать на территории нынешней Республики Армении, которая создана на землях бывших азербайджанских ханств. После каждой войны России с Османской Турцией (1853–1856, 1877–1878), появлялись новые волны переселенцев. Как писал Величко, «Каждая русско-турецкая война увеличивала количество армян в России» [23. С. 84]. Так, к 1832 г. численность армянского населения «Армянской области», достигла 50%. По словам немецкого путешественника барона Хакстаузена (побывавший на Кавказе в 1843–1844 гг.), от одной трети до половины 300-тысячного населения «Армянской области» составляют переселенцы из Каджарского Ирана и Османской Турции [24. Р. 251]. Согласно переписи 1850 г., примерно половина армянского населения Южного Кавказа иммигрировала сюда начиная с 1830 г. Согласно данным Евецкого, к 1835 г. на Южный Кавказ переселилось около 150 тыс. армян [25. С. 245]. По утверждению русского исследователя А.В. Парвицкого, превышение армянского населения над татарским в Эриванской губернии объясняется тем, что в 1877 г. на территорию уезда было переселено несколько армянских семей, выведенных генералом Тер-Гукасовым из Османской Турции [26. С. 307]. Как утверждает в своей работе, написанной в 1911 г., русский этнограф Н. Шавров, «из 1 300 000, проживающих ныне в Закавказье армян, более 1 000 000 душ не принадлежит к числу коренных жителей края и поселены нами» [27. С. 64].

В целом в своей кавказской политике российское правительство преследовало несколько важных внешнеполитических целей: создание стратегического плацдарма на границах с Каджарским Ираном и Османской империей; превращение Южного Кавказа в надежную военную базу для дальнейшего вторжения на запад и юг; обеспечение контроля над побережьем Каспийского моря и его акваторией, а также пролегающими по этой территории торговыми путями с юга на север и с запада на восток.

Создание в марте 1828 г. «Армянской области» на Южном Кавказе и скорая ее ликвидация в 1840 г. показывают, что данный проект являлся промежуточным для российских властей и был направлен на решение нескольких важных задач. Во-первых, обеспечил в короткие сроки массовое переселение армян из Каджарского Ирана и Османской империи на вновь завоеванные мусульманские окраины империи, чтобы в дальнейшем, путем умножения их численности, создать в иноязычной, иноконфессиональной для русских среде крепкую христианскую опору; во-вторых, был связан с отсутствием у российского правительства в первое время после завоевания Южного Кавказа четкой программы политико-административного и экономического освоения края. Решив эти проблемы, российское правительство вскоре ликвидировало искусственное армянское административное образование. Таким образом, демография постепенно превращалась в инструмент политики. В результате реализации такой политики в кратчайшие сроки было осуществлено массовое переселение армян на земли Южного Кавказа. В то же время надо признать, что создание «Армянской области» позволило армянам после многовекового блуждания получить территории для компактного проживания, начался процесс консолидации армян, живущих в разных странах, путем их переселения на эти территории.

Административно-территориальные реформы, проводившиеся российским правительством начиная с 1840 г. и на протяжении всего XIX в., показывают, что в процессе организации Российской империей присоединенных земель начинают проявляться новые для региона факторы и принципы. Во-первых, унифицирование административного устройства Кавказа по подобию общеимперского. Во-вторых, образование соразмерных по площади и численности населения территориальных единиц с однотипной административной структурой. Лишая народы права на сохранение какой-либо формы государственности, российский колониальный режим при реализации административно-территориальных преобразований в регионе абсолютно игнорировал принцип этнического единства и территориальной целостности народов. Неоднократное административное перекраивание карты Кавказа было направлено на укрепление «спаянности» края с империей и ослабление преобладания одной части населения в ущерб другой в какой-либо его части. В результате ни одна из губернских границ, в частности, на Южном Кавказе не совпадала с этническими границами, что привело к анклавно-дисперсному расселению тюркского, грузинского и в основной массе недавно переселившегося армянского населения. Тем самым закладывался фундамент будущих межэтнических и межгосударственных конфликтов на Южном Кавказе. Таким образом, отмеченные выше события, представляли собой важнейший этап в истории Южного Кавказа, обусловивший серьезные изменения в этнополитической карте региона.

Список источников

1. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3760.
2. Под стягом России: сборник архивных документов / сост. А. Сазонова [и др.]. М., 1992.
3. Договоры России с Востоком. Политические и торговые / сост. Т.Д. Юзефович. СПб., 1869.
4. Глинка С. Описание переселения армян азербайджанских в пределы России. М., 1831.

5. Акты, собранные Кавказской археологической комиссией // Архив Главного управления наместника кавказского (АКАК) / под ред. А.П. Берже. Т. VII. Тифлис, 1878.
6. Полное Собрание Законов Российской империи: Собрание второе. СПб., 1830. Т. III.
7. Газарян И. Переселение армян из Персии в Армянскую область в 1828 г. // Известия Академии наук Армянской ССР. Общественные науки. 1957. № 7. С. 61–71.
8. British Library, India Office Records, Political and Secret Department Records, Secret Letters and Enclosures from Persia (IOR). Political and Secret Department records (L/PS). IOR/L/PS/9/89, From Colonel Macdonald to Secret Committee. 19 April 1828.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 29. Д. 539.
10. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М., 1938. Т. II.
11. Тунян В.Г. Проекты экономического освоения Закавказья. 1826–1834 гг. // Вестник общественных наук. 1989. № 11. С. 15–25.
12. Шопен И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб., 1852.
13. Arzumalı V., Mustafa N. Tarixin qara səhifələri: Deportasiya. Soyqırım. Qaçqınlıq. Bakı, 1998.
14. Besim Ö. 1828–29 Osmanlı-Rus Harbinde Erzurum Eyaletinden Rusyaya Göçürülen Ermenilerin Geri Dönüşlerini Sağlama Faaliyetleri. A.U. Türkiye Araştırmaları Enstitüsü Dergisi. 2011. № 46. P. 195–204.
15. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1889. Т. IV.
16. Kinneir J.M. Journey through Asia Minor, Armenia, and Koordistan in the years 1813 and 1814: with remarks on the marches of Alexander and retreat of the ten thousand. London, 1818.
17. РГИА. Ф. 880. Оп. 5. Д. 16.
18. Ушаков Н.И. История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах. СПб., 1836. Ч. 2.
19. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1889. Т. V.
20. Шербаков А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб., 1891. Т. III.
21. Присоединение Восточной Армении к России. Сборник документов. Т. II: 1814–1830. Ереван, 1978.
22. Ениколопов И. К. Грибоедов и Восток. Ереван, 1954.
23. Величко В.Л. Кавказ. Русское дело и междоусобицы. Баку, 1990.
24. Haxthausen B. Transcaucasia: Sketches of the Nations and Races between the Black Sea and the Caspian. London, 1854.
25. Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835.
26. Парвицкий А.В., Маркова Ф.Т. Экономический быт государственных крестьян юго-западной части Новобаязетского уезда Эриванской губернии. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, 1885. Т. I.
27. Шавров Н.Н. Новая угроза русскому делу в Закавказье: предстоящая распродажа Мугани инородцам. СПб., 1911.

References

1. Russian State Military Historical Archive. Fund 1. List 2. File 3760. (In Russian).
2. Sazonova, A. et al. (1992) *Pod styagom Rossii: sbornik arkhivnykh dokumentov* [Under the Banner of Russia: A collection of archival documents]. Moscow: Russkaya kniga.
3. Yuzefovich, T.D. (ed.) (1869) *Dogovory Rossii s Vostokom. Politicheskie i torgovye* [Treaties of Russia with the East. Political and trade]. Saint Petersburg: Tip. O.I. Baksta.
4. Glinka, S. (1831) *Opisanie pereseleniya armenyaderbizhanskikh v predely Rossii* [Description of the resettlement of the Aderbizhan Armenians within the borders of Russia]. Moscow: Tipografiya Lazarevskikh Instituta vostochnykh yazykov.
5. Arkhiv Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo (AKAK) [Archive of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus (AKAK)]. Berzhe, A.P. (ed.) (1878) *Akty, sobrannye Kavkazskoy arkheologicheskoy komissiei* [Acts collected by the Caucasian Archaeological Commission]. Vol. 7. Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo.
6. Speranskiy, M.M. (ed.) (1830) *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiyskoy imperii: Sobranie vtoroe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire: Second Collection]. Vol. 3. Saint Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy ego imperatorskogo velichestva kantselyarii.
7. Gazaryan, I. (1957) *Pereselenie armenyan iz Persii v Armyanskuyu oblast' v 1828 g.* [The resettlement of Armenians from Persia to the Armenian region in 1828]. *Izvestiya Akademii nauk Armyanskoy SSR. Obshchestvennyye nauki*. 7. pp. 61–71.
8. British Library, India Office Records, Political and Secret Department Records, Secret Letters and Enclosures from Persia (IOR). Political and Secret Department records (L/PS). IOR/L/PS/9/89, From Colonel Macdonald to Secret Committee. 19 April 1828.
9. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 383. List 29. File 539.
10. Lazarevskiy institut vostochnykh yazykov [Lazarev Institute of Oriental Languages]. (1838) *Sobranie aktov, odnosyashchikhsya k obozreniyu istorii armyanskogo naroda* [Collection of Acts Related to the Review of the History of the Armenian People]. Vol. 2. Moscow: Tipografiya Lazarevskikh Instituta vostochnykh yazykov.
11. Tunyan, V.G. (1989) *Proekty ekonomicheskogo osvoeniya Zakavkaz'ya. 1826–1834 gg.* [Projects for the economic development of Transcaucasia. 1826–1834]. *Vestnik obshchestvennykh nauk*. 11. pp. 15–25.
12. Shopen, I. (1852) *Istoricheskiy pamyatnik sostoyaniya Armyanskoy oblasti v epokhu ee prisoedineniya k Rossiyskoy imperii* [Historical monument of the state of the Armenian region during the era of its annexation to the Russian Empire]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk.
13. Arzumalı, V. & Mustafa, N. (1998) *Tarixin qara səhifələri: Deportasiya. Soyqırım. Qaçqınlıq*. Bakı: Qartal.
14. Besim, Ö. (2011) 1828–29 Osmanlı-Rus Harbinde Erzurum Eyaletinden Rusyaya Göçürülen Ermenilerin Geri Dönüşlerini Sağlama Faaliyetleri. *A.U. Türkiye Araştırmaları Enstitüsü Dergisi*. 46. pp. 195–204.
15. Potto, V.A. (1889) *Kavkazskaya voyna v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh* [The Caucasian War in Individual Essays, Episodes, Legends, and Biographies]. Vol. 4. Saint Petersburg: Izd. kn. skl. V.A. Berezovskogo.
16. Kinneir, J.M. (1818) *Journey through Asia Minor, Armenia, and Koordistan in the years 1813 and 1814: with remarks on the marches of Alexander and retreat of the ten thousand*. London: John Murray.
17. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 880. List 5. File 16.
18. Ushakov, N.I. (1836) *Istoriya voennykh deystviy v Aziatskoy Turtsii v 1828 i 1829 godakh* [History of Military Operations in Asian Turkey in 1828 and 1829]. Part 2. Saint Petersburg: Tip. E. Pratsa i K^o.
19. Potto, V.A. (1889) *Kavkazskaya voyna v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh* [The Caucasian War in Separate Essays, Episodes, Legends, and Biographies]. Vol. 5. Saint Petersburg: Tipo-lit. R. Golike.
20. Shcherbatov, A.P. (1891) *General-fel'dmarshal knyaz' Paskevich. Ego zhizn' i deyatel'nost'* [Field Marshal Prince Paskevich. His Life and Work]. Vol. 3. Saint Petersburg: Tipo-lit. R. Golike.
21. Agayan, Ts.P., Diloyan, V.A. & Aleksanyan, A.V. (eds) (1978) *Prisoedinenie Vostochnoy Armenii k Rossii. Sbornik dokumentov* [The Annexation of Eastern Armenia to Russia. Collection of Documents]. Vol. 2. Yerevan: ArmSSR AS.
22. Enikolopov, I. K. (1954) *Griboedov i Vostok* [Griboedov and the East]. Yerevan: Aypetrat.
23. Velichko, V.L. (1990) *Kavkaz. Russkoe delo i mezhduplemennyye voprosy* [The Caucasus. Russian Affairs and Intertribal Issues]. Bakı: Elm.
24. Haxthausen, B. (1854) *Transcaucasia: Sketches of the Nations and Races between the Black Sea and the Caspian*. London: Chapman and Hall.

25. Evetskiy, O.S. (ed.) (1835) *Statisticheskoe opisanie Zakavkazskogo kraya* [Statistical Description of the Transcaucasian Region]. Saint Petersburg: Tip. Shtaba Otd. korpusa vnutr. strazhi.
26. Parvitskiy, A.V. & Markova, F.T. (1885) *Ekonomicheskiy byt gosudarstvennykh krest'yan yugo-zapadnoy chasti Novobayazetskogo uezda Erivanskoy gubernii. Materialy dlya izucheniya ekonomicheskogo byta gosudarstvennykh krest'yan Zakavkazskogo kraya* [Economic Life of State Peasants of the Southwestern Part of Novobayazetsky District of the Erivan Province. Materials for the study of the economic life of state peasants of the Transcaucasian region]. Vol. 1. Tiflis: [s.n.].
27. Shavrov, N.N. (1911) *Novaya ugroza russkomu delu v Zakavkaz'e: predstoyashchaya rasprodazha Mugani inorodtsam* [New Threat to the Russian Cause in Transcaucasia: The upcoming sale of Mugan to foreigners]. Saint Petersburg: Russkoe sobranie.

Информация об авторе:

Гезалова Н.Р. – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела истории международных отношений Национальной академии наук Азербайджана (Баку, Азербайджан). E-mail: nigar22@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.R. Gezalova, Dr. Sci. (History), leading research fellow, Azerbaijan National Academy of Sciences (Baku, Republic of Azerbaijan). E-mail: nigar22@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.02.2019;
одобрена после рецензирования 08.06.2021; принята к публикации 30.04.2024.*

*The article was submitted 25.02.2019;
approved after reviewing 08.06.2021; accepted for publication 30.04.2024.*

Научная статья
УДК 929.52
doi: 10.17223/15617793/501/12

«Разсудил я заблаговременно жилище мое заказать и... последнее мое намерение объявить»: духовное завещание итальянского архитектора Петербурга Карло Джузеппе Треззини (1768 г.)

Наталья Вадимовна Козлова¹

¹ *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, kozlova.n.v.i@gmail.com*

Аннотация. На основе крепостной записи духовного завещания известного итальянского архитектора Карло Джузеппе Треззини (1697–1768), выявленной среди коллекции записных книг частноправовых актов РГАДА, представлены ранее не известные обстоятельства его личной жизни в Петербурге, участником строительства которого он являлся на протяжении более 45 лет своей жизни. Приводятся сведения о домашнем быте, финансовом и имущественном положении, об отношениях с близкими и друзьями. Рисуются перипетии, связанные с реализацией имущественных распоряжений Треззини после его смерти.

Ключевые слова: архитектор, завещание, наследство, имущество, душеприказчики, семья

Для цитирования: Козлова Н.В. «Разсудил я заблаговременно жилище мое заказать и... последнее мое намерение объявить»: духовное завещание итальянского архитектора Петербурга Карло Джузеппе Треззини (1768 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 104–112. doi: 10.17223/15617793/501/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/12

“I decided to determine my dwelling in advance and... to announce my last intention”: The last will of Carlo Giuseppe Trezzini, the Italian architect of St. Petersburg (1768)

Natalia V. Kozlova¹

¹ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, kozlova.n.v.i@gmail.com*

Abstract. Any new document relating to a famous person who has left a mark in the Russian history of the 18th century arouses special interest and a desire to add this contribution to the repository of information about him. Materials showing the inner world and personal concerns, and the relationships that existed within the family circle are of special interest because of their rarity, and finding such materials is a great success. Among the collection of notebooks of private legal acts of the Yustits-Kontora [Justice Office] (Russian State Archive of Ancient Acts), I have found the testament of the architect Carlo Giuseppe Trezzini (1697–1768), a representative of the famous clan of Swiss-Italian architects who actively participated in the construction of the new capital of Russia, St. Petersburg, during the first decades of its existence. He married Maria Lucia Tomasina, the daughter of Dominico Giovanni Trezzini, the famous chief architect of St. Petersburg, in 1719 in Astano (canton of Tessin in Italian Switzerland). Soon, the new family moved to St. Petersburg, where Trezzini worked for over 45 years, building and reconstructing the palaces of the nobility, public buildings and churches. The last will of Carlo Giuseppe (in Russia he was called Osip Petrovich) Trezzini was recorded in German the day before his death on May 19, 1768, and contains orders of a religious, financial and property nature. It addresses the issues of burial, providing his three young illegitimate children, and their mother, Elena Sonn, the daughter of a Revel merchant, the means of livelihood, and raising the children in the Roman Catholic faith. The testament contains previously unknown details of the return of his lawful wife to Italy in 1744, as well as the evidence of love and care linking Trezzini with the woman who shared with him the last years of his life. Having no legitimate children with Maria Lucia Thomasina, Trezzini still recognized his legal wife as his direct heir and prescribed her the right to use the income from the villages located in Italy for life. They were bought with the funds allocated to his wife when she left St. Petersburg. After the death of Maria Lucia, all the property in Italy and St. Petersburg, according to the will of the architect, was to go to Elena Sonn and their common children. A month after the death of Carlo Giuseppe Trezzini, Elena Sonn, who became by that time the wife of Lieutenant Ivan Feer, submitted his will to the Yustits-Kontora. There it was translated into Russian, and eight witnesses confirmed the authenticity of the will by interrogations. Nevertheless, the architect's widow tried to protest the will of her late husband through her attorneys, as she wanted to have full property rights over the possessions she had in Italy (in order to bequeath them to her nephews) and also over her husband's property in Petersburg. The circumstances of this court case, which was investigated in the Yustits-Kontora and in the Senate for three years, are also discussed in the article. The text of Osip/Carlo Giuseppe Trezzini's last will is published as an appendix.

Keywords: architect, last will, inheritance, property, executors, family

For citation: Kozlova, N.V. (2024) “I decided to determine my dwelling in advance and... to announce my last intention”: The last will of Carlo Giuseppe Trezzini, the Italian architect of St. Petersburg (1768). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 104–112. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/12

Фамилия Трезини хорошо известна в России, и в первую очередь она ассоциируется с талантливым архитектором и инженером Доминико (Доменико)¹ Андреа Джованни Трезини (1670–1734). Приехав в 1704 г. в недавно основанный Петербург, он стал его первым и главным архитектором, ярким представителем архитектурного стиля «петровского барокко». По его проектам возводились дома, дворцы, церкви, крепости не только в Петербурге, но и в Нарве и Кронштадте, организовывалось городское пространство новой российской столицы в целом². Родное селение Доминико Трезини Астано (кантон Тессин) в итальянской Швейцарии дало миру многих выдающихся архитекторов, скульпторов, живописцев, талант и творчество которых в полной мере раскрылись именно в России (архитекторы Д. Кваренги, семейство Жиларди, живописец Ф. Бруни и многие другие). Были среди них также ближние и дальние родственники и свойственники Доминико Трезини. В их числе его зять, муж дочери от первого брака, заключенного Д. Трезини еще в Астано с Джованной ди Ветийс, Карло Джузеппе Трезини (итал. *Carlo Giuseppe Trezzini*). Он был дальним родственником Доминико, родился 17 октября 1697 г. в окрестностях Астано в селении Ла Коста, и, женившись в 1719 г. в Астано на Марии Лючии Томазиной, дочери к тому времени уже известного в России зодчего, в 1722 г. (по другим данным в 1719 г. [3. № 1204]) переехал вместе с женой в Петербург, где и жил до самой смерти, случившейся 20 мая 1768 г. [1. С. 155, 185].

Среди материалов Юстиц-конторы РГАДА удалось выявить крепостную запись его духовного завещания, текст которого значительно углубляет имевшиеся до сих пор сведения о частной жизни этого не рядового строителя Северной столицы России, судьба которого была тесно связана с главным архитектором Петербурга петровского времени Доминико Джованни Трезини.

Карло Джузеппе Трезини (на русский манер *Осип Петрович*) тоже был архитектором, хотя и не обладал талантом своего великого тестя. Сначала как «палатного строения мастер» [4. № 122. С. 795–797], «вольной» архитектор [4. № 122. С. 127], а затем уже как архитектор Коллегии иностранных дел он достраивал и перестраивал дома знати, готовил жилье для прибывавших в столицу посольств. Позднее, в 1743 г., был понижен в должности и назначен в помощники архитектора для строительства Большого Царскосельского дворца. На многочисленных строительных площадках столицы он в основном выступал исполнителем чужих проектов (в Петропавловской крепости, в Галерной гавани, на Васильевском и Петровском островах, на Малой Неве) и производил ремонтные работы [1. С. 181–182; 5]. Но были и самостоятельные проекты, в том числе уже после смерти Доминико Трезини, служа архитектором в Коммерц-коллегии, он по собственному проекту пристроил галерею к западному фасаду здания Двенадцати коллегий. Кроме галереи из его построек сохранились жилой корпус для кадетов у Меншиковского дворца на 1-й Съездовской линии и церковь Трех Святителей на Васильевском острове рядом с Андреевским собором.

По данным, приведенным в монографии Ю.М. Овсянникова, Карло Джузеппе вместе с женой Марией первоначально жил в доме ее отца Доминико Трезини на 2-й линии Васильевского острова. Там супруги продолжали обитать и спустя четыре года после смерти Д. Трезини: на плане 1738 г. владельцем этой усадьбы значится Карло Джузеппе Трезини³. Однако в 1744 г. дом заняла вдова Доминико Мария Лучия Карлотта с детьми, к тому времени уже ставшая женой секунд-майора Ивана Платта. Позднее, в конце 1749 г., сын Д. Трезини Маттео как законный наследник продал двор аукционисту Миллеру, вскоре уступившему его архиепископу Московскому Платону для Московского подворья [2. С. 129]. В 1740-х гг. К.Д. Трезини завершил строительство собственного дома на 3-й линии Васильевского острова [6. С. 996], а позднее приобрел там же дом на Малой перспективе между 4-й и 5-й линиями, где и жил до самой смерти [8. Д. 200. Л. 373 об.].

Принадлежа к католической общине Петербурга (ее старостой являлся зодчий Доминико), супруги участвовали в жизни церковного прихода. Они не раз выступали восприемниками детей католиков. Так, Карло Джузеппе в 1727 г. стал крестным отцом святаченицы Катерины Трезини (дочери Доминико от третьего брака с Марией Лучией Карлоттой). Звания ее крестной матери удостоилась камер-медхен Екатерины I немка «мдам Яганна» (Иоганна Петрова) [3. № 604].

Внешне счастливая семейная жизнь омрачалась отсутствием детей, что, как предполагается, послужило причиной полного разлада, завершением которого без оформления развода стало возвращение в 1744 г. Марии Томазиной в Италию. Оставшись без жены, Джузеппе пытался наладить свой быт и обустроить личную жизнь. В январе 1750 г. от связи с немкой-лютеранкой Шарлоттой Гарп, дочерью поручика российского морского флота, приехавшей в Петербург в 1740 г., у архитектора родилась дочь, крещеная в католическом костеле под именем Марии Карлотты. Невенчанная супруга, а также младшая сестра Шарлотты жили в доме Джузеппе Трезини. Дальнейшая их судьба сложилась трагически. Через несколько месяцев после рождения дочери на Трезини поступил донос, что в его доме для «непотребства блудного» живет иноземка Шарлотта Гарп с младшей сестрой. Еще раньше императрица Елизавета Петровна, озабоченная нравственностью подданных, распорядилась «непотребных» девок и женок, наказав кнутом, помещать в специальную исправительную тюрьму – «Калинкин дом», а иноземок отправлять морем за границу. Карло Джузеппе со шпагой в руках оказал вооруженное сопротивление гвардейцам, прибывшим исполнять повеление императрицы, за что был сам арестован. Его вскоре отпустили, а Шарлотту Гарп с грудной дочерью и сестрой выслали в Нарву для последующей принудительной отправки в Германию. В Нарве они прибыли до ноября 1752 г., затем их посадили на корабль, идущий в Любек. Однако судно вскоре после отплытия затонуло вместе с командой и пассажирами. Последней точкой в этой трагедии стало взыскание 35 рублей, отпущенных на высылку Шарлотты Гарп «с дитем и младшей сестрой», с архитектора Осипа Трезини [1. С. 183–184; 5].

Печальная история Шарлотты Гарп, в деталях изложенная Ю.М. Овсянниковым на основе документов Калининского дома из коллекции Госархива Российской империи, хорошо известна и не раз воспроизводилась в работах, посвященных архитектору Доминико Трезини, его семье и потомкам. Для иных авторов с богатым воображением и имеющим склонность за отсутствием достоверных сведений заменять их собственными фантазиями, судьба Шарлотты Гарп предстает последним ударом для Джузеппе Трезини, якобы заставившим его «трясущейся рукой» написать «прошение об увольнении со службы... и, не дожидаясь положенных выплат», навсегда покинуть Россию [7. С. 94].

На самом деле Карло Джузеппе Трезини до конца жизни оставался в России и предпринимал еще одну попытку обрести семью, любящую жену, пусть и невенчанную, и детей. В ряде работ лишь упомянуто, что наследницей архитектора, умершего в Петербурге в 1768 г., стала некая купеческая дочь Елена Сонн, «домостроительница» и мать его троих детей – сына Петра и дочерей Марии и Екатерины [1. С. 185]. Итак, обратимся к завещанию Осипа Трезини – именно это имя он собственноручно вписал в его текст, – и с помощью последнего подписанного им при жизни документа постараемся дополнить биографию итальянского архитектора Петербурга новыми деталями [8. Д. 810. Л. 13–18 об.]. В завещании были распоряжения, данные Трезини накануне смерти; упоминает лиц, составлявших ближний круг его общения; содержит сведения о религиозной, бытовой и финансовой сторонах его жизни. В целом оно позволяет прикоснуться к внутреннему миру и личным заботам известного архитектора новой российской столицы. Из вводной части крепостной записи становится известно, что 16 июня 1768 г., т.е. спустя почти месяц после смерти О. Трезини, его завещание было представлено для освидетельствования и регистрации в Юстиц-контору дочерью ревельского купца Ивана Сонна Еленой Сонн (*Гелена Сон*). Заключение же развернутая ремарка воспроизводит процедуру проверки подлинности завещания и сообщает о попытке, предпринятой вдовой архитектора Марией Люцией Томазиной добиться его опротестования.

Осип Трезини написал духовное завещание за день до смерти в Санкт-Петербурге на немецком языке. При его составлении 19 мая 1768 г. присутствовали восемь свидетелей, включая пастора католической церкви Адольфа Франкенборга, подтвердивших своими подписями и личными печатями соответствие завещания последней воле Трезини. Несомненно, он был верующим и воцерковленным человеком, о чем свидетельствовали и ранее приводимые сведения об участии его и его жены в церковной жизни общины. Но то были отдельные внешние примеры, относящиеся к 1727–1728 гг. Завещание же, написанное спустя 40 лет, позволяет прикоснуться к его религиозным чувствам. Духовная начинается с традиционных размышлений о смерти, о душе, о грядущем «в день воскресный» соединении тела с душой и обретении вечного блаженства. Осознавая приближавшийся предел своей земной жизни («При нынешнем моем слабом состоянии напоминаю я смертные часы») и веруя в искупительную

жертву Христа, Осип Трезини без страха приготовился вручить душу «Божией милости и милосердию». Как предполагалось, подумал он и о погребении тела, поручая провозвести его по католическому обряду «честно, однако же, без лишних расходов» своим друзьям и опекунам малолетних детей немецкому купцу Матиасу Гетше и архитекторам Эрколу Касасопру и Жану (Жеану) Батисту Яни⁴. Будучи членом католической общины, завещатель передавал 100 рублей местной католической церкви, при которой его следовало похоронить («на мое могилище»)⁵, а также просил патера позаботиться, чтобы его малолетние дети были воспитаны в христианско-католической вере и «ко всякому добродетельному и христианскому житию предвожжены были». В традициях христианского милосердия не забыл он оставить небольшую сумму в 5 руб. и для убогих людей.

Переходя к имущественным вопросам (содержательная часть завещания изложена в девяти пунктах) и касаясь обстоятельств своей личной жизни, Трезини пишет: «...увы, известно, что законная жена моя Мария Томасина Трезинова со мною тому уже многие годы разлучена, в Италию отъехала». Судя по всему, ее отъезд произошёл по взаимной договоренности, так как, по словам Трезини, она получила от него почти 20 тысяч рублей. На эту весьма «достойную сумму» жена приобрела в Италии недвижимое имение, доходами с которого пользовалась единолично и имела «достаточное пропитание». В то же время оставшийся в Петербурге архитектор, это он подчеркнул особо, должен был довольствоваться процентами с имевшегося у него «малога капитала», обеспечивая тем себя и своих домашних. Его имущество состояло из «нужного домашнего скарба»: медной, оловянной и зеленой меди посуды, полотен, перин и простой деревянной мебели («мобилев») – «достоинства весьма малога», а также из денег, розданных под векселя разным лицам (всего 10 человек на 5 033 руб. 60 коп.). К этой сумме Трезини также прибавил 4 500 руб., отданных по векселю за дом на Малой перспективе («прешпективе») Васильевского острова. В итоге размер денежного капитала Трезини, по его собственным подсчетам, определялся суммой в 10 433 руб. 60 коп. В целом, для того времени сумма была немалая. Исследователи жизни и творчества Доминико Трезини отмечали, что хотя работа зодчего хорошо оплачивалась и одновременно он вел несколько проектов, однако средств на дорогую жизнь в столице и на содержание многочисленного семейства⁶ все равно не хватало, и приходилось влезать в долги. Только через несколько лет после смерти архитектора указом императрицы Анны Иоанновны его долги были списаны⁷. Как видно, материальное положение зятя «строителя Петербурга», работы которого по характеру, масштабу и по уровню во многом уступали творениям тестя, к концу жизни было более надежным.

По правовым нормам прямой наследницей имущества Осипа Трезини при отсутствии у него законных детей могла быть только его венчанная жена Мария Люция Томазина Трезини. Это понимал и завещатель, провозгласив ее своей наследницей, но, все же подчеркнув, что при жизни она может пользоваться доходами от находящихся в Италии деревень и процентами

с объявленного капитала за исключением двух векселей на общую сумму в 6 153 руб. 60 коп.⁸ В дальнейшем же после ее смерти («когда же... она законная жена моя... равномерно по воли Божией умрет») все имение в Италии и в Петербурге должно было перейти («жалую и дарую») «домостроительнице» Гелене Сонн и трем их общим детям, а именно сыну Петру и двум дочерям Марии Доротее и Катерине Елизавете (Елисавете) Трезиновым. Причем матери их, т.е. Гелене Сонн, выделялось 3 тыс. руб., остальное следовало разделить на четыре части, из которых две принадлежали сыну, а две другие – обеим дочерям с дальнейшим разделом долей между детьми после смерти кого-то из них. Все домашнее имущество вручалось также «домостроительнице» «по притчине оказанной ею мне при жизни моей толь многия годы любви, верности и призрения». Позаботился Трезини и о содержании и воспитании детей. На эти цели предназначались ранее выделенные из наследства законной жены два векселя. Их он заранее лично при свидетелях отдал Гелене Сонн с условием, чтобы она до замужества, которое, видимо, не исключалось, не трогая основной капитал, использовала на содержание детей только проценты. Имеющееся «малое» серебро по реестру также оставлялось детям. Во всех этих распоряжениях проявилось внимание и забота любящего отца и мужа о своей петербургской семье.

Все же, видимо, у О. Трезини сохранялось опасение относительно твердых гарантий наследственных прав его детей. А потому в завещании он особо подчеркивал, что «законная жена [его] наследников не имеет», что брат Доминик Трезини (прежде в литературе его имя не упоминалось) уже от него «доказательно получил» более 4,5 тыс. руб. и, следовательно, «по правам ничего... более требовать не может». А самым главным доводом в пользу его права по собственной воле беспрепятственно распорядиться своим наследством являлось то, что все оставляемое имение было благоприобретенным («благонажитое»). Действительно, Указ о единонаследии 1714 г. при отсутствии детей разрешал завещателю передавать движимое имущество родственникам своим или любым посторонним лицам по своему усмотрению. В своем завещании О. Трезини упомянул еще двоих лиц: сына (его имя не указано) уже умершего архитектора Петра (Пьетро) Антонио Трезини⁹ и неизвестную Софью Елизавету (Елисабот). Им оставались соответственно 500 и 200 руб. Причем сыну Пьетра Трезини деньги выделялись, «яко бывшему законному мужу Анжелы Тресиновой», но получить их он мог лишь после смерти жены завещателя из ее имения, находившегося в Италии. Это указывает на какую-то связь между ними¹⁰. А деньги, предназначенные в качестве приданого для Софьи Елизаветы, до ее замужества должны были оставаться у ее сестры, предположительно Елены Сонн. В заключение Осип Трезини вновь просил своих душеприказчиков-опекунов приложить старание («того смотреть и о том попечение иметь»), чтобы «духовная и завещание» после его смерти была утверждена и исполнена. Удостоверить ее подлинность должна была подпись Трезини и его личная печать, а также подписи и печати свидетелей.

Через месяц, 16 июня 1768 г. Елена Сонн, а к тому времени уже жена поручика Ивана Феера представила духовную О. Трезини в Юстиц-контору. Там она была переведена на русский язык и прошла обычную процедуру освидетельствования и регистрации, взятия пошлин и записи в конторскую книгу. Все восемь свидетелей допросами подтвердили подлинность завещания и соответствие ее воле Трезини. Идентичность перевода оригиналу освидетельствовал секретарь Коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел Христиан Крендер.

Однако на этом дело не закончилось, поскольку в декабре 1768 г. и в феврале 1769 г. поверенные находившейся в Италии вдовы О. Трезини жена сержанта Шляхетского кадетского корпуса Матвея Сорокина «Томазина Павлова дочь» и сенатский архитектор Александр Вист челобитными в Юстиц-контору попытались оспорить подлинность завещания и соответствие его содержания законам («произносили спор и порочили, якобы сия духовная подложная... и законам противная»), а потому просили, описав имущество Трезини, передать его им для отправки к его вдове [8. Д. 810. Л. 15 об.]. В ответ Юстиц-контора распорядилась, чтобы до выяснения всех обстоятельств дела пожитки умершего архитектора были описаны, опечатаны и для их сохранности к его дому приставлен солдат. 16 июня 1769 г. в Юстиц-конторе состоялось слушание материалов дела и принято решение, по которому, согласно Уложению 17 главы 31 пункта, споры и разногласия относительно подлинности духовной следовало «розымать судом», а следовательно, дальнейшая тяжба должна вестись в Санкт-Петербургской губернской канцелярии. Однако это решение не удовлетворило ни одну из сторон, а потому дело по апелляции было направлено в Сенат. Туда же дополнительно поступили две челобитные, одна от вдовы Трезини Марии Люции Томазиной и ее поверенных архитектора А. Виста и каменного дела мастера Жоанни Рюшки и другая от ее сестры Екатерины Андреевой (дочери архитектора Доминико Трезини), жены коменданта г. Фридрихсгам¹¹ полковника Фонлиндена. В Сенате все материалы по делу рассматривались в течение трех лет. За это время вдова О. Трезини Мария Люция в Италии умерла, а ее поверенные представили духовную, написанную ею еще при жизни мужа 28 июля 1766 г. В ней наследниками были объявлены «внучата Трезина», т.е. ее отца Доминико, а Марии Люции племянники [8. Д. 810. Л. 16–17].

21 сентября 1772 г. Сенат признал прежнее решение Юстиц-конторы неверным, поскольку подлинность духовной уже при ее освидетельствовании в Юстиц-конторе подтвердили писец и подписавшие ее свидетели. Относительно движимого имущества Трезини Сенат рассудил, что завещание с указом 1714 г. согласно Юстиц-конторе следует немедленно (это спустя 3 года!) исполнить записанное в нем распоряжение. Отвел Сенат и доводы поверенных вдовы архитектора Трезини и ее сестры, называвших Елену Сон наложницею и ссылавшихся на Уложение 1649 г. о непричислении в правах наследства детей незаконнорожденных к законным детям и на Воинский артикул 1715 г. о «непотребных женщинах», заявив, что «воинские артикулы к сему делу нимало не следуют».

Здесь надо отдать должное предусмотрительности «домостроительницы» Гелены Сонн, которая прежде, чем начала хлопоты о регистрации завещания отца своих детей, обрела положение замужней женщины, выйдя замуж за поручика Ивана Феера. И если в своих челобитных оппоненты Елены называли ее «девкою», то Сенат в экстракте, составленном при слушании ее дела, рядом с этим обозначением в скобках уточнял «а ныне поручика Феера жена» [8. Д. 47. Л. 294].

Относительно незаконнорожденных детей Трезини Сенат согласился, что они действительно к законным детям «нимало не причитаются», но тут же заметил, что имение им отдается «не по наследству, а так как есть они с матерью своею посторонние», получающие движимое имущество согласно воле завещателя¹². В то же время решение о наследовании каменного дома, в котором жил архитектор, Юстиц-конторе следовало принять, ориентируясь на законы о недвижимых владениях и в частности на именной указ от 8 августа 1762 г.¹³ Во исполнение решения Сената и определения Юстиц-конторы от 12 октября 1772 г. «разного звания движимые пожитки», находившиеся в доме Трезини, были распечатаны и по описи переданы его бывшей «домоправительнице» Елене Сонн с распиской. С нее были взяты причитавшиеся пошлыны (накладные, на госпиталь, за гербовую бумагу), а к тексту завещания сделана пространная запись о произведенном в Юстиц-конторе ее освидетельствовании и решении по указу Сената с приложением конторской печати и скрепою секретаря. После этого в тот же день, 12 октября 1772 г., завещание отдано Елене Фееровой (Сонн). А в крепостную книгу Юстиц-конторы была внесена запись, полностью воспроизводящая перевод текста завещания О. Трезини со всеми к нему приписками и пометами. В конце шла роспись Елены о получении подлинной духовной. Вместо нее по ее прошению расписался коллежский асессор Иван Реис [8. Д. 810. Л. 17 об. – 18 об.]. Именно эта крепостная запись и послужила основным источником данной статьи.

Протоколы Юстиц-конторы позволяют проследить некоторые обстоятельства дальнейшей истории имущества О.П. Трезини. Поверенные его вдовы А. Вист и Ж. Рюшки для обеспечения интересов наследников, обозначенных в ее завещании, обратились в Юстиц-контору с просьбой выдать им оригиналы «верующих писем» Марии Лючии Томазиной и ее сестры Екатерины Андреевой на итальянском языке, ранее представленные ими по делу о духовной и имениях Трезини. 14 октября 1773 г. Юстиц-контора, признав, что вопрос о духовной и пожитках умершего архитектора решен указом Сената, распорядилась итальянские оригиналы указанных документов Висту и Рюшке выдать, оставляя в деле их заверенные переводы [8. Д. 200. Л. 180–181].

Итак, судьба петербургского недвижимого наследства О. Трезини по-прежнему оставалась неизвестной, но и движимое имущество, как оказалось, домоправительница Е. Сонн (Феерова) получила не все. Через год, в октябре 1773 г. она предприняла попытку вернуть от опекуна ее детей немецкого купца Матвея Гетше хранящуюся у него, по ее словам, большую часть имущества О. Трезини и векселя.

В своей челобитной в Юстиц-контору Елена Феерова обвинила Гетше как нерадивого опекуна в том, что он ничего не давал ей на воспитание и содержание детей, а пользовался вверенным ему имением сам, «отчего де она в содержании себя и воспитании детей ее пришла в немалые долги». Отмечая, что Гетше «безфамилен и в престарелых летах» и выказывая опасение, чтоб он «из оного имения части или всего не утратил», жена поручика просила контору оказать содействие в возвращении ей согласно указу Сената движимого имущества и векселей. При этом ее поверенный асессор И.Ю. Реис представил реестр векселей и вещей, хранящихся у Гетше. Юстиц-контора, наведя справки по делу о духовной Трезини, отметила, что никаких сведений о сохранении пожитков и векселей архитектора Трезини у купца Гетше по тому делу нет. Однако все же решила вызвать Гетше в контору и расспросить, подлинно ли он сохраняет вещи Трезини, и если да, то пусть отдаст их немедленно Фееровой. В противном случае челобитнице следует отыскивать имение «судом, где по указам надлежит» [8. Д. 200. Л. 187–188].

Объяснение, данное купцом М. Гетше в Юстиц-конторе 1 ноября 1773 г., высвечивает дополнительные детали принятого им на себя покровительства и опекуна над малолетними детьми О. Трезини, а также важные нюансы понимания им долга «приятельства и союза» с умершим архитектором [8. Д. 200. Л. 373–377]. Во-первых, он подчеркнул, что принял на себя труд опекуна по настоятельной просьбе своего приятеля Трезини «и несет ево поныне по долгу обязанного дружества со всякою своею искреннею прилежностью и радением и ничего ис того не утратил и не расточил, но паче де чинил и чинит к тому всякое в капитале приращение». Во-вторых, заметил, что Елена на содержание себя и воспитание детей в разное время из оставленного Трезини капитала взяла у него деньги на общую сумму в 535 руб. А кроме того, покойный архитектор вручил ей, Елене, как своей домоправительнице согласно духовной «немалое число собственного своего капитала, кои она к себе в полную власть и получила» и за короткое время, прошедшее после смерти Трезини, «прожить» его не могла. Особое внимание немецкий купец обратил на то, что капитал на содержание детей Трезини был ему вручен для сохранения «до возраста оных детей ево и до пришествия в указные лета», чтобы они в случае смерти матери могли обеспечить себе «прибежище и пропитание, а не так как бы она, Елена, могла ныне, получа, оной капитал к себе весь без остатку употребить только в свою пользу, а их ко еще в сущем малолетстве по себе оставить без удовольствия». В-третьих, от опекуна детям он, Гетше, никогда не отрекался и не отрекается, но «паче имеет еще всеусердное к тому попечение, потому что де ему, Гетше, из оных малолетних детей сын Петр крестной сын». И, наконец, в-четвертых, отводя обвинение Елены в том, что он, Гетше, оставленным ему капиталом якобы пользуется единственно только сам, купец-опекун замечал, что «то де неправда, ибо оной наблюдает он паче своего и чинит к нему всякое приращение, чему имеет верные... письменные документы».

Изложив свои доводы, М. Гетше готов был в случае соответствующего решения передать на попечение Юстиц-конторы оставленный под его опеку капитал, вещи и деньги О. Трезини и предоставить опись всего имущества, счета и документы, получив взамен за подписью членов присутствия конторы квитанцию «о снятии с него опекуинства». По словам Гетше, квитанция в будущем должна послужить ему охранным документом от возможных претензий со стороны пришедших в возраст детей Трезини. В противном случае он не был согласен отдать их имение кому бы то ни было. Выслушав столь четко и твердо заявленную опекуном позицию относительно вверенного ему имущества, Юстиц-контора предпочла уклониться от дальнейшего участия в тяжбе Елены Фееровой и ее поверенного ассессора Реиса с М. Гетше под предлогом, что «все оное до Юстиц-конторы не принадлежит», поскольку имущество Гетше отданы «и опекуном он определен не от Юстиц-конторы». Челобитнице же было рекомендовано «отыскивать» все те вещи, «где по законам следует».

Итак, завещание архитектора Осипа Трезини еще раз высветило способность подобных документов сохранять и доносить через столетия чувства и переживания людей ушедших эпох. Воспроизводя обычную для завещаний структуру, духовная О. Трезини запечатлела те моменты его частной жизни, которые на пороге смерти ему казались особенно важными и которые он хотел, чтобы имели продолжение после его смерти. Как показали дальнейшие события, не все было в воле завещателя. Вопросы наследства, как и брачные отношения, регулировались законом. Родом из Италии, но живя в России более 45 лет, Трезини этого не мог не знать. К тому же на протяжении своей долгой службы столичным архитектором ему не раз приходилось прилагать много усилий, чтобы получать за свои труды причитавшееся жалованье. Так что вряд ли у него были иллюзии относительно скорого и точного выполнения его завета. Известной гарантией этому являлись приятельские отношения, усиливаемые духовным родством между ним и немецким купцом, что позволило возложить на него как на опекуна детей обязательства не только по «долгу дружества», но и «человеческой временной жизни».

В целом завещание содержит не известные ранее подробности личной жизни О. Трезини, характера отношений с законной женой, а также с той, что разделила с ним последние годы жизни и стала матерью троих его детей. Именно о них, об их содержании и воспитании были последние мысли итальянского архитектора и строителя российской столицы Осипа Петровича Трезини.

Публикуемое в виде приложения к статье завещательное письмо Осипа Трезини содержится в составе крепостной записи, выявленной в коллекции записных книг частноправовых актов фонда Юстиц-конторы Российского государственного архива древних актов. Полностью воспроизводится только текст завещания с вводной крепостной ремаркой и с пометой о подтверждении подлинности духовной. Приводится также завершающая всю запись роспись от имени Елены Сонн. Текст заключительной ремарки крепостной записи, в которой не только излагаются перипетии утверждения

завещания (они изложены в статье), но и имущественные распоряжения Трезини, дублирующие текст его завещания, опущен. Документ публикуется с сохранением орфографии и стилистических особенностей, знаки препинания расставлены в соответствии с современными нормами русского языка. Заголовок и абзацы в тексте даны автором публикации. Сведения о ряде лиц выявить не удалось.

1768 г., мая 19 –Крепостная запись духовного завещания архитектора Осипа Трезини

(л. 13) Прошлого 1768-го году июня 16-го дня при челобитье города Ревеля¹⁴ купца Сонна дочери ево, коя ныне в замужестве за порутчиком Иваном Феером Елены Сонны¹⁵, учиненная архитектором Трезиным на немецком диалекте, которой умре, в Юстиц канторе для освидетельствования и записки в книгу явлена. А в ней по переводу Юстиц коллеги Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел в должности переводчика коллежского секретаря Христиана Крендера значитца:

При нынешнем моем слабом состоянии напamятовал я смертны час, ведая, что Всевышний Творец почасту людей здраваго состояния незапным приключением и скоропостижною смертию из сего временного света отлучает, разсудил я заблаговременно жилище мое заказать и в бытность нижеподписавшихся друзей и свидетелей в полном разуме и памяти последнее мое намерение объявить, каким образом после смерти моей поступать долженствует. (л. 13 об.) Первое. Препоручаю я купленною драгою кровию Иисуса моего Христа душу мою Божией милости и милосердию. Тело же мое предаю земле в том уповани, что Всевышний да воскресит оное соединением с душою в день воскресны и тем воздарует вечное блаженство. Второе. По отлучении моем из сего света должно тело мое по христиану католическому обыкновению честно, однако же без лишних расходов, купцом господином Гетшом¹⁶ да господином архитектором Касасопротом и Янием, которые в исполнении сего последнего дружелюбнаго долга не отрекутся, похоронено быть. Третье. Что же принадлежит до моих обстоятельств и временного имения, то, увы, известно, что законная жена моя Мария Томасина Трезинова¹⁷ со мною тому уже многия годы разлучена в Италию отъехала, и из имения моего достойную сумму около дватцати тысяч рублей получила. И за оные денги недвижимое имение купила, которым и поныне еще владеет и доходами одна ползуется и достаточное пропитание имеет. Напротив же чего я процентами остального моего малого капитала себя и домашних моих нужно содержать принужден был. Четвертое. А состоит оное мое имение кроме нужного домового скарба, то есть медною посудою также оловянною и зеленой меди, в полотне, перинах и простых деревянных мобилев, все же достояния весьма малаго; в следующих долговых претензиях, а имянно по векселям, первое, на Никласе греке сумма две тысячи рублей, второе, на Артемье Золотарева триста рублей, третье, на Ефиме Бумажникове шестьсот рублей, четвертое, на Даниле Алпатове тысяча шестьсот (л. 14) пятьдесят три рубли шездесят копеек; пятое, на директоре Беленинове чetyреста рублей; шестое, на Шаубе двести рублей; седмое, на Године двести

рублев; осмое, на Лудвихе Росарте тритцать рублей; девятое, на Попове дватцать пять рублей; десятое, на секретаре Велмарне пятьсот дватцать пять рублей; первое на десять, да еще принадлежит к сему капиталу и то, что я Артемью Давыдову на обстоящей на Малой прешпективе¹⁸ дом по векселю заплатил, что все составляет сумму обще с расходами, употребленными на строение по силе счету всего суммою четыре тысячи пятьсот рублей, итого десять тысяч четьреста тритцать три рубли шездесят копеек. Пятое. Сии же капиталы после смерти моей имеет наследовать законная жена моя, однако же таким образом, чтоб пользоваться ей во время жизни ее как доходами из обстоящих в Италии деревень, так и процентами с предстоящих капиталов, кроме векселя Данилы Алпатова суммою тысячу шестьсот пятьдесят три рубли шездесят копеек, также и той суммы, которая на обстоящем на Малой прешпективе доме обстоит. И таким образом определяю я ее моею наследницею. Шестое. Когда же и оная законная жена моя равномерно по воли Божией умрет же, то жалую и дарую домостроительнице моей Гелене Сонне и трем моим с нею прижитым детям, а имянно, сыну моему Петру и двум дочерям моим Марии Доротеи и Катерине Елисавете Тресиновым все имение в Италии и здесь в Санкт Петербурге находящееся, тем паче и на таком основании, что получить матери всего на все три тысячи рублей, остальное же разделить на четыре части, из которых две части принадлежать имеют сыну, другия же две части обоим моим дочерям. А ежели кто из оных моих детей умрет, то достатся имеет оставшаяся доля протчим в живых будущим детям. (14 об.) Седмое. Домовая моя скарб, в чем бы оная не состояла, остается домостроительнице моей Гелене Сон по притчине оказанной ею мне при жизни моей толь многия годы любви, верности и призрения, как же я ей на содержание ее и моих детей и на воспитание оных вексель Алимова суммою тысячу шестьсот пятьдесят три рубли шездесят копеек, да вексель же в той сумме, которая обстоит в доме, обстоящем на Малой перспективе, при жизни моей и в бытность свидетелей сам отдал, в том намерении, чтоб она до тех пор покамест замуж не выдет, одними процентами со оных пользовалась и детям потребное содержание давала. Малое серебро мое остается по резстру детям моим, Осмое. А как законная жена моя наследников не имеет, брат же мой Доминик Трессини уже от меня с лишком четыре тысячи рублей доказательно получил, следовательно, он по правам ничего от меня более требовать не может, ибо все оставляющее мое имение благонажитое, с которым я по собственной моей воле без всякого чинимаго от кого ни было препятствия поступить и распорядить могу; то уповаю я и требую, что ни законная жена моя, ни брат мой против сей моей последней воли прекословия чинить не будет и не долженствует. Сыну умершаго Петра Антони Тресина яко бывшему законному мужу Анжели Тресиновой завещаю я пятьсот рублей, которые денги он после смерти законной жены моей из имения, находящегося в Италии, получить должен. Девятое. Еще же завещаю я здешней католической кирхи сто рублей на мое могиле и прошу высокопочтенного госпо-

дина патера супериора¹⁹, чтоб о тех детях моих имел попечение, дабы оне в христиано католической вере воспитаны ко всякому добродетельному и христианскому житию предвождены были; напротив чего господин Гетш, яко опекун (л. 15) детей моих о имении здешнем, также и господа Кассасапра и Яни по делу в Италии труд на себя примут. Софья Елисабет²⁰ сим имеет получить двести рублей после смерти моей, яко завещание, которые денги однако докамест она замуж не выидет, останет имеют у сестры ее на процентах. Убогим людям роздать после смерти моей пять рублей, которые им и розданы быть имеют от кирхи. В протчем прошу я господ опекунов, а имянно господина Гетша и господ Кассасапра и Яниа того смотреть и о том попечение иметь, чтоб сия духовная и завещание после смерти моей конфирмована и во время по оной исполнено было. В подтверждение я обще с упрощенными свидетелями сие с розсуждением собственною рукою подписал и печать приложил маяя 19 дня 1768 году архитектор Осип Трессин (М:П). Яко опекун и свидетель подписуюсь Матиас Гетше (М:П). Эркол Касапра свидетель (М:П). Жеан Батист Яний свидетель (М:П). Биктро Хорт свидетель (М:П). Иожетано Лецени свидетель (М:П). Мартынус Селлин свидетель (М:П). Андрей Иоган Скитте²¹ свидетель (М:П). Адолф Франкенборг патер католической кирхи. Что вышеписанной перевод с немецкой оригинальной духовной от слова до слова сходно переведен, оное сим засвидетельствует Государственной Юстиц коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел в должности переводчика коллежской секретарь Христиан Кренидер.

На подлинной духовной в Юстиц канторе надпись учинена такова: Сия духовная Государственной Юстиц коллегии в канторе прошлого 1768 году июня 16 дня при челобитье города Ревеля купца Сонна дочери сво, коя ныне в замужестве за порутчиком Иваном Феером, Елены Сонны для освидетельствования и записки ее в книги и взятыя с нее пошлин по законам явлена. И по определению оной канторы и по силе состоявшихся в 701, 722, 726-м годех указов чрез произведенные (л. 15 об.) в том же 768 году июля 21 дня и исцу сей духовной Юстиц коллеги Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел подканцеляристу Андрею Иоган Ските и подписавшимся во свидетельстве иностранному купцу Матиас Гетше, архитектором Эрколу Кассосапру, Жеан Батисту Яни, Иожетано Лицению, католицкой кирхи служителю Биканро Хорту, кондуленину Мартынус Селину, да католической кирхи патеру Адолфусу Франкенбурху допросы свидетельствована и по свидетельству явилась написана и учинена подлинно по воле и прозбе завещателя архитектора Осипа Трезина, и руку к ней приложил подлинно ж он, завещатель, в целом ево уме и твердой памяти. И спору от него, завещателя, о той духовной ни от кого никакого не было, о чем означенные писец сей духовной и подписавшиеся свидетелями допросами своими и показали имянно у подлинной духовной государственной Юстиц коллегии печать²². Подлинную духовную порутчика Ивана Феера жена Елена Иванова дочь приняла, а вместо ея по ея прошению коллежской ассесор Иван Реис расписался²³.

Примечания

- ¹ Имя главного архитектора петровского Петербурга в современной литературе пишут по-разному: чаще Доменико, хотя сам он, как отмечали исследователи его биографии и творчества Ю.М. Овсянников и К.В. Малиновский, всегда подписывался Domenico Trezzini [1. С. 24; 2. С. 217].
- ² Самыми известными творениями Доминико Трезини стали Летний дворец Петра I в Летнем саду (1710–1711), каменные Петровские ворота (1714–1717) и Петропавловский собор (1712–1733) в Петропавловской крепости, здание Двенадцати коллегий (1722–1734).
- ³ Территория современного дома № 45 по 2-й линии Васильевского острова [1. С. 155–156].
- ⁴ В тексте завещания воспроизведение иностранных имен дается в разных вариантах: Касасопр, Кассасапр, Касасопр, Кассосапр; Яни, Яний и т.д.
- ⁵ Вероятно, речь идет о церкви Св. Екатерины, деревянное здание которой было построено в 1739 г. на Невском проспекте архитектором П.А. Трезини, а в 1761 г. рядом было заложено ныне существующее каменное здание церкви.
- ⁶ Согласно данным метрических записей католического прихода Петербурга у Доминико Трезини от двух браков родилось 11 детей, а еще двое были рождены от первой жены, оставшейся в Италии после отъезда Трезини в Россию [5].
- ⁷ Имея чин полковника от фортификации в ранге инженер-полковника, Д. Трезини получал 1700 руб. в год [2. С. 131].
- ⁸ Один из них на сумму 4500 руб. относился к дому на Малой перспективе.
- ⁹ Пьетро Антонио (Петр Андреевич) Трезини (1692 – после 1760), талантливый зодчий, представитель архитектурного стиля барокко. Обучался в Милане под руководством своего отца, потомственного зодчего. С 1726 по 1751 г. жил и работал в Петербурге, с 1742 г. – в качестве архитектора Полицейстерской канцелярии. Построил Спасо-Преображенский собор, ставший первым в Северной столице пятикупольным храмом; автор многочисленных проектов и построек. Среди них Федоровская церковь Александро-Невской лавры, Госпитальная церковь, ансамбль Троице-Сергиевской пустыни в пригороде Петербурга и ряд других построек. Ему же принадлежал первоначальный проект Римско-католической церкви на Невском проспекте (1746 г.). По сведениям К.В. Малиновского, П. Трезини еще раз приехал в российскую столицу в 1760 г., но как долго оставался в ней, неизвестно. О детях Пьетро Антонио Трезини прежде никаких сведений не было [1. С. 185–187].
- ¹⁰ Депонти (Понти, де Понти) Ангела (Анжела) Томазина (1727 – не позднее 1768), дочь Франческо (Франциска) Депонти, венецианского мастера (плотника галерной верфи и корабельного инструктора), католичка; крестница Марии Лючии Томазиной, жены завещателя. Среди документов Юстиц-конторы удалось выявить запись «тестамент» Франциска де Понти, написанного в его доме близ галерной верфи 17 января 1734 г. В завещании он назначал своей «универсальной наследницею» всего движимого и недвижимого имущества единственную 8-летнюю дочь Анжелу де Понти, определив к ней по ее малолетству трех опекунов. Уточняющее определение «бывший муж» указывает на то, что когда О. Трезини писал завещание, Анжела Трезини уже умерла [3. № 1207; 8. Д. 784. Л. 7 об. – 10 об.].
- ¹¹ Фридрихсгам (фин. Hamina, швед. Fredrikshamn, Фредриксхамн), город на берегу Финского залива, в 1743–1918 гг. в составе России.
- ¹² Указ о единонаследии от 24 марта 1714 г. определил: «А кто бездетен, и оный волен отдать недвижимое одному фамилии своей, кому похочет, а движимое кому что похочет дать сродником своим, или и посторонним, и то в его произволении будет» [9. Т. V. № 2789].
- ¹³ Именной указ от 8 августа 1762 г., последовавший на доклад Сената, определил порядок наследования дворов, заводов, лавок и других недвижимых имений и находившегося в них движимого имущества [9. Т. XVI. № 11681].
- ¹⁴ Ревель, эстонское название Таллин, портовый город в Эстляндии в составе Швеции; после завоевания в ходе Северной войны (1700–1721 гг.) в составе России; столица Эстонской Республики.
- ¹⁵ Сонн Елена (Гелена Сон) Ивановна, дочь ревельского купца Ивана Сонна, гражданская жена («домостроительница») завещателя архитектора Карло Джузеппе (Осипа Петровича) Трезини.
- ¹⁶ Гетше Матиас (Матвей), немецкий купец.
- ¹⁷ Мария Лючия Томазина (27.10.1700–03.06.1769), дочь выдающегося архитектора Доминико Трезини (ок. 1670–1734), выходца из итальянской Швейцарии, с 1703 г. работавшего в России; законная жена Карло Джузеппе (Осипа Петровича) Трезини.
- ¹⁸ Малая перспектива (перспектива) проложена на Васильевском острове в 1730-х гг. параллельно Большой перспективе (ныне Большой проспект); после возникновения 3-го параллельного проспекта (нынешнего Малого проспекта) стала называться Средним проспектом.
- ¹⁹ Супериор, итал. superiore, начальник, здесь в значении главный.
- ²⁰ Софья Елизавета (Елисабет), предположительно сестра Елены Сонн.
- ²¹ Андрей Иоган Скитте, подканцелярист Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел, свидетель завещания О. Трезини.
- ²² Далее другим почерком.
- ²³ Автограф.

Список источников

1. Овсянников Ю. Доминико Трезини. Л. : Искусство, 1987.
2. Малиновский К.В. Доминико Трезини. СПб. : Крига, 2007.
3. Андреев А.Н., Андреева Ю.С. База данных «Иностранцы Санкт-Петербурга первой половины XVIII века по метрическим записям католического прихода». Ч. 2: Взрослые // Интернет ресурс ЮУрГУ. Кафедра теологии, культуры и искусства. Научная деятельность. URL: <https://culture.susu.ru/nauchnaya-deyatelnost> (дата обращения: 26.11.2021).
4. Николаева М.В. Санкт-Петербург Петра I: история дворовладений – застройка и застройщики. М. : Прогресс-Традиция, 2014.
5. Андреев А.Н. Католики Трезини в России // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 3. URL: <http://human.snauka.ru/2014/03/6283> (дата обращения: 21.11.2021).
6. Биографический словарь архитекторов и строителей Санкт-Петербурга // Зодчие Санкт-Петербурга: XVIII век / ред. Ю.В. Артемьева, С.А. Проватилова. СПб. : Лениздат, 1997.
7. Коровина Е.А. Великие исторические сенсации. 100 историй, которые потрясли мир. М. : Центрполиграф, 2010.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 285. Оп. 1. Ч. 1.
9. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830.

References

1. Ovsyannikov, Yu. (1987) *Domenico Trezzini* [Domenico Trezzini]. Leningrad: Iskustvo.
2. Malinovskiy, K.V. (2007) *Domenico Trezzini* [Domenico Trezzini]. Saint Petersburg: Kriga.
3. Andreev, A.N. & Andreeva, Yu.S. (s.n.) Baza dannyykh “Inostrantsy Sankt-Peterburga pervoy poloviny XVIII veka po metricheskim zapisyam katolicheskogo prikhoda” [Database “Foreigners of St. Petersburg in the First Half of the 18th Century According to the Registry Records of the Catholic Parish”]. Part 2. *South Ural State University*. [Online] Available from: <https://culture.susu.ru/nauchnaya-deyatelnost> (Accessed: 26.11.2021).
4. Nikolaeva, M.V. (2014) *Sankt-Peterburg Petra I: istoriya dvorovladeniye – zastroyka i zastroyshchiki* [St. Petersburg of Peter I: History of Courtyard Estates. Development and Developers]. Moscow: Progress-Traditsiya.

5. Andreev, A.N. (2014) Katoliki Trezzini v Rossii [Catholic Trezzini in Russia]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. 3. [Online] Available from: <http://human.snauka.ru/2014/03/6283> (Accessed: 21.11.2021).
6. Artem'eva, Yu. V. & Provatilova, S. A. (eds) (1997) *Zodchie Sankt-Peterburga: XVIII vek. Biograficheskiy slovar' arkhitektorov i stroiteley Sankt-Peterburga* [Architects of St. Petersburg: 18th century. Biographical dictionary of architects and builders of St. Petersburg]. Saint Petersburg: Lenizdat.
7. Korovina, E. A. (2010) *Velikie istoricheskie sensatsii. 100 istoriy, kotorye potryasli mir* [Great Historical Sensations. 100 stories that shook the world]. Moscow: Tsentrpoligraf.
8. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 285. List 1. File 1.
9. Speranskiy, M. M. (ed.) (1830) *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiyskoy Imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 12 dekabrya 1825 goda* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire: First Collection: From 1649 to December 12, 1825]. Saint Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy ego imperatorskogo velichestva kantselyarii.

Информация об авторе:

Козлова Н.В. – д-р ист. наук, профессор кафедры истории России до начала XIX века Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: kozlova.n.v.i@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.V. Kozlova, Dr. Sci. (History), professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: kozlova.n.v.i@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.12.2021;
одобрена после рецензирования 18.02.2024; принята к публикации 30.04.2024.*

*The article was submitted 30.12.2021;
approved after reviewing 18.02.2024; accepted for publication 30.04.2024.*

Научная статья
УДК 93/94.323.212
doi: 10.17223/15617793/501/13

Формирование гражданского сознания у горожан Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в.

Алла Владимировна Литягина¹

¹ Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет, Бийск, Россия, alityagina@yandex.ru

Аннотация. Мтавится цель выявить элементы гражданского сознания у горожан Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в. на основе документов городского самоуправления и общественных организаций. Проявления нового мировоззрения видны в деятельности гласных городских дум, членов самодеятельных объединений. Сделан вывод о понимании личностных, общественных и государственных интересов у части общественности, задействованной в самоуправляющихся структурах, ее осознании выполнять свои обязанности перед социумом и государством. Выявленная тенденция борьбы за создание массовых профессиональных союзов подтверждает складывание компонентов гражданского сознания.

Ключевые слова: Западная Сибирь, последняя треть XIX – начало XX в., гражданское сознание

Для цитирования: Литягина А.В. Формирование гражданского сознания у горожан Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 113–122. doi: 10.17223/15617793/501/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/13

The formation of civic awareness among citizens of Western Siberia in the last third of the 19th – early 20th centuries

Alla V. Lityagina¹

¹ Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Biysk, Russian Federation, alityagina@yandex.ru

Abstract. The article aims to identify elements of civic awareness among citizens of Western Siberia in the last third of the 19th – early 20th centuries on the basis of documents of city self-government and public organizations. The author used archival and published documents of elected self-governing organizations: protocols of city councils of Western Siberia, charters and reports of cultural and educational, charitable and mutual assistance of public associations. Unpublished materials of the archives of Tomsk Oblast, Altai Krai, and Tobolsk were used. Aspects of the conceptual understanding of civic awareness are described. One of the features of civic identity is the professionalization of thinking, which involves the professional layer realizing its interests and factors of successful, effective professional activities. In the early twentieth century, councilors of Tomsk systematically manifested professionalism in the management of the municipal economy. The charters and reports of the Tomsk Society for the Mutual Assistance of Clerks, documents of the Society for Mutual Assistance of Current and Former Teachers of Tomsk Province and the Tomsk Society for Assistance to Students were also analyzed. The democratic orientation of the activities of public organizations, which in their activities were focused on engaging and helping a wide variety of segments of the population. The state supported the creation of public organizations; officials were among the leaders of amateur associations. However, the disincentive activities of bureaucrats testified to the lack of readiness of the state apparatus for progressive proposals that were already coming from the united public. In some self-help organizations, there was a struggle to create mass trade unions that could protect the interests of their members before employers and the state. In the Society of Mutual Assistance of Clerks, serious work was carried out to protect the interests of commercial and industrial employees. The keen struggle that unfolded at a meeting regarding changes in the organization's charter testified to a clear understanding by some public figures of the need to protect the interests of commercial and industrial employees before entrepreneurs and the state. In the article, the conclusion is made about the understanding of personal, public and state interests of the part of the public involved in self-governing structures, their awareness to fulfill their duties before society and the state. The growing social responsibility of urban figures in relation to the problems of society, the tendency of the struggle for the creation of mass trade unions confirm the formation of the components of civic awareness.

Keywords: Western Siberia, last third of 19th – early 20th centuries, civic awareness

For citation: Lityagina, A.V. (2024) The formation of civic awareness among citizens of Western Siberia in the last third of the 19th – early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 113–122. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/13

Гражданское сознание предполагает осознанно выраженную социальную позицию, ответственность за свои поступки перед социумом, понимание долга и чести, осознание личностных и общественных интересов, а также интересов государства и Отечества. Важнейшим признаком гражданского сознания является понимание безусловных прав и обязанностей личности в социуме и государстве, причем реализация этих прав и обязанностей предполагается напрямую, без посредничества каких-либо сословий или классов. Личность выступает как отдельный самостоятельный субъект перед государством, осознающая свои права и обязанности, равные с другими субъектами. Гражданское сознание предполагает признание некоего общего социально-политического пространства, где все свободны и равны перед законом. Кроме того, как справедливо указал исследователь зарождения гражданского общества в Западной Сибири А.А. Валитов, «наличие оппозиции в лице критически мыслящих людей считается неотъемлемым элементом существования гражданского общества» [1. С. 3].

Модернизационные процессы, развернувшиеся в Сибири после великих реформ Александра II, должны были постепенно менять сознание населения, формировать прогрессивные воззрения на социум и быт, свою позицию в меняющемся мире, приводить к осознанию собственной ответственности за многие явления вокруг себя, к росту требований к властям и профессионалам. Деятельность всесословных организаций (городского самоуправления, самодеятельных объединений) приводила к росту гражданской культуры. Распространение просвещения способствовало формированию нового сознания, проявившегося в поведении людей, свидетельствовавшего о повышенном уровне их духовной работы, о готовности сознательно преобразовывать окружающий мир в соответствии с требованиями индустриального общества.

Цель данной статьи – выявить элементы гражданского сознания, динамику его формирования у населения городов региона, а точнее, у той его части, которая была наиболее задействована в работе выборных учреждений и социальных организаций того времени. На основе архивных и опубликованных документов самоуправляющихся структур попытаемся выяснить, к чему устремлялись общественные деятели в сибирской социокультурной среде, чего хотели добиться и насколько осознавали свои права и обязанности. Наиболее явственно проявление нового сознания обнаруживается, полагаем, у наиболее активной части населения городов региона, не отказывающейся работать на благо общества.

Городское самоуправление – центральный всесословный социальный институт в регионе в пореформенное время и особенно в начале XX в., когда он уже прочно укрепился, имел наибольшие финансовые возможности по сравнению с предыдущим периодом. Гласные городских дум – выходцы из старого сословного общества – должны были действовать в новых условиях, требовавших профессионализма и проявления гражданского сознания. Социальная психология гласных выявлялась в сотрудничестве с губернской администрацией, в ходатайствах перед министерствами,

когда думы выступали как активный участник бюрократической системы [2. С. 91–101].

Они заявляли о своих правах и осознавали обязанности. Наряду с реализацией предложений губернатора гласные проявляли инициативу по многим вопросам, которые могли способствовать успеху торгово-промышленного развития.

Документы городских самоуправлений показывают укрепление органов местной выборной власти, стремление думцев к большей самостоятельности при принятии решений, рост уверенности в правоте своего дела, в отстаивании своей точки зрения перед губернатором. Думы апеллировали в министерство внутренних дел, стремясь отстоять свой вариант решения какого-либо вопроса. Так, в 1910 г. барнаульская дума обратилась в сенат с жалобой на отмену постановления гласных. Решение ассигновать томскому обществу вспомоществования учащимся единовременное пособие в сумме 100 руб. и вступить в члены этого общества с годичным взносом в размере 5 руб. было губернским присутствием отменено. Сенат оставил жалобу думы без последствий на основании следующих доводов: во-первых, расход признан необязательным и, во-вторых, смета Барнаула сведена с дефицитом в 150 тыс. руб., поэтому необязательные расходы не могут иметь места [3. Л. 105].

Одним из самых распространенных и серьезных доводов губернской администрации при отказе утверждать постановления думы было состояние городского бюджета, его дефицитность. Особенно «не везло» думам средних и мелких городов. Например, губернатор отменил постановление Бийска о займе 50 тыс. руб. на строительство нового моста. Не утвердил глава губернии и постановление Кургана ассигновать 10 тыс. руб. Обществу подъездных путей в России на экономическое и техническое обследование железнодорожной линии Екатеринбург–Щадринск–Курган. Присутствие обосновало отмену, во-первых, тем, что за постановление проголосовали 15 против 13 человек (и поэтому оно незаконно); во-вторых, были внимательно изучены особые мнения гласных, приложенные к протоколу заседания. В них указано на большой дефицит бюджета Кургана. Губернская администрация, полностью разделяя мнение о несвоевременности расходов на изыскание железной дороги, отменила постановление [4. Л. 22].

В таком крупном сибирском административном и экономическом центре, как Томск, инициатива думы, как правило, поддерживалась губернской администрацией. Важно было получить поддержку высшей инстанции в Петербурге. Столичные власти внимательно изучали постановления думы крупного центра и вполне могли не одобрить их. Так, в 1900 г. премьер-министр С.Ю. Витте отказал томской думе в займе 150 тыс. руб. на организацию Всесибирской промышленной и сельскохозяйственной выставки. Постановление думы о необходимости проведения выставки оказалось для высшей власти неубедительным [5. Л. 1–11].

Профессионализм гласных проявлялся в обращениях к губернатору, нацеленных на корректировку действий губернской администрации, повышение ее

эффективности. Так, в конце октября 1910 г. дума Томска рассматривала вопрос о выборе представителей на совещание «о желательных изменениях в договорах с Китаем, а равно и по другим вопросам, имеющим важное значение для обеспечения наших интересов в Китае» [6. Л. 682]. Томские гласные постановили обратиться к губернатору с просьбой выслушать по данному вопросу мнение торговцев Бийского уезда, которые непосредственно ведут торговлю с Китаем и ежегодно туда ездят.

Ментальность гласных характеризуется нацеленностью на реализацию интересов предпринимателей, что выражается в первостепенном внимании гласных к экономическим, транспортным вопросам, профессиональным подходом ко многим проблемам муниципального хозяйства.

Подтверждением экономических приоритетов в руководстве городским хозяйством является величина бюджетных расходов на этом направлении. Огромное количество средств тратилось думами на ходатайства по строительству железных дорог, на строительство муниципальных предприятий [7. С. 88–91]. К 1913 г. во всех активно развивающихся торгово-промышленных центрах Западной Сибири резко выросли размеры и абсолютно, и относительно расходуемых сумм на городские предприятия. Так, в Барнауле эта цифра составила 55,6 тыс. руб., или 10% всей расходной части бюджета, в Бийске – почти 30 тыс. руб., или 9%, в Новониколаевске – 163 тыс. руб., или 17% [7. С. 162, 163, 166].

Однако журналы думских заседаний показывают активный интерес гласных и к другим насущным вопросам городской жизни. Так, в Томске в 1903 г. на заседании думы гласный А.Н. Шипицын представил в думу заявление, в котором он предложил обсудить вопрос «о введении всеобщего начального обучения среди городского населения Томска». Предложение было единогласно принято [8. Л. 9 об.]. К вопросу о введении в городе всеобщего начального образования дума возвращается в 1910 г. Недостающие школы предлагалось открыть в течение 10 лет [6. Л. 7–78 об.].

Поведение гласных реализовывалось в русле служения народу, а не императору, что было характерно для бюрократии нового типа [9. С. 299].

Профессиональная работа местного самоуправления хорошо видна при строительстве в Томске водопровода. Водопроводная комиссия при думе «в период с 1903 по 1906 г. имела более 50 заседаний». Кроме того, проводились «многочисленные действия по осмотру и приемке доставляемых обществом Бр. Бромлей материалов для водопровода, по наблюдению за возведением гражданских сооружений водопровода, по осмотру разных мест в натуре для удобнейшего проложения труб, постановки водоразборных будок и т.п., по освидетельствованию отдельных частей и приспособлений водопровода и пр. Словом, городское управление за последние два года работало по этой части не покладая рук, стараясь заранее предупредить и предусмотреть все, что только возможно, разрешить наиудобнейшим и экономичнейшим образом все

встречавшиеся ему при этом вопросы и, вообще, избежать таких промахов, которые были бы непоправимы» [10. Л. 14].

Еще одним выражением профессионализма гласных, нацеленного на служение народу, а не императору, является постановление томской думы в 1913 г. об отказе пожертвовать из городских средств пособие на строительство храма в честь 300-летия царствования Дома Романовых. Объяснение такого решения было коротким: за неимением средств... [11. Л. 80].

Вопросы организации социальной защиты населения не были для дум первостепенными в деятельности, первоочередными. Часто заняться делами в сфере социального призрения и помощи нуждающимся думцев заставляли губернская администрация и общественность.

На заседаниях городских дум доминировала обстановка, свидетельствующая о наличии профессионализированного общественного самосознания. Гласные стремились реализовать свои возможности по обустройству населенных мест, осуществить права представителей выборной власти и ответственно выполнять обязанности. О сословности участников заседания, привлекаемых лиц нигде не говорилось и не записывалось. Такие заседания дум создают впечатление, что уже не существовало ни купцов, ни мещан, ни дворян, а только имелись люди определенной профессии, образования, навыков работы. Создавалось общее деловое пространство, где все были равны.

Еще одним важнейшим центром формирования гражданского сознания являлись общественные объединения, включавшие в свой состав неравнодушных людей, желающих работать на благо народа добровольно и безвозмездно. К концу XIX в. различных культурно-просветительских и ученых обществ насчитывалось в стране 340, обществ содействия народному образованию – 193, медицинских обществ – 120 [12. С. 45, 52]. Появление в России огромного количества общественных объединений символизировало зарождение нового типа организации социума, приходящего на смену характерным для феодально-сословного строя иерархическим корпоративным институтам, основанным на принципе принудительного участия. Он был ориентирован на совершенно другие принципы: равенство возможностей, самофинансирование, выборность, демократичность принятия решений, подконтрольность руководства массе нижестоящих рядовых граждан и т.д.

В сибирских городах общественность охотно организовывала общества, которые «имели бы целью облагораживать общественную жизнь служением общественным интересам» [13. С. 92] и участвовала в их работе. Десятки самых разнообразных общественных организаций имелись во всех городах Сибири (за исключением самых мелких центров, где таковых было, соответственно, меньше) [14. С. 255–285]. Большинство из них ставили культурные и просветительские цели. Так, по словам Г.Н. Потанина, в Томске из 80 объединений 35 были именно культурно-просветительскими [13. С. 96].

Профессиональные общественные организации стремились выполнять для своих членов отчасти функции профсоюза, отчасти – взаимопомощи и социального обеспечения, так как потребность в профессиональной и социальной защите, несомненно, имела у всех социальных групп.

Во время реального функционирования общественных объединений оттачивалась их компетентность, совершенствовалась эффективность их работы. Уставы отражают наиболее важные и меняющиеся со временем вопросы состава и деятельности этих структур. Рассмотрим уставы и отчеты некоторых общественных организаций с целью в динамике выявить характер их работы и отраженные в ней элементы гражданского сознания.

Профессиональным объединением, активно действующим среди прочих на своей социальной ниве, стало томское общество вспомоществования приказчиков. Возникшее в 1892 г. как общество взаимопомощи торгово-промышленных служащих, оно было нацелено на материальную поддержку своих членов. Устав предусматривал: распространение полезных знаний среди участников общества, выдачи пособий, ссуд и постоянных «вспоможений», содействие в присоединении мест службы, содействие в воспитании, научном образовании детей, братьев и сестер недостаточных или умерших действительных членов, врачебная помощь, призрение престарелых или неизлечимо больных участников объединения и выдачи единовременных пособий, постоянной материальной помощи вдовам и сиротам умерших членов, а также их родителям, братьям и сестрам, бывшим на попечении покойного [15. С. 1–2]. Для вступления в организацию следовало уплатить членский взнос. Вступающий должен был выбрать разряд, в соответствии с которым он будет уплачивать взнос и пользоваться присущими для каждого разряда пособиями. Для первого разряда предусматривался взнос в размере 25 руб. ежегодно, для второго – 15, для третьего – 10 руб. [15. С. 10]. Суммы эти были весьма внушительные, и для большинства приказчиков и служащих такие взносы делать было нереально. Объясним поэтому и низкий численный состав организации – 151 чел. в первый год существования. В последующие четыре года он даже уменьшился. С 1896 г. численность участников общества стала понемногу увеличиваться, сохраняя, однако, среднегодовой показатель до 1910 г. в количестве около 220 чел. [16. С. 7].

В начале XX в. в обществе вспомоществования приказчиков проходила серьезная работа по защите интересов торгово-промышленных служащих, сопровождавшаяся острыми дискуссиями, демаршами, протестами и жаркими обсуждениями профессиональных вопросов. Так, 21 февраля 1907 г. на собрании общества решался вопрос о создании смешанной комиссии по закону 15 ноября 1906 г. «О нормальном отделе служащих в торговых заведениях, складах и конторах». Представители были избраны, было решено отстаивать в комиссии 10-часовой рабочий день с 2-часовым перерывом на обед [17. С. 6]. 7 июля этого же года на заседании собрания был заслушан отчет о работе смешанной комиссии. Член правления и участник

работы комиссии Зенков выступил и заявил о противодействии в городской думе пожеланию общества приказчиков установить фактический 8-часовой рабочий день. Секретарь правления Гладышев предложил утвердить постановление собрания с требованием городской думе немедленно издать обязательные постановления, проводящие в жизнь решения комиссии [17. С. 12]. Резолюция была принята собранием (41 голос была отдан за нее, 4 – против). Председатель собрания попросил внести в протокол, что он не согласен с принятой резолюцией. Один из участников собрания спросил, имеет ли право председатель оскорблять собрание. Как следует из протокола, председатель попросил встать тех из присутствующих, которые считают, что председатель оскорбил собрание. Большинство встало. Председатель покинул собрание, отказавшись от выполнения своих функций. На эту должность тут же избрали Федюкина [17. С. 12]. Бывший председатель Эман приложил к протоколу особое мнение с оправданием его несогласия с резолюцией собрания.

В этом же, 1907 г., в октябре на собрании рассматривался вопрос «о внутреннем устройстве профессиональных и вспомогательных обществ торгово-промышленных служащих». Единогласно принимается резолюция о том, что «интересы торгово-промышленных служащих могут быть достигнуты только в рамках профессиональных организаций, ставящих себе целью вовлечь в профессиональное движение широкие слои торгово-промышленного пролетариата для борьбы за улучшение своего экономического и правового положения» [17. С. 16]. Решено было переработать и принять новый устав организации.

Вокруг проекта нового устава и его утверждения развернулась настоящая борьба. Часть общественных деятелей считали необходимым преобразование объединения приказчиков в профессиональный союз, в создание массовой организации по защите экономических, социальных, гражданских и политических прав торгово-промышленных служащих. Простое общество взаимопомощи таких прогрессивно мыслящих людей уже не устраивало. Собрание общества в 1907 г. обозначило направление изменений в уставе «в смысле приближения его к уставам профессиональных организаций» [16. С. 47–48]. Такой устав был составлен. 36 членов общества выступили против нового проекта. Администрация отклонила обновленный документ данной организации. Принятый в 1910 г. новый устав сохранил лишь улучшение вопроса с членскими взносами.

Новый устав предусматривал размер членских взносов в соответствии с размером жалования приказчиков. Все члены были разбиты на пять разрядов в соответствии с размером своей зарплаты. Относившиеся к первому разряду получали за службу свыше 100 руб. в месяц и должны были уплачивать взнос 15 руб. ежегодно/ К последнему, пятому разряду относились приказчики с самым низким размером жалования – от 30 руб. и менее, они обязаны были заплатить 2 руб. 50 коп. в год. В параграф об обязанности членов извещать правление общества о перемене места жительства и службы добавилось требование сообщать также размер жалования. Разделы о ссудах, о содействии в

приискании мест служб и занятий действительным членам общества, о содействии в воспитании и научном образовании детей членов общества, управлении делами общества и о его закрытии остались без изменений.

Устав томского общества взаимного вспоможения приказчиков на 1911 г. по объему стал короче по сравнению с Уставом 1903 г. на семь страниц. Из него были убраны некоторые параграфы, носившие путаный и непродуманный характер (о членах-соревнователях, о переходе членов из низшего разряда в высший). Сокращен был параграф 34 о прекращении членства и об отсутствии права выбывшего из общества требовать какого-либо возврата уплаченных взносов. Из него были убраны исключения, допускавшиеся в уставе 1903 г. В разделе о пособиях членам общества в новом уставе убрали оговорки относительно особых условий для внесших единовременный взнос, так как был ликвидирован текст относительно возможности внесения такого единовременного взноса. Убрали параграфы 53–54 о вспомогательной кассе старого устава, оставив лишь, очевидно, оправдавший себя раздел о ссудах.

Данный устав не устраивал заинтересованных общественных деятелей того времени. Так, современник указывал на его архаичность, «дающий формальный повод администрации запрещать устройство лекций и собраний, так как им предусмотрено устройство только чтений» [16. С. 33]. Но самое главное недовольство членов общества новым уставом состояло в том, что он не предусматривал защиту прав служащих.

В 1912 г. в издании, написанном к 20-летию юбилею общества взаимного вспоможения приказчиков, анализировалась деятельность организации за прошедший период. Автор-составитель высказывал оппозиционные взгляды по отношению к Российскому государству. Во введении читаем: «В годы сильнейшей реакции и борьбы с живыми общественными силами организации, аналогичные обществам взаимопомощи, беспрепятственно возникали и развивались, являясь в глазах непосредственного наблюдателя чем-то таким, что не гармонировало с обезличенной физиономией Российской действительности 70-х и последующих годов» [16. С. 1]. Автору не нравилась российская действительность, период, который он указывает, был периодом великих реформ, больших преобразований в социуме. Но представитель наиболее эмансипированной, креативной части общественности этим не был удовлетворен. Хотя именно в эти годы в стране сложилась благоприятная обстановка проявления самых широких социальных инициатив и формирования гражданского сознания, которое проявляется и у автора издания, причем оппозиционно окрашенное. Сущую правду автор пишет, что «в условиях русской действительности отдельные организации оказались призванными заменить собой государство в деле страхования на случай болезни, старости и инвалидности, на случай безработицы и т.д.». И далее публицист, обозначивший себя как «Н.С.В.», вновь высказывает весьма критичное отношение к власти: «Идея навстречу идее взаимопомощи, государство, однако, ограничивало ее с одной стороны: охотно возлагая на организации взаимопомощи заботу об устройстве материального быта их

членов, оно не допускало мысли о содействии улучшению правового положения их, несмотря на то что правовое положение служебного труда нуждалось в коренном изменении к лучшему еще в большей степени, чем материальный быт. Какого-либо вмешательства в сферу правовых отношений полицейское государство по природе своей не могло допустить ни с чьей стороны» [16. С. 3].

Количество членов томского общества взаимопомощи приказчиков значительно увеличилось в 1911 г., после принятия нового устава, понижающего размер членского взноса и дающего возможность его уплачивать по частям. В 1892 г. в организации состоял 151 чел., в 1910 г. – 204, в 1911 г. – 319 чел. [16. С. 7]. Конечно же, это была небольшая часть всех торгово-промышленных служащих, занятых в г. Томске. Однако улучшение вопроса уплаты членского взноса для малоимущих служащих давало обоснованную надежду на дальнейшее увеличение членов организации взаимопомощи приказчиков.

Еще более активно по вопросам защиты правовых и социальных интересов работников выступало объединение печатников Томска. Уже в 1902 г. на общем собрании членов организации было решено исключить из состава владельцев предприятий [18. С. 181]. В более широких масштабах возникновение профессиональных объединений не только в Томске, но и в других городах Сибири, как отмечал В.А. Скубневский, приходится на 1905 г. [18. С. 202]. Рабочие обрабатывающей промышленности создали 27 профсоюзов, которые выдвигали не только экономические, но и политические требования [18. С. 203].

Объединением, связавшим людей определенной профессии на началах взаимопомощи, стало общество взаимного вспомоществования учащим и учившим Томской губернии.

Необходимость создания таких организаций обоснована в речи, которая была произнесена при открытии томского общества взаимопомощи учащим и учившим, в которой было указано на крайне скудное материальное вознаграждение учителей и «совершенную их необеспеченность в случае какой-нибудь неожиданности, могущей временно приостановить или вовсе прекратить их профессиональную деятельность» [19. С. 2]. Прозвучал призыв сплотиться всем учителям Томской губернии ради улучшения своего положения на началах самопомощи и взаимопомощи. К январю 1898 г. в организацию входило около 260 человек, включая членов-соревнователей. Действительных членов было всего 108 чел. [19. С. 2]. Малочисленность общества с грустью констатировал современник, выражая, однако, надежду, что «Общество взаимопомощи в будущем должно внести... немало облегчения в жизнь народного учителя» [20. С. 21].

В одиннадцатый год своего существования общество состояло из 192 действительных членов [21. С. 1]. В следующем, 1908 г. в общество входили 122 действительных члена [22. С. 3]. Как видим, стабильного роста входивших в состав общества учителей не было. Членский взнос был для учащихся и учивших дорогим – 2 руб.

Наблюдались изменения в уставе общества взаимопомощи учителей. Помимо уточнения членства в обществе, его видов, менялись и условия помощи нуждающимся учившим и учащим. Так, в отчете общества за 1902 г. отмечалось изменение девятнадцатого параграфа устава о выдаче ссуд, вследствие чего «весь устав отпечатан в количестве 800 экземпляров и разослан членам общества и во все начальные школы губернии учащим с просьбою вступить в члены общества» [23]. Изменение в уставе касалось отмены порядка выдачи безвозвратных ссуд. Теперь полученные ссуды надо было возвращать [23. С. 3]. Однако мы не встретили в документах этой организации нацеленности на создание массового профессионального союза с правом защиты интересов учителей перед администрацией, государством.

Само государство не оставалось в стороне от процессов формирования гражданской культуры. Так, членом правления общества взаимного вспомоществования учащим и учившим Томской губернии от министерства народного просвещения был назначен штатный смотритель П.А. Букеев. Почетными членами общества были избраны попечитель западно-сибирского учебного округа В.М. Флоринский и томский губернатор А.А. Ломачевский [19. С. 4]. Организация с самого начала стала заниматься вопросами улучшения быта членов общества в таких направлениях: переговоры с владельцами аптек, лечебных учреждений, магазинов по поводу предоставления скидок на товары и услуги для общества; предоставление пособий и ссуд; поиск возможностей предоставления бесплатных квартир для приезжающих работать в Томск учителей; налаживание организации медицинской помощи; проведение благотворительных мероприятий с целью увеличения средств общества.

Общественные организации губернского центра имели свои отделения в других городах Сибири, с которыми постоянно контактировали, заслушивали их отчеты, направляли своих представителей в эти города. На собраниях обществ решались вопросы командирования своих представителей на специализированные курсы и съезды (учительские и другие, в зависимости от профиля организации). Впоследствии делегаты также на собраниях членов объединений рассказывали о своих впечатлениях от поездки и работы съезда. Так, в 1908 г. к отчету о деятельности общества были приложены сообщения Андреевской о лекциях, заслушанных ею на летних педагогических курсах в г. Москве [22. С. 9–13]. В 1913 г. учительница Е.В. Сумина на собрании выступила с докладом о работе прошедших летних педагогических курсов в Москве, в которой она участвовала [24. С. 8].

Важнейшим направлением общественной деятельности эпохи модернизации являлась благотворительность. В этот период в регионе активно начинают создаваться благотворительные организации. Что заставляло людей объединяться в организации, призванные помогать нуждающимся жителям городов и сел Сибири? В уставе томского общества вспомоществования учащимся, утвержденном в 1873 г., цель объедине-

ния формулировалась так: «...давать средства для получения высшего образования недостаточным воспитанникам томской гимназии и духовной семинарии, а затем уже, по мере возможности, доставлять способы беднейшим и способным ученикам и ученицам к продолжению учения в томских гимназиях – мужской и женской» [25. С. 21]. Действительные члены в отличие от почетных и жертвователей платили в кассу общества по 5 руб. ежегодно. Лица, внесшие в кассу не менее 100 руб. единовременно, именовались почетными членами. Оговаривалось, что высшее начальство Томской губернии – генерал-губернатор Западной Сибири, начальник Томской губернии, а также глава епархии – являются почетными членами общества, независимо, внесли они 100 руб. или нет. Лица, делающие «посильные пожертвования» и не являющиеся почетными членами, по уставу именовались жертвователями. К сожалению, в нашем распоряжении лишь один устав общества, другие, возможно, не сохранились. Мы видим по отчетам, что члены общества стали именоваться иначе. Появились пожизненные члены. Среди них были известные тогда предприниматели, занимавшиеся благотворительностью, а также профессора, преподаватели, проводившие благотворительные занятия, бескорыстно служившие делу просвещения и готовые пожертвовать собой ради благих целей.

В отчетах отсутствует какое-либо упоминание о словном происхождении участников. Например, в отчете о деятельности томского общества вспомоществования учащимся за 1904 г. сказано, что вместо прежнего председателя совета общества профессора А.М. Зайцева избран профессор И.Н. Грамматикати, товарищем председателя Н.Н. Розин. Членами совета избраны М.Г. Курлов, В.Г. Пудовиков, И.А. Малиновский, О.А. Зубашев, П.И. Макушин. Хозяйственной частью столовой заведовал при участии председателя совета общества дамский комитет. В состав комитета входили: З.А. Александровская, О.Л. Васильева, А.С. Голицина, А.И. Житкова, Е.В. Зайцева, А.И. Иванова, Х.С. Ливен, Е.А. Макушина, Л. Маслова, Е.И. Обручева, Н.М. Попова, П.И. Сухова, Н.Н. Усачева, Е.А. Шаблиовская [26. С. 1, 3]. Подобное простое перечисление имен и фамилий участников было характерно для документов всех общественных организаций, что отражало внутренний демократизм, гражданственность этих структур.

Регулярно руководство общества обращалось к различным общественным учреждениям, городским и мещанским управам, к банкам и торговым фирмам с предложением вступить в члены общества или сделать пожертвования. Так, в 1912 г. было отправлено таких воззваний около 60, но «откликнулось очень мало». Однако в этом же году средства общества укрепились и расширились благодаря завещанию учителя, репетитора К.Я. Лебедева, который пожелал отписать в пользу общества ценные бумаги на сумму 5 тыс. руб. и наличные 754 руб. 66 коп. [27. С. 2]. Средства общества тратились на ссуды нуждающимся в материальной помощи учащимся, на бесплатные обеды, на лечение.

Государство поддерживало создание благотворительных обществ. Чиновники входили в состав правления благотворительных структур, помогали изыскивать средства. Так, при организации томского благотворительного объединения губернатор А.Ф. Анисьин пригласил в зал общественного собрания более 200 человек, председателем открывающегося общества был избран управляющий казенной палатой М.А. Гиляров [28. С. 3]. Члены правления (число их 6 человек в 1886 г., в год открытия благотворительного общества, увеличилось впоследствии до 9) должны были удостоверить в истинной бедности просящих помощи людей, поэтому они посещали их жилища, расспрашивали соседей, хозяев съемных квартир об образе жизни, поведении просящих, причинах их бедности. Попечители посещали «лачужки», самые отдаленные места города, в которых помещалась беднота. Беспомощные старики и осиротевшие дети нуждались в приюте, и общество как могло устраивало их в такие учреждения [28. С. 5]. С помощью частных пожертвований удавалось повышать пособия бедным, приобрести дом для организации в нем приюта для стариков и беспризорных детей.

Общественные организации включали в свой состав значительное число людей и организаций. Общество попечения о начальном образовании в г. Томске включало в себя в пятнадцатом году своего существования приблизительно 900 чел. [29. С. 1]. В целом же людей, причастных к деятельности данного общества, было намного больше. Об этом говорит список благотворителей за год, пожертвовавших для бедных какую-либо сумму, от нескольких копеек до нескольких сотен рублей (речь идет о 1896 г., так как в другие годы могли быть более крупные пожертвования), или материалы, вещи [29. С. 57–70]. Общество так или иначе (путем проведения благотворительных мероприятий) стремилось привлечь к работе, а значит, к осознанию своего гражданского долга помогать нуждающимся, как можно большее количество людей.

Конечно же, такое служение обществу развивало гражданское сознание, способствовало осмыслению прав и обязанностей личности в обществе, степени справедливости мироустройства и человеческих возможностей его совершенствования.

Общественные организации находились в постоянном сотрудничестве с мещанскими обществами, с городским самоуправлением. Так, во время расширения здания томского общества попечения о начальном образовании, в частности зрительного зала народного театра, совет данной организации обратился с ходатайством о субсидии к городской думе. В нем было указано, что «нужда общества – нужда города. Общество является помощником городского управления в деле развития школьного образования...» [30. С. 30]. Далее в обращении указывалось, что данное общество на свои средства открыло и оборудовало четыре городских начальных школы, из которых содержание двух было позже передано городу, а две остальные остались на попечении общества. Кроме того, отмечалось, что общество содержит сверхштатных учительниц для городских школ, снабжает бедных учеников теплой

одеждой, организует детские праздники, финансирует рукодельную школу и т.д.

Выявлялась демократическая направленность работы этого, да и многих других обществ. В вышеупомянутом отчете был сделан вывод о том, что «библиотека Общества попечения о начальном образовании служит той цели, которая ставилась: дать легкий доступ к книге тому слою Общества, который этого лишен. Читатели библиотеки: мещан и крестьян 84,6%, чиновников, дворян и купцов 14,6%, солдат 0,8%» [31. С. 11].

Известный общественный деятель Сибири, исследователь, публицист Г.Н. Потанин высоко оценивал деятельность общества попечения о начальном образовании в Томске. Он писал об этой организации: «Воспитательное значение Общества для томичей несомненно. Заслуга Общества не в том, что оно основало и содержало несколько народных школ и одну или две народных библиотеки, и устроило длинный ряд народных чтений и полезных развлечений; главная заслуга Общества в том, что оно приучило томскую интеллигенцию служить бескорыстно на общее благо» [13. С. 93].

Итак, анализируя вопрос о формировании гражданского сознания у городских деятелей в городах Западной Сибири последней трети XIX – начала XX в., мы можем сделать некоторые выводы. В городских самоуправлениях реализовывалась работа местных властей, оттачивался ее профессионализм, компетентность, проявлялось стремление служить народу, а не императору. Постановления гласных отражают нацеленность на осуществление своих прав на самостоятельное принятие решений по обустройству населенных мест и выполнение своих обязанностей перед избирателями и перед государством. На заседаниях городских дум создавалась атмосфера равенства гласных в своих правах и обязанностях, предоставлялась большая свобода действий в сочетании с ответственностью перед социумом. Укрепление и функционирование органов общественного самоуправления вело к складыванию устойчивого гражданского сознания, предполагающего четкого осознания интересов личностных, общественных и государственных.

Еще более активно компоненты гражданского сознания формировались при функционировании самодеятельных общественных организаций, у которых не было такой связи с государственной службой и такого контроля со стороны администрации, как у органов городского самоуправления. Профессиональные общества взаимопомощи, благотворительные, культурно-просветительские организации формировали чувство ответственности, долга и чести у людей самого разного социального происхождения и социального положения. Участники общественных объединений стремились помочь нуждающимся независимо от их звания и состояния. В некоторых организациях взаимопомощи развернулась борьба за создание массовых профессиональных союзов, способных защищать интересы их членов перед работодателями и государством. Наличие критически мыслящих личностей в структурах самоуправления, их профессиональный и

социально ответственный подход к актуальным вопросам своего времени, к защите прав сообществ и личностей способствовали развитию гражданского общества и гражданского сознания. Государство поддерживало создание многих общественных организаций, чиновники входили в их состав. Однако чиновничья бюрократия еще не была готова к тем прогрессивным предложениям, которые уже исходили из самостоятельных объединений. В частности, предложение превратить томское общество вспомоществования приказчиков в массовую профессиональную организацию, изменив устав, было отвергнуто со стороны сложившейся системы управления. Последняя не получала приказа о

создании таких организаций сверху, поэтому и не принимала инициативу о создании профсоюзов снизу. Подобное противоречие свидетельствует о наличии гражданского сознания в среде общественности и об отставании в этом государственных структур. Государство в России всегда играло решающую роль в изменениях в социуме, именно от него всегда ждали санкций на нововведения. В рассматриваемый период государство само санкционировало процессы, ведущие к формированию гражданского сознания. Однако оно еще не было готово к стремительным социально-политическим изменениям, как того хотели наиболее передовые общественные деятели.

Список источников

1. Валитов А.А. Становление гражданского общества Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2007. 24 с.
2. Литягина А.В. Ментальность гласных городских дум Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX века // Историческая психология государственного управления. Саратов, 2017. Вып. 3. С. 91–101.
3. Государственный архив Алтайского края. Ф. 51. Оп. 1. Д. 13.
4. Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 30а. Д. 148.
5. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 4428.
6. ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2959.
7. Литягина А.В. Городское самоуправление Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. Бийск : НИЦ БПГУ, 2001. 168 с.
8. ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2943.
9. Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь / отв. ред. В. П. Зиновьев. Новосибирск : Автограф, 2015. 330 с.
10. ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2756.
11. Российский государственный исторический архив. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 15.
12. Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX в. М. : Новый хронограф, 2008. 320 с.
13. Потанин Г. Культурно-просветительские организации // Город Томск. Томск, 1912. С. 90–100.
14. Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). Барнаул : Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2002. 288 с.
15. Устав Общества взаимного вспоможения приказчиков в г. Томске. Томск : Акцидентная типография В.М. Перельман, 1903. 37 с. URL: <http://elbib.tomsk.ru/purl/1-11216/> (дата обращения: 11.09.2019).
16. 20 лет существования и деятельности Томского общества взаимного вспоможения приказчиков: юбилейный исторический очерк, 19 апреля 1892 г. – 19 апреля 1912 г. Томск : Издание Томского общества взаимного вспоможения приказчиков, 1912 (Типография Сибирского товарищества печатного дела). 54 с. URL: <http://elbib.tomsk.ru/purl/1-7460/> (дата обращения: 11.09.2019).
17. Общество взаимного вспоможения приказчиков (Томск). Шестнадцатый годичный отчет за 1907 год. Томск : Типография Дома трудолюбия, 1908. 90 с. URL: <http://elbib.tomsk.ru/purl/1-11064/> (дата обращения: 11.09.2019).
18. Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Томск, 1991. 271 с.
19. Отчет о состоянии и деятельности Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим Томской губернии со времени его открытия (6-го марта 1897 г.) по 1 января 1898 года. Томск : Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1898. 27 с. URL: <http://elbib.tomsk.ru/purl/1-6213/> (дата обращения: 11.09.2019).
20. Отчет о состоянии и деятельности общества взаимного вспомоществования учащим и учившим Томской губернии с 1-го января 1898 года по 1-е января 1899 года. Томск : Типо-литография М.Н. Кононова и И.Ф. Скулимовского, 1899. 36 с. URL: <http://elbib.tomsk.ru/purl/1-6212/> (дата обращения: 11.09.2019).
21. Отчет о состоянии и деятельности общества взаимного вспомоществования учащим и учившим Томской губернии 1907 года. Томск : Типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1908. 23 с. URL: <http://elbib.tomsk.ru/purl/1-6205/> (дата обращения: 11.09.2019).
22. Отчет о состоянии и деятельности Общества взаимного вспомоществования учащихся и учивших Томской губернии за 1908 год. Томск : Типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1909. 24 с. URL: <http://elbib.tomsk.ru/purl/1-6204/> (дата обращения: 11.09.2019).
23. Отчет о состоянии и деятельности Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим Томской губернии за 1902 год. Томск, 1903. 89 с. URL: <http://elbib.tomsk.ru/purl/1-6208/> (дата обращения: 11.09.2019).
24. Отчет о состоянии и деятельности Общества взаимного вспомоществования учащихся и учивших Томской губернии за 1913 г. (Семнадцатый год существования Общества). Томск : Типография Приюта и Дома трудолюбия, 1914. 33 с. URL: <http://elbib.tomsk.ru/purl/1-6199/> (дата обращения: 11.09.2019).
25. Отчет Томского общества для вспомоществования учащимся за 1879 год. Томск : Типо-литография Михайлова и Макушина, 1878. 19 с. URL: <http://elbib.tomsk.ru/purl/1-8193/> (дата обращения: 11.09.2019).
26. Отчет о деятельности томского общества вспомоществования учащимся за 1904 – 1908 гг. Томск: Типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1909. 60 с. URL: <http://russianuniversityhistory.tsu.ru/sites/default/files/Отчет%20о%20деятельности%20Томского%20общества%20вспомоществования%20учащимся.pdf> (дата обращения: 16.02.2022).
27. Отчет о деятельности Совета Томского общества вспомоществования учащимся (учрежд. 28 октября 1873 г.) за 1912 год. Томск : Типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1913. 15 с. URL: <https://www.elbib.tomsk.ru/purl/1-6200/> (дата обращения: 11.09.2019).
28. Дикгоф А.А. Двадцатипятилетие Томского благотворительного общества (25 марта 1886 г. – 25 марта 1911 г.). Томск : Паровая типография Н.И. Орловой, 1911. 32 с. URL: <http://elbib.tomsk.ru/purl/1-1107/> (дата обращения: 11.09.2019).
29. Отчет Общества попечения о начальном образовании в г. Томске за 1896 год. Томск : Типография Г.В. Прейсман и Н.Я. Беляева, 1897. URL: <http://elbib.tomsk.ru/purl/1-6495/> (дата обращения: 11.09.2019).
30. Тимофеев М.А. Дом Общества попечения о начальном образовании в городе Томске. Краткий очерк истории его постройки и отчет по расширению зрительного зала для народного театра (1898–1900 гг.). Томск : Типография Епархиального братства, 1901. 47 с. URL: <http://elbib.tomsk.ru/purl/1-11542/> (дата обращения: 11.09.2019).
31. ГАТО. Ф. 1682. Оп. 1. Д. 2. П.И. Макушин. Отчет Общества попечения о начальном образовании в г. Томске за 1899 г.

References

1. Valitov, A.A. (2007) *Stanovlenie grazhdanskogo obshchestva Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Formation of civil society in Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Orenburg.
2. Lityagina, A.V. (2017) Mental'nost' glasnnykh gorodskikh dum Zapadnoy Sibiri v posledney treti XIX – nachale XX veka [Mentality of city council members in Western Siberia in the last third of the 19th – early 20th centuries]. *Istoricheskaya psikhologiya gosudarstvennogo upravleniya*. 3. pp. 91–101.
3. State Archive of Altai Krai. Fund 51. List 1. File 13.
4. State Archive in Tobolsk. Fund 152. List 30a. File 148.
5. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 2. File 4428.
6. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 127. List 1. File 2959.
7. Lityagina, A.V. (2001) *Gorodskoe samoupravlenie Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.* [Municipal self-government of Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. Biysk: BPSU.
8. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 127. List 1. File 2943.
9. Shilovskiy, M.V. (2015) *Pervaya mirovaya vojna 1914–1918 godov i Sibir'* [The First World War of 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk: Avtograf.
10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 127. List 1. File 2756.
11. Russian State Historical Archive. Fund 1288. List 5. File 15.
12. Tumanova, A.S. (2008) *Obshchestvennye organizatsii i russkaya publika v nachale XX v.* [Public organizations and the Russian public at the beginning of the 20th century]. Moscow: Novyy khronograf.
13. Potanin, G. (1912) Kul'turno-prosvetitel'skie organizatsii [Cultural and educational organizations]. In: *Gorod Tomsk* [The city of Tomsk]. Tomsk: Izdanie Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela v Tomске. pp. 90–100.
14. Degal'tseva, E.A. (2002) *Obshchestvennye nepoliticheskie organizatsii Zapadnoy Sibiri (1861–1917 gg.)* [Public non-political organizations of Western Siberia (1861–1917)]. Barnaul: ASTU.
15. Elib.tomsk.ru. (2019) *Ustav Obshchestva vzaimnogo vspomozheniya prikazchikov v g. Tomске* [Charter of the Society of Mutual Assistance of Clerks in Tomsk]. Tomsk: Aktsidentnaya tipografiya V.M. Perel'man. [Online] Available from: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-11216/> (Accessed: 11.09.2019).
16. Elib.tomsk.ru. (2019/1912) *20 let sushchestvovaniya i deyatel'nosti Tomskogo obshchestva vzaimnogo vspomozheniya prikazchikov: yubileyyny istoricheskiy ocherk, 19 aprelya 1892 g. – 19 aprelya 1912 g.* [20 years of existence and activities of the Tomsk Society of Mutual Assistance of Clerks: an anniversary historical essay, April 19, 1892 – April 19, 1912]. Tomsk: Izdanie Tomskogo obshchestva vzaimnogo vspomozheniya prikazchikov, 1912 (Tipografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela). [Online] Available from: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-7460/> (Accessed: 11.09.2019).
17. Elib.tomsk.ru. (2019/1908) *Obshchestvo vzaimnogo vspomozheniya prikazchikov (Tomsk). Shestnadsatyy godichnyy otchet za 1907 god* [Society of Mutual Assistance of Clerks (Tomsk). Sixteenth annual report for 1907]. Tomsk: Tipografiya Doma trudolyubiya. [Online] Available from: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-11064/> (Accessed: 11.09.2019).
18. Skubnevskiy, V.A. (1991) *Rabochie obrabatyvayushchey promyshlennosti Sibiri (90-e gg. XIX v. – fevral' 1917 g.)* [Workers in the Manufacturing Industry of Siberia (1890s – February 1917)]. Tomsk.
19. Elib.tomsk.ru. (2019/1898) *Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Obshchestva vzaimnogo vspomoshchestvovaniya uchashchimi i uchivshimi Tomskoy gubernii so vremeni ego otkrytiya (6-go marta 1897 g.) po 1 yanvarya 1898 goda* [Report on the Status and Activities of the Society for Mutual Assistance of Current and Former Teachers of Tomsk Province from the Time of Its Opening (March 6, 1897) to January 1, 1898]. Tomsk: Parovaya tipo-litografiya P.I. Makushina. [Online] Available from: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-6213/> (Accessed: 11.09.2019).
20. Elib.tomsk.ru. (2019/1899) *Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti obshchestva vzaimnogo vspomoshchestvovaniya uchashchimi i uchivshimi Tomskoy gubernii s 1-go yanvarya 1898 goda po 1-e yanvarya 1899 goda* [Report on the Status and Activities of the Society for Mutual Assistance of Current and Former Teachers of Tomsk Province from January 1, 1898 to January 1, 1899]. Tomsk: Tipo-litografiya M.N. Kononova i I.F. Skulimovskogo. [Online] Available from: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-6212/> (Accessed: 11.09.2019).
21. Elib.tomsk.ru. (2019/1908) *Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti obshchestva vzaimnogo vspomoshchestvovaniya uchashchimi i uchivshimi Tomskoy gubernii 1907 goda* [Report on the status and activities of the Society for Mutual Assistance of Current and Former Teachers of Tomsk Province in 1907]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela. [Online] Available from: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-6205/> (Accessed: 11.09.2019).
22. Elib.tomsk.ru. (2019/1909) *Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Obshchestva vzaimnogo vspomoshchestvovaniya uchashchikh i uchivshikh Tomskoy gubernii za 1908 god* [Report on the status and activities of the Society for Mutual Assistance of Current and Former Teachers of Tomsk Province for 1908]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela. [Online] Available from: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-6204/> (Accessed: 11.09.2019).
23. Elib.tomsk.ru. (2019/1903) *Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Obshchestva vzaimnogo vspomoshchestvovaniya uchashchimi i uchivshimi Tomskoy gubernii za 1902 god* [Report on the status and activities of the Society for Mutual Assistance of Current and Former Teachers of Tomsk Province for 1902]. Tomsk. [Online] Available from: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-6208/> (Accessed: 11.09.2019).
24. Elib.tomsk.ru. (2019/1914) *Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Obshchestva vzaimnogo vspomoshchestvovaniya uchashchikh i uchivshikh Tomskoy gubernii za 1913 g. (Semnadsatyy god sushchestvovaniya Obshchestva)* [Report on the status and activities of the Society for Mutual Assistance of Current and Former Teachers of Tomsk Province for 1913 (the Seventeenth Year of the Society's Existence)]. Tomsk: Tipografiya Priyuta i Doma trudolyubiya. [Online] Available from: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-6199/> (Accessed: 11.09.2019).
25. Elib.tomsk.ru. (2019/1878) *Otchet Tomskogo obshchestva dlya vspomoshchestvovaniya uchashchimsya za 1879 god* [Tomsk Society for Assistance to Students]. Tomsk: Tipo-litografiya Mikhaylova i Makushina. [Online] Available from: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-8193/> (Accessed: 11.09.2019).
26. Elib.tomsk.ru. (2019/1909) *Otchet o deyatel'nosti tomskogo obshchestva vspomoshchestvovaniya uchashchimsya za 1904–1908 gg.* [Report on the activities of the Tomsk Society for Assistance to Students for 1904–1908]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela. [Online] Available from: <http://russianuniversityhistory.tsu.ru/sites/default/files/Otchet%20o%20deyatel'nosti%20Tomskogo%20obshchestva%20v%20vospomoshchestvovaniya%20uchashchimsya.pdf> (Accessed: 16.02.2022).
27. Elib.tomsk.ru. (2019/1913) *Otchet o deyatel'nosti Soveta Tomskogo obshchestva vspomoshchestvovaniya uchashchimsya (uchrezhd. 28 oktyabrya 1873 g.) za 1912 god* [Report on the activities of the Council of the Tomsk Society for Assistance to Students (established on October 28, 1873) for 1912]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela. [Online] Available from: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-6200/> (Accessed: 11.09.2019).
28. Dikgof, A.A. (1911) *Dvadsatipyatiletie Tomskogo blagotvoritel'nogo obshchestva (25 marta 1886 g. – 25 marta 1911 g.)* [Twenty-fifth anniversary of the Tomsk Charitable Society (March 25, 1886 – March 25, 1911)]. Tomsk: Parovaya tipografiya N.I. Orlovoy. [Online] Available from: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-1107/> (Accessed: 11.09.2019).
29. Elib.tomsk.ru. (2019/1897) *Otchet Obshchestva popecheniya o nachal'nom obrazovanii v g. Tomске za 1896 god* [Report of the Society for the Care of Primary Education in Tomsk for 1896]. Tomsk: Tipografiya G.V. Preysman i N.Ya. Belyaeva. [Online] Available from: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-6495/> (Accessed: 11.09.2019).

30. Timofeev, M.A. (1901) *Dom Obshchestva popечeniya o nachal'nom obrazovanii v gorode Tomske. Kratkiy ocherk istorii ego postroyki i otchet po rasshireniyu zritel'nogo zala dlya narodnogo teatra (1898–1900 gg.)* [House of the Society for the Care of Primary Education in Tomsk. A brief outline of the history of its construction and a report on the expansion of the auditorium for the people's theater (1898–1900)]. Tomsk: Tipografiya Eparkhial'nogo bratstva. [Online] Available from: <http://elibrary.tomsk.ru/purl/1-11542/> (Accessed: 11.09.2019).
31. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 1682. List 1. File 2. Makushin, P.I. *Otchet Obshchestva popечeniya o nachal'nom obrazovanii v g. Tomske za 1899 g.* [Report of the Society for the Care of Primary Education in Tomsk for 1899]

Информация об авторе:

Литягина А.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета (Бийск, Россия). E-mail: alityagina@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Lityagina, Cand. Sci. (History), associate professor, Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy (Biysk, Russian Federation). E-mail: alityagina@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.02.2022;
одобрена после рецензирования 19.03.2022; принята к публикации 30.04.2024.*

*The article was submitted 25.02.2022;
approved after reviewing 19.03.2022; accepted for publication 30.04.2024.*

Научная статья
УДК 94:621.311.1(571.6)
doi: 10.17223/15617793/501/14

Мобилизационная модель электрификации Дальнего Востока СССР (1928–1945 гг.)

Алексей Владимирович Маклюков¹

¹ *Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Россия
alekseymaklyukov@yandex.ru*

Аннотация. Проанализирован процесс электрификации Дальнего Востока как составной части мобилизационной модели развития экономики СССР в конце 1920-х – середине 1940-х гг., раскрыты региональные особенности его осуществления. Установлено, что в отличие от западных районов страны на Дальнем Востоке изначально отсутствовала необходимая энергетическая инфраструктура, не было создано резервов мощностей для индустриализации региона, а времени и ресурсов на крупное энергетическое строительство и реализацию пятилетних планов не хватило.

Ключевые слова: электрификация, мобилизационная модель, индустриализация, промышленность, российский Дальний Восток

Для цитирования: Маклюков А.В. Мобилизационная модель электрификации Дальнего Востока СССР (1928–1945 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 123–133. doi: 10.17223/15617793/501/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/14

Mobilization model of electrification of the USSR Far East (1928–1945)

Aleksey V. Maklyukov¹

¹ *Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation, alekseymaklyukov@yandex.ru*

Abstract. The study analyzes the process of electrification of the Far East as an integral part of the mobilization model of the USSR's economic development in the late 1920s – mid-1940s and reveals the regional features of its implementation. The methodological basis of the study is traditional historical methods, as well as the method of systems analysis, which allows considering the electrification of the Far East as an element of the economic system of the USSR. The work is based on a corpus of unpublished sources identified in the funds of federal and regional archives. A study of the literature on the problem has shown that certain material has been accumulated on it, but a more in-depth analysis of electrification processes in the parameters of the mobilization model can contribute to the solution of the fundamental scientific task of recreating a holistic picture of the transformations that took place in the regional economy in the late 1920s – mid-1940s. The main part of the work shows that in the mobilization model, the processes of electrification of the Far East were entirely concentrated in the hands of the state, subordinated to the general tasks of creating an industrial economy and strengthening the country's defense capability. To implement the mobilization model, plans were developed for the electrification of the region, based on economic, political and military-strategic factors of increasing the defense capability of the eastern regions of the country and their integration into the all-Union space. In the Far East, unlike the western regions of the country, the necessary energy infrastructure was initially lacking, capacity reserves were not created according to the GOELRO plan, and there was not enough time and resources for large-scale energy construction and the implementation of five-year plans. The mobilization nature of the accelerated development of productive forces in the region determined the decentralized departmental path of development of the electric power industry. As a result, there was a sharp gap between the growth rates of the industrial economy of the region and the electric power industry, which by the beginning of the Great Patriotic War developed into an energy crisis. This gap turned into one of the main problems of the region's economic development, which the state, despite all further efforts and investments aimed at electrification, was not able to solve until the end of the Soviet era.

Keywords: electrification, mobilization model, industrialization, industry, Russian Far East

For citation: Maklyukov, A.V. (2024) Mobilization model of electrification of the USSR Far East (1928–1945). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 123–133. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/14

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что с усилением регулирующей роли государства в обеспечении социально-экономического развития Российской Федерации изучение и переосмысление исторического опыта советской модернизации обретает важное научное и практическое значение. Мобилизационная модель развития экономики СССР, связанная с индустриализацией, подготовкой к войне и борьбе за победу в Великой Отечественной войне, была направлена на достижение чрезвычайных целей с помощью исключительных средств и экстренных организационных форм. Для индустриального скачка в жатые сроки стране потребовалось воссоздание национальной научно-технологической базы и повышение эффективности общественного производства. В условиях формирования мобилизационной экономики природные богатства и геополитический потенциал Дальнего Востока стали важными источниками для укрепления индустриальной мощи СССР. Освоение дальневосточных территорий в свою очередь требовало от государства принятия нестандартных управленческих подходов для развития транспортной, производственной и социальной инфраструктуры.

В современных историко-экономических исследованиях мобилизационная модель используется для анализа макро- и микроуровневых процессов, характеристики мероприятий модернизационных преобразований в СССР в конце 1920-х – середины 1940-х гг. [1–4]. В базовые принципы данной модели исследователи включают: государственную монополию ресурсов, централизацию управления, наличие целенаправленной программы развития, широкое применение внеэкономических методов принуждения, коллективный характер выполнения заданий, достижение цели любой ценой [2. С. 83]. Региональные аспекты мобилизационной модели на Дальнем Востоке изучались в контексте создания оборонного потенциала, индустриального и транспортного освоения, внутривнутриполитических и социальных трансформаций и т.д. [5–11]. Авторы (Ткачева Г.А., Зеляк В.Г.) подчеркивали, что мобилизационная модель на Дальнем Востоке сочетала в себе военно-стратегическую, экономическую и социальную политику, реализуемую в условиях малой заселенности, географической оторванности, экономической отсталости и неосвоенности региона. Специфика региона определила основные черты экономического развития – ускоренное освоение природных ресурсов и укрепление оборонного потенциала [5. С. 63; 7. С. 9].

Вопросы электрификации Дальнего Востока в период формирования мобилизационной экономики рассматривались исследователями (Хлыпалов В.М., Маклюков А.В.) в аспектах энергетического строительства и электротехнической модернизации отраслей промышленности [12, 13]. В литературе накоплен определенный материал по данной проблеме, но в то же время более углубленный анализ процессов электрификации в параметрах мобилизационной модели может внести свой вклад в решение фундаментальной научной задачи по воссозданию целостной картины тех преобразований, которые происходили в региональной экономике в период конца 1920-х – середины 1940-х гг.

Цель данной статьи – проанализировать процесс электрификации Дальнего Востока как составной части мобилизационной модели развития экономики СССР, раскрыть региональные особенности его осуществления.

Методологической основой исследования являются традиционные исторические методы, а также метод системного анализа, позволяющий рассматривать электрификацию Дальнего Востока как элемент экономической системы СССР конца 1920-х – середины 1940-х гг. Исследование опирается на корпус неопубликованных источников, выявленных в фондах федеральных и региональных архивов. Основными видами изученных документов являются постановления правительства и распоряжения местных органов власти, касающиеся электрификации региона; планы, аналитические записки, справки, статистические материалы, годовые отчеты электростанций.

Фундаментом для формирования мобилизационной экономической модели в СССР стал план ГОЭЛРО, утвержденный правительством в 1920 г. План электрификации являлся первой масштабной программой развития экономики страны на 10–15 лет, он создавал необходимые политические и идеологические условия для консолидации интеллектуальных, трудовых, финансовых и материально-технических ресурсов советского государства, позволил направить политику в единое русло крупного энергетического строительства. В странах Европы и США крупные частные электротехнические корпорации не обладали такими ресурсами и возможностями, как Главэлектро ВСНХ СССР – главный государственный орган по электрификации страны [14. Р. 182].

Однако планирование электрификации Дальнего Востока началось значительно позже, чем в западных районах страны. Это было связано с затянувшейся Гражданской войной и ее последствиями. В условиях дефицита средств и отсутствия понимания у властей будущего индустриального облика региона, созданные в середине 1920-х гг. местные плановые органы смогли наметить приблизительный план электрификации и предложить строительство только Артемовской ГРЭС. Центр не мог ничем помочь региону, который функционировал в режиме относительной автономности [12. С. 77].

На рубеже 1920–1930-х гг. в системе планировании СССР происходят изменения, связанные с индустриализацией страны и сдвигом индустрии в восточные районы, что подстегивалось необходимостью укрепления оборонного потенциала в условиях обострявшейся борьбы за передел мира. В апреле 1929 г. ЦК ВКП(б) принял специальное решение об ускорении социалистического строительства на Дальнем Востоке, а год спустя, в феврале 1930 г. ВЦИК и СНК РСФСР обязали Госплан РСФСР создать условия для резкого увеличения удельного веса региона в промышленном производстве СССР. В этом же году приняты постановления ВЦИК и Политбюро ЦК ВКП(б) об экономическом развитии Дальнего Востока в условиях усиливающейся военной угрозы со стороны Японии [10. С. 150]. Эти важнейшие решения правительства обусловили

развитие дальневосточной индустрии. В утвержденном первом пятилетнем плане в регионе намечалось построить за 12 млн руб. Артемовскую ГРЭС и увеличить общую выработку электроэнергии с 20 до 100 млн кВт·ч к 1933 г. [15. С. 291].

С включением Дальнего Востока в общесоюзную плановую систему в 1931–1932 гг. разрабатывался «Генеральный план электрификации Дальневосточного края», который был принят 14 мая 1932 г. в Москве на Всесоюзной конференции по составлению Генплана электрификации СССР. Согласно плану, в регионе намечалось построить 15 крупных электростанций, к 1937 г. ввести в строй 300 тыс. кВт мощностей, а к 1945 г. – 2 000 тыс. кВт. Однако главный недостаток генплана заключался в том, что он представлял собой теоретический очерк по освоению различных видов энергетических ресурсов региона. В нем давались условные названия электростанций, которые не имели точной географической привязки и сроков строительства. Составители генплана отметили, что энергетические ресурсы и природные богатства Дальнего Востока еще слабо изучены для более детального планирования энергетического строительства [16. Л. 74]. Поэтому в утвержденном правительством втором пятилетнем плане развития региона строительство крупных энергообъектов кроме Артемовской ГРЭС вообще не предусматривалось. К 1937 г. намечалось ввести в строй в два раза меньше мощностей электростанций (147,7 тыс. кВт), чем ранее определялось в генплане [17. С. 275, 506].

В середине 1930-х гг. усилились экспедиционные и научно-изыскательские работы по изучению Дальнего Востока. Из центральных организаций для проектирования электростанций в регион стали приезжать специалисты из управления Главэнерго, Главвостокэнерго, Северо-Западного отделения Всесоюзного государственного проектного института Теплоэлектропроекта и других структур. Так, в 1934–1938 гг. Институт Теплоэлектропроект разработал технические проекты Артемовской ГРЭС, Комсомольской ТЭЦ и ряда других предприятий электроэнергетики [18. Л. 9]. Лишь ко времени составления третьего пятилетнего плана у Дальневосточной краевой плановой комиссии и Госплана СССР появились материалы, позволяющие более точно обозначить объекты энергетического строительства, объемы и сроки работ, рассчитать параметры роста электропотребления.

Изменения геополитической ситуации в мире и пограничные конфликты на дальневосточных границах СССР в конце 1930-х гг. привели к переоценке значимости дальневосточных рубежей в обеспечении безопасности страны. В третьей пятилетке советское правительство планировало превратить Дальний Восток в мощную всесторонне развитую индустриальную базу укрепляющую обороноспособность границ. Для этого объем капитальных работ намечалось увеличить более чем в 3 раза, а капитальные затраты на развитие региона должны были составить почти 10% (19,2 млрд руб.) от всех затрат СССР. Особое внимание уделялось развитию трем важнейшим индустриальным и стратегическим центрам-городам: Комсомольску-на-Амуре, Хабаровску и Владивостоку [19. С. 147; 20. Л. 208, 215].

Третий пятилетний план развития Дальнего Востока был утвержден на XVIII партийным съезде ВКП(б) 10–21 марта 1939 г. На съезде отмечалось: «Дальний Восток располагает огромными богатствами и имеет все возможности, чтобы ликвидировать отставание в развитии ведущих отраслей промышленности... Дальний Восток должен иметь у себя на месте все необходимое по электроэнергии, топливу, металлу, машиностроению, по цементу, лесу» [21. С. 337, 359]. Раздел третьего пятилетнего плана, касающийся электрификации региона, был развернутым, конкретным и детальным. В нем ставилась задача по созданию трех энергетических узлов, в которых формировалось крупное промышленное производство с концентрированным энергопотреблением: Комсомольского, Хабаровского и Приморского. Для преодоления дефицита электроэнергии и создания резерва мощностей в узлах намечалось в течение 2–3 лет построить ряд угольных электростанций, а к 1942 г. ввести в строй три мощные электростанции (Комсомольскую ТЭЦ-1, Хабаровскую, Сучанскую ГРЭС), увеличить общую мощность энергетической базы с 98 до 460 тыс. кВт, или в 4,7 раза, а выработку электроэнергии – с 320 млн до 1 млн кВт·ч, или в 3 раза [19. С. 147–148; 22. Л. 66–68]. Для новых осваиваемых территорий Северо-Востока в 1938 г. был отдельно составлен «Генеральный план развития народного хозяйства Колымской области» предусматривающий строительства двух крупных тепловых (Тасканская и Аргалинская ТЭЦ) и двух гидроэлектростанций (Верхнее-Порожская и Среднеканская ГЭС) [23. Л. 28–37].

Для реализации плана на Дальнем Востоке создавались специализированные стройорганизации. Решением СНК СССР от 11 февраля 1936 г. формировался трест Дальэлектромонтаж выполняющий монтажные работы на электростанциях и линиях электропередач. 17 декабря 1939 г. во Владивостоке был образован государственный трест по строительству и монтажу электростанций, подстанций и линий электропередачи Дальэнергострой. Однако строительная база треста оказалась очень слабой для организации работ, строительной техники и трудовых ресурсов не хватало. В 1941 г. Дальэнергострой имел всего 2 экскаватора, 2 крана, 8 тракторов, 6 камнедробилок и 16 бетономешалок. Кадровый состав удалось укомплектовать только на 28%. К строительству запланированных объектов трест практически не приступил, а 2 октября 1941 г. был ликвидирован [24. Л. 176; 25. Л. 3, 31, 34; 26. Л. 33].

Итак, времени, материальных и трудовых ресурсов на крупное энергетическое строительство на Дальнем Востоке в соответствии с планом не хватило. С началом Великой Отечественной войны в июле 1941 г. приказом Наркомата электростанций (НКЭС) СССР строительство Комсомольской ТЭЦ-1 и Хабаровской ТЭЦ подлежало консервации, а по распоряжению Госплана СССР выделенное для них оборудование было вывезено за Урал [27. Л. 2]. В годы войны планирование электрификации перешло в плоскость расчетов краткосрочных энергобалансов и поиска вариантов использования новых энергоресурсов.

В условиях индустриализации и динамичного роста электропотребления электрификация дальневосточной

части СССР осуществлялась в режиме принятия промышленными наркоматами и разными ведомств текущих решений и их корректировок с учетом производственных задач и спускаемых плановых показателей. Ведомственный принцип определил сущность мобилизационной модели электрификации региона, в котором в отличие от западных районов страны изначально отсутствовала необходимая энергетическая инфраструктура, не было создано по плану ГОЭЛРО резервов мощностей. На Дальнем Востоке каждый наркомат вместе с предприятиями строил собственные электростанции, выбирал их месторасположение, тип, мощность, источники топлива. Между собой наркоматы не согласовывали вопросы, связанные с развитием электрического хозяйства в районе, вели борьбу за финансовые ресурсы, поставки электрического оборудования, кадры. В реалиях конца 1920-х – середины 1940-х гг., с учетом резко ухудшающейся внешнеполитической обстановки, уровня развития Дальнего Востока и его оторванности от центральной части страны, у государства, создающего мобилизационную экономику, в кратчайшие сроки не было другого варианта электрификации такой периферийной и неосвоенной территории.

Ведомственное энергетическое строительство на Дальнем Востоке началось в 1928 г., когда трест Дальуголь получил финансирование из центра на сооружение Сучанской центральной электростанции. В целом в годы первой пятилетки строительство энергетической инфраструктуры начиналось не только без конкретного плана, но и контроля со стороны центральных и местных органов власти. В августе 1931 г. Дальневосточная рабоче-крестьянская инспекция констатировала, что строительству мешает «ведомственная автономность и параллелизм, распыляющие материальные и денежные средства, понижающие эффективность капиталовложений в энергетику» [28. Л. 95]. В сентябре 1931 г. для надзора над строительством электростанций в г. Хабаровске открылось Дальневосточное отделение государственного промышленного общесоюзного треста ВСНХ СССР Энергострой (Далькрайэнерго). Но с ликвидацией треста и созданием 5 января 1932 г. Главного управления энергетического хозяйства Наркомата тяжелой промышленности (НКТП) – Главэнерго – Далькрайэнерго было упразднено. В марте 1932 г. в г. Хабаровске создается Управление уполномоченного НКТП по Дальневосточному краю, в структуре которого открылась «группа электроэнергетики», курировавшая вопросы строительства электростанций [29. Л. 1].

Также происходила неразбериха, правительством то принимались, то отменялись решения по строительству энергообъектов. Так, Совет народных комиссаров (СНК) СССР в постановлении от 13 августа 1930 г. поручал Главэнерго ВСНХ ввести в строй Артемовскую ГРЭС в октябре 1932 г. Однако Совет труда и обороны (СТО) постановлением от 13 марта 1933 г. его отменил, исключив станцию из титула строящихся объектов, а заложенные средства перераспределил в пользу электростанций в западных районах СССР. Дальневосточный краевой исполнительный комитет возразил такому решению, отметив, что оно привело к напрасной растрате уже вложенных средств, и потребовал продолжать строительство [30. Л. 5; 31. Л. 30].

Только во второй пятилетке энергетическое строительство в регионе шло уже в более организованном русле. Решения о строительстве электростанций принимались СТО, СНК, Госпланом СССР, Главэлектро ВСНХ, Главэнерго НКТП, Главвостокэнерго, Далькрайисполкомом. Дальневосточные партийно-хозяйственные органы курировали энергетические стройки и докладывали о состоянии дел в СНК, Главэнерго, Госплан, а также в ЦК ВКП(б). В частности, с 1932 по 1939 г. бюро Далькрайкома ВКП(б) более 20 раз обращалось в бюро ЦК ВКП(б) по вопросам связанных с электрификацией региона [32. Л. 132].

Непосредственно под управлением главного органа по электрификации страны – Главэнерго НКТП – на Дальнем Востоке удалось построить только одну крупную электростанцию – Артемовскую ГРЭС (24 тыс. кВт) на юге Приморья. Приказом наркома тяжелой промышленности О.С. Орджоникидзе от 3 марта 1934 г. строительство станции возобновилось, первую очередь ввели в строй начале 1937 г. с грубыми недоделками и нарушениями. В строительные работы было вложено 104,7 млн руб. В пояснительной записке Госплана СССР по поводу дороговизны объекта указывалось, что станция возводилась в сложных природно-климатических условиях, при полном бездорожье, удаленности стройки от крупных населенных центров, слабости местной стройиндустрии. Трудности возникали в связи с дальностью и длительностью транспортировки необходимых грузов, некомплектностью отправки оборудования и т.д. [33. Л. 79; 34. Л. 27].

Для эксплуатации Артемовской ГРЭС Главэнерго НКТП распоряжением от 5 января 1937 г. во Владивостоке создало Дальневосточное районное энергетическое управление – Дальэнерго. По замыслу руководства Главэнерго, управление должно было взять под свой контроль другие ведомственные электростанции в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре, но это оказалось ошибочным решением, без учета географии региона (расстояний в 1 тыс. км между объектами). В итоге Дальэнерго приняло на себя функции диспетчерского управления электростанциями в районе г. Владивостока и обязанности по морской доставке топлива на станции острова Русский и в г. Советская Гавань [35. С. 138].

Все остальные электростанции на Дальнем Востоке – от мелких передвижных генераторных до капитальных – строились и управлялись разными наркоматами. Так, в апреле 1934 г. трест Дальпромстрой НКТП по сооружению Амурского судостроительного завода в г. Комсомольске-на-Амуре начал строительство заводской ТЭЦ, работающей на крекинг-мазуте. Первую очередь станции ввели в строй 30 декабря 1935 г., а в июне 1939 г. ее мощность расширили до 30 тыс. кВт. Заводская Комсомольская ТЭЦ находилась под управлением Наркомата судостроительной промышленности, обеспечивала электричеством весь город, по мощности являлась самой крупной электростанцией на Дальнем Востоке [36. Л. 1; 37. Л. 1].

При строительстве электростанций в регионе использовался труд военных и заключенных. Так, председатель СТО В.М. Молотов решением от 17 марта 1933 г. передал строительство Хабаровской коммунальной электростанции НККХ Особой Краснознаменной Дальневосточной армии.

Приказом наркома НКТП О.С. Орджоникидзе в 1934 г. для строительства Артемовской ГРЭС были выделены три строительных военизированных батальона в составе 1 тыс. человек. При возведении корпусов и ТЭЦ завода Амурсталь в г. Комсомольске-на-Амуре в 1941 г. использовался труд 2 566 заключенных. Трест Амурстальстрой из-за «избытка» рабочих рук на самых тяжелых участках работ использовал строительные машины (экскаваторы и бульдозеры) только на 20–30% [38. Л. 3; 39. Л. 108; 40. Л. 40].

Всего в Хабаровском крае к 1940 г. было введено в строй 230 ведомственных электростанций, преимущественно мелких. В самом г. Хабаровске восемь разных наркоматов имели 19 электростанций суммарной мощностью 23 186 кВт, лишь одна из них Наркомата коммунального хозяйства 6 тыс. кВт работала на двух современных отечественных паротурбинах ОК-30 и угольном топливе, остальные на дизельных генераторах. В городе отсутствовала единая электрическая сеть, станции работали изолированно друг от друга. Децентрализация энергического хозяйства порождала множество проблем, связанных с дефицитом электроэнергии, перебоями в подаче тока. Бюро Далькрайкома ВКП(б) в постановлении от 3 марта 1940 г. признавало сложившуюся ситуацию с электроснабжением в Хабаровске катастрофической [41. Л. 14 об.; 42. Л. 4 об.].

Характерная особенность электрификации региона в рассматриваемый период – повсеместное внедрение мало-мощных локомобильных и дизельных электростанций, мобильных дизель-генераторов для энергообеспечения предприятий, населенных пунктов, военных городков и объектов оборонного значения. Завозимые в регион локомобильные и дизельные станции были самых различных марок, годов производства и стран происхождения – Германии, Англии, Чехии, Японии, США, СССР. Подчас они представляли собой демонтированное, изношенное и списанное оборудование с заводов центральных районов СССР. Временные или мобильные электростанции быстро удовлетворяли спрос на электричество, питая отдельно каждого потребителя, особенно в труднодоступных районах.

Оборудование для ввода в строй мелких электростанций динамично завозилось на Северо-Восток. Так, на предприятиях Дальстроя НКВД на 1 января 1941 г. насчитывалось 210 локомобильных и 1 174 дизельных генератора суммарной мощностью 35 700 кВт, 40% от этих них приходилось на станции, сжигавшие древесину. Более сотни мелких дизель-генераторов ввели в строй для предприятий Камчатки и Чукотки. В Петропавловске-Камчатском из-за угрозы налета японской

авиации правительство отказалось от строительства ТЭЦ, и для обеспечения электричеством судоверфи запустили электростанцию, состоящую из 5 независимо работающих дизель-генераторов по 500 кВт [43. Л. 45; 44. Л. 8].

С началом Великой Отечественной войны темпы ввода в строй ведомственных электростанций в регионе резко сократились, что вызвало энергетический кризис. Электротехническое снабжение из центра практически прекратилось. В 1943 г. по Тихоокеанскому маршруту через порт Владивосток генерирующее оборудование в виде энергопоездов, энерговагонов, турбогенераторов и динамо-машин стало поступать в рамках программы ленд-лиза из США. В том же году предприятия Дальстроя получили 8 турбогенераторов фирмы Westinghouse Electric Company по 1 тыс. кВт каждый. В октябре 1944 г. энергопоезд фирмы General Electric 3 тыс. кВт подключили к ведомственной электростанции треста Сучануголь. Всего за годы войны только Хабаровский край получил американских генерирующих установок суммарной мощностью 60 000 кВт [45. Л. 61; 46. Л. 41 об.].

Мобилизационный путь электрификации привел к значительному количественному росту ведомственных электростанций. Если в 1928 г. на Дальнем Востоке насчитывалось всего 14 источников генерации, то на начало 1941 г. – 668, не считая 1 200 мелких дизель-генераторных установок. В 1945 г. только в Хабаровском крае функционировало 427 электростанций, из которых 271 принадлежала промышленным и транспортным предприятиям, 86 колхозам и совхозам, 8 коммунальным и 62 остальным организациям [12. С. 190; 47. Л. 14 об.]. В качественном же отношении электроэнергетика Дальнего Востока развивалась на уровне Восточной Сибири, где также вводились в строй в основном мелкие ведомственные электростанции (табл. 1).

Электрификация сыграла огромную роль в индустриализации и переводе на мобилизационный лад экономики СССР. С 1928 по 1940 гг. промышленное электропотребление в СССР выросло с 3,3 до 32,1 млрд кВт·ч, или в 10 раз, а лидерами в использовании электроэнергии для производственных и технологических процессов стали предприятия металлургии и машиностроения, в первую очередь связанных с военно-промышленным производством [48. С. 19–20]. На Дальнем Востоке приоритет в электрификации отдавался предприятиям угольной, металлообрабатывающей (ремонтной), нефтяной отрасли, строительных материалов и цветной металлургии, которые определяли индустриальный облик региона.

Таблица 1

Производство электроэнергии в восточных районах СССР в 1928–1945 гг.*

Территория	1928 г.		1932 г.		1937 г.		1940 г.		1945 г.	
	млн кВт·ч	% к СССР	млн кВт·ч	% к СССР	млн кВт·ч	% к СССР	млн кВт·ч	% к СССР	млн кВт·ч	% к СССР
СССР	5007	100	13 540	100	36 173	100	48 309	100	43 257	100
Западная Сибирь	35,0	0,79	239,0	1,77	1167,1	3,23	1808,0	3,74	3984,2	9,2
Восточная Сибирь	19,0	0,38	57,3	0,42	458,2	1,27	669,0	1,38	1116,3	2,6
Дальний Восток	19,6	0,39	58,3	0,43	305,9	0,85	651,0	1,35	924,0	2,1

*Составлено по: [12. С. 125, 216].

Наиболее динамично процессы электрификации протекали в угольной промышленности. В первой пятилетке дальневосточные шахты получили от государства 40,5 млн руб. на переоборудование производства, для этого была приобретена английская, немецкая и американская горнодобывающая техника фирм Siemens-Schuckert, Siskol, Worthington и др. – врубовые машины, электровозы, компрессоры, отбойные молотки, электросверла, лебедки, насосы и т.д. Во второй пятилетке внедрились уже преимущественно машины отечественных заводов – Торецкого, Горловского и др.

К 1941 г. на шахтах региона имелось 57 врубовых машин, 29 электровозов, 11 навалочных машин, 40 перегружателей, 879 отбойных молотков, 203 бурильных молотка и другая техника. Механизированная зарубка и отбойка угля достигла 97,6%. В структуре электропотребления промышленности Приморского края на долю предприятий угольной отрасли приходилось более 35% [9. С. 34; 12. С. 199; 49. Л. 19]. По отдельным трестам, в частности Сучануголь, мощность установленных электромоторов машин за годы пятилеток увеличилась более чем в 50 раз (табл. 2).

Таблица 2

Электрификация угольной промышленности Дальнего Востока в 1928–1941 гг.*

Трест	Электромоторы							
	1928 г.		1932 г.		1937 г.		1941 г.	
	Число, шт.	Мощность, кВт	Число, шт.	Мощность, кВт	Число, шт.	Мощность, кВт	Число, шт.	Мощность, кВт
Артемуголь	–	260	–	1 170	1 150	12 718	1 198	13 440
Сучануголь	62	443	185	2 022	325	8 310	556	13 570
Сахалинуголь	–	–	–	–	25	400	213	2 272
Райчихуголь	–	–	–	–	–	–	–	1 106

* Составлено по: [43. Л. 93, 95; 12. С. 127, 141].

Следует отметить, что основной рост добычи угля на Дальнем Востоке обеспечивался не только благодаря электрификации подземных шахт, но и за счет широко использования принудительного труда заключенных на открытых разрезах треста Райчихуголь (Дальлаг НКВД), которые в 1940 г. давали 40% дальневосточного угля. Кроме того, процесс переоснащения шахт происходил в условиях дефицита электроэнергии, до 50–70% машин находилось в простое, освоение новой техники происходило медленно. Электротехническая перестройка отрасли в довоенный период так и не была завершена, в результате регион не мог себя обеспечить топливом [50. Л. 93; 51. Л. 53].

Несомненным достижением стала электрификация крупнейшего Спасского цементного завода в Приморье. В конце 1920-х гг. завод находился в ветхом состоянии, установленное немецкое оборудование в начале XX в. имело степень износа более 60%. В 1935–1940 гг. завод переоснастили импортными и отечественными машинами дробления, станками, вращающимися печами, сушильными барабанами, вентиляторами, элеваторами, компрессорами и т.д. Производственный цикл стали обеспечивать 348 электромоторов машин мощностью 11 132 кВт, а также 13 электроаппаратов 123 кВт. В 1940 г. Спасский завод произвел 234,3 т цемента, что составляло 4,1% от общесоюзного производства, 7,2% от общероссийского и 47% – восточных районов страны [50. Л. 104; 52. Л. 55].

Важную роль в развитии экономики СССР и получении зарубежной валюты играла золотодобывающая промышленность Дальнего Востока. Несмотря на усилия государства превратить отрасль в передовую, основной объем добываемого золота обеспечивали кустарные и примитивные орудия труда заключенных Дальстроя НКВД. На Северо-Востоке региона электротехнический прогресс сдерживал приток заключенных вследствие развернувшихся в стране массовых репрессий. В 1940 г. Дальстрой дал стране 80 т золота, или

46% общесоюзной добычи, при этом удельный вес механизации горных работ на разработке россыпей золота составлял всего 17,3% [7. С. 65; 43. Л. 23].

В предвоенные годы не удалось завершить модернизацию старейшего и крупнейшего судоремонтного предприятия региона – Дальзавода. На предприятии продолжали эксплуатироваться электромашины, станки и аппараты немецкой фирмы AEG, установленные еще в начале XX в. Основные цеха завода оказались не приспособленными для выполнения оборонных программ, не было организовано литье с помощью электропечей, не был электрифицирован межцеховой транспорт и ряд подъемно-разгрузочных операций [53. Л. 43, 69].

В целом если взглянуть на все отрасли Дальнего Востока через процессы электрификации, то видна прогрессивная динамика, особенно с учетом того, что в промышленном отношении регион был самым отсталым в стране. Если мощность всех электромоторов машин в промышленности в 1928 г. составляла 4 040 кВт, то в 1941 г. – 126 947 кВт, т.е. увеличилась в 32 раза. При этом в индустрии помимо моторов машин появилось 268 различных нагревающих, охлаждающих, сварочных и других электроаппаратов (табл. 3).

Несмотря на прогрессивные изменения в промышленности Дальнего Востока по энерговооруженности труда на одного рабочего в 1940 г., регион в 1,5 раза отставал от средних показателей по СССР (2 319 кВт·ч против 3 519 кВт·ч).

По потреблению электроэнергии на двигательную силу (электромоторы) и технологические нужды (электроаппараты) регион в 1940 г. находился на уровне, достигнутом СССР еще в 1928 г. Если в среднем на технологические нужды в стране расходовалось 18,1% электроэнергии, то в регионе всего 2% [48. С. 22].

Электрификацию производственных процессов на Дальнем Востоке в первую очередь сдерживал дефицит энергетических мощностей и несовершенная энергетическая база. По данным Госплана СССР, в 1940 г. для полноценного функционирования промышленности региону

не хватало 80 тыс. кВт мощностей, что составляло 40% от всех мощностей действующих электростанций [55. Л. 58]. Дефицит электроэнергии лихорадил производство, делал его неэффективным и приводил к убыткам.

Планы по внедрению электрических машин и аппаратов на предприятиях нередко выполнялись формально, техника часто простаивала, вместо нее задействовали старые паровые агрегаты или использовали ручной труд.

Таблица 3

Итоги электрификации промышленности Дальнего Востока в 1941 г.

Район	Электромоторы		Электроаппараты	
	Число, шт.	Мощность, кВт	Число, шт.	Мощность, кВт
Приморский край	7 436	89 532	170	2 283
Хабаровский край	5 347	37 415	98	1 161
Всего:	12 783	126 947	268	3 444

*Составлено по: [50. Л. 104; 54. Л. 115].

С началом Великой Отечественной войны дефицит электроэнергии перерос в энергетический кризис и остро ударил по всем предприятиям региона. Энергетическая база оказалась неспособной обеспечить оборонное производство достаточным объемом электроэнергии. За 1941–1944 гг. потребности предприятий в энергетических мощностях во Владивостоке увеличились на 50%, в Комсомольске-на-Амуре – на 45%, в Хабаровске – на 25%. Заводы в Приморском крае снабжались электроэнергией на уровне 70–80%, в Хабаровском крае – 50–60% [56. Л. 1].

В феврале 1942 г. на заводе Амурсталь состоялся пуск дуговой сталеплавильной электропечи ДСП-3,0 завода Уралэлектромашина, электропотребление предприятия увеличилось на 1 млн кВт·ч в год. Впервые электроэнергия на Дальнем Востоке стала применяться для сложного по технологии электросталеплавильного производства. Электропечь наряду с мартеновскими и нагревательными печами обеспечила работу металлургического завода в самой восточной части СССР [57. Л. 7].

Рост электропотребления и дальнейшую электрификацию производства на Дальнем Востоке в 1943–1945 гг. стимулировали поставки импортного электрооборудования по ленд-лизу из США. В частности, Дальзавод получил порталы электрические краны, токарные, точильные, сверлильные и универсальные станки, различные аппараты, электроматериалы. Число установленных электромоторов и аппаратов (в том числе за счет перераспределения с других предприятий) в 1944 г. по сравнению с 1941 г. увеличилось в 2 раза (с 855 до 1 653), а их общая мощность – в 2,5 раза (с 3 987 до 9 850 кВт). В общей структуре электропотребления всей промышленности Приморского края на Дальзавод приходилось 12,7%. Завод освоил производство электросварочных агрегатов, электродов, стальной арматуры, резьбового режущего инструмента, гребных винтов, пружин для клапанов высокого давления, деталей для производства ремонта компрессоров и дизельных двигателей и т.д. [49. Л. 43, 69].

В годы войны электрификация оказала прогрессивное влияние на развитие горнодобывающей отрасли региона. СССР остро нуждался в валютном золоте, снижение притока заключенных на предприятиях Дальстроя привело к принятию мер по усилению механизации работ за счет заказа горнодобывающих машин и техники из США. К 1945 г. удельный вес механизированных работ по разработке золота на вскрыши торфов составлял 80%, по промывке песков – 25%, по

транспортировке песков – 84,5%. При этом 8% песков добывалось с использованием технологии электробурения. В золотодобыче предприятиями Дальстроя применялось 40 электросверл и перфораторов, 22 скрепера, 36 конвейеров, 316 транспортеров, 264 компрессора, 552 промывочных прибора и более 300 электронасосов. За 1941–1945 гг. электропотребление увеличилось в 2 раза (с 79 до 163 млн кВт·ч), в результате Дальстрой дал стране рекордных 290,7 т золота [7. С. 71–72; 43. Л. 23, 27, 45].

В 1943–1945 гг. на смену труда заключенных в угольные разрезы треста Райчихуголь пришла механизация. Из США доставили 38 электрических экскаватора и передвижные электростанции для их обеспечения мощностью 42 260 кВт. В результате производительность труда рабочего по эксплуатации увеличилась в 2 раза (с 38 до 75 т в месяц), а вскрышные работы с 88 до 157,2 тыс. м³. Но электроэнергии хватало лишь для работы не больше половины парка машин. Часть экскаваторов быстро вышла из строя и нуждалась в ремонте. Тем менее региону к 1945 г. удалось выйти к довоенному уровню угледобычи [58. Л. 41 об., 43; 59. Л. 63, 65].

Огромная работа была проделана по электрификации транспортных предприятий региона. На Владивостокский торговый порт ввиду блокировки Балтийского и Черного морей легла вся тяжесть внешних морских транспортных перевозок и военно-экономических связей СССР с союзниками. Получая из импорта электрооборудование для механизации к 1945 г. Владивостокский порт располагал 84 кранами различных типов грузоподъемностью до 120 т, 30 электрокарами, 4 машинами Flusa для сортировки и погрузки грузов в железнодорожные вагоны, 12 транспортерами и т.д. Грузопереработка порта увеличилась на 172%, обработка судов – на 273%, отгрузка вагонов – на 326%. В порту Петропавловске-Камчатском установили 9 импортных порталы крана, 7 ленточных транспортеров и вагон-электростанцию на 600 кВт, уровень механизации работ вырос до 48,8% [13. С. 151; 60. Л. 7; 61. С. 118].

Итак, в целом в годы войны за исключением производства оборонной продукции, черной металлургии, добычи золота и транспортного обеспечения по всем отраслям экономики Дальнего Востока произошел резкий спад. Вклад оборонных предприятий региона в общесоюзное производство был незначителен, кроме того, местная промышленность не могла даже обеспечить потребности дальневосточных воинских формирований.

Регион внес свой посильный вклад в мобилизационную экономику страны, выполняя функцию поставщика стратегических сырьевых ресурсов.

Еще одной характерной чертой мобилизационной модели являлось резкое ухудшение качества обеспечения электричеством населения. На рубеже конца 1920–1930-х гг. из-за промышленного спроса на энергоресурсы жители городов Дальнего Востока стали нерегулярно получать электроэнергию, а иногда и полностью ее лишаться. Общественные учреждения и жилые дома отключались от подачи тока в пики нагрузок, лампочки в квартирах светили тускло из-за низкого напряжения, а на использование электробытовых приборов вводились строгие запреты. В 1928–1940 гг. в общем электробалансе региона электропотребление на бытовые нужды снизилось с 18 до 6%. Если в 1940 г. в СССР потребление электричества на душу городского населения в среднем составляло 100 кВт·ч в год, на Дальнем Востоке при самой низкой плотности населения в стране – в 2 раза меньше – 48 кВт·ч [62. Л. 4].

Даже в г. Владивостоке в 1937 г. Дальэнерго на коммунально-бытовые нужды отпускало всего 2 тыс. кВт, или 5,7% своих генерирующих мощностей. При этом число жителей города составляло 211,4 тыс. человек, в расчете на одного горожанина приходилось меньше 0,009 кВт электропотребления. К концу 1930-х гг. во Владивостоке сложилась тяжелая ситуация с электроснабжением жилых домов, без света полностью остались центральные районы и улицы – Тигровая Падь, Орлиная гора, Саперная гора, Семёновский базар, мыс Чуркина, улицы Суйфунская, Покровская, 6-я верста и др. [63. Л. 60, 71]. В январе 1939 г. Владивостокский городской совет принял постановление «Об экономии электроэнергии». Согласно документу для жилищного сектора устанавливалась норма потребления электроэнергии не выше 8 Вт на 1 м² полезной жилой площади. Электробытовыми приборами запрещалось пользоваться. А с 1 января 1940 г. отдел энергосбыта Дальэнерго повысил тариф для освещения квартир на 22% – с 0,25 до 0,32 коп. за 1 кВт·ч [64. Л. 72; 65. Л. 10].

В годы войны в дальневосточных городах коммунальные и бытовые нагрузки резко урезались, наруж-

ное и уличное освещение использовалось редко, незначительное количество электроэнергии отпускалось для освещения административных зданий, больниц, школ и детских садов.

Таким образом, в мобилизационной модели процессы электрификации Дальнего Востока были целиком сосредоточены в руках государства, подчинены общим задачам создания индустриальной экономики и укрепления обороноспособности страны. Для реализации мобилизационной модели разрабатывались планы электрификации региона, опиравшиеся на экономические, политические и военно-стратегические факторы повышения обороноспособности восточных районов страны и их интеграции в общесоюзное пространство. На Дальнем Востоке в отличие от западных районов страны изначально отсутствовала необходимая энергетическая инфраструктура, не было создано по плану ГОЭЛРО резервов мощностей, а времени и ресурсов на крупное энергетическое строительство и реализацию пятилетних планов не хватило. Мобилизационный характер ускоренного развития производительных сил в регионе обуславливал децентрализованный ведомственный путь развития электроэнергетики. Такой малоэффективный с экономической точки зрения принцип электрификации позволял удовлетворять текущие потребности промышленности в электричестве, в краткосрочной перспективе решать задачи мобилизационного характера, но создавал несовершенную энергетическую базу. В результате произошел резкий разрыв между темпами роста индустриальной экономики региона и электроэнергетики, который к началу Великой Отечественной войны перерос в энергетический кризис. Этот разрыв превратился в одну из главных проблем экономического развития региона, которую государству, несмотря на все дальнейшие усилия и инвестиции, направленные на электрификацию, так и не удавалось решить до конца советской эпохи.

В мобилизационной модели в процессе электрификации индустрии региона важную роль сыграл процесс диффузии инноваций – заимствование и распространение зарубежных электрических технологий, особенно в годы первой пятилетки и Великой Отечественной войны. Несмотря на определенные успехи по всем параметрам электрификации, Дальний Восток продолжал оставаться самым отсталым районом страны.

Список источников

1. Гончаров Г.А., Баканов С.А., Гришина Н.В., Пасс А.А., Фокин А.А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке. Челябинск : Энциклопедия, 2013. 128 с.
2. Побережников И.В. Мобилизационные механизмы в контексте модернизации (теоретические аспекты) // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX в. Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Челябинск : Энциклопедия, 2009. С. 95–100.
3. Погребанская В.А. Мобилизационная модель догоняющей модернизации России (первая половина XX века) // Экономическая политика. 2020. № 2. С. 82–90.
4. Шевченко В.Н. История создания и деятельность оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Красноярск : Изд-во КГАУ, 2017. 317 с.
5. Ткачева Г.А. Мобилизационная модель модернизации Дальнего Востока СССР в 1920–1930-е гг. // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2022. Т. 37. С. 63–82.
6. Ткачева Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Хабаровск : ХКМ им. Н.И. Гродекова, 2013. 340 с.
7. Зеляк В.Г. Горнопромышленный комплекс Северо-Востока России: становление и развитие (конец 1920-х – начало 1990-х гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2014. 386 с.
8. Маклюков А.В. Особенности модернизации российского Дальнего Востока: имперская и советская модели индустриального освоения // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 1. С. 92–108.

9. Павленко О.К. Модернизация угольной промышленности Дальнего Востока в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.) // Экономическая история. 2023. Т. 19, № 1. С. 24–37.
10. Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 года. Владивосток : Дальнаука, 2018. 650 с. (История Дальнего Востока. Т. 3, кн. 2).
11. Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг. Владивосток : Дальнаука, 2020. 944 с. (История Дальнего Востока. Т.3. Кн. 3).
12. Маклюков А.В. Электрификация российского Дальнего Востока (конец XIX – середина XX вв.). Владивосток : Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2018. 280 с.
13. Хлыпалов В.М. Развитие энергетики Северо-Востока СССР (1928–1945 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Магадан, 1989. 206 с.
14. Lewis R. Technology and the transformation of the Soviet economy // The economic transformation of the Soviet Union, 1913–1945. New York : Cambridge University press, 1994. P. 182–197.
15. Пятилетний план народно-хозяйственного строительства. Т. 3: Районный разрез плана. М. : Плановое хозяйство, 1930. 618 с.
16. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 575.
17. Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. 2: План развития районов. М. : Госплан, 1934. 582 с.
18. РГИА ДВ. Ф. Р-2848. Оп. 1. Д. 174.
19. Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938–1942 гг.). М. : Госпланиздат, 1939. 240 с.
20. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 36. Д. 157.
21. XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М. : Изд-во политической литературы, 1939. 752 с.
22. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р. 353. Оп. 5. Д. 7.
23. Государственный архив Магаданской области (ГАМО). Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 548.
24. ГАХК. Ф. Р-719. Оп. 15. Д. 40.
25. РГАЭ. Ф. 7855. Оп. 1. Д. 12.
26. РГАЭ. Ф. 7855. Оп. 2. Д. 94.
27. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 195.
28. ГАХК. Ф. Р-907. Оп. 1. Д. 6.
29. РГИА ДВ. Ф. Р-2848. Оп. 1. Д. 77.
30. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 14. Д. 220.
31. РГИА ДВ. Ф. Р-2848. Оп. 1. Д. 343.
32. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 21. Д. 5303.
33. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 420а.
34. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 34. Д. 337.
35. Маклюков А.В. Энергетическая система Дальэнерго в предвоенные годы (1937–1941 гг.): условия и особенности формирования // Экономическая история. 2023. Т. 19, № 2. С. 133–145.
36. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 2875.
37. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. Р-34. Оп. 3. Д. 95.
38. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 14а. Д. 111.
39. РГИА ДВ. Ф. Р-716. Оп. 1. Д. 20.
40. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1002.
41. ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 9. Д. 53.
42. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 24а. Д. 932.
43. ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 17а.
44. РГАЭ. Ф. 8198. Оп. 2. Д. 317.
45. ГАМО. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 89.
46. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 218.
47. ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 9. Д. 78.
48. Промышленность СССР. Статистический сборник. М. : Госстатиздат, 1957. 449 с.
49. ГАПК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 34.
50. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 313. Д. 157.
51. ГАПК. Ф. Р-34. Оп. 5. Д. 72.
52. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 8.
53. ГАПК. Ф. Р-27. Оп. 3. Д. 20.
54. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 314. Д. 83.
55. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 54. Д. 1119.
56. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 133.
57. РГАЭ. Ф. 8875. Оп. 1. Д. 1856.
58. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 218.
59. Архив Дальневосточного отделения Российской академии наук (Арх. ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 8. Д. 90.
60. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 46а. Д. 2594.
61. Медведева Л.М. Транспорт Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2018. 165 с.
62. ГАХК. Ф. Р-719. Оп. 8. Д. 93.
63. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 35. Д. 168з.
64. ГАПК. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 11.
65. ГАПК. Ф. Р-34. Оп. 3. Д. 67.

References

1. Goncharov, G.A. (2013) *Mobilizatsionnaya model' razvitiya rossiyskogo obshchestva v XX veke* [Mobilization model of the development of Russian society in the 20th century]. Chelyabinsk: Entsiklopediya.
2. Poberezhnikov, I.V. (2009) [Mobilization mechanisms in the context of modernization (theoretical aspects)]. *Mobilizatsionnaya model' ekonomiki: istoricheskiy opyt Rossii XX v.* [Mobilization model of the economy: historical experience of Russia in the 20th century]. Conference Proceedings. Chelyabinsk: Entsiklopediya. pp. 95–100. (In Russian).
3. Pogrebanskaya, V.A. (2020) *Mobilizatsionnaya model' dogonyayushchey modernizatsii Rossii (pervaya polovina XX veka)* [Mobilization model of catch-up modernization in Russia (first half of the 20th century)]. *Ekonomicheskaya politika*. 2. pp. 82–90.
4. Shevchenko, V.N. (2017) *Istoriya sozdaniya i deyatel'nost' oboronnoy promyshlennosti Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941–1945 gg.* [History of the creation and activities of the defense industry of Siberia during the Great Patriotic War. 1941–1945] Krasnoyarsk: KSAU.

5. Tkacheva, G.A. (2022) Mobilizatsionnaya model' modernizatsii Dal'nego Vostoka SSSR v 1920–1930-e gg. [Mobilization model of modernization of the USSR Far East in the 1920s–1930s] *Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*. 37. pp. 63–82.
6. Tkacheva, G.A. (2013) *Oboronnyy potentsial Dal'nego Vostoka v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945)* [Defense potential of the Far East during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Khabarovsk: KhKM im. N.I. Grodekova
7. Zelyak, V.G. (2014) *Gornopromyshlennyy kompleks Severo-Vostoka Rossii: stanovlenie i razvitie (konets 1920-kh – nachalo 1990-kh gg.)* [Mining complex of the North-East of Russia: formation and development (late 1920s – early 1990s)]. History Dr. Diss. Tomsk.
8. Maklyukov, A.V. (2022) Osobennosti modernizatsii rossiyskogo Dal'nego Vostoka: imperskaya i sovetskaya modeli industrial'nogo osvoeniya [Features of the modernization of the Russian Far East: imperial and Soviet models of industrial development]. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 12 (1). pp. 92–108.
9. Pavlenko, O.K. (2023) Modernizatsiya ugol'noy promyshlennosti Dal'nego Vostoka v gody pervoy pyatiletki (1928–1932 gg.) [Modernization of the coal industry in the Far East during the First Five-Year Plan (1928–1932)]. *Ekonomicheskaya istoriya*. 19 (1). pp. 24–37.
10. Gallyamova, L.I. (ed.) (2018) *Dal'niy Vostok Rossii v epokhu sovetskoy modernizatsii: 1922 – nachalo 1941 goda* [The Russian Far East in the era of Soviet modernization: 1922 – early 1941]. Vladivostok: Dal'nauka.
11. Gallyamova, L.I. et al. (eds) (2020) *Dal'niy Vostok SSSR: 1941–1945 gg.* [The Far East of the USSR: 1941–1945]. Vladivostok: Dal'nauka.
12. Maklyukov, A.V. (2018) *Elektrifikatsiya rossiyskogo Dal'nego Vostoka (konets XIX – seredina XX vv.)* [Electrification of the Russian Far East (late 19th – mid-20th centuries)]. Vladivostok: FEPU.
13. Khlypalov, V.M. (1989) *Razvitie energetiki Severo-Vostoka SSSR (1928–1945 gg.)* [Energy development in the Northeast of the USSR (1928–1945)]. History Cand. Diss. Magadan.
14. Lewis, R. (1994) Technology and the transformation of the Soviet economy. In: *The economic transformation of the Soviet Union, 1913–1945*. New York: Cambridge University Press. pp. 182–197.
15. USSR Gosplan. (1930) *Pyatiletniy plan narodno-khozyaystvennogo stroitel'stva* [Five-year plan for national economic development]. Vol. 3. Moscow: Planovoe khozyaystvo.
16. Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). Fund R-2413. List 4. File 575.
17. USSR Gosplan. (1934) *Vtoroy pyatiletniy plan razvitiya narodnogo khozyaystva SSSR (1933–1937 gg.)* [The second five-year plan for the development of the national economy of the USSR (1933–1937)]. Vol. 2. Moscow: Gosplan.
18. Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). Fund R-2848. List 1. File 174.
19. USSR Gosplan. (1939) *Tretiy pyatiletniy plan razvitiya narodnogo khozyaystva Soyuz SSSR (1938–1942 gg.)* [The third five-year plan for the development of the national economy of the USSR (1938–1942)]. Moscow: Gosplanizdat.
20. Russian State Archive of the Economy (RGEA). Fund 4372. List 36. File 157.
21. All-Union Communist Party (b). (1939) *XVIII s'ezd Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii (b). 10–21 marta 1939 g. Stenograficheskiy otchet* [XVIII Congress of the All-Union Communist Party (b). March 10–21, 1939 Verbatim report]. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury.
22. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R-353. List 5. File 7.
23. State Archive of Magadan Oblast (GAMO). Fund R-23. List 1. File 548.
24. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R-719. List 15. File 40.
25. Russian State Archive of the Economy (RGEA). Fund 7855. List 1. File 12.
26. Russian State Archive of the Economy (RGEA). Fund 7855. List 2. File 94.
27. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund P-35. List 3. File 195.
28. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R-907. List 1. File 6.
29. Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). Fund R-2848. List 1. File 77.
30. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 14. File 220.
31. Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). Fund R-2848. List 1. File 343.
32. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 21. File 5303.
33. Russian State Archive of the Economy (RGEA). Fund 4372. List 31. File 420a.
34. Russian State Archive of the Economy (RGEA). Fund 4372. List 34. File 337.
35. Maklyukov, A.V. (2023) Energeticheskaya sistema Dal'nergo v predvoennyye gody (1937–1941 gg.): usloviya i osobennosti formirovaniya [Energy system of Dalenergo in the pre-war years (1937–1941): conditions and features of formation]. *Ekonomicheskaya istoriya*. 19 (2). pp. 133–145.
36. Russian State Archive of the Economy (RGEA). Fund 4372. List 91. File 2875.
37. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-34. List 3. File 95.
38. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 14a. File 111.
39. Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). Fund R-716. List 1. File 20.
40. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund P-35. List 1. File 1002.
41. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R-353. List 9. File 53.
42. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 24a File. 932.
43. State Archive of Magadan Oblast (GAMO). Fund R-23. List 1. File 17a.
44. Russian State Archive of the Economy (RGEA). Fund 8198. List 2. File 317.
45. State Archive of Magadan Oblast (GAMO). Fund R-128. List 1. File 89.
46. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund P-35. List 3. File 218.
47. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R-353. List 9. File 78.
48. Ivanova, K.G. (ed.) (1957) *Promyshlennost' SSSR. Statisticheskiy sbornik* [Industry of the USSR. Statistics]. Moscow: Gosstatizdat.
49. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-131. List 1. File 34.
50. Russian State Archive of the Economy (RGEA). Fund 1562. List 313. File 157.
51. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-34. List 5. File 72.
52. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund P-68. List 4. File 8.
53. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-27. List 3. File 20.
54. Russian State Archive of the Economy (RGEA). Fund 1562. List 314. File 83.
55. Russian State Archive of the Economy (RGEA). Fund 1562. List 54. File 1119.
56. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund P-68. List 4. File 133.
57. Russian State Archive of the Economy (RGEA). Fund 8875. List 1. File 1856.
58. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund P-35. List 3. File 218.
59. Archive of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Arch. FEB RAS). Fund 1. List 8. File 90.
60. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 46a. File 2594.
61. Medvedeva, L.M. (2018) *Transport Dal'nego Vostoka SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945)* [Transport of the Far East of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Vladivostok: Izd-vo VGUES.
62. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R-719. List 8. File. 93.
63. Russian State Archive of the Economy (RGEA). Fund 4372. List 35. File 168z.

64. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-34. List 1. File 11.

65. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-34. List 3. File 67.

Информация об авторе:

Маклюков А.В. – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Россия). E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Maklyukov, Cand. Sci. (History), leading researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.01.2024;
одобрена после рецензирования 17.01.2024; принята к публикации 30.04.2024.*

*The article was submitted 09.01.2024;
approved after reviewing 17.01.2024; accepted for publication 30.04.2024.*

Научная статья
УДК 94 (4)
doi: 10.17223/15617793/501/15

Образ Японии на страницах военного периодического издания «Летопись войны 1914–1917 гг.» в первые годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.)

Василий Владимирович Фролов¹

¹ Псковский государственный университет, Псков, Россия, frolov1406@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен образ Японии, который был создан российскими дореволюционными журналистами на страницах периодического издания «Летопись войны 1914–1917 гг.» в первые годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.). Дальневосточный сосед Российской империи предстает государством, чьи действия на международной арене были строго обусловлены национальными интересами, а также страной, которая, несмотря на то, что является официальным союзником России в Первой мировой войне, не вызывает особых дружественных чувств и эмоций в российском обществе. При написании данной работы было изучено более 50 выпусков «Летописи...».

Ключевые слова: Первая мировая война, Япония, международные отношения, информационное противоборство, журнал «Летопись войны 1914–1917 гг.»

Для цитирования: Фролов В.В. Образ Японии на страницах военного периодического издания «Летопись войны 1914–1917 гг.» в первые годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 134–138. doi: 10.17223/15617793/501/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/15

The image of Japan on the pages of the military periodical *The Chronicle of the War of 1914–1917* in the first years of the First World War (1914–1915)

Vasilii V. Frolov¹

¹ Pskov State University, Pskov, Russian Federation, frolov1406@mail.ru

Abstract. The article examines and analyzes the image of Japan, which was formed by correspondents of the Russian military magazine *The Chronicle of the War of 1914–1917* in its publications in the first years of the First World War (1914–1915), when Russia was in an active military confrontation with the states of the Triple (later Quadruple) Alliance at the European theater of operations, and Japan, which was relatively recently the main enemy of the Russian Empire in the Far East, fought with Germany at the Asia–Pacific theater of this military conflict. *The Chronicle of the War of 1914–1917* was a printed periodical, one of the main official information sources of the Russian Empire about the events of the First World War. This weekly military illustrated magazine was published before the overthrow of the monarchy in Russia. A total of 132 issues of *The Chronicle* were released. The editor-in-chief of the publication was Major General Dmitry Dubensky. The basic information about Japan by the journalists of the magazine is available in the sections «Review of the War», «Abroad», and «In Russia». As part of the analysis of the materials published in *The Chronicle of the War of 1914–1917*, the following distinctive features of the image of Japan formed by the journalists of this periodical in the first years of the war are noted: (1) Russia's official ally in the First World War, which until recently was one of its main enemies (opponents) in the Far East; (2) a country that does not cause special friendly feelings and emotions in Russian society, despite the fact that it is an ally; (3) a state that used the war as a springboard to expand its spheres of influence in the Asia–Pacific region and boost its economy. At the end of the study, it is concluded that the periodical *The Chronicle of the War of 1914–1917* during the First World War was one of the tools of informational influence on the consciousness of subjects of the Russian Empire. On the pages of this magazine, various images of the states-participants of the largest military conflict of the beginning of the 20th century («enemy», «neutral state» or «ally») are formed. Japan in *The Chronicle* appears as an ally of Russia «by necessity», due to the circumstances in the international arena. At the same time, this alliance at this stage (the period of the First World War) is beneficial to both parties, that is, it is actually based on calculation, which the Russian side does not particularly hide. This work can be useful to those interested in the history of the First World War, as well as in the history of international relations at the beginning of the 20th century.

Keywords: First World War, Japan, international relations, foreign policy, informational confrontation, magazine *The Chronicle of the War of 1914–1917*

For citation: Frolov, V. V. (2024) The image of Japan on the pages of the military periodical *The Chronicle of the War of 1914–1917* in the first years of the First World War (1914–1915). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 134–138. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/15

В 2020 г. исполнилось 165 лет с момента подписания первого русско-японского договора о мире и дружбе (Симодский трактат от 7 февраля 1855 г.) и 95 лет установлению дипломатических отношений между СССР и Японией. Российско-японские отношения имеют долгую, богатую и очень непростую историю. С одной стороны, эти два соседних государства не раз вступали в военные столкновения друг против друга (Русско-японская война 1904–1905 гг., военный конфликт на Халхин-Голе, Вторая мировая война), с другой – Россия и Япония в ряде военных и дипломатических конфликтов выступали союзниками (например, в Первой мировой войне). Сегодня отношения между Москвой и Токио продолжают развиваться, но в них просматривается по-прежнему достаточно много проблем и противоречий. Уже 75 лет Россия и Япония не могут заключить между собой мирный договор по итогам Второй мировой войны. В свою очередь данный договор мог бы послужить новым качественным толчком развития российско-японских отношений в XXI в.

В представленной статье мы обратимся к рассмотрению образа Японии, который формировали на страницах своего издания корреспонденты российского военного журнала «Летопись войны 1914–1917 гг.» в первые годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.), когда Россия находилась в активном военном противостоянии с государствами Тройственного (позднее Четверного) союза на европейском театре боевых действий, а Япония, еще относительно недавно являвшаяся для Российской империи основным врагом на Дальнем Востоке, воевала с Германией на азиатско-тихоокеанском театре этого военного конфликта.

«Летопись войны 1914–1917 гг.» – печатное периодическое издание, являвшееся одним из основных официальных информационных источников Российской империи о событиях Первой мировой войны. Этот еженедельный военный иллюстрированный журнал выходил в свет до свержения монархии в России. Всего было выпущено 132 номера «Летописи...». Главным редактором издания являлся генерал-майор Д.Н. Дубенский. Печатался журнал в типографии «Товарищество Р. Голике и А. Вильборг» в Санкт-Петербурге [1].

В российской историографии японо-российские отношения в послепортсмутское десятилетие и в годы Первой мировой войны рассматривались, как правило, либо в качестве одного из аспектов международных отношений на Дальнем Востоке, либо как составная часть истории Японии и России. Образ Японии в годы Первой мировой войны в современной отечественной историографии в той или иной степени исследовали такие авторы, как О.А. Базин [2], К.О. Саркисов [3, 4], В.Э. Молодяков [5], Ю.С. Пестушко [6, 7], Ю.В. Яценко, Д.А. Гагарина [8], В.П. Зимонин [9], Я.А. Шулатов [10], Э.А. Барышев [11] и др. Научных трудов, посвященных рассмотрению и анализу образа Японии в 1914–1917 гг., создаваемого российской общеимперской периодической печатью, нами обнаружено не было.

Перед тем, как непосредственно обратиться к реализации выше обозначенной цели нашего исследования, необходимо отметить, что в 1907 г. правитель-

ствами Японии и России было подписано общеполитическое соглашение, по которому Южная Маньчжурия объявлялась сферой влияния Японии, а Северная Маньчжурия – сферой влияния России. В подписанном в 1910 г. новом русско-японском соглашении подтверждалось обязательство Санкт-Петербурга и Токио поддерживать *status quo* в Маньчжурии; фактически соглашение было направлено против присутствия третьих держав в Китае. В 1912 г. Россия и Япония заключили соглашение, по которому Внутренняя Монголия была разделена по пекинскому меридиану на восточную (японскую) и западную (российскую) сферы влияния [6. С. 94]. Таким образом, развитие отношений между Японией и Россией в послепортсмутский период, а также серия заключенных между ними договоров, направленных на защиту интересов обеих держав в Китае, свидетельствовали, что к 1914 г. между Санкт-Петербургом и Токио произошло заметное сближение, которое впоследствии даже приведет к заключению между двумя империями в 1916 г. союза (русско-японский договор от 20 июня 1916 г.).

На страницах «Летописи войны 1914–1917 гг.» ее корреспонденты в первые два года войны уделяют Японии достаточно много внимания. При этом основная информация об этом дальневосточном соседе России журналистами исследуемого нами издания размещена в таких рубриках «Летописи...», как «Обозрение войны», «За границей» и «На Руси».

В № 2 «Летописи...» за 1914 г. в рубрике «За границей» ее авторы сообщают, что Япония – одна из немногих стран, которая в начале войны «честно и прямо высказалась в отношении Германии». «Видя, что Германия принимает в Цзяо-Чжоу, арендуемом у Китая, спешные военные приготовления, а ее вооруженные корабли, крейсирующие в водах восточной Азии, угрожают японской торговле, что мир на Дальнем Востоке, таким образом, подвергся большой опасности», Япония была вынуждена объявить войну Германской империи [12. С. 32]. Корреспонденты этого издания акцентируют внимание своих читателей на том факте, что немцам удалось «настолько сильно насолить японцам», что те, забыв о своем непосредственном противнике на Дальнем Востоке – американцах, «с которыми не сегодня, так завтра им все же придется драться», решили вступить в схватку с Вильгельмом II. При этом авторы рубрики «За границей» отмечают, что объявить войну Германии Японию также подталкивал союз с Великобританией (это союз действовал с 1902 по 1921 г. – *Авт.*). Главной же причиной вступления Японии в Первую мировую войну на стороне Антанты, по мнению корреспондентов «Летописи...», стали экономические потери, которые страна восходящего солнца стала нести в Китае из-за усилившей там свое экономическое влияние Германии. «Японский коммерческий флот затруднялся конкурировать с германским, и даже товары чисто японского происхождения, вывозившиеся ранее из японских портов и городов на Ляодунском полуострове, должны были уступать в сбыте тех же товаров, удачно имитируемых в дальневосточных портах, занятых немцами».

Именно поэтому японцы объявили блокаду занятию немцами порту Циндао, а также «были намерены штурмом взять германский дальневосточный порт Цзяо-Чжоу» [12. С. 34]. Таким образом, авторы «Летописи войны 1914–1917 гг.» напрямую заявляют на страницах своего издания, что война с Германией – это своего рода инструмент для Японии по расширению сфер своего влияния на Дальнем Востоке и подъема национальной экономики. Следует отметить, что в данной рубрике Японию называют «неожиданным союзником» и каких-то хвалебных эмоциональных высказываний в ее адрес не делают. Во многом это происходит потому, что в сознании большинства подданных Российской империи еще не стерся образ Японии как врага их Родины, государства, которое принесло России и ее народу много бед и горя в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг.

В рубрике «Обозрение войны» (№ 3 за 1914 г.) ее авторы выражают уверенность в успехе японской армии на Дальнем Востоке. «Японцы приступили к операциям против Циндао, и, надо думать, немецкий оплот на Дальнем Востоке скоро падет, окажется не в состоянии сопротивляться маленьким воинственным японцам» [13. С. 44]. Здесь же сообщается, что Япония, как и Россия, Великобритания и Франция, торжественно обязалась не заключать сепаратного договора с противником и воевать до полной победы Антанты. Таким образом, на страницах «Летописи...» Япония постепенно вырисовывается союзником России. Но при этом образ этого союзника лишен ярких героических характеристик, сильная эмоциональная составляющая для него почти нехарактерна.

В № 7 журнала за 1914 г. в рубрике «Обозрение войны» один из ее авторов А. Бартенев сообщает об успехах Японии в битве с Германией за Цзяо-Чжоу. «Японцы продолжают несколько медленные, но систематично-активные действия против Киао-Чао [Цзяо-Чжоу]. Их осадные орудия установлены на позициях в 10 верст от крепости и выбили германцев из укреплений южнее Лидсуна». А. Бартенев, конечно же, не обходит стороной и тот факт, что японцам удалось захватить у Германии остров Ялуит (Маршалские острова), который служил для германского флота базой в этом регионе, а значит, и нанести серьезный удар морскому владычеству Германской империи на Тихом океане [14. С. 109].

В этой же рубрике «Летописи...», но уже в № 9 за 1914 г., А. Бартенев продолжает информировать читателей журнала о победах Японии на Дальнем Востоке. «Огнем своей тяжелой артиллерии японцы принудили к молчанию форты Ильтис, Хайджоу, Тайсичжен и все береговые батареи и теперь готовятся к бомбардировке самой Циндао» [15. С. 142]. Корреспондент «Летописи...» отмечает в своей рубрике, что, по мнению японцев, падение Циндао – это вопрос ближайшего будущего. «Муниципалитет Токио так в этом уверен, что деятельно готовится к празднованию этого события, ни мало не смущаясь потерей понесенной 4 октября [1914 г.] под Циндао японским флотом в лице наскокшего на германскую мину старого бронепалубного

крейсера “Такашихо”» [15. С. 143]. Тем самым А. Бартенев намекает на свойственную японцам, как ему кажется, самоуверенность и безэмоциональность.

В № 10 издания за 1914 г. (рубрика «Обозрение войны») А. Бартенев продолжает сообщать читателям «Летописи...» об успехах Японии в сражениях с Германией. В частности, он рассказывает о том, что японцам удалось занять Марианские, Маршалские и Каролинские острова, принадлежавшие Германской империи. В результате этого «почти все германские колонии в южно-океанских водах» оказались под контролем Японии. Это был очередной серьезный удар по военному флоту Германии [16. С. 157]. При этом каких-то восторженных отзывов о мужестве и героизме японского солдата, свойственных в адрес армий Франции, Бельгии и Великобритании, в этом номере «Летописи...», как, впрочем, и в предыдущих, мы не наблюдаем.

В рубрике «На Руси» (№ 13 за 1914 г.) ее авторы уделяют отдельное внимание приезду в Петроград японского отряда Красного Креста, «для того чтобы принять участие в лечении русских раненных воинов». В этой рубрике издания его корреспонденты отмечают, что «Япония быстро усвоила европейские начала гуманности» и в 1882 г. присоединилась к Женевской конвенции о помощи раненым. Японский Красный Крест, по мнению корреспондентов «Летописи войны 1914–1917 гг.», явил всему миру «высокий образец самоотверженного служения ближнему, без различия, принадлежит ли он к вражеской стороне или нет» [17. С. 214]. Авторы рубрики «На Руси» призывают немцев поучиться этим качествам у японцев – «рыцарей благородного духа». Они также отмечают, что «Россия всегда высоко ценила благородство своего бывшего противника, а ныне друга и союзника» и «шлет свою сердечную благодарность Его Величеству, Императору Японии и Японскому Красному Кресту за братское внимание к ее страждущим воинам» [17. С. 214]. Именно в этой публикации журнала корреспонденты «Летописи...» впервые награждают японцев эмоциональными и в то же время уважительными характеристиками, а Японию называют другом России. Следует отметить, что еще совсем недавно, в 1904–1905 гг., на страницах военного журнала «Летопись войны с Японией», издававшегося в том же издательстве и под руководством того же главного редактора, что и «Летописи войны 1914–1917 гг.», российские журналисты делали ярко выраженный акцент на том, что «Япония приняла только внешние признаки европейской цивилизации, не проникнувшись ее духом» [18. С. 26], а японцев они обвиняли «в вопиющих нарушениях международных законов и обычаев войны, коварных, жестоких и бесчеловечных поступках: нападении из-за угла, добивании раненых» [19. С. 389]. Таким образом, мы можем наблюдать пример того, как проправительственное печатное периодическое издание использовалось в России в первые десятилетия прошлого столетия в качестве инструмента информационной пропаганды.

Несмотря на то, что в конце 1914 г. на страницах «Летописи...» появляются такие характеристики Японии, как «союзник» и «друг», в статье «Новый год»

(№ 20 за 1915 г.) отсутствует поздравление стране восходящего солнца и ее народу с Новым годом. А вот «прекрасная Франция», «великая Британия» и «героические Бельгия, Сербия и Черногория» были удостоены такого поздравления [20. С. 314]. Данное обстоятельство еще раз свидетельствует о том, что отношение к Японии в российском обществе по-прежнему было неоднозначным, в дальневосточном соседе не видели настоящего друга, скорее он воспринимался как союзник по необходимости.

В рубрике «Обозрение войны» (№ 37 за 1915 г.) сообщается о взрыве «тевтонскими варварами» завода в Японии, который изготовлял боеприпасы для русской армии. Авторы этой рубрики выражают соболезнования японскому народу в связи с произошедшей трагедией и признают значимость японской военно-технической помощи Российской империи в борьбе с государствами Четверного союза [21. С. 590]. Следует отметить, что в годы Первой мировой войны Япония являлась для России одним из главных поставщиков товаров военного назначения. Однако данная помощь России была обусловлена главным образом финансовыми затруднениями и амбициями японских торгово-промышленных кругов, а также желанием высшего руководства Японии заручиться поддержкой российского правительства в своей дальневосточной политике.

Анализируя материалы, представленные на страницах военного журнала «Летописи войны 1914–

1917 гг.», мы можем отметить следующие отличительные черты образа Японии, создаваемого журналистами данного периодического издания в первые годы войны:

- официальный союзник России в Первой мировой войне, который еще совсем недавно был одним из ее основных врагом (противников) на Дальнем Востоке;
- страна, которая не вызывает особых дружественных чувств и эмоций в российском обществе, несмотря на то, что является союзником;
- государство, которое использовало войну в качестве плацдарма для расширения сфер влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе и подъема своей экономики.

В заключение следует отметить, что периодическое издание «Летопись войны 1914–1917 гг.» в годы Первой мировой войны являлось одним из инструментов информационного воздействия на сознание подданных Российской империи. На страницах этого журнала формируются различные образы государств – участников крупнейшего военного конфликта начала XX столетия («врага», «нейтрального государства» или «союзника»). Япония в «Летописи...» предстает союзником России «по необходимости», в силу сложившихся обстоятельств на международной арене. При этом этот союз на данном этапе (период Первой мировой войны) выгоден обеим сторонам, т.е. он фактически по расчету, что особо и не скрывает российская сторона.

Список источников

1. Фролов В.В. Журнал «Летопись войны 1914–1917 гг.» как информационный источник о событиях Первой мировой войны // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 26. С. 176–180. URL: <http://e-koncept.ru/2016/46436.htm> (дата обращения: 11.05.2020).
2. Базин О.А. Позиция Японии по поводу участия в Первой мировой войне // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 8. С. 58–62.
3. Саркисов К.О. Россия и Япония. Сто лет отношений (1817–1917). М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 704 с.
4. Саркисов К.О. Японское оружие и добровольцы в российской армии в Первую мировую войну // Япония. Ежегодник. 2014. Вып. 43. С. 210–223.
5. Молодяков В.Э. Образ Японии в антиантантовской пропаганде в США в годы Первой мировой войны: журнал «Fatherland», август 1914 – февраль 1917 гг. // Сборник статей AMERICANA / отв. ред. И.И. Курилла. Волгоград, 2014. С. 77–95.
6. Пестушко Ю.С. Недолгий альянс: русско-японский союзный договор 1916 г. // Россия и АТР. 2007. № 1. С. 92–106.
7. Пестушко Ю.С. Почему японские войска так и не попали на европейский фронт // Япония. Ежегодник. 2007. Вып. 36. С. 266–275.
8. Яценко Ю.В., Гагарина Д.А. Репрезентация Японии в Пермской губернской периодике в годы Первой мировой войны // Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования: материалы Международной научной конференции (г. Пермь, 16–18 мая 2017 г.): в 2 ч. Пермь, 2017. Ч. 1. С. 163–166.
9. Зимонин В.П. Япония и США в Первой мировой войне // Новая и новейшая история. 2019. № 4, т. 63. С. 84–106.
10. Шулатов Я.А. Борьба с германским шпионажем на Дальнем Востоке во время Первой мировой войны: российско-японское сотрудничество // Россия и АТР. 2014. № 2. С. 33–51.
11. Барышев Э.А. Японские винтовки на русском фронте во время Первой мировой войны (1914–1917): малоизвестные страницы двустороннего сотрудничества // Япония. Ежегодник. 2011. Вып. 40. С. 238–254.
12. Летопись войны 1914–1917 гг. 1914. № 2.
13. Летопись войны 1914–1917 гг. 1914. № 3.
14. Летопись войны 1914–1917 гг. 1914. № 7.
15. Летопись войны 1914–1917 гг. 1914. № 9.
16. Летопись войны 1914–1917 гг. 1914. № 10.
17. Летопись войны 1914–1917 гг. 1914. № 13.
18. Летопись войны с Японией. 1904. № 2.
19. Летопись войны с Японией. 1904. № 21.
20. Летопись войны 1914–1917 гг. 1915. № 20.
21. Летопись войны 1914–1917 гг. 1915. № 37.

References

1. Frolov, V.V. (2016) Zhurnal "Letopis' voyny 1914–1917 gg." kak informatsionnyy istochnik o sobyitiyakh Pervoy mirovoy voyny [Magazine "The Chronicle of the War of 1914–1917" as an information source on the events of the First World War]. *Kontsept*. 26. pp. 176–180. [Online] Available from: <http://e-koncept.ru/2016/46436.htm> (Accessed: 11.05.2020).
2. Bazin, O.A. (2014) Pozitsiya Yaponii po povodu uchastiya v Pervoy mirovoy voyne [Japan's position regarding participation in the First World War]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 8. pp. 58–62.

3. Sarkisov, K.O. (2015) *Rossiya i Yaponiya. Sto let otnosheniy (1817–1917)* [Russia and Japan. One Hundred Years of Relations (1817–1917)]. Moscow: OLMA Media Grupp.
4. Sarkisov, K.O. (2014) Yaponskoe oruzhie i dobrovol'tsy v rossiyskoy armii v Pervuyu mirovuyu voynu [Japanese weapons and volunteers in the Russian army during World War I]. *Yaponiya. Ezhegodnik*. 43. pp. 210–223.
5. Molodyakov, V.E. (2014) Obraz Yaponii v antiantantovskoy propagande v SShA v gody Pervoy mirovoy voyny: zhurnal "Fatherland", avgust 1914 – fevral' 1917 gg. [The image of Japan in anti-Entente propaganda in the USA during World War I: Fatherland magazine, August 1914 – February 1917]. In: Kurilla, I.I. (ed.) *Sbornik statey AMERICANA* [AMERICANA collection of articles]. Volgograd. pp. 77–95.
6. Pestushko, Yu.S. (2007) Nedolgiy al'yans: russko-yaponskiy soyuznyy dogovor 1916 g. [A short-lived alliance: the Russo-Japanese alliance treaty of 1916]. *Rossiya i ATR*. 1. pp. 92–106.
7. Pestushko, Yu.S. (2007) Pochemu yaponskie voyska tak i ne popali na evropeyskiy front [Why Japanese troops never got to the European front]. *Yaponiya. Ezhegodnik*. 36. pp. 266–275.
8. Yashchenko, Yu.V. & Gagarina, D.A. (2017) [Representation of Japan in the Perm Provincial Periodicals during the First World War]. *Tsifrovaya gumanitaristika: resursy, metody, issledovaniya* [Digital Humanities: Resources, Methods, Research]. Perm. 16–18 May 2017: in 2 parts. Part 1. Perm. pp. 163–166. (In Russian).
9. Zimonin, V.P. (2019) Yaponiya i SShA V Pervoy mirovoy voyne [Japan and the USA in World War I]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 63 (4). pp. 84–106.
10. Shulatov, Ya.A. (2014) Bor'ba s germanskim shpionazhem na Dal'nem Vostoke vo vremya Pervoy mirovoy voyny: rossiysko-yaponskoe sotrudnichestvo [The Fight Against German Espionage in the Far East During the First World War: Russian-Japanese Cooperation]. *Rossiya i ATR*. 2. pp. 33–51.
11. Baryshev, E.A. (2011) Yaponskie vintovki na russkom fronte vo vremya Pervoy mirovoy voyny (1914–1917): maloizvestnye stranitsy dvustoronnego sotrudnichestva [Japanese rifles on the Russian front during the First World War (1914–1917): little-known pages of bilateral cooperation]. *Yaponiya. Ezhegodnik*. 40. pp. 238–254.
12. *Letopis' voyny 1914–1917 gg. 1914* [The Chronicle of the War of 1914–1917]. (1914) 2.
13. *Letopis' voyny 1914–1917 gg. 1914* [The Chronicle of the War of 1914–1917]. (1914) 3.
14. *Letopis' voyny 1914–1917 gg. 1914* [The Chronicle of the War of 1914–1917]. (1914) 7.
15. *Letopis' voyny 1914–1917 gg. 1914* [The Chronicle of the War of 1914–1917]. (1914) 9.
16. *Letopis' voyny 1914–1917 gg. 1914* [The Chronicle of the War of 1914–1917]. (1914) 10.
17. *Letopis' voyny 1914–1917 gg. 1914* [The Chronicle of the War of 1914–1917]. (1914) 13.
18. *Letopis' voyny s Yaponiey* [The Chronicle of the War with Japan]. (1904) 2.
19. *Letopis' voyny s Yaponiey* [The Chronicle of the War with Japan]. (1904) 21.
20. *Letopis' voyny 1914–1917 gg. 1914* [The Chronicle of the War of 1914–1917]. (1915) 20.
21. *Letopis' voyny 1914–1917 gg. 1914* [The Chronicle of the War of 1914–1917]. (1915) 37.

Информация об авторе:

Фролов В.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр комплексного изучения проблем региональной безопасности» Псковского государственного университета (Псков, Россия). E-mail: frolov1406@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Frolov, Cand. Sci. (History), associate professor, senior research fellow, Pskov State University (Pskov, Russian Federation). E-mail: frolov1406@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.05.2020;
одобрена после рецензирования 08.09.2020; принята к публикации 30.04.2024.*

*The article was submitted 06.05.2020;
approved after reviewing 08.09.2020; accepted for publication 30.04.2024.*

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/15617793/501/16

«Страна энциклопедий»: становление советской энциклопедической системы (исторический анализ)

Александр Анатольевич Чернышев¹

¹ Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, a.a.chernyshev@utmn.ru

Аннотация. Приводится анализ истории советской энциклопедистики. В Советском государстве по-новому формируется понимание действительности и доступа общества к знаниям, где эмблемой становятся энциклопедии, представляющие собой новый общественный порядок, основанный на монополии на знание и власть. Сделаны выводы, дающие возможность по-новому представить особенности становления энциклопедического дела в СССР как идеологического феномена, оставаясь при этом ценным наследием, сохраняющим память о нашей стране.

Ключевые слова: энциклопедия, Большая советская энциклопедия, СССР, словарно-энциклопедические издания, энциклопедическая культура, энциклопедистика

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00754, <https://rscf.ru/project/23-28-00754/>

Для цитирования: Чернышев А.А. «Страна энциклопедий»: становление советской энциклопедической системы (исторический анализ) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 139–146. doi: 10.17223/15617793/501/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/16

“The Land of Encyclopedias”: The formation of the Soviet encyclopedic system (historical analysis)

Alexander A. Chernyshev¹

¹ University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, a.a.chernyshev@utmn.ru

Abstract. Russia occupies one of the leading places in the world encyclopedic studies, being the owner of many major encyclopedic editions, the uniqueness of which was manifested, first of all, in their content and thematic diversity of material. The relevance of studying the history of the creation of encyclopedic editions in Russia is due to the need to systematize the experience of Russian encyclopedic studies in order to identify trends and prospects of its development. The history of the formation of Soviet encyclopedic studies has not received the full coverage. There are no generalizing theoretical works on the history of domestic encyclopedic editions; systemic studies of methodological nature have not been conducted. Only a general analysis of the structural features of individual encyclopedias of the Soviet period has been made. The main methodological foundation of scientific research on the study of the history of encyclopedic editions in the USSR and its role in the development of the Russian encyclopedic business traditionally are the principles of historicism and objectivity. The comparative-historical method made it possible to identify the general and specific in the development of encyclopedic business in the Soviet encyclopedias. The retrospective method allowed considering the historical prerequisites for the formation of the phenomenon. When analyzing historical material, it is also necessary to rely on the systemic approach, which consists in the holistic consideration of a set of objects. The documents of the Russian State Historical Archive and materials of the periodical press became the information base for the preparation of the article. In the Soviet state, a new understanding of reality and society's access to knowledge was being formed in a new way, where encyclopedias became an emblem representing a new social order based on the monopoly of knowledge and power. The aim of this publication is to represent the process of the formation and development of encyclopedias in the USSR. Based on the materials of the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Archive of Socio-Political History, as well as periodicals, the evolution of encyclopedic studies in the USSR is presented. The conclusions are drawn, which give an opportunity to show in a new way the peculiarities of the formation of encyclopedic work in the USSR as an ideological phenomenon, which still remains a valuable heritage that preserves the memory of our country and our people. The Soviet period can be considered the era of laying the foundations of a new system of encyclopedias, when the necessary internal prerequisites for the development of the encyclopedic work were created, combined with the influence of external factors. The works of Soviet scientists of the 20th century reflected the formation of the encyclopedic paradigm as an integral part of Soviet culture. This paradigm was subsequently embodied in the work of scientists at the beginning of the 21st century.

Keywords: encyclopedia, Great Soviet Encyclopedia, USSR, dictionary-encyclopedia editions, encyclopedic culture

Financial support: This study was supported by Grant No. 23-28-00754 of the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/23-28-00754/>

For citation: Chernyshev, A.A. (2024) "The Land of Encyclopedias": The formation of the Soviet encyclopedic system (historical analysis). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 139–146. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/16

Введение

Энциклопедии выступают социальными агентами, документирующие моменты социально-культурных и политических перемен. Сегодня в Российской Федерации существующие энциклопедические издания остаются неизменными и надежными источниками научно-исторической информации. На пантеоне крупнейших издания: «Большая российская энциклопедия»; «Большая советская энциклопедия»; «Энциклопедический словарь» А.Ф. Брокгауза и И.А. Ефрона; «Энциклопедический словарь» братьев Гранат; «Энциклопедический словарь» А.А. Плюшара; «Большая энциклопедия». Каждое из изданий представляло своеобразный «дневник эпохи», фиксирующий факты исторического прошлого.

Система энциклопедистики всегда базировалась на принципах идеологии и азбучной организации информации. Собиратели азбучных истин, как их называли, являлись группой исследователей, экспертов и ученых, отвечавших за сбор, систематизацию и достоверность информации. Идеализированное мировоззрение советского правительства способствовало появлению монументальных энциклопедических изданий уже в первые годы советской власти. В советский период были опубликованы три издания «Большой советской энциклопедии»; «Малой советской энциклопедии»; вышли отраслевые энциклопедии; энциклопедии союзных республик; зарождался и опыт работы по созданию региональных энциклопедий.

Материал, методы, обзор

Цель статьи состоит в репрезентации процесса становления и развития энциклопедистики в СССР. Историческая направленность исследования призвана подтвердить мысль, что процесс эволюции энциклопедических изданий становится отражением социально-экономических, культурных и политических особенностей государства и степенью самосознания общества на разных этапах ее развития. На основе комплексного анализа исторических материалов сделаны выводы, дающие возможность по-новому представить особенности становления и развития энциклопедического дела в СССР как идеологического феномена.

Историографическую литературу, посвященную истории советской энциклопедистики, можно разделить на две группы. Первая состоит из работ общего характера, рассматривающих историю становления российской энциклопедической системы. Это труды: П.Н. Беркова, И.М. Кауфмана, К.Р. Симона, Ю.Е. Шмушкиса и др. [1. С. 68–72; 2; 3].

Одной из историографических работ, посвященных советским энциклопедиям, стала работа Ю.Е. Шмушкиса «Советские энциклопедии». Ценность работы состоит в том, что в ней предложена типология советских универсальных энциклопедий, также даны методические рекомендации по подготовке статей в энциклопедии.

Вторая группа источников посвящена конкретному периоду развития энциклопедического дела в СССР и их авторскому составу. Первые работы, посвященные созданию и выходу советских энциклопедий, появились в конце 20–30-х гг. XX в. и свидетельствовали о том, как создавались эти энциклопедические издания [4. С. 12; 5. С. 69–70; 6; 7. С. 37; 8. С. 34–38; 9. С. 3; 10]. Особая роль в информировании о событиях, связанных с выходом энциклопедий, принадлежала Институту книги, документа и письма при АН СССР [11. С. 152; 12. С. 73–86; 13. С. 67–72; 14. С. 105–114].

С 1960-х гг. в советской периодической печати стали публиковать материалы об итогах и тенденциях развития энциклопедической литературы в СССР. Основное внимание учеными было приковано к структуре энциклопедий, их наполняемости библиографией и иллюстрациями. Кроме этого, указывая на существенные минусы, допущенные при создании ранних энциклопедий, авторы подчеркивали, что в новых изданиях «не допускаются методологические и фактические ошибки» [15–17; 18. С. 3; 19; 20. С. 2].

Выходят публикации, посвященные работе по созданию первых региональных энциклопедий: Уральская советская энциклопедия; Сибирская советская энциклопедия. Основные темы, которые затрагивали авторы, – это причины появления региональных энциклопедий; наполняемость статейных абзацев; работа авторского коллектива над энциклопедиями [21. С. 64; 22. С. 30–35; 23. С. 36–50; 24. С. 181–185; 25. С. 41–53; 26. С. 61–66].

В силу своей актуальности сегодня появляются специальные исследования, посвященные истории российских энциклопедий. Так, А.А. Чернышевым рассматривалась история Западной Сибири 1822–1917 гг. в российских энциклопедиях XIX–XX вв.; диссертационная работа М.А. Ряховской была посвящена региональным энциклопедиям России: история и современные тенденции развития; Л.В. Белгородская изучила образ Российской империи на страницах британских и американских энциклопедических изданий XX в.

В статье были использованы принципы историзма и объективности, аналитический метод и комплексного анализа. Автор опирался на документы, хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива социально-политической истории.

Результаты и обсуждение

Корреспондент английской газеты «Таймс» в 1929 г. метко назвал СССР «Страной энциклопедий». Характерно, что журналиста не так поразила происходящая в социалистическом государстве гигантская хозяйственная стройка, как жажда к знанию широких масс, – их порыв «грызть науку зубами» [27. С. 29].

Первые годы строительства социализма привели к росту спроса на различные словари и энциклопедии, которые должны были стать легкодоступной и концентрированной формой знаний, отражавшие бы идеи нового государства. В стране назрела необходимость в выработке новой концепции, видение новой действительности. Поэтому в качестве проводника был выбран жанр «энциклопедия» не случайно, так как энциклопедия должна была выступить источником правды и авторитетной информации о Советском государстве и обществе.

В.И. Ленин в письме народному комиссару Просвещения А.В. Луначарскому писал: «К своему стыду и сожалению, мне недавно пришлось ознакомиться со словарем В.И. Даля... Не пора ли создать словарь настоящего русского языка. Что если посадить за сие 30 ученых, дав им красноармейский паек?» [28. С. 122–123]. Это была смелая, но трудная задача на тот период.

Наркомпросом во главе с А.В. Луначарским проводились реформы по формированию новой системы образования, в которой научные знания и исследования должны были стать образовательным фундаментом. В постановлении ЦК РКП (б) «Главнейшие очередные задачи партии в области печати» от 6 февраля 1924 г. говорится: «...необходимо усилить работу по созданию популярной книги для рабочих и крестьян... политической и справочной литературы... могущих иметь массовое применение» [29. С. 16].

Государственным издательством (Госиздат) поднимался вопрос продолжения седьмого издания Энциклопедического словаря издательства «Гранат» как нового советского энциклопедического словаря [30. Л. 15–16]. Однако руководство Госиздата посчитало работу издательства «Гранат» неудовлетворительной и на совещании 4 января 1924 г. было принято решение прекратить работу над словарем [31. Л. 176].

Учитывая всю сложную обстановку в культурно-просветительской сфере, была поставлена задача создания советской фундаментальной энциклопедии. В научных кругах инициатива институционализации советской энциклопедистики была поддержана крупными учеными. Как отмечал О.Ю. Шмидт, список имен, заинтересованных в создании новой энциклопедии, был впечатляющим: В.И. Ленин, Н.Н. Батурин, В.Д. Бонч-Бруевич, М. Горький, Н.К. Крупская, А.В. Луначарский, В.И. Невский и многие другие – все они имели опыт в работе над словарно-энциклопедическими изданиями [32. С. 154–155]. Было предложено несколько вариантов: «Новая энциклопедия», «Большая советская энциклопедия», «Энциклопедия современных знаний». Остановились на названии «Большая советская энциклопедия».

В феврале 1925 г. идея универсальной энциклопедии была одобрена ЦИКом, а главным редактором про-

екта был назначен О.Ю. Шмидт. Вся работа над изданием Большой советской энциклопедии была передана АО «Государственное научное издание “Советская энциклопедия”»¹, которое было образовано 13 февраля 1925 г. постановлением ЦИК СССР [33].

Первый том «Большой советской энциклопедии» (БСЭ) вышел в 1926 г. (последний в 1947 г.), в предисловии редакция определила цель издания – создание справочника для главных участников строительства коммунизма. Энциклопедия будет написана простым и понятным языком для советского человека: «...слоем рабочих, заведующий мастерской и деятель профсоюза, агроном и хозяйственник, кооператор и судья, учитель и журналист, партийный работник, советский администратор, учащийся и пр. – должны найти в нашем словаре как статьи, углубляющие и обогащающие его знания в соответствующей отрасли, так и нужную при практической работе справку» [34. С. 5].

На глазах современности рождалась национальная энциклопедия, которая символизировала зрелость, прогресс интеллектуальной жизни советского общества. Институционализацию советской энциклопедистики отстаивал один из деятелей Госиздата М. Вольфсон. Являясь представителем дореволюционной школы, М. Вольфсон, считал, что советская энциклопедия, выступая как средство воздействия и просвещения населения, должна превзойти Библию и стать авторитетным справочником повседневной жизни общества.

Авторский и редакционный состав БСЭ был представлен большим количеством ученых из разных областей знаний. Среди них были имена ученых, начинавшие свою профессиональную и научную деятельность в работе над созданием словарно-энциклопедических изданий в дореволюционной России [35]. Среди основных задач, которые решала редакция, являлись, во-первых, установления связи с советскими учебными и научными учреждениями для совместной работы, и во-вторых, координация редакционных секций энциклопедии.

Важно отметить, что, во-первых, культурная деятельность в начале 1920-х гг. была не так идеализирована и, во-вторых, партийные руководители не были еще независимыми «судьями», которые могли стоять над сферой просвещения и культуры. Все они являлись частью «советской экосистемы», воздействие которой ощущалась на каждого. Однако в 1930-х гг. происходит эволюционирование культуры в более сложные процессы, связанные с политическими репрессиями. В качестве иллюстрации данных процессов могут выступить репрессии редакторов отделов и подразделов первого издания БСЭ [36. Л. 60].

О выходе «Большой советской энциклопедии» в периодической печати стали публиковаться отзывы. Так, газета «Правда» писала: «Энциклопедия должна быть полностью нашей конструкции...» [9. С. 3].

Как писал советский публицист Н.Н. Наскоряков, информация о появлении энциклопедии в советской прессе была принята восторженно: «...вся конструкция советских энциклопедий – совершенно нова и не похожа на конструкцию старых изданий...» [37. С. 24].

Приветствуя появление своей советской энциклопедии, читатели писали:

– «Для меня, как бывшего рабочего, все отделы интересны, и ими я пользуюсь полностью в размере моих пониманий; тем самым БСЭ пополняет и очень солидно мои знания. БСЭ – моя настольная книга», – пишет подписчик-шахтер»;

– «В изложении все хорошо... Давайте еще более полные статьи по экономике, философии, не стеснясь увеличением энциклопедии на 2–3 тома, чтобы создать всеобъемлющую книгу... Да, хорошее вы даете издание!» – пишет слесарь, член ВКП(б) [38. С. 105].

Уже из приведенных выше цитат видно, как высоко расценивает читатель советскую энциклопедию. Подобные отзывы – не случайность. Чтобы создать тесную связь с читателями, редакция стала рассылать всем своим подписчикам письма-запросы о качестве издания с наводящими вопросами, где и в чем искать недочеты и ошибки. Итоги показали, что не менее 95% респондентов отзывались об издании одобрительно, а иногда даже восторженно. На первом месте среди направлений, вызвавших интерес, являлось обществоведение – 77%, естествознание – 40%, техника – 37%, точные науки – 28%, сельское хозяйство – 22% [38].

Новизна содержания советской энциклопедии замечена и отмечена также европейской прессой, которая, конечно, встречает «в штыхы», но признает величие и дерзания в создании революционно-пролетарской энциклопедии: «“эти проклятые большевики” иногда дают научно более богатый и полный материал даже в таких областях, которые ближе всего Германии или Англии (напр., статьи “Англия”; “Германия”))» [37].

Самое важное, самое глубокое по значению в вопросе об энциклопедиях – это их читатель. За работой над энциклопедиями следила советская общественность, что характеризовалось ростом подписчиков основных энциклопедий. С 1 января 1928 г. по 1 января 1930 г.: по БЭС – с 67 550 до 95 923 человек; по МЭС – с 19 199 до 92 154; по Большой медицинской энциклопедии – с 920 до 14 246 и по технической энциклопедии – с 2 070 до 29 558 человек.

Выход первой советской энциклопедии стал главной и успешной попыткой в создании энциклопедической литературы агитационно-пропагандистского характера. Подписчики, чтобы углубить и расширить круг своих знаний, указывают, какими должны быть библиографические указатели, каким требованиям они должны отвечать:

– «Для нас, провинциалов, важно получить сведения, где мы можем найти основную литературу (источники). В данном случае ценны указания, где опубликованы статьи впервые и дальнейшая литература по этому вопросу (врач, 40 л. беспартийный);

– «Желательно, если возможно, при указании источников указывать постранично литературу для того, чтобы не всю книгу читать, а главное» (преподаватель, 25 л., член ВКП(б));

– «Желательно, чтобы перечень рекомендуемой литературы имел особую рекомендацию наиболее главной литературы с выделением отдельных наиболее ценных глав» (горный рабочий, 36 л., среднее образование, член ВКП(б));

– «Указатели литературы, по возможности, писать на русском языке» (политработник, 26 л., среднее образование, член ВКП(б)) [38].

Политические чистки сказались на содержании энциклопедии. Первые двадцать томов БСЭ, по сути, оказались непригодными в качестве справочно-энциклопедического пособия. В 1937 г. О.Ю. Шмидт пишет письмо в Политбюро партии о необходимости начать подготовку нового издания БСЭ. «Нужно пересмотреть или переписать многие биографические статьи и статьи о социальной, военной, экономической политики СССР, которые связаны с ними» [36]. Работа над вторым изданием практически началась сразу же после завершения в 1947 г. первого издания БСЭ. Новое издание БСЭ должно было стать репрезентативным образцом советской науки.

В 1949–1958 гг. выходит 2-е издание БСЭ объемом в 51 том. Так, в феврале 1949 г. в газете «Культура и жизнь» было опубликовано постановление Совета министров СССР о новой редакции и издании БСЭ [39. С. 1].

Второе, а впоследствии и третье издание БСЭ существенно отличались от первого. Во-первых, по формату и текстуре обложки книги. Первое издание БСЭ взяло за образец «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Эфрона, который имел корешок, украшенный золотым орнаментом на черном фоне и несшим никакой информационной нагрузки. БСЭ в качестве оформления применяет красный цвет с золотым орнаментом в виде звезды, зубчатого колеса и колоса пшеницы, символизируя «революционный социализм». Второе и третье издание БСЭ больше стали соответствовать текстуре и форме «Британской энциклопедии».

Во-вторых, в процессе работы над вторым изданием БСЭ произошли идеологические изменения, если первые тома энциклопедии – это кампания против космополитизма, то вышедшие последние тома – это время хрущевской оттепели.

В-третьих, во втором издании БСЭ отсутствовала информация о перечне отделов и подразделов энциклопедии. Список редколлегии был представлен из 22 членов авторитетных ученых из разных научных областей, служившим примером холодной войны между СССР и США в 1950-е гг. Члены редколлегии представляли в большей степени естественные и прикладные науки: С.И. Вавилов – физик, основатель советской школы физической оптики в СССР; Б.А. Введенский – ученый в области радиоп физики, один из основателей Института радиотехники и электроники им. В.А. Котельникова; А.А. Зворыкин – историк науки, социолог; А.А. Благонравов – ученый в области механики; Б.М. Вул – специалист в области квантовой электроники; А.А. Михайлов – советский астроном и др.

Во втором издании редакционные отделы соотносились с определенной областью знаний, например «Всеобщей историей», «Военных наук», «Биологии», «Истории СССР и КПСС» и т.п.

Во втором издании БСЭ стало придаваться значение таким критериям, как лаконичность, точность сюжетов со сталинской точки зрения. В каждом томе авторы обязаны были в статьях цитировать работы И. Сталина и классиков марксизма-ленинизма. Также

издательством проводился мониторинг общественного мнения. Подписчикам регулярно рассылали анкеты чтобы оценить доступность и наполняемость энциклопедии. Особенно популярным становилась рассылка по научным институтам.

В 1951 г. выходит постановление ЦК ВКП(б) «О серьезных недостатках в подборе авторов статей БСЭ», в котором указывалось на недостатки при работе над новым изданием [40. С. 270–271]. Поэтому в работе над вторым изданием были выбраны новые методики. В первых, использовалась двойная система цензуры и профессиональной проверки.

Вся работа по энциклопедии строилась следующим образом. Тематические отделы объединяли в предметную область, где всю работу контролировал предметный редактор. Каждая дефиниция проходила сначала одобрение у тематического редактора, а после отправлялась на повторное рассмотрение. Затем вся запись уходила в информационный отдел, который согласовывал все даты и события, а дальше в библиографический – для проверки библиографии статьи. Координировал весь процесс главный редактор энциклопедии до окончательного утверждения.

Появление новых томов второго издания БСЭ вызвало широкий отклик в печати. Журнал «Большевик» отметил приоритетности работы советских ученых, а газета «Правда» – высокую научную справочность издания [41. С. 2–3].

С 1957 по 1990 г. ежегодно второе (синие тома: 1957–1969 гг.), а затем третье (красные тома 1970–1990 гг.) издания БСЭ дополнялись однотомным ежегодником «Большой советской энциклопедии». В нем публиковались обновленные данные об СССР и других странах, информация о важных событиях, произошедших в мире, и актуальные биографические сведения. Всего вышло 34 выпуска Ежегодника БСЭ.

Существенным сдвигом в энциклопедической области стал выход третьего издания БСЭ. От редакции сообщалось, что «Большая советская энциклопедия» в любом издании оставалась и остается важнейшим источником информации о СССР и его идеологии, а также о многих других областях науки и культуры [42. С. 2]. Авторитет энциклопедии был признан как в Советском Союзе, так и за его пределами, и многие статьи остаются ценным источником знаний для исследователей и интересующихся историей и культурой СССР.

Издательство «Большая советская энциклопедия» впервые организовало научно-методический семинар при формировании авторского коллектива, посвященный проблемам развития словарно-энциклопедического дела в Советском государстве. Результатом семинара стал выпущенный в 1965 г. сборник «Новое в науке и проблемы подготовки словника 3-го издания БСЭ», включавший краткие обзоры о развитии фундаментальных отраслей знания, вопросы справочности изданий, библиографии в энциклопедиях и многое другое.

Выход трех изданий Большой советской энциклопедии – это пример динамики развития новых установившихся факторов в энциклопедическом деле. Это пример политизированных и институционализированных усилий в создании энциклопедической системы

знания, власти и могущества. Распространение и установление идеологической политики читательской грамотности принадлежало исключительно государству.

Первое издание выступило экспериментальной площадкой в энциклопедическом деле СССР, второе характеризовалось жесткой регламентацией и указаниями сверху. Третье издание БСЭ считалось лучшей энциклопедией, став вровень с другими энциклопедиями мира. Также оно было переведено на английский язык и издано в США.

Сокращенной формой версий БСЭ стала «Малая советская энциклопедия» (МСЭ) (1928–1931 гг. в 10 т.; 1933–1941 гг. в 11 т; 1958–1960 гг. 10 т.) – одна из самых распространенных форм научно-популярных энциклопедий, изданных в СССР.

В издание вошло 30/31 том, которые содержали более 100 тыс. статей и около 20 тыс. иллюстраций. Каждая статья в уникальной МСЭ была написана учеными и специалистами своей области и прошла тщательную редакцию и проверку фактов. Малая советская энциклопедия была издана в мягком переплете, что сделало ее доступной для широких масс советского общества.

Наряду с БСЭ и МСЭ были подготовлены первые универсальные словарно-энциклопедические издания небольшого объема. Так, в 1926 г. издательством «Прометей» выпускается «Настольный энциклопедический словарь», а в период с 1926 по 1927 г. был напечатан «Новейший энциклопедический словарь». Данные издания содержали информацию на разные повседневные темы.

В 1950-х гг. особую популярность приобретает работа над выпуском энциклопедий в союзных республиках на национальных языках. Печатались два вида издания: универсальные и республиканские. Украинская советская энциклопедия, вышедшая в 17 т. (1959–1965 гг.); Белорусская советская энциклопедия в 12 т. (1969–1975 гг.); Казахская советская энциклопедия в 12 т. (1972–1978 гг.); Молдавская советская энциклопедия в 8 т. (1970–1981 гг.); Узбекская советская энциклопедия в 14 т. (1971–1980 гг.). В целом национальные энциклопедии стали важнейшим источником знаний о республиках СССР и внедрения общесоюзных ценностей в советское общество.

Создание соподчиненной системы книжно-издательского дела в регионах способствовало работе над организацией региональных энциклопедий (Сибирской, Уральской, Дальневосточной). Центральные органы власти не всегда были в курсе всех издаваемых в регионах книг, что позволяло некоторым авторам избегать цензуры и шире освещать важные социальные и политические вопросы в регионе.

Наиболее активная работа шла над Сибирской советской энциклопедией (ССЭ). Что послужило поводом к созданию ССЭ? Замысел над работой по созданию региональной энциклопедий возник среди советской краеведческой интеллигенции в 1926 г. Будущий авторский состав сибирской энциклопедии формировался из крупных ученых того времени (Берг Л.С., Марр Н.Я., Обручев В.А., Павлов М.А. и др.).

При подготовке региональной энциклопедии образовался научный вакуум, а именно о многих сюжетах и явлениях, намеченных к описанию в региональной энциклопедии на тот момент, не было никакой информации, и авторам пришлось проводить исследования и публиковать полученные результаты. В 1926 г. председатель Сибкрайисполкома Р. Эйхе пишет: «Чрезвычайно мало и плохо знаем Сибирь. У всех сложилось мнение, что Сибирская земля – богатая земля, но если мы спросим какие богатства имеет Сибирь, то едва ли услышим исчерпывающий ответ...» [23. С. 37].

Еще одним фактором, который способствовал появлению региональной энциклопедии это стремление советской власти привлекать краеведение для государственных задач. Состоявшийся в Новосибирске в апреле 1926 г. пленум Совета общества изучения Сибири выступил с инициативой о создании Сибирской советской энциклопедии. Осенью того же года Сибкрайисполком ВКП(б) принимает решение об издании Сибирской советской энциклопедии. Инициатива о создании региональной энциклопедии быстро нашла отклики в регионах Советского государства. В сентябре 1928 г. Далькрайком ВКП(б) принимает решение о начале работы над «Энциклопедией ДВК», назначив главным редактором В.Я. Волинского [43. С. 51]. В мае 1930 г. Уральский обком ВКП (б) принимает решение об издании «Уральской советской энциклопедии» [44. Л. 25].

Работа над созданием энциклопедий в советском государстве приобретала особую актуальность. Однако начавшиеся в стране политические чистки, пропаганда культа личности и принятие единой формационной концепции в исторической науке существенно ограничивали возможности в выборе материала для написания статей в энциклопедию. Многие авторские коллективы были обвинены в «областничестве национализме» и репрессированы.

Заключение

Энциклопедия – это слепок эпохи, в которой она создается, отражение своего времени. Выдержавшая три издания «Большая советская энциклопедия» стала достойным примером советской энциклопедистики. Макеты страниц, словники томов, заголовки статейных материалов отражали изменяющийся характер энциклопедий, а с ним и растущую роль идеологии в советской культуре и обществе.

Первое издание «Большой советской энциклопедии» отразило затухание революционного романтизма и установление в стране тоталитарного режима. Второе издание БСЭ стало свидетельством эпохи сталинизма с его монументализмом, а затем – начала оттепели, которая нашла свое отражение на страницах энциклопедии. Третье издание БСЭ хотя и признано научным и культурным ресурсом в России и других государствах, все-таки насыщено идеологическими догмами периода «развернутого строительства коммунизма». Был осуществлен и опыт по созданию универсальных и региональных (национальных) энциклопедий. Советская энциклопедистика была воплощением крупномасштабного замысла, в котором кроме познавательного материала прослеживалась и политическая цель, отражавшая постулаты марксистской апологетики.

В начале XXI в. началась работа по созданию современной российской энциклопедии. Главной задачей стало сохранение национальной исторической памяти, расширение знаний о стране и культурном наследии. В 2002 г. был принят Указ Президента Российской Федерации «Об издании Большой российской энциклопедии»².

Сегодня энциклопедии играют важную роль в нашем обществе. Они функционируют как надежный источник информации, помогая нам лучше понимать и объяснять явления и факты. Они документируют и увековечивают социальные, культурные и политические перемены, делая их доступными для всех, кто стремится к знаниям.

Примечания

¹ В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 8 октября 1930 г. Акционерное общество было преобразовано, в Государственное словарно-энциклопедическое издательство. Приказом ОГИЗа от 9 марта 1935 г. оно было реорганизовано в Государственный институт Советских энциклопедий, который 28 ноября 1943 г. постановлением СНК РСФСР был преобразован в Государственный научный институт «Советская энциклопедия». 22 сентября 1959 г. было принято постановление ЦК КПСС о создании на базе главной редакции и издательства БСЭ Государственного научного издательства «Советская энциклопедия».

² Указ Президента Российской Федерации «Об издании Большой российской энциклопедии» (Указ № 1156 от 14 октября 2002 г.) // Российская газета. 2002. 17 октября.

Список источников

1. Берков П.Н. Выставка по истории энциклопедии в Институте книги, документа и письма // Труды Института книги, документа и письма. Л., 1932. С. 68–72.
2. Кауфман И.М. Словари и энциклопедии. Библиографический указатель. Вып. 1. Дореволюционные издания. М., 1937. 119 с.
3. Кауфман И.М. Русские энциклопедии. Общие энциклопедии. М., 1960.
4. Куйбышев В.В. Большая советская энциклопедия // Огонек. 1926. № 19. С. 12.
5. Большая советская энциклопедия (Беседа с главным редактором БСЭ тов. О.Ю. Шмидтом) // Известия. 1926. 9 апреля. С. 3.
6. Вольфсон М.Б. Издательство БСЭ улучшается // Журналист. 1926. № 12. С. 69–70.
7. Вольфсон М.Б. К истории нашей книжной культуры // Журналист. 1927. № 5.
8. Вольфсон М.Б. Энциклопедия пролетарского строительства // Журналист. 1926. № 11. С. 34–38.
9. Дела и дни Большой советской энциклопедии // Правда. 1929. 15 марта. С. 3.
10. Жданович Г.А. Техническое оформление советской энциклопедии. М. : АО «Советская энциклопедия», 1928. 60 с.
11. Константинов Д. Наброски по истории энциклопедий. Труды Института книги, документа и письма АН СССР // Советская библиография. Сб. ст. 1947. Вып. IV. С. 152.
12. Фомин А.Г. МСЭ – лексический состав, содержание и конструкция // Труды Института книги, документа и письма. Л., 1934. Вып. 3, ч. 2. С. 73–86.

13. Тонкова Р.М. Опыт анализа МСЭ // Труды Института книги, документа и письма. Л., 1934. Вып. 3, ч. 2. С. 67–72.
14. Маленин А.И. Малая советская энциклопедия // Труды Института книги, документа и письма. Л., 1934. Вып. 3, ч. 2. С. 105–114.
15. Петров Ф.Н. Первые советские энциклопедии // Книга, исследования и материалы. Сб. ст. № 3. 1960. С. 132–138.
16. Ревин А.И. Справочная литература // Ревин А.И., Шмушкис Ю.Е., Гальминас В.А. 400 лет русского книгопечатания. 1564–1964 / Акад. наук СССР. Отд-е истории; Ред. колл.: М.П. Ким и др. Книгоиздательство в СССР. Т. 2. 1917–1964. 583 с.
17. Ревин А.И., Шмушкис Ю.Е. Энциклопедии и справочники // Печать СССР за 50 лет : стат. очерки. М. : Книга, 1967. 199 с.
18. Введенский Б., Шаумян Д. Советские энциклопедии // Правда. 1964. 24 августа. С. 3.
19. Шаумян Л. Современные советские энциклопедии // Советская печать. 1966. № 4. С. 48–50.
20. Новое издание БСЭ // Правда. 1967. 21 мая. С. 2.
21. Елькович Я.Р. К выходу «Уральской советской энциклопедии» // Уральский коммунист. 1931. № 16. С. 64.
22. Басов М. Сибирская энциклопедия // Наши достижения. 1930. № 5. С. 30–35.
23. Лившиц С.Г. Первая Советская краевая энциклопедия // Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Сибири. Новосибирск, 1969. С. 36–50.
24. Коптелов А., Окладников А.П., Соскин В. Еще раз о Сибирской советской энциклопедии // Сибирские огни. Новосибирск, 1972. № 5. С. 181–185.
25. Павлова И.В. Из истории создания ССЭ // Книжное дело в Сибири и Дальнего Востока в годы строительства социализма. Новосибирск, 1983. С. 41–53.
26. Скипина И.В. Под именем «С.В.» : исчезновение фамилии в авторских статьях С.В. Бахрушина в «Сибирской советской энциклопедии» // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6 (86). С. 61–66.
27. Шмидт О.Ю. К проекту создания «Большой Советской Энциклопедии» // Издательское дело в СССР. Сборник документов и материалов. М., 1978. С. 29–31.
28. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 51. М., 1965. С. 122–123.
29. Из постановления ЦК РКП(б) «Главнейшие очередные задачи партии в области печати» от 6 февраля 1924 г. // Издательское дело в СССР. Сборник документов и материалов. М., 1978. С. 16.
30. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р395. Оп. 9. Д. 110. Л. 24, 28; Д. 124. Л. 15–16.
31. ГАРФ. Ф. Р395. Оп. 9. Д. 124. Л. 7, 15–16; Д. 119а. Л. 87; Д. 120. Л. 176.
32. Шмидт О.Ю.: Жизнь и деятельность : сборник, посвящ. Герою Советского Союза акад. О.Ю. Шмидту. 1891–1956. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 470 с.
33. ГАРФ. Ф. Р-5257. Оп. 2. Д. 572.
34. От редакции // Большая советская энциклопедия. Т. 1. 1926. С. 5.
35. ГАРФ. Ф. Р395. Оп. 9. Д. 52.
36. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 163. Д. 546. Л. 60.
37. Наскоряков Н.Н. Страна энциклопедий // Наши достижения. М., 1930. № 5. С. 22–28.
38. Маркус В.А. О читателе БСЭ и читателе о БСЭ // Научное слово. 1930. № 2. С. 103–113.
39. О выходе второго издания БСЭ // Культура и жизнь: газета. 1949. 20 февраля. С. 1.
40. О серьезных недостатках в подборе авторов статей БСЭ // Советская печать в документах. Сборник документов. М., 1961. С. 270–271.
41. Многоотомный свод научных знаний // Правда. 1959. 24 августа. С. 2–3.
42. О выпуске третьего издания БСЭ // Правда. 1967. 18 марта. С. 2.
43. Данилова Л.Ю. Из истории названия энциклопедии Дальневосточного края // Вестник ДВНГБ. 2000. № 4. С. 48–65.
44. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 8. Д. 673. Л. 25.

References

1. Berkov, P.N. (1932) Vystavka po istorii entsiklopedii v Institute knigi, dokumenta i pis'ma [Exhibition on the history of the encyclopedia at the Institute of Book, Document and Letter]. In: *Trudy Instituta knigi, dokumenta i pis'ma* [Proceedings of the Institute of Book, Document and Letter]. Leningrad. pp. 68–72.
2. Kaufman, I.M. (1937) *Slovari i entsiklopedii. Bibliograficheskiy ukazatel'* [Dictionaries and encyclopedias. Bibliographic index]. Vol. 1. Moscow.
3. Kaufman, I.M. (1960) *Russkie entsiklopedii. Obshchie entsiklopedii* [Russian encyclopedias. General encyclopedias]. Moscow.
4. Kuybyshev, V.V. (1926) Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia]. *Ogonek*. 19. p. 12.
5. *Izvestiya*. (1926) Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya (Beseda s glavnym redaktorom BSE tov. O.Yu. Shmidtom) [Great Soviet Encyclopedia (Conversation with the editor-in-chief of the Great Soviet Encyclopedia, comrade O.Yu. Schmidt)]. 9 April. pp. 3.
6. Vol'fon, M.B. (1926) Izdatel'stvo BSE uluchshaetsya [Great Soviet Encyclopedia Publishing is improving]. *Zhurnalists*. 12. pp. 69–70.
7. Vol'fon, M.B. (1927) K istorii nashey knizhnoy kul'tury [On the history of our book culture]. *Zhurnalists*. 5.
8. Vol'fon, M.B. (1926) Entsiklopediya proletarskogo stroitel'stva [Encyclopedia of proletarian construction]. *Zhurnalists*. 11. pp. 34–38.
9. *Pravda*. (1929) Dela i dni Bol'shoy sovetskoy entsiklopedii [Deeds and days of the Great Soviet Encyclopedia]. 15 marta. pp. 3.
10. Zhdanovich, G.A. (1928) *Tekhnicheskoe oformlenie sovetskoy entsiklopedii* [Technical design of the Soviet encyclopedia]. Moscow: AO "Sovetskaya entsiklopediya".
11. Konstantinov, D. (1947) Nabroski po istorii entsiklopediy. Trudy Instituta knigi, dokumenta i pis'ma AN SSSR [Outlines of the history of encyclopedias. Works of the Institute of Book, Document and Letter of the USSR Academy of Sciences]. *Sovetskaya bibliografiya*. IV. p. 152.
12. Fomin, A.G. (1934) MSE – leksicheskiy sostav, soderzhanie i konstruktsiya [Small Soviet Encyclopedia – lexical composition, content and design]. *Trudy Instituta knigi, dokumenta i pis'ma*. 3 (2). pp. 73–86.
13. Tonkova, R.M. (1934) Opyt analiza MSE [Experience of Small Soviet Encyclopedia analysis]. *Trudy Instituta knigi, dokumenta i pis'ma*. 3 (2). pp. 67–72.
14. Maleinin, A.I. (1934) Malaya sovetskaya entsiklopediya [Small Soviet Encyclopedia]. *Trudy Instituta knigi, dokumenta i pis'ma*. 3 (2). pp. 105–114.
15. Petrov, F.N. (1960) Pervye sovetskie entsiklopedii [The first Soviet encyclopedias]. *Kniga, issledovaniya i materialy*. 3. pp. 132–138.
16. Revn, A.I. (1917–1964) Spravochnaya literatura [Reference literature]. In: Revn, A.I., Shmushkis, Yu.E. & Gal'minas, V.A. *400 let russkogo knigopchataniya. 1564–1964* [400 years of Russian book printing. 1564–1964]. Vol. 2. Moscow: USSR AS.
17. Revn, A.I. & Shmushkis, Yu.E. (1967) Entsiklopedii i spravochniki [Encyclopedias and reference books]. In: *Pechat' SSSR za 50 let: stat. Ocherki* [Printing of the USSR for 50 years: Essays]. Moscow: Kniga.
18. Vvedenskiy, B. & Shaumyan, D. (1964) Sovetskie entsiklopedii [Soviet encyclopedias]. *Pravda*. 24 August. p. 3.
19. Shaumyan, L. (1966) Sovremennye sovetskie entsiklopedii [Modern Soviet encyclopedias]. *Sovetskaya pechat'*. 4. pp. 48–50.
20. *Pravda*. (1967) Novoe izdanie BSE [New edition of the Great Soviet Encyclopedia]. 21 maya. pp. 2.
21. El'kovich, Ya.R. (1931) K vykhodu "Ural'skoy sovetskoy entsiklopedii" [To the release of the Ural Soviet Encyclopedia]. *Ural'skiy kommunist*. 16. pp. 64.

22. Basov, M. (1930) Sibirskaya entsiklopediya [Siberian Encyclopedia]. *Nashi dostizheniya*. 5. pp. 30–35.
23. Livshits, S.G. (1969) Pervaya Sovetskaya kraevaya entsiklopediya [The First Soviet Regional Encyclopedia]. In: *Iz istorii knigi, bibliotchnogo dela i bibliografii v Sibiri* [From the History of Books, Librarianship and Bibliography in Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 36–50.
24. Koptelov, A., Okladnikov, A.P. & Soskin, V. (1972) Eshche raz o Sibirskoy sovetskoy entsiklopedii [Once again about the Siberian Soviet Encyclopedia]. *Sibirskie ogni* (Novosibirsk). 5. pp. 181–185.
25. Pavlova, I.V. (1983) Iz istorii sozdaniya SSE [From the history of the creation of the Siberian Soviet Encyclopedia]. In: Posadskov, A.L. (ed.) *Knizhnoe delo v Sibiri i Dal'nego Vostoka v gody stroitel'stva sotsializma* [Book business in Siberia and the Far East during the years of building socialism]. Novosibirsk: SB USSR AS. pp. 41–53.
26. Skipina, I.V. (2021) Pod imenem "S.V.": ischeznovenie familii v avtorskikh stat'yakh S.V. Bakhrushina v "Sibirskoy sovetskoy entsiklopedii" [Under the name "S.V.": the disappearance of the surname in the author's articles of S.V. Bakhrushin in the Siberian Soviet Encyclopedia]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 6 (86). pp. 61–66.
27. Shmidt, O.Yu. (1978) K projektu sozdaniya "Bol'shoy Sovetskoy Entsiklopedii" [On the project of creating the Great Soviet Encyclopedia]. In: Dinershteyn, E.A. & Gol'tsevalz, E.V. *Izdatel'skoe delo v SSSR. Sbornik dokumentov i materialov* [Publishing in the USSR. Collection of documents and materials]. Moscow: Kniga. pp. 29–31.
28. Lenin, V.I. (1965) *Polnoe sobranie sotsinenyi* [Complete works]. Vol. 51. Moscow: Gospolitizdat. pp. 122–123.
29. Dinershteyn, E.A. & Gol'tsevalz, E.V. (1978) Iz postanovleniya TsK RKP(b) "Glavneyshie ocherednye zadachi partii v oblasti pechati" ot 6 fevralya 1924 g. [From the resolution of the Central Committee RCP(b) "The most important immediate tasks of the Party in the field of printing" from February 6, 1924]. In: *Izdatel'skoe delo v SSSR. Sbornik dokumentov i materialov* [Publishing in the USSR. Collection of documents and materials]. Moscow: Kniga. p. 16.
30. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R395. List 9. File 110. Pages 24, 28; File 124. Pages 15–16.
31. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R395. List 9. File 124. Pages 7, 15–16; File 119a. Page 87; File 120. Page 176.
32. Aleksandrov, P.S. & Kogan, Ya.B. (eds) (1959) *Shmidt O.Yu.: Zhizn' i deyatel'nost'* [Schmidt O.Yu.: Life and work]. Moscow: USSR AS.
33. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5257. List 2. File 572.
34. Shmidt, O.Yu. (ed.) (1926) Ot redaktsii [From the editors]. In: *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. p. 5.
35. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R395. List 9. File 52.
36. Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 17. List 163. File 546. Page 60.
37. Naskoryakov, N.N. (1930) Strana entsiklopediy [The Land of Encyclopedias]. *Nashi dostizheniya*. 5. pp. 22–28.
38. Markus, V.A. (1930) O chitatele BSE i chitatele' o BSE [About the Reader of the Great Soviet Encyclopedia and the Reader About the Great Soviet Encyclopedia]. *Nauchnoe slovo*. 2. pp. 103–113.
39. *Kul'tura i zhizn'*. (1949) O vykhode vtorogo izdaniya BSE [On the release of the second edition of the Great Soviet Encyclopedia]. 20 February. p. 1.
40. Kaminskaya, N. (ed.). (1961) O ser'eznykh nedostatkakh v podbore avtorov statey BSE [On serious shortcomings in the selection of authors for the Great Soviet Encyclopedia articles]. In: *Sovetskaya pechat' v dokumentakh. Sbornik dokumentov* [Soviet press in documents. Collection of documents]. Moscow: Goz. izd-vo polit. lit-ry. pp. 270–271.
41. *Pravda*. (1959) *Mnogotomnyy svod nauchnykh znaniy* [Multi-volume collection of scientific knowledge]. 24 August. pp. 2–3.
42. *Pravda*. (1967) O vypuske tret'ego izdaniya BSE [On the release of the third edition of the Great Soviet Encyclopedia]. 18 March. p. 2.
43. Danilova, L.Yu. (2000) Iz istorii nazvaniya entsiklopedii Dal'nevostochnogo kraya [From the history of the name of the Far Eastern Region Encyclopedia]. *Vestnik DVNGB*. 4. pp. 48–65.
44. Documentation Center of Public Organizations of Sverdlovsk Oblast. Fund 4. List 8. File 673. Page 25.

Информация об авторе:

Чернышев А.А. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия).
E-mail: a.a.chernyshev@utmn.ru. ORCID: 0000-0002-5904-8936

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Chernyshev, Cand. Sci. (History), associate professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: a.a.chernyshev@utmn.ru. ORCID: 0000-0002-5904-8936

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.11.2023;
одобрена после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 25.11.2023;
approved after reviewing 25.01.2024; accepted for publication 30.04.2024.

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 373.24
doi: 10.17223/15617793/501/17

Применение нетрадиционного спортивного оборудования на физкультурных занятиях с детьми дошкольного возраста

Елена Анатольевна Аканеева^{1, 2}

¹ Муниципальное автономное дошкольное образовательное учреждение № 99, Томск, Россия

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
^{1, 2} Elenaakaneeva@yandex.ru

Аннотация. Направленность исследования состоит в оценке эффективности применения нетрадиционного спортивного оборудования степ-платформ на физкультурных занятиях с детьми 6–7 лет в условиях дошкольного образовательного учреждения. Данные, полученные в результате педагогического эксперимента, позволяют сделать вывод о том, что разработанная методика физического воспитания повысила интерес дошкольников к выполнению физических упражнений и оказала эффективное влияние на развитие координационных и скоростно-силовых способностей, выносливости, гибкости и быстроты детей 6–7 лет.

Ключевые слова: физическое воспитание, нетрадиционные подходы, инновационные технологии, степ-платформы, дети дошкольного возраста

Для цитирования: Аканеева Е.А. Применение нетрадиционного спортивного оборудования на физкультурных занятиях с детьми дошкольного возраста // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 147–153. doi: 10.17223/15617793/501/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/17

The use of non-traditional sports equipment in the physical education of preschool children

Elena A. Akaneeva^{1, 2}

¹ Kindergarten No. 99, Tomsk, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
^{1, 2} Elenaakaneeva@yandex.ru

Abstract. In recent years, there has been a decrease in preschool children's motor activity, which negatively affects their health. To increase children's interest in physical education and their need for systematic physical activity, it is essential to develop new approaches and effective physical culture and wellness techniques containing non-traditional methods, tools, forms of organization, and sports equipment. In the course of the study, the document regulating the activities of preschool educational institutions and containing requirements for the subject-spatial environment was analyzed; scientific articles on topical issues of physical education were studied. This work summarizes and systematizes information on the use of non-traditional means, methods, forms of organization and sports equipment in the physical education of preschool children, which is the theoretical significance of the work. The aim of the study is to evaluate the effectiveness of the use of non-traditional sports equipment – step platforms – in the physical education of children aged 6–7 in a preschool educational institution. The experimental work was carried out on the basis of Kindergarten No. 99 in Tomsk from September 2022 to May 2023. The sports hall of this institution is equipped with various equipment, including step platforms, which have been used in physical education classes with children for 4–5 years (“middle” group). The study involved 30 children: 15 children in the control group, with 8 boys and 7 girls, and 15 children in the experimental group (8 boys and 7 girls). The experimental group was engaged in physical education according to the developed training methodology based on performing exercises using step platforms. The control group was engaged in the standard physical education program for preschool institutions. Pedagogical testing was conducted at the beginning and at the end of the study to diagnose the development of preschoolers' basic physical qualities. Summing up the results of the work, it should be noted that the use of experimental methods in physical education classes in a preschool educational institution had an effective impact on the development of coordination and speed–strength abilities, endurance, flexibility and speed of children aged 6–7. In addition, the use of this equipment has brought variety to physical education classes, which has helped to increase preschoolers' interest in performing physical exercises.

Keywords: physical education, non-traditional approaches, innovative technologies, step platforms, preschool children

For citation: Akaneeva, E.A. (2024) The use of non-traditional sports equipment in the physical education of preschool children. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 147–153. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/17

Введение. В настоящее время наблюдается ухудшение состояния здоровья и снижение уровня двигательной активности дошкольников. А ведь дошкольный период является важным этапом в жизни каждого человека, так как в этом возрасте закладываются основы правильного физического развития, происходит становление двигательных способностей, формируется интерес к физической культуре и спорту, проявляются личностные качества [1]. Поэтому перед родителями и педагогами встает задача с раннего возраста обеспечить у детей потребность в регулярных физических упражнениях и мотивацию к здоровому образу жизни [2].

Н.М. Антипина считает, что на сегодняшний день актуальна разработка новых эффективных методик физического воспитания дошкольников, содержащих средства, методы, и формы, которые будут способствовать повышению интереса к физкультурным занятиям, созданию положительного эмоционального фона, активизации двигательной деятельности и комплексному развитию физических качеств [3].

Герасимова Н.А., Кутуева Л.М. утверждают, что для эффективности физического воспитания дошкольников на современном этапе необходима разработка инновационных технологий, которые являются закономерностью в развитии дошкольного образования. Благодаря новым стабильным элементам (новшества) в педагогической практике данные технологии вносят существенные изменения в работу учреждения, в деятельность и стиль мышления сотрудников. Инновации подразумевают новые методы, формы, средства, оборудование, технологии, ориентированные на личность ребенка, на развитие его способностей [4].

Но какие средства, методы, формы организации и спортивное оборудование можно использовать в физическом воспитании дошкольников?

Для ответа на данный вопрос необходимо, в первую очередь, обратиться к документу, регламентирующему деятельность дошкольных образовательных учреждений – Федеральному государственному образовательному стандарту для дошкольного образования. В нем содержатся требования к предметно-пространственной среде, согласно которым она должна обеспечивать реализацию образовательных задач и соответствовать возрастным особенностям детей. В п. 3.3.4 образовательного стандарта перечислены следующие основные характеристики материалов, оборудования и спортивного инвентаря для дошкольного образовательного учреждения: насыщенность, трансформируемость, полифункциональность, вариативность, доступность и безопасность [5].

Насыщенность включает в себя разнообразие предметно-пространственной среды, которая должна обеспечить двигательную активность, развитие крупной и мелкой моторики, участие в подвижных играх

и соревнованиях. Трансформируемость пространства предполагает возможность изменения оборудования и инвентаря в зависимости от образовательной ситуации, в том числе от меняющихся интересов и возможностей детей. Полифункциональность материалов подразумевает разнообразие в использовании всех предметов и оборудования (детской мебели, матов, мягких модулей и т.д.) [5].

Вариативность среды закрепляет наличие различных материалов, игр, игрушек и оборудования, обеспечивающих свободный выбор детей, периодическую сменяемость игрового оборудования, появление новых предметов, направленных на повышение игровой, двигательной, познавательной и исследовательской активности детей. Доступность заключается в исправности и сохранности материалов и инвентаря, которыми при желании могут воспользоваться воспитанники. Элементы предметно-пространственной среды должны быть надежны и безопасны в использовании [5].

Пункт 3.3.5 образовательного стандарта закрепляет за дошкольным учреждением право самостоятельного выбора средств обучения, игрового, спортивного, оздоровительного оборудования и инвентаря, которые направлены на выполнение задач физического воспитания [5].

В связи с этим современные педагоги имеют возможность творчески подходить к организации физического воспитания дошкольников, вовлекая в свою работу нетрадиционные для дошкольного учреждения средства, методы, формы организации и спортивное оборудование.

Однако исследователи отмечают, что многие педагоги при организации физического воспитания опираются на достижения советской системы в данной области. Актуальными на сегодняшний день работами по формированию двигательных навыков у дошкольников остаются исследования А.В. Кенеман, Д.В. Хухлаевой, Т.И. Осокиной, М.А. Руновой, Е.Н. Вавиловой [6].

Е.С. Ачинович считает, что отечественная система физического воспитания является эффективной, но для другого поколения, не все современные дети будут в ней успешны. Перед инструктором по физическому воспитанию стоит непростая задача в выборе инвентаря для занятий, который должен быть удобен в использовании, привлекать внимание детей, прогрессивно влиять на развитие физических качеств занимающихся. Автор предлагает для разнообразия занятий по физической культуре применять координационную лестницу, которая не только оказывает положительное влияние на развитие основных физических качеств, особенно координационных способностей, но и помогает ребенку справиться со скованностью и малопо подвижностью [7]. С.Б. Шарманова и О.А. Новоселова в

своем исследовании определяют преимущества данного нетрадиционного спортивного инвентаря: компактность, доступность, возможность многообразия упражнений (с музыкальным сопровождением и без него), эффективность в развитии двигательных качеств, заинтересованность детей в физкультурных занятиях [8].

О.И. Якубовская и Н.И. Романенко считают, что на здоровье дошкольников и их двигательную активность влияют не только генетический фактор, социальные проблемы, состояние образовательной среды, но и недостаточно эффективная система физкультурно-оздоровительной деятельности в дошкольных учреждениях и в семье. Однообразие традиционных занятий современного дошкольного образования не обеспечивает необходимой потребности детей в движении и снижает их интерес к физической культуре. По мнению специалистов, решению данной проблемы может способствовать разработка и применение современных физкультурно-оздоровительных технологий в физическом воспитании дошкольников [9]. Авторы предлагают применять на занятиях степ-аэробику и фитбол-аэробику, которые повысят не только физическую подготовленность, но и уровень двигательной активности ребенка в течение дня [9, 10].

Н.М. Антипина, С.А. Гусева, С.И. Карабаева и Н.В. Нотенко считают, что обеспечить устойчивый интерес, потребность к регулярным физическим упражнениям, мотивацию к здоровому образу жизни детей помогут физкультурные занятия с нетрадиционным подходом к их построению и содержанию. Нетрадиционность подразумевает внедрение новейших методов, средств, приёмов организации детей, нестандартного для дошкольного учреждения спортивного оборудования, появление новшеств в традиционной форме построения занятия [2, 3, 6]. С.А. Гусева предлагает проводить физическое воспитание в форме театрализованной игры, где каждый ребенок выступает в определенной роли (животного, птицы, насекомого, героя сказки и др.). Во время таких занятий можно применять другие физкультурные технологии – дыхательную, звуковую, пальчиковую гимнастику, точечный массаж, релаксацию, гимнастику для глаз, фитбол-гимнастику и др. [2].

С.И. Карабаева и Н.В. Нотенко предлагают внести разнообразие в занятия с помощью новых форм организации: игры-эстафеты, занятия-тренировки, игровой стретчинг, музыкально-ритмическая гимнастика [6].

Нетрадиционными для детей данного возраста являются упражнения с применением мягких модулей, которые можно использовать во время ходьбы, беговых и общеразвивающих упражнений, подвижных игр и эстафет. Мягкие модули могут выступать ориентиром при построении и перестроении или целью при метании мяча (мешочка). Если в «круговую тренировку» включить данное нестандартное оборудование, то занятие в спортивном зале детьми воспринимается как праздник. Модули помогают разнообразить организацию и содержание физкультурных занятий, что спо-

собствует повышению интереса и желания к выполнению физических упражнений, а также развитию основных физических качеств и потребности в занятиях [11, 12].

Нетрадиционной в работе с дошкольниками является «круговая тренировка». С.Б. Шарманова использует данный метод организации в физическом воспитании детей старшего дошкольного возраста и считает его эффективным за счет применения технологий спортивной тренировки. Автор представила три варианта круговой тренировки: по типу непрерывного длительного упражнения (непрерывно-поточный вариант с умеренной интенсивностью, без пауз отдыха); по типу интервального упражнения с напряженными интервалами отдыха – в режиме интервальной работы субмаксимальной и переменной интенсивности (с очень короткими интервалами между «станциями»); по типу интервального упражнения с ординарными (полными) интервалами отдыха (серийное выполнение упражнений чередуется с полными интервалами отдыха между ними) [13].

Таким образом, для успешной реализации задач физического воспитания, мотивации детей к здоровому образу жизни, формированию их интереса к систематическим занятиям физическими упражнениями современные педагоги имеют огромный выбор средств, методов, форм организации и спортивного оборудования.

Цель данного исследования – оценить эффективность применения нетрадиционного спортивного оборудования степ-платформ на физкультурных занятиях с детьми 6–7 лет в условиях дошкольного образовательного учреждения.

Исходя из поставленной цели, были проанализированы научные работы современных педагогов, которые применяют степ-платформы в своей практике; с учетом их опыта разработана методика занятий физическими упражнениями с применением данного нестандартного оборудования.

М.В. Антипина и А.А. Дьячкова степ-платформу на занятии используют во всех трех частях; их методика основана на комплексном применении гимнастических упражнений и подвижных игр. Вводная часть содержит строевые, циклические упражнения, подвижные игры (малой и средней интенсивности) и др. Основная часть состоит из общеразвивающих упражнений (степ-шаги), динамических упражнений, укрепляющих различные группы мышц, подвижных игр высокой интенсивности. Заключительная часть включает дыхательные и расслабляющие упражнения, средства для развития гибкости и др [3, 14].

А.Д. Иванов и С.С. Иванова считают, что занятия со степ-платформами способствуют сохранению интереса детей к выполнению физических упражнений, развитию координационных способностей (равновесия, чувство ритма, пространственно-временные ощущения). Авторами разработана методика физического воспитания, основанная на применении средств степ-аэробики и подвижных игр. Основная часть занятий содержит сложно-координационные упражнения,

упражнения, способствующие развитию силы и выносливости дошкольников, а также различные полосы препятствий, выполняемые со степ-платформами. Авторы подчеркивают, что при выборе высоты платформы необходимо учитывать рост и физические возможности ребят. Для работы со старшими дошкольниками рекомендовано использовать степы высотой до 15 см и шириной 25 см, их поверхность не должна быть скользкой [15].

Е.В. Капитанова и Д.М. Воронин для развития координационных способностей у детей 6–7 лет наряду со средствами степ-аэробики используют фитбол-гимнастику. Выполнение упражнений на уменьшенной площади опоры благоприятно сказывается на развитии устойчивого равновесия, уверенности, ориентирования в пространстве, точности движений. Средства степ-аэробики способствуют развитию пространственных ориентировок (влево, вправо, вперед, назад), временных ориентировок (темп, ритм, продолжительность удержания позы) и силовых дифференцировок (прыжки на, через, со степа). Кроме того, занятия с данным спортивным инвентарем, укрепляя костно-мышечный корсет, формируют правильную осанку и свод стопы [16].

О.В. Муковнина, Н.А. Зиневич, Л.А. Погодина и В.М. Ериков с целью избегания однообразия и усредненного подхода к физкультурному процессу, а также преодоления отсутствия интереса к физическим упражнениям у детей 5–6 лет рекомендуют совмещать элементы игрового стретчинга и степ-аэробики. Стретчинг вовлекает в работу все мышцы и суставы организма, что способствует успешному их развитию. На занятии или во время утренней гимнастики проводится сказка-игра под музыку, в которой дети превращаются в различных животных, насекомых и т.п., выполняя сложные движения. По мнению авторов, это является отличной профилактикой сколиоза и плоскостопия. Авторы утверждают, что занятия степ-аэробикой с элементами игрового стретчинга повышают интерес детей 5–6 лет к физическим нагрузкам. Благодаря упражнениям на уменьшенной площади опоры формируется устойчивое равновесие, развивается уверенность, способность к ориентированию в пространстве, совершенствуется общая выносливость и точность движений [17].

В.В. Борисова, Н.С. Солнцева и Т.В. Ефимова для развития координационных способностей внедрили в структуру физкультурных занятий упражнения из аэробики на степ-платформе «Рибок Изитон». Авторы включили в занятия движения, правильное выполнение которых зависит от активной работы крупных мышечных групп (выпады, прыжки, махи, наклоны, и т.п.). Структура движений во время выполнения упражнений аэробики имеет два вида: упражнения статического характера и упражнения динамического характера, связанные с перемещением тела в пространстве. В зависимости от задач конкретного занятия педагоги используют разнообразные методы обучения движениям (объяснение, показ, метод строго регламентированного и частично регламентированного упражнения, игровой и соревновательный методы) и

способы организации физкультурных занятий (групповой, фронтальный, поточный) [18].

Материалы и методы. Организация исследования проводилась на базе детского сада № 99 г. Томска с сентября 2022 г. по май 2023 г. Спортивный зал данного учреждения оснащен различным оборудованием, в том числе и степ-платформами, которые применяются на занятиях физическим воспитанием с детьми 4–5 лет (средняя группа). Степ-платформы представляют собой мини-атюрные скамейки (ширина 25 см, высота 15 см, длина 55 см), которые могут использоваться всей группой либо индивидуально каждым ребенком.

Для оценки эффективности применения степ-платформ в физическом воспитании детей 6–7 лет был проведен педагогический эксперимент.

В исследовании принимали участие 30 детей в возрасте 6–7 лет: 15 детей в контрольной группе (8 мальчиков и 7 девочек), и 15 детей в экспериментальной группе (8 мальчиков и 7 девочек). Экспериментальная группа занималась физическим воспитанием по разработанной методике, контрольная группа занималась по стандартной программе физического воспитания для дошкольных учреждений.

Для диагностики двигательной подготовленности проводилось педагогическое тестирование физических качеств дошкольников. Экспериментальные данные подвергались методам математической обработки с целью определения среднего арифметического показателя, стандартного отклонения, достоверности различий по критерию Стьюдента.

Результаты исследования. На основе проведенного обзора и анализа научной и учебно-методической литературы, изучения опыта работы инструкторов по физическому воспитанию в дошкольных учреждениях, педагогических наблюдений была разработана методика занятий, основанная на выполнении упражнений с применением степ-платформ.

Чтобы исключить однообразие физических упражнений, данный спортивный инвентарь применялся как на протяжении всего занятия, так и в определенной его части. Кроме того, одновременно со степами использовались мячи, мешочки, гантели, обручи, что положительно сказывалось на проявлении интереса детей к выполнению упражнений.

В подготовительной части занятия степ-платформы применялись в качестве ориентира или препятствия во время ходьбы (перешагивание, ходьба спиной вперед, на носочка, на пяточках) и бега (змейкой, с прыжками, с высоким подниманием бедра и др.). Данное оборудование позволяло быстро перестроить группу детей в две или три колонны, что способствовало увеличению времени на выполнение физических упражнений и сохранению высокой моторной плотности.

В основной части занятия при выполнении стандартных упражнений с гантелями, обручами, мячами, мешочками степы вносили разнообразие. Стоя на платформах, дети совершенствовали способности удержания статического и динамического равновесия. Данное оборудование применялось в упражнениях статического характера – стойка на одной ноге, на двух ногах с различным положением рук, которые

усложнялись удержанием мешочка (на голове, колене, стопе, ладонях, запястьях), мяча или обруча (над головой, перед собой, за спиной). С мешочком, мячом, обручем и платформами упражнения были и динамического характера – перешагивание, ходьба, прыжки (через степ, на степ, со степа) и т.д.

Для развития ловкости вводились упражнения на степ-платформах с мячами различных размеров (подбрасывание, ловля, отбивание одной или двумя руками). При обучении ведению баскетбольного мяча дети обходили степ как индивидуально, когда каждый ребенок работал с одним степом, так и всей группой, обходя степы по очереди зигзагом или змейкой. Это оборудование применялось и при выполнении элементов из футбола.

Степ-платформы использовались и при выполнении упражнений на развитие силовой выносливости (например, разучивание и совершенствование упражнения сгибание и разгибание рук в упоре лежа). Данное оборудование помогло дошкольникам правильно понять технику выполнения этого упражнения, так как степ был ориентиром при касании грудью во время сгибания рук. Также с помощью степ-платформ выполнялись упражнения для развития мышц брюшного пресса: подъемы ног (поочередно левой и правой, одновременно обеих ног), движения ног под углом от поверхности степа («ножницы», «велосипед» и др.), подъемы туловища и др.

Во время упражнений для развития гибкости, которые выполнялись в конце основной части занятий, данное оборудование способствовало увеличению амплитуды движений. Наклоны выполнялись стоя или сидя

на платформе с различным положением ног, что положительно отразилось на вестибулярной устойчивости дошкольников. Для разнообразия и усложнения данных упражнений дополнительно использовались мячи и мешочки.

Степ-платформы применялись во время «круговой тренировки». Варианты упражнений с данным инвентарем разнообразны – прыжки на платформу (на одной или двух ногах), перепрыгивания, удержание равновесия, сгибание и разгибание рук в упоре лежа, подъем ног из положения сидя, различные наклоны, упражнения с мячом или мешочком и другие. Подвижные игры, знакомые детям, усложнялись или дополнялись новым заданием со степ-платформой. Данный инвентарь использовался при проведении эстафет. Ребята их обегали, обходили, перепрыгивали, как с предметами в руках, так и без них.

В заключительной части занятия дети выполняли дыхательные, идеомоторные, расслабляющие упражнения, сидя или лежа на платформе, что являлось новым элементом в традиционных моментах.

До и после педагогического эксперимента в контрольной и экспериментальной группах было проведено педагогическое тестирование двигательной подготовленности, результаты которого представлены в таблице. Педагогическое наблюдение за детьми 6–7 лет на протяжении всего исследования выявило повышенный интерес дошкольников к посещению физкультурных занятий с использованием нестандартного спортивного инвентаря (степ-платформ), их стремление к правильному выполнению новых упражнений и, как следствие, прогрессивное развитие физических качеств.

Диагностика двигательной подготовленности детей 6–7 лет

Тест	Результаты КГ		Результаты ЭГ	
	До эксперимента	После эксперимента	До эксперимента	После эксперимента
Челночный бег 3×6, м	8,3 ± 0,5	8,1 ± 0,7	8,2 ± 0,6	7,8 ± 1,0*
Отбивание мяча от пола, количество раз	42,6 ± 5,2	47,4 ± 0,3	40,7 ± 6,5	53,5 ± -6,3*
Сохранение статического равновесия, с	26,4 ± 2,8	28,2 ± 1,0	28 ± 1,2	35,7 ± -4,5*
Прыжок в длину с места, см	102,5 ± 18,1	114,5 ± 6,1	106,6 ± 14,6	123,1 ± -1,9*
Метание набивного мяча 1 кг, см	232,6 ± 37,4	273,6 ± -3,4	241,3 ± 28,6	302,7 ± -30,5*
Подъем туловища из положения лежа на спине (30 с), количество раз	16,5 ± 4,5	17,1 ± 3,9	15,3 ± 5,7	18,1 ± 2,9*
Бег 120 м, с.	30,8 ± 2,2	30,4 ± 2,6	32,2 ± 0,8	28,8 ± -2,2*
Наклон вперед из положения «сидя», см	6,8 ± 1,2	6,9 ± 1,1	7,2 ± 0,8	8,2 ± -0,2*
Бег 30 м, с	8,5 ± 0,4	8,0 ± -0,1	8,3 ± 0,2	7,6 ± -0,5*

* Статистически значимое различие между показателями по сравнению с КГ, $p < 0,05$.

Выводы. Согласно данным таблицы, в тестах, оценивающих координационные способности (челночный бег 3×6, отбивание мяча от пола, сохранение статического равновесия), скоростно-силовые способности (прыжок в длину с места, метание набивного мяча, подъем туловища из положения лежа на спине), выносливость (бег 120 м), гибкость (наклон вперед из положения «сидя»), быстроту (бег 30 м), экспериментальная

группа превысила результаты контрольной группы. Внедрение нетрадиционного спортивного оборудования степ-платформ оказало эффективное влияние на развитие физических качеств детей 6–7 лет. Кроме того, использование данного инвентаря внесло разнообразие в физкультурные занятия, что сказалось на повышении интереса у дошкольников к выполнению физических упражнений.

Список источников

1. Федоровская О.М., Бабенкова Е.А. Здоровьесберегающие аспекты использования образовательных технологий в системе физического воспитания дошкольников // Сборник конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 24. С. 162–180.
2. Гусева С.А. Нетрадиционные подходы к проведению физкультурных занятий в детском саду // Международный студенческий научный вестник. 2019. № 2. С. 33–39.

3. Антипина М.В. Фитнес-технологии в физическом воспитании дошкольников // Физическое воспитание, спорт, физическая реабилитация и рекреация: проблемы и перспективы развития : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск : Изд-во Сиб. гос. ун-та науки и технологий, 2019. С. 211–215.
4. Герасимова Н.А., Кутуева Л.М. Использование инновационных технологий в физическом воспитании дошкольников // Физическая культура: современные тенденции, актуальные проблемы и перспективы развития : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Самара : Изд-во ООО «Науч.-техн. Центр», 2022. С. 20–25.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт «Дошкольное образование» : утв. приказом Министерства образования и науки Рос. Федерации от 17 окт. 2013 г. № 1155. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-do> (дата обращения: 14.12.2023).
6. Карабаева С.И., Нотенко Н.В. Нетрадиционные физкультурные занятия как средство повышения интереса к физической культуре детей старшего дошкольного возраста // Новая наука: стратегии и векторы развития. 2016. № 1–2(58). С. 137–140.
7. Ачинович Е.С. Развитие координационных способностей детей дошкольного возраста посредством нетрадиционного оборудования на занятиях по физической культуре // Современные ориентиры и проблемы дошкольного и начального образования : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Барнаул : Изд-во Алтайск. гос. пед. ун-та, 2021. С. 338–342.
8. Шарманова С.Б., Новоселова О.А. Применение координационной лестницы в процессе физического воспитания детей старшего дошкольного возраста // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2020. № 4. С. 64–71.
9. Якубовская О.И., Романенко Н.И. Методика повышения физической подготовленности и двигательной активности дошкольников на основе физкультурно-оздоровительных технологий // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2018. № 10 (164). С. 358–362.
10. Шевченко В.С. Фитбол-гимнастика как современное инновационное средство физического воспитания дошкольников // Наука и образование: новое время. 2016. № 5 (16). С. 610–614.
11. Аканеева Е.А., Беженцева Л.М. Использование мягких модулей на занятиях физическим воспитанием с детьми дошкольного возраста // Актуальные вопросы физической культуры и спорта : материалы XXIV Всерос. науч.-практ. конф. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2021. С. 10–12.
12. Юрченя И.Н., Житко З.М. Инновационные направления научных исследований в развитии двигательной сферы дошкольников // Сборник конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 56. С. 59–62.
13. Шарманова С.Б. Круговая тренировка в физическом воспитании детей старшего дошкольного возраста. М. : Советский спорт, 2004. 120 с.
14. Дьячкова А. А. Методические особенности применения средств степ-аэробики в процессе физического воспитания у дошкольников // Человек, здоровье, физическая культура и спорт в изменяющемся мире : материалы XXI студенч. науч.-практ. конф. Чита : Изд-во Забайк. гос. ун-та, 2019. С. 76–80.
15. Иванов А.Д., Иванова С.С. Методика развития координационных способностей у детей старшего дошкольного возраста // Вопросы педагогики. 2021. № 6-1. С. 135–138.
16. Капитанова Е.В., Воронин Д.М. Влияние степ-аэробики и фитбол-гимнастики на развитие координационных способностей у детей 6–7 лет // Современные здоровьесберегающие технологии. 2016. № 2 (3). С. 59–70.
17. Муковнина О.В., Зиневич Н.А., Погодина Л.А., Ериков В.М. Элементы игрового стретчинга с применением степ-платформ в физическом воспитании дошкольников // Вопросы физической культуры и спорта в современном социуме : сб. материалов Межрег. науч.-практ. конф. Рязань : Изд-во Рязан. гос. ун-та, 2022. С. 82–87.
18. Борисова В.В., Солнцева Н.С., Ефимова Т.В. Методика применения в физическом воспитании старших дошкольников упражнений на степ-платформе «Рибок Изитон» // Университет XXI века: научное измерение : материалы науч. конф. Тула : Изд-во Тульс. гос. пед. ун-та, 2017. С. 324–326.

References

1. Fedorovskaya, O.M. & Babenkova, E.A. (2014) Zdorov'esberegayushchie aspekty ispol'zovaniya obrazovatel'nykh tekhnologiy v sisteme fizicheskogo vospitaniya doshkol'nikov [Health-preserving aspects of the use of educational technologies in the system of physical education of preschoolers]. *Sbornik konferentsiy NITs Sotsiosfera*. 24. pp. 162–180.
2. Guseva, S.A. (2019) Netraditsionnye podkhody k provedeniyu fizkul'turnykh zanyatiy v detskom sadu [Non-traditional approaches to conducting physical education classes in kindergarten]. *Mezhdunarodnyy studencheskiy nauchnyy vestnik*. 2. pp. 33–39.
3. Antipina, M.V. (2019) [Fitness technologies in physical education of preschoolers]. *Fizicheskoe vospitanie, sport, fizicheskaya reabilitatsiya i rekreatsiya: problemy i perspektivy razvitiya* [Physical education, sports, physical rehabilitation and recreation: problems and prospects of development]. Proceedings of the International Conference. Krasnoyarsk: Siberian state University of Science and Technology. pp. 211–215. (In Russian).
4. Gerasimova, N.A. & Kutueva, L.M. (2022) [Use of innovative technologies in physical education of preschoolers]. *Fizicheskaya kul'tura: sovremennye tendentsii, aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya* [Physical education: modern trends, current problems and development prospects]. Conference Proceedings. Samara: Izd-vo ООО «Nauch.-tekhn. tsentr». pp. 20–25. (In Russian).
5. Fgos.ru. (2013) *Federal State Educational Standard "Preschool education": approved. by order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated October 17, 2013, No. 1155*. [Online] Available from: <https://fgos.ru/fgos/fgos-do> (Accessed: 14.12.2023).
6. Karabaeva, S.I. & Notenko, N.V. (2016) Netraditsionnye fizkul'turnye zanyatiya kak sredstvo povysheniya interesa k fizicheskoy kul'ture detey starshego doshkol'nogo vozrasta [Non-traditional physical education classes as a means of increasing interest in physical education of senior preschool children]. *Novaya nauka: strategii i vektory razvitiya*. 1–2(58). pp. 137–140.
7. Achinovich, E.S. (2021) [Development of coordination abilities of preschool children through non-traditional equipment in physical education classes]. *Sovremennye orientiry i problemy doshkol'nogo i nachal'nogo obrazovaniya* [Modern guidelines and problems of preschool and primary education]. Conference Proceedings. Barnaul: Altai State Pedagogical University. pp. 338–342. (In Russian).
8. Sharmanova, S.B. & Novoselova, O.A. (2020) Primenenie koordinatsionnoy lestnitsy v protsesse fizicheskogo vospitaniya detey starshego doshkol'nogo vozrasta [Use of the coordination ladder in the process of physical education of senior preschool children]. *Fizicheskaya kul'tura. Sport. Turizm. Dvigatel'naya rekreatsiya*. 4. pp. 64–71.
9. Yakubovskaya, O.I. & Romanenko, N.I. (2018) Metodika povysheniya fizicheskoy podgotovlennosti i dvigatel'noy aktivnosti doshkol'nikov na osnove fizkul'turno-ozdorovitel'nykh tekhnologiy [Methodology for improving physical fitness and motor activity of preschoolers based on physical education and health technologies]. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta*. 10 (164). pp. 358–362.
10. Shevchenko, V.S. (2016) Fitbol-gimnastika kak sovremennoe innovatsionnoe sredstvo fizicheskogo vospitaniya doshkol'nikov [Fitball gymnastics as a modern innovative means of physical education of preschoolers]. *Nauka i obrazovanie: novoe vremya*. 5 (16). pp. 610–614.
11. Akaneeva, E.A. & Bezhentseva, L.M. (2021) [Use of soft modules in physical education classes with preschool children]. *Aktual'nye voprosy fizicheskoy kul'tury i sporta* [Topical issues of physical education and sports]. Conference Proceedings. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 10–12. (In Russian).
12. Yurchenya, I.N. & Zhit'ko, Z.M. (2014) Innovatsionnye napravleniya nauchnykh issledovaniy v razvitiy dvigatel'noy sfery doshkol'nikov [Innovative directions of scientific research in the development of the motor sphere of preschoolers]. *Sbornik konferentsiy NITs Sotsiosfera*. 56. pp. 59–62.

13. Sharmanova, S.B. (2004) *Krugovaya trenirovka v fizicheskom vospitanii detey starshego doshkol'nogo vozrasta* [Circuit training in physical education of senior preschool children]. Moscow: Sovetskiy sport.
14. D'yachkova, A.A. (2019) [Methodological features of the use of step aerobics in the physical education of preschoolers]. *Chelovek, zdorov'e, fizicheskaya kul'tura i sport v izmenyayushchemsya mire* [Man, health, physical education and sports in a changing world]. Conference Proceedings. Chita: Transbaikalsk State University. pp. 76–80. (In Russian).
15. Ivanov, A.D. & Ivanova, S.S. (2021) Metodika razvitiya koordinatsionnykh sposobnostey u detey starshego doshkol'nogo vozrasta [Methodology for developing coordination abilities in senior preschool children]. *Voprosy pedagogiki*. 6-1. pp. 135–138.
16. Kapitanova, E.V. & Voronin, D.M. (2016) Vliyaniye step-aerobiki i fitbol-gimnastiki na razvitiye koordinatsionnykh sposobnostey u detey 6–7 let [The influence of step aerobics and fitball gymnastics on the development of coordination abilities in children aged 6–7]. *Sovremennye zdorov'esberegayushchie tekhnologii*. 2 (3). pp. 59–70.
17. Mukovnina, O.V. et al. (2022) [Elements of game stretching using step platforms in physical education of preschoolers]. *Voprosy fizicheskoy kul'tury i sporta v sovremennom sotsiume* [Issues of physical education and sports in modern society]. Conference Proceedings. Ryazan: Ryazan State University. pp. 82–87. (In Russian).
18. Borisova, V.V., Solntseva, N.S. & Efimova, T.V. (2017) [Methodology for the use of exercises on the Reebok EasyTone step platform in physical education of senior preschoolers]. *Universitet XXI veka: nauchnoye izmerenie* [University of the 21st century: scientific dimension]. Conference Proceedings. Tula: Tula State Pedagogical University. pp. 324–326. (In Russian).

Информация об авторе:

Аканеева Е.А. — педагог дополнительного образования Муниципального автономного дошкольного образовательного учреждения № 99 (Томск, Россия); аспирант кафедры теоретических основ и технологий физкультурно-спортивной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Elenaakaneeva@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.A. Akaneeva, teacher of additional education, Kindergarten No. 99 (Tomsk, Russian Federation); postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Elenaakaneeva@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.01.2024;
одобрена после рецензирования 09.04.2024; принята к публикации 30.04.2024.*

*The article was submitted 29.01.2024;
approved after reviewing 09.04.2024; accepted for publication 30.04.2024.*

Научная статья
УДК 372.881.1
doi: 10.17223/15617793/501/18

Иноязычная информационная компетенция в общей цифровой культуре специалиста сельского хозяйства

Елена Николаевна Бакурова¹, Татьяна Алексеевна Паршуткина²

^{1, 2} Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, Елец, Россия

¹ jelenabakurova@gmail.com

² tparshutkina@mail.ru

Аннотация. Дано определение иноязычной информационной компетенции специалиста сельского хозяйства, разработаны ее компонентный состав и содержание. Определено место иноязычной информационной компетенции в общей цифровой культуре специалиста сельского хозяйства. Иноязычная информационная компетенция является частью информационной компетенции, выделяемой в ряду цифровых компетенций, входящих в состав профессиональной компетентности, а также информационной грамотности.

Ключевые слова: иноязычная информационная компетенция, специалист сельского хозяйства, цифровая культура, цифровая грамотность, иностранный язык

Для цитирования: Бакурова Е.Н., Паршуткина Т.А. Иноязычная информационная компетенция в общей цифровой культуре специалиста сельского хозяйства // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 154–163. doi: 10.17223/15617793/501/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/18

Foreign language information competence in the general digital culture of an agricultural specialist

Yelena N. Bakurova¹, Tatyana A. Parshutkina²

^{1, 2} Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation

¹ jelenabakurova@gmail.com

² tparshutkina@mail.ru

Abstract. Currently, it is stated that there is a lack of qualified specialists in agriculture who are able to work with big data, use information competently, and interpret the results of big data processing. Research papers in recent years have shown interest in discussing the reasons for the low productivity in the training of these specialists. One of such reasons is the problem of developing competences in students, which they will need in the conditions of digital agriculture development. The article aims to describe foreign language information competence of an agricultural specialist, to determine its place in the general digital culture of this specialist. One of the leading in our work was the competence approach, as it reveals the main requirements for training a specialist in the field of agriculture. Based on the analysis of terminology, the authors define foreign language information competence of an agricultural specialist: it is a set of professional knowledge, skills and abilities in the field of digital agriculture, related to generalized job functions and types of professional activities of a specialist and aimed at solving professional tasks using a foreign language. The analysis of the specialized professional literature allowed us to determine the place of foreign language information competence in the general digital culture of an agricultural specialist, which is presented in the form of a model. Foreign language information competence is a part of information competence, distinguished among digital competences, which are part of professional competence, as well as information literacy. When singling out the components of foreign language information competence of an agricultural specialists, we took into account those that contribute to the explanation of a high degree of effectiveness in the implementation of information interaction with the professional environment, profession-oriented or, in a broader sense, related to a type of professional activities, a generalized job function. The structure of foreign language information competence of a specialist in the field of agriculture is presented in the form of a model and includes the following components: informational, linguistic, communicative, socio-cultural, professional, which provide the formation of skills to work with foreign-language information in the framework of professional activities. On the basis of the analysis of the relevant specialized literature, the components of information literacy are correlated with the generalized job functions of an agricultural specialist (agronomist as an example), levels of education and types of professional activities, as a result of which the content of foreign-language information competence of an agronomist is identified.

Keywords: foreign language information competence, agricultural specialist, digital culture, digital literacy, foreign language

For citation: Bakurova, Ye.N. & Parshutkina, T.A. (2024) Foreign language information competence in the general digital culture of an agricultural specialist. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 154–163. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/18

Введение

В условиях перехода от индустриального общества к информационному происходит внедрение информационно-коммуникационных технологий во многие сферы человеческой деятельности, в том числе и сельского хозяйства. К 2024 г. планируется, что в сельском хозяйстве 20% рабочих мест будет связано непосредственно с цифровыми технологиями, доля покрытия различными технологиями связи земель сельскохозяйственного назначения составит 70%, 10% рабочих мест будет оснащено информационными технологиями [1].

Цифровые технологии служат основой в формировании конкурентоспособности и ресурсоэффективности сектора сельского хозяйства. Россия постепенно переходит на новые цифровые технологии в агропромышленном комплексе экономики, стремясь соответствовать современным мировым тенденциям. В период цифровизации сельскохозяйственного сектора Правительство Российской Федерации поднимает вопрос об увеличении производительности и применении передовых и информационных инструментов для усовершенствования агробизнеса. В Указе Президента Российской Федерации «Цифровая экономика» (№ 204 от 07.05.2018) сделан акцент на данное направление, в контексте которого рассматривается необходимость подготовки высококвалифицированных специалистов для цифровой экономики, а также переустройство приоритетных секторов экономики, охватывая образование и сельское хозяйство при помощи внедрения цифровых технологий и платформенных разработок [2].

Внедрение инновационных технологий в сельское хозяйство невозможно без высококвалифицированных кадров, способных и готовых эти технологии внедрять, в связи с чем одной из важнейших задач современного высшего образования является подготовка специалистов высокой квалификации, которые будут способны обеспечивать развитие и рост экономики. Общество решает эту задачу, модернизируя систему образования путем переориентации оценки его результатов от объема знаний, умений и навыков к оценке уровня профессиональной компетентности специалиста.

Следует констатировать факт отсутствия квалифицированных специалистов в сельском хозяйстве, умеющих работать с большими данными, компетентно использующих информацию и интерпретирующих итоги проработки больших данных. В исследовательских работах последних лет проявляется интерес к обсуждению причин малой продуктивности в подготовке данных специалистов. Одной из них является проблема формирования у обучающихся компетенций, которые им понадобятся в условиях развития цифрового сельского хозяйства [3]. Как правило, работодатели подбирают сотрудников со значительными функциональными и коммуникативными компетенциями в области анализа данных, понимающих и использующих цифровые инструменты. Очевидно, что профессионализм выпускников гарантируют непосредственно цифровые компетенции [4].

Целью профессионального образования является подготовка высококвалифицированных кадров с развитой цифровой культурой, общепрофессиональными

и профессиональными компетенциями, ориентированных на соответствующие сферы деятельности, готовых к профессиональному росту и мобильности, обладающих знаниями и навыками, которые обеспечивают конкурентоспособность на рынке труда в условиях меняющихся социально-экономических потребностей, в частности в условиях информатизации общества и развития новых наукоемких технологий.

В настоящее время одним из самых востребованных в российском образовании стал компетентностный подход, который акцентирует внимание на результатах образования, а также способности индивида принимать решения в различных проблемных ситуациях.

В сфере высшего профессионального образования в последнее время особо актуальным является вопрос об определении профессиональных компетенций, способах их формирования [5]. Вышеуказанные процессы информатизации общества и развития новых наукоемких технологий имеют информационную природу, поэтому развитие информационной компетенции студентов вуза – это одна из ключевых проблем высшего профессионального образования. Информационная компетенция специалистов является важной составляющей их профессиональной компетентности.

Необходимо формирование методическими советами вузов совместно с руководством отраслевых предприятий перечня актуальных компетенций для внесения изменений в программу обучения студентов в соответствии с современными потребностями предприятий. Кроме того, следует проводить ежегодный мониторинг потребностей региональной экономики в отраслевых специалистах, владеющих цифровыми технологиями и навыками [6. С. 18].

В обществе выявляется ряд противоречий: с одной стороны, в современных условиях одним из перспективных направлений модернизации системы профессиональной подготовки выступает компетентностный подход, с другой – он целостно не разработан применительно к работникам агропромышленного комплекса (АПК). С одной стороны, возрастает роль и значение непрерывного образования в ходе подготовки работников сельского хозяйства, с другой – отсутствуют конкретные исследования по разработке компетентностного подхода и совершенствованию системы непрерывного образования.

Передовые технологии в АПК разрабатываются в первую очередь в Европе, США и Латинской Америке. Поэтому часто для обмена опытом российские компании приглашают консультантов из других стран или имеют головные офисы за рубежом. Чтобы не привлекать переводчиков, ищут специалистов уже со знанием языка или готовых его учить [7].

Распространение информации между фермерскими сообществами стран является важным фактором внедрения инноваций в области сельского хозяйства. Кроме того, обмен информацией (коммуникация) по различным каналам очень важен для успешного создания новых технологий.

Изучение иностранного языка является одной из составляющих профессиональной компетентности. Дисциплина «Иностранный язык» включена в рамках

базовой в государственные образовательные стандарты системы высшего образования в области сельского хозяйства по всем направлениям подготовки.

Проведенный анализ источников по проблеме показывает, что, во-первых, не определено место иноязычной информационной компетенции (ИИК) в общей цифровой культуре специалистов сельского хозяйства; во-вторых, не раскрыты в полном объеме компоненты данного вида компетенции; в-третьих, не выделяется профессиональная составляющая ИИК специалиста сельского хозяйства.

Цель статьи – описание иноязычной информационной компетенции специалиста сельского хозяйства, определение её места в общей цифровой культуре данного специалиста.

Методология исследования

При проведении исследования использовался комплекс взаимодополняющих и взаимообусловленных методов исследования, среди которых: методы теоретического анализа научной литературы по теории и методике профессионального образования, теории и методике обучения иностранным языкам, а также нормативных документов; анализ и обобщение опыта работы авторов по преподаванию дисциплины «Иностранный язык» в агропромышленном институте Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина; систематизация накопленного материала.

Мы опираемся на теорию «управления знаниями» [8–10], поскольку знания и интеллектуальный капитал являются основой компетенций, а также стратегией для достижения устойчивого конкурентного преимущества. Управление знаниями с одной стороны, определяется как процесс обнаружения, приобретения, оценки и применения необходимых знаний посредством создания связи между человеческими ресурсами, информационными и коммуникациями технологиями. С другой стороны, это систематический и организованный процесс создания и распространения информации, отбора, уточнения имеющихся знаний и приобретение опыта.

Концепция «управления знаниями» заключается в обогащении знаний не как абстракции, а как основы для получения компетенций, что достигается путем передачи знаний, их практического применения и обмена. В современном цифровом обществе, когда новые знания быстро опережают традиционные, а доступ к технологиям и информации расширяется в геометрической прогрессии, стал возможен обмен данными и информацией между участниками любого профессионального сообщества. Такие условия требуют подготовки специалистов с высоким уровнем развития ИИК, поскольку от него требуется умение управлять имеющимися знаниями в области иностранных языков, владение эффективными методами обработки информации, быстрой передачи информации и увязки информации с профессиональной областью деятельности.

Мы основываемся на положении о том, что ИИК формируется в процессе применения иноязычных знаний будущим специалистом при обработке, оценке,

анализе, использовании и распространении иноязычной информации. В результате данных операций знания классифицируются и модифицируются, формируется новый опыт. Работая с иноязычной информацией, будущий специалист получает доступ к знаниям, имеет возможность создавать, систематизировать их, делиться ими и использовать. Иноязычные знания могут быть эффективным способом обеспечения открытого доступа ко всей соответствующей информации, необходимой в профессиональной деятельности. Таким образом, расширяются возможности доступа к деловым партнерам и клиентам, что может сыграть важную роль в совместной разработке продуктов, предоставлении услуг и выполнении международных проектов. Овладение технологиями обработки иноязычной информации способствует развитию цифровой культуры специалиста путем изменения его привычек в отношении иноязычного общения, совместной работы, обмена информацией, обучения и принятия совместных решений.

Одним из ведущих в нашей работе явился компетентностный подход, поскольку в нем раскрываются основные требования к подготовке специалиста в области сельского хозяйства.

Исследование и результаты

Цифровая трансформация российской экономической и социальной сферы требует изменений в подготовке кадров, формирования цифровой культуры специалистов в процессе обучения начиная со ступени среднего профессионального образования. Государственный проект «Цифровая экономика Российской Федерации» предусматривает значительные вложения в информационную инфраструктуру, цифровые технологии, информационную безопасность и подготовку кадров для новой цифровой экономики. Широкомасштабное использование информации и научных знаний, внедрение цифровых технологий в различные сферы жизни требуют подготовки специалистов, способных работать в цифровой информационной среде, а следовательно, обладающих высоким уровнем цифровой культуры.

Следует отметить, что процесс развития личности специалиста, формирования цифровой культуры происходит в условиях непрерывного интенсивного информационного воздействия общества. В процессе овладения инструментами обработки информации осуществляется постепенное усложнение эмоционально-личностных, сознательных структур.

Формирование информационной культуры и цифровых компетенций студентов основывается на требованиях образовательных и профессиональных стандартов. В связи с этим перечень цифровых компетенций для специалистов по определенной специальности следует сравнить с функциональными картами видов профессиональной деятельности и характеристиками общих трудовых функций.

Согласно современным представлениям, любая компетенция является не просто совокупностью знаний, умений, навыков и качеств как вещь-в-себе, но реализуется в конкретном виде деятельности [11. С. 53].

В основе ключевых компетенций отражаются содержание и направление будущей профессиональной деятельности. Особое значение в характеристике конкурентоспособного специалиста имеют его профессиональные и личностные компетенции, поэтому именно компетентностный подход в системе образования позволяет готовить специалистов, способных быстро и качественно достигать поставленные профессиональные цели. При этом компонент, ориентированный на знания, вовсе не исчезает из контекста образованности, а выполняет в ней ориентирующую роль. Таким образом, компетентностный подход акцентирует внимание на результате, важнейшей целью при этом является формирование способности человека к действию в определенных ситуациях.

Понятие информационной компетенции в последние годы часто является предметом педагогических исследований. Несмотря на широкое распространение, оно характеризуется терминологической неопределенностью и является предметом постоянных дебатов с точки зрения содержания и значения.

Информационную компетенцию выделяют в ряду других цифровых компетенций и считают ее одной из составляющих профессиональной компетентности, а также информационной грамотности. Если информационная грамотность подразумевает непосредственную работу с информацией – отбор, поиск, анализ, чтение, способность обучающихся к организации, преобразованию, хранению и передаче, то информационная грамотность – это, прежде всего, способность включаться в сложные информационные процессы по использованию мультимедиа, владение интернет-технологиями, умение прогнозировать возможные трудности и проблемы на пути к поиску решений. Без базовой информационной грамотности невозможно приобрести информационные навыки. Сначала обучающийся учится работать с информацией, выполняя действия, связанные с поиском и анализом, а затем приобретаются навыки применения данных результатов для решения конкретных задач [12].

Анализ определений понятия информационной компетенции, приведенных в педагогических исследованиях, показал, что в их основе лежит в основном перечисление информационных процессов: поиск, отбор, обработка, переработка информации и др. [13]. Как правило, понимание исследователей сводится к тому, что информационная компетенция – это способность человека работать с информацией, эффективно проводя с ней соответствующие операции (поиск, хранение, обработка, применение и пр.); совокупность взаимосвязанных умений, позволяющих работать с информацией; совокупность когнитивных и ценностных качеств, обеспечивающих способность человека производить различные операции с информацией, а также вступать в различные виды взаимодействия в условиях увеличивающихся информационных потоков. Также отечественные исследователи понимают информационную компетенцию как знания, умения, навыки и способы деятельности в области информационных технологий, направленные на решение профессиональных задач.

В компонентный состав информационной компетенции авторы научных исследований включают владение основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации; навыки работы с компьютером как средством управления информацией; способность работать с информацией в глобальных компьютерных сетях; осознание сущности и значения информации в развитии современного информационного общества [14. С. 64].

Кроме того, информационная компетенция включает в себя следующие навыки: определение объема необходимой информации; эффективное использование необходимой информации; критическое оценивание информации и ее источников; создание собственной базы знаний с использованием выбранной информации; эффективное использование информации для достижения цели; этическое использование информации [15].

Информационную компетенцию связывают чаще всего либо с отдельными специальностями и направлениями подготовки, либо с конкретными условиями реализации этой компетенции, в связи с чем структура информационной компетенции определяется структурой познавательных и коммуникационных операций в зависимости от целей специалиста как отправителя (или получателя) информации. В структуре информационной компетенции встречаются упоминания о когнитивном и ценностном компонентах [13].

Следует отметить, что язык продолжает оставаться основным средством, с помощью которого передается информация в цифровом пространстве. Владение иностранным языком как основной навык социального участия является фундаментальным «инструментом» для взаимодействия в мультикультурной жизни цифрового общества. Иными словами, успешное социальное взаимодействие требует лингвистически компетентных действий. Без владения соответствующим иностранным языком ни устная, ни письменная иноязычная информация не может быть зафиксирована, обработана или произведена. Наконец, что не менее важно, обучающимся необходимо осознавать свои собственные сильные и слабые стороны владения языком и применять соответствующие стратегические навыки, чтобы профессионально справляться с языковыми трудностями.

По мнению Е.В. Петровой, в ИИК студент должен обладать следующими навыками и способностями: знание наличия различных источников информации на иностранных языках; умение пользоваться Интернетом и выбирать качественную и актуальную информацию; умение представлять информацию в письменной форме в соответствии с правильным стилем; навыки общения в различных формах; умение искать информацию на иностранном языке с использованием технологий поиска, анализа, просмотра прочитанного; умение работать с электронными библиотеками, онлайн-каталогами и другими ресурсами на языке страны изучаемого языка [16].

В соответствии с этим иноязычная информационная компетенция представляется аналогом информационной компетенции только с учетом того, что все

входящие в нее качества реализуются в процессе работы с информацией на иностранном языке. По мнению О.В. Флёрова, «иноязычная информационная компетенция является качественно новым уровнем развития информационной компетенции, включающим в себя помимо всех описанных выше качеств и компонентов и способность эффективно использовать имеющиеся иноязычные знания в информационной деятельности», поскольку специфика языка как сугубо инструментального знания открывает дополнительные возможности в обучении работе с информацией [11. С. 56–57].

На основе проведенного анализа терминологии представляется возможным сформулировать определение иноязычной информационной компетенции специалиста сельского хозяйства. Иноязычная информационная компетенция специалиста сельского хозяйства – это совокупность профессиональных знаний, умений и навыков в сфере цифрового сельского хозяйства, связанных с обобщенными трудовыми функциями и типами профессиональной деятельности специалиста и направленных на решение профессиональных задач с использованием иностранного языка.

При определении содержания ИИК специалиста сельского хозяйства мы опирались на исследования, раскрывающие компонентный состав ИИК. Так, в работе Э.В. Бурцевой [17] отмечается, что ИИК по праву занимает место среди других составляющих коммуникативной компетенции, таких как лингвистическая, социокультурная, дискурсивная, компенсаторная компетенции. Она является сложным образованием, обладающим интегративными свойствами. Л.К. Раицкая конкретизирует данное понятие и рассматривает навыки, входящие в состав ИИК: представление о типах информации и информационных ресурсах на иностранных языках; ориентация в информационных и коммуникационных сетях, включая материалы на изучаемых иностранных языках; навыки чтения; навыки структурирования текста на иностранных языках; изучение особенностей письма на изучаемом языке; письменные коммуникативные навыки на иностранных языках; знакомство с понятием и информационно-коммуникационными технологиями на изучаемом языке, с особенностями библиографических описаний источников информации на изучаемом языке [18].

Формирование иноязычной информационной компетенции носит практический характер и опирается на уже имеющийся у обучающихся опыт информационной компетенции на родном языке [19. С. 50]. В процессе изучения иностранного языка оно должно осуществляться в интеграции с дисциплинами профессионального цикла в ходе учебной, научно-исследовательской и практической деятельности с учетом региональной специфики. Специфика современного обучения иностранному языку на сельскохозяйственных направлениях подготовки заключается в том, что будущий специалист в области сельского хозяйства должен владеть языком как средством межличностного и профессионального общения.

Проведенный анализ специализированной профессиональной литературы позволил определить место

иноязычной информационной компетенции в общей цифровой культуре специалиста сельского хозяйства, что представлено в виде модели на рис. 1.

Модель изображена в виде пирамиды, состоящей из нескольких ярусов. Расположение ярусов в такой форме является иерархическим.

Верхний ярус составляет общая цифровая культура специалиста. Цифровая культура – это набор навыков, знаний и принципов, которыми профессионалы обладают или руководствуются при работе в цифровой среде, включая способность использовать цифровые инструменты и технологии, эффективно обрабатывать информацию, работать в онлайн-среде и понимать этические и безопасные аспекты использования цифровых ресурсов [20. С. 95]. По мнению Р.А. Шаухаловой, цифровая культура дополняет цифровые навыки мировоззренческими аспектами и фокусируется на ценностно-смысловой составляющей процесса взаимодействия в цифровой среде [21. С. 3].

Цифровая культура включает цифровую грамотность и цифровые компетенции. При этом под цифровой грамотностью понимается совокупность базовых знаний и навыков, необходимых для работы с информацией в цифровой среде [22]. В дополнение к цифровым навыкам цифровой грамотности цифровые компетенции включают способности критически оценивать информацию, создавать цифровые ресурсы и соблюдать требования информационной безопасности. Они отражают готовность человека эффективно решать профессиональные задачи с помощью цифровых устройств и технологий.

Цифровая информационная культура является важной частью общей цифровой культуры специалистов сельского хозяйства и рассматривается как совокупность индивидуальных знаний, потребностей и взглядов, критического мышления, направленных на рациональное потребление сельскохозяйственной информации, которая создается, преобразуется, передается, принимается и возвращается по принципу синергетики, поддерживая использование и распространение знаний в сельскохозяйственном сообществе, а также способствуя получению нового знания. Что касается информационной грамотности, то ее наличие у специалиста любого профиля дает возможность решать проблемы с помощью осведомленности о потребностях в информации, а также с помощью эффективных стратегий обработки информации. Содержательный аспект информационной культуры субъекта как результат его социализации связан с различной степенью освоенности межличностных и профессиональных ролей.

При поиске компонентов ИИК-специалистов сельского хозяйства мы учитывали те, которые вносят свой вклад в объяснение высокой степени эффективности при осуществлении информационного взаимодействия с профессиональной средой, ориентированные на профессию или, в более широком смысле, связанные с каким-либо типом профессиональной деятельности.

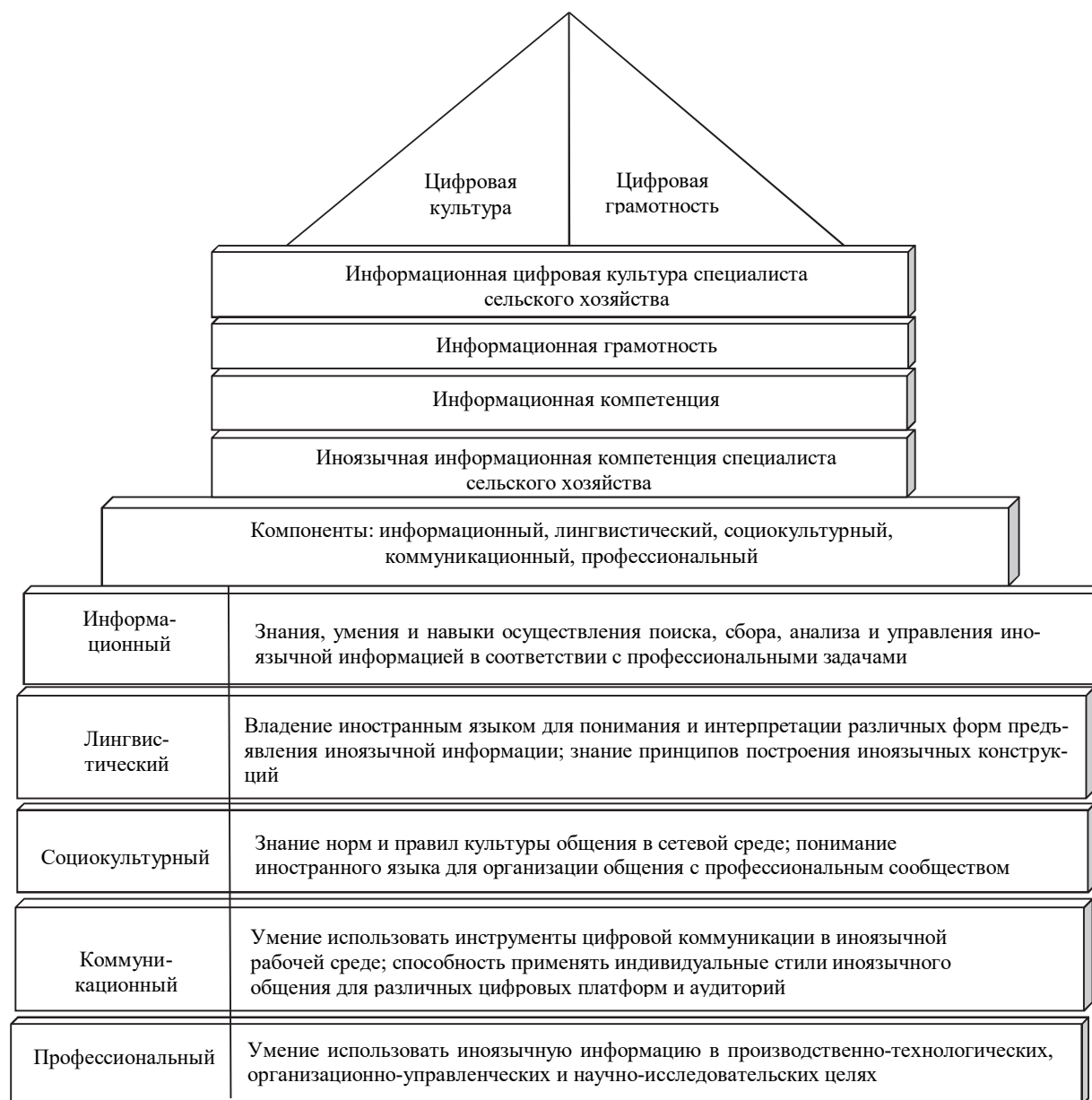

Рис. 1. Модель иноязычной информационной компетенции в общей цифровой культуре специалиста сельского хозяйства

Структуру ИИК специалиста в области сельского хозяйства можно представить в виде следующих компонентов: информационный, лингвистический, коммуникационный, социокультурный, профессиональный, которые обеспечивают формирование навыков работы с иноязычной информацией в рамках профессиональной деятельности (см. рис. 1).

Информационный компонент определяет способы поиска надежных источников информации, анализа и отбора контента в соответствии с задачами профессиональной деятельности, а также обработку данных, управление информацией; знание форматов данных, защиты персональных данных и цифровых устройств. Кроме того, информационный компонент включает в себя знание правовых норм, связанных с использованием информации в цифровых средах, таких как авторское право, конфиденциальность и т.д. Использование технологий поиска и систематизации

цифровой информации позволяет специалистам в области сельского хозяйства находить и отслеживать текущие иноязычные источники, изучая которые они могут стать участниками распространения информации и получателями нового знания. Использование иноязычной информации, полученной из аналоговых материалов на иностранном языке, не дожидаясь ее публикации с переводом в русскоязычных медийных изданиях, позволяет специалисту отслеживать инновационные изменения в сельскохозяйственной отрасли: появление новинок зарубежных технологий, зарубежных программных продуктов, различных препаратов, новостей о последних разработках, технологиях, эффективных способах выращивания различных культур и т.п.

Лингвистический компонент включает навыки использования иностранного языка в качестве инструмента понимания и интерпретации различных форм предъяв-

ния цифровой информации (в том числе текстовой): руководства, отчеты, памятки, письма, бланки, графики, диаграммы, таблицы, приложения; медийные формы и др.

Развитые языковые навыки позволяют четко выделять важную информацию в сообщениях, понимать сложные конструкции. Необходимо также владеть определенной терминологией, связанной с процессами в агрокомплексе, технологиями; уметь правильно читать технические чертежи, формулы и сокращения.

Социокультурный компонент – это понимание цифровой культуры в аграрном секторе экономики и ее влияния на социальные процессы, осознание культурных различий и вопросов, связанных с использованием цифровых технологий в разных культурах и языках, осознание правовой базы и правил иноязычного информационного пространства. Обладая знаниями и навыками в области культуры общения с помощью цифровых технологий, будущие специалисты могут эффективно использовать существующие онлайн-платформы, приложения и другие средства для организации общения с профессиональными сообществами других стран и потенциальными клиентами. Также важно осознавать культурные различия, чтобы адаптировать распространяемую информацию к определенной целевой аудитории.

Коммуникационный компонент ИИК направлен на формирование навыков взаимодействия с субъектами информационного взаимодействия, цифровой идентификации и управления в соответствии с нормами сетевой коммуникации. Специалисты, входящие в аграрное сообщество, могут эффективно и доступно передавать информацию, налаживать социальное сотрудничество, укреплять доверие, улучшать качество совместного производства и повышать уровень общения всех, кто участвует в этом процессе. Этот компонент включает в себя способность использовать инструменты цифровой коммуникации, такие как электронная почта, мессенджеры, социальные сети, а также использовать цифровые инструменты для общения в рабочей среде, включая вебинары, видеоконференции и проекты. Коммуникационный компонент также содержит способность эффективно и безопасно общаться в цифровой среде, способность применять индивидуальные стили иноязычного общения для различных

цифровых платформ и аудиторий, а также распознавать и анализировать информацию из различных цифровых источников. В научно-исследовательской деятельности специалисты должны обладать умением сообщить об исследовании и его результатах с помощью письменных, визуальных и цифровых средств информации с применением иностранного языка.

Профессиональный компонент определяется нами исходя из типов профессиональной деятельности специалистов сельского хозяйства и выполняемых ими обобщенных трудовых функций. Основные операции в рамках данного компонента: уметь определять проблему, для решения которой требуется информация; осуществлять поиск, находить и извлекать соответствующую информацию, относящуюся к профессиональной задаче; применять организационную систему для упорядочивания полученной информации; уметь оценивать качество, актуальность, полезность, эффективность и адекватность информации и информационных источников для определенной цели; интерпретировать и представлять собранные данные и информацию, используя качественные инструменты: сравнение, противопоставление, обобщение и синтез информации из нескольких источников.

Анализ таких нормативных документов, как Профессиональный стандарт: 13.017. Агроном [23], Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по специальности 35.02.05 Агрономия [24], Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 35.03.04 Агрономия [25], Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – магистратура по направлению подготовки 35.04.04 Агрономия [26], позволил соотнести компоненты информационной грамотности с обобщенными трудовыми функциями специалиста сельского хозяйства на примере агронома, уровнями образования и типами профессиональной деятельности, вследствие чего представилось возможным выделить содержание иноязычной информационной компетенции агронома. Результаты этого анализа представлены в таблице.

Содержание иноязычной информационной компетенции специалистов сельского хозяйства

Информационная грамотность	Обобщенные трудовые функции	Уровень образования	Типы профессиональной деятельности	Содержание иноязычной информационной компетенции
Просмотр, поиск и фильтрация данных, информации и цифрового контента	Выполнение работ в рамках разработанных технологий возделывания сельскохозяйственных культур	Среднее профессиональное образование – программы подготовки специалистов среднего звена	Производственно-технологический	Формулировать потребность в иноязычной информации о технологиях возделывания сельскохозяйственных культур, искать соответствующие данные в иноязычной цифровой среде, иметь доступ к иноязычному контенту; создавать и менять собственные стратегии поиска иноязычной информации
Оценка данных, информации и цифрового контента	Организация производства продукции растениеводства	Высшее образование – бакалавриат	Организационно-управленческий	Анализировать, сравнивать и критически оценивать достоверность и надежность иноязычных источников данных, информации и цифрового контента о производстве продукции растениеводства и его организации; анализировать, интерпретировать и критически оценивать соответствующие иноязычные данные, информацию и цифровой контент
Управление данными, информацией и цифровым контентом	Управление производством растениеводческой продукции	Высшее образование – магистратура или специалитет	Организационно-управленческий, научно-исследовательский	Организовывать, хранить и извлекать иноязычные данные, информацию и контент о производстве растениеводческой продукции в цифровой среде; организовывать и обрабатывать их в структурированной иноязычной среде

Заключение

При возрастающей цифровизации сельского хозяйства и условий труда в данной отрасли меняются способы получения, обработки и передачи информации, в связи с чем информационная компетенция является ключевой компетенцией XXI в. и считается одним из основных требований к современному специалисту.

В настоящее время востребованы специалисты в области сельского хозяйства со знанием иностранных языков для изучения передовых технологий, обмена опытом, распространения информации, обмена информацией, коммуникации на профессиональные темы. В связи с этим при подготовке таких специалистов возникает необходимость формирования иноязычной информационной компетенции.

Иноязычная информационная компетенция специалиста сельского хозяйства, являющаяся совокупностью профессиональных знаний, умений и навыков в сфере цифрового сельского хозяйства, связанных с обобщенными трудовыми функциями и типами про-

фессиональной деятельности специалиста и направленных на решение профессиональных задач с использованием иностранного языка, имеет в своей структуре следующие компоненты: информационный, лингвистический, коммуникационный, социокультурный, профессиональный, которые обеспечивают формирование навыков работы с иноязычной информацией в рамках профессиональной деятельности.

Иноязычная информационная компетенция имеет свое место в общей цифровой культуре специалиста сельского хозяйства: она является частью информационной компетенции, которая выделяется в ряду цифровых компетенций, которые, в свою очередь, входят в состав профессиональной компетентности, а также информационной грамотности.

Содержание иноязычной информационной компетенции специалиста сельского хозяйства представляется возможным определить, соотнеся компоненты информационной грамотности с обобщенными трудовыми функциями специалиста, уровнями образования и типами профессиональной деятельности.

Список источников

1. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» утв. распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. (Пояснительная записка к предложению о реализации нового направления «Цифровое сельское хозяйство» федеральной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (Министерство сельского хозяйства РФ)). URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/programma.pdf?utm_referrer=https%3a%2f%2fya.ru%2f (дата обращения: 20.12.2023).
2. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/71937200/?ysclid=lrondcvuh392294261> (дата обращения: 10.01.2024).
3. Куликова С.В. Аграрные династии как социальный и профессиональный ресурс // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8, № 5. doi: 10.15862/86PDMN520. URL: <https://mirnauki.com/PDF/66PDMN518.pdf> (дата обращения: 10.01.2024).
4. Ван С., Осипова О.П. Цифровые компетенции обучающихся вуза как ресурс профессионально-личностного развития // Шамовские педагогические чтения : материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. М., 2022. С. 298–302.
5. Новикова Т.С. Формирование иноязычной компетентности студентов сельскохозяйственных вузов // Развитие науки и образования: монография / В.В. Алисин, С.Ю. Баранкин, В.И. Стрелков [и др.]. Чебоксары : Среда, 2018. 280 с.
6. Трухачев В.И. О подготовке кадров для цифрового сельского хозяйства // Вестник российской сельскохозяйственной науки. 2019. № 2. С. 15–19. doi: 10.30850/vrsn/2019/2/15-19
7. Зиборова Н. Какие компетенции нужно развивать, чтобы оставаться востребованным специалистом в сфере растениеводства? // Агро-вестник. 2021. URL: <https://agrovesti.net/news/indst/kakie-kompetentsii-nuzhno-razvivat-chtoby-ostavatsya-vostrebovannym-spetsialistom-v-sfere-rastenievodstva.html> (дата обращения: 14.01.2024).
8. Moloud M., Fakhodi A.A. Modeling the Dynamics of Knowledge Management in Educational Institutes: A System Dynamics Approach // Образование и саморазвитие. 2022. Т. 17, № 2. С. 86–104.
9. Sousa M.J., Rocha Á. Strategic Knowledge Management in the Digital Age // Journal of Business Research. 2019. Vol. 94. P. 223–226.
10. Kumar S.A. Knowledge management and new generation of libraries information services: a concepts // International Journal of Library and Information Science. 2010. Vol. 2 (2). P. 017–034.
11. Флёров О.В. Иноязычная информационная компетенция в образовательном пространстве цифрового века: структурно-содержательный и методический анализ // Образовательные ресурсы и технологии. 2018. № 2. С. 49–59. doi: 10.21777/2500-2112-2018-2-49-59
12. Баринова Д.О. Электронные дидактические материалы как средство формирования информационной грамотности и компетенции // Вопросы методики преподавания в вузе: Ежегодный сборник. 2014. № 3 (7). С. 273–280.
13. Астахова Л.В. Понятие информационной компетенции специалиста: когнитивный подход // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2013. Т. 5, № 4. С. 10–16.
14. Табачук Н.П. Информационная компетенция личности студента как социокультурный феномен цифрового общества / науч. ред. В.А. Казинец. Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2019. 180 с.
15. Jackman L.W., Weiner S.A. The Rescinding of the ACRL 2000 Information Literacy Competency Standards for Higher Education... Really? 2016. URL: https://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1155&context=lib_fsdocs. doi:10.1080/10691316.2016.1217811 (дата обращения: 19.01.2024).
16. Петрова Е.В. Сущность и формирование информационной иноязычной компетенции в высшей школе // Вестник Университета. 2014. № 11. С. 292–294.
17. Бурцева Э.В. Деятельностный компонент содержания иноязычной информационной компетенции студентов // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 15. С. 102–106.
18. Раицкая Л.К. Сущность и формирование иноязычной информационной компетенции в высшей школе // Вестник Московского университета. Сер. 20. Педагогическое образование. 2010. № 2. С. 28–36.
19. Бектурова Ж.Б. Иноязычная информационная компетенция как одна из ключевых компетенций в современном информационном обществе // Вестник Инновационного Евразийского университета. 2017. № 2. С. 49–52.
20. Федосова О.А., Соколина Е.Н. О цифровой культуре, как неотъемлемой части общей культуры человека в современных реалиях // Международный научный журнал «Символ Науки». 2022. № 2-1. С. 95–96.
21. Токтарова В.И., Ребко О.В. Цифровая грамотность: понятие, компоненты и оценка // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15, № 2. С. 165–177. doi: 10.30914/2072-6783-2021-15-2-165-177

22. Шаухалова Р.А. Принципы формирования цифровой культуры студентов в университете // Педагогический журнал. 2020. Т. 10, № 1А. С. 436–443. doi: 10.34670/AR.2020.1.46.167
23. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 20.09.2021 № 644н. Профессиональный стандарт: 13.017. Агроном. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/13.017-agronom.html> (дата обращения: 12.01.2024).
24. Приказ Министерства просвещения России от 13.07.2021 № 444 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 35.02.05 Агрономия» (Зарегистрирован 17.08.2021 № 64664) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://marsu.ru/sveden/eduStandarts/files/ФГОС%20СПО%2035.02.05%20Агрономия_.pdf (дата обращения: 12.01.2024).
25. Приказ Министерства просвещения России от 26.07.2017 № 699 (ред. от 27.02.2023) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 35.03.04 Агрономия» (Зарегистрирован 15.08.2017 № 47775) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.dongau.ru/sveden/eduStandarts/2023/ФГОС_35.03.04_2023.pdf (дата обращения: 12.01.2024).
26. Приказ Министерства просвещения России от 26.07.2017 № 708 (ред. от 08.02.2021) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 35.04.04 Агрономия» (Зарегистрирован 15.08.2017 № 47789) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.dongau.ru/sveden/eduStandarts/2023/ФГОС_35.04.04_2023.pdf (дата обращения: 12.01.2024).

References

1. RF. (2017) *The Digital Economy of the Russian Federation Program approved by the RF Government Order of July 28, 2017, No. 1632-r. (Explanatory Note to the Proposal for the Implementation of the New Direction "Digital Agriculture" of the Federal Program "Digital Economy of the Russian Federation")* (Ministry of Agriculture of the Russian Federation). [Online] Available from: https://digital.gov.ru/uploaded/files/programma.pdf?utm_referrer=https%3a%2f%2fya.ru%2f (Accessed: 20.12.2023). (In Russian).
2. President of the Russian Federation. (2018) *Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018, No. 204 "On National Goals and Strategic Objectives for the Development of the Russian Federation until 2024" (as amended and supplemented)*. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/71937200/?ysclid=lrondcvuh392294261> (Accessed: 10.01.2024). (In Russian).
3. Kulikova, S.V. (2020) Agrarian dynasties as a social and professional resource. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*. 8 (5). (In Russian). doi: 10.15862/86PDMN520
4. Van, S. & Osipova, O.P. (2022) [Digital competencies of university students as a resource for professional and personal development]. *Shamovskie pedagogicheskie chteniya* [Shamov Pedagogical Readings]. Proceedings of the XIV International Conference. Moscow. pp. 298–302. (In Russian).
5. Novikova, T.S. (2018) Formirovanie inoyazychnoy kompetentnosti studentov sel'skokhozyaystvennykh vuzov [Formation of foreign language competence of students of agricultural universities]. In: Alisin, V.V. et al. *Razvitie nauki i obrazovaniya* [Development of science and education]. Cheboksary: Sreda.
6. Trukhachev, V.I. (2019) On training personnel for digital agriculture. *Vestnik rossiyoskoy sel'skokhozyaystvennoy nauki*. 2. pp. 15–19. (In Russian). doi: 10.30850/vrsn/2019/2/15-19
7. Ziborova, N. (2021) Kakie kompetentsii nuzhno razvivat', chtoby ostavat'sya vostrebovannym spetsialistom v sfere rasteniyevodstva? [What competencies need to be developed to remain a demanded specialist in the field of plant growing?]. *Agrovestnik*. [Online] Available from: <https://agrovesti.net/news/indst/kakie-kompetentsii-nuzhno-razvivat-chtoby-ostavatsya-vostrebovannym-spetsialistom-v-sfere-rasteniyevodstva.html> (Accessed: 14.01.2024).
8. Moloud, M. & Fashodi, A.A. (2022) Modeling the Dynamics of Knowledge Management in Educational Institutes: A System Dynamics Approach. *Obrazovanie i samorazvitie*. 17 (2). pp. 86–104.
9. Sousa, M.J. & Rocha, Á. (2019) Strategic Knowledge Management in the Digital Age. *Journal of Business Research*. 94. pp. 223–226.
10. Kumar, S.A. (2010) Knowledge management and new generation of libraries information services: a concepts. *International Journal of Library and Information Science*. 2 (2). pp. 017–034.
11. Flerov, O.V. (2018) Interlingual Informational Competence in Digital Educational Space: Structural and Methodological Analysis. *Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii*. 2. pp. 49–59. (In Russian). doi: 10.21777/2500-2112-2018-2-49-59
12. Barinova, D.O. (2014) Elektronnye didakticheskie materialy kak sredstvo formirovaniya informatsionnoy gramotnosti i kompetentsii [Electronic didactic materials as a means of developing information literacy and competency]. *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze: Ezhegodnyy sbornik*. 3 (7). pp. 273–280.
13. Astakhova, L.V. (2013) Ponyatie informatsionnoy kompetentsii spetsialista: kognitivnyy podkhod [The concept of information competency of a specialist: a cognitive approach]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki*. 5 (4). pp. 10–16.
14. Tabachuk, N.P. (2019) *Informatsionnaya kompetentsiya lichnosti studenta kak sotsiokul'turnyy fenomen tsifrovogo obshchestva* [Information competency of a student as a socio-cultural phenomenon of the digital society]. Khabarovsk: Pacific State University.
15. Jackman, L.W. & Weiner, S.A. (2016) *The Rescinding of the ACRL 2000 Information Literacy Competency Standards for Higher Education... Really?* [Online] Available from: https://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1155&context=lib_fsdocs. doi: 10.1080/10691316.2016.1217811 (Accessed: 19.01.2024).
16. Petrova, E.V. (2014) Sushchnost' i formirovanie informatsionnoy inoyazychnoy kompetentsii v vysshey shkole [The essence and formation of foreign language information competency in higher education]. *Vestnik Universiteta*. 11. pp. 292–294.
17. Burtseva, E.V. (2012) Deyatel'nostnyy komponent soderzhaniya inoyazychnoy informatsionnoy kompetentsii studentov [The activity component of the content of foreign language information competency of students]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 15. pp. 102–106.
18. Raitskaya, L.K. (2010) Sushchnost' i formirovanie inoyazychnoy informatsionnoy kompetentsii v vysshey shkole [The essence and formation of foreign language information competency in higher education]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 20. Pedagogicheskoe obrazovanie*. 2. pp. 28–36.
19. Bekturova, Zh.B. (2017) Inoyazychnaya informatsionnaya kompetentsiya kak odna iz klyuchevykh kompetentsiy v sovremenno informatsionnom obshchestve [Foreign language information competency as one of the key competencies in the modern information society]. *Vestnik Innovatsionnogo Evraziyskogo universiteta*. 2. pp. 49–52.
20. Fedosova, O.A. & Sokolina, E.N. (2022) O tsifrovoy kul'ture, kak neot'emlemy chasti obshchey kul'tury cheloveka v sovremennykh realiyakh [On digital culture as an integral part of the general human culture in modern realities]. *Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal "Simvol Nauki"*. 2-1. pp. 95–96.
21. Toktarova, V.I. & Rebko, O.V. (2021) Digital Literacy: Definition, Components and Assessment. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta*. 15 (2). pp. 165–177. (In Russian). doi: 10.30914/2072-6783-2021-15-2-165-177
22. Shaukhalova, R.A. (2020) Formation Principles of Digital Culture of Students at the University. *Pedagogicheskiy zhurnal*. 10 (1A). pp. 436–443. (In Russian). doi: 10.34670/AR.2020.1.46.167

23. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. (2021) *Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated 20.09.2021 No. 644n. Professional standard: 13.017. Agronomist*. [Online] Available from: <https://classinform.ru/profstandarty/13.017-agronom.html> (Accessed: 12.01.2024). (In Russian).
24. Ministry of Education of the Russian Federation. (2021) *Order of the Ministry of Education of Russia dated 13.07.2021 No. 444 "On Approval of the Federal State Educational Standard of Secondary Vocational Education in the Specialty 35.02.05 Agronomy" (Registered on 17.08.2021 No. 64664)*. [Online] Available from: https://marsu.ru/sveden/eduStandarts/files/ФГОС%20СПО%2035.02.05%20Agronomiya_.pdf (Accessed: 12.01.2024). (In Russian).
25. Ministry of Education of the Russian Federation. (2023) *Order of the Ministry of Education of Russia dated 07.26.2017 No. 699 (As Amended on 02.27.2023) "On Approval of the Federal State Educational Standard of Higher Education – Bachelor's Degree in the Direction of Training 35.03.04 Agronomy" (Registered on 08.15.2017 No. 47775)*. [Online] Available from: https://www.dongau.ru/sveden/eduStandarts/2023/ФГОС_35.03.04_2023.pdf (Accessed: 12.01.2024). (In Russian).
26. Ministry of Education of the Russian Federation. (2021) *Order of the Ministry of Education of Russia Dated 26.07.2017 No. 708 (As Amended on 08.02.2021) "On Approval of the Federal State Educational Standard of Higher Education – Master's Degree in the Field of Training 35.04.04 Agronomy" (Registered on 15.08.2017 No. 47789)*. [Online] Available from: https://www.dongau.ru/sveden/eduStandarts/2023/ФГОС_35.04.04_2023.pdf (Accessed: 12.01.2024). (In Russian).

Информация об авторах:

Бакурова Е.Н. – канд. пед. наук, доцент кафедры восточных и европейских языков, перевода и лингводидактики Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия). E-mail: jelenabakurova@gmail.com

Паршуткина Т.А. – канд. пед. наук, доцент кафедры восточных и европейских языков, перевода и лингводидактики Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия). E-mail: tparshutkina@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ye.N. Bakurova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Bunin Yelets State University (Yelets, Russian Federation). E-mail: jelenabakurova@gmail.com

T.A. Parshutkina, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Bunin Yelets State University (Yelets, Russian Federation). E-mail: tparshutkina@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.01.2024;
одобрена после рецензирования 18.04.2024; принята к публикации 30.04.2024.*

*The article was submitted 30.01.2024;
approved after reviewing 18.04.2024; accepted for publication 30.04.2024.*

Научная статья
УДК 37.026
doi: 10.17223/15617793/501/19

Методы цифрового обучения: классификация, средства и инструменты, матрица согласования

Марина Ефимовна Вайндорф-Сысоева¹, Марина Львовна Субочева²,
Виктория Александровна Шитова³

^{1, 2} Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

³ Академия социального управления, Москва, Россия

¹ vs.me@mpgu.su

² ml.subocheva@mpgu.su

³ v.shitova@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается научное обоснование и систематизация методов обучения в цифровой образовательной среде. Представляется авторская разработка классификации форм, методов и средств обучения, определяются виды методов на основе организации взаимодействия при цифровом взаимодействии, описывается сформированный набор методов и приемов обучения в зависимости от способов их реализации (синхронно или асинхронно) и приводятся примеры, где выделяются в том числе методы «цифровых следов» и их разновидности. Приводится разработанная матрица согласования форм, методов и приемов организации цифрового обучения и система построения используемых средств для цифрового взаимодействия.

Ключевые слова: цифровое обучение, цифровая дидактика, онлайн-доска, виртуальная доска, митап, классификация методов, стендовый доклад, цифровой след учебный, цифровой след научный, цифровой след профессиональный

Для цитирования: Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л., Шитова В.А. Методы цифрового обучения: классификация, средства и инструменты, матрица согласования // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 164–172. doi: 10.17223/15617793/501/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/19

Digital learning methods: Classification, means and instruments, coordination matrix

Marina E. Vayndorf-Syssoeva¹, Marina L. Subocheva², Viktoriya A. Shitova³

^{1, 2} Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

³ Academy of Public Administration, Moscow, Russian Federation

¹ vs.me@mpgu.su

² ml.subocheva@mpgu.su

³ v.shitova@yandex.ru

Abstract. Teaching methods as a component of the didactic system in distance learning are significantly changing and supplemented, new methods of organizing training and forms are appearing, and the basis for the change is not only the selection of independent work as the main form of training, but also a change in the organization of educational interaction in the digital educational environment and learning tasks that characterize different stages of learning the material. In this regard, there is a need for a new approach to identifying and classifying digital learning methods depending on the use of means and tools in solving specific problems for a theoretical study of material or practical training. In this regard, the aim of the article is to develop a classification of methods based on the organization of educational interaction in a digital educational environment and educational tasks that characterize different stages of learning the material, as well as a matrix for coordinating the use of means and tools in various digital learning methods. The basis for the practice-oriented research was the Institute of Physics, Technology and Information Systems of Moscow Pedagogical State University. Modeling of the educational process of distance learning in a digital educational environment took place for master's students in the Electronic Educational Technologies program. The presentation of the main material reflects the progress of the experimental work, which was carried out in a certain logical sequence. The authors clarify the conceptual apparatus inherent in the didactics of digital learning that reflects modern requirements for constructing the educational process in new conditions, then describe the specifics of teaching methods in the digital educational environment and classify them. For the practical use of the proposed classification, the authors developed a matrix for coordinating the forms, methods and techniques of digital learning with a description of the corresponding means of digital learning. In addition, the authors substantiated the components that influence the organization of the educational process, including in the context of digital learning, which should be taken into account when organizing a holistic educational process in the digital educational environment. This article concludes the research, the purpose of which was to develop models for organizing distance learning in a digital educational environment. For each model of organizing distance learning, the authors developed and

described optimal forms, methods and digital tools that provide comfortable learning conditions for the teacher and student to achieve their teaching/learning goals in a digital educational environment, adequate to the current stage of the education system's development. The potential of digital tools for organizing the educational process in the distance learning system can be used in any of the formats (synchronous, asynchronous, hybrid).

Keywords: digital learning, digital didactics, online whiteboard, virtual whiteboard, meetup, classification of methods, poster presentation, educational digital trail, scientific digital trail, professional digital trail

For citation: Vayndorf-Sysoeva, M.E., Subocheva, M.L. & Shitova, V.A. (2024) Digital learning methods: Classification, means and instruments, coordination matrix. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 164–172. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/19

Введение. Предыдущие исследования методов обучения, изучение их специфики относительно использования в цифровом обучении показали недостаточное количество узконаправленных работ по данной тематике. Вновь мы встречаем в основном описания и классификации «традиционные», лишь поверхностно затрагивающие особенности дистанционного взаимодействия. Но методы обучения, как компонент дидактической системы в дистанционном обучении, значительно изменяются и дополняются, появляются новые приемы организации обучения и формы, и основанием для изменения служит не только выделение самостоятельной работы как основной формы. В статье представлена классификация методов, исходя из организации учебного взаимодействия в условиях цифровой образовательной среды и учебных задач, характеризующих разные этапы изучения материала; определены методы и приемы, которые характерны для цифрового обучения, и представлена разработанная авторами матрица согласования форм, методов и приемов организации цифрового обучения для теоретического изучения материала и практической подготовки.

Базой практико-ориентированного исследования является образовательная организация высшего образования Институт физики, технологии и информационных систем ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет». Моделирование образовательного процесса дистанционного обучения в условиях цифровой образовательной среды происходило в процессе обучения магистрантов по программе «Электронные образовательные технологии».

На этапе анализа исследований и публикаций использовались следующие методы педагогического исследования: педагогическое моделирование; реализация разработанной модели целостного педагогического процесса дистанционного обучения в условиях цифровой образовательной среды и систематизация данных, полученных в ходе реализации модели в реальном образовательном процессе на основе системного подхода. Ставилась задача, с одной стороны, практически подтвердить выделенные методы и приемы, с другой – дать теоретическое обоснование разработанной классификации.

Цель данной публикации является обобщение опыта классификации форм, методов и средств обучения в цифровой среде на основе способа организации взаимодействия участников образовательного процесса.

Ход экспериментальной работы осуществлялся в следующей последовательности: формирование понятийного аппарата; описание специфики методов обучения в цифровой образовательной среде и их классификация;

разработка матрицы согласования форм, методов и приемов цифрового обучения; разработка и описание средств цифрового обучения; обоснование компонентов, влияющих на организацию учебного процесса, в том числе в условиях цифрового обучения.

Формирование понятийного аппарата¹. На этапе реализации разработанной модели целостного педагогического процесса дистанционного обучения в цифровой образовательной среде в реальном образовательном процессе по программе «Электронные образовательные технологии» продолжал развиваться и формироваться специфический понятийный аппарат [1, 2]. Поскольку речь идет о методах и средствах цифрового обучения, то были сформулированы *новые авторские трактовки* следующих понятий:

Доска виртуальная – цифровое приложение, позволяющее работать совместно в асинхронном формате.

Доска онлайн – цифровое приложение, позволяющее работать совместно в синхронном формате.

Митап – встреча (возможна как очно, так и онлайн) для узконаправленного обсуждения заданной темы.

Методы цифрового обучения – организованное взаимодействие обучающего и обучающихся, подчиненное решению конкретной задачи для достижения цели (прогнозируемого результата); совокупность приемов или операций практического или теоретического освоения действительности с использованием средств цифровой образовательной среды.

Классификация методов – распределение, которое помогает выявить в методах обучения общее и специфичное, существенное и случайное, способствуя целесообразному и более эффективному их использованию.

Матрица – математический объект, записываемый в виде прямоугольной таблицы элементов (например, формы взаимодействия и основания для объединения методов; формы организации обучения и соответствующие им методы), который составляет совокупность строк и столбцов, на пересечении которых находятся его элементы. Количество строк и столбцов задает размер матрицы (квадратная, прямоугольная или др.). Позволяет упорядочить и структурировать информацию, исследовать зависимости между различными переменными (например, формы взаимодействия и группы методов, объединенные по различным основаниям).

Средства цифрового обучения – различные материалы для учебного процесса, которые успешно и в рамках рационально сокращенного времени способствуют достижению поставленных целей обучения с использованием средств цифровой образовательной среды.

Классификация форм, методов и средств обучения в цифровой среде (Вайндорф-Сысоева М.Е., Шитова В.А.)²

Показатель	Информационные формы, методы и средства	Коммуникационные формы, методы и средства	Практические формы, методы и средства	Формы, методы и средства организации обратной связи
Цель	Получение знаний с использованием интернет-источников	Организация учебных коммуникаций по использованию освоенных знаний в разных ситуациях	Использование знаний, умений и навыков в решении профессиональных задач	Создание условий для продуктивного обучения
Учеб. задачи	Передача учебной информации без организации обратной связи	Обсуждение учебной информации	Овладение и демонстрация приобретенных знаний, умений и навыков	Структурирование системы обучения
Синхронное взаимодействие	Онлайн-лекция, видеозанятие	Онлайн-лекция открытого типа / проблемного изложения, видеозанятие, проектирование, цифровой воркшоп, презентация результатов деятельности (выступление), метод косвенной инициативы (создание учебной ситуации, мотивирующей обучающихся на осмысление и детальную проработку изучаемого содержания), видеоконференции	Онлайн-доска, онлайн-мастерские, цифровой воркшоп, тренинг (<i>организация мероприятий</i>)	Вебинар, открытое комментирование результатов деятельности, видеозанятие (ответы на вопросы), цифровой воркшоп, онлайн-доска
Асинхронное взаимодействие	Форум, видеозаписи, комментарии, видеозанятие, консультация, интерактивная лекция, текстовые записи, мессенджеры, e-mail, подкаст, аудиозаписи, видеолекции, скринкасты (в том числе мастер-классы), интерактивное видео, лендинг, донгид	Форум, цифровой след, совместная деятельность (облачные технологии), рейтинг, бейджи (визуализация успешности), диалог, беседа, консультация, мессенджеры, e-mail, социальные сети, чат-боты, видеоконментарий процесса деятельности	Форум, проектирование (облачные технологии), виртуальная доска, работа с текстом (виртуальные библиотеки, базы данных), групповая работа, виртуальный тренажер, искусственный интеллект, видеозанятие (сессионные залы), консультация, вебинар, тестовый контроль и самоконтроль, e-mail, проектирование, портфолио (как система роста), ситуационный анализ, визуализация, семантический поиск (поиск по тегам / ключевым словам), ограниченный перебор (выбор из множества по заданным признакам), интерактивные задания, интерактивные мотивирующие упражнения (задания на вовлечение в учебную деятельность)	Форум, видеозаписи, мессенджеры, личные сообщения, бейджи (визуализация успешности), геймификация, рейтинг, видеозанятие, консультация, вебинар, виртуальная доска, опросы, анкетирование, рефлексия, реkrининг, e-mail, комментирование результатов деятельности
Другое			Смешанная реальность: VR / AR	

Стеновый доклад – форма сообщения научных данных с использованием плаката. Это статическая визуальная среда, которая используется для передачи идей и сообщений. Разницей между стендовым и устным докладом является то, что авторы заставляют плакат «говорить» за себя, т.е. представленный материал должен передать суть сообщения. При этом задача разработчиков – отвечать на вопросы слушателей. Стеновые доклады используются на современных научных конференциях, когда авторы представляют свои доклады-стенды и отвечают на вопросы других участников конференции.

Классификация методов цифрового обучения. В отечественной педагогической науке много внимания уделено изучению методов обучения, в том числе, и их классификации. В советский период развития теории и практики педагогики как науки были разработаны системы классификации методов обучения, ставшие сегодня классическими, в основе которых лежали разные основания. Наиболее широко известными стали системы классификации по источнику получения знаний (Н.М. Верзилин, Е.М. Петровский и др.), по структуре деятельности (Ю.К. Бабанский и др.), по дидактической цели (М.А. Данилов, Б.П. Есипов и др.), по типу взаимодействия обучающего и обучающегося (И.Я. Лернер, М.Н. Скаткин и др.) [3–7]. Развивая практику применения существующих и новых присущих цифровому обучению, методов, реализуемых в особых условиях – цифровой образовательной среде с использованием средств интернета в синхронном и асинхронном форматах, определяются и другие основания для систематизации методов обучения. Профессиональный интерес представляет систематизация методов обучения, предложенная Т.Н. Носковой [8, 9], которая продолжает исследования Ю.К. Бабанского. Исследователь классифицирует методы цифрового обучения, определяя самостоятельную деятельность обучающихся как ведущую, отвечая на ряд вопросов:

– Как через информационные ресурсы цифровой среды мотивировать, стимулировать субъект к самостоятельной учебно-познавательной деятельности (УПД);

– Как через информационные цифровые ресурсы среды организовывать УПД?

– Как через информационные ресурсы цифровой среды организовывать контроль и самоконтроль УПД?

При этом Т.Н. Носкова классифицирует методы обучения в цифровой среде как информационные, коммуникационные и практические.

Исследование Т.Н. Носковой послужило основанием для разработки классификации методов обучения М.Е. Вайндорф-Сысоевой и В.А. Шитовой.

В основание представленной авторами классификации был положен способ организации взаимодействия, определены цели по каждой группе методов, дидактические задачи и сформирован набор методов в зависимости от способов их реализации (синхронно или асинхронно).

В табл. 1 представлена классификация форм, методов и средств обучения в цифровой среде, упорядоченная по определенному признаку – способу взаимодействия.

Методы цифрового обучения. Особое внимание следует уделить специфике методов обучения, которые как при традиционном, так и при дистанционном обучении в условиях цифровой образовательной среды рассматриваются как способы организации взаимодействия «учитель–ученик» для достижения образовательной цели. Очевидно, что в цифровой среде кроме новых используются и классические методы. Однако каждый из них обогащается благодаря применяемым цифровым инструментам и условиям реализации с использованием интернета как синхронно, так и асинхронно [10]. Представим некоторые методы и их особенности, характерные для обучения в условиях цифровой образовательной среды (табл. 2).

Беседа. Способ обмена мнениями «обучающий–обучающийся–обучающиеся» (коллективное обсуждение) по содержанию деятельности.

Реализуется синхронно через вебинар, открытое комментирование, видеозанятие.

Используя беседу, лучше ориентироваться на проблемные вопросы, выстраивание беседы по принципу эвристической (педагогом не сообщаются готовые знания, а по поставленным вопросам на основе имеющихся обучающиеся усваивают новые понятия, правила, делают выводы) или сократической (ведется диалог, обучающиеся подбирают ответы, а преподаватель ответными вопросами ставит под сомнение выдвинутые гипотезы с целью сделать так, чтобы с помощью уточняющих вопросов был найден правильный ответ).

Комментарий. Пояснения (толкование) к тексту, к выполненной работе; рассуждения, замечания о чём-нибудь (например, в формате заметки, записки).

Реализуется синхронно и асинхронно.

В асинхронном формате через текстовые записи, мессенджер, E-mail, аудиозапись, форум, личные сообщения, бейджи, комментирование результатов деятельности, социальные сети, видеокomentarии. В синхронном формате – открытое комментирование, видеозанятие, цифровой воркшоп.

Консультирование. Форма организации обратной связи с целью оказания своевременной помощи в процессе выполнения заданий. Предвосхищает самостоятельную работу.

Реализуется синхронно и асинхронно. В асинхронном формате реализуется через видеозапись, аудиозапись, форум, личные сообщения, комментирование результатов деятельности, социальные сети, чат-боты, технологии искусственного интеллекта. В синхронном формате – через видеозанятие, онлайн-лекцию открытого типа.

Учебный цифровой след³. Метод, позволяющий анализировать цифровые следы согласно поставленной дидактической цели.

Реализуется синхронно и асинхронно. В асинхронном формате – социальные сети, проектирование, ситуационный анализ, презентация результатов деятельности, форум, видеозанятие (сессионные залы). В синхронном формате – через цифровой воркшоп, метод косвенной инициативы, виртуальную доску, выступление, модерация, мастер-класс, мастерская.

Научный цифровой след. Метод, позволяющий фиксировать процесс научного развития обучающегося в процессе обучения.

Реализуется синхронно и асинхронно. В асинхронном формате – через публикации (тезисы, статьи), научные исследования. В синхронном формате – через цифровой воркшоп, метод косвенной инициативы, виртуальную доску, стендовый доклад, научный семинар (выступление).

Профессиональный цифровой след. Метод, позволяющий фиксировать процесс профессионального роста обучающегося в процессе обучения.

Реализуется синхронно и асинхронно. В асинхронном формате – через разработку методики организации и проведения учебных мероприятий разного типа (занятия, электронные учебные курсы, мастер-классы, мастерские), инструкции для обучающихся. В синхронном формате – через цифровой воркшоп, метод косвенной инициативы, виртуальную доску, стендовый доклад, методический семинар (выступление), мастер-класс, мастерскую.

Метод косвенной инициативы. Создание учебной ситуации, мотивирующей обучающихся на осмысление и детальную проработку изучаемого содержания.

Реализуется синхронно и асинхронно. В асинхронном формате – через публикации (тезисы, статьи), научные исследования. В синхронном формате – через цифровой воркшоп, онлайн-доску, видеозанятие, онлайн-мастерскую, научный семинар (выступление).

Интерактивное мотивирующее упражнение. Задание на вовлечение в учебную деятельность.

Реализуется синхронно и асинхронно. В асинхронном формате – через проектирование (облачные технологии), работу с текстом (виртуальные библиотеки), технологии искусственного интеллекта, онлайн-доску, визуализацию. В синхронном формате – через онлайн-доску, видеозанятие, онлайн-мастерскую, тренинг.

Выбор метода цифрового обучения зависит от возраста обучающихся, предметной области, цели и решаемых задач обучения. Это, соответственно, и влияет на выбор цифрового инструмента для реализации поставленных дидактических задач.

Таблица 2

Методы цифрового обучения

Метод	Содержание	Синхронный формат реализации	Асинхронный формат реализации
Беседа	Способ обмена мнениями «обучающий – обучающийся» (коллективное обсуждение) по содержанию деятельности	Вебинар, открытое комментирование, видеозанятие	
Комментарий	Пояснения (толкование) к тексту, к выполненной работе; рассуждения, замечания о чем-нибудь (в формате заметки, записки, например)	Открытое комментирование, видеозанятие, цифровой воркшоп	Текстовые записи, мессенджер, e-mail, аудиозапись, форум, личные сообщения, бейджи, комментирование результатов деятельности, социальные сети, видеокomentarий
Консультирование	Форма организации обратной связи с целью оказания своевременной помощи в процессе выполнения заданий. Предвосхищает самостоятельную работу	Видеозанятие, онлайн-лекция открытого типа	Видеозапись, аудиозапись, форум, личные сообщения, комментирование результатов деятельности, социальные сети, чат-боты, технологии искусственного интеллекта
Учебный цифровой след	Метод, позволяющий анализировать цифровые следы согласно поставленной дидактической цели	Цифровой воркшоп, метод косвенной инициативы, виртуальная доска, выступления, модерация, мастер-класс, мастерская.	Социальные сети, проектирование, ситуационный анализ, презентация результатов деятельности, форум, видеозанятие (сессионные залы)
Научный цифровой след	Метод, позволяющий фиксировать процесс научного развития обучающегося в процессе обучения	Цифровой воркшоп, метод косвенной инициативы, виртуальная доска, стендовый доклад, научный семинар (выступление)	Публикации (тезисы, статьи), научные исследования
Профессиональный цифровой след	Метод, позволяющий фиксировать процесс профессионального роста обучающегося в процессе обучения.	Цифровой воркшоп, метод косвенной инициативы, виртуальная доска, стендовый доклад, методический семинар (выступление), мастер-класс, мастерская	Разработка методики организации и проведения учебных мероприятий разного типа (уроки, электронные учебные курсы, мастер-классы, мастерские), инструкций для обучающихся
Метод косвенной инициативы	Создание учебной ситуации, мотивирующей обучающихся на осмысление и детальную проработку изучаемого содержания	Цифровой воркшоп, онлайн-доска, видеозанятие, онлайн-мастерская, научный семинар (выступление)	Публикации (тезисы, статьи), научные исследования
Мотивирующее упражнение	Задание на вовлечение в учебную деятельность	Онлайн-доска, видеозанятие, онлайн-мастерская, тренинг	Проектирование (облачные технологии), работа с текстом (виртуальные библиотеки), искусственный интеллект, онлайн-доска, визуализация

Матрица согласования форм, методов и приемов организации цифрового обучения. Новый подход к формам организации обучения в условиях цифровой об-

разовательной среды позволяет определить и соответствующие им методы и приемы. Уточним форматы организации обучения: синхронный или асинхронный.

Базовыми в работе преподавателя являются представление/объяснение теоретического материала (с целью формирования фундаментальных знаний) и организация практической работы (с целью формирования умений и навыков) обучающихся.

Отдельно представим методы и приемы, используемые для представления теоретического и практического материала (табл. 3).

Именно такое согласование форм, методов и приемов организации цифрового обучения делают возможным организовывать и осуществлять индивидуальный подход в дистанционном обучении в условиях цифровой образовательной среды.

Средства цифрового обучения. Поскольку речь идет об обучении в условиях цифровой образовательной среды, то под средствами цифрового обучения понимаются различные материалы для учебного процесса, которые успешно и в рамках рационально сокращенного времени способствуют достижению поставленных целей обучения.

Средством организации цифрового обучения служит программная платформа, которая позволяет организовать

(передавать, принимать, сохранять информацию) и автоматизировать большинство процессов, связанных с обучением [11]. Например, система дистанционного обучения как средство для организации цифрового обучения (рис. 1).

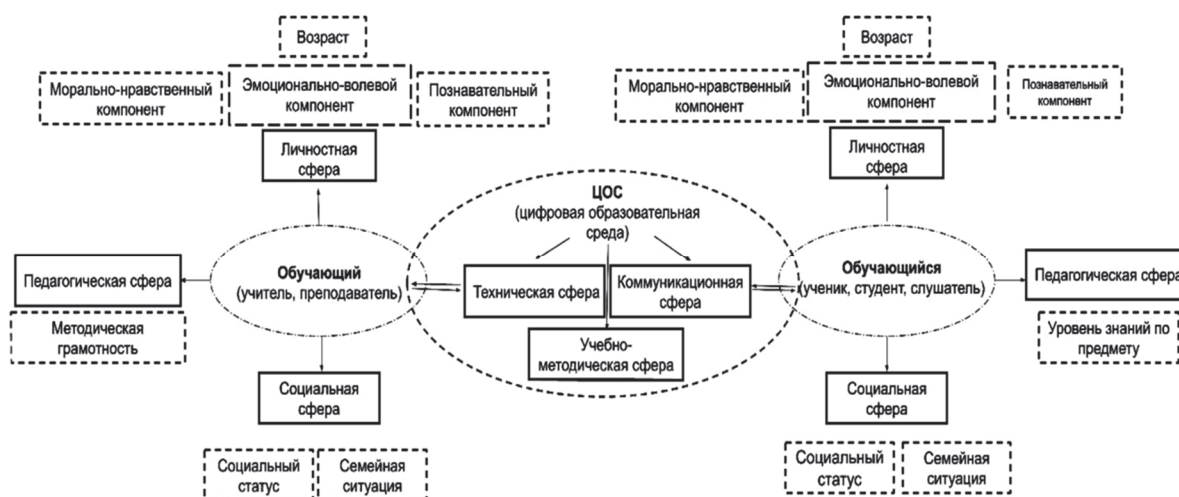
Средства / сервисы / программные продукты для организации учебной деятельности в цифровой образовательной среде называют цифровыми инструментами.

Цифровые инструменты подразделяют (основание – технологическое обеспечение учебного процесса) на организационные, технические, программные и информационные, используемые в условиях цифрового обучения. В другой классификации (основание – техническое обеспечение учебного процесса) средства цифрового обучения подразделяют на аппаратные, программные и информационные. В учебном процессе используют средства, самостоятельно созданные, созданные другими авторами или созданные обучающимися. При этом выбор цифровых инструментов (например, самостоятельно созданные, созданные другими авторами) чаще всего зависит от требований работодателя [12].

Таблица 3

Матрица согласования форм, методов и приемов цифрового обучения

Формы организации обучения	Методы и приемы организации обучения	
	Синхронный формат	Асинхронный формат
<i>Направлены на теоретическую подготовку</i>		
Лекция интерактивная / дискретная / видеозапись / аудио / онлайн	Быстрый опрос (квиз), викторины, обратная связь (блиц-тест на первичное понимание)	Тестирование, проектирование, транскрибирование, визуализация
Онлайн-семинар, видеозанятие	Решение «встроенных» задач, интерактивное мотивирующее упражнение	Визуализация, проектирование, ментальные карты, стендовый доклад, форум (проблемные вопросы)
Виртуальная экскурсия	Рефлексия, онлайн-доска	Тестирование, встроенные задачи, квесты, мастер-класс, виртуальная доска
Онлайн-конференция	Панельная дискуссия, цифровой воркшоп, спич (выступление), онлайн-марафон	Виртуальная доска для организации обратной связи слушателей со спикерами
Онлайн-консультация	Метод косвенных инициатив, бумеранг, часто возникающие вопросы (заготовка преподавателя – ответы на вопросы, в которых часто повторяются ошибки) – реперные вопросы	В дополнение веб-страница с размещенными ответами на часто возникающие вопросы
Самостоятельная работа	Рефлексия, онлайн-доска, комментирование результатов деятельности, стендовый доклад, SWOT-анализ	Мастер-класс, виртуальная доска, форум, видеозапись процесса деятельности, бейджи, ситуационный анализ, тестирование, ограниченный перебор, рекрининг
<i>Направлены на практическую подготовку</i>		
Офлайн-семинар		Визуализация, проектирование, ментальные карты, стендовый доклад, виртуальная доска, веб-квест, кейс-стади, дискуссия (форум), интерактивные мотивирующие мероприятия, геймификация
Онлайн-семинар	Решение «встроенных» задач, интерактивное мотивирующее упражнение, онлайн-доска, сторителлинг, хакатон (командная работа), дебаты (педагогический баттл)	
Стажировка	Мастерская, тренинг, цифровой воркшоп (в т.ч. по следам практикума), онлайн-доска (витрина), кейс-стади, круглый стол (вебинар), хакатон (командная работа)	Мастер-класс, виртуальная доска (витрина), практикум
Виртуальная экскурсия	Онлайн-доска, квест, марафон	Мастер-класс, виртуальная доска, квест
Онлайн-конференция	Онлайн-доска, стендовый доклад, мастерская, цифровой воркшоп, блиц-презентация (печа-куча)	
Митап	Узконаправленное обсуждение, спич, демонстрация продукта	

Рис. 1. Цифровая образовательная среда – универсальный цифровой инструмент⁴

В процессе разработки и подготовки учебных занятий выбор цифрового инструмента определяется той дидактической задачей, которую необходимо решить.

Выделим группы цифровых инструментов в зависимости от их предназначения: универсальные, открытого типа, словари, специальные.

Универсальные цифровые инструменты. Используются в различных предметных областях.

Редакторы (текстовые, графические, аудио- и видео-, web-редакторы и т.д.).

Системы управления обучением – LMS (Moodle, Гиперметод, iSpring и др.).

Конструкторы сайтов, интерактивных заданий, тестов, электронных учебников, мультимедийные конструкторы и т.д. (OnlineTestPad, Удобка, Supra и др.).

Специализированные программы.

Средства видеоконференцсвязи (Вебинар.ру; Контур.Толк, Труконф, Pruffine).

Цифровые словари (разновидность универсальных цифровых инструментов). Используются в различных предметных областях.

Ресурсы для анализа слов и словарной работы по поисковому запросу: Русграм – <http://www.rusgram.ru/new/>; база словарей русского языка – <https://slovari.ru/>; словарь синонимов – <http://web-corpora.net/synonyms>, Национальный корпус русского языка (собрание текстов различной направленности для анализа) – <https://ruscorpora.ru/> и др.

Ресурсы на определение объема словарного запаса (игровые): <https://bbf.ru/tests/618/>; Тестометрика – <https://testometrika.com/english/expanding-english-vocabulary-with-test/>

Мобильные приложения по обогащению словарного запаса: «Слово дня», «Орфография», «Найди ошибку».

Цифровые инструменты открытого типа. Отличаются доступом к ресурсам.

Виртуальные классные комнаты: CORE, Osmo, Pro-Prof, Pruffine.

Создание анимации и видеоконтента: Powtoon, Renderforest, Movavi и т.д.

Облачные сервисы: Яндекс.Диск.

Сервисы по созданию интерактивных заданий и тестов: FlickTop, Online Test Pad.

Интерактивные доски: WEEEEK, YouGile, Pyrus.

Массовые открытые онлайн-курсы (наполнены контентом):

– <https://www.lektorium.tv/speaker/23712> – Лекториум;

– <https://universarium.org/> – Универсариум;

– <https://stepik.org/catalog> – Stepik;

– <https://openedu.ru/?g> – Открытое образование.

Специальные цифровые инструменты. Предназначены для работы в определенных предметных областях:

– словари и переводчики;

– специализированные программы для изучения предмета;

– сайты профессиональных сообществ;

– сервисы для семантической работы с текстом.

Особенности организации учебного процесса в цифровой образовательной среде. Различают несколько составляющих, влияющих на организацию учебного процесса, в том числе в условиях цифрового обучения: кадровое, материально-техническое, информационное, методическое, содержательное, техническое, технологическое обеспечение учебного процесса.

Определим некоторые из них, *изменяющие и дополняющие свое содержание за счет средств цифровой образовательной среды* и существенных для организаторов конкретно процесса обучения.

Для осуществления информационного, технологического и методического обеспечения организаторам учебного процесса необходимо освоить **специальные профессиональные компетенции**. К числу таких специальных компетенций относим следующие:

1. Для информационного обеспечения учебного процесса. Разработанный (или отобранный) и представленный в электронно-цифровом виде учебный и научно-исследовательский материал, комплекс заданий (задач) для самостоятельной работы, решение и

презентация результатов которых предполагает использование современных ресурсов. Включает обеспечение обучающихся необходимой информацией по организации обучения.

Компетенции, необходимые для реализации:

Знание цифровых инструментов для передачи / преобразования и хранения информации; нормативно-правовой основы организации учебного процесса.

Владение способами передачи / преобразования и хранения информации.

2. Для технологического обеспечения учебного процесса. Реализуется на основе применения в учебном процессе современных технологий обучения и цифровых инструментов; выполняет связующую функцию, является стержнем, вокруг которого формируется необходимая цифровая среда, способствующая активному педагогическому взаимодействию преподавателя и обучающихся.

Компетенции, необходимые для реализации:

Знание цифровых инструментов, реализуемых в учебном процессе; способов организации учебного процесса с использованием системы дистанционного обучения (СДО); продуктивного использования искусственного интеллекта.

Владение способами использования цифровых инструментов при выполнении различных видов самостоятельной работы; способами организации учебного процесса в СДО.

3. Для методического обеспечения учебного процесса. Совокупность всех учебно-методических документов (учебных планов, программ, методик, учебных пособий, электронных образовательных ресурсов, инструкций и т.д.), представляющих собой проект системного описания образовательного процесса.

Компетенции, необходимые для реализации:

Знание способов и методов использования цифровых инструментов для выполнения различных видов работ; нормативно-правовой основы организации учебного процесса; способов организации взаимодействия.

Владение способами и методами управления/сопровождения учебной деятельности обучающихся, вовлечения в учебную деятельность, построения индивидуальной траектории, использования искусственного интеллекта.

Потенциал цифровых инструментов для организации учебного процесса.

Система дистанционного обучения. В любом из форматов (синхронный, асинхронный, гибридный) организации современного дистанционного обучения цифровые инструменты дают возможность использовать потенциал цифровых инструментов.

Возможности СДО как цифрового инструмента: служит единой точкой входа для обучения, открывает равные возможности обучающимся; является инструментом для передачи, хранения, приема информации, управления учебным процессом.

Возможности обучающего: представление теоретического материала, организация индивидуальной и групповой работы, контроль за процессом обучения, организация учебной коммуникации, личная переписка, сопровождение обучающихся.

Вебинар. Платформа для организации учебных занятий «глаза-в-глаза» (синхронное взаимодействие).

Возможности платформы: сессионная работа, онлайн-доска, обратная связь, тестирование, опросы, онлайн-семинары, цифровые воркшопы и т.д.

Возможности обучающего: представление теоретического материала, передача информации, прием информации, обратная связь, контроль знаний, обсуждение, работа в группах, обмен опытом и др.

Мессенджеры. Цифровой инструмент для быстрого реагирования.

Возможности мессенджеров: быстрая обратная связь, инструмент для быстрого информирования, передача файлов различного типа, видеотрансляции малыми порциями, мгновенный сбор информации, доступность, средства для работы с искусственным интеллектом.

Возможности обучающего: быстрое информирование одновременно всех участников образовательного процесса, быстрый сбор информации, видеосообщения малого формата.

Электронная почта. Цифровой инструмент для обмена информацией.

Возможности электронной почты: единая цепочка содержания, копилка информации, рассылка.

Возможности обучающего: обратная связь, накопление информации, хранение и представление адресной информации, сохранение цепочки действий, неограниченные объемы письменного общения «точка-точка».

Выводы. Таким образом, была решена задача разработки и систематизации форм и методов дистанционного обучения с использованием современных цифровых инструментов. Исследователи для каждой модели организации дистанционного обучения разработали оптимальные формы, методы и цифровые инструменты, обеспечивающие комфортные условия обучения для обучающего и обучающегося по достижению поставленных целей обучения в условиях цифровой образовательной среды, адекватные современному этапу развития системы образования. Потенциал цифровых инструментов для организации учебного процесса в системе дистанционного обучения может быть использован в любом из форматов (синхронный, асинхронный, гибридный). Тем не менее неперенным условием успешного применения перечисленных форм и методов дистанционного обучения с использованием современных цифровых инструментов является сформированность у организаторов учебного процесса специальных профессиональных компетенций.

Примечания

¹ Часть терминов были представлены в статьях авторов [1, 2].

² В основании данной классификации лежит способ организации взаимодействия участников образовательного процесса в условиях цифровой образовательной среды.

³ Цифровой след – этап отслеживания прогресса и активности обучающегося. Цифровые следы фиксируют нахождение на курсе, позволяют снимать статистику, анализировать учебный прогресс обучающегося и др.

⁴ См.: [12].

Список источников

1. Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л. Дидактика цифровой эпохи: некоторые аспекты развития // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 490. С. 160–168. doi: 10.17223/15617793/490/18
2. Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л., Шитова В.А. Развитие форм организации дистанционного обучения в эпоху цифровизации образования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 143–150. doi: 10.17223/15617793/497/15
3. Дидактика средней школы / под ред. М.Н. Скаткина. 2-е изд. М. : Просвещение, 1982.
4. Лернер И.Я. Дидактические основы методов обучения. М. : Педагогика, 1981.
5. Методы обучения в современной общеобразовательной школе / под ред. Ю.К. Бабанского. М. : Просвещение, 1985.
6. Образцов П.И. Основы профессиональной дидактики : учеб. пособие. М. : Вузовский учебник ; ИНФРА-М, 2016. 288 с.
7. Современные образовательные технологии : учеб. пособие / коллектив авторов ; под ред. Н.В. Бордовской. 3-е изд., стер. М. : КНОРУС, 2022. 432 с.
8. Носкова Т.Н. Вызовы века: педагогика сетевой среды. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. 112 с.
9. Носкова Т.Н. Дидактика цифровой среды. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. 382с.
10. Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л. Цифровое обучение в контексте современного образования: практика применения. М. : Диона, 2020. 244 с.
11. Вайндорф-Сысоева М.Е., Панькина Е.В. Специфика учебно-педагогического взаимодействия в цифровой образовательной среде // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2021. № 2 (42). С. 86–92.
12. Маркетплейс российского программного обеспечения. URL: <https://russoft.ru/> (дата обращения: 02.10.2023).

References

1. Vayndorf-Sysoeva, M.E. & Subocheva, M.L. (2023) Didactics of the digital age: Some aspects of development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 490. pp. 160–168. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/490/18
2. Vayndorf-Sysoeva, M.E., Subocheva, M.L. & Shitova, V.A. (2023) Development of forms of organizing distance learning in the era of digitalization of education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 143-150. (In Russian), doi: 10.17223/15617793/497/15
3. Skatkin, M.N. (ed.) (1982) *Didaktika sredney shkoly* [Didactics of secondary school]. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie.
4. Lerner, I.Ya. (1981) *Didakticheskie osnovy metodov obucheniya* [Didactic foundations of teaching methods]. Moscow: Pedagogika.
5. Babanskiy, Yu.K. (1985) *Metody obucheniya v sovremennoy obshcheobrazovatel'noy shkole* [Teaching methods in a modern comprehensive school]. Moscow: Prosveshchenie.
6. Obratsov, P.I. (2016) *Osnovy professional'noy didaktiki* [Fundamentals of professional didactics]. Moscow: Vuzovskiy uchebnik: INFRA-M.
7. Bordovskaya, N.V. (ed.) (2022) *Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii* [Modern educational technologies]. 3rd ed. Moscow: KNORUS.
8. Noskova, T.N. (2013) *Vyzovy veka: pedagogika setevoy sredy* [Challenges of the century: pedagogy of the network environment]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia.
9. Noskova, T.N. (2020) *Didaktika tsifrovoy sredy* [Didactics of the digital environment]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia.
10. Vayndorf-Sysoeva, M.E. & Subocheva, M.L. (2020) *Tsifrovoe obuchenie v kontekste sovremennogo obrazovaniya: praktika primeneniya* [Digital learning in the context of modern education: practice of application]. Moscow: Diona.
11. Vayndorf-Sysoeva, M.E. & Pan'kina, E.V. (2021) Spetsifika uchebno-pedagogicheskogo vzaimodeystviya v tsifrovoi obrazovatel'noy srede [Specifics of educational and pedagogical interaction in the digital educational environment]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*. 2(42). pp. 86–92.
12. *Marketpleys rossiyskogo programmnogo obespecheniya* [Marketplace of Russian software]. [Online] Available from: <https://russoft.ru/> (Accessed: 02.10.2023).

Информация об авторах:

Вайндорф-Сысоева М.Е. – д-р пед. наук, профессор кафедры технологии и профессионального обучения Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия). E-mail: vs.me@mpgu.su

Субочева М.Л. – д-р пед. наук, зав. кафедрой технологии и профессионального обучения Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия). E-mail: ml.subocheva@mpgu.su

Шитова В.А. – канд. пед. наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Академии социального управления (Москва, Россия). E-mail: v.shitova@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.E. Vayndorf-Sysoeva, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: vs.me@mpgu.su

M.L. Subocheva, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Technology and Vocational Training, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ml.subocheva@mpgu.su

V.A. Shitova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Academy of Public Administration (Moscow, Russian Federation). E-mail: v.shitova@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.12.2023;
одобрена после рецензирования 15.04.2024; принята к публикации 30.04.2024.*

*The article was submitted 23.12.2023;
approved after reviewing 15.04.2024; accepted for publication 30.04.2024.*

Научная статья
УДК 372.881.1
doi: 10.17223/15617793/501/20

Роль медиации в обучении иноязычному академическому дискурсу студентов многопрофильного вуза

Анастасия Сергеевна Герасимова¹, Нора Григорьевна Кац², Анна Владимировна Рубцова³

^{1, 2, 3} Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

¹ gerasimova_as@spbstu.ru

² kats_ng@spbstu.ru

³ rubtsova_av@spbstu.ru

Аннотация. Представлена лингводидактическая характеристика академического дискурса в свете современной иноязычной подготовки кадров высшей квалификации. Рассмотрена роль медиации в обучении иноязычному академическому общению. Проведен анализ степени сформированности медиативных умений аспирантов на основе экспериментальных данных. Сделан вывод о том, что формирование медиативной компетенции должно носить системный характер, поскольку высокий уровень владения языком не всегда свидетельствует о сформированности медиативных умений обучающихся.

Ключевые слова: академический дискурс, медиация текста, медиативные умения, медиативная компетенция, иноязычное образование

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, в рамках научного проекта № 23-78-01058 «Интерактивно-дискурсивная технология формирования медиативной компетенции в условиях иноязычного образования в многопрофильном вузе».

Для цитирования: Герасимова А.С., Кац Н.Г., Рубцова А.В. Роль медиации в обучении иноязычному академическому дискурсу студентов многопрофильного вуза // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 173–181. doi: 10.17223/15617793/501/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/20

The role of mediation in teaching foreign language academic discourse: The case of postgraduate students of a multidisciplinary university

Anastasia S. Gerasimova¹, Nora G. Kats², Anna V. Rubtsova³

^{1, 2, 3} Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation

¹ gerasimova_as@spbstu.ru

² kats_ng@spbstu.ru

³ rubtsova_av@spbstu.ru

Abstract. Nowadays the study of language interaction within the discursive paradigm is gaining increasing popularity. Thus, a description of such types of discourse as political, media, advertising, etc. has been widely developed. A special area of research is devoted to works on the characteristics of academic discourse (including the foreign one) due to the fact that the processes of globalization, academic mobility of professors and students determine the increasing role of academic language as a means of accumulating and transmitting scientific experience. The article provides a linguodidactic characteristic of academic discourse. The aim of this study is to determine the degree of formation of mediation skills in postgraduate students of a multidisciplinary university while working with general scientific texts. The study was conducted at Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University in 2023. The participants of the study were students in non-linguistic areas of training, N=67, with a language proficiency level of B2+ on the CEFR scale. To reach the aim, a test of 9 tasks was compiled. The tasks were developed based on the indicators of mediative competence presented in the CEFR for level B2 and included 6 general scientific texts in English on various topics (“Bird Migration”, “Petroleum Resources”, “Crows Count on ‘Number Neurons’”, “Radon”, “Cave Art in Europe”, “Minerals and Plants”). The results of the study showed that only 10% of postgraduate students successfully completed all tasks. Students demonstrated the ability to summarize and convey significant information in a foreign language, structure text fragments, adapt and simplify source material, express their own point of view regarding what they read, and provide a high-quality translation without distorting the meaning of the source text. The majority of students – 60% – do not have the skills of mediating general scientific texts to a degree corresponding to their level of language proficiency. The key difficulties that students faced were related to the interpretation and generalization of semantic dominants of

the source text (in particular those with metaphorical meaning) as well as to the correct lexical building of statements (the search for lexical substitutions and equivalents during translation) and to the analysis of the logical and structural organization of general scientific texts. This allows concluding that the formation of mediation skills should be of an intentional nature. Moreover, it should be based on a systematic and methodologically appropriate model of teaching foreign language academic discourse.

Keywords: academic discourse, text mediation, mediation skills, mediative competence, foreign language teaching

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-78-01058.

For citation: Gerasimova, A.S., Kats, N.G. & Rubtsova, A.V. (2024) The role of mediation in teaching foreign language academic discourse: The case of postgraduate students of a multidisciplinary university. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 173–181. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/20

Введение

Изучение английского языка в многопрофильном вузе в рамках аспирантуры нередко носит академический характер. Современные студенты должны уметь пользоваться зарубежной научной литературой – составлять обзоры, ориентироваться в специальной терминологии, реферировать или аннотировать статьи и др. Кроме того, мобильность студентов и профессорско-преподавательского состава обуславливает увеличение роли английского языка как языка академического общения.

На сегодняшний день процесс обучения языку в высшей школе носит профессионально-ориентированный характер. Методистами и лингвистами разрабатывается самостоятельное методологическое направление в обучении иностранному языку – «язык для специальных целей» (ESP), главными принципами которого являются учет индивидуальных потребностей учащихся при отборе содержания, использование аутентичных текстов, выявление и развитие релевантных макро- и микронавыков [1]. Учитывая широкую номенклатуру специальностей в современном профессиональном мире, методистами поднимается вопрос о необходимости и целесообразности учета специфики профессиональной сферы при проектировании учебных материалов и обучающих курсов. Это приводит к развитию двух направлений «English for General Academic Purposes (EGAP)» и «English for Specific Academic Purposes (ESAP)» [2]. Сторонники первого подхода (EGAP) считают возможным определить комплекс умений иноязычного академического дискурса, который является «общим» для всех профессиональных областей, поскольку стратегии анализа, интерпретации и порождения дискурса как коммуникативного феномена являются универсальными. Таким образом, в качестве целей обучения выступают формирование или развитие:

- рецептивных умений, к примеру, прослушивание лекций и конспектирование аудиоматериала (note-taking) или аналитическая работа с текстом, в частности, формирование стратегий поискового и просмотрового чтения (skimming, scanning), развитие умений трансформации и компрессии текста (исключение, обобщение) (summarizing);

- продуктивных умений, необходимых для написания академических работ в различных жанрах с учетом их стилистической и дискурсивной специфики, таких

как отчет, рецензия, статья, заметка, комментарий, академическое эссе (эссе-исследование (Research Essay), эссе-убеждение (Persuasive Essay), эссе-аргументация (Argumentative Essay) и др.) и умений публичной речи (презентация, дискуссия, дебаты и др.) [3]. Такой подход позволяет выделить комплекс коммуникативных умений, составляющих основу обучения иноязычному академическому дискурсу в различных профессиональных областях.

Сторонники второго направления (ESAP) считают, что несмотря на возможность обобщения и определения номенклатуры «универсальных» умений для обучения иноязычному академическому дискурсу, различия между дискурсивными нормами и коммуникативными практиками в профессиональных областях существенны и специфичны и, следовательно, должны находить отражение в целеполагании при проектировании обучающих курсов и учебных материалов. Иными словами, будущие специалисты в области экономики нуждаются в развитии коммуникативных умений, которые могут не являться типичными для дискурса, порождаемого в других профессиональных контекстах. В этой связи вопросы, связанные с учетом специфики профессиональной области при организации обучения иноязычному академическому дискурсу, остаются дискуссионными и, в свою очередь, порождают ряд других методических вопросов относительно критериев отбора языкового и речевого материала и подходов к проектированию обучения иноязычному академическому дискурсу.

Лингводидактическая характеристика академического дискурса

Описание теоретических основ дискурса представлено в работах многих отечественных и зарубежных исследователей [6–16]. Более того, в современной лингвистике можно выделить несколько подходов к определению данного феномена – коммуникативный (дискурс как вербальное общение), структурно-синтаксический (дискурс как фрагмент текста), структурно-стилистический (дискурс как нетекстовая организация разговорной речи), социально-прагматический (дискурс как текст, погруженный в ситуацию общения) [17]. Вариативность подходов позволяет сделать вывод о том, что природа дискурса определяется, с одной стороны, его принадлежностью к типовым ситуациям общения, с другой – к процессам, происходящим в сознании самих участников общения, с третьей – собственно к тексту.

«Дискурс – это промежуточное звено между речью как вербальным общением, как деятельностью, с одной стороны, и конкретным текстом, зафиксированным в ходе общения, с другой. В более простом противопоставлении дискурс следует понимать как когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, со знанием речевого произведения, а текст – как конечный результат процесса речевой деятельности, выливающийся в определённую законченную форму» [17. С. 33].

Стоит отметить, что популярным направлением в лингвистике стало описание дискурса с точки зрения конкретной коммуникативной практики. Так, широко освещены следующие типы дискурсов: медийный [18], рекламный [19], политический [20–22], дипломатический [23], экономический [8], финансовый [24], академический [25, 26].

Описывая академический дискурс с точки зрения коммуникативного взаимодействия в сфере высшего образования и науки, а также с позиции EGAP и ESAP, прежде всего стоит упомянуть, что он может подразделяться на устный и письменный. К устным текстам относятся тексты лекций, докладов, выступлений на конференциях и др. Письменный академический дискурс включает научные статьи, монографии, рецензии, аннотации, рефераты и др. Адресатами и реципиентами таких текстов всегда выступают специалисты в какой-либо научной области, преподаватели, молодые исследователи или студенты.

Жанровое своеобразие академического дискурса определяется несколькими факторами: 1) тематикой сообщения (физика плазмы, маркетинг и др.); 2) глубиной освещения научной проблемы (общенаучные, узкоспециальные, учебные материалы и др.); 3) структурно-композиционными особенностями текста (научная статья, научная презентация и др.).

Основные характеристики академических текстов включают подчеркнутую логичность, смысловую точность (однозначность выражения мысли), информативную насыщенность, объективность изложения, скрытую эмоциональность, обобщенно-отвлеченный характер изложения, использование терминов и профессиональной лексики. Средствами, повышающими линейную плотность когнитивной информации в научных текстах, являются аббревиатуры и сокращения, опущения второстепенных компонентов синтаксических структур (эллипсис), формулы, схемы, графики, иллюстративные материалы.

Наибольший интерес с точки зрения обучения иноязычному общению представляет определение и анализ коммуникативных умений, овладение которыми составляет основу взаимодействия в рамках академического дискурса. В работах отечественных методистов и лингвистов, наряду с теоретическим анализом жанровой специфики иноязычного академического дискурса, рассматриваются сложности обучения и овладения коммуникативными умениями для реализации целей взаимодействия в академической среде [27, 28]. Интересно то, что отечественные исследователи акцентируют внимание на трудностях, связанных с недостаточной сформированностью лексической, грамматической и текстовой компетенций,

а зарубежные обращаются к сложностям, возникающим в процессе смыслового и контекстуального анализа, и интерпретации текста, а также передачи его содержания другой аудитории [1, 2]. Умения анализа, интерпретации и передачи смыслового содержания текста в современной методической литературе относятся к медиации – виду коммуникативной деятельности, охватывающей рецептивную, продуктивную и интерактивную стороны общения [4]. Согласно Общеввропейской шкале CEFR («Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка»), необходимость в медиации возникает в ситуациях, когда коммуникация носит опосредованный характер, в том смысле, что у участников взаимодействия отсутствует возможность установить контакт напрямую в силу: 1) временных, социокультурных или языковых барьеров; 2) целевой установки, а именно в ситуациях, когда целью коммуникации выступает не столько передача конкретной информации, а фасилитация взаимодействия – интерпретация и управление передачей смыслового содержания исходного текста (сообщения) для наиболее эффективного его восприятия в различных ситуациях социального и межкультурного взаимодействия. В данной логике определяют виды медиации в зависимости от коммуникативной ситуации и коммуникативных стратегий, задействованных в ее реализации: «медиация текста», «медиация концептов и идей», «медиация коммуникации».

Учитывая тот факт, что коммуникативным стимулом и осязаемым продуктом дискурса в учебно-познавательной деятельности является текст, следует предположить, что в качестве ключевого элемента академического дискурса выступает «медиация текста», а следовательно, задача формирования и развития умений этого вида медиации представляется основополагающей в обучении академическому дискурсу.

Следует отметить, что в ряде методических работ рассматриваются медиативные умения учащихся средней школы, анализируется содержание понятия «медиативная компетенция в иноязычной коммуникации», исследуются социокультурные аспекты медиации в межкультурном взаимодействии, разрабатываются методики обучения медиативным умениям с использованием аутентичных текстов и веб-ресурсов [29–32]. В зарубежных исследованиях особое внимание уделяется разработке методических основ обучения медиативным умениям [33–35]. Однако вопросы, связанные с обучением медиации как виду коммуникативной деятельности в контексте вузовской подготовки, представлены фрагментарно и требуют дальнейшего осмысления. Цель данного исследования заключается в определении степени сформированности умений «медиации текста» у аспирантов, обучающихся по различным направлениям подготовки в многопрофильном вузе.

Материал и методы

Исследование проводилось в СПбПУ в 2023 г. Участниками исследования являлись обучающиеся по

неязыковым направлениям подготовки, N = 67, с уровнем владения языком B2+ по шкале CEFR. Обучая аспирантов различных неязыковых направлений подготовки, преподаватели нередко отмечают, что студенты испытывают трудности с кратким и емким описанием их исследовательской работы на иностранном языке, обобщением изученного материала, передачей информации, содержащейся в учебном видео или лекции. Эти умения составляют основу «медиация текста». В этой связи была сформулирована исследовательская гипотеза: обучающиеся смогут выполнить комплекс коммуникативных заданий за отведенное время (100 минут), если степень сформированности медиативных умений соответствует уровню их языковой подготовки. При этом уровень лексической и грамматической сложности является сильным.

Для подтверждения или опровержения гипотезы были разработаны коммуникативные задания, ориентированные на оценивание медиативных умений обучающихся. Задания разрабатывались на основе показателей медиативной компетенции, представленных в CEFR для уровня B2, на материале шести общенаучных текстов на английском языке различной тематики ("Bird Migration", "Petroleum Resources", "Crows Count on 'Number Neurons'", "Radon", "Cave Art in Europe", "Minerals and Plants"). Количество знаков в текстах, использованных в коммуникативных заданиях, не превышало 1 673 (с пробелами). Грамматическая и лексическая сложность текстов оценивалась с помощью инструментов автоматической оценки сложности англоязычных текстов "Readability Scoring System" (<https://readabilityformulas.com/readability-scoring-system.php>) и "Text Inspector" (<https://textinspector.com/>). Наиболее значимой является оценка лексического состава текста и его соответствие CEFR, поскольку лексическая сложность оказывает существенное влияние на способность обучающихся к смысловой интерпретации текста. Принцип работы текстовых анализаторов заключается в расчете статистики словоупотреблений (tokens) и количества уникальных слов (types), а также процента слов, принадлежащих различным уровням – от A1 до C2. Это позволяет подобрать или адаптировать материал согласно уровню владения обучающимися.

Показателями медиативных умений являлись:

1) *передача основной информации (Relaying specific info)*. Может передать в письменной форме (на ИЯ) соответствующую (значимую) информацию, содержащуюся в академических текстах (на РЯ или ИЯ);

2) *интерпретация визуальных данных (Explaining data)*. Может интерпретировать и достоверно представлять в письменной форме (на ИЯ) подробную информацию из диаграмм и визуально организованных данных (в тексте на РЯ или ИЯ);

3) *обобщение содержания текста (Processing text)*. Может письменно обобщить (на ИЯ) основное содержание академических текстов (на РЯ или ИЯ);

4) *перевод письменного текста (Translating a written text)*. Может осуществлять качественный перевод текста (с РЯ на ИЯ или наоборот) с учетом особенностей организации его содержания, лексических, грамматических, синтаксических, пунктуационных и стилистических особенностей;

5) *ведение заметок (Note-taking)*. Может конспектировать (на ИЯ) основную информацию из аудиовизуальных источников (на РЯ или ИЯ);

6) *адаптация (Adapting language)*. Может упрощать языковое и предметное содержание текста (на РЯ или ИЯ) путем перефразирования (на ИЯ) для обеспечения его понимания реципиентом, не обладающим профессиональными знаниями;

7) *фрагментирование исходного текста (Breaking down complicated information)*. Может разделить сложную для понимания информацию (на ИЯ) на фрагменты (например, этапы процесса, категории денотата и т.п.);

8) *симплификация текста (Streamlining a text)*. Может упростить исходный текст (на ИЯ), исключив нерелевантную или повторяющуюся информацию, приняв во внимание целевую аудиторию и сохранив регистр и тональность повествования;

9) *выражение собственной позиции в отношении текста (Expressing a personal response to academic texts)*. Может четко сформулировать свою точку зрения (на ИЯ) в отношении содержания академического текста (на РЯ или ИЯ), подкрепляя ее примерами и аргументами.

Для оценивания умений в соответствии с критериями были разработаны коммуникативные задания открытого типа, сформулированные как "Read the extract from the text "Bird Migration" and outline the key points"; "Read the sentences below. Identify key words and paraphrase the underlined sentences"; "Read the extract from the text "Petroleum Resources" and translate the underlined parts" и др.

Результаты оценивались относительно разработанных показателей медиативных умений и критериев, таких как точность передачи смысла, полнота высказывания, логичность и связность изложения, композиционная структура текста, уместность использования лексических единиц.

Результаты и обсуждение

Выбор общенаучных текстов в качестве основы для проектирования коммуникативных заданий обусловлен тем, что общенаучные тексты представляют собой массив когнитивных данных, доступных для понимания широкому кругу адресатов. Эти данные описываются при помощи различных лексических категорий – нетерминологических (неспециальных), общенаучных, терминологических слов [36]. Нетерминологическая лексика в общенаучных текстах формирует нейтральную словесную ткань. В ее состав входят такие языковые единицы, как "matter", "formation", "introduction", "relevance" и др. Общенаучная лексика объединяет «обслуживает» не одну научную область, она обозначает понятия «широкого профиля», которые соотносятся с объектами, явлениями, процессами, свойствами в разных областях изучаемой действительности ("phenomenon", "criterion", "genesis", "morphology" и др.). Этот класс лексических единиц имеет тенденцию к расширению в связи с тем, что науки и терминосистемы интегрируются друг в друга. Такие

слова выполняют методологическую функцию в процессе получения нового знания.

Термины – это специальные слова, обозначающие конкретные понятия в определенной сфере человеческой деятельности. В связи с этим они составляют лишь небольшой процент от общего количества лексических единиц текстов общенаучной категории. Данные характеристики обусловили выбор общенаучных текстов в качестве языкового материала для разработки коммуникативных заданий для аспирантов, обучающихся по различным направлениям подготовки. Это позволило нивелировать возможные расхождения в тезаурусе и проанализировать в первую очередь способность аспирантов осмысливать и интерпретировать предметное содержание отобранных текстов.

Качественный анализ работ студентов, на основании выделенных показателей и критериев, позволил определить общие тенденции относительно степени сформированности медиативных умений у обучающихся, а также выявить основные сложности, с которыми столкнулись аспиранты при выполнении коммуникативных заданий (рис. 1).

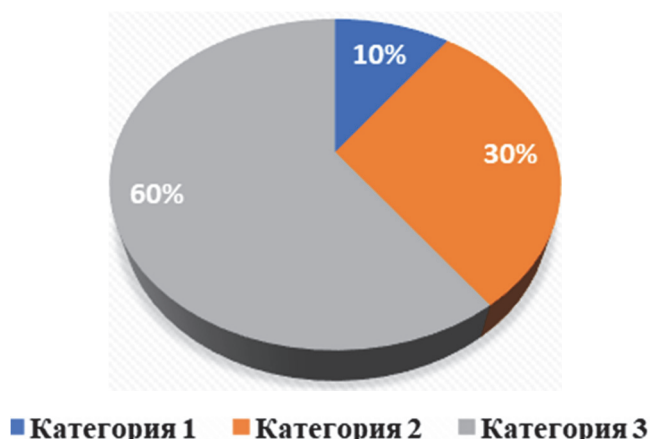

Рис. 1. Результаты оценивания степени сформированности медиативных умений аспирантов

Представленные данные свидетельствуют о том, что только 10% процентов всех аспирантов (Категория 1) полностью справились со всеми заданиями в отведенное время. Обучающиеся продемонстрировали умения обобщать и передавать значимую информацию на иностранном языке, структурировать фрагменты текста, адаптировать и симплифицировать исходный материал, выражать собственную точку зрения в отношении прочитанного, осуществлять качественный перевод без искажения смысла исходного текста. Качественный анализ работ аспирантов позволил заключить, что тексты обладают полнотой и логикой изложения, передают исходный смысл, обучающимися используются различные стратегии передачи информации (перефразирование, симплификация, фрагментирование).

Большинство аспирантов, 60% (Категория 3), не справились с предложенными заданиями. Наибольшую сложность вызвало задание 9, выполняя которое обучающимся было необходимо организовать части

На рис. 1 представлены результаты проведенного анализа по трем категориям.

Категория 1 – процентное соотношение работ студентов, выполнивших все задания в отведенное время; работы представляют собой логичный, связанный, структурированный текст, обладающей полнотой изложения и корректно представляющий ключевые смысловые доминанты исходного текста; лексические единицы употребляются правильно относительно контекста высказывания и исходного материала текста.

Категория 2 – процентное соотношение работ студентов, частично выполнивших задания в отведенное время; в текстах работ присутствуют логические ошибки, а также ошибки, отражающие нарушения в построении текстов, неправильный перевод некоторых лексических единиц.

Категория 3 – процентное соотношение работ студентов, не справившихся с большинством заданий в установленное время; задания выполнены не в полном объеме, некоторые задания отсутствуют, в текстах работ присутствуют грубые смысловые и логические ошибки.

текста в единое целое, исходя из его логики, структуры и смысла.

С ним справились только 7 аспирантов (Категория 1). Кроме этого, существенные затруднения были отмечены при выполнении заданий 2, 4, 5 и 8. Эти задания были направлены на оценивание умений аспирантов анализировать и интерпретировать визуальные данные, переводить исходный текст, корректно передавая основные смысловые акценты и подбирая правильные лексические соответствия, составлять заметки по лекциям на иностранном языке, упрощать и обобщать содержание исходного текста. Были также обнаружены сложности с определением ключевых слов в исходных текстах и их перефразированием.

В Категории 2 представлено процентное соотношение аспирантов (30%), частично справившихся с предложенными заданиями. Качественный анализ работ позволил заключить, что аспиранты столкнулись со следующими сложностями:

– *интерпретационные*: а) существенную сложность вызвал перевод заголовков текстов или их фрагментов, содержащих метафорический элемент. Обучающиеся не смогли распознать метафору, характеризующую ключевую смысловую доминанту текста (“Crows Count on ‘Number Neurons’” – в оригинальном тексте речь шла о том, что ученые выявили у ворон наличие нейронов, ответственных за способность считать); б) обучающиеся не справились с коммуникативной компрессией текста, в частности, со свертыванием информации и применением повторной номинации;

– *продуктивные*: аспиранты столкнулись с трудностями при моделировании логико-смысловой структуры текста во время выполнения коммуникативных заданий, направленных на соединение частей текста или составление плана предметного содержания прослушанной (просмотренной) лекции;

– *лингвистические*: а) *лексические*: затруднения возникли в ходе перевода общенаучных слов и словосочетаний. К примеру, обучающиеся не справились с подбором эквивалентов для лексемы “seafloor” и словосочетания “marine mud”. Первое аспиранты перевели как «морская флора», а второе – «толща воды»; б) *стилистические*: при симплификации текста, существенную сложность вызвало сохранение регистра и тональности повествования без изменения его смыслового содержания. Наблюдалась тенденция языкового упрощения и одновременная трансформации смысла исходного информационного ресурса.

Обозначенные трудности, по нашему мнению, прежде всего обусловлены отсутствием опыта у обучающихся в медиативной деятельности. Существующие технологии и методики обучения иностранным языкам часто акцентируют внимание на формировании и развитии продуктивных и рецептивных умений у обучающихся, а также формировании их лингвистической и социокультурной компетенций. Понятие медиативной компетенции и медиативных умений является достаточно новым в методике обучения иностранным языкам, в связи с этим сущностная характеристика медиации до конца не определена [37–39]. Исследователи рассматривают медиацию и как вид речевой деятельности, и как компетенцию в составе иноязычной коммуникативной компетенции, и как способ (стратегию) организации активного коммуникативного взаимодействия в классе [40–42]. Это свидетельствует об отсутствии единого подхода к пониманию медиации как самостоятельного вида коммуникативной деятельности и, следовательно, затрудняет разработку методических решений, ориентированных на формирование и развитие соответствующих умений. Полученные в ходе исследования результаты позволяют сделать вывод о

том, что формирование медиативных умений и медиативной компетенции в целом должно носить целенаправленный и системный характер, поскольку высокий уровень владения языком не всегда свидетельствует о достаточной степени сформированности медиативных умений обучающихся. Между тем медиативные умения в академическом дискурсе играют основополагающую роль, поскольку посредством этих умений обеспечивается реализация главной его цели – передачи и интерпретации научных знаний и достижений.

Заключение

Гипотеза исследования заключалась в том, что если аспиранты владеют медиативными умениями в степени, соответствующей их уровню языковой подготовки, то они будут способны выполнить оценочные коммуникативные задания в установленный промежуток времени. Проведенное исследование показало, что несмотря на сформированность иноязычной коммуникативной компетенции у аспирантов на уровне B2 по шкале CEFR, 60% обучающихся не владеют умениями медиации общенаучных текстов в степени, соответствующей их уровню владения языком. Ключевые сложности, с которыми сталкивались обучающиеся, были связаны с интерпретацией и обобщением смысловых доминант исходного текста, в частности, имеющих метафорический подтекст, корректным лексическим оформлением высказывания, а именно поиском лексических замен и эквивалентов при переводе, анализом логической и структурной организации общенаучных текстов. Это позволяет сделать вывод о том, что формирование медиативных умений должно осуществляться целенаправленно и опираться на системную и методически целесообразную модель обучения. Из этого следует, что понятие «медиативная компетенция» нуждается в дальнейшей теоретической и практической разработке. Необходимо проектирование технологии обучения, направленной на формирование умений, значимых для дискурсивной деятельности в академической среде.

Учитывая основополагающую роль медиации в интерпретации и моделировании дискурса, полученные в ходе исследования результаты могут вызвать интерес у методистов и лингвистов, исследующих вопросы интерактивной деятельности и прагматики академического речевого общения. Кроме этого, полученные в исследовании данные могут быть полезны для дальнейшей теоретической и практической разработки понятия «медиативная компетенция» и «медиативная деятельность» в контексте профессионально-направленной подготовки специалистов в вузе.

Список источников

1. Hutchinson T., Waters A. English for Specific Purposes: A Learner-Centered Approach. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 183 p.
2. Hyland K. English for academic purposes: an advanced resource book. New York : Routledge, 2006. 359 p.
3. Минеева И.Н. Академическое эссе: теория и практика жанра // Филологический класс. 2015. № 2 (40). С. 7–14.
4. Common European framework of reference for languages: learning, teaching, assessment; companion volume. Strasbourg : Council of Europe Publishing, 2020. 274 c.
5. Арутюнова Н.Д. Дискурс. Речь // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Большая российская энциклопедия, 2002. С. 136–137.

6. Николаева Т.М. Лингвистика текста: Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. (Серия: Лингвистика текста). С. 467–472.
7. Борботько В.Г. Элементы теории дискурса. Грозный : Чечено-Ингуш. гос. ун-т, 1981. 113 с.
8. Ачилова Е.Н. Экономический дискурс как разновидность институционального: классификация и структура // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 3 (32). С. 94–96.
9. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространства, текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время : материалы науч. конф. М. : Диалог; МГУ, 1997. С. 19–20.
10. Леонтович О.А. Зеркало, в котором каждый показывает свой лик: дискурсивное конструирование идентичностей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21, № 2. С. 247–259.
11. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 476 с.
12. Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. New York: Routledge, 2003. 270 p.
13. Harris Z. Discourse analysis // Language. 1952. Vol. 28, № 1. P. 1–30.
14. Schiffrin D. Approaches to discourse. Cambridge : MA & Oxford: Blackwell, 1994. 470 p.
15. Stubbs M. Discourse analysis: the sociolinguistic analysis of natural language. Chicago : University of Chicago Press, 1983. 272 p.
16. Van Dijk Teun A. Discourse and manipulation // Discourse & Society. 2006. № 17 (2). P. 359–383.
17. Хурматуллин А.К. Понятие дискурса в современной лингвистике // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 6, Т. 151. С. 31–37.
18. Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2006. № 2. С. 20–33.
19. Борисова А.С., Рубинштейн К.Е. Прагматика эмоций в современном рекламном дискурсе (на материале французского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 2. С. 133–147.
20. Баранов А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек. 1997. № 6. С. 108–118.
21. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
22. Горностаева А.А. Ирония в политическом дискурсе: агрессия или развлечение? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2014. № 3. С. 64–74.
23. Беляков М.В. Характер эмотивности дипломатического дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 2. С. 124–132.
24. Чугунов А.А. Аллюзии и цитаты как средство репрезентации эмоций в русскоязычном и англоязычном финансовом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2014. № 3. С. 97–105.
25. Ежова Т.В. Проектирование педагогического дискурса в высшем профессиональном образовании будущего учителя : дис. ... д-ра пед. наук. Оренбург, 2009. 444 с.
26. Богданова Л.И. Академический дискурс: проблемы теории и практики // Cuadernos de Rusística Española. 2018. № 14. С. 81–92.
27. Дронов И.С. Обучение академическому дискурсу в целях обучения иностранному языку студентов лингвистических направлений подготовки // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23, № 175. С. 45–51.
28. Дубовкина Е.Р., Шкунова А.А., Прохорова М.П. Публичная речь как компетенция будущего специалиста // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 4 (38). С. 42–49.
29. Колесников А.А., Денисов М.К. Обучение формам языкового посредничества (медиации) // Иностранные языки в школе. 2013. № 1. С. 19–27.
30. Вавилина Т.Ю., Привалова Е.В. Формирование медиативной компетенции на уроках иностранного языка у учащихся основной общей школы // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 3. С. 89–96.
31. Прохорова А.А., Сергеева О.В., Ямкина И.А. Мультиязычные веб-сайты как средство формирования и развития медиативных умений студентов технического вуза // Язык и культура. 2022. № 60. С. 249–269.
32. Плеханова Ю.В., Степанова М.А. Медиативные технологии в иноязычном образовании // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9, № 5. С. 1–9. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/07PDMN521.pdf>
33. Chovancova V. Practicing the skills of mediation in English for legal purposes // Studies in logic, grammar and rhetoric. 2018. Vol. 53 (66). P. 49–60.
34. Mayr G. Mediation and Task-Based Language Learning (TBLL): How Autonomous Learning Enhances Mediation Competencies // EL.LE. 2019. Vol. 8 (3). P. 705–722.
35. North B., Piccardo E. Developing illustrative descriptors of aspects of mediation for the Common European Framework of Reference (CEFR): A Council of Europe project // Language Teaching. 2016. Vol. 49 (3). P. 455–459.
36. Даниленко В.П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. М. : Наука, 1977. 248 с.
37. Сафонова В.В. Лингводидактические размышления о медиативном образовании преподавателя-исследователя в системе языковой подготовки к международному партнерству и сотрудничеству // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2021. № 1 (838). С. 151–164.
38. Петрова Е.С., Статеева Е.В. Перевод и коммуникативная языковая медиация: границы понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 9 (39). С. 121–126.
39. Киндеркнехт А.С., Колада В.В. Термин медиация в современных научных исследованиях по переводу // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 6. С. 30–49.
40. Аллахвердова О.В. Медиация как социально-психологический феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. № 2. С. 151–159.
41. Майер И.А., Селезнева И.П. Развитие медиативной компетенции обучающихся магистратуры педагогического направления подготовки: лингводидактический подход // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2022. № 3 (61). С. 5–14. doi: 10.25146/1995-0861-2022-61-3-346
42. Ланкина О.Ю. Медиация в системе оценивания устного высказывания в форме дискуссии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. № 2. С. 174–179.

References

1. Hutchinson, T. & Waters, A. (1987) *English for Specific Purposes: A Learner-Centered Approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Hyland, K. (2006) *English for academic purposes: an advanced resource book*. New York: Routledge.
3. Mineeva, I.N. (2015) Akademicheskoe esse: teoriya i praktika zhanra [Academic essay: theory and practice of the genre]. *Filologicheskij klass*. 2 (40). pp. 7–14.
4. Council of Europe. (2020) *Common European framework of reference for languages: learning, teaching, assessment; companion volume*. Strasbourg: Council of Europe Publishing.

5. Arutyunova, N.D. (2002) Diskurs. Rech' [Discourse. Speech]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. pp. 136–137.
6. Nikolaeva, T.M. (1978) Lingvistika teksta: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy [Text Linguistics: Current Status and Prospects]. In: Novoe v zarubezhnoy lingvistike [New in Foreign Linguistics]. Vol. 8. Moscow. pp. 467–472.
7. Borbot'ko, V.G. (1981) *Elementy teorii diskursa* [Elements of Discourse Theory]. Grozny: Chechen-Ingush State University.
8. Achilova, E.N. (2009) Ekonomicheskii diskurs kak raznovidnost' institutsional'nogo: klassifikatsiya i struktura [Economic Discourse as a Type of Institutional Discourse: Classification and Structure]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. 3 (32). pp. 94–96.
9. Kubryakova, E.S. & Aleksandrova, O.V. (1997) [Types of Space, Text and Discourse]. *Kategorizatsiya mira: prostranstvo i vremya* [Categorization of the World: Space and Time]. Conference Proceedings. Moscow: Dialog; MSU. pp. 19–20. (In Russian).
10. Leontovich, O.A. (2017) Zerkalo, v kotorom kazhdyy pokazyvaet svoj lik: diskursivnoe konstruirovaniye identichnostey [The Mirror in Which Everyone Shows Their Face: Discursive Construction of Identities]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika*. 21 (2). pp. 247–259.
11. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena.
12. Fairclough, N. (2003) *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. New York: Routledge.
13. Harris, Z. (1952) Discourse analysis. *Language*. 28 (1). pp. 1–30.
14. Schiffrin, D. (1994) Approaches to discourse. Cambridge: MA & Oxford: Blackwell.
15. Stubbs, M. (1983) *Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*. Chicago: University of Chicago Press.
16. Van Dijk Teun, A. (2006) Discourse and manipulation. *Discourse & Society*. 17 (2). pp. 359–383.
17. Khurmatullin, A.K. (2009) Ponyatie diskursa v sovremennoy lingvistike [The Concept of Discourse in Modern Linguistics]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 151 (6). pp. 31–37.
18. Dobrosklonskaya, T.G. (2006) Mediadiskurs kak ob'ekt lingvistiki i mezkul'turnoy kommunikatsii [Media Discourse as an Object of Linguistics and Intercultural Communication]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*. 2. pp. 20–33.
19. Borisova, A.S. & Rubinshteyn, K.E. (2015) Pragmatika emotsiy v sovremennoy reklamnom diskurse (na materiale frantsuzskogo yazyka) [Pragmatics of Emotions in Modern Advertising Discourse (Based on the French Language)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika*. 2. pp. 133–147.
20. Baranov, A.N. (1997) Politicheskii diskurs: proshchaniye s ritualom [Political Discourse: Farewell to Ritual]. *Chelovek*. 6. pp. 108–118.
21. Chudinov, A.P. (2001) *Rossiya v metaforycheskom zerkale: kognitivnoye issledovaniye politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a Metaphorical Mirror: Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
22. Gornostaeva, A.A. (2014) Ironiya v politicheskom diskurse: agressiya ili razvlecheniye? [Irony in Political Discourse: Aggression or Entertainment?]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika*. 3. pp. 64–74.
23. Belyakov, M.V. (2015) Kharakter emotivnosti diplomacheskogo diskursa [The Nature of Emotive Diplomatic Discourse]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika*. 2. pp. 124–132.
24. Chugunov, A.A. (2014) Allyuzii i tsitaty kak sredstvo reprezentatsii emotsiy v russkoyazychnom i angloyazychnom finansovom diskurse [Allusions and Quotations as a Means of Representing Emotions in Russian-Language and English-Language Financial Discourse]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika*. 3. pp. 97–105.
25. Ezhova, T.V. (2009) *Proektirovaniye pedagogicheskogo diskursa v vysshem professional'nom obrazovanii budushchego uchitelya* [Designing Pedagogical Discourse in Higher Professional Education of Future Teachers]. Pedagogics Dr. Diss. Orenburg.
26. Bogdanova, L.I. (2018) Akademicheskii diskurs: problemy teorii i praktiki [Academic Discourse: Problems of Theory and Practice]. *Cuadernos de Rusística Española*. 14. pp. 81–92.
27. Dronov, I.S. (2018) Obucheniye akademicheskomu diskursu v tselyakh obucheniya inostrannomu yazyku studentov lingvisticheskikh napravleniy podgotovki [Teaching Academic Discourse for the Purposes of Teaching a Foreign Language to Students Majoring in Linguistics]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 23 (175). pp. 45–51.
28. Dubovkina, E.R., Shkunova, A.A. & Prokhorova, M.P. (2019) Publichnaya rech' kak kompetentsiya budushchego spetsialista [Public Speech as a Competency of a Future Specialist]. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*. 4 (38). pp. 42–49.
29. Kolesnikov, A.A. & Denisov, M.K. (2013) Obucheniye formam yazykovogo posrednichestva (mediatsii) [Teaching Forms of Language Mediation]. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 1. S. 19–27.
30. Vavilina, T.Yu. & Privalova, E.V. (2019) Formirovaniye mediativnoy kompetentsii na urokakh inostrannogo yazyka u uchashchikhsya osnovnoy obshchey shkoly [Formation of Mediation Competence in Foreign Language Lessons Among Students of Basic General School]. *Evrasiyskiy humanitarnyy zhurnal*. 3. pp. 89–96.
31. Prokhorova, A.A., Sergeeva, O.V. & Yamkina, I.A. (2022) Mul'tiyazychnyye veb-saity kak sredstvo formirovaniya i razvitiya mediativnykh umeniy studentov tekhnicheskogo vuza [Multilingual Websites as a Means of Forming and Developing Mediation Skills of Students of a Technical University]. *Yazyk i kul'tura*. 60. pp. 249–269.
32. Plekhanova, Yu.V. & Stepanova, M.A. (2021) Mediativnye tekhnologii v inoyazychnom obrazovanii [Mediation Technologies in Foreign Language Education]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*. 9 (5). pp. 1–9. [Online] Available from: <https://mir-nauki.com/PDF/07PDMN521.pdf>
33. Chovancova, B. (2018) Practicing the skills of mediation in English for legal purposes. *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*. 53 (66). pp. 49–60.
34. Mayr, G. (2019) Mediation and Task-Based Language Learning (TBLL): How Autonomous Learning Enhances Mediation Competencies. *EL.LE*. 8 (3). pp. 705–722.
35. North, B. & Piccardo, E. (2016) Developing illustrative descriptors of aspects of mediation for the Common European Framework of Reference (CEFR): A Council of Europe project. *Language Teaching*. 49 (3). pp. 455–459.
36. Danilenko, V.P. (1977) *Russkaya terminologiya: opyt lingvisticheskogo opisaniya* [Russian Terminology: Experience of Linguistic Description]. Moscow: Nauka.
37. Safonova, V.V. (2021) Lingvodidakticheskie razmyshleniya o mediativnom obrazovanii prepodavatelya-issledovatelya v sisteme yazykovoy podgotovki k mezhdunarodnomu partnerstvu i sotrudnichestvu [Linguodidactic Reflections on the Mediative Education of a Teacher-Researcher in the System of Language Training for International Partnership and Cooperation]. *Vestnik MGLU. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*. 1 (838). pp. 151–164.
38. Petrova, E.S. & Stateeva, E.V. (2014) Perevod i kommunikativnaya yazykovaya mediatsiya: granitsy ponyatiy [Translation and Communicative Linguistic Mediation: Boundaries of Concepts]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 9 (39). pp. 121–126.
39. Kinderknecht, A.S. & Kolada, V.V. (2022) Termin mediatsiya v sovremennykh nauchnykh issledovaniyakh po perevodu [The Term Mediation in Modern Scientific Research on Translation]. *Nauchnyy dialog*. 11 (6). pp. 30–49.
40. Allakhverdova, O.V. (2007) Mediatsiya kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen [Mediation as a Socio-Psychological Phenomenon]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2. pp. 151–159.
41. Mayer, I.A. & Selezneva, I.P. (2022) Development of the Mediation Competence in Master's Degree Students of Pedagogical Specialization: Linguo-Didactic Approach. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva*. 3 (61). pp. 5–14. (In Russian). doi: 10.25146/1995-0861-2022-61-3-346

42. Lankina, O.Yu. (2018) Mediatsiya v sisteme otsenivaniya ustnogo vyskazyvaniya v forme diskussii [Mediation in the System of Assessing Oral Statements in the Form of a Discussion]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 174–179.

Информация об авторах:

Герасимова А.С. – канд. филол. наук, доцент Высшей школы лингвистики и педагогики Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: gerasimova_as@spbstu.ru

Кац Н.Г. – канд. пед. наук, старший преподаватель Высшей школы лингвистики и педагогики Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: kats_ng@spbstu.ru

Рубцова А.В. – д-р пед. наук, директор Высшей школы лингвистики и педагогики Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: rubtsova_av@spbstu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.S. Gerasimova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: gerasimova_as@spbstu.ru

N.G. Kats, Cand. Sci. (Pedagogics), senior lecturer, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: kats_ng@spbstu.ru

A.V. Rubtsova, Dr. Sci. (Pedagogics), director of the Higher School of Linguistics and Pedagogy, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: rubtsova_av@spbstu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.12.2023;
одобрена после рецензирования 27.02.2024; принята к публикации 30.04.2024.*

*The article was submitted 29.12.2023;
approved after reviewing 27.02.2024; accepted for publication 30.04.2024.*

Научная статья
УДК 37:378
doi: 10.17223/15617793/501/21

Иноязычная SMART-подготовка студентов технического вуза и проблема сохранения субъектности обучающихся

Ирина Владимировна Леушина¹, Любовь Игоревна Леушина²

^{1, 2} Нижегородский государственный технический университет имени Р.Е. Алексеева, Нижний Новгород, Россия

¹ leushinaiv@yandex.ru

² kafmto@mail.ru

Аннотация. В центре внимания – проблема сохранения субъектности обучающихся в сфере SMART-образования. Дается общая характеристика SMART-образования как социального явления. Выявляются особенности образовательных SMART-технологий. Формулируются требования к участникам образовательного SMART-процесса. Оценивается влияние субъектности студента на эффективность образовательного процесса. Описывается опыт иноязычной SMART-подготовки и сохранения субъектности обучающихся на примере конкретного технического вуза.

Ключевые слова: SMART, образование, технология, субъектность, иноязычная подготовка, технический вуз

Для цитирования: Леушина И.В., Леушина Л.И. Иноязычная SMART-подготовка студентов технического вуза и проблема сохранения субъектности обучающихся // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 182–189. doi: 10.17223/15617793/501/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/21

Foreign language SMART training for technical university students and the problem of preserving students' agency

Irina V. Leushina¹, Lubov I. Leushina²

^{1, 2} Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alexeev, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹ leushinaiv@yandex.ru

² kafmto@mail.ru

Abstract. The authors of the article focus on the problem of preserving students' agency in the field of SMART education. Currently, in the university community, against the backdrop of the widespread mention of SMART education, SMART technologies and SMART training, there is no comprehensive understanding of the meaning of the term «SMART» and the consequences of the transition to SMART education. Moreover, such a transition is fraught with increasing risks of transformation of a person's identity, individuality, and gradual loss of one's agency, when one simply «dissolves» in the information space, which ultimately, at a minimum, negatively affects the quality of one's education. Within the framework of this study, an analytical review of open sources of information on the topic is consistently carried out, the results of which provide a general description of SMART education as a social phenomenon: SMART education is characterized by the flexibility of constructing the educational trajectory of each student, the availability of educational information; most importantly, it requires serious effort, including restructuring of thinking and acquisition of innovative communication skills from all participants in the educational process. The features of educational SMART technologies are revealed. The most important feature here is that the student, immersing oneself in the educational environment, works online or offline as part of a group, and not one-on-one with the teacher, and communicates with all participants in the process. In addition, one acts not so much as a user, but as a co-author of the educational material and actively participates in the discussion and solution of tasks. The requirements for participants in the educational SMART process (students, teachers and representatives of interested employers) are formulated: to ensure the effectiveness of SMART training, it is very important to maintain the student's agency as a kind of a core of the educational SMART system, even in conditions of external influence (not always favorable), which is the priority function of other participants in the educational process. The influence of student's agency on the effectiveness of the educational process is assessed. An experience of foreign language SMART training and maintaining of students' agency is described using the example of a technical university: a specific example shows that the unification of the efforts of all participants in the educational process and the rational use of innovative methodological techniques of foreign language SMART training associated with its maximum practical orientation towards graduates' future professional activities allow not only to maintain students' agency level, but also to significantly increase it, which will

ultimately have a positive impact on the effectiveness of the educational process and the quality of students' training at a technical university.

Keywords: SMART, education, technology, subjectivity, foreign language training, technical university

For citation: Leushina, I.V. & Leushina, L.I. (2024) Foreign language SMART training for technical university students and the problem of preserving students' agency. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 182–189. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/21

Введение

В последние годы тема SMART-образования и применения SMART-технологий при изучении различных учебных дисциплин практически не сходит со страниц профильных журналов («Вестник Воронежского государственного университета», «Вестник Томского государственного университета», «Интерактивное образование», «Международный журнал экспериментального образования», «Мир науки. Педагогика и психология», «Филологические науки. Вопросы теории и практики»). Появилась целая линейка новых терминов: SMART-подготовка, SMART-обучение, SMART-инфраструктура, SMART-учебник, SMART-приложение, SMART-гражданин и многие другие производные от слова SMART, в переводе с английского буквально означающего УМНЫЙ. И это не просто дань моде, а скорее внешнее проявление объективно неизбежного перехода общества в своем развитии к очередному технологическому укладу.

Интересную трактовку определения «SMART» дают авторы работы [1]: SMART – это свойство системы или процесса, которое проявляется во взаимодействии с окружающей средой, и наделяет систему и (или) процесс способностью:

- к незамедлительному реагированию на изменения во внешней среде;
- адаптации к трансформирующимся условиям;
- самостоятельному развитию и самоконтролю;
- эффективному достижению результата.

По мнению авторов [1], современный уровень развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) позволяет добиться свойства «SMART» в процессах, предметах, объектах и даже субъектах.

В современном глобальном информационном обществе информационное пространство рассматривается уже не только как площадка для работы или получения образования, сколько как своеобразная среда обитания современного человека, характеризующаяся своей спецификой, в частности, переходом от ИКТ к SMART-технологиям во всех сферах жизни, в том числе и в образовании. Такой переход представляет собой не формальный повсеместный трансфер ИКТ, он предполагает быструю адаптацию инфраструктуры системы образования и участников образовательного процесса к изменениям в обществе и в первую очередь ассоциируется с формированием новой информационной культуры у членов социума и доминированием гуманитарных ценностей. В идеале он приводит к становлению обновленной системы образования – SMART-образованию, доминантами в котором должны стать:

- Self-Directed (самоуправляемое, самонаправляемое, самоконтролируемое);
- Motivated (мотивированное);

- Adaptive (адаптивное, гибкое);
- Resource-enriched (обогащенное различными вариативными ресурсами);
- Technological (технологичное).

Однако на деле не все и не всегда получается так гладко. Слабым звеном системы часто выступает человек, который в глобальном информационном обществе, доверяя всецело информационным ресурсам и процессам и «плывя по течению», превращается в одного из многочисленных SMART-студентов или SMART-преподавателей, уже не оказывающих столь существенного влияния на результат обучения, как раньше. Так, например, в работе [2] отмечаются высокий уровень подверженности участников образовательного процесса внешнему влиянию и так называемая «когнитивная уязвимость» из-за расщепления их личности в условиях переориентации на виртуальную реальность.

Одновременно возрастают риски трансформации идентичности, индивидуальности человека, постепенной утраты им субъектности, он попросту «растворяется» в информационном пространстве, что в конечном итоге, как минимум, негативно сказывается на качестве его образования.

В этой связи авторам данной статьи актуальной представляется задача профилактики описанного нежелательного эффекта и минимизации последствий его проявления.

Алгоритм проведения исследования

В рамках данного исследования последовательно проводился аналитический обзор открытых источников информации по заявленной теме, по результатам которого давалась общая характеристика SMART-образования как социального явления; выявлялись особенности образовательных SMART-технологий; формулировались требования, предъявляемые к участникам образовательного SMART-процесса; оценивалось влияние субъектности студента на эффективность образовательного процесса; описывался опыт иноязычной SMART-подготовки и сохранения субъектности обучающихся на примере конкретного технического вуза.

Обсуждение результатов работы

Истоки и характеристика SMART-образования как социального явления. Как известно, ст. 43 Конституции РФ закрепила право всех без исключения граждан нашей страны на образование. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» определяет образование как единый целе-

направленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов. Таким образом, образование одновременно выступает и как инструмент, и как составляющая социализации, и как социальное завоевание, и как социальное явление – общественный институт, выполняющий функции подготовки и вовлечения человека в различные сферы жизни социума, приобщения к его культуре и нормам поведения. Очевидно, что динамичное развитие общества неизбежно влечет за собой потребность изменения сферы образования.

Как показали результаты информационно-аналитического обзора, проведенного авторами данной статьи, смена поколения молодежи с X на Z, произошедшая за последние 50–60 лет, наложила отпечаток на личностные характеристики его представителей. Для так называемого «digital-поколения» различного рода SMART-устройства и гаджеты, которые используют самые современные ИКТ, стали неотъемлемыми элементами повседневной жизни.

В 60–80-е гг. прошлого века молодой человек, входящий в социум, характеризовался фундаментальным образованием с доминированием одной из областей знаний, сочетанием неконформизма – стремления отстаивать собственное мнение, даже если оно противоречит мнению многих, – и готовности принимать противоположное мнение, если оно научно обосновано и доказано. При этом он четко осознавал необходимость приложения усилий для построения собственной профессиональной карьеры в интересах своей страны и, как следствие, получения социальных благ.

Однако уже к 20-м гг. XXI столетия стало проявляться поверхностное отношение молодого человека к образованию (фрагментарное образование), стремление в короткое время объять необъятное в виде многих областей науки и техники и как можно быстрее самореализоваться для достижения максимума социальных благ и удовольствий любой ценой (гедонизм). Сменилась линейка приоритетов, среди которых появились прагматизм и коммуникативность, конформизм и космополитичность. Этот временной период совпал с повсеместным распространением ИКТ и наступательной интернетизацией общества. Решение целого ряда задач, связанных с адаптацией системы образования к произошедшим изменениям, приняло на себя электронное обучение (e-learning). В практику работы образовательных организаций вошли дистанционное обучение, индивидуальные траектории обучения, инновационные образовательные технологии и т.п. Фактически сложились предпосылки для появления и становления принципиально новой системы образования, чувствительной к изменениям в обществе, открытой к дальнейшему развитию и включающей в себя подтвердившие свою эффективность традиционные подходы к

обучению, а также накопленный опыт использования электронных технологий.

Таковой стала система SMART-образования, концептуальными принципами которой можно считать:

- максимальную степень приближения учебных задач, решаемых в рамках образовательного процесса, к реальным практическим задачам из области будущей профессиональной деятельности студентов и их регулярную актуализацию как проявление обратной связи с заинтересованными работодателями;
- широкий спектр и вариативность применяемых образовательных технологий, методического и технического инструментария;
- мотивацию студентов к обучению, стимулирование инициативы и самостоятельности студентов как полноправных участников образовательного процесса;
- распределенный, открытый и непрерывный характер образовательного процесса (образовательный процесс не ограничивается университетской площадкой или виртуальным пространством электронного и дистанционного обучения, он распространяется и на область будущей профессиональной деятельности студентов, включая привлечение к нему лучших представителей профессионального сообщества);
- максимальную индивидуализацию подготовки студентов.

Существенными отличиями SMART-образования от привычного, классического, являются возможность подключения к обучению в любое время и адаптации системы обучения к индивидуальным возможностям обучающегося, а также улучшение понимания и рост «производительности» образования [3].

Как считают авторы [4], его ключевые особенности – персонализация и адаптация, а применяемые здесь педагогические приемы и технологии призваны создавать условия для формирования у обучающихся мотивации к приобретению знаний и выработки у них индивидуальных когнитивных компетенций для развития интерактивных навыков и навыков сотрудничества.

Очевидно, SMART-образование – это не просто смена традиционной схемы подготовки студентов по бумажным учебникам и учебным пособиям на модную и привлекательную схему обучения студентов с применением сети Интернет, предполагающую использование современных компьютерных и информационных технологий. Оно характеризуется гибкостью построения образовательной траектории каждого студента, доступностью учебной информации и самое главное – требует серьезных усилий, в том числе перестройки мышления и приобретения инновационных навыков коммуникации, от всех участников образовательного процесса. По мнению автора [5], в SMART-обществе привычные технологии, ранее основывавшиеся на информации и знаниях, трансформировались в технологии, базирующиеся на взаимодействии и обмене опытом, – SMART-технологии.

Особенности образовательных SMART-технологий. Образовательные SMART-технологии – закономерный итог эволюции информационных технологий в образовании, в которой, по мнению [6], можно выделить несколько этапов:

- с 1996 г. – начало внедрения ИТ в образование с использованием персонального компьютера;
- с 2003 г. – e-learning – электронное обучение или обучение с помощью Интернета и мультимедиа;
- с 2005 г. – m-learning – электронное обучение с использованием мобильных устройств;
- с 2010 г. – u-learning – обучение в условиях, когда учебные среды могут быть доступны в различных контекстах и ситуациях;
- с 2012 г. – Smart Education – SMART-обучение.

Возникновение SMART-технологий в первую очередь было вызвано к жизни появлением таких ИТ-технологий, как технология дополненной реальности, компьютерное зрение, технологии распознавания речи и т.д., которые, как показывает опыт последних лет, способствуют увеличению эффективности обучения студентов с учетом их личных характеристик [7]. Авторы [8] считают, что основу SMART-образования составляет вполне конкретный набор технологий, а именно:

1. Интернет вещей (IoT), представленный технологиями web application и mobile application; облачные технологии (Cloud based environment).

2. Технология больших данных (Big data), включающая в себя предсказательную аналитику (Predictive analytics), SQL (язык структурированных запросов) и мультимедиа.

3. Технологии умного кампуса (Smart Campus), в том числе умного класса (Smart Classroom) и Smart Library (умной библиотеки).

4. Технологии, обеспечивающие безопасность, конфиденциальность и привлечение внимания всех вовлеченных в процесс обучения.

Основное предназначение образовательных SMART-технологий – формирование интегрированной интеллектуальной цифровой образовательной среды, максимально адаптированной к реалиям цифровой экономики. Для этого участники образовательного процесса обеспечиваются соответствующим инструментарием – девайсами (device) и гаджетами (gadget), электронными учебниками и пособиями, доступом к MOOK (массовые открытые онлайн-курсы) и электронным/цифровым образовательным ресурсам от ведущих университетов и компаний по всему миру, цифровым платформам, обучающим сервисам.

Образовательные SMART-технологии, как правило, отличаются личностной ориентацией, гибкостью, модульностью подачи материала, мобильностью и доступностью контента. Авторы [9] акцентируют внимание на том, что SMART-технологии в образовании все больше ориентируются на теорию связанных знаний (connective knowledge), теорию о том, что обучение происходит в связанной сети группы людей, которые активно используют блоги, вики, миры виртуальной реальности, социальные сети и многое другое для поиска знаний, обучающихся сообществ и людей со сходными интересами, чтобы создавать и развивать различные сферы знаний. Это стирает границы между пользователями и создателями образовательного контента.

Важнейшей особенностью здесь является то, что обучаемый, погружаясь в образовательную среду, работает онлайн или офлайн в составе группы, а не один

на один с преподавателем, и общается со всеми участниками процесса. Кроме того, он выступает не столько в роли пользователя, сколько в качестве соавтора учебного материала и активно участвует в обсуждении и решении заданий.

Как следствие, возникают и специфические требования ко всем участникам такого инновационного образовательного процесса.

Требования, предъявляемые к участникам образовательного SMART-процесса. К числу непосредственных участников образовательного SMART-процесса принято относить студентов (обучающихся), преподавателей и представителей заинтересованного работодателя. Для обеспечения эффективности SMART-процесса ко всем его участникам предъявляется ряд требований.

Во-первых, все они обязаны быть в курсе текущих изменений организации, нормативно-методической базы образовательного процесса и образовательной среды конкретного вуза и направления подготовки. Во-вторых, в фокусе их внимания постоянно должны находиться актуальные новинки ИКТ, которые могут быть применены в практике подготовки студентов. В-третьих, приоритетом для каждого из участников процесса должны оставаться взаимодействие и сотрудничество.

Что касается преподавателей, то, по мнению Н.А. Дмитриевской [10], они должны быть не только хорошо осведомлены в своей профессиональной области, но и владеть большим количеством информации, знаний, ресурсов, использовать различные педагогические технологии для работы со студентами, делиться с другими участниками образовательного процесса своим опытом и идеями, больше заниматься наукой, стремиться персонифицировать курс в зависимости от его задач и компетенций обучающихся, и при этом экономить время, дорабатывая уже имеющийся контент, а не создавать его с нуля.

Д.А. Махотин в своей работе [11] обращает внимание на то, что при переходе к SMART-образованию роль педагога (преподавателя) не становится менее важной, скорее меняется функционал, ключевые педагогические навыки и компетенции, появляются задачи по организации и сопровождению учебной и профессиональной деятельности обучающихся, навигации в новой образовательной среде, педагогическому дизайну в широком значении этого понятия и т.д.

Выдвигаются и принципиально новые требования к преподавателю, такие, например, как владение навыками фасилитации, когда преподаватель придерживается такого стиля управления учебной деятельностью студентов, при котором сам он занимает позицию помощника, помогает студенту самостоятельно находить ответы на вопросы и осваивать компетенции, одновременно совместно с другими участниками процесса создавая новый образовательный контент в инновационной SMART-среде.

От представителей работодателя новый SMART-формат подготовки студентов требует прежде всего креативности и готовности непосредственно участвовать в процедурах образовательного и воспитательного процессов конкретного вуза и активно помогать

вузу решать непростую задачу подготовки востребованной социализированной личности гуманистической направленности, ориентированной на участие в социально значимых видах деятельности и обладающей активной гражданской позицией, стремлением самоутвердиться в социуме, адекватной самооценкой и осознанием профессиональной, социальной и личной перспективы [12]. Для заинтересованного работодателя наряду с высоким уровнем сформированности профессиональных компетенций у выпускника вуза важны его стремление к саморазвитию, обучаемость, уверенность в себе, стрессоустойчивость, умение грамотно и уверенно говорить, взаимодействовать в коллективе, коммуникабельность, восприимчивость к критике, нацеленность на результат.

От каждого студента (обучающегося) наряду с готовностью соблюдать учебную дисциплину и компьютерной грамотностью в первую очередь требуются высокая мотивация, инициатива полноценного участника образовательного процесса и так называемая субъектность – свойство индивида быть субъектом творческой и познавательной активности, проявляющаяся в процессах самоактуализации, самореализации, самоутверждения, саморазвития. Учитывая специфику SMART-подготовки, о которой шла речь ранее, для обеспечения ее эффективности очень важно сохранять субъектность обучающегося как своеобразное ядро образовательной SMART-системы даже в условиях не всегда благоприятного внешнего воздействия. По глубокому убеждению авторов данной статьи, в этом состоит приоритетная функция других участников образовательного процесса – преподавателей и представителей заинтересованного работодателя, на это должны быть нацелены их работа и их взаимодействие.

Субъектность студента и ее влияние на эффективность образовательного процесса. Субъектность студента, участвующего в образовательном процессе, уже довольно давно находится в центре внимания исследователей и в последнее время интерес ученых к этой теме тоже не снижается [13–16]. Практически все они квалифицируют субъектность как особое комплексное личностное качество, которому соответствует открытый ряд критериальных характеристик, таких как активность, инициативность, креативность, рефлексивность, самостоятельность, свобода, ответственность, автономность, понимание и принятие другого, адаптивность к внешним условиям и т.д. Очевидно, это обстоятельство осложняет эмпирическую количественную оценку субъектности, тем не менее известно несколько методик решения этой задачи, ранее подтвердившие свою эффективность [17].

Интересной представляется точка зрения А.П. Кашкурцевой, которая под термином «субъектность» понимает психологическое «производство» субъектом образования новых оснований собственной учебной активности, способной принимать формы самополагания, что является необходимым условием профессионального саморазвития студентов [18]. Отсюда становится очевидным, что определяющей для эффективности образовательного процесса становится роль субъектности обучающегося.

Исследователями проблемы выявлен тренд: с ростом субъектности обучающихся эффективность образовательного процесса устойчиво повышается, хотя эта закономерность и является нелинейной [19, 20].

По мнению авторов данной статьи, субъектность студента требует от него постоянного поддержания тонуса в части всех составляющих ее критериальных характеристик, поскольку в противном случае, как показывает практический опыт, повышаются риски ее деградации, которые в условиях перехода к SMART-образованию без принятия мер со стороны других участников образовательного процесса, в частности, преподавателя, проявляются особенно ярко. Именно этим была обусловлена необходимость выполнения опытно-экспериментальной работы.

Опыт иноязычной SMART-подготовки и сохранения субъектности обучающихся на примере конкретного технического вуза. На площадке Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева (опорный федеральный университет) в течение 2021–2023 гг. проводилась опытно-экспериментальная работа, целью которой являлось как минимум сохранение уровня субъектности студентов, участвующих в иноязычной SMART-подготовке. Работой были охвачены студенты университета, проходящие очную подготовку по восьми направлениям магистратуры и изучающие английский и немецкий языки в рамках таких учебных дисциплин, как «Иноязычная профессиональная коммуникация», «Иностранный язык в профессиональной деятельности» и т.п. В качестве начальной гипотезы формулировали тезис: рациональный выбор практических приемов из методического инструментария (арсенала) преподавателя иностранного языка позволит как минимум удерживать имеющийся уровень субъектности студентов, а как максимум – повысить его.

На первом этапе работы обучающиеся делились на две группы – контрольную (КГ) и экспериментальную (ЭГ). По методике [21], рекомендованной образовательным порталом ИНФОУРОК, проводилась эмпирическая оценка уровня субъективности каждого из студентов КГ и ЭГ «на входе». При этом в качестве экспертов выступали преподаватели, представители кадровых служб предприятий и организаций – партнеров университета и сами студенты-магистранты. Профиль субъектности, или список критериальных характеристик субъектности, обучающегося, согласно [21], включал семь показателей: 1 – учебную активность, 2 – самостоятельность, 3 – ответственность, 4 – рефлексивность, 5 – конструктивность в общении с однокурсниками, 6 – отношение к преподавателю и 7 – эмоциональное благополучие студента. Каждая из перечисленных критериальных характеристик измерялась по пятибалльной шкале. Полученные результаты измерений обрабатывались с использованием известных методов математической статистики и по итогам строились профили субъективности студентов, усредненные по группам КГ и ЭГ, представленные на рис. 1. Сравнение профилей субъектности для КГ и ЭГ не выявило существенных различий между ними.

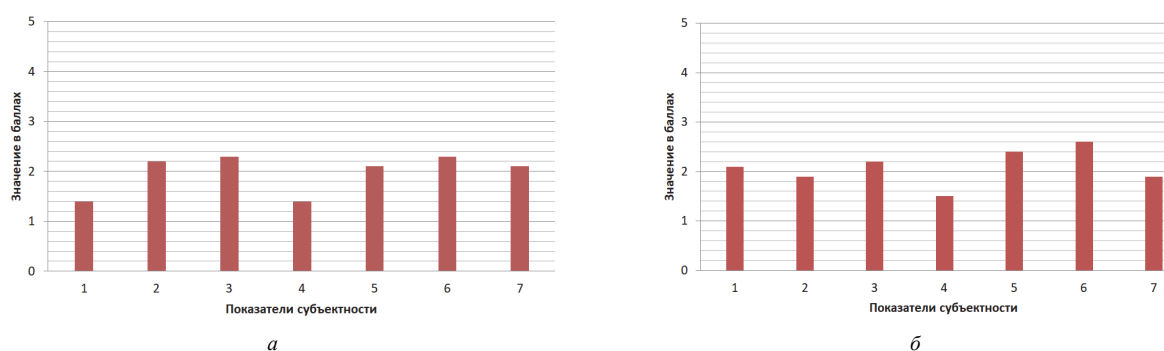

Рис. 1. Профили субъектности обучающихся «на входе» по группам: а – контрольная группа (КГ); б – экспериментальная группа (ЭГ)

Второй этап работы был полностью ориентирован на выработку методического инструментария, который, по мнению авторов данной статьи, в наибольшей степени содействовал бы сохранению уровня субъектности обучающихся, зафиксированного «на входе» в эксперимент. В итоге было принято решение задействовать в опытно-экспериментальной работе следующие приемы иноязычной подготовки:

– прием 1 – ставшие уже традиционными подготовку и представление презентаций по тематике будущей выпускной квалификационной работы или ее разделов;

– прием 2 – иммерсивные семинары и вебинары с участием владеющих иноязычными компетенциями представителей выпускающей кафедры и работодателя, полностью погружающие студентов в искусственно созданные модельные ситуации иноязычного профессионального общения, максимально приближенные к реальности (например, совещания, продолжительные, многоэтапные или краткосрочные, одноэтапные переговоры с участием иностранных партнеров);

– прием 3 – выдачу и контроль выполнения студентами конкретных заданий с использованием аутентичных иноязычных материалов, связанных с различными видами будущей профессиональной деятельности (например, подготовка технического задания, коммерческого предложения на индивидуальное и (или) групповое выполнение научно-исследовательской или опытно-конструкторской работы; разработка календарного план-графика работ; анализ производственной программы иностранного партнера; оценка компоновочных решений; выдача предложений по модернизации производства, корректировке логистических потоков и т.д.).

На третьем этапе в ходе занятий по учебным дисциплинам, реализующим иноязычную SMART-подготовку магистрантов, применительно к КГ использовали прием 1, а к ЭГ – приемы 1, 2 и 3, на заключительной стадии проводили оценку субъектности обучающихся «на выходе» по методике первого этапа (рис. 2). В дополнение к этому строили диаграмму динамики показателей субъектности для КГ и ЭГ, соответствующую разности их значений «на входе» и «на выходе» (рис. 3).

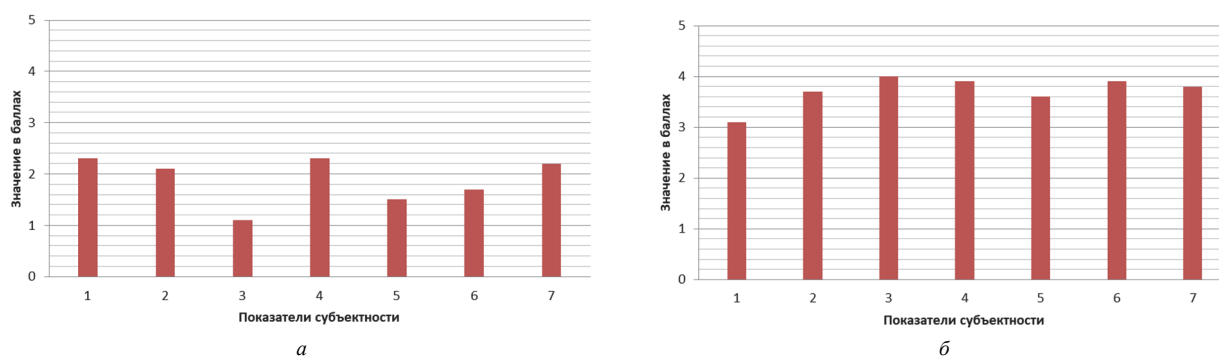

Рис. 2. Профили субъектности обучающихся «на выходе» по группам: а – контрольная группа (КГ); б – экспериментальная группа (ЭГ)

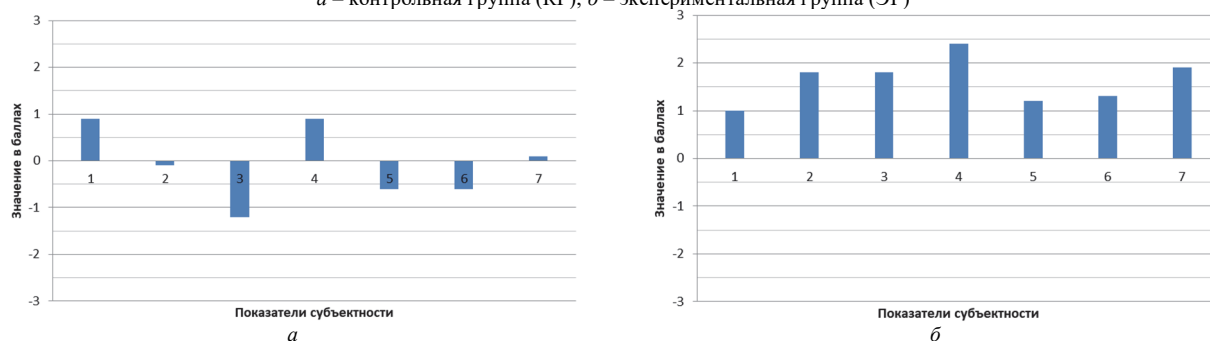

Рис. 3. Динамика показателей субъектности обучающихся по группам: а – контрольная группа (КГ); б – экспериментальная группа (ЭГ)

Сравнение представленных на рис. 2 профилей субъектности наглядно проиллюстрировало превышение всех без исключения критериальных характеристик у студентов экспериментальной группы над таковыми у контрольной группы, что подтвердило правильность выбора методических приемов, выполненного на втором этапе работы. В свою очередь проведенный авторами данной статьи анализ динамики показателей субъектности, представленной на рис. 3, выявил неустойчивость показателей у магистрантов контрольной группы при стабильном росте у группы экспериментальной, что позволило сделать вывод о справедливости начальной гипотезы исследования.

Заключение

Таким образом, на конкретном примере показано, что объединение усилий всех участников образовательного процесса и рациональное применение инновационных методических приемов иноязычной SMART-подготовки, связанных с ее максимальной практической ориентацией на будущую профессиональную деятельность выпускников, позволяют не только сохранить уровень субъектности обучающихся, но и существенно его повысить, что в конечном итоге положительно скажется на эффективности образовательного процесса и качестве подготовки студентов технического вуза.

Список источников

1. Днепровская Н.В., Янковская Е.А., Шевцова И.В. Понятийные основы концепции smart-образования // Открытое образование. 2015. № 6. С. 43–51.
2. Коктыш А., Коктыш-Ренард А. Когнитивное измерение безопасности // Международные процессы. 2021. Т. 19, № 4 (67). С. 26–46.
3. Demir K.A. Smart education framework // Smart Learning Environments. 2021. Is. 8. Art. No. 29. doi: 10.1186/s40561-021-00170-x
4. Morgado J.C., Lencastre J.A., Freires T., Bento M. Smart Education as Empowerment: Outlining Veteran Teachers' Training to Promote Digital Migration // Technology, Knowledge and Learning. 2021. Vol. 26. P. 897–916. doi: 10.1007/s10758-021-09494-6
5. Поллак Г.А. SMART-образование – новые вызовы и новые возможности // Педагогические и информационные технологии в образовании. 2015. № 14. URL: <https://journals.susu.ru/pit-edu/article/viewFile/347/266> (дата обращения: 05.02.2024).
6. Klichowski M. et al. CyberParks as a New Context for Smart Education: Theoretical Background, Assumptions, and Pre-service Teachers' Rating // American Journal of Educational Research. 2015. Vol. 3, № 12A. P. 1–10.
7. Zhu Z.T., Yu M.-H., Riezebos P. A research framework of smart education // Smart Learning Environments. 2016. № 3. Art. No. 4. doi: 10.1186/s40561-016-0026-2
8. Singh H., Miah S.J. Smart education literature: A theoretical analysis // Education and Information Technologies. 2020. Vol. 25. P. 3299–3328.
9. Комлева Н.В., Мусатова Ж.Б., Данченко Л.А. SMART-технологии в инновационном преобразовании общества // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2016. № 39. С. 78–82.
10. Дмитриевская Н.А. Smart-образование. URL: <https://slaidy.com/api/?task=pdf&id=410001> (дата обращения: 05.02.2024).
11. Махотин Д.А. SMART в образовании: новый подход или влияние технологий? // Интерактивное образование. 2018. № 5. С. 13–15.
12. Борзов О.А., Михайлов С.С. Эффективная социализация как инструмент карьеросообразного высшего образования // Интерактивное образование. 2018. № 5. С. 18–20.
13. Пак Л.Г. Развитие субъектности студента в образовательном процессе вуза // Казанский педагогический журнал. 2009. № 7–8. С. 27–33.
14. Деркач А.А. Профессиональная субъектность как психолого-акмеологический феномен // Акмеология. 2016. № 1 (57). С. 9–21.
15. Гусельцева М.С. Проблема субъекта с позиции культурно-аналитического подхода // Психологический журнал. 2020. Т. 41, № 2. С. 104–114.
16. Фишман Б.Е. О субъектности студента вуза в образовательной деятельности // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 5. С. 145–154.
17. Волкова Е.С., Капцов А.В., Панов В.И. Проективная методика определения состояния стадий становления субъектности учащихся // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2022. Вып. 5. С. 500–508.
18. Кашкурцева А.П. Субъектная активность студентов. Самара : ПГСГА, 2009. 194 с.
19. Панов В.И., Плаксина И.В. Субъектность студентов педагогического вуза в меняющейся образовательной среде // Психолого-педагогические исследования. 2022. Т. 14, № 2. С. 64–83.
20. Плаксина И.В. Взаимосвязь параметров, характеризующих готовность педагогов к инновационной деятельности, и уровней развития педагогической субъектности // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2019. Вып. 39 (58). С. 95–107.
21. Методика «Экспертная оценка педагогами особенностей развития критериев субъектности подростков // ИНФОУРОК. URL: <https://infourok.ru/metodika-ekspertnaya-ocenka-pedagogami-osobennostey-razvitiya-kriteriev-subektnosti-podrostkov-5382607.html> (дата обращения: 05.02.2024).

References

1. Dneprovskaya, N.V., Yankovskaya, E.A. & Shevtsova, I.V. (2015) Ponyatiynnye osnovy kontseptsii smart-obrazovaniya [Conceptual foundations of the smart education concept]. *Otkrytoe obrazovanie*. 6. pp. 43–51.
2. Koktysh, A. & Koktysh-Renard, A. (2021) Kognitivnoe izmerenie bezopasnosti [Cognitive dimension of security]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 4–19 (67). pp. 26–46.
3. Demir, K.A. (2021) Smart education framework. *Smart Learning Environments*. 8. Art. 29. doi: 10.1186/s40561-021-00170-x
4. Morgado, J.C. et al. (2021) Smart Education as Empowerment: Outlining Veteran Teachers' Training to Promote Digital Migration. *Technology, Knowledge and Learning*. 26. pp. 897–916. doi: 10.1007/s10758-021-09494-6
5. Pollak, G.A. (2015) SMART-obrazovanie – novye vyzovy i novye vozmozhnosti [SMART education: new challenges and new opportunities]. *Pedagogicheskie i informatsionnye tekhnologii v obrazovanii*. 14. [Online] Available from: <https://journals.susu.ru/pit-edu/article/viewFile/347/266> (Accessed: 05.02.2024).
6. Klichowski, M. et al. (2015) CyberParks as a New Context for Smart Education: Theoretical Background, Assumptions, and Pre-service Teachers' Rating. *American Journal of Educational Research*. 12A (3). pp. 1–10.
7. Zhu, Z.T., Yu, M.-H. & Riezebos, P. (2016) A research framework of smart education. *Smart Learning Environments*. 3. Art. 4. doi: 10.1186/s40561-016-0026-2
8. Singh, H. & Miah, S.J. (2020) Smart education literature: A theoretical analysis. *Education and Information Technologies*. 25. pp. 3299–3328.
9. Komleva, N.V., Musatova, Zh.B. & Danchenok, L.A. (2016) SMART-tekhnologii v innovatsionnom preobrazovanii obshchestva [SMART technologies in the innovative transformation of society]. *Sborniki konferentsiy NITs "Sotsiosfera"*. 39. pp. 78–82.

10. Dmitrievskaya, N.A. (n.d.) *Smart-obrazovanie* [Smart education]. [Online] Available from: <https://slaidy.com/api/?task=pdf&id=410001> (Accessed: 05.02.2024).
11. Makhotin, D.A. (2018) SMART v obrazovanii: novyy podkhod ili vliyaniye tekhnologii? *Interaktivnoye obrazovanie*. 5. pp. 13–15.
12. Borzov, O.A. & Mikhaylov, S.S. (2018) Effektivnaya sotsializatsiya kak instrument kar'erosoobraznogo vysshego obrazovaniya [Effective socialization as a tool for career-oriented higher education]. *Interaktivnoye obrazovanie*. 5. pp. 18–20.
13. Pak, L.G. (2009) Razvitiye sub'ektnosti studenta v obrazovatel'nom protsesse vuza [Development of student subjectivity in the educational process of the university]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 7–8. pp. 27–33.
14. Derkach, A.A. (2016) Professional'naya sub'ektnost' kak psikhologo-akmeologicheskoy fenomen [Professional subjectivity as a psychological and acmeological phenomenon]. *Akmeologiya*. 1 (57). pp. 9–21.
15. Gusel'tseva, M.S. (2020) Problema sub'ekta s pozitsii kul'turno-analiticheskogo podkhoda [The problem of the subject from the standpoint of the cultural-analytical approach]. *Psikhologicheskiy zhurnal*. 2 (41). pp. 104–114.
16. Fishman, B.E. (2019) O sub'ektnosti studenta vuza v obrazovatel'noy deyatel'nosti [On the subjectivity of a university student in educational activities]. *Iysshiee obrazovanie v Rossii*. 5 (28). pp. 145–154.
17. Volkova, E.S., Kaptsov, A.V. & Panov, V.I. (2022) Proektivnaya metodika opredeleniya sostoyaniya stadiy stanovleniya sub'ektnosti uchashchikhsya [Projective Methodology for Determining the State of the Stages of Formation of Students' Subjectivity]. *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii*. 5. pp. 500–508.
18. Kashkurtseva, A.P. (2009) *Sub'ektnaya aktivnost' studentov* [Subjective Activity of Students]. Samara: PGSGA.
19. Panov, V.I. & Plaksina, I.V. (2022) Sub'ektnost' studentov pedagogicheskogo vuza v menyayushcheyseya obrazovatel'noy srede [Subjectivity of Students of a Pedagogical University in a Changing Educational Environment]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya*. 2 (14). pp. 64–83.
20. Plaksina, I.V. (2019) Vzaimosvyaz' parametrov, kharakterizuyushchikh gotovnost' pedagogov k innovatsionnoy deyatel'nosti, i urovney razvitiya pedagogicheskoy sub'ektnosti [The relationship between the parameters characterizing the readiness of teachers for innovative activities and the levels of development of pedagogical subjectivity]. *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovykh. Seriya: Pedagogicheskie i psikhologicheskie issledovaniya*. 39 (58). pp. 95–107.
21. Tabakova, S.S. (2021) Metodika "Ekspertnaya otsenka pedagogami osobennostey razvitiya kriteriev sub'ektnosti podrostkov" [Methodology "Expert assessment by teachers of the peculiarities of development of criteria of subjectivity of adolescents"]. *INFOUROK*. [Online] Available from: <https://infourok.ru/metodika-ekspertnaya-ocenka-pedagogami-osobennostey-razvitiya-kriteriev-subektnosti-podrostkov-5382607.html> (Accessed: 05.02.2024).

Информация об авторах:

Леушина Ирина Владимировна – д-р пед. наук, профессор кафедры «Иностранные языки» Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева (Нижний Новгород, Россия). E-mail: leushinaiv@yandex.ru

Леушина Любовь Игоревна – канд. техн. наук, доцент кафедры «Металлургические технологии и оборудование» Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева (Нижний Новгород, Россия). E-mail: kafinto@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.V. Leushina, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alexeev (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: leushinaiv@yandex.ru

L.I. Leushina, Cand. Sci. (Engineering), associate professor, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alexeev (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: kafinto@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.02.2024;
одобрена после рецензирования 07.04.2024; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 07.02.2024;
approved after reviewing 07.04.2024; accepted for publication 30.04.2024.

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/501/22

Каковы ключевые индикаторы универсальных компетенций и как они соотносятся с ожидаемыми результатами высшего образования?

Егор Борисович Сагитов¹, Ирина Викторовна Брун², Станислав Витальевич Павлов³

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

^{2, 3} ООО «Форматта», Москва, Россия

¹ esagitov@hse.ru

² brun.i@formatta.ru

³ pavlov.s@formatta.ru

Аннотация. Универсальные компетенции и их индикаторы рассматриваются как точка столкновения ожидаемых результатов обучения и требований рынка труда. Анализируются 18 широко распространённых теоретических моделей универсальных компетенций, которые используются в академической и бизнес-среде. Выделены наиболее часто встречающихся в этих моделях индикаторы, а также они сопоставлены с перечнем универсальных компетенций, закреплённых во ФГОС ВО 3++.

Ключевые слова: универсальные компетенции, модели компетенций, индикаторы, высшее образование

Источник финансирования: исследование проведено при финансировании компании ООО «Форматта».

Для цитирования: Сагитов Е.Б., Брун И.В., Павлов С.В. Каковы ключевые индикаторы универсальных компетенций и как они соотносятся с ожидаемыми результатами высшего образования? // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 190–199. doi: 10.17223/15617793/501/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/22

What are the key indicators of universal competencies and how do they relate to the expected outcomes of higher education?

Egor B. Sagitov¹, Irina V. Brun², Stanislav V. Pavlov³

¹ HSE University, Moscow, Russian Federation

^{2, 3} Formatta, LLC, Moscow, Russian Federation

¹ esagitov@hse.ru

² brun.i@formatta.ru

³ pavlov.s@formatta.ru

Abstract. Universal competencies are becoming one of the main tools for standardizing the assessment of educational outcomes and one of the most expected characteristics of employees in the professional environment. The concept of universal competencies is of particular interest in the context of students entering the labor market, when the achieved educational outcomes during education collide with employers' requirements. The authors consider universal competencies and their indicators from the perspective of possible discrepancies between expected learning outcomes at the higher education level and labor market demands. The two main objectives of this study are to identify the most commonly encountered indicators in widely used models of universal competencies and to compare them with the list of universal competencies specified in the Federal State Educational Standard of Higher Education 3++ as one of the key regulatory documents. The study analyzes 18 widely used theoretical models of universal competencies, which are used in academic and business environments, and which establish criteria for assessing human capital and human potential. During the analysis, 12 key indicators were identified based on their frequency of occurrence in the analyzed competency models. These indicators presumably reflect the most common expectations of employers regarding the behavior of candidates and employees in various professional fields and at different levels of positions, and represent a basic set of managerial characteristics that are associated with the success of activities not only in managerial positions, but also in organizing any educational or work projects. When comparing the list of identified indicators, the authors found that only five of them have similar indicators to those listed in the Federal State Educational Standard of Higher Education 3++. The remaining seven either have indicators partially similar in meaning or do not have any similar counterparts at all. The discrepancy discovered by the authors, as well as the lack of a common accepted definition of universal competencies, may be one of the factors explaining the gap between labor market demands and higher education offers. The novelty of this study lies in the fact that the authors delve into the level of specific indicators, whereas previous

research has mostly been conducted at the level of competencies. As one of the prospects for further research, the authors envision the development of a competency model consisting of the indicators identified by the analysis and a measurement tool that would cover a wide range of labor market requirements for graduates and candidates.

Keywords: universal competencies, competency models, indicators, higher education

Financial support: The study was supported by Formatta, LLC.

For citation: Sagitov, E.B., Brun, I.V. & Pavlov, S.V. (2024) What are the key indicators of universal competencies and how do they relate to the expected outcomes of higher education? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 190–199. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/22

Введение

В последние годы универсальные компетенции (УК) становятся одним из главных инструментов унификации оценки образовательных результатов [1–3] и одними из наиболее ожидаемых индивидуально-психологических характеристик сотрудников в профессиональной среде [4, 5]. Особый интерес концепция УК представляет в контексте выхода учащихся на рынок труда, когда происходит столкновение достигнутых образовательных результатов во время обучения и требований работодателей.

Так, со стороны образования с недавнего времени УК стали декларироваться как один из значимых результатов обучения. Например, УК зафиксированы во ФГОС 3++ высшего образования в качестве ключевых элементов ожидаемых образовательных результатов [6, 7]. Кроме того, по результатам опроса 36 тыс. студентов об оценке качества высшего образования в условиях пандемии COVID-19 и после нее, каждый пятый считает, что приобретение мягких навыков (которые часто входят в состав УК) во время обучения важнее, чем приобретение узкопрофильных знаний и умений [8].

Со стороны же рынка труда УК часто измеряются в организациях в рамках приёма на работу и отбора на программы внутрикорпоративного развития. Это связано с тем, что разработка концепции УК напрямую отталкивалась от запросов рынка труда и бизнеса [9]. Кроме того, растущая популярность УК может объясняться тем, что за последнее время увеличилась доля нерутинного труда, основанного на коммуникации, кооперации, аналитическом мышлении и креативности [10, 11]. Владение этими компетенциями становится значимым ресурсом для широкого круга работников в современных реалиях.

Обзор литературы

Растущий интерес к УК среди специалистов и исследователей обуславливается их значимостью в сравнении с другими часто измеряемыми индивидуально-психологическими характеристиками, такими как личностные черты, способности и профессиональные компетенции. Коротко обозначим отличия УК от каждой из этих групп характеристик:

1. В отличие от относительно стабильных личностных черт УК определяются как относительно более гибкие умения и навыки, которые могут быть развиты в процессе обучения и практики [12]. Кроме того, компетенции более специфичны учебной и профессиональной деятельности, чем, например, часто измеряемые общие черты «Большой Пятёрки» [13].

2. В отличие от общих когнитивных способностей (например, вербальных и числовых), которые долгое время считались главным предиктором успешности в учебной и профессиональной сфере [14], УК описывают ожидания от поведения выпускников и сотрудников в более широком круге задач [15, 16]. При этом результаты последних исследований указывают на то, что УК с той же, а иногда и более высокой точностью предсказывают успешность деятельности по сравнению с традиционно измеряемыми когнитивными способностями [12, 17, 18]. Кроме того, существуют свидетельства того, что УК, будучи более гибкими, могут компенсировать недостаток в развитии когнитивных навыков [19].

3. В отличие от узкоспециализированных профессиональных компетенций, которые могут быстро устаревать и которые постоянно необходимо обновлять, например, такая УК, как «стремление к постоянному обучению», может обеспечивать это обновление и профессиональное развитие в течение всей жизни [20]. Кроме того, как уже было сказано выше, УК отличаются от профессиональных компетенций тем, что они могут быть основой для успешной деятельности в разных сферах деятельности и на разных уровнях занимаемых должностей [21]. Здесь же стоит отметить, что УК часто противопоставляются так называемым твёрдым, или когнитивным навыкам и определяются синонимично мягким, или социально-эмоциональным навыкам, хотя в действительности УК часто включают в себя и те и другие компоненты [22].

Однако исследователями отмечаются проблемы, которые препятствуют накоплению сведений как в целом в области изучения УК, так и в контексте рассмотрения УК как связующего звена между образованием и рынком труда.

Во-первых, на текущий момент не разработано общепринятого определения УК. Например, в традиции российского образования УК определяются как «способность человека устанавливать связи между знанием и реальной ситуацией, осуществлять принятие верного образовательного направления и вырабатывать алгоритм действий по его реализации в условиях неопределённости, являющиеся основанием для других, более конкретных и предметно-ориентированных составляющих» [23. С. 8; 6]. А в наиболее общем виде УК определяют как совокупность знаний, умений и установок, которые помогают человеку создавать доход и получать другие полезные эффекты как для себя, так и для работодателя и общества в целом [24].

При этом компании, которые разрабатывают инструменты измерения близких по содержанию к УК

индивидуально-психологических характеристик, практически не используют понятие УК. Нередко они нацелены на измерение разных аспектов потенциала или таланта кандидатов и сотрудников, при этом в открытом доступе практически отсутствуют чёткие определения того, что именно они нацелены измерять. В данной работе мы будем придерживаться наиболее общего определения, поскольку оно позволяет включить в анализ наиболее широкий спектр компетенций, содержащихся в различных теоретических моделях.

Во-вторых, исследовательское сообщество к настоящему моменту не разработало единую общепринятую теоретическую модель, которая включала бы список измеримых индикаторов для оценки УК [25]. Например, проведенные обзоры международных моделей навыков XXI в., таких как ОЭСР, ЮНЕСКО, Всемирный экономический форум и другие и сравнительных работ, например [26], показали, что при различии в формулировках, эти модели имеют схожий набор элементов, которые в том числе относятся к УК. Так, в перечень ключевых УК входят: решение проблем, эффективная коммуникация, креативность, инициативность, критическое мышление, работа в команде, самоорганизация, саморазвитие и открытость новому [27]. Этот и другие списки ключевых УК не являются исчерпывающими и отражают многообразие ожиданий от поведения выпускников, кандидатов и сотрудников. Однако в проведенных сравнительных исследованиях обычно игнорируются вариации в определениях и перечнях индикаторах на первый взгляд схожих компетенций. То есть за одинаковыми названиями компетенций часто может скрываться разное содержание. Таким образом, актуальным представляется выделение наиболее часто встречающихся индикаторов на основании анализа ранее разработанных теоретических моделей УК как в области академической, так и профессиональной среды.

В-третьих, исследователями отмечается несоответствие между предложением от образования и запросом работодателей на УК молодых специалистов [28, 29]. Это несоответствие заключается в том, что выпускники не овладевают теми УК, которые могут использоваться в работе на разных специальностях и позициях [30]. Это в свою очередь создает трудности для обеих сторон трудовой деятельности. Выпускники вузов не владеют необходимыми УК, что существенно усложняет их переход из образовательной среды в профессиональную, так как их компетенции не отвечают потребностям рынка [4, 24]. Для работодателей же представляет существенную проблему недостаток сотрудников, которые владели бы необходимыми УК [31], которые в том числе включают отношение к рабочим обязанностям и установку на трудовую деятельность в целом [32].

По задумке образовательного сообщества, включение концепции УК во ФГОС высшего образования должно было решить проблему обозначенного несоответствия, однако исследователи выделяют ряд критических факторов, которые усложняют этот процесс. Помимо вышеперечисленных факторов среди них также выделяют недостаточную ясность и конкрет-

ность формулировок компетенций [7, 21], а также отсутствием надежных и валидных инструментов их оценки [2, 25].

Кроме того, исследователями отмечается отсутствие сравнительно крупных эмпирических исследований, которые бы проверяли актуальность перечня УК, закреплённого во ФГОС [33]. Мы предполагаем, что ещё одним фактором обозначенного выше несоответствия может быть то, что наиболее часто измеряемые индикаторы, входящие в широко распространённые модели УК, которые используются в бизнес-среде, не включены в перечень УК, содержащийся во ФГОС 3++ высшего образования. То есть предположительно существует расхождение между закреплёнными в стандарте образовательными результатами со стороны образовательного сообщества и часто измеряемыми, например, при приёме на работу, индивидуально-психологическими характеристиками, близкими по содержанию к УК.

Таким образом данная работа будет сфокусирована на двух главных вопросах:

1. Какие именно индикаторы чаще других встречаются в широко распространенных теоретических моделях УК? При этом мы ожидаем, что в ходе анализа будут выделены ключевые индикаторы УК, встречающиеся в теоретических моделях чаще остальных.

2. Как перечень наиболее часто измеряемых индикаторов соотносится с перечнем, зафиксированным во ФГОС 3++ высшего образования как одного и ключевых регламентирующих документов? Мы предполагаем, что часть наиболее часто измеряемых индикаторов не будет содержаться в перечне, закреплённом в последней версии ФГОС высшего образования.

Аналитическая стратегия

Для ответов на поставленные вопросы мы приняли решение проанализировать существующие теоретические модели УК. Сначала мы составили перечень широко распространенных теоретических моделей УК в академической и бизнес-среде. Затем мы разделили каждое из обнаруженных определений компетенций на смысловые категории в виде утверждений с одной ясной идеей. После этого мы объединили похожие смысловые категории в итоговые индикаторы и рассчитали частоту их встречаемости на основании того, какое количество первоначальных смысловых категорий они включали. На завершающем этапе исследования мы сопоставили полученный перечень наиболее часто встретившихся индикаторов с перечнем УК, содержащимся во ФГОС 3++ высшего образования на уровнях бакалавриата и магистратуры.

Этапы анализа теоретических моделей УК

Составление перечня анализируемых теоретических моделей

Целью первого этапа стало составление перечня теоретических моделей УК для дальнейшего их анализа. По итогам обзора ранее разработанных моделей

УК мы отобрали 18 широко распространённых и эмпирически обоснованных теоретических моделей, которые фиксируют критерии оценки человеческого капитала и человеческого потенциала. В итоговый перечень вошли 14 моделей из бизнес-среды, которые зарекомендовали себя для решения задач как в России, так и за рубежом в широком перечне секторов экономики. Главным критерием их отбора стало то, что эти модели лежат в основе диагностических инструментов при приёме на работу и отборе в кадровый резерв как на массовые, так и на управленческие позиции в различных отраслях экономики (в примечаниях указаны ссылки на более подробную информацию об этих теоретических моделях, разработчиках, и их использовании в бизнес-практиках). Кроме того, в итоговый перечень вошли 4 академические модели, которые были разработаны научным сообществом и преимущественно используются в масштабных образовательных, экономических и других исследованиях в рамках широкой дискуссии о наиболее значимых индивидуально-психологических характеристиках студентов как будущих сотрудников.

Бизнес-модели:

1. Модель «HI-PO», разработанная компанией Hogan¹, – используется в более 180 странах.

2. Модель компетенций компании DDI² – используется в более 80 странах.

3. Модель «OPQ32», разработанная компанией SHL³, – используется в более 100 странах.

4. Модель «WAVE», разработанная компанией Saville⁴, – используется в более 60 странах;

5. Модель «TMA Competencies», разработанная компанией TMA – the Talent Company⁵, – используется в более 40 странах.

6. Модель «20 граней», разработанная компанией Detech⁶, – используется в более 15 странах.

7. Модель Спесера «Models for Superior Performance» [34].

8. Модель «Model of the Korn Ferry Assessment of Leadership Potential», разработанная компанией Korn Ferry⁷, – используется в более 100 странах;

9. Модель «Компетенции Ломингера», разработанная компанией Lominger (ныне часть Korn Ferry)⁸, – используется в более 70 странах.

10. Модель «Навигатор», разработанная компанией Talent Q⁹, – используется в более 50 странах.

11. Модель «Dimensions», разработанная компанией Talent Q¹⁰, – используется в более 50 странах.

12. Модель «17 Reference Profiles», разработанная компанией Predictive Index¹¹, – используется в более 140 странах.

13. Модель «Potential In Focus (PIF)», разработанная компанией Экопси¹², – используется в России и странах СНГ.

14. Модель компетенций компании Лаборатория «Гуманитарных технологий»¹³ используется в России и странах СНГ.

Академические модели:

15. Перечень компетенций UNESCO [35].

16. «Competency Model», разработанная компанией SHRM¹⁴.

17. Результаты исследования ключевых компетенций и новой грамотности НИУ ВШЭ [2].

18. Результаты одного из крупнейших метаанализов Ван Лаар и др. [36].

Всего в 18 теоретических моделях мы идентифицировали 429 компетенций и их определений. Определения компетенций были взяты из открытых источников, таких как научные публикации, маркетинговые презентации и официальные сайты разработчиков. Теоретические модели включали в себя от 8 до 67 компетенций.

Разделение определений компетенций на первичные индикаторы

Целью следующего этапа стало разделение определений каждой из компетенций на смысловые категории. Мы приняли это решение по нескольким причинам:

1. Исходя только из названия компетенции было невозможно однозначно определить содержание компетенции. Иными словами, компетенции с одинаковыми названиями из разных теоретических моделей нередко включали в себя разное содержание.

2. Определения компетенций часто включали в себя несколько смысловых категорий.

3. Определения компетенций различались по способу описания, например: классическое определение, полюса сформированности (негативный–позитивный) и профили, включающие в описание несколько компетенций.

Разделение определений компетенций на смысловые категории происходило по следующим правилам:

1. Описание компетенции разделялось до получения смысловых категорий с одной главной идеей;

2. Часть определений компетенций в изначальных теоретических моделях была описана через результат деятельности, а другая часть – через содержание деятельности, т.е. поведение. В том случае, когда был описан результат деятельности, например, «Успешно проводит переговоры», было неясно, какое поведение привело к данному исходу. Поэтому мы в большей степени сфокусировались на определениях, которые содержали описание поведения, а не его результата.

3. Исключались из анализа характеристики, связанные с занимаемой должностью, опытом работы, негативные и (или) нежелательные характеристики, исключительно психологические аспекты деятельности, и специфичные для конкретной специальности или занимаемой должности знания и умения.

Например, в модели компетенций WAVE от компании Saville содержалась компетенция «Внимательность» (Attentive) [37. Р. 146]. Эта компетенция имеет следующее определение: придаёт большое значение чувствам других людей и верит, что у него/неё хорошо получается понимать, что они чувствуют; считает себя хорошими слушателем; считает себя знатоком в понимании того, почему люди ведут себя так, а не иначе, интересуется этим. Мы выделили из этого определения несколько смысловых категорий:

1) понимает чувства, испытываемые другими людьми;

2) считает чувства других людей важными;

3) слушает других людей;

4) интересуется причинами поступков других людей.

Аналогичным образом мы проанализировали каждое из определений компетенций. Результатом этого этапа стало получение более 1 500 смысловых категорий, среди которых были как близкие по содержанию, так и уникальные.

Объединение похожих смысловых категорий

Целью следующего этапа стало объединение близких смысловых категорий на основе сходства содержания деятельности и предполагаемым психологическими механизмов, которые лежат в их основе. Мы посчитали это необходимым по двум причинам:

1. Количество смысловых категорий оказалось слишком большим для дальнейшего анализа.

2. Часть смысловых категорий, на наш взгляд, были крайне схожи по главным идеям, которые они включали.

Например, в ходе предыдущего этапа мы обнаружили следующие относительно схожие смысловые категории, поэтому приняли решение объединить их в один итоговый индикатор.

Близкие по содержанию смысловые категории:

1) понимает интересы других людей;

2) понимает потребности других людей;

3) меняет свой подход к людям, исходя из их потребностей и интересов;

4) интересуется выявлением потребностей других людей.

Образованный нами итоговый индикатор:

– Понимает интересы и потребности других людей и учитывает их во взаимодействии.

Все названия индикаторов мы формулировали в глагольной форме, которые преимущественно отражают поведение или включают в себя мотивационно-ценностные аспекты деятельности.

Результаты анализа теоретических моделей УК

По итогам анализа мы сформировали перечень из 237 итоговых индикаторов. На рис. 1 показано распределение частот встречаемости индикаторов, рассчитанных на основании того, какое количество первоначальных смысловых категорий они включали. Как видно на рисунке, наибольшее число сходных индикаторов встречалось в разных теоретических моделях от 1 до 4 раз, что говорит о достаточно значительной вариации содержания разных теоретических моделей.

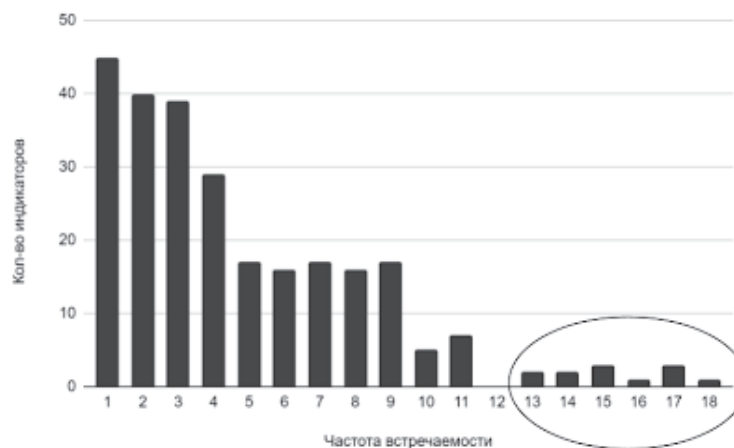

Рис. 1. Частота встречаемости образованных индикаторов с разным количеством включенных в них смысловых категорий

С опорой на распределение частоты встречаемости индикаторов УК мы выделили группу из 12 наиболее часто встретившихся индикаторов, которые содержались в наибольшей части рассматриваемых теоретических моделей (от 13 до 18 раз).

На рис. 1 эта группа индикаторов обведена овалом.

Ниже представлен перечень из этих индикаторов (частота указана в скобках):

1. Под влиянием стресса продолжает думать и действовать «холодно» и рационально, не поддаваясь эмоциям (18).

2. Придумывает новые, нестандартные идеи и решения (17).

3. Выявляет тренды, строит прогнозы, видит проблемы, которые могут появиться в будущем (17).

4. Выявляет сходства, различия, взаимосвязи между фактами, аргументами, событиями (17).

5. Находит новые подходы к решению задач и способы действовать, если ситуация изменилась (16).

6. Инициативно совершенствует свои навыки и учится новому (15).

7. Настойчиво преодолевает препятствия на пути к цели, «не опускает руки» при столкновении с трудностями (15).

8. Принимает решения уверенно и без промедлений (15).

9. Последовательно отстаивает свою позицию, преодолевает сопротивление и убеждает людей в правоте своей точки зрения (14).

10. Принимает решения и действует в ситуации неопределенности или нехватки информации (14).

11. Выстраивает стратегию, исходя из представления о будущем (13).

12. Взвешивает значимость фактов, идей, критериев и сравнивает их между собой для вывода или принятия решения (13).

Таким образом, наше первое предположение о том, что в ходе анализа теоретических моделей УК будет выделено ядро индикаторов, которое будет включать самые часто измеряемые индикаторы, нашло своё подтверждение. При этом, на наш взгляд, решение о том, какое именно количество индикаторов можно считать «самыми универсальными» может оставаться дискуссионным и зависеть от конкретных целей их дальнейшего использования. В рамках данного исследования мы предлагаем рассматривать группу из 12 индикаторов, которые встречаются в большинстве теоретических моделей (от 13 до 18 раз).

Результаты сопоставления перечня наиболее часто встретившихся индикаторов и перечня УК, содержащимся во ФГОС ВО 3++

В качестве материала сопоставления выделенных в ходе анализа самых часто встретившихся индикаторов с моделью УК, регламентированной во ФГОС, мы использовали коллективную монографию под научной редакцией И.Ю. Тархановой [6], которая посвящена проблемам оценивания УК. Мы использовали определения УК и формулировки индикаторов из данной монографии [6. С. 31–52], поскольку в ней в полном объёме отражён перечень УК, закреплённых в актуальной

версии ФГОС на разных уровнях высшего образования (бакалавриата и магистратуры), что соответствует идее надпрофессионального характера УК. Цель этого этапа исследования состояла в том, чтобы найти к выделенным нами индикаторам наиболее близкие по содержанию индикаторы из ФГОС. В таблице представлены индикаторы из перечня УК, закреплённого во ФГОС, и близкие к ним по смыслу индикаторы из числа наиболее часто встретившихся на предыдущем этапе анализа теоретических моделей.

В УК-1, которая связана с поиском информации и её критическим анализом, отражено сразу несколько индикаторов, близких по смыслу к тем, которые были ранее выделены в ходе анализа: определение значимости информации (индикатор № 1), выявления сходств, различий, взаимосвязей (индикатор № 2), прогнозирование (индикатор № 3). Мы также обнаружили частичную схожесть индикатора № 4 с индикатором, регламентированным в УК-1, который отражает когнитивный аспект убеждения других в своей точке зрения, но в меньшей мере отражает мотивационный компонент настойчивости. Кроме того, для индикатора № 5 мы обнаружили предельно близкий по смыслу индикатор в УК-6, отражающий самосовершенствование и саморазвитие.

Сопоставление индикаторов

№ индикатора	Сформулированный нами индикатор из числа наиболее часто встретившихся при анализе	Индикатор, содержащийся во ФГОС 3++ для бакалавриата и/или магистратуры	Местонахождение индикатора в модели УК ФГОС 3++
1	Взвешивает значимость фактов, идей, критериев и сравнивает их между собой для вывода или принятия решения	«Выделение главной информации на фоне избыточной» [6. С. 32]	УК-1 Системное и критическое мышление (для бакалавриата)
2	Выявляет сходства, различия, взаимосвязи между фактами, аргументами, событиями	«Сопоставление информации, полученной из разных источников, сопоставление предметов и явлений с целью нахождения общих и частных характеристик» [6. С. 32–33] «Выявление закономерностей и взаимосвязей» [6. С. 33]	УК-1 Системное и критическое мышление (для бакалавриата)
3	Выявляет тренды, строит прогнозы, видит проблемы, которые могут появиться в будущем	«Прогнозирование возможных вариантов развития событий в проблемной ситуации» [6. С. 34]	УК-1 Системное и критическое мышление (для магистратуры)
4	Последовательно отстаивает свою позицию, преодолевает сопротивление и убеждает людей в правоте своей точки зрения	«Обоснование (аргументирование) выбранных путей решения проблемы» [6. С. 34]	УК-1 Системное и критическое мышление (для бакалавриата)
5	Инициативно совершенствует свои навыки и учится новому	«Реализация процессов саморазвития и самоорганизации» [6. С. 49]	УК-6 Самоорганизация и саморазвитие (в том числе здоровьесбережение) (для магистратуры)

Таким образом, в ходе анализа мы обнаружили сходство по содержанию индикаторы, регламентированные во ФГОС, для пяти самых часто встретившихся в ходе данного исследования индикаторов. Для остальных семи индикаторов мы не обнаружили достаточно близких по содержанию аналогов. Например, мы не обнаружили:

- традиционно связанного с креативностью индикатора «придумывает новые, нестандартные идеи и решения»;
- индикатора настойчивости: «настойчиво преодолевает препятствия на пути к цели, «не опускает руки» при столкновении с трудностями»;

– индикатора саморегуляции: «под влиянием стресса продолжает думать и действовать «холодно» и рационально, не поддаваясь эмоциям»;

– индикатора уверенности при принятии решений: «принимает решения уверенно и без промедлений».

Кроме того, для выделенного нами индикатора «находит новые подходы к решению задач и способы действовать, если ситуация изменилась» в широко представленной УК-2, в которой регламентируются индикаторы, связанные с организацией проектной деятельности, мы обнаружили аналогичный индикатор, который при этом имеет значительно отличающимся смыслом.

Так, на уровне магистратуры в стандарте закреплён следующий индикатор: «Реализация проекта в условиях временных и ресурсных (материальных и нематериальных) ограничений» [6. С. 37]. В отличие от этого индикатора, выделенный нами индикатор предусматривает ситуацию не только ограниченных, но и непостоянных и изменяющихся во времени ресурсов. Кроме того, мы не обнаружили аналога индикатора «принимает решения и действует в ситуации неопределённости или нехватки информации». Т.е. в проанализированных нами моделях декларируется важность того, чтобы человек был способен действовать не только в условиях ограниченных ресурсов, как это регламентируется во ФГОС, но и проявлял адаптивность в изменяющихся условиях, а также в ситуациях нехватки и противоречивости имеющейся информации.

Более того, в той же УК-2 мы не обнаружили упоминаний того, в контексте какой глобальной цели выполняется тот или иной проект. В то же время при анализе нами был выделен индикатор «выстраивает стратегию, исходя из представления о будущем». То есть во ФГОС индикаторы, по-видимому, скорее отражают краткосрочный или среднесрочный характер планирования, в то время как индикаторы, содержащиеся в проанализированных моделях, в том числе часто содержат в себе ожидания, связанные с навыками долгосрочного планирования и стратегического мышления.

Таким образом, наше второе предположение о том, что часть наиболее часто измеряемых индикаторов в академических и бизнес-моделях не будет содержаться во ФГОС высшего образования, также получило подтверждение.

Ограничения исследования

Обозначим основные ограничения данного исследования.

Во-первых, определения компетенций в изначальных теоретических моделях, вероятно, не отражали всего содержания, которое могло быть в индикаторах этих моделей. Однако обращение к индикаторам напрямую нередко было невозможным из-за того, что они составляли коммерческую тайну компаний-разработчиков.

Во-вторых, определения компетенций различались по степени абстрактности-конкретности как между теоретическими моделями УК, так и между компетенциями в одной модели. В связи с этим часть извлечённых нами смысловых категорий может быть представлена шире или наоборот уже, чем другие. Однако различия в степени абстрактности-конкретности определений могут быть также связаны как со спецификой содержания самих компетенций, так и степенью их разработанности академическим и бизнес-сообществом к настоящему моменту.

Заключение и дискуссия

В последние годы всё больше внимания исследователи уделяют изучению УК, которые выступают связующим звеном при переходе из образовательной среды в профессиональную [38, 39]. Вклад данной работы в эту дискуссию состоит в том, что мы выявили наиболее часто измеряемые индикаторы в академической и бизнес-среде. Эти ключевые индикаторы предположительно отражают наиболее распространённые ожидания работодателей от поведения кандидатов и сотрудников в разных профессиональных областях и на разных уровнях занимаемых должностей. При этом новизна проделанной работы состоит в том, что мы проанализировали УК на уровне конкретных индикаторов, в то время как предыдущие исследования чаще всего были сфокусированы только на уровне компетенций.

Говоря о выделенном перечне наиболее часто встретившихся индикаторов, отметим, что в общем он отражает некоторый базовый набор менеджерских характеристик [40, 41], которые связаны с успешностью деятельности не только на управленческих позициях, но и при организации любых учебных или рабочих проектов. Кроме того, мы обнаружили значительное пересечение с ключевыми мягкими навыками, которые выделяются в одном из последних обзоров литературы [42].

Ещё один значимый результат данного исследования мы видим в том, что во ФГОС высшего образования лишь частично отражены выявленные в ходе исследования самые часто измеряемые индикаторы в академических и бизнес-моделях. Вероятно, это несоответствие, как и отсутствие единого общепринятого определения УК, может выступать одним из факторов, объясняющих разрыв между запросами рынка труда и предложением высшего образования. В частности, этот разрыв по результатам проведённого анализа состоит в том, что в действующей версии ФГОС отсутствуют индикаторы проектной деятельности в условиях изменяющихся условий, нехватки и противоречивости имеющейся информации, а также индикатор осмысления стратегической роли проекта в контексте решения более глобальной задачи. Кроме того, во ФГОС мы не обнаружили индикаторов УК, связанных с креативностью, настойчивостью, саморегуляцией, уверенностью при принятии решений, которые также содержатся в большинстве проанализированных теоретических моделей.

В качестве одной из перспектив продолжения данной работы мы видим разработку модели компетенций, состоящей из выделенных в ходе анализа индикаторов, и инструмента измерения, который бы покрывал широкий круг требований рынка труда к индивидуальным психологическим характеристикам выпускников и кандидатов на должности.

Примечания

¹ URL: <https://www.hoganassessments.com/talent-acquisition/>

² URL: <https://www.ddiworld.com/solutions/leadership-assessment>

³ URL: <https://www.shl.com/solutions/products/assessments/>

⁴ URL: <https://www.savilleassessment.com/wave/>

⁵ URL: <https://www.competencylibrary.com/>

⁶ URL: <https://www.deteach-group.ru/solutions/staff-assessment/>

⁷ URL: <https://www.kornferry.com/>

⁸ URL: <https://www.kornferry.com/insights/this-week-in-leadership/376-lominger-assessment-instruments-an-overview-of-research-background-and-support>

⁹ URL: <https://talent-q.ru/online-instruments/for-personals/onlayn-otsenka-kompetentsiy-pri-podbore-sistema-otsenki-kompetentsiy-navigator-lite/>

¹⁰ URL: <https://talent-q.ru/online-instruments/>

¹¹ URL: <https://www.predictiveindex.com/>

¹² URL: <https://digital.ecopsy.ru/products/pif>

¹³ URL: <https://ht-lab.ru/resheniya-dlya-hr/ocenka-po-kompetencyam/>

¹⁴ URL: <https://www.shrm.org/learningandcareer/career/pages/shrm-competency-model.aspx>

Список источников

1. Казакова Е.И., Тарханова И.Ю. Оценка универсальных компетенций студентов при освоении образовательных программ // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5. С. 127–135.
2. Универсальные компетентности и новая грамотность: чему учить сегодня для успеха завтра. Предварительные выводы международного доклада о тенденциях трансформации школьного образования / И.Д. Фрумин, М.С. Добрякова, К.А. Баранников, И.М. Реморенко. М. : НИУ ВШЭ, 2018. 28 с.
3. Универсальные компетентности и новая грамотность: от лозунгов к реальности / под ред. М.С. Добряковой, И.Д. Фрумина; при участии К.А. Баранникова, Н. Зиила, Дж. Мосс, И.М. Реморенко, Я. Хаутамаки. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 472 с.
4. Roloff H.J., Klusmann U., Lütke O., Trautwein U. Berufliche Selbstregulation im Hochschulstudium: Der Zusammenhang mit Persönlichkeit und Wohlbefinden // Unterrichtswissenschaft. 2016. № 44. S. 25–39.
5. Burning Glass Technologies. Mapping the genome of jobs: the Burning Glass taxonomy. 2019 // Burning Glass Technologies, Boston. URL: <http://go.pardot.com/1367681/2019-09-11/9z78j> (дата обращения: 23.03.2024).
6. Измерение и оценка сформированности универсальных компетенций обучающихся при освоении образовательных программ бакалавриата, магистратуры, специалитета / под науч. ред. И.Ю. Тархановой. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. 383 с.
7. Мишин И.Н. Критическая оценка формирования перечня компетенций в ФГОС ВО 3++ // Высшее образование в России. 2018. Т. 27, № 4. С. 66–75.
8. Качество образования в российских университетах: что мы поняли в пандемию: Аналитический доклад / науч. ред. Е.А. Суханова, И.Д. Фрумин. Томск : Изд-во Томского государственного университета, 2021. 46 с.
9. Salvendy G. Learning Fundamental Skills: A Promise for the Future // AIIE Transactions. 1969. Vol. 1, № 4. P. 300–305.
10. Levy F., Murnane R.J. Education and the Changing Job Market // Educational Leadership. 2004. Vol. 62, № 2. P. 80–84.
11. Анкин В.А. Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // Экономическая социология. 2017. Т. 18, № 4. С. 120–156.
12. Kautz T., Heckman J., Diris R., ter Weel B., & Borghans L. Fostering and Measuring Skills: Improving Cognitive and Non-Cognitive Skills to Promote Lifetime Success. 2014. IZA Discussion Paper №. 8696 // SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=2543890>
13. Kerr S.P., Kerr W.R., & Xu T. Personality Traits of Entrepreneurs: A Review of Recent Literature // Foundations and Trends in Entrepreneurship. 2014. № 14. P. 279–356.
14. Steenbergen-Hu S., Makel M.C., Olszewski-Kubilius P. What One Hundred Years of Research Says About the Effects of Ability Grouping and Acceleration on K–12 Students' Academic Achievement: Findings of Two Second-Order Meta-Analyses // Review of Educational Research. 2016. Vol. 86, № 4. P. 849–899.
15. Day D.Y. Rethinking Human Potential From a Talent Development Perspective // Journal for the Education of the Gifted. 2020. Vol. 43, № 1. P. 19–37.
16. Plucker J.A., Barab S.A. The Importance of Contexts in Theories of Giftedness: Learning to Embrace the Messy Joys of Subjectivity // Sternberg R.J., Davidson J.E. Conceptions of giftedness. Cambridge University Press. 2005. P. 201–216.
17. Duckworth A.L., Yeager D.S. Measurement matters: Assessing personal qualities other than cognitive ability for educational purposes // Educational Researcher. 2015. Vol. 44, № 4. P. 237–251.
18. Abrahams L., Pancorbo G., Primi R., Santos D., Kyllonen P., John O.P., De Fruyt F. Social-emotional skill assessment in children and adolescents: Advances and challenges in personality, clinical, and educational context // Psychological Assessment. 2019. Vol. 31, № 4. P. 460–473.
19. Cunha F., Heckman J.J., Schennach S.M. Estimating the technology of cognitive and noncognitive skill formation // Econometrica. 2010. Vol. 78, № 3. P. 883–931.
20. Ockenden N., Stuart J. Review of evidence on the outcomes of youth volunteering, social action and leadership. Institute of Volunteering Research, London : NCVO, 2014.
21. Оценка универсальных компетентностей как результатов высшего образования. Аналитический доклад к XXII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. / С.М. Авдеева, П.В. Гасс, Е.Ю. Карданова, Ю.Н. Корешникова, А.А. Куликова, Е.А. Орел, Т.В. Пашенко, П.С. Сорокин. М. : НИУ ВШЭ, 2021. 52 с.
22. Ludger W. Universal Basic Skills What Countries Stand to Gain: What Countries Stand to Gain. Paris : OECD, 2015.
23. Проблемы оценивания результатов обучения при компетентностном задании требований к выпускнику вуза / Д.В. Пузанков, Н.Н. Кузьмин, А.А. Шехонин [и др.] // Материалы XI Симпозиума «Квалиметрия в образовании: методология, методика, практика». М., 2006. С. 25–28.
24. Кузьминов Я., Сорокин П., Фрумин И. Общие и специальные навыки как компоненты человеческого капитала: новые вызовы для теории и практики образования // Форсайт. 2019. Т. 13, № 2. С. 19–41.
25. Корешникова Ю.Н., Фрумин И.Д., Пашенко Т.В. Барьеры для создания педагогических условий развития критического мышления в российских вузах // Педагогика. 2020. Т. 84, № 9. С. 45–54.
26. Kereluik K., Mishra P., Fahnoe C., & Terry L. What knowledge is of most worth: Teacher knowledge for 21st century learning // Journal of Digital Learning in Teacher Education. 2013. Vol. 29, № 4. P. 127–140.
27. Council Recommendation of 22 May 2018 on key competences for lifelong learning (Text with EEA relevance) // Official Journal of the European Union. ST/9009/2018/INIT. OJ C 189, 4.6. 2018. P. 13.
28. Caroleo F., Pastore F. Overeducation at a glance. Determinants and wage effects of the educational mismatch based on AlmaLaurea data. GLO Discussion Paper Series 15, Geneva: Global Labor Organization (GLO). 2017.
29. Рошин С., Рудаков В. Измеряют ли стартовые заработные платы выпускников качество образования? Обзор российских и зарубежных исследований // Вопросы образования. 2015. № 1. С. 138–168.
30. McGuinness S., Pouliakas K., Redmond P. Skills mismatch: Concepts, measurement and policy approaches // Journal of Economic Surveys. 2018. Vol. 32, № 4. P. 985–1015.
31. OECD (2017). Getting Skills Right: Skills for Jobs Indicators. Paris : OECD Publishing.
32. Handel M.J. Skills mismatch in the labor market // Annual Review of Sociology. 2003. Vol. 29, № 1. P. 135–165.

33. Пилипенко С.А., Жидков А.А., Караваева Е.В., Серова А.В. Сопряжение ФГОС и профессиональных стандартов: выявленные проблемы, возможные подходы, рекомендации по актуализации // Высшее образование в России. 2016. № 6 (202). С. 5–15.
34. Spencer L.M., Spencer S.M. Competence at Work: Models for Superior Performance. John Wiley & Sons, New York, 1993.
35. UNESCO. If You Don't Understand, How Can You Learn? Global Education Monitoring Report – Policy Paper. 2016.
36. Van Laar E., van Deursen A. J.A.M., van Dijk J.A.G.M., de Haan J. The relation between 21st-century skills and digital skills: A systematic literature review // Computers in Human Behavior. 2017. № 72. P. 577–588.
37. Psychometrics in coaching: Using psychological and psychometric tools for development / Passmore J. (Ed.). Kogan Page, 2008.
38. UNESCO. SDG 4 – Education 2030: Part II, Education for Sustainable Development beyond 2019. Paris: UNESCO, 2019, 206 EX/6.II. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000366797> (дата обращения: 08.10.2023).
39. Wang T. Competence for Students' Future: Curriculum Change and Policy Redesign in China // ECNU Review of Education. 2019. Vol. 2, № 2. P. 234–245.
40. World Economic Forum, The Future of Jobs Report 2020. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2020.pdf
41. Bondarenko V., Diugowanets O., Kurei O. Transformation of Managerial Competencies within the Context of Global Challenges // SHS Web of Conferences. 2021. Vol. 90 (57). Art. No. 02002.
42. Marin-Zapata S.I., Román-Calderón J.P., Robledo-Ardila C., Jaramillo-Serna M.A. Soft skills, do we know what we are talking about? // Review of Managerial Science. 2021. № 16. P. 969–1000.

References

1. Kazakova, E.I. & Tarkhanova, I.Yu. (2018) Otsenka universal'nykh kompetentsiy studentov pri osvoenii obrazovatel'nykh programm [Assessment of students' universal competencies in mastering educational programs]. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik*. 5. pp. 127–135.
2. Frumin, I.D. et al. (2018) *Universal'nye kompetentnosti i novaya gramotnost': chemu učit' segodnya dlya uspekha zavtra. Predvaritel'nye vyvody mezhdunarodnogo doklada o tendentsiyakh transformatsii shkol'nogo obrazovaniya* [Universal competencies and new literacy: what to teach today for tomorrow's success. Preliminary conclusions of the international report on trends in the transformation of school education]. Moscow: HSE.
3. Frumin, I.D. et al. (eds) (2020) *Universal'nye kompetentnosti i novaya gramotnost': ot lozungov k real'nosti* [Universal competencies and new literacy: from slogans to reality]. Moscow: HSE.
4. Roloff, H.J., Klusmann, U., Lüdtke, O. & Trautwein, U. (2016) Berufliche Selbstregulation im Hochschulstudium: Der Zusammenhang mit Persönlichkeit und Wohlbefinden. *Unterrichtswissenschaft*. 44. pp. 25–39.
5. Burning Glass Technologies. (2019) *Mapping the genome of jobs: the Burning Glass skills taxonomy*. 2019. [Online] Available from: <http://go.pardot.com/1367681/2019-09-11/9z78j> (Accessed: 23.03.2024).
6. Tarkhanova, I.Yu. (ed.) (2018) *Izmerenie i otsenka sformirovannosti universal'nykh kompetentsiy obuchayushchikhsya pri osvoenii obrazovatel'nykh programm bakalavriata, magistratury, spetsialiteta* [Measurement and assessment of the development of universal competencies of students in the development of bachelor's, master's, and specialist's degree programs]. Yaroslavl: YaSPU.
7. Mishin, I.N. (2018) Kriticheskaya otsenka formirovaniya perechnya kompetentsiy v FGOS VO 3++ [Critical assessment of the development of the list of competencies in the Federal State Educational Standard of Higher Education 3++]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 27 (4). pp. 66–75.
8. Sukhanova, E.A. & Frumin, I.D. (eds) (2021) *Kachestvo obrazovaniya v rossiyskikh universitetakh: chto my ponyali v pandemiyu: Analiticheskiy doklad* [The quality of education in Russian universities: what we learned during the pandemic: Analytical report]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Salvendy, G. (1969) Learning Fundamental Skills: A Promise for the Future. *AIIE Transactions*. 1 (4). pp. 300–305.
10. Levy, F. & Murnane, R.J. (2004) Education and the Changing Job Market. *Educational Leadership*. 62 (2). pp. 80–84.
11. Anikin, V.A. (2017) Chelovecheskiy kapital: stanovlenie kontseptsii i osnovnye traktovki [Human Capital: Formation of the Concept and Main Interpretations]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 18 (4). pp. 120–156.
12. Kautz, T. et al. (2014) *Fostering and Measuring Skills: Improving Cognitive and Non-Cognitive Skills to Promote Lifetime Success*. IZA Discussion Paper No. 8696. SSRN. [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=2543890>
13. Kerr, S.P., Kerr, W.R. & Xu, T. (2014) Personality Traits of Entrepreneurs: A Review of Recent Literature. *Foundations and Trends in Entrepreneurship*. 14. pp. 279–356.
14. Steenbergen-Hu, S., Makel, M.C. & Olszewski-Kubilius, P. (2016) What One Hundred Years of Research Says About the Effects of Ability Grouping and Acceleration on K–12 Students' Academic Achievement: Findings of Two Second-Order Meta-Analyses. *Review of Educational Research*. 86 (4). pp. 849–899.
15. Day, D.Y. (2020) Rethinking Human Potential From a Talent Development Perspective. *Journal for the Education of the Gifted*. 43 (1). pp. 19–37.
16. Plucker, J.A. & Barab, S.A. (2005) The Importance of Contexts in Theories of Giftedness: Learning to Embrace the Messy Joys of Subjectivity. In: Sternberg, R.J. & Davidson, J.E. *Conceptions of giftedness*. Cambridge University Press. pp. 201–216.
17. Duckworth, A.L. & Yeager, D.S. (2015) Measurement matters: Assessing personal qualities other than cognitive ability for educational purposes. *Educational Researcher*. 44 (4). pp. 237–251.
18. Abrahams, L. et al. (2019) Social-emotional skill assessment in children and adolescents: Advances and challenges in personality, clinical, and educational context. *Psychological Assessment*. 31 (4). pp. 460–473.
19. Cunha, F., Heckman, J.J. & Schennach, S.M. (2010) Estimating the technology of cognitive and noncognitive skill formation. *Econometrica*. 78 (3). pp. 883–931.
20. Ockenden, N. & Stuart, J. (2014) *Review of evidence on the outcomes of youth volunteering, social action and leadership*. Institute of Volunteering Research, London: NCVO.
21. Avdeeva, S.M. et al. (2021) Otsenka universal'nykh kompetentnostey kak rezul'tatov vysshego obrazovaniya. Analiticheskiy doklad k XXII Aprel'skoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, Moskva, 13–30 apr. 2021 g. [Assessing Universal Competencies as Higher Education Outcomes. Analytical Report for the XXII April International Conference on Economic and Social Development, Moscow, April 13–30, 2021]. Moscow: HSE.
22. Ludger, W. (2015) *Universal Basic Skills What Countries Stand to Gain: What Countries Stand to Gain*. Paris: OECD.
23. Puzankov, D.V. et al. (2006) [Problems of Assessing Learning Outcomes in the Competency-Based Setting of Requirements for University Graduates]. *Kvalimetriya v obrazovanii: metodologiya, metodika, praktika* [Qualimetry in Education: Methodology, Techniques, Practice]. Proceedings of the XI Symposium. Moscow. pp. 25–28. (In Russian).
24. Kuz'minov, Ya., Sorokin, P. & Frumin, I. (2019) Obshchie i spetsial'nye navyki kak komponenty chelovecheskogo kapitala: novye vyzovy dlya teorii i praktiki obrazovaniya [General and Specialized Skills as Components of Human Capital: New Challenges for Theory and Practice of Education]. *Forsayt*. 13 (2). pp. 19–41.
25. Koreshnikova, Yu.N., Frumin, I.D. & Pashchenko, T.V. (2020) Bar'ery dlya sozdaniya pedagogicheskikh usloviy razvitiya kriticheskogo myshleniya v rossiyskikh vuzakh [Barriers to Creating Pedagogical Conditions for the Development of Critical Thinking in Russian Universities]. *Pedagogika*. 84 (9). pp. 45–54.
26. Kereluik, K. et al. (2013) What knowledge is of most worth: Teacher knowledge for 21st century learning. *Journal of Digital Learning in Teacher Education*. 29 (4). pp. 127–140.

27. *Official Journal of the European Union*. (2018) Council Recommendation of 22 May 2018 on key competences for lifelong learning (Text with EEA relevance). ST/9009/2018/INIT. OJ C 189, 4.6. pp. 13.
28. Caroleo, F. & Pastore, F. (2017) *Overeducation at a glance. Determinants and wage effects of the educational mismatch based on AlmaLaurea data*. GLO Discussion Paper Series 15, Geneva: Global Labor Organization (GLO).
29. Roshchin, S. & Rudakov, V. (2015) Izmeriyayut li startovye zarabotnye platy vypusnikov kachestvo obrazovaniya? Obzor rossiyskikh i zarubezhnykh issledovaniy [Do starting salaries of graduates measure the quality of education? A review of Russian and foreign studies]. *Voprosy obrazovaniya*. 1. pp. 138–168.
30. McGuinness, S., Poulidakis, K. & Redmond, P. (2018) Skills mismatch: Concepts, measurement and policy approaches. *Journal of Economic Surveys*. 32 (4). pp. 985–1015.
31. OECD. (2017) *Getting Skills Right: Skills for Jobs Indicators*. Paris: OECD Publishing.
32. Handel, M.J. (2003) Skills mismatch in the labor market. *Annual Review of Sociology*. 29 (1). pp. 135–165.
33. Pilipenko, S.A. et al. (2016) Sopryazhenie FGOS i professional'nykh standartov: vyyavlennye problemy, vozmozhnye podkhody, rekomendatsii po aktualizatsii [Comparison of Federal State Educational Standards and Professional Standards: Identified Problems, Possible Approaches, and Recommendations for Updating]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 6 (202). pp. 5–15.
34. Spencer, L.M. & Spencer, S.M. (1993) *Competence at Work: Models for Superior Performance*. New York: John Wiley & Sons.
35. UNESCO. (2016) *If You Don't Understand, How Can You Learn?* Global Education Monitoring Report – Policy Paper. 2016.
36. Van Laar, E. et al. (2017) The relation between 21st-century skills and digital skills: A systematic literature review. *Computers in Human Behavior*. 72. pp. 577–588.
37. Passmore, J. (ed.) (2008) *Psychometrics in coaching: Using psychological and psychometric tools for development*. Kogan Page.
38. UNESCO. (2019) *SDG 4 – Education 2030: Part II, Education for Sustainable Development beyond 2019*. Paris: UNESCO. [Online] Available from: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000366797> (Accessed: 08.10.2023).
39. Wang, T. (2019) Competence for Students' Future: Curriculum Change and Policy Redesign in China. *ECNU Review of Education*. 2 (2). pp. 234–245.
40. World Economic Forum. (2020) *The Future of Jobs Report 2020*. [Online] Available from: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2020.pdf
41. Bondarenko, V., Diugowanets, O. & Kurei, O. (2021) Transformation of Managerial Competencies within the Context of Global Challenges. *SHS Web of Conferences*. 90 (57). Art. No. 02002.
42. Marin-Zapata, S.I. et al. (2021) Soft skills, do we know what we are talking about? *Review of Managerial Science*. 16. pp. 969–1000.

Информация об авторах:

Сагитов Е.Б. – аспирант Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: esagitov@hse.ru

Брун И.В. – психометрик ООО «Форматта» (Москва, Россия). E-mail: brun.i@formatta.ru

Павлов С.В. – директор R&D ООО «Форматта» (Москва, Россия). E-mail: pavlov.s@formatta.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.B. Sagitov, postgraduate student, HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: esagitov@hse.ru

I.V. Brun, psychometrist, Formatta, LLC (Moscow, Russian Federation). E-mail: brun.i@formatta.ru

S.V. Pavlov, R&D director, Formatta, LLC (Moscow, Russian Federation). E-mail: pavlov.s@formatta.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.07.2023;
одобрена после рецензирования 24.03.2024; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 05.07.2023;
approved after reviewing 24.03.2024; accepted for publication 30.04.2024.

Научная статья
УДК 612.43
doi: 10.17223/15617793/501/23

Оценка склонности студенток 1–3-х курсов аграрного университета к нарушению здорового поведения

Надежда Викторовна Сурикова¹, Татьяна Викторовна Брюховских²,
Дмитрий Александрович Шубин³, Дарья Олеговна Орлова⁴

^{1, 2} Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

^{2, 3, 4} Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

³ Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого

¹ poleva_n@list.ru

² tanybr@mail.ru

³ shubin-d-a@mail.ru

⁴ orlova-dar@mail.ru

Аннотация. Проанализирована динамика поведенческих норм здорового образа жизни студенток Красноярского государственного аграрного университета, обучающихся на разных курсах, в зависимости от уровня их физической подготовленности и частоты посещения практических занятий. Полученные результаты свидетельствуют о росте доли студенток, игнорирующих необходимость ответственного отношения к себе и своему здоровью, а так же снижению значимости регулярных занятий физической культурой в режиме дня этих студенток.

Ключевые слова: физическая культура, нарушение здорового поведения, здоровье, физическая подготовленность, здоровый образ жизни, студенты

Для цитирования: Сурикова Н.В., Брюховских Т.В., Шубин Д.А., Орлова Д.О. Оценка склонности студенток 1–3-х курсов аграрного университета к нарушению здорового поведения // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 200–208. doi: 10.17223/15617793/501/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/23

Assesment of tendency of 1st–3rd-year female students of an agrarian university to violate healthy behaviour

Nadezhda V. Surikova¹, Tatiana V. Briukhovskikh², Dmitrii A. Shubin³, Daria O. Orlova⁴

^{1, 2} Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

^{2, 3, 4} Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russian Federation

³ V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk, Russian Federation

¹ poleva_n@list.ru

² tanybr@mail.ru

³ shubin-d-a@mail.ru

⁴ orlova-dar@mail.ru

Abstract. Health determines a person's ability to perform work functions and ensures harmonious personal development. During their studies, students achieve a certain level of physical development and strengthen their health through physical education classes. However, young people are prone to actions and behaviours that harm their bodies, but the tendency to neglect their health can be measured. Therefore, we decided to analyse the dynamics of behavioural norms of a healthy lifestyle among female students of Krasnoyarsk State Agrarian University, studying at different courses, depending on their level of physical fitness and frequency of attending practical classes. The materials and methods included a questionnaire of violations of healthy behaviour (E.L. Lutsenko, O.E. Gabelkova, 2013) and controlled testing of physical fitness level of the girls through the following control exercises: 100m sprint, standing long jump, push-ups/sit-ups in one minute, 500m run. The study revealed that as girls grow older, they start to give up the habit of smoking; there is a noticeable trend towards an increase in the number of students abusing alcoholic beverages; the "eating disorder" subscale reflects a critical value of the average score for 3rd-year female students; the "emotional incompetence" subscale demonstrates a trend towards an increase in students who, as they get older, begin to experience an empathy deficit; female students begin to consciously adhere to the rules and norms of safe behaviour, both personal and social; there is an increase in the intensity of self-aggressive actions; higher self-control abilities are manifested; girls strive to conform to social ideals "in pursuit of a fashionable image" and by the 3rd year this trend becomes more

pronounced. Thus, during the conducted study, it was found that female students have an average group overall indicator of unhealthy behaviour, reflecting their overall activity in relation to the norms of a healthy lifestyle. These results indicate some contradiction between the need for a responsible attitude towards oneself and one's health formed with age and the increase in the number of senior female students with a dismissive attitude towards the basics of a healthy lifestyle. In addition, the analysis of the number of female students engaged in sports shows an increase in the proportion of girls who do not include sports activities in their daily routine and who engage in sporadic sports, which reflects a tendency to decrease the significance of physical culture in their lives.

Keywords: physical education, violation of healthy behaviours, health, physical fitness, healthy lifestyle, students

For citation: Surikova, N.V., Briukhovskikh, T.V., Shubin, D.A. & Orlova, D.O. (2024) Assessment of tendency of 1st–3rd-year female students of an agrarian university to violate healthy behaviour. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 200–208. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/23

Введение. В обществе существуют абсолютные жизненные ценности, одна из которых занимает один из верхних уровней в иерархии ценностей человечества и каждого индивида в отдельности – это здоровье. Оно рассматривается как первая и важнейшая потребность человека, определяющая способность его к труду и обеспечивающая гармоническое духовное и физическое развитие личности. В высшей школе в структуре образовательной программы дисциплина «Физическая культура и спорт» направлена на формирование общей компетенции – использовать средства физической культуры для сохранения и укрепления здоровья в процессе профессиональной деятельности и поддержания необходимого уровня физической подготовленности. ГОС ВО определяет требование к освоению дисциплины «Физическая культура» как способность поддерживать должный уровень физической подготовленности для обеспечения социальной и профессиональной деятельности [1]. На занятиях физической культурой студенты достигают определенного уровня физического развития и укрепляют свое здоровье. В последние годы уровень здоровья студентов ухудшается [2, 3], а выделенные часы на занятия физической культурой и имеющиеся средства не оправдывают цель и задачи, стоящие перед дисциплиной.

Тем не менее молодежь в большей или меньшей степени склонна производить действия и поступки, наносящие вред организму, – курение, употребление алкоголя, нарушения в режиме питания и т.п. Тенденция пренебрегать своим здоровьем, лежащая в основе поведения индивидуума, может быть измерена. Специальный инструментальный позволяет определить лиц, которые сильнее или слабее других склонны к нарушению здорового образа жизни, т.е. к пренебрежению своим здоровьем. Современный ритм жизни, вызываемые им стрессы, большое разнообразие средств и способов получения удовольствий приводят к формированию у современного молодого поколения образ жизни, который правильнее было бы характеризовать как нездоровый.

Особую группу риска составляют девушки, которые являются будущими матерями и носителями норм семейного ценностно ориентированного воспитания. **Цель исследования:** проанализировать склонности студенток разных курсов Красноярского государственного аграрного университета к нарушениям здорового образа жизни и определить влияние уровня физической подготовленности, частоты посещения практических занятий по дисциплине «Физическая культура и

спорт» и «Элективные курсы по физической культуре и спорту» на сформированность норм здорового поведения.

Материалы и методы. В исследовании был произведен поиск доступного инструмента для измерения склонности студентов к нарушению здорового поведения. В большинстве опросников утверждения сформулированы как прямые и открытые описания того, насколько человек старается придерживаться здорового образа жизни. Мы искали инструмент, имеющий такую формулировку заданий, которая скрывает от исследуемых истинную валидность опросника и обеспечивает объективность оценки. Таким средством стал опросник нарушения здорового поведения [4]. Опросник позволяет диагностировать общий (суммарный) показатель склонности к нарушениям здорового поведения и показатели по субшкалам: 1) тяга к курению; 2) нарушение питания; 3) пренебрежение безопасностью; 4) тяга к алкоголю; 5) погоня за модным имиджем; 6) низкий самоконтроль; 7) эмоциональная некомпетентность; 8) саморазрушительное поведение. Мы адаптировали 63 суждения опросника в гугл-форму опроса и дополнили вопросами о социально-демографических характеристиках респондентов. Поскольку в юности и молодости многим людям свойственна беззаботность, в том числе по отношению к своему здоровью, то авторы-разработчики опросника [4] обнаружили различия и рассчитали нормативные показатели по отдельным половозрастным группам (табл. 1).

Провели контрольное тестирование уровня физической подготовленности девушек по следующим контрольным упражнениям: быстрота – бег на 100 м; скоростно-силовые способности – прыжок в длину с места; силовые способности – сгибание-разгибание рук в упоре лежа / поднимание туловища за 1 мин; выносливость – бег на 500 м. Результаты по контрольным упражнениям соотносились с балльной шкалой, где максимальное значение – 10, а минимальное – 1. Результаты физической подготовленности студенток 1-го, 2-го и 3-го курсов подвергли статистической и математической обработке, определяли достоверность различий (по t-критерию Стьюдента для параметрических данных и U-критерию Манна–Уитни для непараметрических данных).

Учет посещаемости занятий по дисциплинам «Физическая культура и спорт» и «Элективные курсы по физической культуре и спорту» проводили на основе данных, отраженных в учебных журналах преподавателей, в течение одного учебного года. Для повышения объективности информации этот показатель выразили

в проценте к общему числу занятий по физической культуре, предусмотренном учебным планом студентов. Для расчетов взаимной обусловленности (взаимосвязи) полученных количественных характеристик, выбранных показателей использовали непараметрический корреляционный анализ Спирмена.

По итогам исследования проведен анализ, на основании которого были сделаны выводы, а также сформулированы практические предложения.

Результаты. В исследование приняли участие 586 студенток 1–3-х курсов, обучающихся в Красноярском государственном аграрном университете (г. Красноярск) на разных специальностях и по разным направлениям подготовки (юриспруденция, электрооборудование и электротехнологии в агропромышленном комплексе, управление качеством и безопасностью продукции АПК, продукты питания из растительного сырья и т.д.).

Таблица 1

Сводные показатели субшкал нарушения здорового поведения

Название субшкалы	Значение средних показателей студентов, баллы			Норма, баллы	Доля студентов, отклонившихся от нормы, %		
Курс	I	II	III		I	II	III
Тяга к курению	12,36 ± 4,66	11,6 ± 4,66	12,03 ± 5,17	15,3 ± 7,8	21,3	16,8	15,9
Тяга к алкоголю	13,44 ± 4,48	13,28 ± 4,24	15,18 ± 5,58	17,0 ± 5,8	22,8	23,9	33,3
Нарушения питания	14,76 ± 3,62	15,12 ± 4,03	15,94 ± 3,93	16,9 ± 3,8	30,6	38,0	33,3
Эмоциональная некомпетентность	11,55 ± 3,10	12,01 ± 2,97	12,06 ± 2,89	13,4 ± 2,6	24,4	29,9	35,9
Пренебрежение безопасностью	21,26 ± 4,66	20,17 ± 3,81	20,15 ± 3,93	24,5 ± 5,4	32,7	25,3	21,4
Саморазрушительное поведение	4,49 ± 1,55	4,74 ± 1,27	5,09 ± 2,48	4,9 ± 1,4	34,6	35,5	41,0
Низкий самоконтроль	16,83 ± 3,28	16,52 ± 3,39	16,64 ± 3,31	17,2 ± 3,1	37,0	35,9	32,1
Погоня за «молодым имиджем»	18,04 ± 2,41	18,73 ± 3,60	19,09 ± 3,10	21,5 ± 3,6	24,7	27,7	34,6
Общее	113,0 ± 21,21	111,9 ± 16,53	116,18 ± 23,67	130,7 ± 19,8	19,8	23,1	28,2

Примечание. $X_{cp} \pm \sigma$, достоверных различий не выявлено.

Тяга к курению – состояние, имеющее психологическую и физиологическую основу зависимости человека от никотина. Чаще всего такая потребность проявляется в желании выкуривания сигареты у человека, находящегося в табачной зависимости, пытающегося избавиться от вредной привычки или недавно избавившегося от нее. Показатели субшкалы «Тяга к курению» имеют значение в норме 14,5 баллов.

Средние показатели по курсам не превышают нормы, но имеются представители на каждом курсе с показателями, которые превышают нормы. Самый высокий процент (рис. 1) отклоняющихся от нормальных значений отмечается на 1-м курсе (21,3%). Видимо, с возрастом девушки начинают отказываться от привычки табакокурения (1-й курс – 21,3%, 2-й курс – 16,8%, 3-й курс – 15,9%), осознавая вред, наносимый никотином их организму.

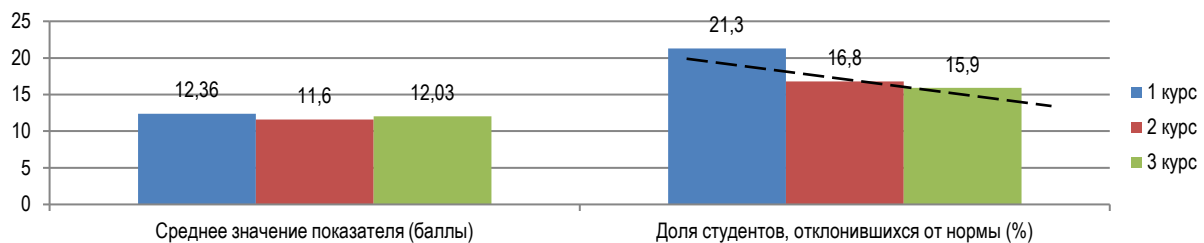

Рис. 1. Показатели субшкалы «Тяга к курению»

Тяга к алкоголю – состояние, характеризующееся психологической и физической привязанностью и влечением к употреблению спиртных напитков.

Отмечается, что тяга к алкоголю имеет периодический характер, а при постоянном употреблении спиртных напитков развивается патологическое состояние.

Нижней границей нормы субшкалы «Тяга к алкоголю» является значение 16,3 балла. Из данных, представленных на рис. 2, видно, что средний показатель по курсам не превышает границы нормы, но по проценту студентов, отклоняющихся от нормы, становится заметной тенденция к росту (на 10%) числа студентов, злоупотребляющих употреблением спиртных напитков.

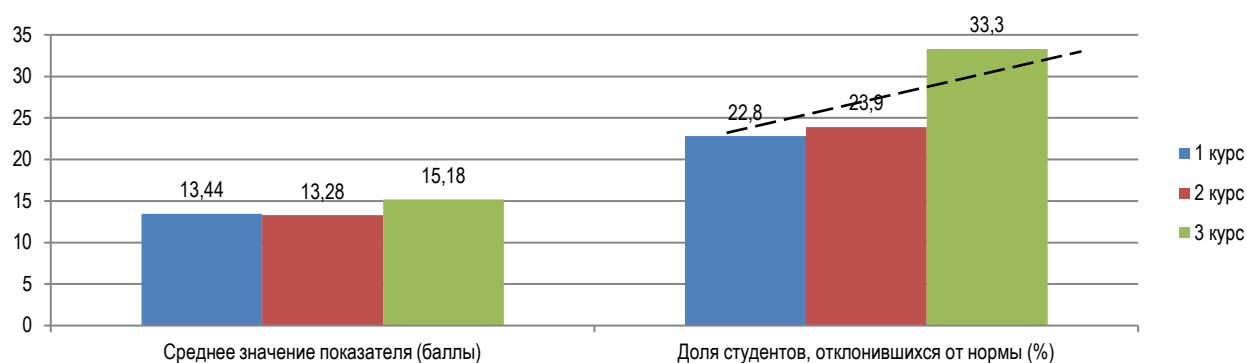
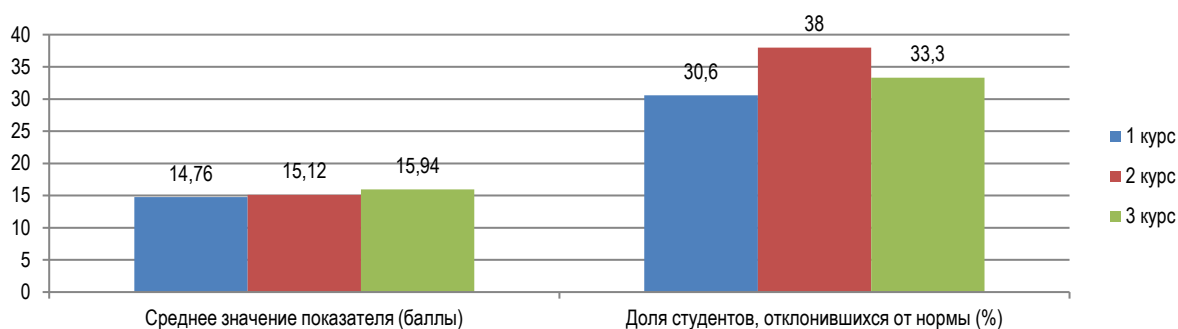

Рис. 2. Показатели субшкалы «Тяга к алкоголю»

Трудно переоценить роль питания в формировании и сохранении здоровья человека. Однако в современном обществе нарушения пищевого поведения встречаются достаточно часто, что выражается в психогенных поведенческих синдромах, характеризующихся отклонениями при приеме и переработке пищи. Нижней границей

нормы субшкалы «Нарушения питания» является значение 16,0 балла. При анализе полученных результатов (рис. 3) отмечаются критическое значение среднего показателя для студенток 3-го курса (15,94 балла) и в общем большой процент девушек, которые отклоняются от границы нормы, что составляет треть от числа опрошенных.

3. Показатели субшкалы «Нарушения питания»

Рис.

Эмоциональная некомпетентность, как правило, характеризуется отсутствием навыков (или низкий уровень их развития) подчинения собственных эмоций, поступками без учета эмоциональных проявлений других людей, с которыми человек взаимодействует. Недостаток эмоциональной компетентности как неспособность понять мысли и чувства окружающих, разобраться в своих эмоциях и эмо-

циях других людей становится причиной переживаний и стрессов современного человека. Норма показателя субшкалы «Эмоциональная некомпетентность» – 13,0 баллов. Среднее значение показателя находится в пределах нормы для студенток всех курсов, однако с возрастом у девушек увеличивается процент представительниц, которые начинают испытывать дефицит эмпатии.

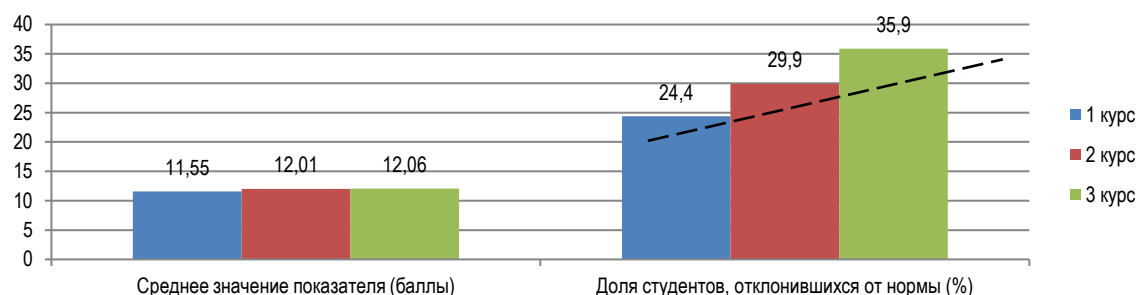

Рис. 4. Показатели субшкалы «Эмоциональная некомпетентность»

Безопасность рассматривается как состояние деятельности, при котором с определенной вероятностью исключено проявление опасностей – внешних и внутренних факторов, ухудшающих или делающих невозможным дальнейшее функционирование и развитие некоторой системы.

Пренебрежение – это отсутствие внимания или ненадлежащая заботливость о ком-нибудь или о чем-нибудь. Как указывают результаты опроса (норма 22,5 балла), студенты, становясь старше, начинают более сознательно относиться к правилам и нормам безопасного поведения как личного, так и социального.

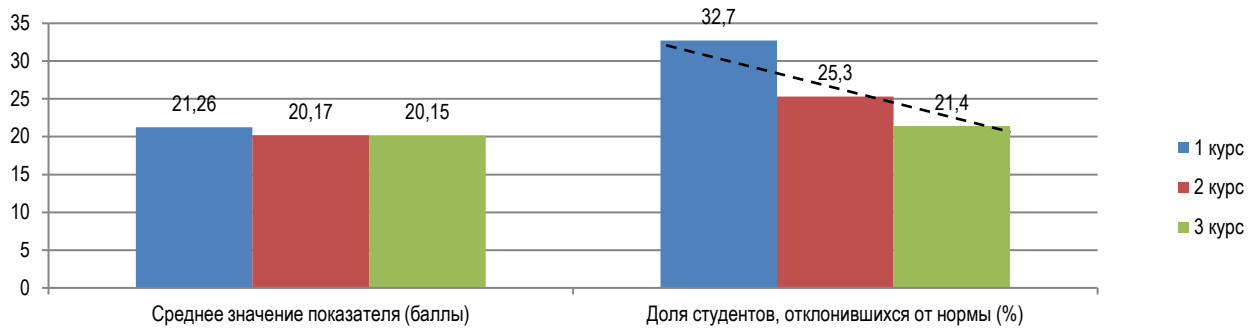

Рис. 5. Показатели субшкалы «Пренебрежение безопасностью»

Аутоагрессия как активность, направленная на нанесение сознательно или бессознательно вреда на психологическом или физическом уровне, является основой одной из субшкал опросника – саморазрушительное поведение. Саморазрушающее поведение является общечеловеческой проблемой и может выражаться в действии, серии действий или образе жизни индивида.

При норме значения в 4,7 балла мы отмечаем нарастание интенсивности проявлений действий аутоагрессии у студентов старших курсов (рис. 6), причем процент отклоняющихся от границ нормы также отражает рост количества студенток.

Показатель «Самоконтроль» отражает способность опрашиваемых контролировать свои эмоции, мысли и поведение.

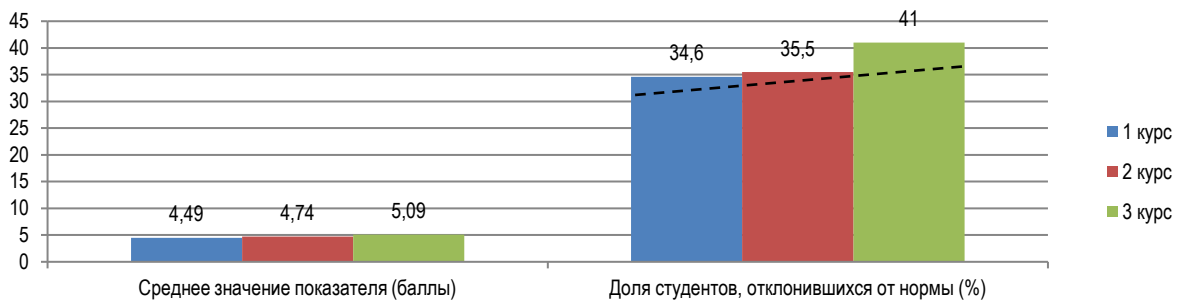

Рис. 6. Показатели субшкалы «Саморазрушительное поведение»

В основе самоконтроля лежит значимая психическая функция – воля. Важно отметить, что многие психические процессы поддаются тренировке и улучшению. Норма границы по субшкале – 17,2 балла. В результате

опроса выявлено, что значение средних показателей по курсам не превышает границу нормы, а по проценту отклоняющихся от нормы девушек отмечается уменьшение доли студенток, имеющих низкий уровень самоконтроля.

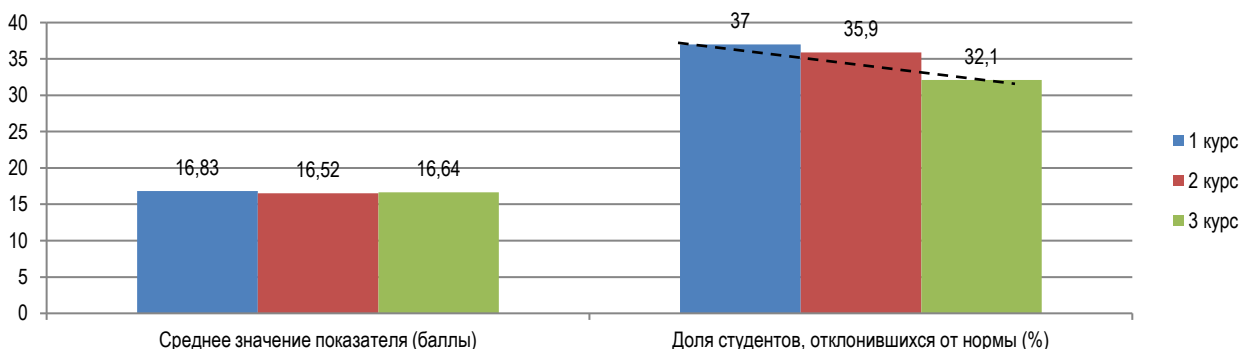

Рис. 7. Показатели субшкалы «Низкий самоконтроль»

Имидж – совокупность представлений, сложившихся в общественном или индивидуальном сознании средствами массового воздействия. В указанной субшкале отражается стремление «жить красиво», иметь красивую внешность и телосложение, соответствовать стереотипам моды, что зачастую идет во

вред здоровью, особенно молодых людей. При норме показателя в 20,1 балла, нужно подчеркнуть стремление девушек соответствовать общественным идеалам. Так, для студенток к третьему курсу среднее значение показателей достигает 19,09 баллов и процент отклоняющихся от нормы вырастает на 10%.

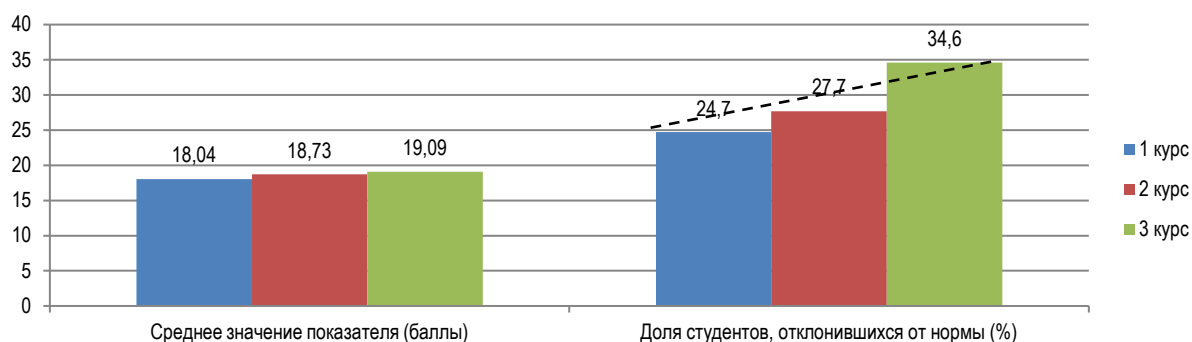

Рис. 8. Показатели субшкалы «Погоня за “молодым имиджем”»

Общий показатель нарушения здорового поведения (норма 124,0 балла) отражает общую активность опрашиваемых как интегральный показатель склонности нарушать здоровый образ жизни. Среднегрупповые показатели студентов всех курсов находятся в пределах нормы (1-й курс – 113,0; 2-й курс – 111,93 и 3-й курс – 116,18 баллов). Однако прирост студентов, склонных к нарушению здорового поведения, в

процентных значениях от первого ко второму и к третьему курсу составляет 3 и 5% соответственно.

Такие результаты свидетельствуют о некотором противоречии между необходимостью ответственного отношения к себе и своему здоровью, формируемого с возрастом, и ростом на старших курсах числа студенток с пренебрежительным отношением к основам здорового образа жизни (рис. 9).

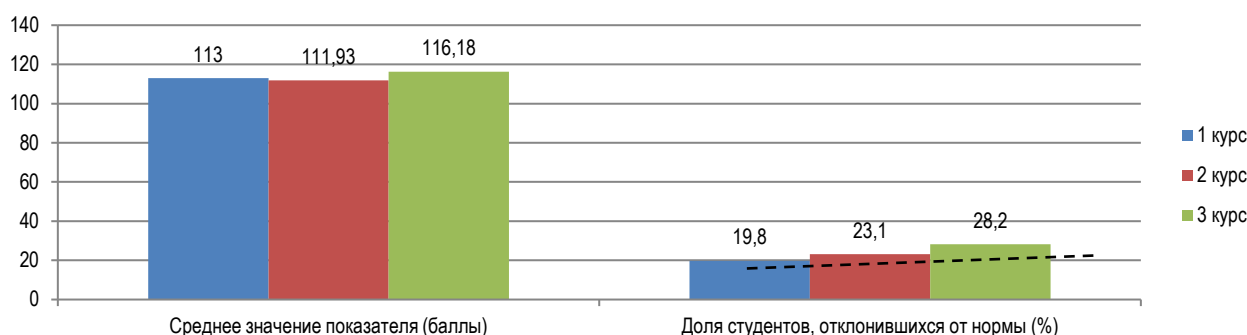

Рис. 9. Суммарные показатели по всем субшкалам

Поскольку в части использования опросника нами было добавлено несколько вопросов о социально-демографической характеристике студенток, то стало возможным получить информацию о занятиях физической культурой в свободное от учебы время, о наличии спортивных разрядов или званий. Занимаются спортом большинство студенток (63%), из которых лишь пятая часть (16%) регулярно. От 1-го к 3-му курсу существенно увеличивается численность студенток, которые не занимаются спортом, и

уменьшается численность студенток, которые занимаются спортом хотя бы нерегулярно, что показывает снижение объемов двигательной активности в жизни девушек.

По данным опроса о регулярности самостоятельных занятий физической культурой и спортом, представленных на рис. 10, видно, что студентки старших курсов занимаются реже и в их массиве доля студенток, не занимающихся спортом вообще, увеличивается почти в 1,5 раза.

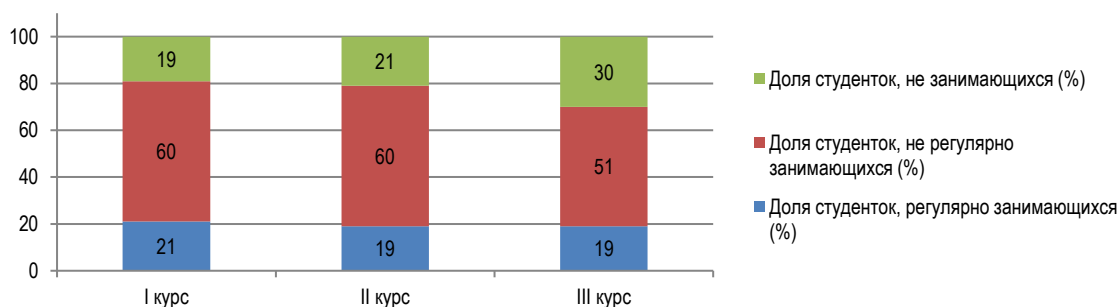

Рис. 10. Распределение студенток по регулярности самостоятельных занятий физической культурой и спортом (по курсам)

В части изучения учебной посещаемости дисциплины «Физическая культура и спорт» на 1-м курсе и дисциплины «Элективные курсы по физической культуре и спорту» на 2-м и 3-м курсах учитывалось систематическое присутствие студентов на занятиях согласно учебному расписанию. Отработки пропущенных практических занятий в дополнительное время в расчет не брались. Состояние учебной посещаемости занятий в системе физического воспитания в высшем образовании характеризует успеваемость студента. Пропуски занятий – риски низкой академической успеваемости. От-

сутствие пропусков занятий способствует формированию достаточного объема знаний, в том числе о здоровом образе жизни, и достижению должного уровня физической подготовленности.

Анализируя показатели учебной посещаемости студентов 1-го, 2-го и 3-го курсов по дисциплинам «Физическая культура и спорт» и «Элективные курсы по физической культуре и спорту» (табл. 2), отметим уменьшение частоты их присутствия на учебных занятиях с 82,38% на 1-м курсе до 68,5% на 3-м курсе. Выявлены достоверные различия в учебной посещаемости студентов между курсами.

Таблица 2

Показатели учебной посещаемости студентов 1-го, 2-го и 3-го курсов занятий по дисциплинам «Физическая культура и спорт» и «Элективные курсы по физической культуре и спорту»

Курс	Посещаемость учебных занятий в год, %		
I	82,38 ± 3,78	p ≤ 0,05 (I и II)	p ≤ 0,01 (I и III)
II	75,88 ± 3,77		
III	68,5 ± 5,26	p ≤ 0,05 (II и III)	

Известно, что основным результатом физического воспитания в ВУЗе должна стать сформированная потребность студентов к систематическим самостоятельным занятиям физической культурой и спортом как одного из важнейших компонентов здорового образа жизни. Если оценивать склонности к отклонению от

норм здорового поведения в соотносительности к регулярным самостоятельным занятиям физической культурой и спортом, то обнаруживается тенденция к увеличению доли студентов, склонных к нарушениям здорового образа жизни, в группе не занимающихся самостоятельно (рис. 11, III столбец).

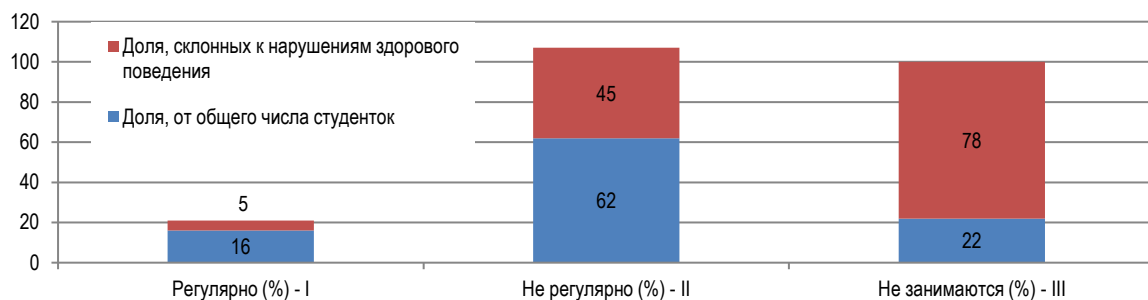

Рис. 11. Доля студентов, склонных к нарушениям здорового поведения, в зависимости от регулярности дополнительных занятий физической культурой и спортом (по курсам)

Оценка уровня физической подготовленности проводилась в конце учебного года в форме зачетно-контрольных нормативов. Анализ результатов выполнения студентками контрольных упражнений представлен в табл. 3. Так, показатели проявления быстроты у девушек в контрольном тесте «бег на 100 м» имеют следующие значения: на 1-м курсе 16,84 с или «4» балла; на 2-м – 16,94 или «3»; на 3-м – 17,48 или «2». Выявлена отрицательная динамика результатов с 1-го по 3-й курс от «4» до «2» баллов соответственно. В прыжках в длину с места были показаны следующие результаты: на 1-м курсе 165,0 см или «5» баллов; на 2-м – 168,0 или «6» баллов; на 3-м – 163,5 или «5» баллов. Как видно, у студенток отмечается незначительное повышение результатов в этом тесте ко 2-му курсу и последующее его снижение к 3-му. В беге на 500 м были получены следующие результаты: на 1-м курсе 1:54 или «7» баллов; на 2-м – 2:07 или «4» балла; на

3-м – 2:13 или «3» балла. В тесте прослеживается отрицательная динамика в «4» балла от 1-го к 3-му курсу. В контрольном упражнении «подъем туловища из положения лежа на спине за 1 мин (кол-во раз)» студентки продемонстрировали средний уровень физической подготовленности: так, на 1-м курсе этот показатель составил 38,4 ± 1,6 раз, что соответствует «6» баллам; на 2-м – 38,0 ± 1,2 раз (6 баллов); 3-м – 35,1 ± 1,1 раз и «4» балла.

Обобщенные результаты интегральной оценки, рассчитанные посредством определения среднего балла по 4-м тестам, также представлены в табл. 3. Так, средняя оценка физической подготовленности студенток составляет на 1-м курсе – «5,5» балла; на 2-м – «4,75»; на 3-м – «3,5», т.е. прослеживается снижение уровня физической подготовленности девушек (табл. 3). Достоверных различий между курсами по среднему баллу не выявлено.

Таблица 3

Интегральная оценка физической подготовленности студенток 1–3-х курсов

Курс	Бег 100 м, с	Р	Прыжок в длину места, см.	Р	Бег 500 м, мин : с	Р	Подъем туловища из положения лежа на спине за 1 мин, кол-во раз	Р	Баллы X_{cp}
1	16,84 ± 0,27		165,0 ± 3,18		1:54 ± 1,26		38,4 ± 1,09		5,5
2	16,94 ± 0,32	Не достов. Не достов.	168,0 ± 3,25	Не достов. Не достов.	2:07 ± 1,52	Не достов. Не достов.	38,0 ± 0,92	Не достов. Не достов.	4,75
3	17,48 ± 0,29		163,5 ± 3,68		2:13 ± 1,38		33,1 ± 2,05		3,5

Низкая оценка физическая подготовленности студенток 1–3-х курсов Красноярского государственного аграрного университета объясняется рядом причин: 1) слабый уровень физического развития школьников, поступающих в высшие учебные заведения; 2) отсутствует достаточно развитая спортивная инфраструктура (спортивные залы, крытые и открытые спортивные сооружения, др.), в связи с этим арсенал средств физической культуры, используемый в учебном процессе, значительно снижается. Практические занятия по физической культуре у студенток всегда проходят на открытом пространстве. Площадками для организации занятий служат футбольная и хоккейная коробки, стадион широкого профиля с естественным покрытием, а также территория лесополосы, которая позволяет проводить кросс-походы.

Сложность формирования устойчивой мотивации студенток для соблюдения норм здорового образа жизни и сохранения ранее сформированных мотивов в условиях обучения в вузе связаны с отсутствием четких рекомендаций при планировании образовательной программы и по наполнению «специализированных дисциплин». По факту только в рамках дисциплины «Физическая культура и спорт» имеется некоторое количество часов теоретической подготовки в форме лекций. Дисциплина «Элективные курсы по физической культуре и спорту» включает в себя учебные часы только на практическую подготовку. Как правило, охват студенток за счет организованной внеучебной деятельности невысокий.

Проанализировав поведенческие нормы студенток и определив их склонность к нарушению здорового образа жизни, мы посчитали значимым определить зависимость этих показателей от уровня физической подготовленности и частоты посещения практических занятий по дисциплинам «Физическая культура и спорт» и «Элективные курсы по физической культуре и спорту» (рис. 12). Для определения взаимосвязи количественных характеристик был использован непараметрический корреляционный анализ по Спирмену. Так, выявили, что в паре «Уровень физической подготовленности» и «Суммарные показатели по шкалам нарушения здорового поведения» существует высокая теснота связи ($r_s = 0,752$), в паре «Уровень физической подготовленности» и «Посещаемость занятий по дисциплине» также высокая теснота связи ($r_s = 0,800$). То есть студентки, имеющие более высокий уровень развития физических качеств, меньше склонны к поведению, отклоняющемуся от норм здорового образа жизни. Но при этом взаимосвязь между частотой посещения занятий по дисциплинам «Физическая культура и спорт» и «Элективные курсы по физической культуре и спорту» с суммарным показателем по шкалам нарушения здорового поведения ($r_s = 0,594$) не достигает уровня статистически значимого. Таким образом, напрашивается умозаключение о том, что содержание практических занятий, в соответствии с имеющимися в настоящее время образовательными стандартами и учебными планами, не позволяет в полной мере формировать или поддерживать мотивацию студенток на здоровое поведение.

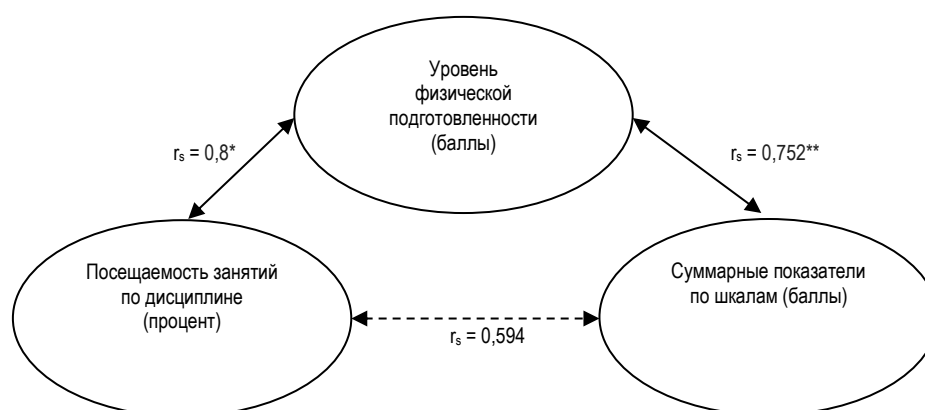

Рис. 12. Определение взаимосвязи в триаде «Уровень физической подготовленности – Посещаемость студентками занятий по дисциплине – Суммарные показатели по шкалам нарушения здорового поведения». * – $p = 0,01$; ** – $p = 0,05$

Заключение. Таким образом, в ходе проведенного исследования установлено, что студентки имеют средне-групповой показатель нарушения здорового поведения, отражающий их общую активность в отношении к здоровому образу жизни, в пределах нормы (1-й курс – 113,0; 2-й курс – 111,93 и 3-й курс – 116,18 баллов). Кроме того, необходимо отметить увеличение по курсам доли студентов, общий показатель нарушения здорового поведения которых превышает возрастную норму, составляя 3% ко второму курсу и 5% к третьему курсу. Такие результаты свидетельствуют о некотором противоречии между необходимостью ответственного отношения к себе и своему здоровью, формируемого с возрастом, и ростом на старших курсах числа студенток с пренебрежительным отношением к основам здорового образа жизни. Кроме того, изучение образа жизни доли студенток, занимающихся спортом, показывает увеличение тех, которые не включают занятия физической культурой и спортом в режим

своего дня и которые занимаются спортом нерегулярно, что отражает тенденцию к снижению значимости достаточного объема двигательной активности в их жизни. И последнее. Оценивая уровень физической подготовленности студенток как один из показателей склонности девушек соблюдать нормы здорового образа жизни, по основным контрольным упражнениям (бег 100 м, прыжок в длину места, бег 500 м, подъем туловища из положения лежа на спине за 1 мин) была обнаружена отрицательная динамика развития физических качеств у обучающихся от 1-го к 3-му курсу. На наш взгляд, такие результаты заставляют пересмотреть подходы к определению места и роли физической культуры в учебных планах подготовки бакалавров разных направлений в аграрном университете, а также к оптимизации условий здоровьесберегающей среды в вузе в единой взаимосвязи учебной и внеучебной деятельности, т.е. в рамках учебных дисциплин и спортивно-массовой работы.

Список источников

1. Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС 3++) направления подготовки 35.03.04 – Агрономия: утвержден приказом Минобрнауки № 699 от 26.07.2017 г. URL: https://urgau.ru/images/obr_stand/bak/os_350304_2019.pdf (дата обращения: 18.05.2023).
2. Бруснева В.В. Научно-организационные аспекты совершенствования системы охраны здоровья студентов : на примере г. Ставрополя : автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2013. 22 с.
3. Власов Е.А. Формирование профессионального здоровья студентов в процессе физического воспитания в вузе : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Улан-Удэ, 2016. 25 с.
4. Луценко Е.Л., Габелкова О.Е. Опросник нарушений здорового поведения – новый инструмент для исследований в психологии здоровья // Вопросы психологии. 2013. № 5. С. 142–153.

References

1. RF Ministry of Science and Higher Education. (2017) *Federal State Educational Standard (FSES 3++) for the field of study 35.03.04 – Agronomy: approved by Order of the Ministry of Science and Higher Education No. 699 dated July 26, 2017.* [Online] Available from: https://urgau.ru/images/obr_stand/bak/os_350304_2019.pdf (Accessed: 18.05.2023). (In Russian).
2. Brusneva, V.V. (2013) *Nauchno-organizatsionnye aspekty sovershenstvovaniya sistemy okhrany zdorov'ya studentov: na primere g. Stavropol'ya* [Scientific and organizational aspects of improving the student health care system: using the example of Stavropol]. Abstract of Medicine Cand. Diss. Moscow.
3. Vlasov, E.A. (2016) *Formirovanie professional'nogo zdorov'ya studentov v protsesse fizicheskogo vospitaniya v vuze* [Formation of students' professional health in the process of physical education at the university]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Ulan-Ude.
4. Lutsenko, E.L. & Gabelkova, O.E. (2013) *Oprosnik narusheniy zdorovogo povedeniya – novyy instrument dlya issledovaniy v psikhologii zdorov'ya* [Questionnaire of healthy behavior disorders – a new tool for research in health psychology]. *Voprosy psikhologii*. 5. pp. 142–153.

Информация об авторах:

Сурикова Н.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры теоретических основ и менеджмента физической культуры и туризма Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: poleva_n@list.ru

Брюховских Т.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры теории и методики спортивных дисциплин Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия); доцент кафедры физической культуры Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск, Россия). E-mail: tanybr@mail.ru

Шубин Д.А. – канд. пед. наук, доцент кафедры физической культуры Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск, Россия); доцент кафедры физической культуры Красноярского государственного медицинского университета им. профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого. E-mail: shubin-d-a@mail.ru

Орлова Д.К. – ассистент кафедры физической культуры Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск, Россия). E-mail: orlova-dar@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.V. Surikova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: poleva_n@list.ru

T.V. Briukhovskikh, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation); associate professor, Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: tanybr@mail.ru

D.A. Shubin, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk, Russian Federation); associate professor, Prof. V.F. Voino-Yasensky Krasnoyarsk State Medical University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: shubin-d-a@mail.ru

D.K. Orlova, teaching assistant, Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: orlova-dar@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.09.2023;
одобрена после рецензирования 22.03.2024; принята к публикации 30.04.2024.*

*The article was submitted 27.09.2023;
approved after reviewing 22.03.2024; accepted for publication 30.04.2024.*

ПРАВО

Научная статья
УДК 347:311.4:159.95
doi: 10.17223/15617793/501/24

Судебная практика в справочных правовых системах: нужен ли единый алгоритм отбора документов?

Владимир Анатольевич Болдырев¹, Денис Николаевич Кархалев²

¹ Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия, vabold@mail.ru

² Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, dnk001rb@yandex.ru

Аннотация. Вступив в переписку с разработчиками справочных правовых систем и изучив данные об их наполнении судебной практикой, авторы приходят к выводу, что разработка единого алгоритма отбора документов и его нормативное закрепление не требуются. Судебные акты, размещенные в профессиональных версиях систем, предназначенных для юристов, должны отражать весь спектр позиций судов. Для облегчения оценки перспектив спора пользователями таких систем следует сообщать, содержат ли они все документы определенного органа судебной власти или размещение осуществляется выборочно.

Ключевые слова: гражданское право, когнитивные науки, среда принятия решений, коммерческая тайна, ноу-хау, авторское право, экстраполяция, автономное регулирование, статистические методы, правовая технология

Для цитирования: Болдырев В.А., Кархалев Д.Н. Судебная практика в справочных правовых системах: нужен ли единый алгоритм отбора документов? // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 209–217. doi: 10.17223/15617793/501/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/24

Judicial practice in legal reference systems: Is a unified algorithm for document selection needed?

Vladimir A. Boldyrev¹, Denis N. Karkhalev²

¹ North Western Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russian Federation, vabold@mail.ru

² Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, dnk001rb@yandex.ru

Abstract. The article aims to formulate the problem of the principles of filling reference legal systems with judicial acts and to propose ways to solve it in the existing conditions, when biased selection of judicial practice can lead to its impoverished understanding and incorrect legal decisions. The study was conducted using statistical methods, comparative and formal logical methods, and forecasting methods. During correspondence with the most famous Russian developers (copyright holders) of reference legal systems, information was received about the absence of algorithms for the formation of their databases containing judicial practice, or their unwillingness to provide relevant information. The counting and analysis of the number of acts of courts of general jurisdiction posted in reference legal systems confirmed the selective placement of decisions of first-level courts in all the studied systems. The existing decentralized mechanism for posting the texts of judicial acts, which involves linking to the official websites of specific courts of general jurisdiction without combining them on a single information resource and without the ability to search through the text of documents, actually means that today the most adequate and acceptable search tool to track the practice of interest in courts of general jurisdiction is reference legal systems. The authors come to the conclusion that the development of a unified algorithm for selecting judicial practice and its normative consolidation are not required. Determining the principles of such selection should remain the prerogative of copyright holders, guided by consumer demand and the results of their own scientific research, as well as research in scientific collaborations. Judicial acts presented in professional versions of systems intended for lawyers must reflect, within reasonable limits, the entire range of positions of the courts, even when these positions are not, in the opinion of the rights holder's specialists, justified or consistent with the letter and spirit of the law. Court decisions that substantively diverge from the main direction of established practice, especially when they have not been tested in cassation courts, should be provided with separate accompanying commentaries by legal scholars. To facilitate the user's overall understanding of dynamic jurisprudence and the prospects for a possible dispute, a legal reference system should reflect whether it contains all the documents of a particular judicial authority or whether they are posted selectively, as well as information on the average and maximum delay in posting documents.

Keywords: civil law, cognitive science, decision-making environment, trade secret, know-how, copyright, extrapolation, autonomous regulation, statistical methods, legal technology

For citation: Boldyrev, V.A. & Karkhalev, D.N. (2024) Judicial practice in legal reference systems: Is a unified algorithm for document selection needed? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 209–217. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/24

Справочные правовые системы – программы и базы данных. Реестр российского программного обеспечения¹ позволяет современным исследователям, занимающимся проблематикой информационной поддержки принятия юридических решений, сложить представление о категориях и компонентах, входящих в состав привычных для современного пользователя справочных правовых систем (СПС).

По данным реестра, содержащего 18 019 записей о программном обеспечении, принадлежащем 6 640 правообладателям, лишь 41 запись относится к классу 05.14 «Справочно-правовые системы»². Отнесение ряда систем произведено по принципу субсидиарному: соответствующий код включен в реестр как дополнительно характеризующий программу³. Не все системы, идентифицируемые в реестре как справочные правовые по основному коду, были бы отнесены юристом к такому классу интуитивно, по названию⁴.

Классификатор программ для электронных вычислительных машин и баз данных, утвержденный приказом Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 22 сентября 2020 г. № 486⁵, содержит описание «справочно-правовых систем» как класса программ. Данный официальный документ, являющийся следствием необходимости адаптации норм законодательства о контрактной системе⁶ к области информационных технологий⁷ в целом адекватно отражает суть СПС и позволяет судить о ней скорее как о базе данных, чем о программе. Из описания следует, что это база данных особого рода: в нее включаются в первую очередь сведения официального характера, исходящие от государства – нормативные правовые акты и судебная практика, а объекты интеллектуальной собственности – постатейные комментарии и прочая литература, призванная обеспечить понимание юридической материи, права на которую охраняются нормами гражданского права (гл. 70 ГК РФ), – играют вторичную, производную роль.

Отбор нормативных правовых актов федерального значения для включения в базы данных – задача не из сложных. Тексты документов сегодня публикуются на официальном интернет-ресурсе⁸ и находятся в доступе круглосуточно. С региональными актами несколько сложнее, хотя и их обнаружение не связано с существенными затруднениями – достаточно лишь углубиться в недра соответствующего сайта⁹.

С муниципальными нормативными правовыми актами дела сложнее – они подлежат официальному опубликованию, если затрагивают права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций, учредителем которых выступает муниципальное образование – в периодическом печатном издании; органы местного самоуправления вправе также использовать для опубликования сетевое издание¹⁰. На практике это означает, что

поиск актуальной редакции текста правового акта муниципального образования может оказаться задачей нетривиальной даже для профессионального юриста, если, конечно, его работодатель не позаботился о доступе к СПС, содержащей необходимые по обстоятельствам муниципальные акты.

Тексты судебных актов по делам, рассматриваемым в соответствии с арбитражным процессуальным законодательством, размещаются в сети Интернет, как правило, в полном объеме¹¹. Судебные акты, являющиеся продуктом экономического правосудия, можно найти как в «Картотеке арбитражных дел»¹² и «Банке решений арбитражных судов»¹³. Второй из названных сетевых сервисов позволяет делать выборки документов, осуществляя поиск слов и словосочетаний внутри их текстов.

При размещении в сети Интернет судебных актов, принятых судами общей юрисдикции, в целях обеспечения безопасности участников судебного процесса и защиты государственной и иной охраняемой законом тайны из этих актов исключаются персональные данные¹⁴. Для общего пользования судебные акты в Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Правосудие» (ГАС «Правосудие»)¹⁵ представлены без персональных данных. Их поиск осуществляется с использованием недостаточно удобной и существенно ограниченной по функциональным возможностям поисковой системы. Эта «территориально распределенная автоматизированная информационная система, предназначенная для формирования единого информационного пространства судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации»¹⁶ тем не менее делает судебную практику доступнее современному юристу.

Централизованное агрегирование судебной практики, особенно с поручением этой функции третьему лицу [1. С. 61], несет в себе высокий риск утраты чувствительной информации или разглашения персональных данных, а также возможность получения персональных данных путем совокупной обработки остаточной информации в судебных актах, откуда она была удалена. Именно поэтому расширение функциональных возможностей официальных информационных ресурсов, содержащих судебные акты, – направление информатизации общества, движение в котором должно осуществляться с осторожностью.

Безопасным и рациональным с экономической точки зрения является распространение правовой информации и представление ее в удобной форме участниками гражданского оборота – разработчиками и правообладателями СПС. Однако для них основным стимулом деятельности выступает прибыль. Такая мотивация нередко приводит к принятию упрощенных решений, ориентированных на маркетинговые мероприятия и снижение себестоимости информационной продукции, в том числе за счет экономии на качестве отбора размещаемого в базах данных материала.

Кто решает, какие судебные акты судов общей юрисдикции, отраженных на официальных сервисах, следует, а какие не следует помещать в базы данных СПС и каков механизм принятия соответствующего решения?

Результаты обращений к крупнейшим российским правообладателям СПС. Чтобы разобраться в вопросе о том, как происходит наполнение СПС судебной практикой, мы обратились к правообладателям наиболее известных систем на территории Российской Федерации. Казалось бы, нет ничего проще, чем спросить профессионала о том, как им принимается решение, чтобы получить вразумительный ответ. Однако на деле все оказалось сложнее.

Оценка возможностей и системный анализ результатов децентрализованного (автономного) регулирования общественных отношений во взаимосвязи с регулированием централизованным – задачи, решением которых активно и системно занимаются специалисты в области частного права, подходящие к проблематике с разных сторон и обращающие внимание на сложность данного правового явления [2, 3]. Внутренние документы правосубъектных организаций оказывают большое влияние на деятельность их персонала. В июне 2023 г. нами было направлено обращение трем организациям, записи о которых внесены в реестр как о правообладателях СПС: закрытому акционерному обществу «КонсультантПлюс»¹⁷, Обществу с ограниченной ответственностью «Научно-производственное предприятие «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ»»¹⁸, Акционерному обществу «Информационная компания «Кодекс»»¹⁹. Названных правообладателей мы просили предоставить регламенты или иные внутренние документы компании, определяющие алгоритмы и принципы отбора судебных актов для их размещения в компонентах справочной правовой системы и/или предоставить выдержки либо комментарии компании по соответствующему вопросу.

Во избежание двоякого толкования мы приводим выдержки из полученных ответов, отражающие их суть.

1. Ответ на обращение к ЗАО «Консультант Плюс»: «Запрашиваемая Вами информация о принципах работы и включения документов в СПС «КонсультантПлюс» не содержится в обобщенном виде в каких-то внутренних документах и регламентах компании, а открытых для передачи вовне документов в принципе нет. Кроме того, даже если бы внутренние документы содержали интересующую Вас информацию, они не подлежат разглашению, так как, очевидно, являются коммерческой тайной».

Мы также получили второй ответ на обращение к ЗАО «КонсультантПлюс». Он поступил от Общества с ограниченной ответственностью НПО «ВМИ – Координационный Центр Сети КонсультантПлюс»²⁰, действующего по поручению адресата: «Разработчик не практикует предоставление третьим лицам внутренних документов и/или соответствующих политик в ситуациях, подобных описанной в Вашем обращении».

2. Ответ на обращение к ООО «НПП «Гарант-Сервис-Университет»: «Цель нашей работы – предоставить нашим клиентам максимальный объем

общедоступной правовой информации, а также обеспечить их эффективными средствами работы с ней (гипертекстовые связи, интеллектуальный поиск, создание актуальных редакций нормативных правовых актов на основе официально опубликованных актов о внесении изменений). Решая эту задачу, мы ежедневно включаем в ЭПС «Система ГАРАНТ», в том числе, все обнародованные судебные акты, не принимая на себя функции отбора каких бы то ни было решений. Сегодня в ЭПС «Система ГАРАНТ» содержится более 220 миллионов правовых документов, значительную часть из которых (более 190 миллионов) составляют судебные акты».

3. Ответ на обращение к АО «Кодекс»: «К сожалению, в настоящий момент мы не готовы предоставлять информацию об используемых нами алгоритмах отбора документов судебной практики, способах, правилах и методах размещения таких документов в наших системах».

Законодательство действительно не содержит обязанности коммерческой организации давать ответы на подобные запросы и тем более представлять на их основании те или иные внутренние документы. Алгоритмы формирования баз данных СПС вполне могут быть секретом производства и попадать под действие правового режима коммерческой тайны. Согласно п. 1 ст. 1465 ГК РФ секретом производства (ноу-хау) признаются сведения любого характера о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности. Организационные сведения упоминаются в указанной норме отдельно. К ним, на наш взгляд, и следует отнести данные об алгоритмах проведения выборки судебных актов для целей их размещения в базе данных.

Из пункта 1 ст. 3 Федерального закона от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне»²¹ следует, что таковой является режим конфиденциальности информации, позволяющий увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке или получить иную коммерческую выгоду. Как видится, сама переписка с третьими лицами, даже когда эти лица ведут исследовательскую работу, если компания считает документы об алгоритмах формирования баз данных содержащими информацию, составляющую коммерческую тайну, может восприниматься как угроза соблюдению данного режима.

Тем не менее вопрос о существующих политиках (алгоритмах) наполнения баз данных СПС в свете таких ответов правообладателей не отпадает. Ответить на него попробуем на основе представлений об исследовательской методологии, на начальном этапе используя статистический метод.

Анализ наполняемости баз данных СПС путем формирования поисковых запросов. С целью проверки наполняемости общедоступных баз данных сетевых версий СПС «КонсультантПлюс»²², «Гарант»²³ и «Кодекс»²⁴ был осуществлен подсчет количества документов апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, помещенных в соответствующие базы данных (данные о количестве документов кассационных

и апелляционных судов приведены в табл. 1, 2). Сравнение полученных данных приводит к выводу, что значительная часть итоговых судебных актов кассационных и

апелляционных судов общей юрисдикции, вынесенных по существу жалобы, поступает в базы данных СПС «КонсультантПлюс», «Гарант» и «Кодекс».

Таблица 1

Количество актов кассационных судов общей юрисдикции, представленных в справочных правовых системах (на 5 августа 2023 г.)

Название кассационного суда общей юрисдикции (выбранное поисковое значение)	Количество судебных актов в СПС «КонсультантПлюс»	Количество судебных актов в СПС «Гарант»	Количество судебных актов в СПС «Кодекс» (Архиве решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции)
Первый кассационный суд общей юрисдикции	134 556	134 811	100 427
Второй кассационный суд общей юрисдикции	111 145	111 501	67 302
Третий кассационный суд общей юрисдикции	92 738	93 029	69 867
Четвертый кассационный суд общей юрисдикции	135 001	135 186	69 557
Пятый кассационный суд общей юрисдикции	44 751	45 118	33 307
Шестой кассационный суд общей юрисдикции	124 374	126 279	54 554
Седьмой кассационный суд общей юрисдикции	89 217	89 712	65 350
Восьмой кассационный суд общей юрисдикции	107 262	107 552	80 672
Девятый кассационный суд общей юрисдикции	55 716	55 808	35 214

Таблица 2

Количество актов апелляционных судов общей юрисдикции, представленных в справочных правовых системах (на 10 августа 2023 г.)

Название апелляционного суда общей юрисдикции (выбранное поисковое значение)	Количество судебных актов в СПС «КонсультантПлюс»	Количество судебных актов в СПС «Гарант»	Количество судебных актов в СПС «Кодекс» (Архиве решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции)
Первый апелляционный суд общей юрисдикции	18 259	18 153	15 384
Второй апелляционный суд общей юрисдикции	4 969	4 942	3 243
Третий апелляционный суд общей юрисдикции	7 125	7 101	5 326
Четвертый апелляционный суд общей юрисдикции	10 704	10 540	8 275
Пятый апелляционный суд общей юрисдикции	6 682	6 595	5 051

Перейдем к анализу числа размещенных в базах данных СПС актов судов общей юрисдикции первого звена – районных судов. Для обеспечения репрезентативности выборки мы сравнивали число судебных актов, вынесенных центральными районными судами российских городов с населением более одного миллиона человек. Поисковое значение «Центральный районный суд» оказалось допустимым для городов Волгограда, Красноярска, Новосибирска и Омска. «Центральные районные суды» других городов-миллионеров в названных СПС не обнаружены. Полученные данные (табл. 3) свидетельствуют о том, что акты, вынесенные судами первого звена судебной системы, размещаются выборочно и в крайне незначительном количестве.

Учитывая, что результат отбора документов существенно отличается, полагаем, что на него влиял человеческий фактор. Скорее всего, отбор осуществляется на основе метода экспертных оценок в его упрощен-

ном варианте. Наиболее вероятно, «оценки» проставлялись не широкой группой признанных специалистов, а одним или несколькими профессионалами, отвечающими за направление работы. Какие судебные акты «хорошие» и могут интересовать пользователей СПС [4], а какие «плохие» и заинтересовать пользователей не могут, в любом случае является результатом субъективной оценки специалистов.

Как известно, «экспертные оценки являются наиболее распространенным способом получения и анализа качественной информации в ситуациях, когда остро ощущается недостаток объективных данных» [5. С. 596]. Однако в нашем случае ситуация обратная. Число действующих факторов, влияющих на выбор и объем исследуемой совокупности, из которой приходится выбирать, слишком велики; как следствие, требуется «интуитивная», без приведения системы аргументов, оценка судебного акта человеком и его отбор для помещения в базу данных на основании субъективного мнения специалиста.

Таблица 3

Количество актов центральных районных судов в городах с населением более 1 млн человек, представленных в справочных правовых системах, вынесенных в 2020–2022 гг. (на 12 августа 2023 г.)

Название районного суда (выбранное поисковое значение)	Количество судебных актов в СПС «КонсультантПлюс»	Количество судебных актов в СПС «Гарант»	Количество судебных актов в СПС «Кодекс» (Архиве ре- шений арбитражных судов и судов общей юрисдикции)
Центральный районный суд г. Волгограда	10	3	*
Центральный районный суд г. Красноярск	18	0	*
Центральный районный суд г. Новосибирск	6	2	*
Центральный районный суд г. Омска	3	4	0

* – невозможность выбора соответствующего поискового значения при использовании справочной правовой системы.

Именно об этом, по сути, и идет речь в ответе правообладателя СПС «Консультант Плюс»: точных алгоритмов отбора, исключающих действие человеческого фактора, не существует. Критерием отбора в данном случае является человек, оценивающий как более или менее важные ситуации, в которых оказались люди, разрешаемые юрисдикционными органами. Мнение людей, проводящих исследование социума, формируемое под влиянием позиций различных авторитетов, решающим образом влияет на результаты [6].

Социальные нормы зависят не только от структуры общества и происходящих в нем процессов, внешних по отношению к его членам, но и от когнитивных процессов внутри каждого члена; они являются одновременно следствием и фактором социального взаимодействия [7. Р. 162]. Получение широкого доступа к формированию установок юристов о том, что правильно, а что нет, позволяет на основе отбора «правильной» практики и выбраковки «неправильной» постепенно делать убеждения персонала компании частью правоприменительной, а затем и нормативной реальности.

Когнитивные исследования «выполняют системную роль проверки соответствия разрабатываемых продуктов и услуг психофизиологическим и эргономическим характеристикам человека» [8. С. 186]. Мы далеки от мнения, что научная разработка алгоритмов, уменьшающих действие человеческого фактора на отбор судебных актов в базы данных СПС, является задачей, решение которой критически важно для благополучия социума в самое ближайшее время, но оставление данного направления исследовательской работы без внимания чревато значительными неприятностями.

При этом полагаем весьма важным развитие СПС в разных направлениях. Унификация информационного продукта не даст качества и прироста знания. Сотрудничество и конкуренция в данной области должны сосуществовать, поскольку в них заинтересовано общество.

Информацию о производящейся выборке официальных документов для целей помещения в базу данных (о самом факте проведения отбора), а также о том, насколько эта выборка отражает параметры генеральной совокупности (общий объем документов, принятых органом на определенную дату), как нам видится, следует сообщать пользователю системы. Для принятия эффективного правового решения важно своевременное

получение актуальной информации, ибо «задержка поступления информации к получателю приводит к потере ее ценности как основного свойства» [9. С. 12].

Справочные правовые системы как среда принятия решения. Рассмотрение СПС как внешней (по отношению к агенту) среды принятия решения, по сути, предполагает выбор особого методологического подхода, характерного для когнитивных наук, – нередуцирующей нейронной модели сознания, в рамках которой признается ключевая роль окружающей среды в формировании сознания [10. С. 73]. Базы данных СПС в этом случае будут рассматриваться как важнейшие источники информации, позволяющие юристу строить модель наиболее эффективного поведения, руководствуясь аналогиями.

В большинстве стран не уделяется достаточно много внимания обеспечению согласованности между отдельными случаями, попавшими в поле зрения правоприменителя. К. Бублик отмечает, что администрации и суды в массовом обществе обычно имеют дело со многими потенциально похожими делами, а значит, можно было бы легко создать базы данных, позволяющие проводить сравнения. «Отсутствие желания сделать это может указывать на то, что последовательность не воспринимается как неотложная цель, по крайней мере, на этом уровне реализации. Это может измениться после того, как большие данные войдут в судебную практику» [11. Р. 18].

Принято вести речь о трех типах информационных технологий поддержки реализации и принятия управленческих решений: системах поддержки принятия решений, экспертных системах и автоматизированных системах экспертного оценивания [9. С. 13]. Первые ориентированы на использование менеджерами, которые не обязаны быть высококвалифицированными специалистами, вторые преимущественно предназначены для использования специалистами среднего профессионального уровня, а третьи «предназначены для повышения эффективности использования высококвалифицированных специалистов как экспертов при разработке управленческих решений» [12. С. 131].

Справочные правовые системы при таком делении непросто отнести к одному из названных типов информационных технологий поддержки реализации и принятия решений. Высокий уровень профессионализма

юриста, его глубокие познания в узкой предметной области и широта эрудиции в условиях высокого динамизма законодательства не исключают, а подталкивают к постоянному использованию СПС в процессе принятия решений. Внедрение, развитие и более активное применение технологий машинной правовой аналитики становятся единственно возможным адекватным ответом на повышение скоростей изменений в законодательстве и сложности коммуникации в юридической сфере [13. С. 42].

Развитие информационных технологий последних лет привело к появлению в составе СПС отдельных модулей, облегчающих принятие решений путем расчета вероятности положительного и отрицательного результатов. Например, аналитическая система «Сутяжник»²⁵ в составе СПС «Гарант» кратко и емко характеризуется ее разработчиком как робот-помощник для юриста и представляет собой автоматизированный сервис по подбору судебной практики на основе имеющихся документов. Пользователю достаточно загрузить текст документа в сервис и он моментально найдет решения судов, которые наиболее близки к проблематике, изложенной в документе. Данная система дает расчет вероятности удовлетворения искового требования, предлагая результат в процентах (удовлетворено / отказано / частично удовлетворено).

Точность таких оценок юристу, и более всего профессионалу, вовлеченному в проблематику, может показаться недостаточно высокой и особенно по сложным категориям споров. Однако собственные суждения правоведов по интересующим их вопросам часто согласуются с действительностью ровно так, как суждения «экспертов», делающих ставки на спорт, – с реальностью, говорящей, что абсолютно случайный выбор оказывается точнее [14. Р. 562]. Так, установлено, что прогнозы в отношении вероятных решений судей на основании статистических моделей значительно точнее прогнозов, сделанных на основании экспертных оценок – суждений профессиональных юристов (75 против 59%) [15. Р. 115]. Прогнозирование в решении судов, учитывающее правовые и политические факторы, эффективно проводится на основе машинного обучения параллельно с прогнозированием гражданских войн и результатов выборов [16].

При решении вопроса об обращении в юрисдикционные органы по некоторым категориям споров, например, связанных с применением норм земельного, градостроительного и экологического законодательства, необходимо принять во внимание целый ряд факторов, выходящих за рамки содержания позитивного права и данных о допущенных нарушениях охраняемых законом интересов доверителя. Какими бы ни были предварительные прогнозы с учетом устоявшейся на федеральном уровне практики, профессионал будет стремиться получить тот объем информации, который позволит оценить перспективу спора с учетом высказываний, сделанных судами на местном уровне, отражающих системное видение коллективных интересов граждан, проживающих на соответствующих территориях.

Система «человек–машина» работает эффективно, когда человек знает степень актуальности данных, находящихся в используемой машине, и не испытывает психологического дискомфорта, вызываемого непониманием этой актуальности.

Справочные правовые системы можно рассматривать как часть информационной среды принятия решения, позволяющей производить разумную унификацию практики. Стоит согласиться с Е.А. Шульгиной и Е.А. Ястребовой, отмечающими большое влияние негосударственных СПС на законотворческую и правоприменительную работу, указывающими что эти системы «играют большую роль в развитии единообразия в правоприменительной деятельности» [17. С. 122]. Действительно, инструменты справочных правовых системы используются как для систематизации знаний об изменениях закона, так и для упорядочения информации о практике применения новелл.

Недобросовестное использование возможностей СПС их разработчиками может негативно влиять на *когнитивную свободу* (свободу приобретения, хранения, преобразования, использования, представления и передачи знания индивидами) и приводить к ее ограничению на основе управления процессом организации информации за счет воздействия на отбор, репрезентацию, сохранение и использование информации [18. С. 95].

Чтобы понять, как действуют новеллы, требуется проанализировать большое количество судебных актов, и делает это именно человек. Для людей когнитивные искажения, связанные с оценкой количественных и качественных сторон явлений, являются нормой. Искаженный отбор фактов и чрезмерное обобщение [19. Р. 69] могут приводить к утрате чрезвычайно ценной информации. Выбор с учетом личных предпочтений способен привести лицо, осуществляющее выбор релевантной практики, к выводу, что она не имеет ценности только потому, что не интересна ему или он с ней не согласен.

Драматизировать ситуацию не стоит, поскольку «архитектура сознания в сочетании с коллективным разумом в обществе обеспечивает универсальность мышления при реагировании на широкий круг возникающих ситуаций и позволяет человеку легко адаптироваться к изменениям условий окружающей среды» [20. С. 66]. Тем не менее недооценка данных о существующей практике разрешения споров, размещенных в СПС, особенно когда она отчасти является следствием недостатков устройства официальных информационных систем, снабженных недостаточно эффективными инструментами поиска и систематизации, может на значительной временной дистанции приводить в серьезным сбоям в работе правоохранительной и судебной систем.

Со стороны профессиональных сообществ характер требований к СПС, используемым в различных областях и различными специалистами, может отличаться. Учитывая это, разработчики представляют системы в версиях для бухгалтеров, юристов, кадровиков, специалистов бюджетных организаций и др.²⁶ Разновидности систем, предназначенных для работы юристов,

также разнообразны и зависят от потребностей хозяйствующих субъектов²⁷. Разработчики называют системы «локальными», «настольными», «мобильными», «сетевыми»; они могут быть однопользовательскими и многопользовательскими²⁸. С учетом имеющихся в распоряжении разработчиков технологий обмена и обработки информации возможна различная степень индивидуализации предлагаемого продукта под нужды конкретной организации.

Когда мы говорим о профессиональных версиях СПС, предназначенных для юристов, особенно важны точность, актуальность информации и возможность оценить погрешность принимаемого решения с учетом того, что отбор судебной практики в базы данных системы не строится по принципам, обеспечивающим репрезентативность выборки. Именно в этих случаях такие государственные ресурсы позволяют осуществить более глубокое изучение правоприменительной проблемы. Однако этим ресурсам присущи свои весьма серьезные недостатки, приводящие к большим затратам времени пользователей: отсутствие интеграции с текстами нормативных правовых актов и возможности перехода по гиперссылкам. В них нет тематических рубрик. Специалисту требуется дополнительное время, чтобы определить, действует ли судебный акт или отменен вышестоящей инстанцией. Непросто найти некоторые судебные акты, даже зная их содержание и юрисдикционный орган, вынесший их (особенно в рамках обособленных производств по делам о несостоятельности).

В условиях высоких темпов профессиональной юридической деятельности использование официальных информационных ресурсов, содержащих судебные акты, для определения новых правоприменительных тенденций, по нашим наблюдениям, является скорее исключением, чем правилом. Удобство и быстрота доступа к информации, возможность ее оперативного и одновременно системного осмысления, предопределяют популярность информационных ресурсов в профессиональном сообществе.

Из всего вышесказанного следует, что государству следует принимать меры по совершенствованию информационных систем, обеспечивающих официаль-

ный доступ к судебной практике, алгоритмов и интерфейсов поиска судебных актов по словам и словосочетаниям, в них содержащимся. В существующих условиях компенсаторную функцию могут выполнять негосударственные СПС.

Разработка единого алгоритма отбора судебной практики для СПС и тем более его нормативное закрепление не требуются. Определение принципов такого отбора должно оставаться прерогативой правообладателей, руководствующихся спросом потребителей и результатами собственных научных исследований, а также исследований в научных коллаборациях.

Судебные акты, представленные в профессиональных версиях СПС, предназначенных для юристов, должны отражать в разумных пределах весь спектр позиций судов, даже когда эти позиции не являются, по мнению специалистов правообладателя, обоснованными либо соответствующими букве и духу закона. Судебные постановления, содержательно расходящиеся с основным направлением сформированной практики, особенно когда они не прошли проверку в судах кассационной инстанции, следует снабжать отдельными сопроводительными комментариями специалистов. Для оперативной подготовки таких комментариев целесообразно активно и на постоянной основе привлекать видных ученых-юристов, работающих в научных и образовательных учреждениях, готовых высказаться по соответствующей проблематике с учетом содержания законодательства и правоприменительного опыта других государств. Практика размещения новых судебных актов с оперативными комментариями могла бы позитивно влиять на состояние законности, обращать внимание судейского сообщества на возникающие проблемы под важным для общества углом зрения.

С целью облегчить пользователю создание общего представления о динамичной судебной практике и перспективах возможного спора в СПС следует отражать, содержит ли она все документы определенного органа судебной власти или размещение осуществляется выборочно, а также информацию о средней и максимальной задержке размещения документов с момента их опубликования на официальном ресурсе.

Примечания

¹ URL: <https://reestr.digital.gov.ru/reestr/>

² URL: <https://reestr.digital.gov.ru/> (дата обращения: 20.09.2023).

³ Примерами таких программ могут служить «Практикующий невролог. Электронная версия», «Информационная система “Социальный контракт – отчетность”», «Программа для проведения оценки уровня сформированности компетенций “Ассесмент”».

⁴ «Справочная Система “Промбезопасность”», «Система Методист детского сада», «Rail-Инфо».

⁵ URL: https://digital.gov.ru/documents/7362/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwwww.google.com%2f (дата обращения: 23.09.2023).

⁶ Часть 3 ст. 14 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14, ст. 1652).

⁷ Подпункт «а» п. 7 Постановления Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2015 г. № 1236 «Об установлении запрета на допуск программного обеспечения, происходящего из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 47, ст. 6600).

⁸ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>

⁹ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/block/subjects>

¹⁰ Часть 2 ст. 47 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40, ст. 3822).

¹¹ Части 2 и 6 ст. 15 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1), ст. 6217).

¹² URL: <https://kad.arbitr.ru/>

¹³ URL: <https://ras.arbitr.ru/>

- ¹⁴ Часть 3 ст. 15 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации».
- ¹⁵ URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html>
- ¹⁶ URL: <https://iac.cdep.ru/index.php> (дата обращения: 02.02.2024).
- ¹⁷ ЗАО «КОНСУЛЬТАНТ ПЛЮС» (ИНН 7702044361).
- ¹⁸ ООО «НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ»» (ИНН 7702044361).
- ¹⁹ АО «КОДЕКС» (ИНН 7826714668).
- ²⁰ ООО НПО «ВМИ – КЦ» (ИНН 7736534759).
- ²¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 32, ст. 3283
- ²² URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=card&rnd=hGWjHA&ts=f0o13mTSkMiMpqfP2#div> (даты указаны в заголовках приложений).
- ²³ URL: <http://ivo.garant.ru/#/startpage:0> (даты указаны в заголовках приложений).
- ²⁴ URL: <https://sudrf.cntd.ru/> (даты указаны в заголовках приложений).
- ²⁵ URL: <http://sutyazhnik.garant.ru/> (дата обращения: 23.09.2023).
- ²⁶ URL: <https://www.consultant.ru/about/> (дата обращения: 01.02.2024).
- ²⁷ URL: <https://www.consultant.ru/about/software/law/> (дата обращения: 01.02.2024).
- ²⁸ URL: <https://garant.crimea.com/SupplyOptions.php> (дата обращения: 01.02.2024).

Список источников

1. Габов А.В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 13–82.
2. Рыженков А.Я. Об автономном правовом регулировании в связи с методом гражданского права // Современное право. 2022. № 7. С. 22–26. doi: 10.25799/NI.2022.67.55.004
3. Груздев В.В. Метод цивилистической отрасли как критерий ее обособления в системе российского права // Современное право. 2022. № 4. С. 12–16. doi: 10.25799/NI.2022.49.99.002
4. Болдырев В.А., Сварчевский К.Г. Справочные правовые системы: как предопределить будущее, упорядочив прошлое // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 232–238. doi: 10.17223/15617793/482/24
5. Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики : учебник. 4-е изд., доп. и перераб. : в 2 т. Т. 2: Научные исследования / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». М. : Буки Веди, 2023. 640 с.
6. Болдырев В.А., Лисица В.Н., Баукин В.Г. Научные школы: анализ данных об индексируемых публикациях // Социология науки и технологий. 2023. Т. 14, № 1. С. 166–185. doi: 10.24412/2079-0910-2023-1-166-185
7. Hawkins R.X.D., Goodman N.D., Goldstone R.L. The Emergence of Social Norms and Conventions // The Emergence of Social Norms and Conventions. 2019. Vol. 23, is. 2. P. 158–169. doi: 10.1016/j.tics.2018.11.003
8. Величковский Б.М., Вартаков А.В., Шевчик С.А. Системная роль когнитивных исследований в развитии конвергентных технологий // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 334. С. 186–191.
9. Сайдалиев Э.С. Информационная система поддержки принятия управленческих решений // NovaUm.Ru. 2023. № 43. С. 11–14.
10. Черникова И.В., Логиновская Ю.В. Глобально-эволюционный подход к сознанию в когнитивной науке // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466. С. 71–78. doi: 10.17223/15617793/466/8
11. Bublitz Ch. What Is Wrong with Hungry Judges? A Case Study of Legal Implications of Cognitive Science. The Hague: Eleven, 2020. P. 1–30. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3741635 (дата обращения: 16.09.2023).
12. Чиганова А.П., Рыбакова Е.С. Автоматизированные системы экспертного оценивания – эффективный способ принятия решения // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2014. Т. 2, № 10. С. 130–131.
13. Понкин И.В. Машинная правовая аналитика: понятие, онтология и значение для правовой деятельности // Государственная служба. 2022. Т. 24, № 6 (140). С. 40–46. doi: 10.22394/2070-8378-2022-24-6-40-46
14. Myrseth H., Brunborg G.S., Eidem M. Differences in cognitive distortions between pathological and non-pathological gamblers with preferences for chance or skill games // Journal of Gambling Studies. 2010. Vol. 26. P. 561–569. doi: 10.1007/s10899-010-9180-6
15. Ruger T.W., Kim P.T., Martin A.D., Quinn K.M. The Supreme Court Forecasting Project: Legal and Political Science Approaches to Predicting Supreme Court Decisionmaking // Columbia Law Review. 2004. Vol. 104, № 4. P. 1150–1210. doi: 10.2307/4099370
16. Kaufman A.R., Kraft P., Sen M. Improving Supreme Court Forecasting Using Boosted Decision Trees // Political Analysis. 2019. Vol. 27, is. 3. P. 381–387. doi: 10.1017/pan.2018.59
17. Шульгина Е.А., Ястребова Е.А. Справочные правовые системы как источник информации о новостях законодательства // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2018. № 6. С. 113–126.
18. Подшибыкина Т.А. Когнитивная свобода – новая политическая свобода XXI века // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 468. С. 93–100. doi: 10.17223/15617793/468/11
19. Frankovsky M., Birknerova Z., Zbihlejova L. Possibilities of identification of predictors of occurrence of cognitive distortions in managerial work // Polish Journal of Management Studies. 2015. Vol. 12 (2). P. 69–78.
20. Козлов М.В. Тенденции перехода к социально-экономической кибернетике // Вестник Пермского университета. Математика. Механика. Информатика. 2021. № 1 (52). С. 61–69. doi: 10.17072/1993-0550-2021-1-61-69

References

1. Gabov, A.V. (2021) Tsifrovaya platforma kak novoe pravovoe yavlenie [Digital platform as a new legal phenomenon]. *Permskiy yuridicheskiy al'manakh*. 4. pp. 13–82.
2. Ryzhenkov, A.Ya. (2022) Ob avtonomnom pravovom regulirovaniy v svyazi s metodom grazhdanskogo prava [On autonomous legal regulation in connection with the civil law method]. *Sovremennoe pravo*. 7. pp. 22–26. doi: 10.25799/NI.2022.67.55.004
3. Gruzdev, V.V. (2022) Metod tsivilisticheskoy otrasli kak kriteriy ee obosobleniya v sisteme rossiyskogo prava [The method of the civilistic branch as a criterion for its isolation in the system of Russian law]. *Sovremennoe pravo*. 4. pp. 12–16. doi: 10.25799/NI.2022.49.99.002
4. Boldyrev, V.A. & Svarchevskiy, K.G. (2022) Legal Reference Systems: How to Determine the Future by Ordering the Past. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 232–238. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/24
5. Ponkin, I.V. & Lapteva, A.I. (2023) *Metodologiya nauchnykh issledovaniy i prikladnoy analitiki* [Methodology of Scientific Research and Applied Analytics]. Vol. 2. Moscow: Buki Vedi.
6. Boldyrev, V.A., Lisitsa, V.N. & Baukin, V.G. (2023) Nauchnye shkoly: analiz dannykh ob indeksiruemym publikatsiyakh [Scientific schools: analysis of data on indexed publications]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 1 (14). pp. 166–185. doi: 10.24412/2079-0910-2023-1-166-185
7. Hawkins, R.X.D., Goodman, N.D. & Goldstone, R.L. (2019) The Emergence of Social Norms and Conventions. *The Emergence of Social Norms and Conventions*. 2 (23). pp. 158–169. doi: 10.1016/j.tics.2018.11.003

8. Velichkovskiy, B.M., Vartanov, A.V. & Shevchik, S.A. (2010) The systemic role of cognitive research in the development of convergent technologies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 334. pp. 186–191. (In Russian).
9. Saydaliyev, E.S. (2023) Informatsionnaya sistema podderzhki prinyatiya upravlencheskikh resheniy [Information system for supporting management decisions]. *NovaUm.Ru*. 43. pp. 11–14.
10. Chernikova, I.V. & Loginovskaya, Yu.V. (2021) A Global Evolutionary Approach to Consciousness in Cognitive Science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 466. pp. 71–78. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/466/8
11. Bublitz, Ch. (2020) *What Is Wrong with Hungry Judges? A Case Study of Legal Implications of Cognitive Science*. The Hague: Eleven. pp. 1–30. [Online] Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3741635 (Accessed: 16.09.2023).
12. Chiganova, A.P. & Rybakova, E.S. (2014) Avtomatizirovannye sistemy ekspertnogo otsenivaniya – effektivnyy sposob prinyatiya resheniya [Automated systems of expert assessment – an effective way of decision-making]. *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики*. 10 (2). pp. 130–131.
13. Ponkin, I.V. (2022) Mashinnaya pravovaya analitika: ponyatie, ontologiya i znachenie dlya pravovoy deyatel'nosti [Machine legal analytics: concept, ontology and significance for legal activity]. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 6 (140). pp. 40–46. doi: 10.22394/2070-8378-2022-24-6-40-46
14. Myrseth, H., Brunborg, G.S. & Eidem, M. (2010) Differences in cognitive distortions between pathological and non-pathological gamblers with preferences for chance or skill games. *Journal of Gambling Studies*. 26. pp. 561–569. doi: 10.1007/s10899-010-9180-6
15. Ruger, T.W. et al. (2004) The Supreme Court Forecasting Project: Legal and Political Science Approaches to Predicting Supreme Court Decisionmaking. *Columbia Law Review*. 4 (104). pp. 1150–1210. doi: 10.2307/4099370
16. Kaufman, A.R., Kraft, P. & Sen, M. (2019) Improving Supreme Court Forecasting Using Boosted Decision Trees. *Political Analysis*. 3 (27). pp. 381–387. doi: 10.1017/pan.2018.59
17. Shul'gina, E.A. & Yastrebova, E.A. (2018) Spravochnye pravovye sistemy kak istochnik informatsii o novostyakh zakonodatel'stva [Reference legal systems as a source of information on legislative news]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. II: Pravo*. 6. pp. 113–126.
18. Podshibyakina, T.A. (2021) Cognitive Freedom as a New Political Freedom of the 21st Century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 468. pp. 93–100. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/468/11
19. Frankovsky, M., Birknerova, Z. & Zbihlejova, L. (2015) Possibilities of identification of predictors of occurrence of cognitive distortions in managerial work. *Polish Journal of Management Studies*. 2 (12). pp. 69–78.
20. Kozlov, M.V. (2021) Tendentsii perekhoda k sotsial'no-ekonomicheskoy kibernetike [Trends in the transition to socio-economic cybernetics]. *Vestnik Permskogo universiteta. Matematika. Mekhanika. Informatika*. 1 (52). pp. 61–69. doi: 10.17072/1993-0550-2021-1-61-69

Информация об авторах:

Болдырев В.А. – д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: vabold@mail.ru

Кархалев Д.Н. – д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданского права Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: dnk001rb@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.A. Boldyrev, Dr. Sci. (Law), professor, North Western Branch of the Russian State University of Justice (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: vabold@mail.ru

D.N. Karkhalev, Dr. Sci. (Law), professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: dnk001rb@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.09.2023;
одобрена после рецензирования 11.04.2024; принята к публикации 30.04.2024.*

*The article was submitted 23.09.2023;
approved after reviewing 11.04.2024; accepted for publication 30.04.2024.*

Научная статья
УДК 342.7
doi: 10.17223/15617793/501/25

Права человека – ценность или норма?

Марина Геннадьевна Вилова¹, Михаил Сергеевич Пермиловский²

¹ Арбитражный суд Архангельской области, Архангельск, Россия, mvilova@mail.ru

² Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия, permilovsky@mail.ru

Аннотация. Сопоставляются разные подходы к истолкованию прав человека, обусловленные основными типами правопонимания. На основе обширного научного материала представлена критическая оценка аксиологического и формально-юридического подходов к правотолкованию и правореализации. Для установления большей определенности в применении указанных подходов ценности и нормы разграничены по конкретным критериям. С учетом теоретических представлений о позитивной интеграции морали в право сделан вывод о необходимости использования в процессе правоприменения не только правовых и моральных норм, но и иных социальных норм.

Ключевые слова: права человека, конституционные ценности, юснатурализм, нормативизм, мораль, социальные нормы, конституционное правосудие

Для цитирования: Вилова М.Г., Пермиловский М.С. Права человека – ценность или норма? // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 218–225. doi: 10.17223/15617793/501/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/25

Human rights – value or norm?

Marina G. Vilova¹, Mikhail S. Permillovskiy²

¹ Arbitration Court of the Arkhangelsk Region, Arkhangelsk, Russian Federation, mvilova@mail.ru

² Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation, permilovsky@mail.ru

Abstract. The aim of the article is to compare different approaches to the interpretation of human rights, determined by the main types of legal understanding, – jusnaturalism and normativism. Both types of legal understanding are used in lawmaking and law enforcement activities, and have their own positive and negative features, which affect the legal status of the individual in the process of law enforcement. Jusnaturalism and normativism in the process of legal interpretation determine the expansive (axiological) and literal (normative) methods of interpretation. Based on extensive scientific material, a critical assessment of the axiological and formal legal approaches to legal interpretation and legal implementation is presented. Representatives of the first direction (G. Kelsen, K. Schmitt, J. Ely, J. Habermas) believe that the axiological approach replaces law and human rights with ethics and unjustifiably expands the discretion of the law enforcer. According to the second direction (G.V. Maltsev, R. Alexi, R. Pound, F. Hayek), denial of the interdisciplinarity of law reduces the social potential of human rights and the legitimacy of law. Examples of the positive application of the axiological method of interpreting the rules of law in the practice of constitutional justice are given (for the first time, the decision of the First Senate of the Federal Constitutional Court of Germany dated January 15, 1958, No. 1 BvR400/51 (the Lüth case) in the context of the development of the value of human rights is analyzed in a systematic and detailed manner). During the study, general and special scientific methods were used – formal legal, historical, comparative legal, hermeneutic. For greater clarity in the law enforcement process, values and norms are differentiated according to specific criteria: lawmaking, semantics, law enforcement, compliance, limitation, morality. Based on these criteria, values and norms complement each other and together allow, depending on the foundations of the state system, applying jusnaturalism in the interests of the effective implementation of human rights. It is inferred that human rights as values and as norms from a practical point of view are associated with risks of greater or lesser distortion of legal implementation. The interpretation of human rights as values creates virtually unlimited discretion for the subject of interpretation. In cases where such interpretation is carried out administratively, this discretion in the absence of uniform approaches to the observance and implementation of human rights entails risks of arbitrariness. Consequently, this discretion should not belong to the system of authorities, but to one or more supreme bodies, and legal interpretation should be carried out according to a verifiable methodology (balance method, proportionality method, and proportionality criterion). Taking into account theoretical ideas about the positive integration of morality into law, it is concluded that it is necessary to use not only legal and moral norms, but also other social norms in the process of law enforcement.

Keywords: human rights, constitutional values, natural law, normativism, morality, social norms, constitutional justice

For citation: Vilova, M.G. & Permillovskiy, M.S. (2024) Human rights – value or norm? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 218–225. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/25

При всей очевидности для большинства юристов ответа на вопрос, обозначенный в теме исследования, окончательный выбор между аксиологическим и нормативным способами истолкования прав человека до сих пор не сделан ни в науке конституционного права, ни в практике конституционного правосудия. Интерпретационные предпочтения зависят от типа правопонимания. И если нормативизм является ясным (правила поведения следуют из текста нормы права), предсказуемым (при единообразном истолковании норм права в правоприменительной деятельности), исполняемым (реализация норм права обеспечивается публично-правовым принуждением), последовательным принципу разделения властей (правоприменитель не вправе произвольно создавать нормы права), то юснатурализм предоставляет правоприменителю возможность оценивать содержание прав человека сквозь призму универсальных понятий «достоинство», «равенство», «свобода», «справедливость», «ценность», «разум» и «совесть». В силу их широкого смысла применение юснатурализма в судебной и исполнительной практике влечет риски необъективности, небеспристрастности, коррупциогенности.

Вместе с тем «чистый» нормативизм не отрицает механическую правореализацию, не зависящую от нравственного долга и уважения к закону. В условиях краткости норм права (например, на конституционном уровне) или их отраслевой сложности (к примеру, градостроительные, технические, налоговые, пенсионные нормы) такой подход может лишить права человека их центральной идеи – человекоориентированности, и превратить процесс правореализации в декларативность.

В нормативизме, выражаясь словами О. Генри, нет места жалости [1. С. 1010]. Однако и норма, как писал Ж.-Ж. Руссо, мало зависит от жесткости [2. С. 423]. С точки зрения Всеобщей декларации прав человека [3] гарантирование прав человека нельзя «очистить» от юснатуралистических понятий. Сама Всеобщая декларация прав человека апеллирует к таким понятиям, как:

- «совесть человечества» в контексте нарушения прав человека (преамбула);
- «достоинство и ценность человеческой личности» в связи с достижением всеобщего согласия относительно гарантирования прав человека (преамбула);
- «свобода», «равенство», «достоинство», «разум», «совесть» и «дух братства» в контексте естественного происхождения прав человека от рождения (ст. 1);
- «равенство» в части гарантирования правовых средств защиты (ст. 7);
- «равенство» и «справедливость» в качестве требований к правосудию (ст. 10);
- «свобода» и «равенство» в контексте гарантирования избирательных прав и доступа к государственной службе;
- «свобода» и «справедливость» в качестве требований к труду (ст. 23);
- «свободное и полное развитие личности» как цели исполнения обязанностей перед обществом (ст. 29);
- «справедливые требования морали» как правовой основы для принятия правоограничительных решений (ст. 29).

Некоторые из этих понятий имплементированы в национальные конституции. Конституция Российской Федерации, несмотря на закрепленный в ней нормативизм (ст. 15), содержит такие понятия, как:

- «справедливость» (в преамбуле в качестве «общенародного принципа, сквозь содержание которого оцениваются и иные конституционные положения» [4. С. 40], в ч. 6 ст. 75 в качестве принципа пенсионного обеспечения);
- «ценность» (в ст. 2 применительно к человеку, его правам и свободам, в пункте «в» ч. 1 ст. 114 применительно к институту семьи);
- «равенство» (в ч. 2 ст. 6, ч. 2 ст. 8, ст. 19, ч. 4 ст. 32, ч. 2 ст. 38 в качестве гарантии правового статуса личности, правового статуса мужчины и женщины, правового статуса родителей, защиты разных форм собственности, равенства всех перед законом и судом, доступа к государственной службе);
- «нравственность» (в ч. 3 ст. 55 в качестве основания для ограничения прав и свобод человека и гражданина).

В значительной степени указанные понятия Всеобщей декларации прав человека и Конституции Российской Федерации носят субъективно-оценочный характер, а значит, в процессе правоприменения могут наполняться разными по объему смыслами. Субъективность в данном случае дает повод сомневаться в способности самостоятельного использования норм для мотивирования правоприменительного акта и обуславливает поиск дополнительного всеобщего легитимного источника (заповеди, мораль, традиционные ценности).

Такая ситуация, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, не должна приводить к неопределенности, влекущей неединообразное истолкование и применение норм права. Напротив, эффективная интерпретация оценочных понятий при тех или иных правовых обстоятельствах позволяет обеспечить должную и разумную меру детализации этих понятий [5].

Существует мнение, что в процессе правореализации не следует строго придерживаться формулировок норм права [6. С. 135]. Интерпретация в данном случае заключается в поиске желаемого смысла нормы, который через правосудие воплощается в жизнь. Такой поиск невозможен вне эволюционного, телеологического или ценностного истолкования, а в случае если оно учитывает общественное мнение, результаты правотолкования повышают легитимность норм права.

Указанные способы толкования используются в практике конституционного контроля разных стран. Например, в целях проверки конституционности спорных законоположений конституционные и иные нормы права сопоставляются на предмет их ценности (аксио-телеологический метод Конституционного Суда Российской Федерации), целей (телеологический метод Федерального Конституционного суда Германии), актуальности (концепция «живой конституции» Верховного суда США, доктрина «живого дерева» Верховного суда Канады).

В результате такого расширительного толкования конституционно-правовое регулирование дополняется новым интерпретационным смыслом (аксио-телеологическое и телеологическое толкование) или новыми

судебными прецедентами («живая конституция», «живое дерево»).

Одним из первых судебных актов, где использовался ценностный подход к истолкованию прав человека, является решение Первого Сената Федерального Конституционного суда Германии от 15 января 1958 г. № 1 BvR400/51 (дело Люта) [7. С. 277–283]. На основании решения Земельного суда г. Гамбурга ответчику запрещено распространять отрицательное мнение о пропагандистском фильме. Федеральный Конституционный суд Германии отменил указанное решение, поскольку Земельный суд г. Гамбурга, защищая частные интересы третьих лиц, недооценил особое значение права на свободное выражение мнения. Принципиальные положения, к которым пришел Федеральный Конституционный суд Германии, заключаются в следующем:

- Основной закон содержит систему ценностей, которая усиливает действие прав человека;
- ценности, основной из которых является человек, выступают ядром для всех отраслей права и ориентиром для законодательной, исполнительной и судебной власти;
- ценности наполняют отраслевые нормы конституционным смыслом, единообразно истолковываемым в рамках *ordre public*;
- такое толкование должно ориентироваться на внеправовые понятия, связанные, например, с моралью;
- в результате указанного толкования права человека могут модифицировать отрасли права, и если суд не учитывает это, то он игнорирует содержание прав человека и, как следствие, нарушает Основной закон;
- право на свободное выражение мнения является одним из самых ценных для человека, поскольку обеспечивает общественный плюрализм – жизненно важный элемент государственного строя;
- данное право может ограничиваться только в целях защиты общего блага, представляющего собой общественную ценность более высокого уровня по сравнению со свободой слова (следовательно, указанное право не может ограничиваться обычными отраслевыми нормами);
- само по себе выражение мнения – это суждение о предпочтениях, духовно воздействующее на окружающих в пределах их собственной свободы мнения. В тех случаях, когда суждение умаляет такую свободу, ее защита приобретает приоритет над возможностью выражения мнения;
- в этом заключается взвешивание ценностей, т.е. право на свободное выражение мнения (первая ценность) не может использоваться для подавления мнения других лиц и нарушать их интересы (вторая ценность).

Использованный в приведенном примере подход основывается скорее на юснатурализме, а не на нормативизме. Представляется, что права человека трактуются в качестве биосоциальных возможностей и источника права, а значит, вопреки теории Г. Еллинека [8. С. 303] не зависят от рефлексии публично-правового образования. Отмечается, что решение Первого Сената Федерального Конституционного суда Герма-

нии по делу Люта повлияло на «смягчение» нормативизма и способствовало развитию иерархии ценностей, что усилило весомость прав человека [9. С. 284].

Конституционный Суд Российской Федерации в некоторых случаях признает нормы права неконституционными ввиду искажения ими ценности прав человека. К примеру, вследствие противоречия принципам правовой определенности, справедливости, поддержания доверия граждан к государству, а также конституционной ценности прав человека признано неконституционным законоположение о прекращении выплаты пенсии за выслугу лет, назначенной в результате ошибочного исчисления уполномоченным органом служебного стажа (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2016 г. № 1-П). В данном случае законодатель и, как следствие, правоприменитель проигнорировали значимость пенсии за выслугу лет как источника дохода гражданина и допустили устранение публично-правовой ошибки путем ухудшения социально-финансового положения гражданина.

В связи с этим в настоящее время создано правовое регулирование, позволяющее в случае обнаружения ошибки в назначении пенсии за выслугу лет, приведшей к неправомерному назначению пенсии, принимать решение о ежемесячной выплате суммы, равной размеру пенсии, выплачиваемой на дату обнаружения ошибки.

Еще одним примером соотношения аксиологического и нормативного подходов к истолкованию прав человека служит признание неконституционным отсчета законодательного механизма исключения из реестра недобросовестных арендаторов лесных участков и покупателей лесных насаждений сведений об арендаторах, уплативших задолженность по арендным платежам. Исключение сведений о добросовестных арендаторах из такого реестра должностным лицом самостоятельно, т.е. в отсутствие уполномочивающей нормы права, не производилось ни в одном субъекте Российской Федерации. С точки зрения нормативизма это объяснимо, поскольку в противном случае должностное лицо выходило бы за пределы своих полномочий. Конституционная недопустимость сложившейся ситуации, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, заключается в ее противоречии конституционным ценностям справедливости, экономической самостоятельности и свободы предпринимательства (Постановление от 21 апреля 2020 г. № 19-П).

Во исполнение данной правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации установлена обязанность федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на ведение названного реестра, по исключению из него информации о недобросовестных арендаторах по истечении двух лет с даты ее включения в реестр или по решению суда.

На основе соотношения конституционной ценности права на жизнь и здоровье и конституционной ценности права на неприкосновенность частной жизни и личную тайну Конституционный Суд Российской Фе-

дерации признал неконституционным законоположение, позволявшее в ходе практической деятельности не вносить в медицинскую документацию гражданина сведения о его незаконной недобровольной госпитализации в медико-психиатрическую организацию (Постановление от 13 июля 2022 г. № 31-П). По мнению Суда, действующая система медицинской помощи обеспечивает право на жизнь и здоровье, поэтому недобровольная госпитализация сама по себе не может расцениваться как нарушающая права человека. В то же время конфиденциальность медицинской документации и врачебная тайна, обусловленные правом на неприкосновенность частной жизни и личную тайну, не могут препятствовать включению в медицинскую карту гражданина иных прямо не связанных с его состоянием здоровья сведений, имеющих правовое значение.

В целях устранения выявленного противоречия федеральным законодателем в системе действующего правового регулирования в сфере психиатрической помощи создан механизм гарантирования внесения в медицинскую документацию указанных сведений.

Имеются другие многочисленные примеры признания отдельных положений законов неконституционными и предписаний федеральному законодателю обеспечить их соответствие конституционным ценностям. За тридцатилетний период конституционного контроля в России под его предмет попали фактически все вопросы, касающиеся статуса человека (права человека и пределы их ограничения) и интересов государства (суверенитет, организация публичной власти, юридическая ответственность).

Конституционный Суд Российской Федерации сам обозначил используемый в процессе конституционного контроля способ интерпретации в качестве аксиотелеологического метода [10]. Им разъяснено, что аксиотелеологический метод применяется для поиска баланса между конституционными ценностями и отраслевыми ценностями, а также в целях выявления смыслового и (или) практического противоречия норм права правам человека.

Ценности в конституционном правосудии, в понимании ученых-конституционалистов, являются практическим выражением идей конституционализма [11. С. 12–13], конституционной герменевтики [12. С. 11], социального государства [13. С. 151], гарантирования прав человека [14. С. 3].

Несмотря на применение ценностного подхода в конституционной практике и его признание в конституционной доктрине, ценностное истолкование прав человека, по мнению отдельных ученых, приводит к эклектике или софистике. Простая трансформация прав человека из норм в ценности влечет подмену права телеологией или этикой.

Основоположник австрийской модели конституционного контроля Г. Кельзен полагал, что конституция является совокупностью только позитивных норм, «очищенных» от целей их создания и расширительного толкования, выходящего за рамки норм права [15. С. 267, 279, 424, 426]. Следовательно, в силу конституционного должностования соблюдаться должны только нормы, а не результат их истолкования. Само

же толкование должно быть нейтральным и основываться, прежде всего, на систематическом способе. В этом случае ценность является самостоятельной категорией, констатирующей оценку объекта и нормы, но не связанной с суждением, поскольку в силу своей субъективности оно может быть как истинным, так и ложным либо выражать желания интерпретатора, т.е. носить эмоциональный, а не правовой характер [15. С. 22, 33].

К. Шмитт выстроил следующую аргументацию против ценностей. Первоначально ценность подменила понятие «добродетель» и имела положительный смысл, но только в экономике (синоним стоимости). В иных областях ценность может непрерывно переоцениваться (в живописи и музыке – эстетически, в философии – ментально, в праве – практически). Ценность характеризуется значимостью, что предполагает особое отношение к объекту оценки, которое может быть двойственным (положительным или вирулентным) в случае, если таким объектом выступает человек. По степени значимости ценности могут обладать большей или меньшей релевантностью, следовательно, ценности высокого уровня подчиняют другие менее значимые ценности и упраздняют то, что ценностью не является [16. С. 3, 5, 7–8, 19, 21–22]. Применительно к правам человека это означает их внутреннее соподчинение по критериям значимости и динамики.

Как пишет Ю. Хабермас, нормы и ценности играют разные роли в процессе герменевтики [17. С. 257]. Он полагает, что для разрешения социального или конституционного конфликта необходима система непротиворечивых норм права, а не поиск ценностных смыслов. Применение правильной нормы права, не конкурирующей с иными нормами, гарантирует принятие одного верного решения. Разрешение спора на основе ценностных предпочтений приводит к избыточной телеологичности права, лишая его деонтологического характера [17. С. 260–261].

С этой точки зрения конституционный контроль – это не содержательный нормоконтроль, в ходе которого оцениваются как внутренние семантические связи конституционных и отраслевых норм (ценности), так и внешние практические связи применения отраслевых норм в соответствии (несоответствии) с конституционными нормами. В данном случае, как отмечают Ю. Хабермас [17. С. 265–266] и Дж.Х. Эли [18. С. 133], судебный орган конституционного контроля рассматривает жалобы на предмет соблюдения законодательного процесса, ориентируясь на организационные и процедурные вопросы. Это, по мнению Дж.Х. Эли, необходимо для сохранения беспристрастности и исключения дискреции, основанной на моральных оценочных суждениях, а не на нормах [18. Р. 133].

В российской конституционной доктрине также имеется критическое восприятие герменевтического преобразования прав человека в ценности. Так, С.А. Белов считает, что в этом случае права человека «превращаются в направления политики, то есть лишаются определенности как правовые нормы и попадают в зависимость от решения того, кто их применяет» [19. С. 143].

Указанные научные позиции подходят для ординарного правоприменения при условии правового совершенства. Однако они в полной мере не применимы при наличии скрытых противоречий отраслевых норм права конституции, которые обнаруживаются в ходе реализации прав человека или иного исполнения этих норм, о чем свидетельствует практика конституционного правосудия.

Центральный аргумент противников истолкования прав человека в качестве ценности – слияние права с этикой. Но могут ли право и права человека быть полностью автономны от философии, этики, психологии, лингвистики и т.д.? Отрицание их взаимной интеграции снижает социальный потенциал прав человека и легитимность права. Этика, по мнению Г.В. Мальцева, исключена из методологии правовых исследований, в то время как должна являться «общей философией социального поведения» [20. С. 143].

Как писал Р. Паунд, до классической немецкой философии (И. Кант, Г.В.Ф. Гегель) право считалось разновидностью этического учения, обусловленного естественной потребностью упорядочивания общественных отношений. В последующем право стало отождествляться с законом, регулирующим внешнее поведение, а этика – с внутренними переживаниями индивидуума [21. Р. 191–193]. Сам Р. Паунд полагал, что этика дает интерпретатору норм права идеал, который нельзя упускать. В процессе правотолкования, по его мнению, следует учитывать три вещи: справедливость как идеальное отношение между людьми, мораль как идеальное развитие человека и безопасность [21. Р. 222].

Аналогичной позиции придерживался Ф. Хайек, заметив, что нормы имеют абстрактный характер и служат поддержанию равно абстрактного порядка, в то время как жизненные обстоятельства большей частью непредсказуемы. Реализация «чистых» норм предполагает изолированное от этих обстоятельств универсальное правоприменение, что исключает из него индивидуализацию [22. С. 184]. Однако «то, что на первый взгляд кажется справедливым, на деле таковым не является» [22. С. 133] именно по причине игнорирования жизненных обстоятельств. В этом случае, по мнению Ф. Хайека, суд должен мотивировать свои решения не только нормами права, но и «ситуационной логикой», связанной с ожидаемой от правоприменения справедливостью [22. С. 134]. Р. Алексй подчеркивает, что по содержанию суд должен выносить решения на основе морально-этических норм, а по форме – на основе правовых норм [23. С. 96]. На недопустимость характеристики права как «вещи в себе» обращал внимание Г.В. Мальцев, ссылаясь на то, что в настоящее время «мало кто поддерживает тезис о том, что право создается из права», т.е. вне социального контекста [20. С. 56].

Указанные рассуждения близки к позиции Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой справедливость является системообразующей категорией как для права, так и для правоприменения [4. С. 39–42].

Интерпретационные рамки ценностного правотолкования, обеспечивающего в том числе поиск справедливости, очерчивают предсказуемость итогового решения. И если в рамках разрешения социальных конфликтов предсказуемость обеспечивается единообразным правоприменением, то в ходе конституционного правосудия она может быть достигнута за счет формирования системы унифицированных ценностей. Дж. Финнис предлагает включить в такую систему, например, жизнь, знание, игру, эстетический опыт, общительность, разумность, религию. Иные ценности, по его мнению, могут быть, но они, как правило, являются следствием названных ценностей [24. С. 118–125]. Данные ценности являются традиционными социальными ценностями, не все из которых легко облачаются в юридическую форму. Однако в процессе правотолкования они могут служить метафизическими ориентирами для нормоконтроля.

Представляется, что для большей определенности процесса правоприменения ценности и нормы необходимо разграничивать по конкретным критериям. За их основу предлагаются следующие показатели:

1. Правотворчество. Нормы права в данном случае объективны во внешней форме выражения. Ценности – субъективны, имплементируются в содержание нормы, но зависят от толкования, которое может быть неединообразным.

2. Семантика. Нормы права имеют краткое текстовое выражение, сами по себе абстрактны, а значит, их смысл в контексте конкретного общественного отношения может быть установлен только путем толкования. Ценности ориентированы на раскрытие смысла, предусмотренного в тексте нормы, но не имеют заранее определенного (исчерпывающего) содержания, поэтому устанавливаются казуально.

3. Правоприменение. Нормы права применяются любыми органами власти в пределах своей компетенции и буквального смысла норм права. Ценности истолковываются судебным органом конституционного контроля в случае взвешивания интересов, вступивших в противоречие друг с другом.

4. Соблюдение. Нормы права соблюдаются каждым согласно прямому нормативному предписанию и обеспечиваются санкциями отраслевых законов. Ценности соблюдаются в пределах совпадения содержания с буквальным смыслом норм и обязательны в случае официального истолкования судебным органом конституционного контроля.

5. Ограничение. Нормы права имеют приоритетное нормативное значение, и их действие ограничивается только в конституционно допустимых случаях. Ценности имеют приоритет при соотношении разных конституционно-правовых интересов и могут ограничиваться в любом случае постольку, поскольку это необходимо для баланса интересов.

6. Мораль. Нормы права по своей форме не зависят от моральных норм, но могут совпадать с ними по смыслу. Ценности содержательно зависят от внутреннего убеждения интерпретатора, которое может быть основано на морали.

Из указанных показателей следует, что нормы и ценности дополняют друг друга и в совокупности позволяют в зависимости от основ государственного строя (прежде всего политического режима и принципов взаимодействия государства и человека) применять юснатурализм в интересах эффективной реализации прав человека.

Права человека как ценности и как нормы с практической точки зрения сопряжены с рисками большего или меньшего искажения правореализации. Так, истолкование прав человека не нормативно, а юснатуралистично в качестве ценности создает фактически неограниченную дискрецию субъекту толкования. Правила толкования в таком случае определяются им самим. В тех случаях, когда это зависит от усмотрения административного правоприменителя указанная дискреция в отсутствие единых подходов к соблюдению и исполнению прав человека влечет риски самоуправства или произвола. Следовательно, указанная дискреция должна принадлежать не системе органов власти, а одному или нескольким высшим органам. При этом правотолкование должно осуществляться по проверяемой методологии (например, методу баланса, методу пропорциональности и критерию соразмерности). Как отмечено Конституционным Судом Российской Федерации, такая методология неавтономна, а является проявлением естественно-правового или юснатуралистического типа правопонимания [10].

Нормативное толкование прав человека предполагает буквальный подход, «очищенный» от целей их гарантирования и системной взаимосвязи между ними и другими нормами права (к примеру, нормами об основах конституционного строя). Это создает риски правореализации, не зависящей от всей полноты содержания прав человека.

Преодоление названных рисков часто связывается с воздействием морали на право. Л.Л. Фуллер вывел «восемь способов потерпеть неудачу, составляя закон» и, несмотря на стремление правоведа концептуально интегрировать мораль в право, в основе этих способов – нормативные критерии (пробелы и противоречия в законе, необнародование норм права, непонятность правовых предписаний, ретроактивность закона, невыполнимость норм права, нестабильность законодательства, несогласованность правоприменения с правоустановлением) [25. С. 47–59]. Оценка с их помощью закона свидетельствует скорее о его дефектности или неконституционности, чем об аморальности.

В неопозитивизме в целом сложился критический подход к праву, когда абсурдный формализм не соответствует ожиданиям общества, а значит, противоречит морали. Мораль же представляет собой убеждения о плохом и хорошем, добре и зле, правильном и неправильном. Закон сам по себе редко бывает очевидно плохим или хорошим, в правовом государстве никогда не допускает противоправного поведения.

Таким образом, закон может соответствовать морали, но оставлять общество неудовлетворенным им.

Например, в случае легализации в законе противоестественных правил. Закон может содержать излишние обременения (возложение на гражданина обязанностей, которые должны (или могут) выполняться должностным лицом (к примеру, в рамках межведомственного взаимодействия)), ответственность за нарушения, не имеющие серьезную общественную опасность (административная ответственность за внесение в паспорт сведений, отметок или записей, не предусмотренных законодательством и не влияющих на возможность удостоверения личности), неудобные правила, ограничивающие свободу передвижения (правила перехода перекрестка на разрешающий сигнал светофора (для всего перекрестка) только по пешеходному переходу).

Вне ценностной интерпретации прав человека, основываясь лишь на факте их нормативной констатации, сложно обосновать, а тем более доказать вред, причиняемый личности подобными законами. Установить противоестественность закона позволяет субъективная оценка его пользы для человека. В основе такой оценки не могут быть только правовые и моральные нормы. Это связано с тем, что они, во-первых, имеют единые цели, во-вторых, зачастую схожее содержание и, в-третьих, в некоторых случаях моральные нормы не касаются вопросов, урегулированных правовыми нормами. Поэтому необходимо использовать комплекс социальных норм, позволяющих определять содержащуюся в законе степень гуманизма или антропоцентризма. Имплицитно данный подход предполагает Всеобщая декларация прав человека, содержащая не только правовые, но и по смыслу иные социальные нормы. Как верно отмечено Г.В. Мальцевым, гарантирование прав человека было бы более эффективным после создания единой теории и типологии социальных норм, которые должны накладываться друг на друга, взаимно усиливая свои регулятивные свойства [20. С. 146].

Преодолеть противоестественность закона невозможно кроме как конституционным правосудием. Другими словами, риски противоестественности закона необходимо устранять на самом высоком уровне правосудия – в рамках конституционного контроля.

Нормы права объективны, и их применение не может зависеть от назначения права и прав человека, а ценности права и прав человека субъективны. Это означает, что нормативное истолкование нацелено на установление буквального смысла, даже если следование ему приводит к умалению прав человека (иное равносильно выходу за пределы компетенции и возникновению коррупциогенных рисков). Ценностное истолкование позволяет установить семантику нормы права, но создает широкую дискрецию для правоприменителя, что также скрывает коррупциогенные риски.

При наличии указанных рисков юснатурализм все же позволяет разрешать конституционно-правовые конфликты и преодолевать дефекты в праве на основе приоритета прав и свобод человека в сочетании с балансом публичных и частных интересов. Это способствует развитию человекоориентированного, а не механического права.

Список источников

1. Генри О. Трест, который лопнул. М. : Иностранка, 2022. 1088 с.
2. Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. М. : Худож. лит., 1968. 772 с.
3. Всеобщая декларация прав человека 1948 года // Российская газета. 1995. № 67.
4. Вилова М.Г. Методологические подходы к определению понятия «справедливость» в конституционном правосудии // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 5. С. 39–42.
5. Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018–2020 годов): одобрено решением Конституционного Суда РФ от 17.12.2020 // Конституционный Суд Российской Федерации. URL: [http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Информация 2020.pdf](http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Информация%202020.pdf) (дата обращения: 25.10.2023).
6. Perry M.J. *Morality, Politics, and Law*. New York : Oxford University Press, 1990. 323 p.
7. Избранные решения Федерального Конституционного Суда Германии / под ред. К. Клаудиа. М. : Инфотропик Медиа, 2018. С. 1028 с.
8. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб. : Издание Юридического Книжного Магазина Н.Г. Мартынова, 1908. 599 с.
9. Шустров Д.Г. Сущность конституции: основные теории. М. : Юрлитинформ, 2017. 600 с.
10. Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации): одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021 // Конституционный Суд Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Aspects2021.pdf> (дата обращения: 17.10.2023).
11. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. М. : Юрист, 2013. 176 с.
12. Рудт Ю.А. Баланс конституционных ценностей. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2017. 143 с.
13. Каштанова Е.А. К вопросу о конституционных ценностях как аксиологической и юридической категории // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 1. С. 65–68.
14. Зорькин В.Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 3–14.
15. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лезова. СПб. : АЛЕФ-Пресс, 2023. 542 с.
16. Шмитт К. Тирания ценностей. Берлин : Изд-во Дункер унд Хумблот Ферлаг, 2011. 39 с.
17. Habermas J. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge, Massachusetts : The MIT Press, 1996. 631 p.
18. Ely J.H. *Democracy and Distrust: Theory of Judicial Review*. London : Harvard University Press, 1981. 268 p.
19. Белов С.А. Ценностное обоснование решений как проявление судебного активизма Конституционного Суда Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2. С. 140–150.
20. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2019. 400 с.
21. Pound R. *Law and Morals – Jurisprudence and Ethics* // *North Carolina Law Review*. 1945. Vol. 23, № 3. P. 185–222.
22. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. Москва; Челябинск : Социум, 2020. 644 с.
23. Алексис Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму). М. : Инфотропик Медиа, 2011. 192 с.
24. Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М. : ИРИСЭН, 2019. 554 с.
25. Фуллер Л.Л. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой. Москва ; Челябинск : ИРИСЭН; Социум, 2019. 308 с.

References

1. Henry, O. (2022) *The Trust That Went Bust*. Moscow: Inostranka. (In Russian).
2. Rousseau, J.-J. (1968) *Julie; or, the New Heloise* Eloiza. Moscow: Khudozh. lit. (In Russian).
3. *Rossiyskaya gazeta*. (1995) Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka 1948 goda [The Universal Declaration of Human Rights of 1948]. 67.
4. Vilova, M.G. (2022) Metodologicheskie podkhody k opredeleniyu ponyatiya “spravedlivost” v konstitutsionnom pravosudii [Methodological Approaches to Defining the Concept “Justice” in Constitutional Justice]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 5. pp. 39–42.
5. Constitutional Court of the Russian Federation. (2020) *Constitutional and Legal Protection of Entrepreneurship: Current Aspects (Based on the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in 2018–2020)*: Approved by the Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation Dated 17 December 2020. [Online] Available from: [http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Informatsiya 2020.pdf](http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Informatsiya%202020.pdf) (Accessed: 25.10.2023). (In Russian).
6. Perry, M.J. (1990) *Morality, Politics, and Law*. New York: Oxford University Press.
7. Crawford, C. (ed.) (2018) *Selected Decisions of the Federal Constitutional Court of Germany*. Moscow: Infotropik Media. (In Russian).
8. Jellinek, G. (1908) *The General Theory of the State*. Saint Petersburg: Izdanie Yuridicheskogo Knizhnogo Magazina N.G. Martynova. (In Russian).
9. Shustrov, D.G. (2017) *Sushchnost' konstitutsii: osnovnye teorii* [The Essence of the Constitution: Basic Theories]. Moscow: Yurlitinform.
10. Constitutional Court of the Russian Federation. (2021) *Methodological Aspects of Constitutional Review (For the 30th Anniversary of the Constitutional Court of the Russian Federation)*: Approved by the Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19 October 2021. [Online] Available from: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Aspects2021.pdf> (Accessed: 17.10.2023). (In Russian).
11. Bondar', N.S. (2013) *Aksiologiya sudebnogo konstitutsionalizma: konstitutsionnye tsennosti v teorii i praktike konstitutsionnogo pravosudiya* [Axiology of Judicial Constitutionalism: Constitutional Values in the Theory and Practice of Constitutional Justice]. Moscow: Yurist.
12. Rudt, Yu.A. (2017) *Balans konstitutsionnykh tsennostey* [Balance of Constitutional Values]. Novosibirsk: NSTU.
13. Kashtanova, E.A. (2012) K voprosu o konstitutsionnykh tsennostyakh kak aksiologicheskoy i yuridicheskoy kategorii [On the Issue of Constitutional Values as an Axiological and Legal Category]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 1. pp. 65–68.
14. Zor'kin, V.D. (2008) Tsennostnyy podkhod v konstitutsionnom regulirovanii prav i svobod [Value Approach in Constitutional Regulation of Rights and Freedoms]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 12. pp. 3–14.
15. Kelsen, H. (2023) *Chistoe uchenie o prave* [The Pure Theory of Law]. Translated from German by M.V. Antonov, S.V. Lezov. Saint Petersburg: Alef-Press.
16. Schmitt, C. (2011) *The Tyranny of Values*. Berlin: Dunker und Humblot Verlag.
17. Habermas, J. (1996) *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.
18. Ely, J.H. (1981) *Democracy and Distrust: Theory of Judicial Review*. London: Harvard University Press.
19. Belov, S.A. (2012) Value substantiation of decisions as a manifestation of judicial activism of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2. pp. 140–150. (In Russian).
20. Mal'tsev, G.V. (2019) *Nravstvennye osnovaniya prava* [Moral Foundations of Law]. Moscow: Norma; INFRA-M.
21. Pound, R. (1945) Law and Morals – Jurisprudence and Ethics. *North Carolina Law Review*. 23 (3). pp. 185–222.
22. Hayek, F. (2020) *Law, Legislation and Liberty. A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy*. Moscow; Chelyabinsk: Sotsium. (In Russian).
23. Alexy, R. (2011) *The Argument From Injustice: A Reply to Legal Positivism*. Moscow: Infotropik Media. (In Russian).

24. Finnis, J. (2019) *Natural Law and Natural Rights*. Moscow: IRISEN. (In Russian).
25. Fuller, L.L. (2019) *The Morality of Law*. Moscow; Chelyabinsk: IRISEN; Sotsium. (In Russian).

Информация об авторах:

Вилова М.Г. – судья Арбитражного суда Архангельской области (Архангельск, Россия). E-mail: mvilova@mail.ru

Пермиловский М.С. – канд. юрид. наук, доцент кафедры государственного и международного права Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия). E-mail: permilovsky@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.G. Vilova, judge, Arbitration Court of the Arkhangelsk Region (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: mvilova@mail.ru

M.S. Permillovskiy, Cand. Sci. (Law), associate professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: permilovsky@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.11.2023;
одобрена после рецензирования 20.04.2024; принята к публикации 30.04.2024.*

*The article was submitted 23.11.2023;
approved after reviewing 20.04.2024; accepted for publication 30.04.2024.*

Научная статья
УДК 343.2./7
doi: 10.17223/15617793/501/26

Конфискация имущества за совершение преступлений против безопасности государства

Магомед Муратбекович Долгиев^{1, 2}

¹ Ассоциация юристов России, Москва, Россия

² СПК «Долаковский», Москва, Россия

^{1, 2} Magomedurist@yandex.ru

Аннотация. Проанализированы изменения уголовного закона, регламентирующие и уточняющие ответственность за преступления против государственной безопасности, а также нормы о конфискации денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования таких преступлений. Сделан вывод о том, что положения о конфискации имущества, вводимые новым федеральным законом за совершение антигосударственных преступлений, а также за «фейки об армии» являются преждевременными и несоразмерными накопленному правовому опыту.

Ключевые слова: конфискация имущества, преступления против государственной безопасности, национальная безопасность, национальные интересы, антигосударственные преступления, уголовная ответственность за «фейки об армии», закон «о негодях»

Для цитирования: Долгиев М.М. Конфискация имущества за совершение преступлений против безопасности государства // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 226–231. doi: 10.17223/15617793/501/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/26

Confiscation of property for committing crimes against the security of the state

Magomed M. Dolgiev^{1, 2}

¹ Association of Lawyers of Russia, Moscow, Russian Federation

² APC Dolakovsky, Moscow, Russian Federation

^{1, 2} Magomedurist@yandex.ru

Abstract. In this article, the author examines the latest changes in criminal and criminal procedure legislation in terms of clarifying responsibility for crimes against the security of the Russian Federation, strengthening responsibility for such actions committed for selfish motives or for hire, as well as motivated by hatred or enmity. The mechanism of confiscation of money, valuables and other property introduced in order to suppress the financing of these crimes is analyzed. Despite the justification for the confiscation of property by the need to protect the security of the state, this decision, as set out in the Federal Law, is rather politically motivated rather than based on legal necessity, since the mechanisms for the seizure of money, valuables and other property, as well as tools and means of committing a crime, have long been regulated and do not raise questions from law enforcement officers. The methodological basis of the research is the application of general and special scientific methods of cognition, including historical and formal legal ones. The author concludes that the confiscation of the property of persons who committed crimes against the security of the Russian Federation is a categorical act of demonstrating the negative attitude of the state authorities towards the subject of the crime and the desire to maximize his responsibility. However, the desire to show political will can have negative consequences for the doctrine of law and the legal system as a whole. The institution of confiscation of property does not imply a formal (unsubstantiated) decision on the confiscation of any property indicated by the preliminary investigation body or the prosecutor, but only that which was actually used by the guilty person in the commission of a crime. If we are talking about financing activities directed against the security of the State, then within the framework of criminal proceedings, the participation of certain property in such financing must be proved, which also cannot be applied to a formal approach. The evidence of the participation of any property in the commission of a crime must be indisputable. Devaluation of the institution of confiscation in favor of political motives is unacceptable, despite all the fair aspects of such motives. According to the author's conclusions, the lack of judicial practice in cases of this category will prevent the full application of the property confiscation mechanism, since the composition of such crimes forms the dissemination of information; accordingly, the instruments of crime will have to be seized first of all, and more compelling reasons are needed for the seizure of real estate, land and cars, and such grounds cannot be the information itself which the state will consider discreditable and dangerous. In this regard, the rules on confiscation of property imposed for committing anti-state crimes, as well as for “fakes about the army” are premature and disproportionate to the accumulated legal experience.

Keywords: confiscation of property, crimes against state security, national security, national interests, anti-state crimes, criminal liability for “fakes about the army”, law “on scoundrels”

For citation: Dolgiev, M.M. (2024) Confiscation of property for committing crimes against the security of the state. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 226–231. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/26

Органами законодательной власти Российской Федерации на фоне продолжающихся необратимых изменений в политико-правовой жизни государства принят Федеральный закон о внесении изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации в части уточнения ответственности за преступления против безопасности государства¹. К примеру, дополняется ст. 280.4 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) – «Публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства» – деятельностью, направленной на призывы к совершению всех видов преступлений диверсионной направленности; одновременно будет усилена уголовная ответственность, когда такие действия совершаются из корыстных побуждений или по найму, а также по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы; а также расширятся основания для применения дополнительного наказания в виде лишения специального, воинского или почетного звания и государственных наград в отношении лиц, совершивших преступления против безопасности Российской Федерации (ст. 207.3, 280, 280.1, 280.3, 280.4, 284.2, 284.3, 354.1 УК РФ).

Кроме того, в целях пресечения финансирования указанных преступлений предусматривается механизм конфискации денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для их финансирования. Стоит отметить, что последнее положение закона вызвало наибольшие дискуссии не только в обществе, но и среди некоторых депутатов Государственной Думы Российской Федерации при его обсуждении, по мнению которых «размытые понятия в законопроекте и их трактовки могут вызвать злоупотребления, отъем собственности и сведение счетов»².

Однако, несмотря на некоторые спорные положения указанного Федерального закона в целом, следует отметить, что с теоретической точки зрения его положения дополняют важным примечанием ст. 104.1 УК РФ, содержащим понятие деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации. Под таковой предлагается понимать совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 189, 200.1, 209, 210, 222–223.1, 226, 226.1, 229.1, 274.1, 275–276, 281–281.1, 283, 283.1, 284.1, 284.3, 290, 291, 322, 322.1, 323, 332, 338, 355–357, 359 УК РФ.

Доктринальная необходимость законодательной регламентации понятия государственной (национальной) безопасности страны назрела давно и обусловлена она критической трансформацией угроз, с которыми сталкивается сегодня Россия, затрагивающих широкие сферы жизни общества и государства (борьбу с терроризмом, в том числе в киберпространстве, обеспечение

государственной безопасности и противодействие иностранному враждебному влиянию и внутреннему экстремизму, а также другие области правоотношений, необеспечение защищенности которых может являться серьезной проблемой для страны) [1]. Кроме того, многочисленные «военные поправки» в уголовный закон, введенные в весьма короткий промежуток времени, направленные в том числе и на солидаризацию граждан, обоснованы не только историческим контекстом необходимости сохранения государства и общественных институтов, но и соображениями эффективного политического и общественного порядка внутри страны [2]. В этой связи предложение закрепить понятие «безопасности Российской Федерации» в уголовном законе является правильным и своевременным.

Вместе с тем несмотря на обоснование конфискации имущества необходимостью защиты безопасности государства, складывается впечатление, что данное решение, в том виде, как оно изложено в Федеральном законе, является скорее политически мотивированным, а не основанным на правовой необходимости, поскольку механизмы изъятия денег, ценностей и иного имущества, а также орудий и средств совершения преступления давно регламентированы и вопросов у правоприменителей не вызывают. При этом внесенные изменения ориентированы не столько на реальную борьбу с преступлениями против национальных интересов, а скорее на «внушение страха» потерять собственность и деньги за совершение любого неправильного действия в отношении государства.

С правовой точки зрения такая дополнительная ответственность является обоснованной и базируется на концептуальных разъяснениях Конституционного Суда Российской Федерации о том, что конфискация имущества, использовавшегося или предназначавшегося для использования при совершении преступлений, может рассматриваться в качестве специальной публично-правовой меры только в случаях, связанных с противоправным поведением собственника этого имущества³. А, соответственно, границы такой противоправности устанавливает сам Федеральный закон. Между тем авторы данного закона в ходе его обсуждений услышали в свой адрес критику о том, что правовая система страны возвращается к репрессивному советскому уголовному законодательству, которое предусматривало конфискацию всего имущества виновного лица, а также массу иных «мер социальной защиты, судебно-исправительного характера», применяемых по Уголовному кодексу в отношении лиц, совершивших преступление [3. С. 52].

Справедливости ради стоит отметить, что советское уголовное законодательство не было таким формальным и неразборчивым в вопросах конфискации имущества, как пытаются его представить некоторые

лица⁴. Осторожное применение указанной меры регламентировалось нормативно, и, в отличие от действующего российского законодательства, конфискации подлежало только имущество, лично принадлежащее осужденному, ни о какой конфискации имущества, принадлежащего третьим лицам или родственникам осужденного, речи не шло, и это прямо запрещалось советским уголовным законом [3. С. 77]. Следовательно, вопрос о том какие положения являются более репрессивными, остается открытым. Вместе с тем является очевидным факт политической мотивированности конфискации имущества лиц, совершивших преступления против безопасности государства, именно сейчас.

Согласно утверждению М.М. Бабаева и Ю.Е. Пудовочкина, распространенное суждение о том, что уголовное наказание предупреждает преступления и исправляет преступников, едва ли может считаться строго доказанной теоремой, однако данное суждение должно быть отнесено к разряду уголовно-политических фикций, которые выполняют важнейшую функцию содержательного наполнения уголовной политики, оправдывая факт конструирования и применения уголовных наказаний [4].

И действительно, если рассуждать с позиции превентивного характера защиты национальной безопасности, то можно согласиться с мнением сторонников уголовной политики сильного государства о том, что таковая не должна быть излишне либеральной, при этом независимое государство должно руководствоваться собственным видением адекватного ответа на криминальные вызовы, решительно противодействуя преступности [5, 6]. При этом решительное противодействие преступности, выражающееся не только в расширении сферы криминализации общественно опасных деяний, но и изменении приоритетов уголовно-правовой охраны в пользу текущих политических проблем, не должно занижать значимость иных общественных отношений, формируя избирательный подход к их охране.

В рассматриваемом аспекте конфискации имущества лиц, совершивших преступления против безопасности Российской Федерации, является категоричным актом демонстрации негативного отношения государственной власти к субъекту преступления и желанию максимально усилить его ответственность⁵. Однако насколько обосновано такое сиюминутное стремление показать политическую волю и какие в связи с этим могут быть последствия для доктрины права и правовой системы в целом – остается догадываться.

Вместе с тем, возвращаясь к анализу Федерального закона в части конфискации имущества за публичное распространение заведомо ложной информации о российских вооруженных силах (ст. 207.3 УК РФ) и публичные призывы, направленные против безопасности государства (ст. 280.4 УК РФ), а также финансирование деяний против государственной безопасности (более 30 статей УК РФ), стоит отметить, что авторами закона предполагается, что изыматься будут только имущество и активы, которые использовались при совершении преступления, т.е. не любые деньги и имуще-

ство, а лишь то, что нажито преступным путем, используется в качестве орудия преступления, направляется в качестве финансирования преступной деятельности.

В этой связи, если авторами закона преследовалась политическая цель наказания артистов и общественных деятелей, покинувших Российскую Федерацию, у которых при этом остается собственность и доходы от профессиональной деятельности на территории страны, то такая цель труднодостижима. Поскольку институт конфискации имущества предполагает не формальное (бездоказательное) вынесение решения о конфискации любого имущества, на которое укажет орган предварительного расследования или прокурор, а только того, которое фактически использовалось виновным лицом при совершении преступления. Если же речь идет о финансировании деятельности, направленной против безопасности государства, то в рамках уголовного судопроизводства должно быть доказано участие определенного имущества в таком финансировании, к чему также не может быть применен формальный подход. Иначе в последующем такой же формальный подход может применяться, например, и к субъектам коррупционных преступлений, что недопустимо. Доказанность участия какого-либо имущества в ходе совершения преступления должна быть бесспорной. Обесценивание института конфискации в угоду политическим мотивам непозволительно, несмотря на все справедливые аспекты таких мотивов.

Возвращение в уголовное законодательство Российской Федерации института конфискации имущества как дополнительной меры наказания, а также расширение случаев применения конфискации, предусмотрено ныне действующим законом, выступало средством восстановления социальной справедливости и предупреждения преступлений (существенным сдерживающим фактором). Однако в настоящее время возможности применения такой специальной конфискации весьма ограничены, так как речь идет в основном лишь об имуществе, полученном осужденным в результате совершения преступления, о доходах, полученных от этого имущества, а также об орудиях и иных средствах совершения преступления, принадлежащих обвиняемому. Причем уголовно-правовое изъятие имущества, полученного в результате совершения преступления, ограничено разнородными составами преступлений.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что число лиц, осужденных судами Российской Федерации с 2007 по 2022 г. по всем составам УК РФ к которым применялась конфискации имущества на основании ст. 104.1 УК РФ, ежегодно увеличивается. И если в 2007 г. такая мера применена всего 39 раз, то в 2022 г. уже – 4 195⁶.

С момента возвращения в уголовное законодательство института конфискации имущества как дополнительной меры наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений (перечисленных в соответствующих нормах) в ст. 104.1 УК РФ законодателем вносились изменения более 20 раз, каждое из которых расширяло перечень преступлений, орудий и средств их совершения.

И вот на сегодняшний день принят еще один закон, при этом также стоит отметить и скорость его принятия (три недели с момента внесения проекта в Государственную Думу Российской Федерации).

Расширение предмета регулирования уголовного законодательства налицо. В этой связи не совсем понятно, почему ранее внесенный в Государственную Думу Российской Федерации законопроект, предусматривавший распространение существующих правил конфискации на все составы преступлений Особенной части УК РФ, был отклонен, если законодатель так или иначе постоянно расширяет указанный перечень⁷.

Как отмечается в юридической литературе, конфискация имущества содержит в себе значительный, а иногда и преимущественный элемент кары, она обретает и качество инструмента государственной политики, который способен продемонстрировать всю силу власти в тех или иных отношениях [7. С. 170].

Несмотря на множественные исследования института конфискации, от сторонников полного ее запрета до введения в уголовный закон самостоятельного раздела, посвященного конфискации имущества, можно констатировать общий положительный эффект от наличия данного нормативного положения в законе, в частности, применительно к коррупционным преступлениям. Однако, как мы уже отметили выше, к вопросам конфискации имущества в рамках уголовного судопроизводства должен быть не политический, а тщательный правовой и процессуальный подход, исключающий субъективную составляющую. Представляется, что политически мотивированное применение института конфискации может выразиться в принудительном безвозмездном изъятии имущества, которое было нажито лицом до совершения преступления. При этом мы, безусловно, поддерживаем усиление уголовной ответственности за деяния, посягающие на безопасность государства, вместе с тем не можем согласиться с выводами о том, что конфискацию имущества необходимо вводить в целях противодействия преступлениям против Вооруженных Сил Российской Федерации.

Бесспорна высокая общественная опасность таких деяний, так же очевидна и общественная опасность лиц, их совершающих. Вместе с тем дополнительные негативные последствия, если мы говорим об изъятии не столько средств и орудий преступления, а именно имущества (собственности) и иных активов осужденного, то в данном случае представляется не совсем справедливым ставить на один уровень экономические (коррупционные) преступления или преступления, например, совершенные в составе преступного сообщества, как более общественно опасные и преступления, связанные с «фейками об армии», несмотря на их антигосударственную направленность.

Кроме того, стоит также отметить, что деньги, ценности и иное имущество могут быть конфискованы только в случае доказанности их получения в результате совершения преступлений. В этой связи, например, если речь идет о криптовалюте, которая была приобретена лицом на законных основаниях, в отсутствие правового регулирования в Российской Федерации и

ее анонимности будет сложно доказать источник ее происхождения [8, 9]. Это повлечет конфискацию всей криптовалюты, имеющейся у виновного лица, что было бы необоснованным, несмотря на отрицательное отношение к деянию, совершенному виновным лицом, поэтому подход законодателя к наказанию и иным мерам уголовно-правового характера, на наш взгляд, должен быть более справедливым.

Конфискация имущества, согласно закону, будет применена только если удастся доказать, что распространение фейков об армии и другие перечисленные правонарушения совершались из корыстных побуждений или по найму, а также по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти. В этой связи полагаем, что указанные изменения в части конфискации имущества необходимо доработать. Да и в целом отсутствие судебной практики по делам указанной категории, представляется, будет препятствовать полноценному применению механизма конфискации имущества, поскольку состав таких преступлений образует распространение информации, соответственно, изыматься должны будут в первую очередь орудия преступления, установить которые весьма проблематично, а для изъятия недвижимости, земельных участков и автомобилей необходимы более веские основания, и такими основаниями не может являться сама информация, которую государство сочтет дискредитирующей и опасной. Кроме того, неурегулированным в правовом контексте остается вопрос о том, какую информацию считать «фейком», а какую нет, следовательно, исключить возможные злоупотребления на сегодняшний день также невозможно.

С учетом того, что конфискация имущества, предусмотренная ст. 104.1 УК РФ, возможна только с вынесением обвинительного приговора суда, стоит отметить, что за последнее время увеличилось количество таких по новой категории дел (за фейки), вынесенных в отсутствие подсудимого, т.е. заочно. Указанная тенденция также не может быть воспринята положительно, поскольку существует теперь уже правовое обоснование расширения института конфискации без выяснения позиции обвиняемого. И даже если в последующем заочный приговор будет отменен по жалобе осужденного, имущество, конфискованное по приговору суда, может быть обращено в доход государства безвозвратно, т.е. в указанной части приговор будет исполнен.

Если идти по пути модернизации уголовной ответственности за посягательства на государственную безопасность и на национальные интересы страны сразу с установления дополнительных санкций, а не с формулирования понятий и границ противоправного поведения, то законодатель может попасть в ситуацию, когда часть из этих санкций перейдет в разряд «мертвых норм». Не уверены, что именно такая цель преследовалась при принятии указанных изменений уголовного закона, однако шансы на это велики.

По мнению А.В. Курсаева, «мертвые нормы» в законе также не лишние, поскольку они обеспечивают общепредупредительное воздействие и регламентируют необходимость наличия известного всем запрета,

по которому будет осуществляться преследование преступников [10], однако если идти по пути свехкриминализации уголовного закона и наполнения его содержания по принципу «чем сложнее общественные отношения – тем больше уровень правовой регламентации», это приведет к утрате системности и качества уголовного закона.

Также стоит отметить, что основополагающие тезисы уголовного закона, в том числе и о конфискации имущества, должны в первую очередь соответствовать общепризнанным принципам и нормам международного права. В частности, раз уж Российская Федерация не прекратила действие Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 г.⁸, то такие законодательные и иные необходимые меры должны обеспечивать

эффективные средства правовой защиты в целях сохранения прав осужденных.

В этой связи полагаем, что нормы о конфискации имущества, вводимые новым Федеральным законом за совершение антигосударственных преступлений, а также за «фейки об армии», являются преждевременными и несоразмерными накопленному правовому опыту.

Научно необоснованные законодательные конструкции без основательного (теоретического) исследования проблем их возникновения и реализации не позволяют им в полной мере пройти общепринятый цикл криминализации, заменяя общественные отношения, подлежащие реальной охране, на текущую политическую повестку, таким образом нивелируя установленный порядок работы с законодательным материалом.

Примечания

¹ Федеральный закон от 14.02.2024 № 11-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402140012?index=2>

² Госдума приняла закон о конфискации имущества по делам о фейках об армии. URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/01/2024/65ba17319a794708b78c1a13?from=copy>

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 07.03.2017 № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера».

⁴ Составлен список звезд, у которых могут забрать имущество за фейки о ВС РФ. URL: <https://news.ru/show-business/sostavlen-spisok-zvezd-u-kotoryh-mogut-zabrat-imushchestvo-za-fejki-o-vs-rf/>

⁵ «Закон о негодях»: что и у кого могут конфисковать по новым правилам. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6480296>

⁶ Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003–2007 и 2008–2022 годы. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074>

⁷ Законопроект № 396097-7 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части совершенствования института конфискации имущества (по вопросу применения конфискации имущества в качестве дополнительного вида наказания). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/396097-7>

⁸ Ратифицирована Федеральным законом от 26.07.2017 № 183-ФЗ с заявлениями, вступила в силу для Российской Федерации 1 января 2018 г.

Список источников

1. Долгиев М.М., Долгиева М.М. Защита внутренней национальной безопасности уголовно-правовыми средствами // Государство и право. 2024. № 5.
2. Долгиева М.М., Долгиев М.М. Совершенствование уголовно-правовой охраны национальных интересов России // Законность. 2024. № 2.
3. Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 года с постатейно-систематизированными материалами / С.С. Аскарханов, Т.П. Зайцев, А.Н. Иодковский, В.В. Соколов, В.П. Усков. М.: Юридик. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. 553 с.
4. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Фикции в уголовной политике // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 72–87.
5. Клейменов И.М. Три модели национальной уголовной политики в условиях глобализации // Правоприменение. 2017. № 4. С. 129–139.
6. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Уголовная политика и уголовное право сильного государства // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 2. С. 131–144.
7. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. 579 с.
8. Долгиева М.М. Цифровой ущерб от преступления: практические вопросы // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 206–211. doi: 10.17223/15617793/487/23
9. Долгиева М.М. Криптопреступность в условиях специальной военной операции и западных санкций // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 8 (141). С. 144–149.
10. Курсаев А.В. Причины наличия «мертвых норм» в уголовном кодексе Российской Федерации // Право: история и современность. 2021. № 1 (14). С. 37–44.

References

1. Dolgiev, M.M. & Dolgieva, M.M. (2024) Zashchita vnutrenney natsional'noy bezopasnosti ugovolno-pravovymi sredstvami [Protection of internal national security by criminal legal means]. *Gosudarstvo i pravo*. 5.
2. Dolgieva, M.M. & Dolgiev, M.M. (2024) Sovershenstvovanie ugovolno-pravovoy okhrany natsional'nykh interesov Rossii [Improving the criminal legal protection of Russia's national interests]. *Zakonnost'*. 2.
3. Askarkhanov, S.S. et al. (1927) *Ugolovnyy kodeks RSFSR v redaktsii 1926 goda s postatelyno-sistematizirovannymi materialami* [The Criminal Code of the RSFSR as amended in 1926 with article-by-article systematized materials]. Moscow: Yuridich. izd-vo NKYu RSFSR.
4. Babaev, M.M. & Pudovochkin, Yu.E. (2023) Fiktsii v ugovolnoy politike [Fictions in criminal policy]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 2. pp. 72–87.
5. Kleymenov, I.M. (2017) Tri modeli natsional'noy ugovolnoy politiki v usloviyakh globalizatsii [Three Models of National Criminal Policy in the Context of Globalization]. *Pravoprimenenie*. 4. pp. 129–139.
6. Babaev, M.M. & Pudovochkin, Yu.E. (2023) Ugolovnaya politika i ugolovnoe pravo sil'nogo gosudarstva [Criminal Policy and Criminal Law of a Strong State]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 2. pp. 131–144.
7. Lopashenko, N.A. (2009) *Ugolovnaya politika* [Criminal Policy]. Moscow: Volters Kluver.

8. Dolgieva, M.M. (2023) Digital crime detriment: Practical issues. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 206–211. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/23
9. Dolgieva, M.M. (2022) Kriptoprestupnost' v usloviyakh spetsial'noy voennoy operatsii i zapadnykh sanktsiy [Cryptocrime in the Context of a Special Military Operation and Western Sanctions]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 17:8 (141). pp. 144–149.
10. Kurshev, A.V. (2021) Prichiny nalichiya "mertvykh norm" v ugodnom kodekse Rossiyskoy Federatsii [Reasons for the Presence of "Dead Norms" in the Criminal Code of the Russian Federation]. *Pravo: istoriya i sovremennost'*. 1 (14). pp. 37–44.

Информация об авторе:

Долгиев М.М. – канд. экон. наук, член Ассоциации юристов России (Москва, Россия); зам. председателя СПК «Долаковский» (Москва, Россия). E-mail: Magomedurist@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.M. Dolgiev, Cand. Sci. (Economics), member of the Association of Lawyers of Russia (Moscow, Russian Federation); deputy chairman, APC Dolakovsky (Moscow, Russian Federation). E-mail: Magomedurist@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2024;
одобрена после рецензирования 11.04.2024; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 15.02.2024;
approved after reviewing 11.04.2024; accepted for publication 30.04.2024.

Научная статья
УДК 347.9
doi: 10.17223/15617793/501/27

Роль судов в обеспечении единого правового пространства Российской Федерации

Александр Николаевич Ермаков¹, Лилия Геннадиевна Щербакова²

^{1,2} Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

² Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (ППА Минюста России),
Саратов, Россия

¹ aleks_law@mail.ru

² lilia2107@mail.ru

Аннотация. Исследуется влияние судов на правовое пространство Российской Федерации. Особое внимание уделено вопросам специализации судебной деятельности, иерархии органов судебной власти, упразднения Высшего Арбитражного Суда РФ и передачи его полномочий Верховному Суду РФ, составу актов толкования норм материального и процессуального права. Поднимается проблема правовой неопределенности в контексте принимаемых судебных актов и размытости источников толкования права.

Ключевые слова: судебная система РФ, Верховный Суд РФ, судопроизводство, единообразие судебной практики, единое правовое пространство

Для цитирования: Ермаков А.Н., Щербакова Л.Г. Роль судов в обеспечении единого правового пространства Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 232–238. doi: 10.17223/15617793/501/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/27

The role of the judiciary in ensuring the unified legal space of the Russian Federation

Aleksandr N. Ermakov¹, Liliya G. Scherbakova²

^{1,2} Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation

² Povolzhie Law Institute of the All-Russian State University of Justice, Saratov, Russian Federation

¹ aleks_law@mail.ru

² lilia2107@mail.ru

Abstract. The article examines the influence of courts on the legal space of the Russian Federation. The effectiveness of ensuring a unified legal space depends on the mechanism for its implementation, in which the judiciary plays an important role, both at the federal level and at the regional level. Based on the essence of the constitutional principle of the unity of the public authority system, we can also talk about the unity of the legal system of the Russian Federation, which is impossible without court acts. In this regard, it is relevant to determine the place of the judiciary and judicial practice in the mechanism for implementing a single legal space. The subject of the research is the norms of procedural legislation, judicial practice, and the views of scientists concerning the issues of the activities of courts in the implementation of the mechanism for ensuring a unified legal space. The laws of formal logic, the method of system analysis, the comparative legal method, and the historical and legal method were used as methods of scientific research. The novelty of the work lies in the fact that the authors (1) analyze the legal foundations of the organization and activities of the judiciary, procedural legislation, judicial practice, as well as the main directions of reform of the judicial system, and (2) highlight key aspects that play a role in ensuring a single space of legality and the rule of law and thereby prevent separatist tendencies of the federal structure, including through the formation by the courts of uniformity of judicial practice. The authors note that the judicial system, within its competence, ensures the unity of law enforcement practice and interpretation of the law, eliminates gaps in legislation and helps to ensure that the authorities of constituent entities and local governments do not go beyond their competence in rule-making. Particular attention is paid to the issues of specialization of judicial activities, the hierarchy of judicial authorities, the abolition of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation and the transfer of its powers to the Supreme Court of the Russian Federation, the composition of acts of interpretation of substantive and procedural law. The problem of legal uncertainty is raised in the context of adopted judicial acts and the vagueness of the sources of interpretation of the law. The authors conclude that the activities of the judiciary directly affect the provision of the legal space of the Russian Federation, and the effectiveness of judicial activities in matters of uniformity of practice largely ensures the stability and certainty of the legal system of the state.

Keywords: judicial system of the Russian Federation, Supreme Court of the Russian Federation, judicial proceedings, uniformity of judicial practice, unified legal space

For citation: Ermakov, A.N. & Scherbakova, L.G. (2024) The role of the judiciary in ensuring the unified legal space of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 232–238. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/27

Судебная власть в Российской Федерации как комплексное правовое образование, объединяющее три взаимосвязанных и взаимозависимых компонента: судостроительный, судопроизводственный и определяющий статус лиц, непосредственно являющихся носителями судебной власти – судей [1. С. 14], призвана обеспечивать законность и правопорядок на всей ее территории. При этом роль судов, к исключительным полномочиям которых отнесено осуществление правосудия, в современном отечественном праве не исчерпывается разрешением юридических конфликтов. Важное значение в сфере правоприменения имеет такой источник, как правовая позиция суда, под которой понимается «система наиболее значимых аргументов и положений, образуемых в результате толкования и разъяснения норм права, направленных на устранение правовой неопределенности и формирование единообразной практики применения норм права» [2. С. 8]. Правовые позиции высших судебных органов (Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ) позволяют обеспечить единство правоприменительной практики и в определенной степени формируют регулирующие нормы, которые воздействуют на всю систему правоприменения. Это объясняет влияние судов на такую категорию, как «правовое пространство».

Правовое пространство – относительно молодая научная категория. В парадигме советской юридической науки оно не анализировалось [3. С. 60]. Мы не обнаружим ее легального определения и в законе. Категория восходит в своем смысловом контексте к наследию социологии и политологии. Если игнорировать этот факт и воспринимать понятие «правовое пространство» как узкую смысловую категорию, можно соотнести ее отчасти с правовой системой. Пространство – это определенная территория, правовое пространство – нечто, относящееся к общеобязательным юридически определенным нормам общественного поведения. Если толковать термин лингвистически, то можно полностью отождествить его с наличием, действием и особенностями применения права на определенной территории. Под правовым пространством в научной литературе понимается «обусловленное Конституцией Российской Федерации состояние соотносимости, согласованности, соподчиненности правовых норм, исходя из их юридической силы и с учетом федеративной структуры российского государства, действующих в пределах его территории, обеспечивающих укрепление конституционной законности, суверенитет и целостность государства, верховенство прав и свобод человека и гражданина, упорядоченность и качество правового регулирования на различных уровнях» [4. С. 43]. В контексте Российской Федерации правовое пространство – это категория, позволяющая говорить о действии законов разного уровня на территории государства с федеративным устройством. При этом пространство в идеале должно являться единым.

В настоящее время можно говорить о том, что правовое пространство является сложным структурным явлением, в котором учтена специфика как федеративной структуры государства, так и иерархии нормативных правовых актов [5. С. 54]. Правовая система основывается на принципах непротиворечия нормативного регулирования органов местного самоуправления и органов субъектов Федерации федеральным законам. При этом указанные субъекты обладают нормотворческой автономией в рамках своей деятельности. Полагая, что можно говорить о таких категориях, как «правовое пространство отдельного субъекта Федерации» и «правовое пространство отдельного муниципального образования».

При таком подходе мы можем заметить, что суд является определенным гарантом единообразного правоприменения на территории России. Суды в рамках своей компетенции обеспечивают единство правоприменительной практики и толкования права, устраняют пробелы в законодательстве и способствуют тому, чтобы органы власти субъектов РФ и местного самоуправления не выходили за рамки своих компетенций в нормотворчестве.

В связи с этим особое значение приобретают отдельные правовые институты, обеспечивающие реализацию функций судебной власти. В качестве примера можно привести судебный порядок рассмотрения дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, урегулированный нормами гл. 21 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ), гл. 23 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ). Нормы законодательства об административном судопроизводстве и арбитражного процессуального законодательства закрепляют порядок реализации права на обращение в суд, требования, предъявляемые к процессуальному обращению, процессуальные особенности возбуждения производства по делу, его подготовки, рассмотрения по существу, порядок принятия решения, его опубликования и обжалования. Процессуальная форма рассмотрения указанной категории дел подчиняется общим принципам судебного процесса, но вместе с тем имеет специфику, predeterminedную характером заявленного требования, субъектным составом спорного правоотношения и осуществлением судебного контроля как одной из функций судебной власти. Так, согласно ст. 213 КАС РФ одним из фактов, образующих предмет доказывания по указанной категории дел, является соответствие оспариваемого нормативного правового акта или его части нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу; при этом бремя доказывания такого соответствия лежит не на заявителе, а на властном субъекте, принявшем оспариваемый акт. Эти специальные нормы процессуального законодательства

можно рассматривать в качестве важных гарантий защиты прав и законных интересов граждан и организаций.

Судебная власть представляет собой самостоятельную ветвь государственной власти, особую форму деятельности государства, осуществляющую свои властные полномочия специально созданными государственными органами – судами. При этом суд, как известно, не реализует функции органа законодательной власти. Суд не может отменить или изменить правовой акт, но вправе признать отсутствие у него юридической силы. Последствием признания судом нормативного правового акта, а также акта, обладающего нормативными свойствами, недействующим, как подчеркивает Пленум Верховного Суда РФ, является его исключение из системы правового регулирования полностью или в части [6].

В этом контексте, как представляется, следует говорить о буквальном понимании деятельности органов судебной власти как средства обеспечения единого правового пространства – посредством указания, что оспариваемый акт противоречит другому правовому акту, имеющему большую юридическую силу, а потому не подлежит применению.

Единство правового пространства обеспечивается судами за счет формирования единообразия в толковании и применении норм права. Единство судебной практики возводится в ранг принципа и раскрывается в научной литературе как основополагающее начало, идея, обеспечивающая судам в судопроизводстве единообразное применение нормативных правовых актов и их толкование, выработанное высшими судебными органами, при разрешении юридических дел [7. С. 88]. Единообразие судебной практики не упоминается в Конституции РФ и нормативно-правовых актах международно-правового характера. Однако содержательно указанный принцип и деятельность суда по единообразному применению действующего права достаточно тесно соотносится с принципом законности и способствует отправлению правосудия в соответствии с духом и буквой закона [8. С. 161]. Это позволяет проследить определенное влияние принципа единообразия на формирование и развитие правового пространства России как базовой идеи.

Единообразное толкование и правоприменение позволяют сделать судебный процесс предсказуемым для сторон, уменьшить неопределенность в процессе разрешения юридических конфликтов и гарантировать права субъектов правоотношений. Правоприменительная деятельность протекает по идентичным, установленным законом механизмам, которые применяются одинаково на всей территории Российской Федерации.

Ключевые, наиболее важные положения, регламентирующие организацию и осуществление судебной власти, закреплены в Конституции РФ. Это, к примеру, самостоятельность судебной власти (ст. 10), гарантии судебной защиты (ст. 46), гарантии права на рассмотрение дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (ст. 47), и др. Судостроительство, равно как и процессуальное законодательство, согласно ст. 71, отнесено к исключительному ведению Российской Федерации.

Организационные основы судебной власти, помимо Основного закона, регулируются преимущественно федеральными конституционными законами – нормативными правовыми актами, в иерархии стоящими выше федеральных законов. Указанные обстоятельства подчеркивают высокую социально-правовую значимость объекта правового регулирования, играющего важную роль в обеспечении жизнедеятельности общества и государства.

Важную роль в обеспечении единства судебной практики играет принцип (правило) инстанционности (раскрываемый в нормах гл. 3 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», а также в нормах ряда других федеральных конституционных законов, регулирующих организационные основы судебной системы), характеризующий место суда в судебном процессе. Суть принципа инстанционности заключается в том, что каждая судебная инстанция реализует одну из двух функций судопроизводства: рассматривает и разрешает дела по существу или же осуществляет пересмотр судебных актов (постановлений). При этом суд одной инстанции не наделен полномочиями пересматривать собственные судебные акты (постановления). Отменить, изменить или оставить в силе решение (определение и т.п.) конкретного суда вправе только суд вышестоящей инстанции. Подчеркнем, что по всей территории, в различных субъектах Российской Федерации и компетенция судов, и осуществляемые функции едины по отношению к правовому пространству.

Важно отметить, что и структура судебных инстанций, и их полномочия строятся в целом на единых правовых основах, выработанных на протяжении длительного периода становления и развития российского законодательства и отражающих содержание ключевых гарантий судебной защиты, содержащихся в Конституции РФ и международных правовых актах. Представляется, что инстанционность судебной системы не является застывшей правовой конструкцией, она динамична и во многом предопределена изменениями организационных основ судебной власти, целевыми установками ее деятельности, курсом на повышение эффективности реализации принципов судебной защиты. К примеру, система судов общей юрисдикции в 2019 г. претерпела существенные изменения за счет создания двух новых судебных инстанций: апелляционной (апелляционные суды общей юрисдикции) и кассационной (кассационные суды общей юрисдикции). Одной из целей такой реформы называлось повышение гарантий независимости судебной власти.

В настоящее время судебная иерархия представляет собой объединение всех судов общей юрисдикции, арбитражных судов на пяти уровнях. Это суды первой инстанции, апелляционной инстанции, системной кассационной инстанции, внесистемной кассационной инстанции и надзорной инстанции.

Так, в нормах ст. 270 АПК РФ, ст. 330 ГПК РФ, ст. 310 КАС РФ закреплены полномочия суда апелляционной инстанции по проверке законности и обоснованности судебных актов (постановлений) судов первой инстанции и их отмене или изменению как в случае ошибки в части фактической стороны дела, так и в

случае нарушения или неправильного применения норм права.

При этом полномочия суда апелляционной инстанции в рамках различных судопроизводств неидентичны, имеющиеся различия предопределены спецификой дела, являющегося предметом судебного рассмотрения, а также традициями правового регулирования.

Вместе с тем апелляционное производство следует рассматривать в контексте важной нормативной линии обеспечения единства правового пространства, в котором одинаково распределяются суть, дух и буква закона. Приведенные выше нормы достаточно гибкие и не привязываются жестко к лингвистическому толкованию закона. Если суд нижестоящей инстанции, по сути, применяет право правильно, но при этом допускает, например, терминологические неточности, то решение при сохранении таких его качеств, как законность и обоснованность, отмене не подлежит.

Полномочия суда системной кассационной инстанции по контролю за деятельностью нижестоящих судов имеют более узкий характер. Институт кассационного производства (гл. 35 АПК РФ, гл. 41 ГПК РФ, гл. 35 КАС РФ) ориентирован преимущественно на необходимость проверки законности судебных актов и указывает на возможность их отмены в случаях, когда допущенное нарушение нижестоящего суда привело или могло привести к принятию неправильного решения, постановления.

Кассационное производство в судебных коллегиях Верховного Суда РФ связано главным образом с необходимостью устранения существенных нарушений норм материального права или норм процессуального права, которые повлияли или могли повлиять на исход дела.

Надзорное производство существенно отличается от других видов пересмотра судебных актов за счет исчерпывающего перечня оснований допущенных нарушений, которые, и это следует подчеркнуть, не обязательно должны носить существенный характер. Одним из таких оснований является нарушение единообразия в применении и (или) толковании судами норм права.

Судебная иерархия представляет собой не просто механическое объединение инстанций, а упорядоченное и системное образование, одной из сущностных характеристик которого выступает необходимость последовательного прохождения дела через судебные проверочные инстанции. К примеру, согласно ст. 273 АПК РФ обращение в суд кассационной инстанции возможно только при условии, если заявитель ранее обращался в суд апелляционной инстанции (независимо от результатов рассмотрения такого обращения). Схожие по содержанию нормы (закрепляющие правило об исчерпании иных способов обжалования судебного акта до дня вступления его в законную силу) закреплены в ст. 376 ГПК РФ, ст. 318 КАС РФ.

Указанное правило теперь характерно и для уголовного судопроизводства. Новая редакция ст. 401.3 УПК РФ предусматривает, что в порядке сплошной кассации могут быть обжалованы только такие итоговые судебные решения, которые являлись предметом рассмотрения суда апелляционной инстанции. Такая законодательная новация объясняется необходимостью

рассмотрения дела в апелляционной инстанции, представляющей собой наиболее эффективную форму устранения судебных ошибок, допущенных при рассмотрении дела в суде первой инстанции, а также потребностью в унификации процессуального законодательства в целом.

Единообразие правоприменения в России, как справедливо указывает И.В. Решетникова, обеспечивается повторяющейся практикой применения правовых норм на основе опыта не только судов права (надзорная и кассационная инстанции), но и судов факта (суды первой и апелляционной инстанций), а особенностью прецедентной практики судов факта является то, что судебные акты этих судов не призваны формировать судебный прецедент [9. С. 186].

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что значительное количество судебных актов заинтересованными лицами не обжалуется. Не все дела в силу тех или иных причин становятся предметом рассмотрения в судах вышестоящих проверочных инстанций. Это означает, что по отдельным правовым казусам толкование формируется исключительно на уровне того звена судебной системы, в производстве которого был вынесен последний судебный акт по делу. Таким образом, в качестве судебных актов, способствующих формированию единообразной практики в правовом пространстве Российской Федерации, можно рассматривать судебные акты любых судебных инстанций.

В этом аспекте важно указать на специализацию судов и судебной деятельности как фактор, позитивным образом влияющий на формирование единообразного правоприменения. Качество судебной деятельности по рассмотрению и разрешению отдельных категорий дел во многом определяется компетентностью, профессионализмом судьи, и, чем меньшее количество категорий дел рассматривает судья, тем, думается, меньшее количество ошибок может быть им допущено. При этом дальнейшее развитие судебной специализации видится на двух уровнях: институциональном, предусматривающем образование судебных органов со специальной компетенцией, и функциональном, означающем формирование специальных судебных составов или же только деятельность отдельных судей применительно к конкретным категориям дел. М.И. Клеандров, образно и вместе с тем точно и емко рассуждая о децентрализации механизма судебной власти, сформулировал лозунг «больше судов, хороших и разных» [10. С. 19].

В контексте обеспечения единства правового пространства особое значение имеет наличие единого высшего судебного органа – Верховного Суда РФ. Именно на него возложена основная роль по обеспечению единообразного правоприменения ветвями судебной системы. Согласно ст. 126 Конституции РФ Верховный Суд РФ уполномочен давать разъяснения в процессе правоприменения и судебной надзорной деятельности. Пункт 1 ч. 7 ст. 2 ФКЗ от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» наделяет Верховный Суд РФ полномочием по даче специализированных разъяснений, которые обеспечивают единообразие судебной практики на всей территории России.

До августа 2014 г. указанное полномочие – обеспечение единообразия судебной практики – реализовывали две высших судебных инстанции: Верховный Суд РФ (в рамках практики судов общей юрисдикции) и Высший Арбитражный Суд РФ (в рамках практики арбитражных судов). При этом по некоторым аспектам правоприменения указанные органы судебной власти занимали неидентичную, а иногда и прямо противоположную позицию. Так, в рамках дел по кредитным спорам Пленум Верховного Суда РФ сформулировал правило, согласно которому уступить право требования по кредитному договору с физическим лицом банк вправе, только если такое правомочие специально предусмотрено в самом договоре или установлено законом [11]. Однако несколькими годами ранее Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ указал, что действующее законодательство не содержит норм, запрещающих банку уступить права по кредиту организации, не являющейся кредитной и не имеющей лицензии на занятие банковской деятельностью, мотивировав этот тем, что для последующего исполнения кредитного договора личность кредитора безразлична [12]. Иными словами, указанные судебные инстанции заняли противоположные правовые позиции относительно того, следует ли рассматривать отсутствие специальной нормы в федеральном законе в контексте императивного (запретительного) или диспозитивного (разрешительного) правового регулирования. Думается, что различия в подходах на тот момент были обусловлены спецификой задач, которые стояли перед различными судебными системами. Высший Арбитражный Суд РФ следовал либеральному подходу, базирующемуся на равенстве участников гражданского оборота, необходимости развития сферы кредитования, в то время как Верховный Суд РФ стоял на позициях защиты слабой стороны в гражданских правоотношениях, в чем, очевидно, усматривается ярко выраженная социальная направленность правосудия судами общей юрисдикции. Именно необходимость устранения причин, затрудняющих формирование единообразия судебной практики, и послужила катализатором судебной реформы, существенным образом изменившей организационные основы осуществления правосудия.

Таким образом, деятельность Верховного Суда РФ как высшего судебного органа по гражданским делам, делам по разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей и арбитражной юрисдикции, позволяет формировать единое правовое пространство, сохраняя все преимущества и особенности федеративного устройства на территории страны.

Применительно к обеспечению единого правового пространства России существует такая проблема, как правовая неопределенность в контексте принимаемых судебных актов. Под ней можно понимать размытость источников толкования права, проблему применимости такого толкования в качестве источников права или регулятивных положений, имеющих общеобязательный характер, а также организационно-структурную проблематику в процессе применения судебного

толкования. Размытость источников толкования означает, что какие-то формально-определенные критерии обязательности, которые должны соблюдаться в актах толкования права в любом случае, закон не устанавливает. Юридическим актом толкования права в Российской Федерации являются только постановления Пленума Верховного Суда РФ. Однако охватить весь круг вопросов, которые рассматриваются в актах толкования, только постановлениями Пленума Верховного Суда РФ не представляется возможным.

По этой причине интерпретация норм права получает свое закрепление в иных видах судебных актов различных звеньев судебной системы. Таким образом, формирование единообразного применения норм права, помимо постановлений Пленума Верховного Суда РФ, обеспечивается с помощью иных правовых инструментов.

Во-первых, это судебные акты (как правило, итоговые) по конкретным делам.

Во-вторых, это различные формы систематизации ключевых выводов судебной практики (обзоры, обобщения и т.п.).

В частности, широкий круг вопросов рассматривается в итоговых актах суда надзорной инстанции (постановлениях Президиума Верховного Суда РФ).

Кроме того, акты судов кассационной инстанции и обзоры судебной практики по определенным категориям дел также способствуют формированию единообразной практики, однако актами толкования не являются. В контексте роли суда в правовом пространстве указанные акты играют важную роль и не могут игнорироваться.

Роль актов толкования права в современной правовой системе России остается двоякой. Организационно суды Российской Федерации представляют собой отдельную и единую ветвь власти, функционально – инструмент применения закона на практике. С.С. Алексеев акцентировал внимание на правовосполнительной функции суда [13. С. 117]. Если для стран системы общего права характерно принятие и установление указанных актов в качестве общеобязательных источников права, то в нашей стране право не является прецедентным официально, что в некоторой степени дезориентирует участников процесса и не позволяет им однозначно сформировать свое мнение по поводу указанных актов. Формально акты толкования права не являются источниками права. Однако фактически суды ссылаются на них в своих решениях и принимают вектор, который ими установлен, в качестве основного вектора движения дела.

Правовые позиции судов влияют на правовое пространство не так, как обычные юридические нормы. В структуре правовых позиций выделяется определенная иерархия. Так, Верховный Суд РФ в своих актах и правовых позициях ссылается на акты и правовые позиции Конституционного Суда РФ, а также на постановления Президиума ВС РФ и акты Высшего Арбитражного Суда РФ, которые в настоящее время не отменены и не противоречат системе действующего права. Ссылки на акты Верховного Суда РФ, сохранившие

силу акты Высшего Арбитражного Суда РФ (постановления Пленума, постановления Президиума), обзоры судебной практики, утвержденные Президиумом Верховного Суда РФ, согласно ст. 198 ГПК РФ, ст. 170 АПК РФ, ст. 180 КАС РФ, могут содержаться в решениях судов различных звеньев. Акты судов кассационной инстанции (как арбитражных судов, так и судов общей юрисдикции) имеют значение не для всей судебной вертикали, а исключительно для нижестоящих судов соответствующего судебного округа. И так далее. С одной стороны, это может способствовать формированию единообразного правового пространства на территории различных субъектов Российской Федерации, а с другой – обладает в значительной степени усеченным правовым потенциалом и двояким юридическим статусом. При этом сам термин «правовая позиция» был впервые легально применен в отношении Конституционного Суда РФ и распространен на акты Верховного Суда РФ и нижестоящих судов судебной системы исключительно доктринально, т.е. используется по отношению к ним только в научных текстах.

Следует заметить, что правовые позиции по своей сути способны влиять на правовое пространство России по нескольким направлениям. Правовые позиции Конституционного Суда РФ относительно толкования Основного Закона и определения соответствия иных законов Конституции РФ играют важную роль в правовом пространстве: в них разрешаются спорные вопросы о понимании сути федерального законодательства и норм о толковании права, они обеспечивают единство федерального законодательства и соответствие его Конституции РФ, а потому должны применяться на всей территории России. Акты Конституционного Суда РФ, содержащие правовые позиции, во многом определяют практику правоприменения, и их значение в определенной степени является сдерживающим против такого явления, как законотворческий сепаратизм субъектов Российской Федерации. Такие акты обеспечивают не только единство правового пространства, но и единообразное толкование права, обеспечение его верховенства на всей территории России.

Изменение правовых позиций Конституционного Суда РФ формирует предпосылки для иного толкования правовой нормы и позволяет говорить о таком явлении, как создание гибкой и соответствующей изменениям правоотношений юридической системы, направленной на единообразное правоприменение.

Какие проблемы возникают на практике при имплементации единообразного толкования права? Для

начала, внутри самой судебной системы существует проблема доведения актов толкования до всех участников процесса и самих нижестоящих судов. Отметим, что в конкретно взятом судебном процессе обязанность отслеживать движение дела и применять правовые средства для презентации своей правовой позиции лежит целиком и полностью на лицах, участвующих в деле (чаще всего на сторонах). Это отражается на формировании единого правового пространства в том контексте, что ставит процесс актуального правоприменения в зависимость от деятельности сторон и их понимания действующего права. Правовые позиции судов имеют обратную силу, однако применимость их в конкретных правоотношениях зависит от диспозитивной активности сторон. Нижестоящий суд не вправе, даже отследив соответствующий акт толкования, самостоятельно отменить или изменить правосудное на момент принятия решения. К тому же ни закон, ни сами акты толкования судов не предусматривают и, пожалуй, не способны предусмотреть все многообразие ситуаций, в которых определенное право применяется. Иначе говоря, фактор применимости определенного акта толкования к конкретному делу полностью зависит от судьейского усмотрения. Механика применения обычно такая: сторона инициирует применение определенного акта, ссылаясь на него, а суд принимает или не принимает соответствие данного акта ситуации, в которой рассматривается дело. Таким образом создается достаточно широкое поле как для усмотрения, так и для толкования.

Результативный характер деятельности судов по применению и толкованию права, влиянию на правовое пространство и формированию его единства зависит в значительной степени от четкости, ясности и однозначности самих актов судов. Таким образом, можно считать, что роль суда в правовом пространстве не только не исчерпывается ролью правоприменителя и толкователя права, но и характеризуется значительным объемом функций, связанных с самоконтролем суда и применением им собственного усмотрения в рамках закона для принятия единообразных, однозначных по форме и содержанию актов.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что, деятельность органов судебной власти непосредственным образом влияет на обеспечение правового пространства Российской Федерации. Эффективность судебной деятельности в вопросах единообразия практики во многом обеспечивает стабильность и определенность правовой системы государства.

Список источников

1. Судебная власть и правосудие в Российской Федерации : курс лекций / под ред. В.В. Ершова. М., 2011.
2. Малько А.В., Купцова С.Ф. Правовые позиции суда: понятие и признаки // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 1 (16).
3. Сальников Е.В. Советская правовая наука: парадигмальный анализ // Философия права. 2020. № 1.
4. Верещак С.Б., Абрамова Л.А. Понятие, признаки и структура правового пространства // Oeconomia et Jus. 2022. № 3.
5. Барциц И.Н. Правовое пространство России: понятие, ресурсы, признаки // Политическая наука: институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва). 2003. № 3.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/27541/?ysclid=lrhvgz9oho9004572> (дата обращения: 15.01.2024).
7. Гук П.А., Гук Е.П. Принцип единства судебной практики в российском судопроизводстве // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 3 (39).

8. Князькин С.В. Единство судебной практики и средства его обеспечения // Журнал российского права. 2015. № 11.
9. Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. М. : Статут, 2019.
10. Клеандров М.И. Об основах механизма судебной власти в новой Конституции Российской Федерации // Журнал Конституционного правосудия. 2022. № 2.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131885/?ysclid=lrhw1oc3h463356696 (дата обращения: 15.01.2024).
12. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.10.2007 № 120 «Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_74034/?ysclid=lrhw3ufssl270395246 (дата обращения: 15.01.2024).
13. Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития надежда и драма современной эпохи. М. : Статут, 2000.

References

1. Ershov, V.V. (ed.) (2011) *Sudebnaya vlast' i pravosudie v Rossiyskoy Federatsii* [Judicial Power and Justice in the Russian Federation]. Moscow: Russian State University of Justice.
2. Mal'ko, A.V. & Kuptsova, S.F. (2014) Pravovye pozitsii suda: ponyatie i priznaki [Legal positions of the court: concept and features]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. 1 (16). pp. 6–9.
3. Sal'nikov, E.V. (2020) Sovetskaya pravovaya nauka: paradigmaly'nyy analiz [Soviet legal science: paradigmatic analysis]. *Filosofiya prava*. 1. pp. 59–66.
4. Vereshchak, S.B. & Abramova, L.A. (2022) Ponyatie, priznaki i struktura pravovogo prostranstva [Concept, features and structure of the legal space]. *Oeconomia et Jus*. 3. pp. 40–46.
5. Bartsits, I.N. (2003) Pravovoe prostranstvo Rossii: ponyatie, resursy, priznaki [Legal space of Russia: concept, resources, features]. *Politicheskaya nauka*. 3. pp. 46–62.
6. Verkhovnyy Sud Rossiyskoy Federatsii [Supreme Court of the Russian Federation]. (2018) *On the practice of considering cases by courts on challenging regulatory legal acts and acts containing clarifications of legislation and possessing normative properties. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 50 of December 25, 2018*. [Online] Available from: <https://vsrf.ru/documents/own/27541/?ysclid=lrhvgz9oho9004572> (Accessed: 15.01.2024). (In Russian).
7. Guk, P.A. & Guk, E.P. (2016) Printsip edinstva sudebnoy praktiki v rossiyskom sudoproizvodstve [The principle of unity of judicial practice in Russian legal proceedings]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki*. 3 (39). pp. 83–90.
8. Knyaz'kin, S.V. (2015) Edinstvo sudebnoy praktiki i sredstva ego obespecheniya [Unity of judicial practice and means of ensuring it]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 11. pp. 160–168.
9. Reshetnikova, I.V. (2019) *Razmyshlyaya o sudoproizvodstve: Izbrannoe* [Reflecting on Legal Proceedings: Selected]. Moscow: Statut.
10. Kleandrov, M.I. (2022) Ob osnovakh mekhanizma sudebnoy vlasti v novoy Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii [On the Basics of the Mechanism of Judicial Authority in the New Constitution of the Russian Federation]. *Zhurnal Konstitutsionnogo pravosudiya*. 2. pp. 18–23.
11. Consultant Plus. (2012) *On the Consideration by Courts of Civil Cases on Disputes over the Protection of Consumer Rights. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 17 of June 28, 2012*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131885/?ysclid=lrhw1oc3h463356696 (Accessed: 15.01.2024). (In Russian).
12. Consultant Plus. (2007) *Review of the practice of applying the provisions of Chapter 24 of the Civil Code of the Russian Federation by arbitration courts. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 120 of October 30, 2007*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_74034/?ysclid=lrhw3ufssl270395246 (Accessed: 15.01.2024). (In Russian).
13. Alekseev, S.S. (2000) *Pravo na poroge novogo tysyacheletiya: Nekotorye tendentsii mirovogo pravovogo razvitiya nadezhda i drama sovremennoy epokhi* [Law on the Threshold of a New Millennium: Some trends in global legal development, hope and drama of the modern era]. Moscow: Statut.

Информация об авторах:

Ермаков А.Н. — канд. юрид. наук, доцент кафедры арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия). E-mail: aleks_law@mail.ru

Щербакова Л.Г. — канд. юрид. наук, доцент кафедры арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия); доцент кафедры гражданского права и процесса Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Саратов, Россия). E-mail: lilia2107@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.N. Ermakov, Cand. Sci. (Law), associate professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: aleks_law@mail.ru

L.G. Scherbakova, Cand. Sci. (Law), associate professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation); associate professor, Povolzhie Law Institute of the All-Russian State University of Justice, Saratov, Russian Federation (Saratov, Russian Federation). E-mail: lilia2107@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.01.2024;
одобрена после рецензирования 18.04.2024; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 22.01.2024;
approved after reviewing 18.04.2024; accepted for publication 30.04.2024.

Научная статья
УДК 340.5
doi: 10.17223/15617793/501/28

Являются ли нулевая ставка НДС для экспорта и налоговые вычеты налоговыми льготами?

Юлия Николаевна Швед^{1, 2}

¹ Международная юридическая компания «Лексефискал», Минск, Республика Беларусь

² Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь
^{1, 2} ynshved@gmail.com

Аннотация. Представлен анализ содержательного наполнения элементов механизма исчисления НДС, а именно нулевой ставки и вычетов, обеспечивающих нейтральность налогообложения экспортной деятельности, что позволит установить характер их применения налогоплательщиками – добровольный (правомочие) или императивный (обязанность). Актуальность данного вопроса обусловлена добровольностью реализации права плательщика на использование налоговой льготы, тогда как отнесение к порядку исчисления делает их применение обязательным. Выражена авторская точка зрения относительно характера указанных механизмов исчисления НДС.

Ключевые слова: нулевая ставка, вычет, правовая льгота, налоговая льгота, экспорт, налог на добавленную стоимость, НДС

Для цитирования: Швед Ю.Н. Являются ли нулевая ставка НДС для экспорта и налоговые вычеты налоговыми льготами? // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 239–255. doi: 10.17223/15617793/501/28

Original article
doi: 10.17223/15617793/501/28

Do VAT zero tax rates and deductions qualify as tax benefits?

Yuliya N. Shved^{1, 2}

¹ International Law Firm “Lexefiscal”, LLP, Minsk, Republic of Belarus

² Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus
^{1, 2} ynshved@gmail.com

Abstract. The purpose of the value added tax (VAT) as a consumption tax shapes the design of its mechanism, enabling the transfer of the tax burden from the manufacturer (supplier) to subsequent stages in the production and distribution chain, ultimately reaching the final consumer (“passing through” process). In the context of foreign economic activities, the principle of neutrality in conjunction with the principles of territoriality and the country of destination allows mitigating any distorting impact that the tax might have on economic decisions and behaviour of businesses and consumers. The implementation of these principles during exports assumes that a taxpayer calculates VAT at a zero rate while retaining the ability to deduct the input tax. If there is a negative difference between the total amount of VAT and tax deductions, the respective state is responsible for compensating this deficit. These combined actions make it possible to effectively remove the VAT that is initially included in the cost of export items. In both academic literature and legal practice, there is an ongoing lack of consensus regarding whether the zero rate and tax deductions should be classified as tax benefits or viewed as mandatory components of the tax calculation process. This issue remains relevant because it hinges on the voluntary nature of applying the taxpayer’s legal right to use tax benefits, which operates as a legally permitted but discretionary option. Conversely, the reference to the calculation procedure makes their application obligatory. The aim of the research to scrutinize the elements within the VAT calculation mechanism, specifically the zero rate and deductions, which play a crucial role in maintaining tax neutrality in export activities. This analysis helps to discern whether taxpayers may utilize these constructs voluntarily (as a choice) or if they are obligatory (as a mandate). Research methods are dialectical, analysis and synthesis, deduction and induction, comparative legal analysis. A tax benefit can be defined as a specific legal framework that provides certain categories of taxpayers of a particular tax with additional legal benefits resulting in a quantifiable economic advantage. For any phenomenon to be classified as a tax benefit, it must align with the attributes delineated in the definition of the “tax benefit” category. The zero rate, applied within the framework of VAT calculation for export operations, is considered a tax benefit. The right to apply it is contingent upon meeting specific conditions as stipulated by tax legislation. In contrast to the zero rate, VAT deductions are not categorized as tax benefits; they are a mandatory component in calculating the amounts of VAT that are due for payment.

Keywords: zero rate, deductions, legal benefit, tax benefit, export, value-added tax, VAT

For citation: Shved, Yu.N. (2024) Do VAT zero tax rates and deductions qualify as tax benefits? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 501. pp. 239–255. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/501/28

Целевое назначение НДС как налога на потребление обуславливает конструирование механизма налогообложения способом, позволяющим перенести бремя налога от производителя (поставщика) на следующий уровень производственно-распределительной цепочки вплоть до конечного потребителя [1. Р. 224] («passing through» process [2. Р. 54]). Минимизация искажающего воздействия налога на принятие экономических решений и (или) потребителей достигается посредством выстраивания налогообложения на основе принципа нейтральности, который применительно к внешнеэкономической деятельности обусловлен также принципами территориальности и страны назначения.

Принцип страны назначения предполагает, что экспортер исчисляет НДС по нулевой ставке, что предоставляет ему возможность фактически налог не уплачивать с сохранением права на вычет суммы накопленного налога, включенного в стоимость экспортируемых предметов налогообложения. Образование у плательщика отрицательной разницы между общей суммой НДС и суммами налоговых вычетов является основанием для возмещения обозначенной разницы государством. Совокупность указанных действий позволяет полностью удалить НДС, включенный в стоимость экспортированных предметов налогообложения [3. Р. 40].

В свою очередь, ввоз предметов налогообложения на территорию страны назначения порождает у импортера обязанность исчислить и уплатить налог в бюджет страны ввоза по установленным в ней ставкам. При дальнейшем осуществлении налогооблагаемых операций с указанными предметами налогообложения плательщик приобретает право на вычет (возмещение) сумм налога, уплаченных при ввозе.

В научной литературе и правоприменительной практике не сформировалось единого мнения, к какому из элементов налогообложения относятся нулевая ставка и налоговый вычет – к категории налоговых льгот либо же являются обязательным элементом порядка исчисления налога. Актуальность данного вопроса обусловлена добровольностью реализации нормативно-закрепленного субъективного права плательщика на использование налоговой льготы как юридического дозволения диспозитивного типа [4. С. 77], тогда как отнесение указанных конструктов к порядку исчисления делает их применение обязательным.

Понятие налоговой льготы

Наиболее ярким представителем общей теории правовых льгот, выводы которого в той или иной степени нашли отражение практически во всех исследованиях по данному вопросу, является И.С. Морозова. В своей докторской диссертации она определила правовые льготы как *«разновидность юридических исключений, участвующую в создании специфического правового режима, в рамках которого субъект наделяется дополнительными возможностями юридического характера, связанными как с осуществлением правомочий (дополнительные преимущества), так и с уменьшением объема различного рода обязанностей (нормативные изъятия)»* [5. С. 68].

По мнению исследователя, *дополнительные преимущества* связаны с развитием и расширением правомочий, тогда как *нормативные изъятия* «заключаются в освобождении субъектов от установленных законом обязанностей», уменьшении приходящейся на них правовой «нагрузки», «облегчении бремени различного рода обязанностей» [5. С. 69]. В настоящее время данная точка зрения на содержание категории правовых льгот является наиболее распространенной среди ученых и практиков [6. С. 10; 7. С. 115; 8. С. 40; 9. С. 27; 10. С. 189; 11. С. 715].

Различия в фактическом положении субъектов не позволяют им в полной мере реализовать свои интересы в рамках стандартизированной модели законодательного регулирования. Льготный юридический инструментарий как *средство юридической дифференциации* или, как резюмировал Е.Я. Яковенко, «форма проявления дифференциации юридического упорядочения социальных связей» [6. С. 10], позволяет более гибко подходить к разрешению отдельных аспектов общественной жизни и тем самым создает социально обусловленный и оправданный специфический правовой режим, в рамках которого для субъектов расширяется возможность удовлетворения собственных интересов [12. С. 13].

Соответственно, льготы – это прежде всего, *«элемент специального правового статуса субъекта»* [13. С. 18], механизм дополнения его прав и свобод специфическими возможностями юридического характера [14. С. 67] для реализации собственных интересов. Тем самым, как справедливо отмечает Н.В. Сильченко, льготы являются «специальными способами “индивидуализации”, приспосабливаемыми обобщенного характера правовой нормы к конкретным обстоятельствам и общественным отношениям» [15], которые способствуют установлению «соразмерности правовых норм индивидуальным качествам и действиям людей» [15]. При этом правовые льготы, как обоснованно отмечают наряду с И.С. Морозовой [5. С. 72] и другие ученые [6. С. 10; 12. С. 13–14; 16. С. 7; 17. С. 45; 18. С. 39; 19. С. 17], выступают *«правомерными исключениями из единых требований нормативного характера»* [5. С. 71; 6. С. 13], законными изъятиями, установленными компетентными органами «в строго оговоренных пределах» [6. С. 13] и в соответствующих нормативных правовых актах.

Конституционный Суд Республики Беларусь, обозначив роль налогов как экономического и социального регулятора, отметил право законодателя вводить или не вводить налоговые льготы либо исключать уже установленные льготы, а также изменять порядок их использования [20].

Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях также неоднократно указывал, что налоговая льгота является исключением из конституционных принципов всеобщности и равенства налогообложения; льготы всегда носят адресный характер, а их установление относится к исключительной прерогативе законодателя [21–23]. Отмена законодателем налоговой льготы не рассматривается как ограничение или умаление прав плательщика, тогда как при ее введении законодатель вправе предусмотреть особый порядок ее использования, в том числе посредством установления круга лиц, на которых она распространяется [24; 25; 26. С. 6].

Посредством правовых льгот как *средства положительной законодательной мотивации* [6. С. 10; 12. С. 13] право достигает регулирующего воздействия на позитивное развитие общественных отношений [27. С. 69]. Так, правовые льготы как «разновидность правовых стимулов» [28. С. 16; 29. С. 2] способны побуждать своих адресатов «к отдельным видам социально полезной деятельности», «следованию определённой общественно полезной модели поведения, что, в свою очередь, способствует достижению поставленных государством правовых целей» [28. С. 16]. В качестве основных функций, выполняемых правовыми льготами, направленными на достижение поставленных перед ними целей, И.С. Морозова выделила компенсационную и стимулирующую, в которых «наиболее ярко проявляются цели и задачи льготного регулирования, его юридическая природа и социальное назначение» [5. С. 16].

Для налоговых льгот как разновидностей правовых льгот присущи как общие с правовыми, так и квалифицирующие признаки. Прежде чем перейти к определению квалифицирующих признаков, целесообразно обозначить предложенные М.В. Титовой [17. С. 9–10] и другими исследователями [16. С. 8; 19. С. 9] два подхода к пониманию налоговой льготы:

1) *содержательный*, в основу которого положено сущностное понимание налоговой льготы как некоего преимущества отдельных категорий плательщиков перед другими, и

2) *формальный*, который основан на прямом обозначении конкретного нормативного закрепления в качестве налоговой льготы.

Отметим, что использование содержательного подхода, опирающегося на сущность правовых явлений, а не их нормативное правовое оформление, позволяет идентифицировать налоговые льготы, трансформированные в «латентные» специальные правовые конструкции и «встраиваемые» в механизмы исчисления конкретных налогов.

В качестве основного квалифицирующего признака налоговой льготы, критерия ее отграничения от иных смежных явлений Н.И. Матузов [30. С. 256], О.А. Черкашина [31. С. 47] и другие исследователи [19. С. 17; 17. С. 32; 32. С. 11; 33. С. 9–10; 34. С. 197] выделяют наличие определенного «преимущества по сравнению с другими плательщиками» [16. С. 7; 18. С. 39; 32. С. 11; 35. С. 10] или «правомерного облегчения положения субъектов» [34. С. 196], которое, по мнению Р.К. Костянина, лежит «в основе правовой природы налоговых льгот» [19. С. 9]. В качестве такого преимущества, как правило, предлагаются «различные формы сокращения размера налогового обязательства» [18. С. 39; 36. С. 190; 37; 38. С. 32].

Так, например, Н.А. Соловьёва выделяет следующие формы сокращения обязательств – изъятия, т.е. исключение от налогообложения отдельных объектов (доходов, сумм, операций); освобождения, в том числе временные, от уплаты налога отдельных категорий налогоплательщиков; понижение налоговых ставок; уменьшение налоговой базы [33. С. 10]. И.Г. Денисова выделяет аналогичные формы налоговых льгот, заме-

нив уменьшение налоговой базы более частной категорией – установление необлагаемой налогом части объекта обложения (необлагаемого минимума) [36. С. 190].

В свою очередь, С.Г. Пепеляев объединяет обозначенные выше формы, классифицируя их как изъятия, скидки и освобождения: изъятия предполагают выведение из-под налогообложения отдельных предметов (объектов) налогообложения, скидки направлены на сокращение налоговой базы, тогда как освобождения предполагают уменьшение налоговой ставки или окладной суммы [39. С. 210]. Реже в качестве налоговых льгот отмечают отсрочку или рассрочку платежа [40. С. 68–69], изменение сроков или порядка уплаты [35. С. 10], косвенным последствием которых является сокращение налоговых обязательств [39. С. 210; 42. С. 84] (так называемые косвенные налоговые льготы [33. С. 9]).

Представитель налогового права Ю.А. Крохин объединяет обозначенные позиции и выделяет такие категории, как изъятия, скидки и налоговые кредиты. Содержание категорий «изъятия» и «скидки» аналогичны приведённым выше, тогда как под налоговым кредитом предполагаются льготы, направленные на уменьшение налоговой ставки, отсрочка или рассрочка уплаты налога, возврат (зачет) ранее уплаченного налога, замена уплаты налога натуральным исполнением [42].

Отметим, что некоторые авторы исходят из предположения идентичности терминов «налоговый кредит» и «освобождение» [40. С. 68–69], предполагая под ними льготы, направленные на уменьшение налоговой ставки или окладной суммы. Соответственно, в качестве примеров налогового кредита приводятся уменьшение налоговой ставки, сокращение окладной суммы (валового дохода), отсрочка или рассрочка, возврат ранее уплаченного налога (части налога), зачет ранее уплаченного налога, замена уплаченного налога (части налога) натуральным исполнением (целевой налоговый кредит) [40. С. 68–69].

Таким образом, обозначенные выше формы *сокращения размера налогового обязательства* [18. С. 39; 36. С. 190; 37; 38. С. 32] объединяет возможность получения плательщиком преимущества в виде исчисляемой в денежном эквиваленте экономической выгоды [33. С. 14].

Целевая направленность предоставляемых выгод предопределяет наличие стимулирующей функции налоговых льгот [38. С. 30; 43. С. 314], осуществление которой, по мнению Ф.А. Каировой, позволяет определить налоговые льготы как форму практической реализации регулирующей (стимулирующей) функции налогов [38. С. 30]. На наличие стимулирующей функции налоговых льгот указывает также В.Г. Тихиня, обозначив возможность использовать налоговые льготы как для поощрения, так и в качестве своеобразного «кнута» [44]. Аналогичного мнения придерживается И.Г. Денисова, которая отмечает наличие налоговых льгот различного характера и социальной направленности [43. С. 314]. Н.И. Химичева, обозначив по-

тенциальную направленность налоговых льгот на оказание финансовой поддержки социально значимым объектам, содействие развитию кредитно-денежных отношений и т.п. [45. С. 260], выделяет наряду со стимулирующей также присущую им компенсационную функцию [45. С. 260].

Экономическая сущность налоговой льготы является фундаментом для выстраивания категориального наполнения рассматриваемого правового явления. Следуя данному логическому конструкту, налоговая льгота может быть определена как любой механизм, *«позволяющий налогоплательщику сократить свои налоговые обязательства в денежном выражении»* [17. С. 29–30]. Однако помимо экономической сущности налоговая льгота как правовая категория *«должна иметь некую юридическую форму»* [17. С. 29–30], закреплённую нормативным актом соответствующей юридической силы. Обязательная связь налоговой льготы с одним из элементов налога, на изменение которого она направлена, предопределяет ее закрепление специальной нормой налогового права, регулирующей порядок исчисления и уплаты конкретного налога.

Таким образом, исходя из юридической природы правовых льгот, налоговым льготам как их видовой категории помимо общих с правовыми льготами присущи также квалифицирующие признаки, идентифицирующие непосредственно налоговые льготы в качестве используемого законодателем специального юридического инструментария. К числу общих признаков правовой и налоговой льгот следует отнести следующие:

1. Налоговая льгота выступает средством юридической дифференциации правового положения плательщика, механизмом дополнения его прав специфическими, более благоприятными правовыми возможностями и, тем самым, выступает как правомерное исключение из типизированных правил нормативного регулирования.

2. Налоговая льгота представляет собой элемент специального правового статуса субъекта, отражающего его правовое положение. Суть данного признака состоит в том, что для определённой категории плательщиков законодатель вправе предусмотреть особый, не совпадающий с общим порядок исчисления и уплаты конкретного налога, предоставляющий им правомерную возможность реализации собственных интересов.

3. Налоговая льгота есть правомерное исключение, что предполагает ее закрепление нормативным правовым актом соответствующей юридической силы, принятым в установленном законодательством порядке. Обозначенное закрепление является гарантией государства, обеспечивающей возможность реализации плательщиком субъективного права на налоговую льготу.

4. Налоговая льгота является разновидностью правовых стимулов, используемых государством для предопределения направленности поведения плательщиков к реализации конкретных видов социально-полезной деятельности или активизации деятельности в

рамках наиболее важных для государства отраслей экономики.

Помимо вышеупомянутых общих признаков, характерных для всех правовых льгот, налоговым льготам также присущи следующие квалифицирующие признаки:

1. Юридическая дифференциация правового положения достигается посредством предоставления плательщику определенного преимущества, выражающегося в получении исчисляемой экономической выгоды.

2. Налоговая льгота предполагает наличие обязательной связи с любым из элементов законно установленного налога, на изменение которого она направлена.

3. Налоговая льгота закреплена специальной нормой, предусматривающей порядок исчисления и уплаты конкретного налога и создающей специфический правовой режим налогообложения, в рамках которого определенные законодателем категории плательщиков наделяются возможностями более полно реализовать собственные интересы.

4. Налоговые льготы устанавливаются в отношении легально определённой категории плательщиков конкретного налога, т.е. количественно неограниченной группы плательщиков, отвечающих нормативно закреплённым критериям, что исключает предоставление индивидуальных налоговых льгот.

Таким образом, налоговую льготу можно определить как *специфический правовой режим, в рамках которого отдельные категории плательщиков определённого налога наделяются дополнительными возможностями юридического характера, обуславливающими получение ими преимущества в виде исчисляемой в денежном эквиваленте экономической выгоды.*

По мнению автора, каждое явление, претендующее на отнесение к категории налоговой льготы, должно соответствовать обозначенным признакам. В связи с этим логично предположить, что несовпадение анализируемого налогового явления хотя бы с одним из вышеприведённых критериев позволяет сделать вывод, что оно не относится к категории налоговых льгот.

Нулевая ставка при исчислении НДС

Как справедливо отмечает Е.Б. Шувалова, в отличие от всех остальных налогов, которым свойствен собирательный принцип формирования налоговых доходов бюджета, для налоговых доходов по НДС характерно применение собирательно-возмещаемого принципа [46. С. 37]. В рамках налогообложения НДС выстраивается общественное отношение «государство – плательщик – носитель налога», где в непосредственное взаимодействие (правоотношение) с государством в лице налоговых органов вступает плательщик, который, в свою очередь, имеет нормативно закреплённую возможность получить возмещение налога от его носителя. Носитель налога в налоговые правоотношения с государством не вступает, но вступая в гражданские правоотношения с плательщиком,

в дальнейшем, при соблюдении определенных законодательством условий, приобретает право на вычет сумм входящего НДС.

Применение нулевой ставки позволяет плательщику-экспортёру, который ранее выступал в статусе носителя, фактически НДС не уплачивать, с сохранением за ним правомочия на вычет сумм входящего налога. Последующее образование у плательщика отрицательной разницы между общей суммой налога и суммой вычетов является основанием для возмещения обозначенной разницы государством. Совокупная реализация обозначенных выше конструкций позволяет «удалить» НДС, включённый в стоимость предмета налогообложения [3. С. 40], тем самым обеспечив нейтральность и однократность налогообложения.

Обозначенный механизм исчисления НДС обуславливает отсутствие в научной литературе, правоприменительной и судебной практике единой точки зрения по вопросу, является ли нулевая ставка налоговой льготой либо её применение обусловлено особым порядком исчисления НДС и, соответственно, является обязательным для плательщиков. В настоящее время в рамках сложившейся дискуссии относительно амбивалентного характера нулевой ставки обозначились две противоположные точки зрения.

Большинство учёных рассматривают закреплённую отраслевым законодательством нулевую ставку НДС *в качестве налоговой льготы* [17. С. 148; 31. С. 11; 47. С. 169; 48; 49. С. 54; 50; 51]. Так, с упором на российское законодательство Д.А. Смирнов классифицирует льготы в рамках НДС по кругу налогоплательщиков и по объектам налогообложения. К числу последних, наряду с операциями, не подлежащими налогообложению, исследователь относит также операции, подлежащие налогообложению по льготным ставкам, включая нулевую [52. С. 358]. С.А. Кочкалов в своей диссертационной работе прямо называет нулевую ставку НДС особой льготой, предоставляемой экспортёрам [53. С. 3]. Аналогичной позиции придерживается К.В. Мерзляков [32. С. 33–34], который, отмечая особое целевое предназначение нулевой ставки НДС – обеспечение однократности обложения по территориальному признаку, относит ее по предложенной им классификации к техническим льготам [32. С. 83].

Представители экономической науки В.А. Зубенкова, Д.Г. Черник, И.Г. Русакова относят нулевую ставку и исключение определенного товара (работы, услуги) из объекта взимания НДС (льготный режим) к формам освобождения от НДС [54. С. 9; 55. С. 187; 56. С. 246], причислив их тем самым к налоговым льготам. Аналогичной точки зрения придерживается О.А. Кирова, которая к указанным двум формам освобождения от НДС добавляет третью – освобождение отдельных категорий плательщиков [57. С. 13].

Представитель налогового права С.Г. Пепеляев относит к освобождению неустановление ставки налога и установление нулевой ставки, отличие между которыми заключается в возмещении входного НДС [39. С. 479–480]. Аналогичная классификация закреплена Директивой 2006/112/ЕС «Об общей системе НДС»

[58], которая по праву может считаться триумфом европейской налоговой интеграции [59. С. 31] и которой должны руководствоваться страны – участницы ЕС при разработке национального налогового законодательства. Так, пониженные и стандартные ставки налога закреплены гл. 8 Директивы, тогда как гл. 9 Директивы предусмотрены основания освобождения от уплаты НДС, которые подразделяются на освобождения без права вычета (ст. 132–137) и с правом вычета, что фактически является применением нулевой ставки налога. Последние так называемые технические освобождения относятся к трансграничным операциям (ст. 138–166 Директивы) [60. Р. 921; 61. Р. 134].

Сторонники противоположной точки зрения отмечают, что правомочие на применение нулевой ставки налога при экспорте не может рассматриваться в качестве налоговой льготы в связи с особым, косвенным характером НДС [19. С. 10; 62. С. 135; 63; 64]. Так, Р.К. Костанян в своей диссертационной работе отмечает, что понижение налоговых ставок в рамках косвенного налогообложения не может быть признано налоговой льготой, что обусловлено экономической природой НДС – переложением налогового бремени на потребителя и несовпадением в одном лице налогоплательщика и фактического носителя налогового бремени [19. С. 10].

Определив установление налоговых ставок и их законодательное закрепление как самостоятельный и обязательный элемент налогообложения, М.А. Ивлёв указывает, что «целевое предназначение нулевой ставки НДС» заключается «не в исчислении налога», а в «освобождении» от него, т.е. в достижении «противоположной цели по отношению к тем, ради которых налоговая ставка должна устанавливаться» [59. С. 200]. Тем самым, несмотря на соответствие сформулированным формальным критериям, нулевая ставка НДС по своей экономической сути не может быть отнесена к налоговой ставке как элементу налогообложения [34. С. 200]. Т.А. Малинина относит применение нулевой ставки НДС к конструкции налога, обусловленного правилом территориальности [62. С. 135]. В отдельных прикладных публикациях отмечено, что нулевая ставка НДС при экспортных операциях «не является особенной характеристикой» [63, 64] и предопределена только «направлением поставки» [63, 64], а потому не может рассматриваться в качестве налоговой льготы.

Соответственно, основным аргументом, исключающим отнесение нулевой ставки НДС к категории налоговых льгот, являются конструктивные особенности механизма налогообложения, в основе которого лежит минимизация возможного воздействия на нейтральность налога. Представляется, что отнесение применяемой экспортёрами нулевой ставки к порядку исчисления налога не влечет ее автоматическое исключение из категории налоговых льгот. По мнению автора, критерий отнесения того либо иного правового явления к соответствующей категории обусловлен не только причиной их нормативного правового закрепления, но также соответствием совокупности

признаков, характеризующих конкретную категорию в качестве таковой.

Аналогичного мнения придерживается О.А. Черкашина, которая в рамках проведённого диссертационного исследования пришла к выводу о льготном характере нулевой ставки НДС, что обосновано следующими доводами: применение нулевой ставки фактически освобождает налогоплательщика от уплаты НДС при наличии у него объекта налогообложения; для применения указанной ставки налоговым законодательством установлены определенные основания – реализация товаров (работ, услуг) в режиме экспорта; налоговым законодательством предусмотрен особый порядок подтверждения права на ее применение [31. С. 11]. Согласимся с вышеобозначенной точкой зрения с оговоркой, что, по мнению автора, для обоснования собственной позиции исследователь использовала не все характеристики, квалифицирующие конкретное правовое явление в качестве налоговой льготы, которые будут обозначены автором далее.

Согласно п. 3 Протокола о порядке взимания косвенных налогов и механизме контроля за их уплатой при экспорте и импорте товаров, выполнении работ, оказании услуг, который является Приложением № 18 к Договору о Евразийском экономическом союзе (ред. от 24.03.2022, с изм. от 25.05.2023) (подписан в г. Астане 29.05.2014) (далее – Протокол), при экспорте товаров с территории одного государства-члена на территорию другого государства-члена налогоплательщиком государства-члена, с территории которого вывезены товары, применяется нулевая ставка НДС при условии предоставления в налоговый орган предусмотренных документов. Согласно п. 2 Протокола нулевая ставка НДС представляет собой обложение НДС по ставке в размере ноль процентов с правом на вычет (зачет) соответствующих сумм НДС. Обоснованность применения нулевой ставки НДС проверяет налоговый орган согласно законодательству государства-члена, с территории которого экспортированы товары.

Соответственно, наднациональное законодательство Евразийского экономического союза устанавливает обязанность государств-членов по применению нулевой ставки при экспорте товаров, тогда как разрешение вопроса о правовой природе нулевой ставки НДС передает на усмотрение соответствующему национальному законодательству.

В целом кажущийся на первый взгляд сугубо теоретический вопрос амбивалентного характера нулевой ставки НДС стал краеугольным камнем в практике высших судебных инстанций РФ. Вопрос состоял в том, имеет ли право налогоплательщик-экспортёр, будучи заказчиком связанной с экспортируемыми товарами услуги, которая в соответствии с НК РФ облагается по нулевой ставке, принять к вычету сумму НДС, уплаченную исполнителем в составе цены услуги, если в выставленном исполнителем счете-фактуре указана ставка НДС 18% и отдельной строкой выделена сумма налога.

В своих постановлениях [65, 66] Президиум ВАС РФ указал на отсутствие законодательно закрепленной

возможности произвольного изменения налоговых ставок участниками сделок и признал рассматриваемый вычет неправомочным [67] в связи с тем, что нулевая ставка НДС не является налоговой льготой [68. С. 169], тогда как положения Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) фактически исключают налоговый вычет по неправильной ставке [69]. Следует отметить, что в сформированной позиции по обязательному применению нулевой ставки не нашёл отражения обозначенный законодателем условный характер ее применения – «при условии представления в налоговые органы документов, предусмотренных статьей 165 НК РФ», который затем был сформулирован в разъяснительном письме налоговых органов [70].

Конституционный суд РФ [71] (далее – КС РФ) согласился с Президиумом ВАС РФ, отметив, что налоговая ставка, в том числе нулевая ставка НДС, является обязательным элементом налога, и плательщик не может произвольно ее применить (изменить ее размер в большую или меньшую сторону) или отказаться от ее применения [72. С. 49]. Позднее КС РФ [73] вновь вернулся к рассмотрению вопроса о вычетах сумм НДС при экспортных операциях и обозначил, что указание продавцом в счете-фактуре вместо нулевой 18%-й ставки свидетельствует не о формальном характере допущенных нарушений, а о нарушении предусмотренного законом порядка обложения НДС. Вместе с тем КС РФ отметил, что праву плательщика на вычет корреспондирует обязанность уплатить НДС в бюджет в денежной форме [74].

Логика судебных инстанций представляется ошибочной, так как, не затрагивая интересы бюджета, полностью ломается выстраиваемая цепочка налогообложения добавленной стоимости: уплатив в составе цены соответствующую сумму налога контрагенту, заказчик не приобретает право на его вычет. Соответственно, он несет убытки на обозначенную сумму, тогда как принадлежащие налогоплательщику на вещном праве денежные средства попадают в распоряжение публично-территориального образования без установленных законом оснований. Иными словами, у государства возникает неосновательное обогащение [75; 76. С. 10].

Согласимся с доводами подателя жалобы, которая стала предметом рассмотрения КС РФ [77], что возложение на налогоплательщика обязанности по применению нулевой ставки не связано со взиманием налогов как обязательных индивидуально безвозмездных платежей, необходимых для покрытия публичных расходов, поскольку денежного эквивалента со стороны плательщика здесь не возникает. По всей видимости, такая позиция КС РФ обусловлена стремлением предотвратить возможные злоупотребления плательщиков и направлена на защиту фискальных интересов.

В связи с отсутствием в Республике Беларусь сформированной судебной практики по данному вопросу, обратимся к действующему национальному налоговому законодательству. Согласно п. 1 ст. 35 Налогового кодекса Республики Беларусь (Общая часть) от 19.12.2002 № 166-3 (ред. от 30.12.2022), льготами по налогам, сборам (пошлинам) признаются предоставляемые отдельным категориям плательщиков преду-

смотренные НК и иными актами налогового или таможенного законодательства преимущества по сравнению с другими плательщиками, включая возможность не уплачивать налог, сбор (пошлину) либо уплачивать их в меньшем размере. Указанное определение практически идентично определению налоговой льготы, обозначенному российским законодателем в п. 1 ст. 56 НК РФ (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 04.08.2023) за исключением возможности установления налоговых льгот таможенным законодательством.

Вместе с тем, в отличие от российского законодателя, белорусский законодатель обозначил в п. 2 ст. 35 НК Республики Беларусь перечень налоговых льгот, в котором среди прочих видов налоговых льгот закреплены налоговые льготы в виде освобождения от налога, сбора (пошлины) и налоговых ставок, пониженных по сравнению с общеустановленными. Нулевая ставка НДС удовлетворяет критериям указанной дефиниции и может относиться к любому из обозначенных видов налоговых льгот. Так, ее применение позволяет налогоплательщику не уплачивать НДС при экспорте с сохранением за ним права на вычет сумм входящего налога. Последующее образование у плательщика отрицательной разницы между общей суммой НДС, исчисленной по итогам отчетного периода, и суммами налоговых вычетов является основанием для возмещения обозначенной разницы государством. Следовательно, имеет место освобождение от налога [З. Р. 18], хотя и обусловленное структурой механизма налогообложения НДС. Нулевая ставка НДС также является пониженной по сравнению со стандартной ставкой налога, закреплённой действующим законодательством. Так, ст. 122 НК Республики Беларусь наряду со стандартной 20%-й ставкой закреплёны объекты обложения НДС по пониженным ставкам, в том числе и по нулевой ставке, а также основания и условия их применения.

Соответственно, нулевая ставка НДС является закреплённым в НК Республики Беларусь исключением из стандартных правил нормативного регулирования, которое дополняет права налогоплательщиков более благоприятными правовыми возможностями для реализации им своих интересов и тем самым представляет собой правомерное исключение из стандартных правил регулирования. Фактически белорусский законодатель предусмотрел особый, не совпадающий с общим порядок налогообложения НДС только для определённой категории налогоплательщиков – экспортёров, тем самым репрезентировав нулевую ставку НДС в качестве элемента специального правового статуса субъекта, отражающего его правовое положение. Закрепление нормами НК Республики Беларусь оснований и условий применения нулевой ставки при исчислении НДС является гарантией соблюдения прав плательщика со стороны государства и обеспечением реализации им своего субъективного права на применение пониженной ставки при соблюдении установленных законодательством условий. Применение нулевой ставки налога также является «инструментом стимулирования экспортоориентированной деятельности эко-

номически активных субъектов» [78. С. 318] и «усиления конкурентоспособности экспортируемых товаров на мировом рынке» [78. С. 318].

На основании вышеизложенного можно констатировать, что налогообложение НДС экспортных операций по нулевой ставке соответствует обозначенным общим признакам налоговой льготы.

Далее проанализируем соответствие нулевой ставки НДС квалифицирующим признакам налоговой льготы. Согласно п. 2 ст. 128 НК Республики Беларусь, сумма НДС исчисляется как произведение налоговой базы и налоговой ставки; применение нулевой ставки НДС позволяет ему при наличии объекта налогообложения не уплачивать налог с сохранением права на вычет и последующее возмещение из бюджета входящего НДС, что предопределяет наличие преимущества в виде исчисляемой в денежном эквиваленте экономической выгоды.

В рамках п. 5 ст. 6 НК Республики Беларусь законодатель наряду с другими перечисленными элементами относит налоговую ставку к обязательному элементу налогообложения, при отсутствии которого налог не считается установленным. Соответственно, понижение налоговой ставки НДС вплоть до нулевой ставки предопределяет наличие связи с обязательным элементом – налоговой ставкой – законодательно установленного налога, на изменение которого она направлена. Основания, порядок и условия применения нулевой ставки при исчислении НДС закреплёны специальными нормами налогового права и содержатся в гл. 14 Особенной части НК Республики Беларусь от 29.12.2009 № 71-З (ред. от 17.07.2023).

Тем самым белорусский законодатель нормативными правовыми предписаниями гл. 14 закреплёл порядок применения нулевой ставки НДС, обозначив специальной нормой нормативного правового акта соответствующей юридической силы, принятым в установленном законодательством порядке, особый, не совпадающий с общеустановленным порядок налогообложения НДС. Данный порядок установлен в отношении легально определённой категории плательщиков налога (специальный субъект налога), т.е. некой количественно неограниченной группы плательщиков, отвечающих легально закреплённым критериям (основаниям) предоставления соответствующей налоговой льготы.

Таким образом, применение нулевой ставки при исчислении НДС соответствует совокупности вышеприведённых общих и квалифицирующих признаков налоговой льготы, т.е. является правом плательщика НДС, что позволяет констатировать добровольность ее применения плательщиком при исчислении причитающихся к уплате сумм налога. Отметим, что применение нулевой ставки НДС также отвечает формальным признакам налоговой льготы, определённым ст. 35 НК Республики Беларусь.

Налоговые вычеты при исчислении НДС

Достигнуть отсутствие налогообложения (промежуточных) сделок между субъектами хозяйствования

вплоть до конечного потребителя возможно посредством осуществления вычета сумм входящего налога [1. Р. 224; 79. Р. 40; 80. Р. 78; 81. Р. 140], когда в бюджет уплачивается только разница между суммой НДС, полученного от покупателей, и суммой НДС, уплаченного поставщикам [82. С. 382; 83. Р. 11]. Такой механизм исчисления обеспечивает сочетание налогообложения на всех стадиях цепи производства и обращения [84, 85] с реальным участием каждого из звеньев в уплате налога [56. С. 246; 86. С. 36], позволяя при этом минимизировать его влияние на производственные решения субъектов хозяйствования [87. Р. 14] и (или) потребление, т.е. обеспечить нейтральность налогообложения.

В настоящее время среди исследователей не сложилось единого подхода к категориально-дефинитивному наполнению термина «налоговые вычеты», равно как и его соотношению с другими используемым законодателем налоговыми конструктами. Традиционно налоговые вычеты рассматривают как отдельную форму налоговых льгот либо причисляют их к скидкам, т.е. льготам, предоставляющим налогоплательщику право уменьшения налоговой базы [88. С. 80, 82; 89] и (или) размер подлежащей уплате суммы налога (сумму налогового оклада) на определенные законодателем величины [90. С. 20].

В последние годы также обозначилась иная тенденция: исследователи приходят к обоснованному выводу, что под понятием «налоговые вычеты» в законодательстве объединены «разнородные», «неотжественные правовые категории» [90. С. 20, 23; 91. С. 8; 92. С. 7; 93. С. 8; 94. С. 5], сущностное наполнение которых позволяет констатировать релевантность их отнесения к «налоговым льготам», «необлагаемому минимуму» или «порядку исчисления» [90. С. 20, 23; 91. С. 8; 92. С. 7; 93. С. 8; 94. С. 5].

Так, по мнению М.В. Титовой, налоговый вычет как «нормативно закрепленная возможность уменьшения налоговой базы на определенную величину становится налоговой льготой» [17. С. 80], если правомочие на его применение закреплено законодателем только за отдельными категориями плательщиков либо формально отнесено к данной категории посредством «прямого указания налогового закона, что данное явление является налоговой льготой» [17. С. 48]. В качестве примера налоговой льготы исследователь обозначает вычет из налогового оклада как «механизм уменьшения исчисленной в общем порядке суммы налога на определенную величину, установленную законодателем для отдельных категорий плательщиков» [17. С. 80].

М.А. Гармаева предлагает следующую классификацию налоговых вычетов: (1) «вычеты льготного характера или имеющие правовую природу льготы» [92. С. 7] (например, стандартные налоговые вычеты по налогу на доходы физических лиц), (2) «вычеты, имеющие признаки правовой компенсации налогоплательщику» [92. С. 7] (например, социальные и имущественные вычеты по налогу на доходы физических лиц) и (3) «вычеты, являющиеся императивным элементом порядка исчисления соответствующего налога» [92. С. 7]

(расчетные налоговые вычеты), к которым, среди прочих, исследователь относит вычеты по НДС.

С опорой на выработанное финансово-правовой и экономической науками понимание косвенного налогообложения Н.А. Соловьёва определяет налоговые вычеты по косвенным налогам как «механизм, позволяющий реализовать переложение налога на потребителя» [33. С. 15] и тем самым «обеспечить существование самого косвенного налога» [33. С. 15]. Исследователь отмечает, что налоговые вычеты по косвенным налогам не могут быть отнесены к категории налоговых льгот по следующим причинам: «...предусмотрены для всех без исключения налогоплательщиков, являющихся плательщиками конкретных косвенных налогов» [90. С. 49]; применение вычетов всеми налогоплательщиками предопределяет невозможность «получения какого-либо преимущества» [90. С. 49]; они представляют собой не исключение из правил, а «единственно возможный для всех налогоплательщиков порядок исчисления налога» [90. С. 49]. По ее мнению, применение налогового вычета есть «необходимое звено порядка исчисления налога» [90. С. 51] как «совокупности определенных действий налогоплательщика, налогового органа или налогового агента... в результате которых определяется сумма налога, подлежащая уплате в бюджет» [33. С. 16; 90. С. 57].

Признавая логическим следствием реализации налоговых вычетов – уменьшение суммы налога к уплате или налоговой базы «на законодательно определённую сумму в порядке и случаях, установленных НК» [91. С. 8], Д.Д. Суляева также определяет их как «элементы порядка исчисления налога» [91. С. 8], тем самым полностью отделяя их от категории налоговых льгот, необлагаемого минимума, доходов и операций, освобождаемых от налогообложения, и иных правовых категорий [91. С. 8].

Таким образом, налоговые вычеты по косвенным налогам, как правило, относятся исследователями к «порядку исчисления», который можно определить как совокупность действий, которые должен совершить плательщик, чтобы «правильно рассчитать подлежащую уплате за определенный период сумму налога» [92. С. 9].

В «Рекомендациях по международному НДС / налогу на товары и услуги» [83. Р. 11–12] ОЭСР обозначено два основных подхода к осуществлению налогового вычета, позволяющих реализовать поэтапную уплату налога. Первый метод, именуемый методом вычитания (метод, основанный на юридическом лице [83. Р. 11–12], данных бухгалтерского учета [3. Р. 14]), предполагает, что налог взимается непосредственно с созданной плательщиком добавленной стоимости, исчисленной на основе бухгалтерского баланса посредством суммирования затрат на отдельные факторы производства [3. Р. 14].

Второй, или так называемый инвойсный метод (основанный на сделке [83. Р. 11–12], инвойсе (счет-фактуре) [3. Р. 15–16]), предполагает, что каждый продавец исчисляет суммы НДС по установленной ставке и выставляет покупателю счет-фактуру (инвойс), в котором указывается сумма налога.

Покупатель вправе вычесть указанную сумму НДС (входящий налог) из причитающейся к уплате по результатам хозяйственной деятельности суммы (исходящий налог), уплатив в бюджет только разницу между суммой исходящего и входящего налога либо получив возмещение из бюджета при наличии превышения сумм входящего налога над суммой налога к уплате. В данном случае исчисление размера добавленной стоимости не требуется: сумма налога рассчитывается на основании составляющих ее компонентов – произведённых затрат и реализованных товаров (работ, услуг). В настоящее время наиболее распространённым является инвойсный метод исчисления причитающихся к уплате (возмещению) сумм НДС [83. Р. 12].

Обратимся к действующему законодательству ЕАЭС и отдельных государств – участников ЕАЭС, регулирующего осуществление вычета входящего НДС. Согласно ч. 2 п. 3 Протокола при экспорте товаров с территории одного государства-члена на территорию другого государства-члена налогоплательщик имеет право на налоговые вычеты (зачеты) в порядке, аналогичном предусмотренному законодательством государства-члена, применяемому в отношении товаров, экспортированных с территории этого государства-члена за пределы Союза. Соответственно, согласно п. 7 Протокола, обоснованность налоговых вычетов (зачетов) и принятие соответствующего решения согласно законодательству государства-члена, с территории которого экспортированы товары, осуществляет налоговый орган данного государства.

Данные положения предусматривают обязательность осуществления вычетов НДС при экспорте в соответствии с национальным законодательством соответствующего государства-члена, а также закрепляет принцип равенства налогообложения при экспорте применительно к предмету налогообложения безотносительно государства импорта товара. Как и в обозначенном выше случае с нулевой ставкой НДС, разрешение вопроса о правовой природе вычета передано на усмотрение национальному законодателю.

Российский законодатель не обозначает в рамках общей части НК РФ категориально-дефинитивное наполнение термин «налоговый вычет» и (или) «вычет», тогда как в особенной части применение налоговых вычетов при исчислении причитающихся к уплате сумм налогов предусмотрено при налогообложении налогом на доходы физических лиц (ст. 218–222), налога на прибыль организаций (ст. 286.1) и др., относящихся к прямым налогам, а также НДС (ст. 171) и акцизами (ст. 200), являющихся косвенными.

Белорусский законодатель в перечне налоговых льгот, обозначенном им в п. 2 ст. 35 НК Республики Беларусь, отмечает, что льготы по налогам и сборам устанавливаются, в том числе, в виде дополнительных по отношению к учитываемым при определении (исчислении) налоговой базы для всех плательщиков налоговых вычетов и (или) иного уменьшения налоговой базы либо суммы налога, сбора (пошлины). Вместе с тем в рамках общей части НК не обозначено катего-

риально-дефинитивное наполнение термина «налоговый вычет», тогда как в рамках особенной части применение налоговых вычетов при исчислении причитающихся к уплате сумм налогов предусмотрено при налогообложении подоходным налогом с физических лиц (ст. 209–212), относящегося к прямым налогам, а также НДС (ст. 132) и акцизами (ст. 159), являющихся косвенными.

Анализ действующего налогового законодательства РФ и Республики Беларусь позволяет констатировать, что налоговые вычеты по разным налогам представляют собой «неодинаковые по своему характеру и источнику формирования суммы, предусмотренные в отношении различных категорий налогоплательщиков и реализуемые в различном порядке» [90. С. 13].

Для повышения репрезентативности обратимся к налоговому законодательству Республики Беларусь. Обозначив в п. 5 ст. 6 НК Республики Беларусь порядок исчисления в качестве обязательного элемента налогообложения, национальный законодатель определяет его как исчисление суммы налога, подлежащей уплате за отчетный, налоговый период, исходя из налоговой базы, налоговой ставки и налоговых льгот (п. 1 ст. 36 НК Республики Беларусь).

Перечень обстоятельств, с наличием которых белорусский законодатель связывает возникновение обязанности плательщика уплатить НДС, т.е. перечень объектов налогообложения, закреплён ст. 115 НК Республики Беларусь. В свою очередь, ст. 118, 119 НК Республики Беларусь содержат перечень операций по реализации товаров (работ, услуг), имущественных прав, освобождаемых от налога, в том числе при ввозе.

Согласно п. 2 ст. 128 НК Республики Беларусь, сумма НДС исчисляется как произведение налоговой базы и процента налоговой ставки. Налоговая база НДС определена законодателем в п. 1 ст. 120 НК Республики Беларусь как стоимость реализуемых товаров (работ, услуг), имущественных прав, исчисленная исходя из цен (тарифов) на них с учетом акцизов без включения в них НДС. Ставки налога и условия их применения определены ст. 122 НК Республики Беларусь. Так, помимо стандартной ставки НДС, равной двадцати (20) процентам, действующим НК Республики Беларусь предусмотрены пониженные – ноль (0) процентов и десять (10) процентов, а также повышенная – двадцать пять (25) процентов – налоговые ставки.

Согласно п. 1 ст. 128 НК Республики Беларусь, общая сумма НДС исчисляется нарастающим итогом с начала налогового периода по истечении каждого отчетного периода, по всем оборотам по реализации товаров (работ, услуг), имущественных прав, признаваемым объектом налогообложения, момент фактической реализации которых приходится на соответствующий налоговый период и по всем изменениям налоговой базы в соответствующем отчетном периоде. Подлежащая уплате в бюджет сумма НДС определяется как разница между общей суммой НДС, исчисленной по итогам отчетного периода, и суммами налоговых вычетов (п. 1 ст. 135 НК Республики Беларусь).

Суммы НДС, признаваемые налоговыми вычетами, а также порядок их применения определены ст. 132, 133 НК Республики Беларусь. Согласно п. 1 ст. 132 НК Республики Беларусь, налоговыми вычетами признаются суммы НДС, предъявленные продавцами, состоящими на учете в налоговых органах Республики Беларусь и являющимися плательщиками, к оплате плательщику при приобретении им на территории Республики Беларусь товаров (работ, услуг), имущественных прав; уплаченные плательщиком при ввозе товаров на территорию Республики Беларусь; уплаченные в бюджет при приобретении товаров (работ, услуг), имущественных прав на территории Республики Беларусь у иностранных организаций, не состоящих на учете в налоговых органах Республики Беларусь. Обязательным условием применения налоговых вычетов плательщиками является наличие предусмотренных п. 5 ст. 132 НК Республики Беларусь документов.

Таким образом, налоговые вычеты по НДС рассчитываются отдельно от расчета общей суммы НДС, но учитываются при исчислении суммы налога, подлежащей уплате в бюджет. По общему правилу, вычет сумм НДС производится нарастающим итогом в пределах сумм НДС, исчисленных по реализации товаров (работ, услуг), имущественных прав. По товарам (работам, услугам), при реализации которых обложение НДС осуществляется по нулевой ставке, вычет производится в полном объеме. Если сумма вычетов, согласно налоговой декларации (расчету), превышает общую сумму НДС, исчисленную по реализации товаров (работ, услуг), имущественных прав, плательщик НДС не уплачивает, а разница между суммой налоговых вычетов и общей суммой НДС подлежит зачету и (или) возврату в порядке, предусмотренном ст. 137 НК Республики Беларусь.

Соответственно, для исчисления суммы НДС к уплате «алгоритм расчета налоговых вычетов имеет не меньшее значение, чем правильное определение объектов налогообложения, момента расчета и размера налоговой базы» [94. С. 5], тогда как ошибки в исчислении суммы вычетов или в порядке их применения могут повлечь неблагоприятные для плательщиков последствия.

Отметим, налоговое законодательство РФ также предусматривает, что при исчислении суммы НДС, подлежащей уплате в бюджет, налоговые вычеты рассчитываются отдельно от расчета общей суммы НДС. Так, согласно п. 1 ст. 173 НК РФ, сумма налога, подлежащая уплате в бюджет, исчисляется по итогам каждого налогового периода, как уменьшенная на сумму налоговых вычетов, общая сумма налога, исчисляемая в соответствии со ст. 166 НК РФ и увеличенная на суммы налога, восстановленного в соответствии с гл. 21 НК РФ, регулирующей налогообложение НДС.

Таким образом, с определенной долей условности можно определить следующий законодательно закреплённый алгоритм действий плательщика при исчислении сумм НДС, подлежащих уплате в бюджет в установленные законодательством сроки:

1) определение объектов налогообложения;

2) исчисление налоговой базы;
3) исчисление общей суммы НДС;
4) исчисление сумм налоговых вычетов по НДС (входящего НДС);

5) осуществление вычета сумм входящего НДС из общей суммы НДС.

Для дальнейшего анализа категории «налоговый вычет» обратимся к общим и квалифицирующим признакам налоговой льготы. Отметим, что вычетам по НДС присущи общие с правовыми и налоговыми льготами характеристики.

В частности, порядок применения налоговых вычетов в рамках исчисления НДС закреплён НК, т.е. нормативным правовым актом соответствующей юридической силы, принятым в установленном законодательством порядке. Обозначенное нормативное правовое закрепление является гарантией соблюдения прав плательщика со стороны государства и обеспечением реализации им своих субъективных прав при соблюдении установленных законодательством условий.

К квалифицирующим признакам налоговой льготы относится наличие связи с одним из обязательных элементов законно установленного налога, на изменение которого она направлена. Как было установлено при анализе нормативных правовых положений, закрепляющих порядок исчисления НДС, налицо связь с обязательным элементом налога – порядком исчисления. Данная связь предопределяет обоснованность закрепления порядка и условий осуществления вычетов по НДС специальной нормой налогового права, определяющей порядок исчисления и уплаты рассматриваемого налога (специфический правовой режим налогообложения), а именно ст. 171 гл. 21 НК РФ и ст. 132 гл. 14 НК Республики Беларусь.

Вместе с тем, помимо общих с правовыми и налоговыми льготами характеристик, налоговым вычетам по НДС присущи также черты, отличающие их как от правовых льгот в целом, так и от налоговых льгот в частности. Как было установлено при анализе положений действующего национального законодательства, вычитаемая часть НДС исчисляется стандартным, типизированным для всех плательщиков данного налога способом, не предоставляя им в рамках расчета дополнительные преимущества, равно как и не расширяя их права иными более благоприятными правовыми возможностями для реализации собственных интересов.

Признаем, что осуществление вычетов при исчислении НДС сокращает размер сумм, причитающихся к уплате в рамках исполнения налогового обязательства, т.е. налицо исчисляемая экономическая выгода. Однако данная выгода обусловлена не особым, исключительным порядком налогообложения, а общим для всех плательщиков алгоритмом расчета причитающихся к уплате сумм НДС и, следовательно, не может быть определена как «преимущество».

В отличие от налоговой льготы, которая, как было отмечено выше, представляет собой элемент специального правового статуса субъекта, отражающего его правовое положение, нормативно закреплённый порядок исчисления налоговых вычетов по НДС не является исключением из общего правила.

Напротив, будучи составной частью совокупности адресованных каждому плательщику правил, устанавливающих общий порядок налогообложения НДС, порядок исчисления налоговых вычетов носит единый для всех плательщиков характер и не обеспечивает получение преимущества кем-либо из них. Тем самым вычеты по анализируемому налогу не являются средством юридической дифференциации правового положения плательщиков и не создают для плательщиков более благоприятный по сравнению с общим, льготный налоговый режим.

Налоговый вычет является обязательным составным элементом порядка исчисления НДС, без которого становится невозможным достижение нейтральности налогообложения. Соответственно, цель использования вычетов обусловлена не стремлением государства стимулировать направленность поведения плательщиков к отдельным видам экономической деятельности, а необходимостью предотвращения искажающего воздействия налогообложения на решения субъектов хозяйствования и (или) потребление. Иными словами, используемые в рамках исчисления НДС вычеты необоснованно рассматривать в качестве разновидности правовых стимулов.

Следует также отметить, что в тексте гл. 21 НК РФ и гл. 14 НК Республики Беларусь, регулирующих порядок налогообложения НДС, не прослеживается добровольность для плательщиков реализации субъективного права на применение соответствующих вычетов при исчислении причитающихся к уплате сумм налога. Напротив, нормы изложены таким образом, что применение налоговых вычетов является обязательным, императивным требованием для всех плательщиков налога («уменьшенная на сумму налоговых вычетов», «общая сумма НДС уменьшается»), что, как нам представляется, обусловлено конструктивными особенностями налога.

Таким образом, присущие налоговым вычетам при исчислении НДС характеристики не соответствуют совокупности признаков, квалифицирующих конкретное правовое явление в качестве правовой и (или) налоговой льготы, что исключает их отнесение к категории правовых (налоговых) льгот. В данной связи логичным представляется вывод, что налоговые вычеты по НДС представляют собой обязательный составной элемент исчисления причитающихся к уплате сумм НДС.

Заключение

На основании вышеизложенного налоговую льготу можно определить как специфический правовой режим, в рамках которого отдельные категории плательщиков определенного налога наделяются дополнительными возможностями юридического характера, обуславливающими получение ими преимущества в виде исчисляемой в денежном эквиваленте экономической выгоды. Каждое явление, претендующее на отнесение к категории налоговой льготы, должно соответствовать признакам, обозначенным в дефиниции категории «налоговая льгота». Соответственно, несовпадение анализируемого налогового явления хотя бы с одним из вышеприведенных критериев позволяет сделать вывод, что оно не относится к категории налоговых льгот.

Нулевая ставка, применяемая в рамках механизма исчисления НДС при осуществлении экспортных операций, представляется налоговой льготой, правомочие на применение которой обусловлено необходимостью выполнения предусмотренных налоговым законодательством условий. В отличие от нулевой ставки, налоговые вычеты по НДС не относятся к категории налоговых льгот, а представляют собой обязательный составной элемент исчисления причитающихся к уплате сумм НДС.

Список источников

1. Millar R. Taxable Amount: Fiscal Neutrality in Action // ECJ – Recent Developments in Value Added Tax. The Evolution of European VAT Jurisprudence and its Role in the EU Common VAT System / Ed. by Michael Lang, Pasquale Pistone, Josef Schuch, Claus Staringer, Donato Raponi. Vienna: LINDE, 2013. P. 223–245.
2. Herbain C.A. VAT Neutrality. Belgium: DIBT s.a. Promoculture-Larcier, 2015. 316 p.
3. Schenk A. Value Added Tax. A Comparative Approach // Alan Schenk, Victor Thuronyi, Wei Cui. Great Britain: Cambridge University Press, 2015. 543 p.
4. Рукавишников И.В. Дозволения в финансовом праве // Фундаментальные исследования. 2005. №3.
5. Морозова И.С. Теория правовых льгот: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2007. 449 с.
6. Яковенко Е.А. К вопросу о правовой природе иммунитетов. Соотношение категорий «иммунитет», «привилегия», «льгота» // Вестник Челябинского государственного университета. Право. Вып. 26. 2010. № 33 (214). С. 10–15.
7. Краснов А.В. К вопросу о правовых стимулах в действующем законодательстве // Актуальные проблемы экономики и права. 2007. № 1. С. 113–118.
8. Кокурина О.Ю. Об особенностях правовых поощрений // Научный вестник МГТУ ГА. 2011. № 170. С. 37–43.
9. Смирнова М.Г. Институционализация социального притязания в праве // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 2. С. 13–34.
10. Шапиро И.М. Юридическое равенство, ограничения, льготы и привилегии в правовом регулировании // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 1. С. 187–196.
11. Смирнова М.Г. Стратегия закрепления социальных притязаний в праве // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 711–719.
12. Репьев А.Г. Правовые категории «иммунитет», «привилегия», «льгота»: грани соприкосновения // Общественные науки. Политика и право. 2012. № 2(22). С. 12–20.
13. Мананкова Р.П. Специальный правовой статус как критерий классификации субъектов правоотношений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 1 (7).
14. Репьев А.Г. Текстообразующие элементы закрепления правовых преимуществ в понятийном аппарате юридического языка // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4 (28). С. 67–71.
15. Сільчанка М.У. Проблема абстрактності, формальної значимості, структури (будови) і ефектності норм права // Електронна бібліотека БГУ. 2021. URL: <http://elbib.bsu.by/handle/123456789/19755> (дата обращения: 21.11.2021).
16. Черкашина О.А. Налоговые льготы как правовой институт: автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2007. 18 с.
17. Титова М.В. Налоговые льготы: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 214 с.

18. Дзагоева М.Р. Налоговые льготы и санкции в условиях развития рыночной среды: На примере Республики Северная Осетия – Алания : дис. ... канд. экон. наук. Краснодар, 1999. 160 с.
19. Костанян Р.К. Правовое регулирование налоговых льгот в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 189 с.
20. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам предпринимательской деятельности и налогообложения» : решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 28 декабря 2015 г., № Р-1017/2015 // Официальный сайт Конституционного Суда Республики Беларусь. 2021. URL: <http://www.kc.gov.by/main.aspx?guid=41953> (дата обращения: 01.08.2021).
21. По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 2 статьи 18 и статьи 20 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации, 21 марта 1997 г., №5-П // СПС «КонсультантПлюс». 2021. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=13876> (дата обращения: 15.01.2021).
22. По делу о проверке конституционности подпункта «к» пункта 1 статьи 5 закона Российской Федерации «О налоге на добавленную стоимость» в связи с жалобой Закрытого акционерного общества «Конфетти» и гражданки И.В. Савченко : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации, 28 марта 2000 г. № 5-П // СПС «КонсультантПлюс». 2020. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=26660> (дата обращения: 15.01.2020).
23. По делу о проверке конституционности ряда положений закона Российской Федерации от 18 июня 1992 года «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в редакциях от 24 ноября 1995 года и от 12 февраля 2001 года), Федеральных законов от 12 февраля 2001 года «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”, от 19 июня 2000 года “О минимальном размере оплаты труда”» и от 7 августа 2000 года «О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации» в связи с запросами Верховного суда Российской Федерации и Октябрьского районного суда города Краснодара, жалобами граждан и общественных организаций чернобыльцев : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации, 19 июня 2002 г. № 11-П // СПС «КонсультантПлюс». 2020. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=37413> (дата обращения: 15.01.2020).
24. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Покладова Сергея Игоревича на нарушение его конституционных прав положениями подпунктов 2, 3 и 4 пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросам денежного довольствия военнослужащих и предоставления им отдельных льгот» : определение Конституционного Суда Рос. Федерации, 05 июня 2003 г. № 275-О // СПС «КонсультантПлюс». 2020. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54005/ (дата обращения: 15.01.2020).
25. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Таланкина Николая Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 2 статьи 56 Налогового кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Рос. Федерации, 05 февраля 2004 года № 43-О // Справочно-правовая система URISTU.com. Конституционный суд РФ. 2019. URL: <http://urlid.ru/aqjl> (дата обращения: 15.01.2019).
26. Смирных С.Е. Субъективные права налогоплательщиков в теории и на практике. М. : Изд-во Волтерс Клувер, 2009. 176 с.
27. Шепенко Р.А. Понятие налоговых поощрений в международных налоговых правилах // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. Вып. 1 (11). С. 69–76.
28. Морозова И.С. Льготы в российском праве: Вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 185 с.
29. Мирошник С.В. Правовые стимулы в российском законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1997. 167 с.
30. Матузов Н.И. Теория государства и права: учебник. // Образовательные ресурсы Интернета. Юриспруденция. 2021. URL: <http://www.alleng.ru/d/jur/jur052.htm> (дата обращения: 08.04.2021).
31. Черкашина О.А. Налоговые льготы как правовой институт : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 179 с.
32. Мерзляков К.В. Льготы и освобождения по налогу на добавленную стоимость : дис. ... канд. экон. наук. М., 2004. 203 с.
33. Соловьева Н.А. Налоговые вычеты и налоговые льготы: проблемы соотношения и законодательного закрепления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2010. 24 с.
34. Ивлев М.А. Институт налоговых льгот в налоговом праве // Законность и правопорядок в современном обществе. 2010. №1. С. 196–201.
35. Заниздра Д.Ю. Правовые основы использования налоговых льгот в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 165 с.
36. Финансовое право: Учебник / Денисова И.Г. [и др.]; под ред. проф. О.Н. Горбуновой. М.: Юристъ, 1996. 400 с.
37. Грачева Е.Ю. Налоговое право // Публичное право. 2020. URL: http://admin-pravo.ru/book_183_chapter_10_§_3_ENHementy_juridicheskogo_sostava_naloga.html (дата обращения: 08.04.2020).
38. Каирова Ф.А. Налоговые льготы в налоговой системе Российской Федерации : дис. ... канд. экон. наук. Владикавказ, 2006. 161 с.
39. Пепеляев С.Г. Правовое регулирование государственных и муниципальных доходов // Финансовое право : учебник / О.Н. Горбунова [и др.]; отв. ред. Е.Ю. Грачева, Г.П. Толстопятенко. М. : ТК Велби, Проспект, 2004. С. 154–315.
40. Грачева Е.Ю. Финансовое право России : учебник. М. : ТЕИС, 1995. 231 с.
41. Гавриленко В.Г. Финансовое право. Минск, 1998. 213 с.
42. Крохин Ю.А. Налоговое право России : учебник для вузов / под ред. Ю.А. Крохина. 2-е изд., перераб. М. : Норма, 2004. 720 с.
43. Финансовое право : учебник / под ред. О.Н. Горбуновой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2004. 495 с.
44. Тихиня В.Г. Инновационные нормы права в законодательстве Республики Беларусь // Электронная библиотека БГУ. 2023. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/29371> (дата обращения: 15.09.2023).
45. Финансовое право : учебник / отв. ред. Н.И. Химичева. М. : БЕК, 1995. 525 с.
46. Шувалова Е.Б. Система обложения налогом на добавленную стоимость в Российской Федерации : дис. ... д-ра экон. наук. М., 2003. 448 с.
47. Уакиева О.В. Понятие и виды налоговых льгот в Российской Федерации // Федеральный образовательный портал. ЭСМ: экономика – социология- менеджмент. 2010. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/04/1268029636/34.pdf> (дата обращения: 23.04.2023).
48. Крохин Ю.А. Применение нулевой ставки НДС: право или обязанность налогоплательщика // Налоговед. Журнал для профессионалов в налогообложении. 2014. URL: <http://nalogoved.ru/art/356> (дата обращения: 09.04.2014).
49. Киреева Е.Ф. Налог на добавленную стоимость: экономическая природа и общие проблемы взимания в странах ЕС и Республики Беларусь // Белорусский экономический журнал. 2009. № 1. С. 50–59.
50. Филина Ф.Н. Нулевая ставка НДС: льгота или дополнительная проблема? // Росбух. 2020. URL: <http://rosbuh.ru/?page=article&item=1623> (дата обращения: 09.04.2020).
51. Гизатулина С.В. Применение нулевой ставки НДС при вывозе товаров за границу // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2016. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-nulevoy-stavki-nds-pri-vyvoze-tovarov-za-granitsu> (дата обращения: 08.10.2023).
52. Финансовое право: учебник / Н.И. Химичева [и др.]; под ред. Н.И. Химичевой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2004. 749 с.
53. Кочкалов С.А. Правовое регулирование возмещения налога на добавленную стоимость по внешнеэкономическим сделкам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. 25 с.
54. Зубенкова В.А. Налог на добавленную стоимость и его экономическая роль: анализ западноевропейского опыта : автореф. ... дис. канд. экон. наук. М., 1999. 22 с.
55. Налоги и налогообложение / Русакова И.Г. [и др.]; под общ. ред. И.Г. Русаковой. М. : Финансы: Изд. об-е «ЮНИТИ», 1999. 494 с.

56. Черник Д.Г. Налоги в рыночной экономике. М. : Финансы: Изд. об-е «ЮНИТИ», 1997. 383 с.
57. Кирова О.А. Налоговый контроль по налогу на добавленную стоимость при экспорте товаров : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2006. 24 с.
58. Council Directive 2006/112/EC of 28 November 2006 on the common system of value added tax // EUR-Lex. Access to European Union Law. 2022. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32006L0112&qid=1477770231396&from=EN> (дата обращения: 29.10.2022).
59. Захаров А.С. Налоговое право ЕС: актуальные проблемы функционирования единой системы. М. : Волтерс Клувер, 2010. 672 с.
60. Terra B. Introduction to European VAT. Volume 1. 2016. Amsterdam: IBFD, 2016. 1670 p.
61. Amand C. VAT Exemptions / Christian Amand // CJEU – Recent Developments in Value Added Tax 2014. Series on International Tax Law. Univ.-Prof. Dr. Dr. h.c. Michael Lang (Editor). Volume 92. Vienna : LINDE, 2015. P. 133–150.
62. Малинина Т.А. Оценка налоговых льгот и освобождений. М. : Институт Гайдара, 2010. 210 с.
63. Можно ли нулевую ставку НДС рассматривать как льготу // Бухгалтер. 2022. URL: <http://buhgalter911.com/ShowArticle.aspx?a=20907> (дата обращения: 09.04.2022).
64. Клулько А. Нулевая ставка НДС: льгота или нет? // Бухгалтерия. Право-налоги-консультации. Газета украинской бухгалтерии. 2014. URL: <http://www.buhgalteria.com.ua/Hit.html?id=2881> (дата обращения: 09.04.2022).
65. В удовлетворении заявления о признании недействительным решения налоговой инспекции в части отказа в возмещении из федерального бюджета налога на добавленную стоимость и об обязанности инспекции осуществить возмещение суммы налога путем зачета в счет предстоящих платежей по НДС отказано правомерно, поскольку перевозчик не вправе был предъявлять к оплате налог на добавленную стоимость по ставке 18 процентов, а экспортер, соответственно, не вправе заявлять сумму такого налога к вычету : Постановление Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 20.12.2005 №9252/05 по делу №а75-295/2005 // Бизнес и власть. 2019. URL: <http://www.lawmix.ru/vas/125141> (дата обращения: 12.02.2019).
66. В удовлетворении заявления о признании недействительным решения налоговой инспекции в части отказа в возмещении из федерального бюджета налога на добавленную стоимость и об обязанности инспекции осуществить возмещение суммы налога путем зачета в счет предстоящих платежей по НДС отказано правомерно, поскольку перевозчик не вправе был предъявлять к оплате налог на добавленную стоимость по ставке 18 процентов, а экспортер, соответственно, не вправе заявлять сумму такого налога к вычету : Постановление Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 20.12.2005 №9263/05 по делу №а75-5584-а/04-296/2005 // Бизнес и власть. 2019. URL: <http://www.lawmix.ru/vas/125140> (дата обращения: 12.02.2019).
67. Постановление суда апелляционной инстанции: Оставить решение суда без изменения, жалобу без удовлетворения // РосПравосудие. 2019. URL: <http://urlid.ru/aq4c> (дата обращения: 12.02.2019).
68. Правила для бизнеса – 2010: Уроки судебных дел: Сборник / сост. М.В. Завязочникова ; под ред. С.Г. Пепеляева. М. : Альпина Паблишерз, 2010. 406 с.
69. Медведев А.Н. Что делать с «неправильным» НДС? // Налоговые консультанты. 2021. URL: <http://urlid.ru/aq4d> (дата обращения: 12.02.2021).
70. Никитина А.В. Применение нулевой ставки НДС при организации внешнеторговых перевозок // Налоговед. Журнал для профессионалов в налогообложении. 2006. № 9. С. 13–22. URL: <http://nalogoved.ru/art/380> (дата обращения: 12.02.2014).
71. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Открытого акционерного общества «Акционерная компания трубопроводного транспорта нефтепродуктов “Транснефтепродукт”» на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 1 статьи 164 Налогового кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного суда Российской Федерации от 15 мая 2007 г. № 372-О-П // Налоги и налоговый контроль. 2014. URL: <http://blogfiscal.ru/?p=12311> (дата обращения: 12.02.2014).
72. Попов В.В. Проблемные аспекты в решениях Конституционного Суда РФ // Налоговое право в решениях Конституционного суда Российской Федерации 2007 года : по материалам V Междунар.науч.-практ. конф. 11–12 апреля 2008 г. М. : Волтерс Клувер, 2009. 304 с.
73. Об отказе в принятии к рассмотрению запросов Арбитражного суда Омской области о проверке конституционности статей 21 и 23, подпунктов 10 и 11 пункта 5 статьи 169, подпункта 1 пункта 2 статьи 171 и пункта 1 статьи 172 Налогового кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Рос. Федерации, 05 марта 2009 г., № 468-О-О // СПС «КонсультантПлюс». 2019. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=89295> (дата обращения: 15.01.2019).
74. Определение Конституционного Суда РФ от 05.03.2009 г. № 468-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запросов Арбитражного суда Омской области о проверке конституционности статей 21 и 23, подпунктов 10 и 11 пункта 5 статьи 169, подпункта 1 пункта 2 статьи 171 и пункта 1 статьи 172 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». 2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89295/ (дата обращения: 12.02.2019).
75. Гречишкин А.А. Поощрение превратилось в наказание: о правовом регулировании операций, указанных в подпункте 2 пункта 1 статьи 164 Налогового кодекса РФ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. URL: http://www.szrf.ru/doc.phtml?nb=00_07&issid=2008010000&docid=18 (дата обращения: 12.02.2019).
76. Эльдаров С.Н. Зачет и возврат излишне уплаченных (взысканных) сумм. Финансово-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 185 л.
77. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Открытого акционерного общества «Акционерная компания трубопроводного транспорта нефтепродуктов “Транснефтепродукт”» на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 1 статьи 164 Налогового кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Рос. Федерации, 15 мая 2007, № 372-О-П // СПС «КонсультантПлюс». 2019. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=69608> (дата обращения: 15.01.2019).
78. Конституция и налоги: основные положения решений Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам налогообложения (1993–2007 гг.) / под ред. Л.О. Иванова, В.М. Зарипова. М. : Волтерс Клувер, 2009. 736 с.
79. Ecker T. VAT Deductions // ECJ – Recent Developments in Value Added Tax. The Evolution of European VAT Jurisprudence and its Role in the EU Common VAT System / ed. by Michael Lang, Pasquale Pistone, Josef Schuch, Claus Staringer, Donato Raponi. Vienna : LINDE, 2013. P. 339–360.
80. Ecker T. A VAT/GST Model Convention. Tax Treaties as a solution for value added tax and goods and services tax double taxation : PhD Thesis. Vienna, 2012. 385 p.
81. Januskova M. The principle of neutrality: VAT and direct taxes // Global Trends in VAT/ GST and direct taxes. Ed. by Sebastian Pfeiffer, Marlies Ursprung-Steindl. Wien : LINDE, 2015. 773 p. P. 137–164.
82. Финансовое право Российской Федерации: учебник / А.В. Брызгалов [и др.]; под ред. М.В. Карасева. М. : Юрист, 2004. 576 с.
83. International VAT/ GST Guidelines. November 2015 // OECD. 2020. URL: <https://www.oecd.org/ctp/consumption/international-vat-gst-guidelines.pdf> (дата обращения: 10.11.2020).
84. Joshua A. The Collection Efficiency of the Value-Added Tax: Theory and International // The National Bureau of Economic Research. Working paper 11539, August 2005. 2020. URL: <http://www.nber.org/papers/w11539.pdf> (дата обращения: 03.09.2020).
85. Common System of Value Added Tax (“the VAT Directive”) // Europe. Activities of the European Union. Summaries or Legislation. 2020. URL: <http://europa.eu/scadplus/leg/en/lvb/l31057.htm> (дата обращения: 06.12.2020).
86. Ежов Ю.А. Налоговое право : учеб. пособие. М. : Маркетинг, 2001. 172 с.

87. International Tax Dialogue: Key Issues and Debates in VAT, SME taxation and the tax treatment of the financial sector / Edited by Alan Carter // International Tax Dialogue. 2016. URL: www.itdweb.org (дата обращения: 26.10.2016).
88. Ульянова Е.С. Правовая природа налоговых вычетов, доходов, освобождаемых от налогообложения и не являющихся объектами налогообложения // Право.by. 2012. № 5. С. 77–83.
89. Брызгалов А.В. Практическая налоговая энциклопедия // Комментарии Российского законодательства. 2020. URL: http://kommentarii.org/nalog_inciklopediya/tom1/3.5.html (дата обращения: 23.04.2020).
90. Соловьёва Н.А. Налоговые вычеты и налоговые льготы: проблемы соотношения и законодательного закрепления. М. : КНОРУС, 2016. 216 с.
91. Суляева, Д.Д. Правовая природа налоговых вычетов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 18 с.
92. Гармаева М.А. Правовое регулирование налоговых вычетов в российском налоговом законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 208 с.
93. Сбежнев А.А. Вычеты по налогу на доходы физических лиц : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 196 с.
94. Воробьев Ю.А. НДС: налоговые вычеты. Способы оптимизации. Налоговый учет. М. : ИД ФБК-ПРЕСС, 2004. 184 с.

References

1. Millar, R. (2013) Taxable Amount: Fiscal Neutrality in Action. In: Lang, M. et al. *ECJ – Recent Developments in Value Added Tax. The Evolution of European VAT Jurisprudence and its Role in the EU Common VAT System*. Vienna: LINDE. pp. 223–245.
2. Herbain, C.A. (2015) *VAT Neutrality*. Belgium: DIBT s.a. Promoculture-Larcier.
3. Schenk, A., Thuronyi, V. & Cui, W. (eds) (2015) *Value Added Tax. A Comparative Approach*. Cambridge University Press.
4. Rukavishnikova, I.V. (2005) Dozvoleniya v finansovom prave [Permissions in financial law]. *Fundamental'nye issledovaniya*. 3. pp. 77.
5. Morozova, I.S. (2007) *Teoriya pravovykh l'got* [Theory of Legal Benefits]. Law Cand. Diss. Saratov.
6. Yakovenko, E.A. (2010) K voprosu o pravovoy prirode immunitetov. Sootnoshenie kategoriy “immunitet”, “privilegiya”, “l'gota” [On the issue of the legal nature of immunities. The relationship between the categories of “immunity”, “privilege”, “benefit”]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*. 33 (214). pp. 10–15.
7. Krasnov, A.V. (2007) K voprosu o pravovykh stimulakh v deystvuyushchem zakonodatel'stve [On the issue of legal incentives in the current legislation]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*. 1. pp. 113–118.
8. Kokurina, O.Yu. (2011) Ob osobennosti pravovykh pooshchreniy [On the specifics of legal incentives]. *Nauchnyy vestnik MGTU GA*. 170. pp. 37–43.
9. Smirnova, M.G. (2007) Institutsionalizatsiya sotsial'nogo prityazaniya v prave [Institutionalization of social claims in law]. *Leningradskiy yuridicheskij zhurnal*. 2. pp. 13–34.
10. Shapiro, I.M. (2010) Yuridicheskoe ravenstvo, ogranicheniya, l'goty i privilegii v pravovom regulirovanii [Legal equality, restrictions, benefits and privileges in legal regulation]. *Leningradskiy yuridicheskij zhurnal*. 1. pp. 187–196.
11. Smirnova, M.G. (2015) Strategiya zakrepleniya sotsial'nykh prityazaniy v prave [Strategy for securing social claims in law]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 9. pp. 711–719.
12. Rep'ev, A.G. (2012) Pravovye kategorii “immunitet”, “privilegiya”, “l'gota”: grani soprikozeniya [Legal categories “immunity”, “privilege”, “benefit”: points of contact]. *Obshchestvennye nauki. Politika i pravo*. 2 (22). pp. 12–20.
13. Manankova, R.P. (2009) Spetsial'nyy pravovoy status kak kriteriy klassifikatsii sub'ektov pravootnosheniy [Special legal status as a criterion for classifying subjects of legal relations]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*. 1 (7). pp. 17–21.
14. Rep'ev, A.G. (2014) Tekstootbrazuyushchie elementy zakrepleniya pravovykh preimushchestv v ponyatiynom apparate yuridicheskogo yazyka [Text-forming elements of securing legal advantages in the conceptual apparatus of legal language]. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 4 (28). pp. 67–71.
15. Sil'chanka, M.U. (2021) Problemy abagulenatsii, formal'nay aznachanatsii, struktury (budovy) i efektyunatsii norm prava [Problems of aggregation, pharmaceutical designation, structures (building) and the effects of legal norms]. *Elektronnaya biblioteka BGU*. [Online] Available from: <http://elbib.bsu.by/handle/123456789/19755> (Accessed: 21.11.2021).
16. Cherkashina, O.A. (2007) *Nalogovye l'goty kak pravovoy institut* [Tax benefits as a legal institution]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
17. Titova, M.V. (2004) *Nalogovye l'goty* [Tax benefits]. Law Cand. Diss. Saint Petersburg.
18. Dzagoeva, M.R. (1999) *Nalogovye l'goty i sanktsii v usloviyakh razvitiya rynochnoy sredy: Na primere Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya* [Tax benefits and sanctions in the conditions of development of the market environment: On the example of the Republic of North Ossetia–Alania]. Economics Cand. Diss. Krasnodar.
19. Kostanyan, R.K. (2008) *Pravovoe regulirovanie nalogovykh l'got v Rossiyskoy Federatsii* [Legal regulation of tax benefits in the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Moscow.
20. Constitutional Court of the Republic of Belarus. (2021) *On the conformity of the Constitution of the Republic of Belarus with the Law of the Republic of Belarus “On Amendments and Additions to Certain Laws of the Republic of Belarus on Entrepreneurial Activity and Taxation”*: decision of the Constitutional Court of the Republic of Belarus No. R-1017/2015 of December 28, 2015. [Online] Available from: <http://www.kc.gov.by/main.aspx?guid=41953> (Accessed: 01.08.2021). (In Russian).
21. Consultant Plus. (2021) *In the case of verifying the constitutionality of the provisions of the second paragraph of clause 2 of Article 18 and Article 20 of the Law of the Russian Federation of December 27, 1991 “On the Fundamentals of the Tax System in the Russian Federation”*: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 5-P of March 21, 1997. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=13876> (Accessed: 15.01.2021). (In Russian).
22. Consultant Plus. (2020) *In the case of verifying the constitutionality of subparagraph “k” of paragraph 1 of Article 5 of the Law of the Russian Federation “On Value Added Tax” in connection with the complaint of Closed Joint-Stock Company “Confetti” and citizen I.V. Savchenko: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 5-P of March 28, 2000*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=26660> (Accessed: 15.01.2020). (In Russian).
23. Consultant Plus. (2020) *In the case concerning the verification of the constitutionality of certain provisions of the Law of the Russian Federation of June 18, 1992 “On the Social Protection of Citizens Exposed to Radiation as a Result of the Chernobyl Nuclear Power Plant Disaster” (as amended on November 24, 1995 and February 12, 2001), the Federal Laws of February 12, 2001, “On Amendments and Supplements to the Law of the Russian Federation ‘On the Social Protection of Citizens Exposed to Radiation as a Result of the Chernobyl Nuclear Power Plant Disaster’”, of June 19, 2000 “On the Minimum Wage” and of August 7, 2000, “On the Procedure for Establishing the Amounts of Scholarships and Social Payments in the Russian Federation” in connection with inquiries from the Supreme Court of the Russian Federation and the Oktyabrsky District Court of the city of Krasnodar, complaints from citizens and public organizations of Chernobyl victims: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 11-P of June 19, 2002*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=37413> (Accessed: 15.01.2020). (In Russian).
24. Consultant Plus. (2020) *On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Sergei Igorevich Pokladov regarding the violation of his constitutional rights by the provisions of subparagraphs 2, 3 and 4 of paragraph 4 of Article 1 of the Federal Law “On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Issues of Monetary Allowance for Military Personnel and the Provision of Certain Benefits*

- to Them”: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 275-O of June 5, 2003. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54005/ (Accessed: 15.01.2020). (In Russian).
25. URISTU.com. (2019) *On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Nikolay Gennadievich Talankin regarding the violation of his constitutional rights by the provisions of paragraph 2 of Article 56 of the Tax Code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 43-O of February 5, 2004*. [Online] Available from: <http://urlid.ru/aqil> (Accessed: 15.01.2019). (In Russian).
 26. Smirnykh, S.E. (2009) *Sub'ektivnye prava nalogoplatel'shchikov v teorii i na praktike* [Subjective Rights of Taxpayers in Theory and Practice]. Moscow: Volters Kluver.
 27. Shepenko, R.A. (2011) *Ponyatie nalogovykh pooshchreniy v mezhdunarodnykh nalogovykh pravilakh* [The Concept of Tax Incentives in International Tax Rules]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. 1 (11). pp. 69–76.
 28. Morozova, I.S. (1999) *L'goty v rossiyskom prave: Voprosy teorii i praktiki* [Benefits in Russian Law: Theory and Practice]. Law Cand. Diss. Saratov.
 29. Miroshnikov, S.V. (1997) *Pravovye stimuly v rossiyskom zakonodatel'stve* [Legal Incentives in Russian Legislation]. Law Cand. Diss. Rostov-on-Don.
 30. Matuzov, N.I. (2021) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. *Obrazovatel'nye resursy Interneta. Yurisprudentsiya* [Educational Sources of the Internet. Law]. [Online] Available from: <http://www.alleng.ru/djur/jur052.htm> (Accessed: 08.04.2021).
 31. Cherkashina, O.A. (2007) *Nalogovye l'goty kak pravovoy institut* [Tax benefits as a legal institution]. Law Cand. Diss. Moscow.
 32. Merzlyakov, K.V. (2004) *L'goty i osvobozhdeniya po nalogu na dobavlenную стоимост'* [Benefits and exemptions for value added tax]. Economics Cand. Diss. Moscow.
 33. Solov'eva, N.A. (2010) *Nalogovye vychety i nalogovye l'goty: problemy sootnosheniya i zakonodatel'nogo zakrepleniya* [Tax deductions and tax benefits: problems of correlation and legislative consolidation]. Abstract of Law Cand. Diss. Voronezh.
 34. Ivlev, M.A. (2010) *Institut nalogovykh l'got v nalogovom prave* [Institute of tax incentives in tax law]. *Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve*. 1. pp. 196–201.
 35. Zanzdr, D.Yu. (2005) *Pravovye osnovy ispol'zovaniya nalogovykh l'got v Rossiyskoy Federatsii* [Legal bases for using tax incentives in the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Moscow.
 36. Gorbunova, O.N. et al. (eds) (1996) *Finansovoe pravo* [Financial Law]. Moscow: Yurist”.
 37. Gracheva, E.Yu. (2020) *Nalogovoe pravo* [Tax law]. *Publichnoe pravo* [Public Law]. [Online] Available from: http://admin-pravo.ru/book_183_chapter_10_§_3_EHlementy_juridicheskogo_sostava_naloga.html (Accessed: 08.04.2020).
 38. Kairova, F.A. (2006) *Nalogovye l'goty v nalogovoy sisteme Rossiyskoy Federatsii* [Tax benefits in the tax system of the Russian Federation]. Economics Cand. Diss. Vladikavkaz.
 39. Pepelyaev, S.G. (2004) *Pravovoe regulirovanie gosudarstvennykh i munitsipal'nykh dokhodov* [Legal regulation of state and municipal revenues]. In: Gorbunova, O.N. et al. (eds) *Finansovoe pravo* [Financial Law]. Moscow: TK Velbi, Prospekt. pp. 154–315.
 40. Gracheva, E.Yu. (1995) *Finansovoe pravo Rossii* [Financial Law of Russia]. Moscow: TEIS.
 41. Gavrilenko, V.G. (1998) *Finansovoe pravo* [Financial Law]. Minsk: Pravo i ekonomika.
 42. Krokhin, Yu.A. (2004) *Nalogovoe pravo Rossii* [Tax Law of Russia]. 2nd ed. Moscow: Norma.
 43. Gorbunova, O.N. (2004) *Finansovoe pravo* [Financial Law]. 2nd ed. Moscow: Yurist”.
 44. Tikhinya, V.G. (2023) *Innovatsionnye normy prava v zakonodatel'stve Respubliki Belarus'* [Innovative legal norms in the legislation of the Republic of Belarus]. *Elektronnaya biblioteka BGU*. [Online] Available from: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/29371> (Accessed: 15.09.2023).
 45. Khimicheva, N.I. (ed.) (1995) *Finansovoe pravo* [Financial Law]. Moscow: BEK.
 46. Shuvalova, E.B. (2003) *Sistema oblozheniya nalogom na dobavlenную стоимост' v Rossiyskoy Federatsii* [Value Added Tax System in the Russian Federation]. Economics Dr. Diss. Moscow.
 47. Uakieva, O.V. (2010) *Ponyatie i vidy nalogovykh l'got v Rossiyskoy Federatsii* [Concept and types of tax benefits in the Russian Federation]. *Federal'nyy obrazovatel'nyy portal. ESM: ekonomika – sotsiologiya– menedzhment*. [Online] Available from: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/04/1268029636/34.pdf> (Accessed: 23.04.2023).
 48. Krokhin, Yu.A. (2014) *Primenenie nulevoy stavki NDS: pravo ili obyazannost' nalogoplatel'shchika* [Application of zero VAT rate: right or obligation of the taxpayer]. *Nalogoved. Zhurnal dlya professionalov v nalogooblozhenii*. [Online] Available from: <http://nalogoved.ru/art/356> (Accessed: 09.04.2014).
 49. Kireeva, E.F. (2009) *Nalog na dobavlenную стоимост': ekonomicheskaya priroda i obshchie problemy vzimaniya v stranakh ES i Respubliki Belarus'* [Value Added Tax: economic nature and general problems of collection in the EU countries and the Republic of Belarus]. *Belorusskiy ekonomicheskii zhurnal*. 1. pp. 50–59.
 50. Filina, F.N. (2020) *Nulevaya stavka NDS: l'gota ili dopolnitel'naya problema?* [Zero VAT rate: benefit or additional problem?]. *Rosbukh*. [Online] Available from: <http://rosbukh.ru/?page=article&item=1623> (Accessed: 09.04.2020).
 51. Gizatullina, S.V. (2016) *Primenenie nulevoy stavki NDS pri vyvoze tovarov za granitsu* [Application of zero VAT rate when exporting goods abroad]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-nulevoy-stavki-nds-pri-vyvoze-tovarov-za-granitsu> (Accessed: 08.10.2023).
 52. Khimicheva, N.I. et al. (eds) (2004) *Finansovoe pravo* [Financial Law]. 3rd ed. Moscow: Yurist”.
 53. Kochkalov, S.A. (2010) *Pravovoe regulirovanie vozmeshcheniya naloga na dobavlenную стоимост' po vneshneekonomicheskim sdelkam* [Legal regulation of value added tax refunds on foreign trade transactions]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
 54. Zubenkova, V.A. (1999) *Nalog na dobavlenную стоимост' i ego ekonomicheskaya rol': analiz zapadnoevropeyskogo opyta* [Value added tax and its economic role: analysis of Western European experience]. Abstract of Economics Cand. Diss. Moscow.
 55. Rusakova, I.G. et al. (eds) (1999) *Nalogi i nalogooblozhenie* [Taxes and Taxation]. Moscow: Finansy: “YuNITI”.
 56. Chernik, D.G. (1997) *Nalogi v rynochnoy ekonomike* [Taxes in a Market Economy]. Moscow: Finansy: “YuNITI”.
 57. Kirova, O.A. (2006) *Nalogovyy kontrol' po nalogu na dobavlenную стоимост' pri eksporte tovarov* [Tax control over value added tax on export of goods]. Abstract of Economics Cand. Diss. Moscow.
 58. EUR-Lex. Access to European Union Law. (2022) Council Directive 2006/112/EC of 28 November 2006 on the common system of value added tax. *EUR-Lex. Access to European Union Law*. [Online] Available from: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32006L0112&qid=1477770231396&from=EN> (Accessed: 29.10.2022).
 59. Zakharov, A.S. (2010) *Nalogovoe pravo ES: aktual'nye problemy funktsionirovaniya edinoi sistemy* [EU Tax Law: Current Issues of Functioning of a Unified System]. Moscow: Volters Kluver.
 60. Terra, B. (2016) *Introduction to European VAT*. Vol. 1. Amsterdam: IBFD.
 61. Amand, C. (2015) VAT Exemptions. In: Lang, M. et al. (eds) *CJEU – Recent Developments in Value Added Tax 2014. Series on International Tax Law*. Vol. 92. Vienna: LINDE. pp. 133–150.
 62. Malinina, T.A. (2010) *Otsenka nalogovykh l'got i osvobozhdeniy* [Assessment of Tax Benefits and Exemptions]. Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy.
 63. Bukhgalter. (2022) *Mozhno li nulevuyu stavku NDS rassmatrivat' kak l'gotu* [Can the Zero VAT Rate Be Considered a Benefit]. *Bukhgalter*. [Online] Available from: <http://bukhgalter911.com/ShowArticle.aspx?a=20907> (Accessed: 09.04.2022).
 64. Klun'ko, A. (2014) *Nulevaya stavka NDS: l'gota ili net?* [Zero VAT rate: a benefit or not?]. *Bukhgalteriya. Pravo-nalogi-konsul'tatsii. Gazeta ukrainskoy bukhgalterii*. [Online] Available from: <http://www.bukhgalteria.com.ua/Hit.html?id=2881> (Accessed: 09.04.2022).

65. Biznes i vlast'. (2019) *The application to invalidate the decision of the tax inspectorate regarding the refusal to reimburse value added tax from the federal budget and to oblige the inspectorate to reimburse the tax amount by offsetting it against upcoming VAT payments was rightfully denied, since the carrier did not have the right to present value added tax for payment at a rate of 18 percent, and the exporter, accordingly, did not have the right to declare the amount of such tax for deduction: Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 9252/05 of December 20, 2005 in case No. a75-295/2005*. [Online] Available from: <http://www.lawmix.ru/vas/125141> (Accessed: 12.02.2019). (In Russian).
66. Biznes i vlast'. (2019) *The application to invalidate the decision of the tax inspectorate regarding the refusal to reimburse value added tax from the federal budget and to oblige the inspectorate to reimburse the tax amount by offsetting it against upcoming VAT payments was rightfully denied, since the carrier did not have the right to present value added tax for payment at a rate of 18 percent, and the exporter, accordingly, did not have the right to declare the amount of such tax as a deduction: Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 9263/05 of December 20, 2005 in case No. a75-5584-a/04-296/2005*. [Online] Available from: <http://www.lawmix.ru/vas/125140> (Accessed: 12.02.2019). (In Russian).
67. RosPravosudie. (2019) *Postanovlenie suda apellyatsionnoy instantsii: Ostavit' reshenie suda bez izmeneniya, zhalobu bez udovletvoreniya* [Ruling of the appellate court: To leave the court decision unchanged, the complaint without satisfaction]. *RosPravosudie*. [Online] Available from: <http://urlid.ru/aq4c> (Accessed: 12.02.2019).
68. Pepelyaev, S.G. (ed.) (2010) *Pravila dlya biznesa – 2010: Uroki sudebnykh del* [Rules for Business – 2010: Lessons from Court Cases]. Moscow: Al'pina Publisherz.
69. Medvedev, A.N. (2021) *Chto delat' s "nepravil'ny'm" NDS?* [What to do with the "wrong" VAT?]. *Nalogovye konsul'tanty*. [Online] Available from: <http://urlid.ru/aq4d> (Accessed: 12.02.2021).
70. Nikitina, A.V. (2006) *Primenenie nulevoy stavki NDS pri organizatsii vneshnetorgovykh perevozok* [Application of zero VAT rate in organizing foreign trade transportation]. *Nalogoved. Zhurnal dlya professionalov v nalogooblozhenii*. 9. pp. 13–22. [Online] Available from: <http://nalogoved.ru/art/380> (Accessed: 12.02.2014).
71. Blog Fiskala [A Fiscal Blog]. (2014) *On refusal to accept for consideration the complaint of the Open Joint-Stock Company "Joint-Stock Company for Pipeline Transportation of Oil Products "Transnefteprodukt" on the violation of constitutional rights and freedoms by the provisions of paragraph 1 of Article 164 of the Tax Code of the Russian Federation: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 372-O-P of May 15, 2007*. *Blog Fiskala* [A Fiscal Blog]. [Online] Available from: <http://blogfiscal.ru/?p=12311> (Accessed: 12.02.2014). (In Russian).
72. Popov, V.V. (2009) [Problematic aspects in decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Nalogovoe pravo v resheniyakh Konstitutsionnogo suda Rossiyskoy Federatsii 2007 goda* [Tax Law in Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in 2007]. Proceedings of the 5th International Conference. Moscow. 11–12 April, 2008. Moscow: Volterc Kluver. (In Russian).
73. Consultant Plus. (2019) *On the refusal to accept for consideration the requests of the Arbitration Court of Omsk Oblast to verify the constitutionality of Articles 21 and 23, subparagraphs 10 and 11 of paragraph 5 of Article 169, subparagraph 1 of paragraph 2 of Article 171 and paragraph 1 of Article 172 of the Tax Code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 468-O-O of March 5, 2009*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=89295> (Accessed: 15.01.2019). (In Russian).
74. Consultant Plus. (2019) *On refusal to accept for consideration requests of the Arbitration Court of the Omsk Region to verify the constitutionality of Articles 21 and 23, subparagraphs 10 and 11 of paragraph 5 of Article 169, subparagraph 1 of paragraph 2 of Article 171 and paragraph 1 of Article 172 of the Tax Code of the Russian Federation. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 468-O-O of March 5, 2009*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89295/ (Accessed: 12.02.2019). (In Russian).
75. Grechishkin, A.A. (2019) *Pooshchrenie prevratilos' v nakazanie: o pravovom regulirovanii operatsiy, ukazannykh v podpunkte 2 punkta 1 stat'i 164 Nalogovogo kodeksa RF* [Incentive turned into punishment: on the legal regulation of transactions specified in subparagraph 2 of paragraph 1 of Article 164 of the Tax Code of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. [Online] Available from: http://www.szrf.ru/doc.phtml?nb=00_07&issid=2008010000&docid=18 (Accessed: 12.02.2019).
76. El'darov, S.N. (2008) *Zachet i vozvrat izlishne uplachennoy (vzyskannoy) summ. Finansovo-pravovoy aspekt* [Offset and refund of overpaid (collected) amounts. Financial and legal aspect]. Law Cand. Diss. Moscow.
77. Consultant Plus. (2019) *On the refusal to accept for consideration the complaint of the Open Joint-Stock Company "Joint-Stock Company for Pipeline Transportation of Oil Products "Transnefteprodukt" on the violation of constitutional rights and freedoms by the provisions of paragraph 1 of Article 164 of the Tax Code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 372-O-P of May 15, 2007*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=69608> (Accessed: 15.01.2019). (In Russian).
78. Ivanova, L.O. & Zaripova, V.M. (eds) (2009) *Konstitutsiya i nalogi: osnovnye polozheniya resheniy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii po voprosam nalogooblozheniya (1993–2007 gg.)* [The Constitution and taxes: the main provisions of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on taxation issues (1993–2007)]. Moscow: Volters Kluver.
79. Ecker, T. (2013) VAT Deductions. In: Lang, M. et al. (eds) *ECJ – Recent Developments in Value Added Tax. The Evolution of European VAT Jurisprudence and its Role in the EU Common VAT System*. Vienna: LINDE. pp. 339–360.
80. Ecker, T. (2012) *A VAT/GST Model Convention. Tax Treaties as a solution for value added tax and goods and services tax double taxation*. PhD Thesis. Vienna.
81. Januskova, M. (2015) The principle of neutrality: VAT and direct taxes. In: Pfeiffer, S. & Ursprung-Steindl, M. (eds) *Global Trends in VAT/ GST and direct taxes*. Vienna: LINDE. pp. 137–164.
82. Bryzgalin, A.V. (2004) *Finansovoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Financial Law of the Russian Federation]. Moscow: Yurist'.
83. OECD. (2020) International VAT/GST Guidelines. November 2015. *OECD*. [Online] Available from: <https://www.oecd.org/ctp/consumption/international-vat-gst-guidelines.pdf> (Accessed: 10.11.2020).
84. Joshua, A. (2020) The Collection Efficiency of the Value-Added Tax: Theory and International. *The National Bureau of Economic Research. Working paper 11539*, August 2005. [Online] Available from: <http://www.nber.org/papers/w11539.pdf> (Accessed: 03.09.2020).
85. Europe. Activities of the European Union. Summaries or Legislation. (2020) Common System of Value Added Tax ("the VAT Directive"). *Europe. Activities of the European Union. Summaries or Legislation*. [Online] Available from: <http://europa.eu/scadplus/leg/en/lvb/l31057.htm> (Accessed: 06.12.2020).
86. Ezhov, Yu.A. (2001) *Nalogovoe pravo* [Tax Law]. Moscow: Marketing.
87. Carter, A. (2016) International Tax Dialogue: Key Issues and Debates in VAT, SME taxation and the tax treatment of the financial sector. In: Carter, A. (ed.) *International Tax Dialogue*. [Online] Available from: www.itdweb.org (Accessed: 26.10.2016).
88. Ul'yanova, E.S. (2012) *Pravovaya priroda nalogovykh vychetov, dokhodov, osvobozhdaemykh ot nalogooblozheniya i ne yavlyayushchikhsya ob'ektami nalogooblozheniya* [Legal nature of tax deductions, incomes exempt from taxation and not subject to taxation]. *Pravo.by*. 5. pp. 77–83.
89. Bryzgalin, A.V. (2020) *Prakticheskaya nalogovaya entsiklopediya* [Practical Tax Encyclopedia]. *Kommentarii Rossiyskogo zakonodatel'stva*. [Online] Available from: http://kommentarii.org/nalog_inciplopediy/tom1/3.5.html (Accessed: 23.04.2020).
90. Solov'eva, N.A. (2016) *Nalogovye vychety i nalogovye l'goty: problemy sootnosheniya i zakonodatel'nogo zakrepleniya* [Tax Deductions and Tax Benefits: Problems of Correlation and Legislative Enshrinement]. Moscow: KNORUS.
91. Sulyaeva, D.D. (2013) *Pravovaya priroda nalogovykh vychetov* [Legal nature of tax deductions]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.

92. Garmaeva, M.A. (2008) *Pravovoe regulirovanie nalogovykh vychetov v rossiyskom nalogovom zakonodatel'stve* [Legal regulation of tax deductions in Russian tax legislation]. Law Cand. Diss. Moscow.
93. Sbezhev, A.A. (2010) *Vychety po nalogu na dokhody fizicheskikh lits* [Deductions on personal income tax]. Law Cand. Diss. Moscow.
94. Vorob'ev, Yu.A. (2004) *NDS: nalogovye vychety. Sposoby optimizatsii. Nalogovyy uchët* [VAT: Tax deductions. Optimization methods. Tax accounting] Moscow: ID FBK-PRESS.

Информация об авторе:

Швед Ю.Н. – магистр гуманитарных наук, магистр права, партнер налоговой практики Международной юридической компании «Лексефискал» (Минск, Республика Беларусь); Белорусский государственный университет (Минск, Республика Беларусь). E-mail: ynshved@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yr.N. Shved, Master of Humanities, Master of Laws, partner, International Law Firm “Lexefiscal”, LLP (Minsk, Republic of Belarus); Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ynshved@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.10.2023;
одобрена после рецензирования 11.04.2024; принята к публикации 30.04.2024.*

*The article was submitted 24.10.2023;
approved after reviewing 11.04.2024; accepted for publication 30.04.2024.*